

ЗАБЕЛИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ –
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ЗАБЕЛИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

*Государственный
исторический музей
регулярно проводит
научные чтения —
в память о заслугах
перед отечественным
музееведением русского
историка
Ивана Егоровича Забелина.
Ставшие традиционными
Забелинские сборники
(первый выпуск — в 1990 г.)
знакомят научную
общественность
с последними
исследованиями историков,
которые ведутся
не только в стенах музея,
но и за его пределами.*

ГИМ
150 ЛЕТ

ISBN 978-5-89076-447-8

9 785890 764478

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Выпуск 219
Забелинские научные чтения — 2020

**ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ —
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ**

*Ответственный редактор
кандидат исторических наук А.Д. Яновский*

Москва
2022

УДК 930
ББК 63
312

Публикуется по решению
Редакционно-издательского совета ГИМ

312 Забелинские научные чтения — год 2020: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. М., 2022. Вып. 219. 496 с. : ил.

ISBN 978-5-89076-447-8

В книге публикуются материалы Забелинских научных чтений 2020 г. по изучению и популяризации памятников российской истории и культуры. Вниманию читателей представлены неизвестные ранее материалы о жизни И.Е. Забелина, интереснейшие архивные источники, касающиеся древней и современной истории России и Москвы, исследования в области изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Часть работ знакомят читателя с различными видами музейной деятельности, с меценатами-коллекционерами, внесшими свой вклад в пополнение музейных собраний.

Издание адресовано историкам, искусствоведам, культурологам, музейным сотрудникам и студентам.

УДК 930
ББК 63

На обложке: В.О. Шервуд. Портрет И.Е. Забелина. 1871 г.

ISBN 978-5-89076-447-8

© Исторический музей, 2022
© А.Н. Белов, макет, 2022

Часть первая

Иван Егорович Забелин.
Научная и общественная деятельность

Иван Егорович Забелин — лицо эпохи

Иван Егорович Забелин родился 17 сентября 1820 г. в Твери. Его дед был сельским священником, отец служил мелким чиновником. В 1821 г. будущий историк осиротел. Мать Вани, овдовев, оказалась в сложной жизненной ситуации. С того момента многое в судьбе мальчика зависело в первую очередь от него самого и от его способностей, которых оказалось достаточно, чтобы годы спустя Иван Егорович получил признание как выдающийся русский историк, археолог, этнограф, организатор музейного дела и один из основателей Исторического музея. Но достаточно ли перечисленных эпитетов, чтобы определить всю суть научной и духовной деятельности этого выдающегося человека?..

Курс историографии на историческом факультете МГУ включает лекции, посвященные тем деятелям науки и культуры, чьи юбилеи отмечаются в текущем учебном году. В их числе — лекция об И.Е. Забелине. Обычно его представляют музейщиком, краеведом, знатоком русского быта и историком повседневности. И вот именно такой взгляд на Забелина кажется несправедливым. Изучая историографию Забелина, его труды, понимаешь, что прежде всего это выдающийся мыслитель, разработавший научный метод, основанный на сформулированном им понятии «лицо эпохи».

И.Е. Забелин прожил долгую жизнь, многое видел и многое наблюдал. Масштабное пространство истории простиралось перед ним. Он соприкасался со всеми выдающимися историками своего времени. Представить его сегодня исключительно как прикладника просто невозможно.

Иван Егорович разделил все поле исторического познания на две части. Одна часть — пространство публицистическое. Там оказались публикации источников, славянофилы и западники, народники и все те, кто зависел от модных новых идей. Это про-

странство сформировало, по мнению историка, ложные представления о нашей древности, о Древней Руси. В том числе ложные стереотипы об общине, об особом вечевом строе и т. д. Идеи славянофилов — это еще не историческое знание, полагал Иван Егорович. Это лишь эскизы, проекты. Он анализировал и такие «мимоходящие мысли», и результаты их применения к материалам историческим.

Другая часть — гуманитарная историческая наука, определяемая Забелиным как историко-филологическое знание. Здесь можно использовать метод научный, более того — естественно-научный, а значит, можно надеяться и на конкретный результат. Что лежит в основе историко-филологического знания и является его ядром? Народность. Именно предметность занимает и увлекает Забелина. Он редко говорит о триаде «Православие. Самодержавие. Народность», предложенной С.С. Уваровым. Однажды сказав, что насильно верить не заставишь, Иван Егорович закрыл эту дверь и остался в пространстве народности. Вот центр его метафизики.

«Действуя положительной стороною, идея народности выдвинула на первый план изучение народного быта во всех его явлениях и положениях, изучение так называемой культуры, разъяснению которой особенно много и даже больше всего способствуют современные историко-литературные и филологические труды, открывшие и объяснившие столько любопытных и важных памятников народной старины. В этих трудах собственно идея народности приобретает свой положительный смысл и свое истинное значение, и в них же лежит основание вполне критической и вполне верной обработки истории нашей народности. Конечно, в иных случаях и здесь протестолюбивая и отрицающая сторона идеи являет также свою силу; но одностороннее действие этой силы здесь вполне выкупается строгостью и основательностью метода, который всегда довольно резко отделяет мимоходящую модную мысль от положений и заключений самой науки»¹.

Он воспринимал понятие «народность» широко, включая в него в том числе и народный быт. Более того, он не отделял «служилых» от народа, ведь служилое братство русских людей — сегодня пахари войны, а завтра — уже пахари труда. Забелин «ушел» в древность и продолжил изучение истории русского быта, русской народности, говорил о русском начале. О чисто русском начале. Для него существовало живое целое, которое нельзя познать с помощью юридического или экономического инструментария.

Иван Егорович предложил заходить в живое пространство истории. Он рекомендовал использовать все, в чем заключаются коренные основы нашей народности. Коренные основы нашего искусства — иконопись; коренные основы нашей образованности — церковная книжность. Если вычеркнуть церковную книжность из пространства познания, у нас не будет основы для понимания и интерпретации допетровской образованности.

Коренные основы нашей жизни — эта та земля, та почва, из которой произрастают личности. Собираательная личность эпохи вырастает из этой народной почвы. Размышляя о нашей древней истории, Забелин стремился раскрыть ее положительные начала. Но, будучи принципиальным противником презентистского подхода к истории, он не боялся черных пятен в ней. Брать только белое — значит лишать историю объема и правды. Более того, генезис черного, уродливого яснее и четче, чем генезис белого, показывает ее природу. Надо искать ответы на вопрос, как образовалось это уродство, а не изымать из истории страницы, которые нам неудобны.

Иван Егорович изучал историю Москвы. И в этой сфере научной деятельности также прослеживается его индивидуальный взгляд. Забелина в первую очередь интересовали не улицы, дома и соборы, а люди, их жизнь и заботы. Не в том дело, какво городское пространство. Оно интересно, когда несет в себе отпечаток минувшего. Улица в Москве, названная в честь Забелина, — это замечательно. Но если люди перестанут ходить по ней в Историческую библиотеку, значимость названия исчезнет.

В заглавие статьи вынесена еще одна «формула», предложенная Иваном Егоровичем, — «лицо эпохи». Личность в истории, человек в истории, «лицо эпохи» — для историка понятия одного порядка. Чтобы распознать «лицо эпохи», надо, по мнению Забелина, отступить на тридцать лет назад. Это еще один его метод, позволяющий понять, что сформировало сегодняшних лидеров.

На примере Петра Великого Забелин демонстрирует данный метод. «...Передовые люди, в том или другом отношении, прямо или косвенно, служат всегда полною характеристикою общества, а стало быть всего народа, т. е. своей родной почвы. Это происходит даже и тогда, когда они делаются выразителями идей, как говорят, навейных с ветру, т. е. идей, чуждых народной жизни или собственно чуждых известным ей представлениям и формам, ибо и это чужое всегда является своеземным характером выражения»².

Развивая свои методы, Забелин неизбежно обращается к эпохе Алексея Михайловича и к самому Алексею Михайловичу. Нельзя

обойти вниманием его отношение к этому самодержцу, ибо тут мы можем видеть не просто отношение к личности, не просто гуманитарное или историко-филологическое знание, а их синтез.

Забелин создал собирательный образ со всеми его сильными и слабыми сторонами на примере Алексея Михайловича. Даже говоря о внешности данного государя, он описывает типичного русского человека. Вне какой-то социальности — по повадкам, по смыслу, по образу. Но ученый не останавливается на внешней характеристике, он идет дальше. В его распоряжении — письма самодержца. Многие их читали. В.Н. Татищев, например, был знаком с ними и мог составить свое заключение о времени Алексея Михайловича, однако сделал это именно Забелин, которого интересовала тема «Петр и допетровские преобразования».

Форма петровских преобразований казалась неожиданной, а по сути они являлись чисто русскими. Такие преобразования мог затеять только русский человек.

Понять Алексея Михайловича — значит понять русского человека. Живая личность, натура любящая, выразительная, простодушная, необыкновенно искренняя и свободная, прямодушно высказывающаяся, с тончайшими движениями чувств, даровитый, умный и правдивый человек, с твердыми нравственными достоинствами. Более всего в жизни он ценил «стройство» и порядок. Страстный человек. Страсть для Забелина — свидетельство «благодарных направлений вкуса»³.

Вот и сложился образ русского человека допетровской эпохи. Он во всем ищет «стройство» и порядок, он также наделен благодарным направлением вкуса. Именно эта собирательная личность и доросла до реформ.

Иван Егорович гуманитарно рассматривал нашу древнюю историю. Для этого ему понадобилось прибегнуть к старому русскому языку. В первую очередь к языку древних памятников и традиций. Ученый укорял С.М. Соловьева и некоторых его современников за то, что они слишком легко отказываются от старого правописания, от старого звучания имен и старых языковых форм. В частности, Забелин подчеркивал, что понятия «красота» и «удивление» имеют в своей основе общую семантику — понятие «диво». Данный пример показывает, что язык он воспринимал как исторический факт. Это — язык источников, язык памятников.

«Непосредственное, прямое знакомство с источниками, а главное, особенное уважение к *старому слову*, к *старой речи*, которыми всегда характеризуется изложение истории России, приносит свои добрые плоды — вырабатывается, хотя и постепенно,

склад рассказа, вполне соответственный характеру событий и лиц, что составляет немаловажное преимущество историка, ибо таким только складом рассказа дается правильное, истинное, а не фальшивое освещение всей картине, всему повествованию. Известно, сколько было внесено в разработку нашей истории фальшивых, ложных понятий и представлений только по той причине, что употреблялись не соответствующие делу слова»⁴.

Когда Забелин поставил в центр своего метода не источник, не язык, не скифские артефакты, не те культурные ценности, которые они изучали с Солнцевым, не музейный предмет, а человека, его душевный строй, психологию, когда ученый рассмотрел нашу древнюю историю с гуманитарной точки зрения, он и начал так плодотворно работать по созданию музея. Иван Егорович осознал, что только в музее можно показать народ, его традиции и быт, его выдающихся представителей. Только через экспозицию можно составить портрет эпохи, портрет личности, сформированной этой эпохой. И это один из главных принципов, положенных в основу создания Исторического музея.

¹ Современные взгляды и направления в русской истории // *Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи И.Е. Забелина.* Ч. II. М., 1872. С. 353.

² *Русская личность и русское общество накануне петровской реформы // Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи И.Е. Забелина.* Ч. II. М., 1872. С. 88.

³ Там же. С. 214—215.

⁴ Там же. С. 82—83.

Э.В. Шульгина

Памятники паломнической литературы
в собрании И.Е. Забелина
отдела рукописей ГИМ

Иван Егорович Забелин — человек неординарной судьбы, проживший долгую, сложную и интересную жизнь, был еще и страстным коллекционером. Он собирал старопечатные книги, рукописи, лубочные листы, гравюры, прориси, архивные документы. Собранная им коллекция рукописных книг насчитывает 702 единицы хранения и включает уникальные памятники истории, агиографии, а также русской и переводной литературы X—XIX вв.¹

Основную ценность собрания Забелина составляют Сборники, которые существовали на Руси изначально. По их составу можно было судить о литературных вкусах читателей того или иного времени. Поэтому не случайно они представлены в таком большом количестве — 180 рукописей XV—XIX вв.

То же самое можно сказать и о житиях, в собрании их насчитывается 140 списков, большинство — жития русских святых. Среди них особенно полно представлены жития северных святых.

Научные интересы Ивана Егоровича Забелина хорошо прослеживаются в памятниках его собрания — это и история древней Руси, русские жития, быт и нравы русского народа, история Москвы и др. Большой интерес Забелин проявлял к памятникам паломнической литературы, в его собрании более 20 «Хождений». Все рассматриваемые хождения из собрания Забелина находятся в составе Сборников:

«Житие и хождение игумена Даниила» является одним из древнейших памятников описания паломничества в Святую Землю. Это житие послужило образцом для последующих описаний путешествий. Сам жанр паломнической литературы, как и другие литературные жанры, имел свою структуру и развивался в определенных рамках. «Хождение» Даниила — распространенный литературный памятник, который сохранился до наших дней в 150 списках. В собрании Забелина находятся два полных списка². Наши списки, оба датированные, находятся в составе Сборников 1675 г. и 1692 г.

«Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945» сохранилось в 18 списках. В собрании Забелина два списка: один находится в составе Хронографа XVII в.³, другой — в составе Сборника 1706 г.⁴ «Исхождение Авраамия...» представляет собой путевые заметки суздальского епископа Авраамия о русском посольстве во главе с митрополитом Исидором в Италию на Флорентийский собор 1437—1439 г. Оно содержит интересные сведения о целом ряде западноевропейских стран: Ливонии, Германии, Италии, Сербии, Польше, Литве. В нем подробно описаны увиденные Авраамием во флорентийских соборах театрализованные действия на евангельские сюжеты — Благовещение и Вознесение, а также содержатся интересные исторические сведения о ходе Ферраро-Флорентийского собора, фиксируется акт подписания Флорентийской унии в 1439 г.

В «Проскинитарий» Арсения Суханова — церковного деятеля и дипломата, описывается путешествие на Восток в 1651—1653 гг. Суханов, выполняя дипломатические поручения царя Алексея Михайловича, ездил в Константинополь, Иерусалим, Александрию и Синай для сбора сведений о состоянии церквей и религиозных воззрений населения. Памятник известен в двух редакциях — подробной и сокращенной. В собрании Забелина находится один список «Проскинитария» краткой редакции 1694 г.⁵

«Проскинитарий» — уникальный памятник путевой литературы с чертами публицистики и деловой письменности. В жанре «Хождений» наблюдаются новые черты, представляющие своеобразный итог развития этого жанра Древней Руси: тексты трансформируются, включая в себя установившиеся в XII в. жанровые черты с новаторскими преобразованиями, характерными для нового времени.

«Хождение старца Леонтия в Святую Землю в 1702 году» представлено одним списком XIX в.⁶ Автор — священник-старообрядец, путешественник. «Хождение Иоанна Лукьянова» историки литературы относят к ранним образцам русского демократического барокко, которому свойственно динамическое повествование и привнесение в текст личных оценок и впечатлений. С точки зрения жанра произведение можно отнести к переходному этапу от традиционного «Хождения» к жанру путешествий — от «Хождения Трифона Коробейникова» и «Проскинитария» Арсения Суханова к «Путешествию Григоровича-Барского»⁷.

В собрании И.Е. Забелина из 20 списков «Хождений» 13 — это «Хождения Трифона Коробейникова» в списках XVI—XVIII вв. Наличие большого количества объясняется не только тем, что

«Хождение Трифона Коробейникова» было самым популярным «Хождением» на Руси (оно сохранилось в 400 списках⁸), но и научными интересами И.Е. Забелина. Имея большое количество списков «Хождения Трифона Коробейникова», Забелин, безусловно, просматривая рукописи, был знаком с этим сочинением, поэтому не случайно он обратил внимание на схожесть текстов этого «Хождения» с «Хождением Василия Познякава». И.Е. Забелин был один из первых исследователей, кто подметил идентичность текстов «Хождения Василия Познякава по святым местам» и «Хождения по святым местам Трифона Коробейникова». В 1884 г. в ЧОИДР было опубликовано исследование И.Е. Забелина «Хождение купца Василия Познякава в Иерусалим и по иным святым местам в 1558 году»⁹. Кроме исследования, здесь же был опубликован текст «Хождения» с единственного списка, известного в то время, из библиотеки Императорского Общества Истории Древностей (№ 214, по описанию Строева), Сборника 1657 г., составленного и написанного стольником, князем Василием Васильевичем Кропоткиным. «Хождение» имело название — «Послание царя Ивана Васильевича к Александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Василием Позняковым и Хождение купца Познякава в Иерусалим и по иным святым местам 1558 года»¹⁰. Это была первая публикация этого памятника и первое обращение к его истории.

До публикации И.Е. Забелина авторство «Хождения Трифона Коробейникова» считалось безусловным. «Множество сохранившихся списков Трифонова путешествия уже достаточно показывает, что в XVII в. и в первой половине XVIII столетия оно было, можно сказать, настольной книжкою для всех русских грамотных людей, желавших узнать и созерцать Святые места со всеми их достопримечательностями, хотя бы и по письменному рассказу»¹¹. Сомнение внес И.Е. Забелин, опубликовав неизвестный ранее памятник. В своем предисловии к изданию Забелин отметил идентичные места текста «Хождений» и не схожие, отметив зависимость сочинения Трифона Коробейникова от «Хождения Василия Познякава». В результате проведенного исследования И.Е. Забелин сделал заключение: «Из сличения этих записок со Сказанием Познякава становится очевидным, что самостоятельного рассказа о путешествии Трифона Коробейникова вовсе не существует...»¹². Мнение Забелина было поддержано ученым, исследователем древнерусской литературы Х.М. Лопаревым, издавшим текст «Хождения Трифона Коробейникова» в 1887 г.¹³ Оба ученых считали «Хождение Трифона Коробейникова» не самостоятельным сочинением, а плагиатом. Хотя Забелин все-таки

отмечал, что составитель записок иначе расположил свое повествование и в начале, и в конце его повествования записаны собственные наблюдения, и «само собой разумеется, что при описании одних и тех же мест и достопамятностей, одних и тех же обстоятельств, весьма возможно впасть в те же слова и выражения, какие употребил другой очевидец»¹⁴. При этом он подчеркивал, что в «Хождении Трифона Коробейникова» отсутствует живое, самостоятельное наблюдение. Эту же точку зрения поддержали последующие исследователи, изучавшие этот вопрос: В.П. Адрианова-Перетц, О.В. Творогов, О.А. Белоброва¹⁵. В.В. Кусков в своем учебнике «История древнерусской литературы» высказывает мнение, что «Хождение Василия Позняка» в конце XVII в. было переработано неизвестным автором и получило широкое распространение как «Хождение Трифона Коробейникова»¹⁶. Среди исследователей была распространена версия, что Трифон Коробейников в первый раз не доехал до Палестины и не был в Иерусалиме, на Афоне и на Синае. И что архивными документами его путешествие на Афон и Синай нигде не подтверждается. Но часть исследователей не приняла эту точку зрения и продолжала искать подтверждение присутствия Коробейникова в Палестине и на Синае.

Большое внимание в вопросе текстологии и происхождения русских «Хождений» занимает публикация М.А. Голубцовой. В своем исследовании «К вопросу об источниках древнерусских Хождений во Святую Землю». «Поклонение св. града Иерусалима» 1531 г.¹⁷, проследив списки ранних греческих «Хождений», сравнивая их тексты с первыми русскими «Хождениями», она пришла к заключению, что содержание и стиль древнерусских «Хождений» создавались под воздействием «греческих Проскинитариев» — путеводителей, которые существовали для паломников с VIII в. Из них наши авторы «Хождений» заимствовали основные сведения, а также форму изложения и именно греческая паломническая литература оказала воздействие на развитие русской паломнической литературы.

Греческие «Проскинитарии» в подлинниках, переводах и переделках по мере развития паломнического движения стали попадать на Русь. Они не только влияли на древнерусского читателя, составлявшего по ним представление о святых местах, но и служили для наших паломников-писателей образцом для подражания или даже источником прямого заимствования. Появление переводной с греческого паломнической литературы становится особенно заметно в России с XV—XVII вв.¹⁸

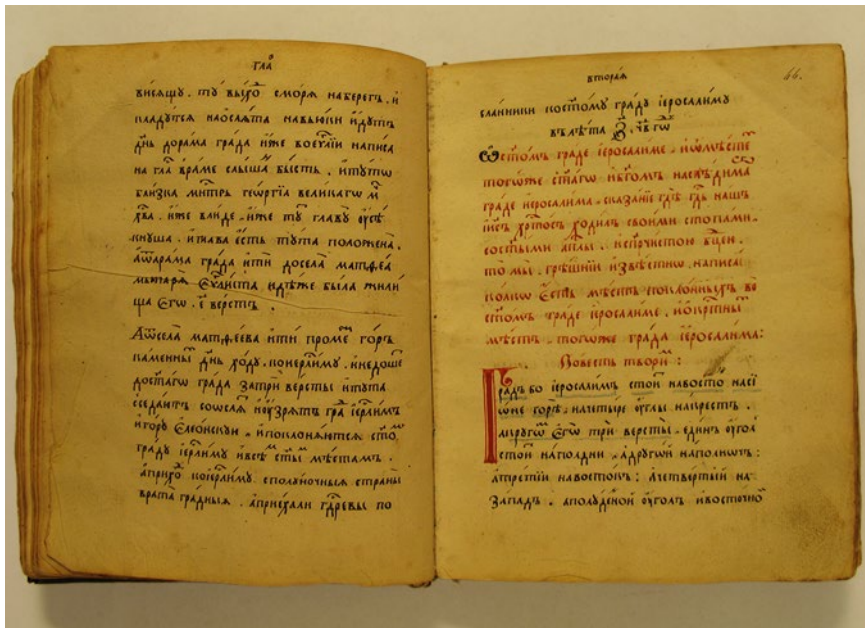

Рис. 1. «Хождения Трифона Коробейникова». Описание града Иерусалима. ГИМ Забел. № 473. Сборник 1694 г. Л. 65об.–66

М.А. Голубцова, сравнивая текст греческого «Проскинитария» в русском переводе и «Поклонение св. града Иерусалима» 1531 г. из Волоколамской библиотеки с текстом «Хождения Василия Познякова», находит в тексте «Хождения» значительные заимствования в описании святых мест Иерусалима и Палестины, а также в его легендарной части. В свою очередь, последний, как отмечает Голубцова, стал источником «Хождения Трифона Коробейникова». Ко всем авторам «Хождения» А.М. Голубцова относится скептически, подчеркивая компилятивность и схожесть текстов «Хождений», она пишет: «Мы не знаем здесь точно ни одного имени, ни одного автора во всей этой литературной эпопее»¹⁹.

Так безызвестный греческий «Проскинитарий», переведенный неизвестным русским иноком в 1531 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре, через 30 лет становится образцом для русского книжника-паломника, который искусно строит по нему свое «Хождение» (Позняков), проходит еще 30 лет, появляется «Хождение Трифона Коробейникова». Так анонимный греческий «Проскинитарий», переходя из рук в руки, становится одним из популярнейших русских «Хождений Трифона Коробейникова».

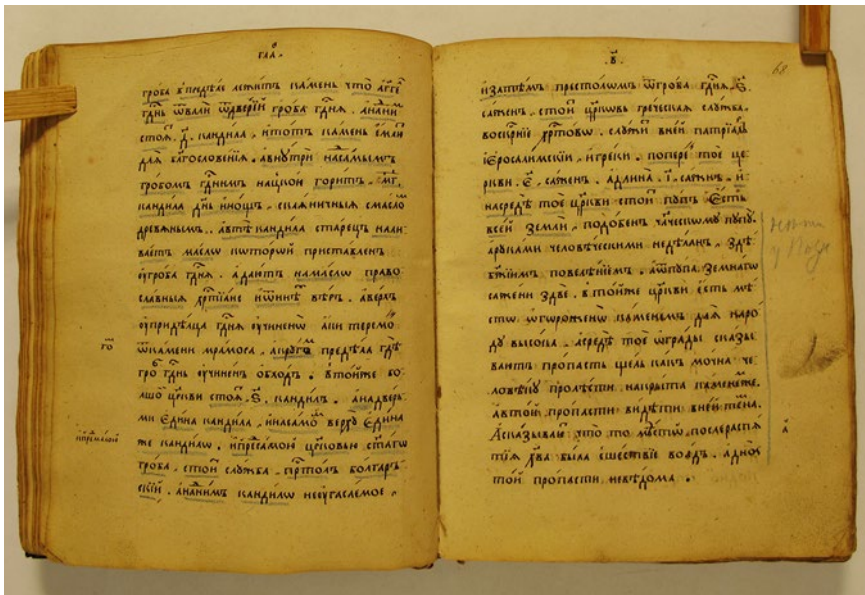

Рис. 2. «Хождения Трифона Коробейникова». Описание церкви гроба Господня. ГИМ Забел. № 473. Сборник 1694 г. Л. 67об.–68

Вопрос о взаимосвязи двух «Хождений» и о присутствии Трифона Коробейникова на Святой Земле разрешился в работах современных исследователей: Н.И. Прокофьева, В.Б. Перхавко²⁰, А.А. Опариной и др. Во-первых, в архивах был обнаружен ряд интересных документов, подтверждающих путешествие Трифона Коробейникова по Святой Земле, например, «Просительная грамота» 1693 г. синайского архиепископа, который предлагал русским властям «послать двух-трех бояр поклониться св. местам». Далее в этой грамоте следует ссылка на одну из поездок русских людей в XVI в.: «Так некогда и благочестивый прадед царский Иоанн Васильевич присылал на Синай со своим жалованьем гостя Трифона Коробейникова и Федора Стрельца»²¹. Исследователю Н.И. Прокофьеву²² удалось в РГАДА обнаружить документ 1649 г., который представляет собой ответ на запрос царя Алексея Михайловича в Посольский приказ думного дьяка Михаила Волошеникова «по делу о посольстве в Царь город и Ерусалим дьяка Старкова и гостя Трифона Коробейникова около 1582 и 1588 гг.». Из ответа думного дьяка следует, что Трифон Коробейников в означенное время совершил путешествие на Святую Землю.

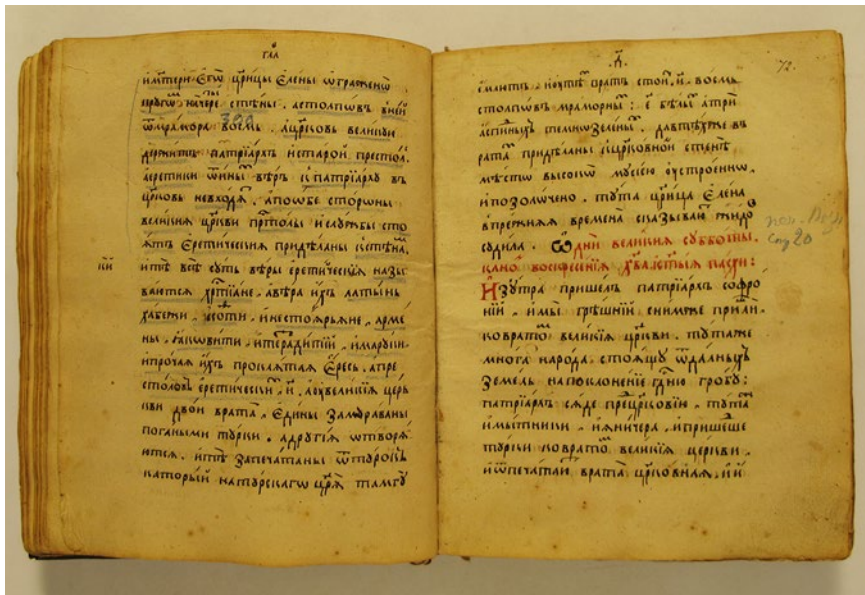

Рис. 3. «Хождения Трифона Коробейникова». Описание церкви Константина и Елены. ГИМ Забел. № 473. Сборник 1694 г. Л. 71об.–72

И последнее, что окончательно подтверждает не только поездку Коробейникова в 1582 г. на Святую Землю, но и его авторство — это сравнительно-текстологический анализ всего круга памятников, проведенный А.А. Опариной²³, в результате которого подтвердилось частичное авторство Коробейникова, а не только его составительство. Оба произведения, как она отмечает, относятся к характерному для средневековой письменности типу «текста мозаики» — многослойного, составленного из предшествующих произведений. Автор «Хождения» Трифон Коробейников воспользовался ранее созданным «Хождением Василия Познякава по Святой Земле», в основе которого, как мы отмечали выше, лежит греческий «Проскинитарий» 1531 г., на что указывала М.А. Голубцова, подчеркивая «текстовое напластование нескольких источников».

Оба автора «Хождений» — современники, они не были добровольными паломниками, а были посланы на Восток царем Иваном Грозным с определенной миссией — раздать милостыню и описать обычаи тех стран. Так, купец из Смоленска Василий Позняков входил в состав посольства, возглавляемого новгородским архидьяконом Геннадием, посланного по просьбе александрий-

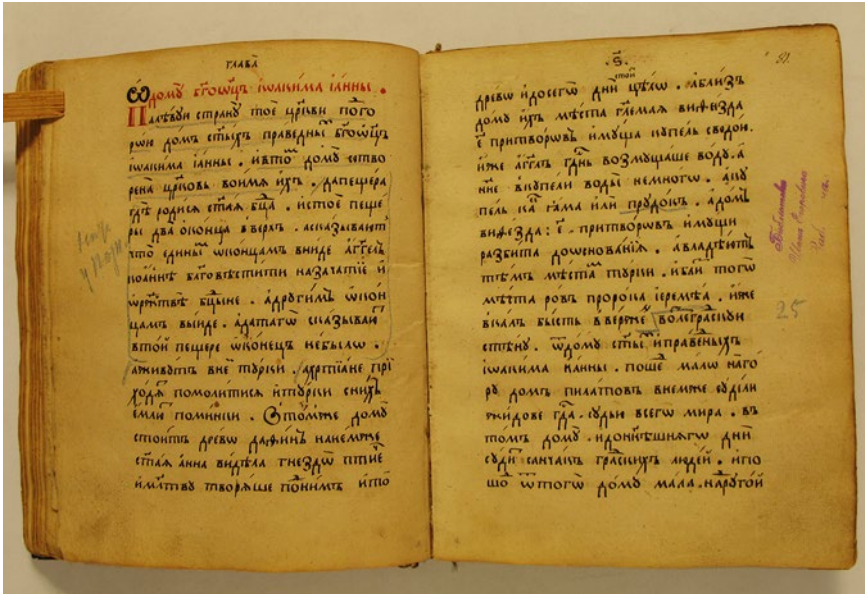

Рис. 4. «Хождения Трифона Коробейникова». Описание дома Иоакима и Анны. ГИМ Забел. № 473. Сборник 1694 г. Л. 80об.–81

ского патриарха Иоакима с денежными средствами и грамотой для православных властей Синайской горы. «Хождение» длилось с 1558 по 1561 г. Трифон Коробейников — участник двух посольств: в 1582 г. был послан царем в Царьград, на Афон, в Иерусалим и на Синай в составе посольства купца И. Мишенина с милостыней на помин души убитого Иваном Грозным старшего сына, а в 1593—1594 г. вместе с дьяком М. Огарковым был послан в Царьград и Иерусалим с заздравной милостыней по случаю рождения у царя Федора Ивановича царевны Феодосии.

И.Е. Забелин ввел в научный оборот новый материал: проведя подробное текстологическое исследование, он обратил внимание на близость текстов «Хождений».

Просмотрев внимательно списки «Хождения Трифона Коробейникова» в собрании рукописей Забелина, я обратила внимание на Сборник № 473 с карандашными пометами, сделанными рукою Ивана Егоровича (карандашные записи, выполненные Забелиным, встречаются во многих рукописях его собрания. Они свидетельствуют о том, что Забелин не только собирал рукописи, но изучал, исследовал и использовал их тексты в своих работах) по всему тексту «Хождения» с комментариями-сравнениями двух

Иоанна Васильевича всеа России и по благословиению Дионисиа митрополита, при сыне его царевице Федоре Иоанновиче. Послание московскихъ купцевъ и хождение их во Царь Градъ и во Антиохию и во Иерусалимъ и во Египет и в Синайскую гору лета 7090 (1582 г.)... Царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ всеа России послалъ с Москвы во Царь Градъ и во Иерусалимъ и во Египет и в Синайскую гору к патриархомъ и митрополитомъ и архиепископомъ ... по сыне своемъ царевици Иоанне Ивановиче милостну доволну с московскими купцы с Трифономъ с Кораблениковым, да с Юремъ з Греком, а с ними ездиль своею охотою московский жилецъ Феодоръ крепостной мастеръ, да с ними государь 500 рублевъ денегъ в Синайскую гору на соружение церкве великия Христовы мученицы Екатерины..»²⁶.

Большинство исследователей, соглашаясь с компилятивностью и заимствованиями авторов русских «Хождений», сравнивая два «Хождения» — Василия Познякава и Трифона Коробейникова, видят в каждом «Хождении» присутствие своего автора со свойственной ему компоновкой и расположением материала, с характерной для него легендарной частью повествования, заимствованной из письменного и устного материала. Использование компилируемого источника не означает писательской «скудности» и профессиональной некомпетентности. «Арсений Суханов, — как пишет А.А. Опарина, — уже со знанием дела упомянет о том, что его произведение „собрано из писаний“, и укажет на „Хождения“ Трифона Коробейникова и игумена Данила как на классические литературные источники»²⁷.

¹ Шульгина Э.В. Рукописи Забелинского собрания в Государственном историческом музее // Материалы XII МК по проблемам книговедения. М., 2009. Ч. 1. С. 440—441.

² ОР ГИМ, Забел. № 443, № 445.

³ Там же. № 451.

⁴ Там же. № 492.

⁵ Там же. № 443.

⁶ Там же. № 380.

⁷ «Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723—1747 г. В 4-х ч. СПб., 1885—1887.

⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. А-К. С. 490—491.

⁹ ЧОИДР. М., 1884. Кн. 1. С. II—III.

¹⁰ Там же. С. I.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. VII.

¹³ ЧОИДР. М., 1887. Кн. 1. С. 1—18.

- ¹⁴ Там же. М., 1884. Кн. 1. С. VII.
- ¹⁵ *Адрианова-Перетц В.П.* Путешествия XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 514—515; *Творогов О.В.* Литератор Иван Михайлов // РЛ., 1983. № 2. С. 164—168; *Белоброва О.А.* Черты жанра хождений в некоторых письменных памятниках XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 264; *Она же.* Коробейников Трифон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. А—К. С. 490—491.
- ¹⁶ *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М., 1989. С. 214.
- ¹⁷ *Голубцова М.А.* К вопросу об источниках древнерусских «Хождений во Св. Землю». «Поклонение св. града Иерусалима» 1531 г. // ЧОИДР. М., 1911. С. 1—79.
- ¹⁸ Там же. С. 3—4.
- ¹⁹ Там же. С. 49—50.
- ²⁰ *Перхавко В.Б.* Русские купцы на Святой Земле // Вестник церковной истории. 2016. № 3/4. С. 284—301.
- ²¹ *Каптерев Н.* Русская благотворительность Синайской обители // Чтения в Обществе любителей Духовного просвещения. М., 1881, октябрь — ноябрь. С. 402.
- ²² *Прокофьев Н.И.* Литература путешествий XVI—XVII вв. // Записки русских путешественников. М., 1988. С. 15.
- ²³ *Опарина (Решетова) А.А.* Древнерусская паломническая литература XVI—XVII вв. Рязань, 2006. С. 290; *Она же.* Сравнительно-текстологический анализ сочинений Древней Руси: Опыт исследования памятника конца XVI столетия «Хождение Трифона Коробейникова по святым местам Востока». Киров, 1988; *Она же.* К проблеме автора и времени создания «Хождения Трифона Коробейникова по святым местам Востока» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 869—886.
- ²⁴ Рис. 1—4 настоящей статьи — рукопись Забел. № 473 — автографы И.Е. Забелина.
- ²⁵ Рис. 5 настоящей статьи — рукопись Забел. № 473 — оглавление «Хождения Трифона Коробейникова»
- ²⁶ ОР ГИМ, Забел. № 473. Л. 63—63об.
- ²⁷ *Опарина А.А.* К проблеме автора и времени создания «Хождения купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока»... С. 5.

Г.К. Шуцкая

И.Е. Забелин о московских боярских дворах предков Романовых

Научное наследие И.Е. Забелина составляют более двухсот статей, очерков и монографий. Среди них — две главные книги: «Домашний быт русского народа XVI—XVII вв.» и «История города Москвы».

Первый труд является неисчерпаемым источником сведений о культуре средневековой Руси. В предисловии к этому изданию Забелин пояснил, что «домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши его истории», а о XVII в. он написал, что «это была эпоха последних дней для нашей домашней и общественной старины»¹.

«История города Москвы» написана по поручению Московской городской думы. В программе к книге Иван Егорович назвал два основных направления будущего исследования. Во-первых — история улиц и зданий; во-вторых — повествование о прошлой жизни москвичей, т. к. город — это «совокупность людского бытия»².

Обе книги во многом помогли музею «Палаты бояр Романовых» создать экспозицию, представляющую патриархальный боярский быт XVI—XVII вв.

Важные сведения о предках русских царей и их московских дворах содержатся в книге «История города Москвы», где описан, прежде всего, «Старый город Кремль» и приведен Годунов чертеж Москвы (Кремленград)³.

Забелин отметил, что в древнее время вся территория Кремля была очень тесно застроена монастырями и церквями, а также домами и дворами бояр, которые строились не линейно по направлению улиц, а как было удобно, с небольшими пространствами для прохода и проезда. Поэтому в Кремле долго не было прямых улиц — только переулки. Впервые прямые улицы от Спасских и Никольских ворот проложили при великом князе Иване III

Рис. 1. Музей «Палаты бояр Романовых» (фотография ГИМ)

около 1500 г. Иван Егорович также упомянул о многих дворах предков и родственников Романовых в Кремле, причем не только описал их, но и привел биографии домовладельцев, т. к. считал, что «историю города сооружали люди, поэтому о них больше, чем о стенах и разных постройках, должен говорить историк»⁴.

Забелин представил интересные сведения о Марии Голтыевой и ее дворе в Кремле в конце XIV — начале XV в. Мария была женой

Рис. 2. Годунов чертеж Москвы. Кремленград (см.: Забелин И.Е. Альбом старинных видов Московского Кремля. М., 1904. Рис. 1; ГИМ ОКФ 54937у)

Федора Голтяя — сына Федора Кошки, происходившего из московского боярского рода Кобылиных, от которых пошли Захарьины, Шереметевы, Колычевы. У Голтяя и Марии родились трое сыновей (все бездетные) и одна дочь, которую выдали замуж за князя Ярослава Андреевича Боровского. Их дочь Мария Ярославна стала женой великого князя Василия II Темного. Эти браки подтверждают знатность боярского рода Федора Андреевича Кошки.

Мария Голтяя является бабушкой Марии Ярославны и прабабушкой ее сына Бориса Васильевича, ее любимца. Она была знатной боярыней «и по своему роду, и по своему богатству, доставшемся ей от отца, от бездетных братьев и от мужа»⁵. О ее происхождении ничего не известно, но Забелин писал, что она происходит из боярского рода Воронцовых-Вельяминовых. Ее предок Протасий стал первым тысяцким в Москве при князе Данииле Александровиче (конец XIII — начало XIV в.). Власть тысяцкого как городского воеводы равнялась тогда по значению власти самого князя. В летописи 1374 г. упоминается последний тысяцкий Василий Васильевич — отец Марии. В 1389 г. она стала крестной мате-

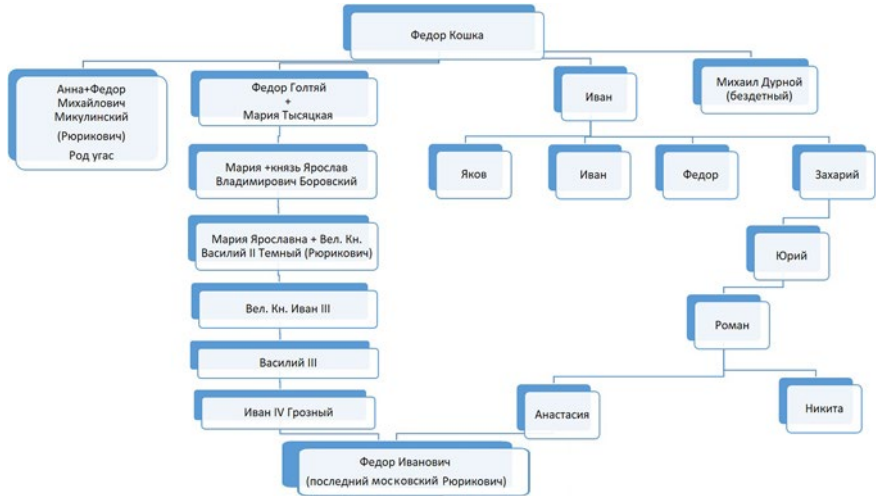

Рис. 3. Предки Романовых. Родословная схема

рю последнего сына Дмитрия Донского Константина. Летописец называет ее «Мария Васильева Тысяцкого»⁶, что показывает, в каком высоком почете находился род Тысяцких-Вельяминовых. Забелин полагал, что замужем за Федором Голтяем была именно дочь Василия Тысяцкого.

Исследуя документы, в частности духовные грамоты, он сделал вывод, что двор Тысяцких-Вельяминовых находился на месте «Царевоборисовского двора», и указал его месторасположение на чертеже Годунова: «...Двор занимал треть Троицкой улицы и выходил углом на Никольскую улицу, по которой простирался почти до Соборной площади»⁷.

Более точно определил древние дворы и постройки в Кремле историк С.П. Бартенев. На основе дворовых описей XVI—XVII вв., старинных летописей и других редких источников ему удалось восстановить полную картину древнего Кремлевского поселка, расположение и устройство первоначального княжеского двора, а также боярских дворов и других строений. На подробном цветном плане Кремля (1910), имеющем название «Историческая среда», Бартенев обозначил здания, существовавшие здесь с XVI—XVII вв.⁸

Старый двор Тысяцких мог остаться в собственности Марии Голтяевой как ее приданое, отцовское наследство. А любимому правнуку Борису Васильевичу она отдала по духовному завещанию свой кремлевский двор. Он упоминается в летописи в связи

Рис. 4. План Кремля (см.: *Бартенев С.П. Московский Кремль теперь и в старину. Кн. II: Государев двор. Дом Рюриковичей М., 1916. Рис. 308; ГИМ ОКФ 44590*).
Обозначения: красным — двор Ф. Кошки, М. Голтяй; синим — двор М.Ю. Захарына;
зеленым — двор Ховриных

с пожаром 1473 г., когда в Кремле погорели многие дворы, в том числе митрополичий двор и двор князя Бориса Васильевича, расположенные рядом⁹. Иван Егорович писал, что Марья Голтяева владела также обширными территориями около Георгиевского

храма (и уточнял: «на Дмитровке»), находившимися рядом с двором Федора Кошки. Эти владения тоже отошли к ее правнуку. Существует духовная грамота 1462 г. великого князя Василия II Васильевича, в которой написано, что он жалует своему сыну князю Волоцкому Борису дворы «Маринские Федоровы» в Москве на посаде «около Егория, каменные церкви», а также «что ему дала Марья же двор свой внутри на Москве (в Кремле. — Г.Щ.), ино то его и есть»¹⁰.

Князь Борис Васильевич завещал двор в Кремле сыну Федору, который умер бездетным и отдал свои владения великому князю Василию III Ивановичу. В 1501 г. великий князь позвал литовских послов к столу, сам пошел к обедне, а послам «велел посидети на княже, на Борисовых детей Федора и Ивана дворе дожждаться стола»¹¹.

Память о Марии Голтыевой, как писал Забелин, сохранилась в названии «Марьиная роща». В начале XV в. эта местность принадлежала ее мужу Федору Голтыю.

В начале XVI в. в Кремле находился двор праправнука Федора Кошки Михаила Юрьевича Захарьина, старшего брата Романа Юрьевича и прадеда царя Михаила Федоровича, от имени которого пошла фамилия Романовы. Может быть, двор Михаила Юрьевича был отцовским (или родовым) двором, где жили его братья. Возможно также, что он получил двор в Кремле за службу — как приближенный к царю боярин (он возвысился в 1530-е гг.). Михаила Юрьевича приблизил великий князь Василий III, его даже прозвали «оком государя». Он везде сопровождал правителя и входил в его Ближнюю думу.

Забелин писал, что в 1560 г. царь Иван Грозный приказал построить двор и хоромы, а также храм Сретения Господня для своего брата Юрия Васильевича на месте старого двора своего дяди Юрия Ивановича Дмитровского (умер в 1536 г.), двора боярина Михаила Юрьевича Захарьина-Юрьева (умер в 1538 г.) и иных боярских дворов, примыкавших к Чудову монастырю. Ссылок на документ у Забелина не было, но существует летопись, датируемая 1560 г., в которой сказано: «А брату своему князю, Юрию Васильевичу, велел царь и великий князь место очистити на двор дяди своего княже Юрьевской Ивановича Дмитриевича позади Ивана Святого, что под колоколы, и Михайловский двор Юрьевича Захарьина, и иные дворы велел снести и место очистить... и церковь повелел ставити на княжном дворе»¹². В этом дворце после смерти Михаила Юрьевича жила его вдова Феодосья, но после пожара 1547 г. она переехала в родовой дом Захарьиных на Дмитровке.

К моменту начала строительства дворца во дворе Михаила Захарьина уже никто не жил. Определить точно его местоположение, по словам Забелина, нельзя, но на основании разных источников можно предположить, что он располагался между церковью Иоанна Лествичника (на месте которой, как писал Забелин, стоит колокольня Ивана Великого), Чудовым монастырем и Фроловскими (ныне Спасскими) воротами, где впоследствии возвели Малый Николаевский дворец.

И.Е. Забелин отмечал, что первые каменные строения в Москве появились в конце XV в. Таких зданий было мало, поэтому летописцы старательно заносили их в «сборники временных лет». В летописи за 1450 г. есть сведения, что *гость* Владимир Григорьевич Ховрин на своем дворе в Кремле построил каменную церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня. Она стояла перед воротами Воскресенского монастыря, значит, именно здесь и находился двор Ховриных. Известно также, что бояре Ховрины-Головины одними из первых в 1485—1486 гг. построили себе каменные палаты во дворе, который упоминается в документах 1457 г., когда пожар «загорелся внутри города Кремля близ Владимировой церкви Ховрина и погорела почти треть города»¹³.

Ховриных-Головиных Забелин описал как «богатый и славный полубоярский род в конце XV века». По одной из версий, они происходят от византийского императорского дома Комнинов. Их младшая ветвь — Гаврасы (впоследствии Ховрины) — правила в Крыму княжеством Феодоро со столицей в Мангупе. В конце XV в. князь Стефан Ховрин вместе с сыном Григорием приехал, чтобы служить великому князю московскому, и был пожалован двором в Кремле. Князь прибыл на Русь с капиталом, нажитым на транзитной торговле по Великому шелковому пути. Забелин подчеркнул, что родоначальник Ховриных «хотя и назван князем, но явился в Москву не боярином или князем воином с дружиною, как приходили другие иноземцы, человеком гражданским, торговым, почему и внук его Владимир Григорьевич назван был гостем, и у великого князя Ивана Васильевича занял должность казначея, а не воеводы»¹⁴.

Современные исследователи считают, что они не были купцами в прямом смысле этого слова, а ссужали торговцев деньгами или товарами, предоставляли им корабли и команду. Явившись в Москву, Ховрины активно поддерживали строительство храмов и монастырей.

У Владимира, внука Стефана, было пять сыновей, трое умерли бездетными. Старшего его сына Ивана прозвали Головою, он был

Рис. 5. Ховрины-Головины. Родословная схема

боярином и крестником самого великого князя Ивана Васильевича. Его дети уже назывались Головины. Род Ховриных продолжился по пятому сыну Дмитрию, который служил казначеем у Ивана III. У его сына Ивана родилась дочь Варвара, она вышла замуж за Никиту Романовича, представителя знатного московского боярского рода Захарьиных-Юрьевых.

Сведения о прибытии на Русь семьи Гаврасов Забелин приводит из Родословной книги: «Во дни вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского пришли в Москву князь Стефан Васильевич из своей вотчины с Суздака (Сурожа), да из Манкупа, да из Кафы»¹⁵. По другим данным, отмечал Забелин, Стефан пришел к великому князю Василию Дмитриевичу. А в «Бархатной книге», содержащей официальную информацию о генеалогии российского дворянства, написано, что князь Стефан с сыном Григорием пришел из своей вотчины Судака, да из Кафы. Мангуп не упоминается. Откуда И.Е. Забелин взял эти сведения? Ни на один конкретный источник он не ссылается, и до недавнего времени о таком документе не было известно.

И вот в 2013 г. в отделе рукописей Российской государственной библиотеки случайно произошла замечательная находка — листок с надписью, сделанной скорописью XVII в., с родословной Ховри-

ных-Головиных с XV по XVI в. Документ интересен тем, что в нем указаны все ховринские вотчины на родине и подробно перечислены не только сыновья, но и дочери, выданные замуж за князей и бояр. Этот лист из семейного архива вместе с другими документами Елизавета Леонидовна Ховрина в середине XIX в. передала Московскому обществу истории и древностей российских (МОИДР), а ранее он не публиковался¹⁶. Можно предположить, что Забелин видел данную рукопись, ведь с 1847 г. он, молодой ученый, стал членом этого общества, а с 1876 г. — его главой. Поэтому приведенные им сведения достоверны.

Для нас этот документ очень важен, т. к. запись заканчивается сообщением о том, что Варвара Ивановна Ховрина была выдана замуж за Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, а внук ее Михаил Федорович венчался на царство. Теперь у нас есть источник, на который можно сослаться.

Забелин также писал, что около Вознесенского монастыря находилось подворье Новодевичьего монастыря, которое царь Федор Иванович передал Вознесенскому монастырю, а Новодевичьему монастырю взамен отдал двор Ховриных-Головиных, стоявший рядом. С середины XVI в. этим двором владел Петр Иванович, который являлся казначеем при Иване Грозном и царе Федоре Ивановиче. В 1585 г., при Борисе Годунове, он подвергся опале и умер в подземной темнице. Двор Ховриных занимал место, где теперь находятся ворота Николаевского дворца, писал Забелин. Поскольку он пустовал, его передали Новодевичьему монастырю. Дворец был построен в начале XIX в., с одной стороны к нему примыкал Вознесенский девичий монастырь, а с другой — мужской Чудов монастырь. Когда упразднили подворье Новодевичьего монастыря, сведений нет, но, как предполагал Забелин, оно вместе с ховринским двором перешло во владение Чудова монастыря в 1677 г.

И.Е. Забелин до последних дней не прекращал работу над второй частью «Истории города Москвы», называя ее своим заветным трудом, но она так и не была издана. Долгое время в Историческом музее хранился научный архив Забелина — черновики ко второй книге «История города Москвы». И только в начале XXI в. научный коллектив сотрудников ГИМ собрал, обработал и опубликовал все черновые записи Забелина. Книга называется: «И.Е. Забелин. История города Москвы. Неизданные труды» (2004). В ней есть раздел «Посад», где представлено много интересных сведений о формировании старинного московского торгового центра на территории Великого посада, о церквях, монастырях, а также о княжеских и боярских дворах в Зарядье и Китай-городе.

- ¹ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. I. Ч. I. Гл. 1. С. 1.
- ² *Забелин И.Е.* История города Москвы. — 2-е изд., испр. и доп. М., 1905. Ч. 1. С. XI.
- ³ *Забелин И.Е.* Альбом старинных видов Московского Кремля. М., 1904. Рис. I.
- ⁴ *Забелин И.Е.* История... С. XX.
- ⁵ Там же. С. 445.
- ⁶ Там же. С. 444.
- ⁷ Там же. С. 442.
- ⁸ *Бартенев С.П.* Московский Кремль теперь и в старину. Кн. II: Государев двор. Дом Рюриковичей М., 1916. С. 263.
- ⁹ *Забелин И.Е.* История... С. 445.
- ¹⁰ *Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных.* М., 1909. С. 27.
- ¹¹ *Забелин И.Е.* История... С. 446.
- ¹² Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 2. М., 2000. С. 329.
- ¹³ *Забелин И.Е.* История... С. 272.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 271.
- ¹⁶ *Фадеева Т.М.* Ховрины-Головины и Романовы // Русская история. М., 2016. № 1/2. С. 79.

С.Ю. Шокарев

Некрополь средневековой Москвы
в трудах и «Материалах для истории,
археологии и статистики города Москвы»
И.Е. Забелина

*Разве сердце не тот же курган. Не та же могила. <...>
Сколько мы хороним там лучшего в своей жизни.
Припомни каждый из нас, сколько он похоронил
в этой могиле и высоких движений, страданий,
радостей, ненавистей, любви – всего,
чем собственно и дорога наша жизнь.
И.Е. Забелин. «Дневник». 1861 г.*

В эпоху И.Е. Забелина изучение некрополя занимало значительное место в региональных исследованиях. Со второй половины XVIII в. надгробные эпитафии изучались как исторический источник, а в XIX столетии описание кладбища стало неотъемлемой частью истории любой обители или храма. Некрополям уделяли внимание историки-москвоведы К.Я. Тромонин, В.В. Пассек, И.М. Снегирев, с которыми был знаком или тесно общался И.Е. Забелин. В 1883 г. был издан «Петербургский некрополь» В.И. Саитова, в 1892 г. — «Виленский православный некрополь» архимандрита Иосифа, в 1904 г. началась подготовка масштабного проекта великого князя Николая Михайловича «Московский некрополь» (составители — В.И. Саитов и Б.Л. Модзалевский).

Было бы ожидаемо, что в творчестве великого знатока Москвы и допетровского быта тема кладбищ, похоронных и поминальных обрядов, надгробных памятников займет более-менее значимое место. Однако в трудах И.Е. Забелина о московском некрополе сказано на удивление мало. В библиографическом указателе трудов великого историка выявлена только одна публикация, посвященная данной теме, — «Три неизвестные гробницы в Московском Архангельском соборе» (1853)¹. Причины прохладного отношения Ивана Егоровича к важнейшей стороне повседневности средневекового человека и важной составляющей ча-

сти средневекового города требуют осмысления и объяснения. Впоследствии мы постараемся высказать некоторые соображения по этому поводу.

В дневниках и записных книжках И.Е. Забелина его научная деятельность и ученые размышления отражены слабо. Они посвящены семейным и бытовым событиям, обширной административной работе и общественной деятельности ученого. Философские и исторические размышления в дневниках вклиниваются в событийную ткань повествования и мало дают для понимания того, как развивались исследовательские интересы Ивана Егоровича. Записи раннего периода содержат всего два свидетельства интереса историка к погребальным древностям: «Июль 1844 г. Ходил с Тромониным в Марьину Рощу. Осмотрели немецкое кладбище. Списали надписи на плитах...»²

Инициатором этого похода был историк и художник Корней Яковлевич Тромонин (?–1847), автор исторического описания Симонова монастыря и издатель альбома «Достопамятности Москвы», в седьмую тетрадь которого вошла часть эпитафий с немецкого кладбища в Марьиной Роще, появившегося во второй половине XVII в. и действовавшее до 1770-х гг. Эти эпитафии являлись ценными источниками по генеалогии и интересными памятниками эпиграфики³.

В том же году, описывая путешествие в Звенигород, И.Е. Забелин пишет: «Увидели Грязь (село) и пошли по моему настоянию на курганы...»⁴

В своих воспоминаниях о Д.А. Ровинском ученый дополняет эти сведения сообщениями о том, что они совершали «постоянные пешие походы по соборам, церквям и монастырям и в подмосковные боярские дворы, всюду, где только находилось что посмотреть и поизучать». Следы этих исследований А.А. Формозов обнаружил в архиве Забелина, где встречаются такие записи: «От Раздоров влево, близ Подушкина — городище при речке Кобылинке. В лесу в 5 верстах — курганы. Возле Шульгина полверсты от Раздоров — 2 кургана на поле». Примечательно указание Забелина на то, что именно Ровинского интересовали надгробные памятники (правда, позднего времени): «В первое время он охотился больше всего за произведениями в собственном смысле художественными, каковы были надгробные мраморы в некоторых московских монастырях, затем мраморы и картины в Шереметевских дворцах Останкина и Кускова и в Юсуповском дворце в Архангельском. Мало-помалу к этому присоединилась... утварь и самые здания храмов. Следуя известной системе Ходаковского,

мы разыскивали и древние городища, а также курганы»⁵. Во время этих походов Забелин посетил Кунцевское городище и рассматривал надгробия XVI—XVII вв., о которых упоминает в работе «Кунцево и древний Сетунский стан»⁶.

В 1853 г. выходит из печати единственная работа И.Е. Забелина, посвященная истории московского некрополя, точнее, вопросу атрибуции неизвестных погребений Архангельского собора — «Три неизвестные гробницы в московском Архангельском соборе». Она была опубликована в «Записках Императорского археологического общества», а затем в «Московских губернских ведомостях» (1855)⁷. В небольшой статье ученый критикует мнение И.М. Снегирева, высказанное им в «Памятниках московской древности» о том, что в неизвестных гробницах Архангельского собора погребены князя Юрий Данилович, Иван Иванович и Дмитрий Юрьевич Красный. Привлекая летописную запись о перестройке Архангельского собора и перенесении в него захоронений московских князей, а также ранее неизвестное описание некрополя этого храма (XVII в.), И.Е. Забелин убедительно доказал, что в трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора упокоились князя Старицкие — Андрей Иванович, Владимир Андреевич и Василий Владимирович. Этот вывод был впоследствии подтвержден С.Е. Сизовым, предложившим объяснение феномену «неизвестности» захоронений опальных Старицких князей — «видимо, по тем же чисто субъективным причинам надгробия над могилами князей Владимира и Василия не были „попличены“, то есть не получили полагающихся белокаменных памятных надписей. <...> Погребенные согласно традиции рядом с державными предками, они в то же время по воле царя Ивана как бы предавались забвению». Обращает на себя внимание и расположение этих захоронений — в северо-западном углу, месте погребения опальных, противоположном «благочестивому» юго-восточному, месту погребения Ивана IV и его семьи. С.Е. Сизов отмечает полемическую заостренность статьи Забелина, его точную аргументацию и опору на достоверные источники, а также с удивлением указывает на то, что и после этой работы сомнения в историографии относительно «неизвестных» гробниц остались и предлагались весьма произвольные атрибуции⁸.

В 1859 г. И.Е. Забелин в качестве члена Императорской Археологической комиссии приступил к руководству раскопками скифских курганов. Этот период продолжался до 1873 г. и прославил Забелина как первооткрывателя богатого уникальными находками Чертомлыкского кургана. Данный опыт исследования не-

крополя слабо соотносился с изучением Забелиным московских древностей, однако дал ученому возможность философски осмыслить значения «могилы» в культуре и психологии человека.

«Курган, хотя и дело рук, но все же природа, ибо обстановка его — природа. Среди степи высится Исакий. Он внушает какое-то благоговение, как всякая масса, ибо пред массой человек преклоняется. <...>

Могила — думы, благоговение еще большее. Каждая могила вызывает со дна души эстетическое, если чувство свежо и не затерто днем. Памятники интересны только потому, что в них есть человек. <...>

Итак, курган есть тайна-могила. Каждая могила есть тайна, она тем и интересует. И она даже внешне это выражает. Сердце есть еще большая тайна. А сердце навсегда замолкшее, разве это не грустная тайна. При взгляде на могилу, мы прячем в нее сами все тайны своего сердца, и чем больше у нас таких тайн, тем более интересу мы находим в могиле. Вот прекрасный образ того чувства, который возбуждается каждою могилою и которое пережил каждый из нас»⁹.

Со временем Забелин стал томиться археологической деятельностью, приносившей известность благодаря крупным находкам, но слабо соотносившейся с его научными интересами. Он был недоволен своим положением «чиновника для раскопки могил» и в сердцах писал: «Воротился домой, обуяла тоска. Что делать, как не пить и пить. Опротивели эти могилы»¹⁰.

И.Е. Забелин ежегодно составлял отчеты о полевой деятельности, печатавшиеся Археологической комиссией, и опубликовал несколько описаний открытых им памятников¹¹. Аналитических сочинений о скифской культуре Забелин не создал, но включил раздел о скифах в «Историю русской жизни с древнейших времен» (1876), указывая на возможную преемственность славян от них¹².

Параллельно с работой в Императорской Археологической комиссии И.Е. Забелин занимался изучением московской старины, никак не соприкасавшимся с его полевой деятельностью. В 1862 г. опубликован его знаменитый труд «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», в 1865 г. — «Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря», в 1869 г. — «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях», в 1873 г. — «Кунцево и древний Сетунский стан».

Как известно, обряд погребения русских царей и членов царской семьи представлял собой определенный церемониал, подробно описанный в источниках XVI—XVII вв.¹³ Однако И.Е. За-

белин не включил его в «Домашний быт...» русских царей и цариц. Упоминания о царских похоронах и поминальных практиках в этих обширных сборниках материалов о царском быте немногочисленны. Например, представляет интерес замечание о выдаче из царской казны полотен на погребение убогих в Семик (в третьем и четвертом издании со ссылкой на «Материалы», опубликованные в 1884 г.). Есть сообщение о том, что царь Алексей Михайлович в 1669 г. присутствовал на похоронах придворного богомольца Венедикта Тимофеева, пышности этих похорон и крупной раздаче милостыни¹⁴. Чуть полнее представлена тема похорон в «Домашнем быте русских цариц»: И.Е. Забелин упоминает о погребениях царя Федора Алексеевича (1682) и царицы Марии Ильиничны (1669), подробно расписывает раздачу на ее поминание¹⁵.

Умолчание о погребальном обряде не было сознательным. Забелин предполагал затронуть эту тему, описывая в 1853 г. И.С. Тургеневу план издания: «...Потом праздники, торжества и обряды семейные, родины, крестины, именины, свадьба, похороны, походы и вообще все, чем только красна была царская жизнь до Петра»¹⁶. Некоторые из этих сюжетов ученый рассмотрел в отдельных очерках и затем включил во вторую часть «Домашнего быта русских царей», увидевшую свет после его кончины, в 1915 г. Царские похороны туда не попали.

В «Историческом описании Московского ставропигиального Донского монастыря», подготовленном по заказу монастырских властей еще в 1850 г., но напечатанном только в 1865 г., согласно канону этого жанра, должен был содержаться рассказ о монастырском кладбище. Действительно, такое описание в книге присутствует. «Посетитель встретит здесь много знакомых имен, прославившихся на государственном, административном и литературном поприщах, — пишет И.Е. Забелин. — Из писателей погребены в монастыре: кн. Я.П. Шаховской (1779), А.П. Сумароков (1777), М.М. Херасков (1807), Н.Н. Бантыш-Каменский (1816), В.Л. Пушкин (1830), И.И. Дмитриев (1837), Я.П. Чаадаев (1856) и некоторые другие». Затем историк переходит к мемориальной скульптуре: «По богатству и великолепию надгробных памятников кладбище Донского монастыря — единственное в Москве». После этого следует упоминание восьми наиболее примечательных памятников и общая характеристика типов господствующих надгробий (всего две страницы текста). Для такого выдающегося некрополя, как кладбище Донского монастыря, совсем немного. По мысли составителя этот недостаток должен был восполнить список «фами-

лий лиц, погребенных в Донском монастыре». Однако этот список не очень информативен — здесь действительно в основном фамилии (только представители духовенства указаны под именами), нет дат, имен или инициалов, чинов и сословий. Для генеалогических и просопографических изысканий он мало пригоден. Список занимает восемь с небольшим страниц (более 700 фамилий)¹⁷. В книге также даны краткие характеристики погребений и памятников в малом соборе Донского монастыря, усыпальницы грузинских царевичей в церкви Сретения Господня под алтарем большого собора, усыпальницы князей Голицыных в больничной церкви во имя Св. Архангела Михаила и церкви-усыпальницы графов Зубовых во имя Св. Александра Свирского на кладбище¹⁸.

Таким образом, в историческом описании Донского монастыря И.Е. Забелин посвящает некрополю 16 страниц текста из 90. В сравнении с другими описаниями московских монастырей не так уж и мало. Так, в «Кратком описании ставропигиального Новоспасского монастыря» иеромонаха Адриана (1821) кладбищенский раздел занимает 17 страниц из 103; в «Историческом описании московского Симонова монастыря» В.В. Пассека (1843) — 16 из 236; в «Историческом описании московского Спасо-Андроникова монастыря» (1865) — 14 из 98¹⁹. Однако в этих случаях описание пространное, с биографиями, характеристиками, датами, текстами эпитафий, а в труде Забелина почти половину объема «кладбищенской части» занимает глухой список. В переиздании своей работы (осуществлено в 1893 г.) И.Е. Забелин дополнил «искусствоведческую» часть описания некрополя еще двумя абзацами, в которых он перечисляет 13 «разнообразных и дорогих памятников» (часовен и надгробий)²⁰.

Следующая крупная работа И.Е. Забелина «Кунцево и древний Сетунский стан» может быть отнесена к жанру краеведения (региональной истории). Однако и здесь некрополь оказался отражен весьма скупо. Кладбищу при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Филях Забелин уделил всего абзац: «Подле церкви в ограде есть небольшое кладбище, на котором в недавнее время (1871 г.) схоронен знаменитый в свое время художник-мозаист и отличный копиист, академик Вас. Егор. Раев»²¹.

Также автор говорит об остатках древнего некрополя на Кунцевском городище, которые он наблюдал в 1840-е гг.: «Оставшиеся могильные камни с верхней стороны были украшены простою резьбою, рисунок которой очень часто встречается на таких же памятниках XVI и XVII ст. На некоторых вверху этой резьбы сохранялись совсем стертые надписи в четыре строки и на одном

в начале довольно явственно значилось: „Лето 7065-го (1557 г.) представися“... Следовательно, кладбище существовало еще в XVI ст.»²².

Это описание выдает знакомство И.Е. Забелина с обликом средневековых надгробий. Он обращает внимание на их характерную орнаментацию, однако неясно, различал ли ученый типичный для XVI в. орнамент из противопоставленных треугольников («волчий зуб») и более поздний жгутовой орнамент XVII в. Другие приходские кладбища «Сетунского стана» автором не отмечены.

С 1881 г. И.Е. Забелин по предложению Московской городской думы начал работу над «Историей Москвы». В программе подготовки издания («Предполагаемые задачи историко-археологического и статистического описания города Москвы») после вопросов административного управления и устройства и социального облика города автор переходит к церковной организации и религиозному быту Москвы и обозначает следующие темы:

«Приходские кладбища.

Убогие дома.

История существующих загородных кладбищ с указанием известных памятных и знатных лиц, погребенных на каждом кладбище.

<...>

Монастырские кладбища.

<...>

Московская история старообрядства. <...> Старообрядческие монастыри, кладбища, богадельни»²³.

Итак, некрополь должен был стать частью общего описания истории Москвы и остается сожалеть, что эта программа не была выполнена.

Первый том «Истории Москвы», как известно, является подробным историко-топографическим очерком Кремля и его памятников. Упоминания о кладбищах, погребениях митрополитов, князей и бояр, о святых мощах вплетены в хронологическую ткань повествования о крупных кремлевских объектах. Сообщения эти носят, как правило, краткий характер. Так, И.Е. Забелин рассматривает вопрос о месте погребения князя Юрия Даниловича и решает его в пользу Успенского собора (1326), по летописям рассказывает о переносе святых мощей во время перестройки Успенского собора Аристотелем Фиораванти (1479), сообщает об обнаружении кладбища жертв Тохтамышева погрома Москвы (1382). Говоря о Вознесенском монастыре, автор характеризует его как «место упокоения царских родителей, знатное кладбище великих княгинь и цариц и всего государева семейства по жен-

скому колену». Несколько подробнее дает автор сведения о Чудовом монастыре. И.Е. Забелин перечисляет имена духовных лиц, бояр и дворян, похороненных на монастырском кладбище в XIV—XVIII вв., упоминает о том, что в стене храма в честь Чуда Св. Архангела Михаила в Хонех сохранялись плиты с эпитафиями поэту и просветителю Кариону Истомину и юродивому Тимофею Архиповичу, цитирует эпитафию князю С.М. Хованскому (1768). В работе есть упоминания об участии царя в похоронах боярина С.А. Стрешнева, верхового богомольца Венедикта Тимофеева, боярина И.Д. Милославского и других лиц²⁴. Особо стоит отметить подробные сведения из документов о похоронах патриархов, входящие в состав раздела об их повседневной жизни. Если царские похороны И.Е. Забелин обошел умолчанием, то погребения патриархов у него представлены весьма подробно, начиная с предсмертной болезни и до оформления надгробных памятников в Успенском соборе²⁵. Источником этих сведений послужили документы, опубликованные в первом томе «Материалов для истории, статистики и археологии города Москвы», о которых будет сказано позднее.

Для полноты картины следует отметить, что в сохранившихся материалах ко второму тому «Истории Москвы» (очерки по истории и топографии московского посада) тема некрополя вообще не представлена²⁶.

Как можно видеть, в трудах по истории Москвы и допетровской Руси И.Е. Забелин писал о некрополе, погребальных и поминальных обрядах мало. Вероятно, меньше, чем заслуживает это явление в средневековую эпоху с ее постоянным интересом к смерти и ожиданием Страшного суда. Отсутствие интереса исследователя к надгробным надписям уже отметил А.Г. Авдеев в диссертации, посвященной русской средневековой эпиграфике²⁷. При этом Забелин понимал значение некрополя как социокультурного явления и важной части городской структуры. О важной роли некрополя и погребения в культуре на примере скифов, несомненно, свидетельствовал его опыт полевого археолога. Сознательным ли было такое умолчание? И может ли оно быть связано с его усталостью от «скифских могил»? Представляется, что вряд ли.

Вероятно, причина того, что И.Е. Забелин мало писал о московских некрополях состоит в том, что в москвоведении XIX столетия эта тема, напротив, была хорошо освещена. Так, в «Памятниках московской древности» И.М. Снегирева (1842), с которыми полемизировал Забелин относительно атрибуции трех неизвестных гробниц Архангельского собора, содержится подробное описа-

ние погребений Успенского и Архангельского соборов, собора Вознесенского монастыря и краткое описание кладбища Чудова монастыря²⁸. В многотомной «Русской старине в памятниках церковного и гражданского зодчества», текст которой был написан И.М. Снегиревым, а издание осуществлено А.А. Мартыновым, наряду с архитектурой и святынями часто описываются монастырские или церковные некрополи, отдельные памятники и эпитафии²⁹. Схожий характер имело и другое издание этих авторов — «Русские достопамятности» (1862—1866). Интерес к надгробным надписям привел соавтора Снегирева А.А. Мартынова к подготовке свода надгробной эпиграфики «Надгробная летопись Москвы», включившего 453 надписи со стен и кладбищ московских церквей и монастырей (в 1895 г. напечатан в «Русском архиве», отдельное издание — в 1896 г.)³⁰.

Можно полагать, что Иван Егорович не хотел повторять своих предшественников (тем более что его отношения с И.М. Снегиревым были, как известно, непростыми). Как исследователь, он не упустил возможности внести ясность в атрибуцию могил Архангельского собора и заодно указать на неточности И.М. Снегирева, но некрополи Кремля и Москвы в целом его мало интересовали. В дневниках Забелина эта тема упомянута только однажды — в записи от 5 ноября 1891 г. Описывая встречу с московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем, историк пишет:

«1. Интересуется он надгробиями всех лиц, погребенных в Москве. Хочет составить мартиролог, некролог всех и начинать с Кремля. Интересуется гробницей Анастасии Литовны, 2-й жены Симеона Гордого³¹. Гробницы и другие у Спаса на Бору.

2. Интересуется древностями подземными Кремля, посему надо составить план, где можно что-либо подобное открыть. Сказал, что государь ему разрешил производить раскопки, где найдет надобным. <...>

Разговаривали, как в Крутицких казармах митрополичьи гробницы военное ведомство уничтожает, устроивши подле них нужники»³².

Эта запись имеет важное значение как свидетельство интереса великого князя Сергея Александровича к московскому некрополю и столичным древностям в целом. Можно лишь сожалеть, что этот проект по составлению общего «мартиролога», опередивший аналогичную инициативу великого князя Николая Михайловича, не состоялся. Но, видимо, высочайшего любителя старины некрополь интересовал гораздо больше, чем самого Забелина. Никакого

воплощения в трудах ученого разговор об историческом некрополе не имел. В то же время историка заинтересовали подземелья. Он обратился к этой теме в 1894 г. в связи с приездом страсбургского профессора Э. Тремера, призывавшего искать библиотеку Ивана Грозного, и написал работу «Подземные хранилища Московского Кремля»³³.

Первым этапом подготовки «Истории Москвы» стала публикация материалов, осуществленная под руководством И.Е. Забелина при участии известных архивистов братьев В.И. и Г.И. Холмогоровых. В «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы» содержится весьма значимая информация по истории московских кладбищ (и отчасти погребального обряда) в XVII в., частично использованная историком при написании истории города (см. выше).

В первом томе «Материалов...» информацию о захоронениях на московских монастырских и приходских кладбищах содержат сведения из документов о патриарших выходах для отпевания тех или иных лиц. Помимо упоминания в описании Чудова монастыря в работе самого И.Е. Забелина, они широко использовались и используются в трудах по истории церквей и храмов, при реконструкции состава некрополей (в том числе в классическом «Московском некрополе» В.И. Саитова и Б.Л. Модзалевского 1907—1908 гг.). Возьмем для примера записи патриарших выходов на отпевание в Богоявленский монастырь. Всего в «Материалах...» их перечислено 23³⁴, и по количеству они уступают только Чудову монастырю, что связано, очевидно, с аристократическим составом его некрополя.

№№	Патриарх	Дата отпевания	Чин, титул, имя, отчество и фамилия погребенного
1	Филарет	1626 г., 10 сентября	Дьяк Семен Андреев
2	Филарет	1627 г., 25 января	Александр Нагой
3	Иоасаф I	1634 г., 9 марта	Княгиня Долгорукова, супруга В.Т. Долгорукого
4	Иоасаф I	1635 г., 10 января	Антон Чаплин
5	Иоасаф I	1635 г., 7 февраля	Старец Феодосий Чеботов
6	Иоасаф I	1635 г., 17 августа	Воярин князь Владимир Тимофеевич Долгоруков
7	Иоасаф I	1636 г., 16 декабря	Игумен Варлаам
8	Иоасаф I	1637 г., 18 марта	Старец Дионисий Новокщенов
9	Иоаким	1675 г., 13 апреля	Старец Иосиф (князь Иван Приемков-Ростовский)

10	Иоаким	1675 г., 10 июня	Стольник Никита Иванович Шереметев
11	Иоаким	1677 г., 14 августа	Анна Петровна Шеина
12	Иоаким	1677 г., 30 августа	Боярин князь Иван Андреевич Хилков
13	Адриан	1690 г., 11 октября	Стольник князь Федор Алексеевич Долгоруков
14	Адриан	1690 г., 17 декабря	Княгиня Анастасия Ивановна Долгорукова
15	Адриан	1691 г., 15 октября	Князь Иван Дмитриевич Долгоруков
16	Адриан	1692 г., 16 сентября	Прасковья Ивановна Сукина
17	Адриан	1693 г., 10 марта	Боярин князь Алексей Андреевич Голицын
18	Адриан	1694 г., 17 декабря	Казначей Паисий Сийский
19	Адриан	1695 г., 9 июля	Княгиня Агриппина Долгорукова
20	Адриан	1695 г., 29 ноября	Стольник князь Петр Васильевич Долгоруков
21	Адриан	1695 г., 23 декабря	Окольничий князь Борис Васильевич Горчаков
22	Адриан	1696 г., 7 января	Боярыня княгиня Мария Васильевна Прозоровская
23	Адриан	1698 г., 15 января	Боярыня княгиня Ирина Федоровна Голицына

Всего патриархи в XVII в. бывали в московских монастырях на отпевании 139 раз³⁵. Их посещения распределяются следующим образом:

Чудов монастырь	28
Богоявленский монастырь	23
Георгиевский монастырь	12
Златоустовский монастырь	12
Высоко-Петровский монастырь	8
Воздвиженский монастырь	8
Новоспасский монастырь	8 (без учета панихид по членам рода Романовых)
Ивановский монастырь	7
Новодевичий монастырь	6
Никитский монастырь	5
Сретенский монастырь	4
Вознесенский монастырь	3 (без учета панихид по царицам и царевнам)
Алексеевский монастырь	3

Знаменский монастырь	2
Воскресенский монастырь на Тверской улице	2
Спасо-Андроников монастырь	2
Симонов монастырь	2 (без учета панихид)
Рождественский монастырь	2
Новинский монастырь	1
Донской монастырь	1

Часть этих сведений дублируется другими источниками (публикациями эпитафий, сведениями синодиков), многие из них уникальны. В «Материалах...» перечислены еще десятки случаев отпевания патриархами разных лиц в приходских храмах (например, в церкви Троицы в Полях, в церкви Антипия Чудотворца в Чертолье и в церкви Василия Кесарийского на Тверской улице патриархи бывали на отпевании и погребении по четыре раза, в церкви Воскресения Христова на Дмитровке — пять раз; но в большинстве других — один-два раза)³⁶.

Важной для данной темы частью первого тома «Материалов...» являются выписки из документов патриаршего архива, объединенные под рубрикой «Похоронное»³⁷. Они содержат подробную роспись расходов на соборование, погребение, устройство надгробий и поминовение патриархов. Таким образом можно проследить все этапы прощания с духовными владыками, начиная от предсмертных обрядов (соборования и освящения маслом). Интересный аспект вопроса составляет экономика похоронно-поминальных обрядов. В документах тщательно зафиксированы расходы на все материалы, предметы и виды служб, раздача милостыни разным категориям участников похоронного обряда и permanently страдающим благотворительной помощи, оказывавшейся в таких случаях. Эти материалы представляют большой интерес. Так, А.Г. Авдеевым составлена сравнительная таблица стоимости белокаменных надгробий и их оформления (резьба, золочение и раскраска) патриархов Иосифа, Иоасафа I, Питирима, Иоакима и Адриана. Историк также опирается на «Материалы...» при установлении цен на гробы и белокаменные плиты-вставки в кирпичные надгробницы³⁸. И хотя патриаршие похороны демонстрируют церемониал, состав элементов обряда и ценовые показатели, характерные для элиты, они дают общее представление о похоронной обрядности и атрибутах и позволяют решить важный вопрос об уровне цен и доступности погребального инвентаря и надгробных сооружений. Вслед за А.Г. Авдеевым,

представим данные «Материалов...» о стоимости погребального инвентаря и раздаче милостыни в табличной форме³⁹.

Патриарх	Год	Гроб	Саркофаг	Раздача милостыни при выносе	Раздача милостыни при погребении
Иоасаф I	1641	3 руб. 4 алт.	12 руб.	103 руб. 16 алт. 4 денги	500 руб. 12 алт.
Иоасаф II	1672	2,5 руб.	15 руб.	140 руб. 31 алт. 4 денги	611 руб. 28 алт.
Питирим	1673	2 руб. 5 алт.	—	91 руб. 19 алт.	491 руб. 7 алт.
Иоаким	1690	2 руб.	15 руб.	не было	448 руб. 25 алт.
Адриан	1700	2 руб.	12 руб.	не было	371 руб. 31 алт. 2 денги

Обращают на себя внимание не только цены на погребальный инвентарь и надгробные сооружения, по-видимому, не менявшиеся на протяжении всей второй половины XVII в., но сокращение размеров милостыни к концу века. Очевидно, рационалистические тенденции брали верх над этим старинным благочестивым обычаем.

Из «Материалов...», собранных во втором томе, важнейшее значение для изучения истории московского некрополя имеет «Строельная книга московских церквей 7165 года»⁴⁰. Этот источник был создан после эпидемии чумы 1654—1655 гг., когда в связи со значительным расширением территорий московских приходских кладбищ потребовалось упорядочить правовые вопросы и благоустроить эти территории. По указу от 5 марта 1657 г. (его содержание известно из «Строельной книги») было велено огородить заборами кладбища четырех кремлевских церквей (Входа в Иерусалим, Космы и Дамиана, Константина и Елены, что под горою, Иоанна Предтечи, что против Аргамачьих конюшен на Бору) и закрыть их для погребения. Другие кремлевские церкви и монастыри при этом закрыты для погребения не были. Далее «Строельная книга» сообщает о благоустроительных работах на других церковных кладбищах в Китай-городе, Белом городе и Земляном городе. Судя по документу, на них были выделены средства и наняты работники из казны через Земский приказ. В каждом случае «Строельная книга» указывает размеры кладбищенской (и церковной) земли по длиннику и поперечнику (иногда конфигурация участ-

ков является сложной), сообщает, сколько и какого «леса» пошло на «городбу», т. е. сооружение забора вокруг кладбища. При этом забором огораживалось и запрещалось для погребений «старое» кладбище, на котором совершались захоронения во время эпидемии, а для новых отводилась земля чаще всего из дворовладений местного духовенства. В некоторых случаях земля была выкуплена у соседей-дворовладельцев⁴¹. Эти новые кладбища также огораживались заборами.

Всего «Строельная книга» перечисляет 222 церкви: 4 в Кремле, 41 в Китай-городе, 76 в Белом городе, 68 в Земляном городе и 33 в Замоскворечье. Очевидно, что она является важным источником не только по истории некрополя, но и по истории московских храмов, истории и топографии Москвы в целом. Документ сообщает примечательные подробности о практике погребения во время чумной эпидемии. Из «Строельной книги» становится ясно, что в разгар чумы жилые дворы пустели, а кладбища стремительно увеличивались. Совершались не только индивидуальные, но и коллективные захоронения на церковной земле и рядом с храмами (см. далее об «обрубках»).

Чумное кладбище, например, возникло вокруг Покровского собора, что на Рву (храм Василия Блаженного): «Да по сказке собора Благовещения Пречистые Богородицы дьякона Ивана Провина, за тем забором, что ныне огорожено кладбище, в моровое поветрие кладены умершие и в том месте была знать яма, яма обвалилась и на ту яму насыпано песком». Помимо него было рядом с Покровским собором еще одно интересное погребение: «от Фроловских ворот часовенка каменная, а погребен под нею в прошлом во 155 г. (1646/1647 г.) греченин Македонские земли»⁴².

Представляет большой интерес описание церквей «что на Рву меж Фроловских и Никольских ворот», известных также по изображениям на средневековых планах Москвы. «Строельная книга» перечисляет 15 церквей, добавляя, что «под теми церквами и под кладбищем, где кладены умершие, по мере по Пожару от церкви Парасковей, нареченные Пятницы, до Сонопального ряду до трубы, где была труба из Рву, 91 саж., а в поперечнике подле Сонопального ряду в первом конце 10 саж., среди церкви Николы Чуд. Да Сергия Преп. 13 саж. с полусаженью; да против трех церквей 8 обрубков, где кладены в большое моровое поветрие умершие...»⁴³.

Кладбища большинства церквей Китай-города и Белого города охарактеризованы как заполненные: «а кладбище тесно, порозжих мест нет». Отсюда проистекала необходимость отвода земель под новые кладбища. При этом старые кладбища были ого-

рожены забором «наглухо», а новые — надолбами «изредка». Анализ указанных в «Строельной книге» площадей старых и новых кладбищ требует большой и кропотливой работы в духе И.Е. Забелина, пока можно отметить очевидный факт — от центра к окраинам площадь церковной земли и кладбищ на ней увеличивалась. В Китай-городе пространство кладбищенской земли (старые кладбища) колебалось от 100 кв. саженей до 528 кв. саженей (от 216 м² до 1140,48 м²); в Белом городе — от 126,5 кв. саженей до 759 кв. саженей (от 273,24 м² до 1639,44 м²); в Земляном городе — от 104 кв. саженей до 1302 кв. саженей (от 224,64 м² до 2812,32 м²); в Замоскворечье — от 120 кв. саженей до 1360 кв. саженей (от 259,2 м² до 2937,6 м²). Площадь земель, отведенных под новые кладбища, как правило, была меньше, чем территории старых кладбищ, однако встречаются случаи отвода значительных территорий — 234 кв. сажени, 266 кв. саженей, 279 кв. саженей и даже 930 кв. саженей⁴⁴.

Схожий характер имеют другие источники, опубликованные во втором томе, — писцовые книги 1678/1679, 1679/1680, 1680/1681 гг., 1679 г. и 1685 г. Они были переплетены вместе со «Строельной книгой» в большую рукопись, объемом 837 листов. Переписные книги фиксируют итог расширения московских кладбищ, отмечая, где она была выполнена не полностью («недомерено кладбищенской земли»). Всего в писцовых книгах указана площадь кладбищ при 82 церквях Белого города, Земляного города и Замоскворечья. В них упоминаются также и монастырские кладбища (Никитского, Моисеевского, Георгиевского, Воскресенского на Тверской улице, Высоко-Петровского, Ивановского монастырей), правда, вычислить площадь некрополей на их территории редко возможно⁴⁵. Согласно писцовым книгам, размеры кладбищ приходских церквей колеблются от 131 кв. саженей до почти 2280 кв. саженей (от 282,96 м² до 4924 м²).

Таким образом, «Материалы для истории, статистики и археологии города Москвы» («московских церквей»), подготовленные под руководством И.Е. Забелина, содержат разнообразный и ценный материал по истории некрополя средневековой Москвы.

¹ Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель / Сост. О.Ф. Бойкова; авт. вступ. ст. А.А. Формозов. М., 1988. С. 26.

² Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 28.

³ Авдеев А.Г., Пирогов В.Ю. Кладбище иноземцев в Марьиной Роще // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 36—67.

⁴ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... С. 32.

- 5 *Забелин И.Е.* Воспоминание о Д.А. Ровинском. СПб., 1896. С. 4; *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 73, 74, 76.
- 6 *Забелин И.Е.* Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873. С. 226.
- 7 *Забелин И.Е.* Три неизвестные гробницы в московском Архангельском соборе // Записки Императорского археологического общества. СПб., 1853. Т. 5. С. 197—204; *Забелин И.Е.* Три неизвестные гробницы в московском Архангельском соборе // Московские губернские ведомости. 1855. № 26 (25 июня). С. 246—250. В 1873 г. эта работа была воспроизведена в авторском сборнике статей «Опыт изучения русских древностей и истории» (С. 258—265).
- 8 *Сизов Е.С.* Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Материалы и исследования Государственных музеев Московского Кремля. Вып. 1. М., 1973. С. 86—93.
- 9 *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки... С. 55, 56.
- 10 Там же. С. 265—268, 270, 272.
- 11 *Забелин И.Е.* Скифские курганы. Чертомлыцкий курган // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1865. Т. 1. Вып. 1. С. 71—90.
- 12 *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейшего времени. Ч. 1. Доисторическое время Руси. М., 1876. С. 613—646.
- 13 *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М. — СПб., 2011. С. 19—30.
- 14 *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. 1. М., 2000. С. 280, 391.
- 15 *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 2001. С. 153—155, 332—338.
- 16 Цит. по: *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 219.
- 17 *Забелин И.Е.* Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865. С. 80—90.
- 18 Там же. С. 47—52, 55.
- 19 *Адриан, иеромонах.* Краткое описание ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1821. С. 48—65; *Пассек В.В.* Историческое описание московского Симонова монастыря. М., 1843. С. 98—114; Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865. С. 64—73, 92—97.
- 20 *Забелин И.Е.* Историческое описание Донского монастыря. М., 1893. С. 98, 99.
- 21 *Забелин И.Е.* Кунцево и древний Сетунской стан... С. 220.
- 22 Там же. С. 226.
- 23 Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / Собр. и изд. руководством и трудами Ивана Забелина. Ч. 1. М., 1884. Стб. 33, 34, 37.
- 24 *Забелин И.Е.* История города Москвы. Ч. 1. М., 1902. С. 74, 127, 128, 243, 258, 296, 297, 299—302, 397, 424, 425.
- 25 Там же. С. 583—590.
- 26 *Забелин И.Е.* История города Москвы. Неизданные труды / Подгот. текста, предисловие Н.Б. Быстрова, М.В. Катагощина. М., 2003.
- 27 *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. ... доктора исторических наук. М., 2019. Т. 1. С. 51.
- 28 *Снегирев И.М.* Памятники московской древности. М., 1842. С. 23—26, 68—75, 141, 142, 211—213.

- ²⁹ Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. Год первый. М., 1848. С. 18—22, 85—87, То же. Год второй. М., 1850. С. 66, 68, 70—72, 83, 86; То же. Год третий. М., 1852. С. 59, 76, 77, 82, 83, 101—103, 150, 151, 171, 172 и др.
- ³⁰ Шокарев С.Ю. «Вооружившись любовью к старине отечественной». Алексей Александрович Мартынов. 1818—1903 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы) / Сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М., 1997. С. 35.
- ³¹ Ошибка: первой жены.
- ³² Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... С. 155.
- ³³ Забелин И.Е. Подземные хранилища Московского Кремля. М., 1894.
- ³⁴ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 399—403.
- ³⁵ Там же. Стб. 255—266, 285—294, 506, 521, 522, 528—530, 533, 543, 535, 536, 541—543, 553, 556—558, 568—571, 744, 795—805, 836, 837, 841—849, 855, 856, 911.
- ³⁶ Там же. Стб. 387, 419, 450, 451, 455
- ³⁷ Там же. Стб. 1047—1084.
- ³⁸ Авдеев А.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 329—331.
- ³⁹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 1049, 1054, 1058, 1059, 1061, 1064—1065, 1081.
- ⁴⁰ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 1—276.
- ⁴¹ Например, у стольника и князя Ф.Н. Борятинского под новое кладбище церкви Николая Большой Крест, у стольника А.В. Толстого под новое кладбище церкви Св. Николая в Хлынове и др. (там же. Стб. 17, 71).
- ⁴² Там же. Стб. 6.
- ⁴³ Там же. Стб. 6.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 49, 60, 64, 203.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 287—289, 312—314, 315—317, 319, 332, 333—334.

П.Б. Ермолов

Забелины в Царицыне

Во второй половине XIX в. Царицыно превратилось в популярную и престижную дачную местность. Озабоченное доходностью царских владений, Удельное ведомство стало сдавать в аренду земельные участки имения. Арендаторов и гостей привлекали живописные пейзажи, необычный парк с романтическими руинами и древними курганами, пруды, где можно было купаться и ловить рыбу. К несомненным достоинствам Царицына добавлялись благоустроенность местности и близость железнодорожного вокзала. Поэтому то, что в Царицыне поселилась семья выдающегося русского историка И.Е. Забелина (1820—1908) представляется отнюдь не случайностью.

Имя Ивана Егоровича Забелина — одного из основателей и руководителей Исторического музея в Москве — хорошо известно любому, кто интересуется русской историей. Ученого, всю жизнь посвятившего изучению материальной культуры, нравов и обычаев русского народа, не могло не привлечь Царицыно с его древними курганами и дворцово-парковыми сооружениями. Еще в 1873 г. Забелин в своей книге о московских и подмосковных садах опубликовал опись царицынского парка 1825 г., являющуюся по сей день ценным документом для изучения архитектурных памятников Царицына¹.

После смерти супруги и старшей дочери И.Е. Забелина, его единственной наследницей и душеприказчиком стала младшая дочь Мария Ивановна Забелина (1851—1920) (рис. 1). Она так и не вышла замуж и всю жизнь посвятила отцу. Широкому кругу любителей истории известно о ней незаслуженно мало. Между тем, личность ее примечательна. М.И. Забелина не только была надежной опорой своему отцу при жизни, но и после его кончины в 1908 г., руководствуясь его пожеланием, передала в дар Историческому музею все его коллекции, архивы и библиотеку (а это

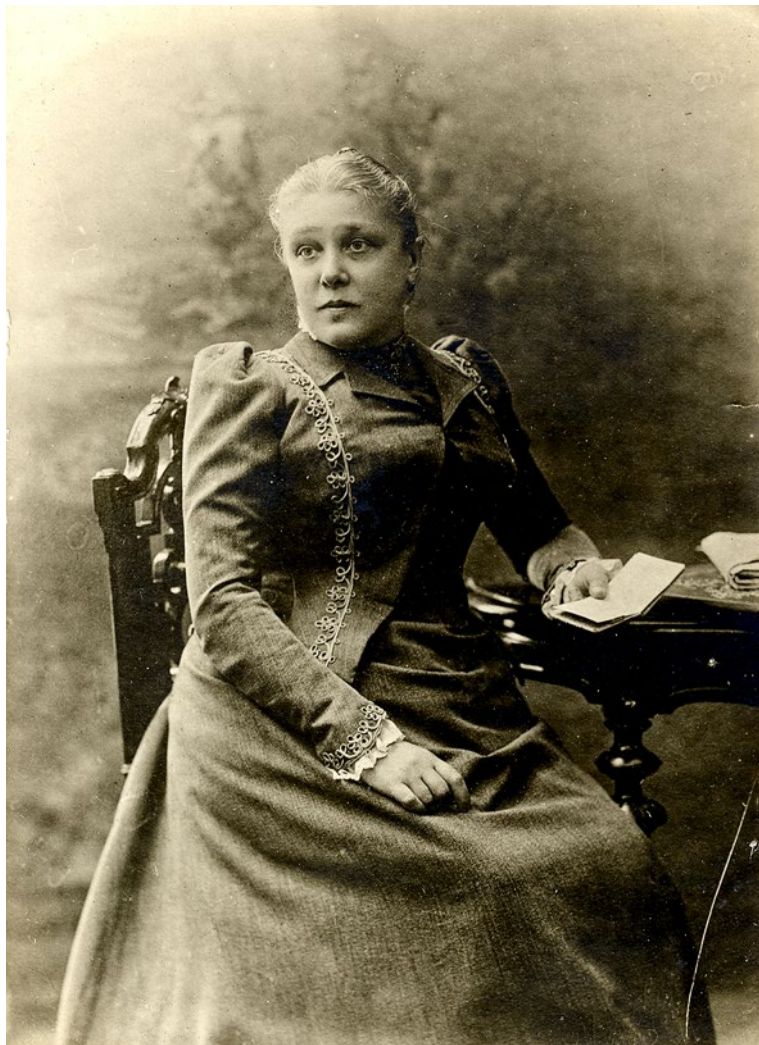

Рис. 1. М.И. Забелина. Фотография. Конец XIX в. ОПИ ГИМ

более 20000 томов и еще около 3000 томов древнерусских рукописных книг)², а также пожертвовала 60000 руб. в дар Историческому музею для образования особого капитала им. И.Е. Забелина для приобретения памятников старины³. Помимо этого, Академии наук ею было передано 30000 руб. «для употребления процентов с этого капитала на переводы древних греческих и латинских, а также средневековых географов и летописцев, особенно

тех, которые пишут о Русской стране и о Балтийском Поморье, а также и на издание этих переводов»⁴. В целом же, во исполнение устного желания И.Е. Забелина, от его дочери Историческим музеем «...в процентных бумагах разного наименования получено по номиналу 127000 рублей...»⁵. По сути дела, все то немалое наследство, что оставил ей отец, было передано для увековечивания его памяти и трудов. В 1909 г. оставшаяся без средств к существованию М.И. Забелина с высочайшего соизволения решением правительства была удостоена «в изъятие из правил и не в пример прочим, усиленной из казны пенсии по 3000 рублей в год»⁶. В последующие годы Мария Ивановна помогала ученому секретарю Исторического музея историку И.М. Тарабрину разбирать архивы отца и готовить посмертное переиздание трудов И.Е. Забелина⁷. В 1912 г. она пожертвовала 1000 руб. на строительство здания Московского археологического института⁸.

М.И. Забелина также активно занималась благотворительностью. В 1911—1919 гг. она была членом (с 1912 г. — пожизненным) Московского отделения Российского общества покровительства животным, ставившего своей целью привить в обществе гуманное отношение к животным⁹. Будучи верующим человеком, Мария Ивановна делала крупные — до нескольких тысяч рублей — пожертвования храмам, монастырям, детским приютам, больницам и госпиталям.

В 1909 г. М.И. Забелина была избрана почетным членом Тверской ученой архивной комиссии¹⁰. В 1912 г. награждена медалью в память Отечественной войны 1812 года для ношения на груди на Владимирской ленте, а в 1914 г. — золотой медалью Московского Археологического института имени императора Николая II¹¹.

Дачу в Царицыне М.И. Забелина приобрела в ноябре 1896 г. у инженера-механика М.П. Щекотова за 5000 руб.¹² (рис. 2). До этого, в 1880-х гг., Забелины летом выезжали на съемную дачу либо в Покровском-Глеbove, либо в Химках¹³.

По договору о покупке значились две одноэтажные дачи с мезонинами, крытые железом, со всеми при них службами на участке дворцовой земли (№ 63 по оброчной книге 4 округа Дворцового имения) площадью 1104 кв. сажень (~0,502 га). Вместе с договором продажи был заключен договор передачи М.И. Забелиной участка на оброчное содержание сроком на 24 года (разрешение управления Московского удельного округа за № 8259 от 27 ноября 1896)¹⁴ (рис. 3—6).

Участок находился в районе старого Царицына, в так называемом Воздушном саду, сейчас туда можно пройти от станции метро Орехово через КПП № 8 или 9. Об этом историческом

Рис. 2. Фрагмент карты Царицына с обозначенным на нем участком Забелиных (показан стрелкой). 1890-е гг. РГИА

районе напоминает нынешняя Воздушная улица, которая во второй половине XIX в. проходила через заовражный участок вдоль оранжерейных прудов и была главной улицей дачной местности Воздушный сад, давшей название и самой улице. По обеим ее сторонам располагались дачи, в которых в разное время жили известные деятели культуры — писатель Л.Н. Андреев, поэт А. Белый, математик и философ Н.В. Бугаев, архитектор Н.В. Розов, педагог и филолог С.Г. Смирнов, общественный деятель и коммерсант А.Л. Керков и др. Вообще особенностью дачного Царицына было то, что здесь селились люди, которые «сами себя сделали» — добивались всего своим умом и талантами — купцы, разбогатевшие крестьяне, мещане, ученые, творческая интеллигенция.

Сразу после покупки дачи в домах и на участке начались переделки и многочисленные ремонтные работы¹⁵. Весной 1897 г. на дачах были переложены русские и голландские печи и кухон-

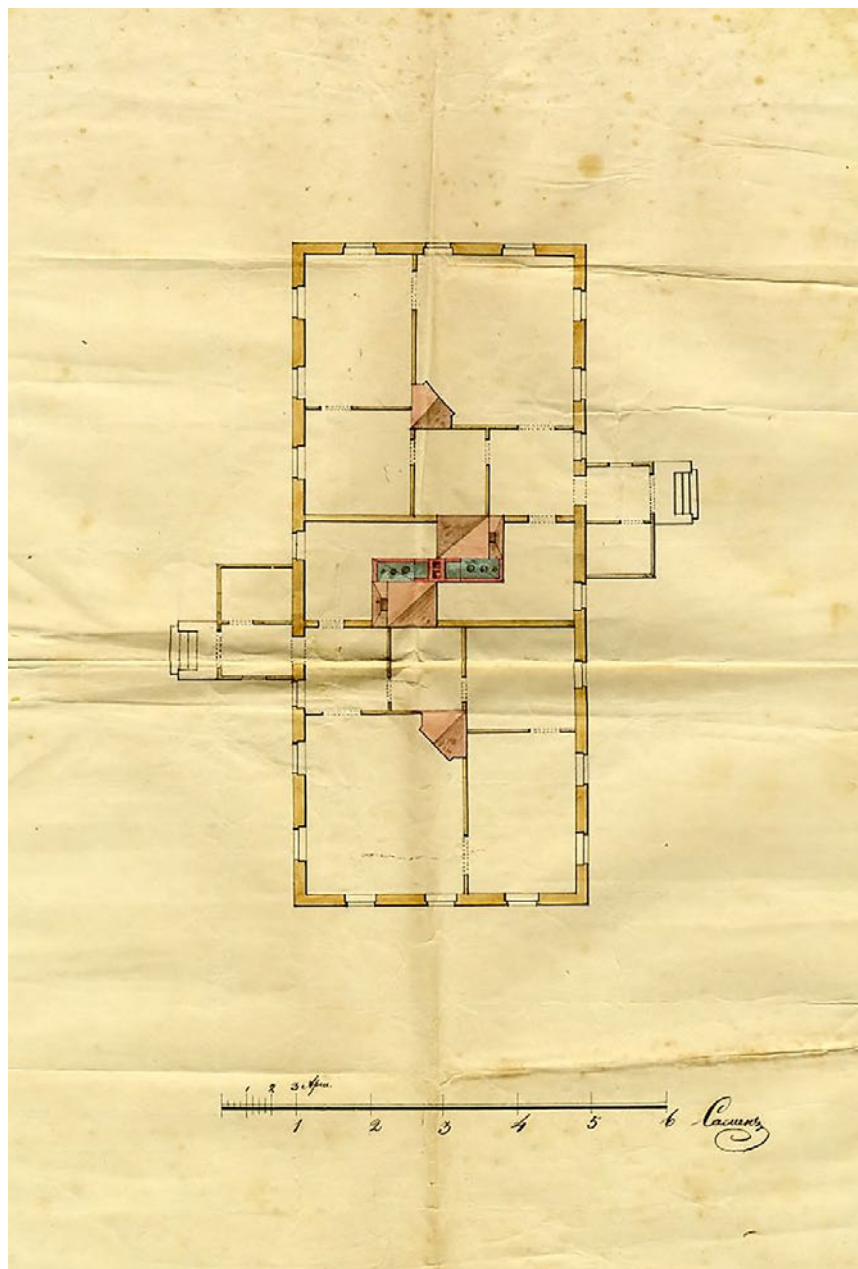

Рис. 3. План Большой (главной) дачи на участке Забелиных. ОПИ ГИМ

Рис. 4. Большая дача Забелиных. ОПИ ГИМ

Рис. 5. Малая дача Забелиных. ОПИ ГИМ

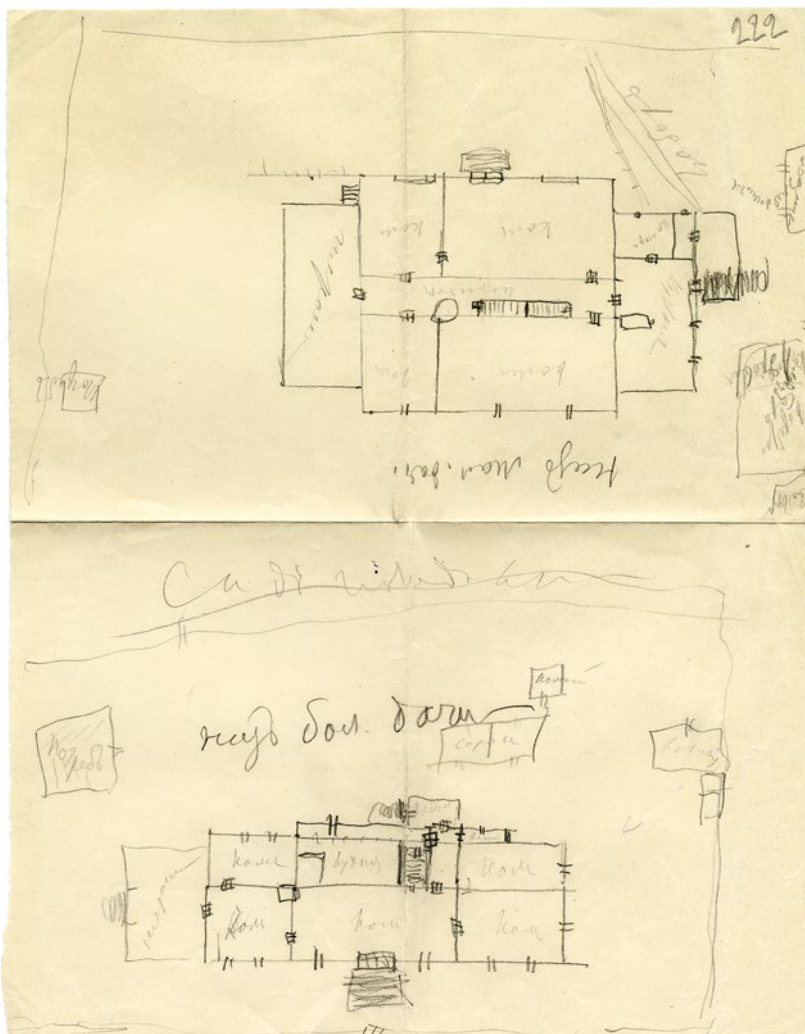

Рис. 6. Рисунок нижней части Малой (верхний рисунок) и Большой (нижний рисунок) дач из архива М.И. Забелиной. ОПИ ГИМ

ные плиты с облицовкой петербургскими изразцами. Тогда же были вставлены новые двери, ставни, лестницы в погреба, отремонтирован туалет. Починены и покрашены кровля и водостоки, устроен палисад. Внутри дома также покрасили, а стены оклеили обоями. Обе дачи были сделаны и меблированы в соответствии с тогдашними представлениями о комфорте. В 1901 г. на главной

даче поставили новый водяной насос, в 1905 г. заменили еще более мощным. Главная дача имела конюшню, ведь Забелин был в чине тайного советника и имел свой выезд.

Участок охранял сторож, регулярно нанимался садовник-поденщик. Владельцы участка сажали клены, ясени, испанские вишни. В саду выращивались многочисленные цветы, рассаду Мария Ивановна покупала у садовника Самолетова, участок которого, с небольшим домом, был неподалеку. В дачный сезон участок был подобен райскому саду — что только не высаживали здесь: настурции, герани, вербены, петунии, флоксы, георгины, табак, голландскую гвоздику, астры, гелиотропы, левкой, резеду, георгины, бархатцы, тыквы и даже кукурузу. На участке в начале века произрастало 87 деревьев: 30 берез, 25 ив, 14 елей, 8 сосен, 6 лип, 1 клен, 1 ясень и пр.; удельное ведомство строго следило за тем, чтобы хозяева арендуемых участков сохраняли деревья.

Содержание дачи, ее ремонт и охрана были полностью в руках Марии Ивановны, на ее имя приходили все счета, она вникала в каждую хозяйственную мелочь. Дача требовала ежегодных затрат — только на ремонт и благоустройство дачи ежегодно уходило от одной до нескольких сотен рублей. Кроме того, М.И. Забелина каждый год платила за свой участок земский сбор и как дворянка, дочь тайного советника, дворянский сбор (до 1912 г.). Ежегодно дача Забелиных страховалась от пожара в Русском страховом обществе.

Впрочем, дача была не только источником затрат, но и вполне окупалась, ведь один из домов сдавался внаем вместе с мебелью и утварью. Причем плата за дачный сезон взималась немалая и составляла в 1902—1907 гг. 350 руб., с 1908 г. — 360 руб., а к 1913 г. достигла 375 руб. (жалованье среднего чиновника в 1913 г., например, было около 100—130 руб. в месяц, а квалифицированный рабочий получал 40 руб.). Тем не менее, дача, как правило, не пустовала. Случались и курьезные случаи. Так, в 1912 г. дачу снял некто А.Г. Иванов¹⁶. Уже начало июля, завезена мебель дачника, а его все нет, нет и оплаты. Мария Ивановна забеспокоилась — неясно, оставит ли съемщик за собой дачу или нет. Пропажу незадачливого квартиранта разъяснила телеграмма... из губернской тюрьмы: «хотел на дачу ехать, а пришлось попасть в тюрьму, отдайте мебель в магазин, а с них получите залог 500 рублей и оставьте деньги у себя до моего возвращения из тюрьмы, когда меня освободят». Что такого натворил этот господин Иванов, документы из архива Забелиных умалчивают, но Марии Ивановне пришлось в разгар дачного сезона улаживать дела бедного сидельца.

И.Е. Забелин отдыхал и работал на даче каждое лето, на адрес дачи в Воздушном саду приходила адресованная ему корреспонденция, газеты «Московские ведомости» и «Новости дня». Дачу посещали родственники Забелиных, коллеги и друзья историка, бывали и гости с близлежащих дач — Орешниковы, Езучевские.

В конце 1890-х гг. совместно с ученым секретарем Исторического музея В.И. Сизовым Забелин произвел в царицынском парке археологические раскопки кургана вятичей, датируемого XI—XIII вв. Находки, полученные в результате этих раскопок, находятся ныне в собрании Государственного исторического музея. Это височные кольца с лопастями, типичные для вятичских погребений, браслеты и украшения, остатки бытовых предметов. Сохранилась фотография раскопок, сделанная управляющим царицынского имения Н.А. Рохмановым, на которой запечатлены И.Е. Забелин, М.И. Забелина, В.И. Сизов, Д.П. Езучевский, А.В. Орешников и др.¹⁷ (рис. 7).

Проблемы у дачников рубежа начала XX в. были такие же, как и у нынешних любителей загородного отдыха. Это, прежде всего, грабежи дач в зимний период. Хотя у Забелиных был свой сторож (он же дворник), который по предписанию пристава посылался согласно графику на дежурство по поселку, но в зимний период оставалась только полицейская охрана. В ноябре 1902 г. дача Забелиной была взломана и ограблена, преступники похитили посуду на сумму 40 руб., однако уголовное дело по просьбе владелицы дачи было прекращено — понятно, что это был, как теперь выражаются, «глухарь»¹⁸. С 1908 г. была введена практика найма дачевладельцами за свой счет сторожей вместо полиции.

М.И. Забелина участвовала в работе основанного в 1908 г. Общества благоустройства дачной местности «Царицыно», а также в совместном с другими дачевладельцами благоустройстве дорог и территории дачной местности. Так, в 1909 г. на средства дачников был построен деревянный мост по Забелинскому переулку¹⁹. В 1911 и 1916 гг. проводились собрания владельцев дач, организованные комитетом Общества благоустройства дачной местности «Царицыно» по вопросу об охране дач, на которые была приглашена и М.И. Забелина²⁰.

В 1913 и 1914 гг. М.И. Забелина проводила лето в пансионе Нобак в г. Ассерн Лифляндской губ. Вторая дача в этот период сдавалась внаем. Царицыно посещала лишь ее двоюродная сестра С.М. Андропова и служанка Поля (Пелагея Алексеевна Митрофанова). Добирались, как и большинство дачников, на поезде. «В 8 часов отправились гулять в Царицыно, приехавши туда, пошли к дворцу и на том же столике, где и ты сидела, заказали само-

Рис. 7. Раскопки кургана в царицынском парке. Фотография Н.А. Рохманова. Конец 1890-х гг. На снимке: И.Е. Забелин (в центре), М.И. Забелина, В.И. Сизов, Д.П. Езучевский, А.В. Орешников, царицынские дачники и крестьяне. ОПИ ГИМ

вар, попили чайку, закусили и пошли... в лес гулять, искали грибов, но нашли очень мало, белых ни одного, нагулявшись вдоволь, опять пошли чай пить и закусывать. Волчок (собачка М.И. Забелиной. — П.Е.) был на вершине блаженства, нагулялся вдоволь. Гуляющих очень и очень мало попадались, посидели над прудом и, наконец, с восьмичасовым поездом возвратились в Москву. Погода здесь стоит прекрасная, тепло»²¹, — описывала С.М. Андропова одну из царицынских прогулок в письме к сестре.

С началом Первой мировой войны привычный уклад жизни стал меняться. В сентябре 1914 г. М.И. Забелина предложила помещения своей дачи для нужд Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, однако, как указывалось в благодарности Московского уездного комитета союза, «оборудование предлагаемых помещений на время отложено, т. к. устраиваются уже ранее принятые помещения»²². Забелина участвует в сборе вещей и продуктов для раненых солдат. Ее любимая кухня, Софья Михайловна Андропова, бывшая сестрой милосердия Иверской общины сестер милосердия Красного Креста, уезжает в Вильну, в госпиталь²³. Мария Ивановна посылает ей деньги — ведь сестры милосердия, как известно, несмотря на свой тяжелый труд, имели нищенское жалованье. «Рада, что ты в Царицыне и дышишь свежим воздухом — это самое лучшее лекарство»²⁴, — пишет сестре летом 1915 г. Софья Михайловна. В 1916 г. М.И. Забелина была вынуждена продать дачу — ей уже тяжело вести дачное хозяйство, цены растут. Поначалу покупательницей выступила некая М. Александрова, которая даже внесла задаток, но у нее возникли финансовые проблемы и в письме от 19 октября 1916 г. к Марии Ивановне она отказалась от покупки: «Я уверена, что Вы и помимо нас скоро продадите вашу чудесную дачу, о которой я лично очень жалею»²⁵. Дачу приобрела вдова врача Ф.А. Никитская²⁶.

М.И. Забелина провела последние годы своей жизни в здании Исторического музея, получая обесценивающуюся с каждым днем пенсию. После Октябрьской революции 1917 г. пенсия М.И. Забелиной была сохранена, а в октябре 1919 г. ее персональная пенсия была заменена новой общегражданской пенсией в размере 1200 руб. в месяц, увеличенной с 1 июня 1920 г. до 2700 руб.²⁷. Однако к этому времени из-за инфляции реальная покупательная способность рубля была столь мизерной, что пенсия не обеспечивала даже прожиточного минимума, в стране свирепствовал голод. Вот любопытная деталь жизни той поры: Е.Д. Орешникова (супруга А.В. Орешникова) писала весной

Рис. 8. Малая дача Забелиных (?). Фотография 1950-х гг. ГМЗ «Царицыно»

1919 г. М.И. Забелиной из Старой Руссы, что извозчики берут 3000 руб. за сравнительно небольшую поездку от их дома до железнодорожной станции²⁸.

В это тяжелое время помощь М.И. Забелиной оказывали родственники, друзья и бывшая прислуга Поля, присылавшая ей из деревни продукты — картошку, хлеб²⁹. М.И. Забелина скончалась истощенная, в глубокой нищете и была погребена на Ваганьковском кладбище, там же, где упокоился ее отец.

Судьба дачи знаменитого историка в советское время была печальной, Ф.А. Никитская владела ею недолго — известно, что уже к 1921 г. бывшая дача Забелиных была муниципализирована в пользу Московского уездного совета, причем одна из дач, летняя, была снесена. Вскоре и само Царицыно, переименованное в Ленино, изменилось до неузнаваемости. Из престижной дачной

местности район превратился в обыкновенный рабочий поселок с коммуналками. Поменялся и социальный состав населения: рабочий люд, первоначально немногочисленный, быстро увеличивался за счет притока беженцев из районов, охваченных Гражданской войной и голодом. Возрастало также число служащих и интеллигенции — за счет представителей бывших привилегированных классов, бежавших из Москвы. Поэтому большинство дач исчезло или было перестроено в первые десятилетия советской власти.

В начале XXI в. в ГМЗ «Царицыно» от членов общества царицынских старожилов поступила электронная копия фотографии 1950-х гг., на которой, по их свидетельствам, запечатлена дача Забелина незадолго до ее окончательного исчезновения (рис. 8). Сравнение с известными фотографиями забелинских дач позволяет предположить, что на снимке, возможно, несколько перестроенная вторая дача, сдававшаяся М.И. Забелиной в аренду.

- 1 *Забелин И.Е.* Сведения о Московских и подмосковных садах XVIII—XIX столетий. Сад в селе Царицыне // *Опыты изучения русских древностей и истории.* М., 1873. Т. II. С. 345—350.
- 2 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1006. Л. 21.
- 3 Там же. Л. 7—8.
- 4 Там же. Оп. 3. Д. 105. Л. 1.
- 5 Там же. Оп. 1. Д. 1018. Л. 1.
- 6 Там же. Д. 1006. Л. 5—6. Надо заметить, что эта персональная пенсия соответствовала жалованью чиновников высокого ранга.
- 7 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1006. Л. 21; там же. Оп. 3. Д. 106 — переписка 1909—1910 гг. И.М. Тарабрина с М.И. Забелиной о подготовке переиздания трудов И.Е. Забелина.
- 8 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1018. Л. 120.
- 9 Там же. Д. 1027. Л. 1—24, 122.
- 10 Там же. Оп. 3. Д. 105. Л. 16.
- 11 Там же. Оп. 1. Д. 1006. Л. 14, 16.
- 12 Там же. Д. 1028. Л. 1—2.
- 13 Там же. Д. 25. Л. 161—172.
- 14 Там же.
- 15 Здесь и далее сведения о дачах Забелиных получены на основании изучения многочисленных хозяйственных документов: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1029. Л. 1—226.
- 16 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1008. Л. 87—89, 92.
- 17 ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 36. Л. 19.
- 18 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1028. Л. 145—146.
- 19 Там же. Л. 152, 166—168, 170—195.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Д. 1017. Л. 44.
- 22 Там же. Д. 1028. Л. 169.

- ²³ С.М. Андропова, сестра Иверской общины, упоминается в работе А.В. Постернака «Очерки по истории общин сестер милосердия» (М., 2001. С. 208). Там приведен ее послужной список из формуляра Российского общества Красного Креста, из которого следует, что к началу Первой мировой войны она уже проработала сестрой милосердия 13 лет, была также на русско-турецкой и русско-японской войнах.
- ²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1017. Л. 72.
- ²⁵ Там же. Л. 2—3.
- ²⁶ Там же. Д. 1028. Л. 1—2, 206.
- ²⁷ Там же. Д. 1006. Л. 29—32.
- ²⁸ Там же. Д. 1009. Л. 131.
- ²⁹ Там же. Л. 109.

Часть вторая

Источниковедение

Московские «трети» XIV—XVI веков

Система управления Москвой в XIV—XVI вв. была своеобразной. Город не составлял личной собственности великого московского князя, а являлся общим родовым владением всех князей московского княжеского дома. В источниках этот порядок управления фиксируется со времен Ивана Калиты, который в своей духовной грамоте писал: «Приказываю сыном своим очину свою Москву»¹. На долю каждого из сыновей Калиты пришлось треть столицы. В дальнейшем в княжеских завещаниях и соглашениях неоднократно встречается этот термин («треть Москвы», «московская треть»). Подобное положение, когда наряду с великим князем в Москве жили и его удельные сородичи, сохранялось на протяжении длительного времени.

История третнего управления Москвой неоднократно становилась предметом внимания исследователей, в частности, академика М.Н. Тихомирова². Вместе с тем до сих пор остается дискуссионной самый главный вопрос: что представляли собой московские «трети»? Историками по этому поводу, начиная с Н.М. Карамзина, были высказаны две диаметрально противоположные точки зрения. Часть исследователей полагает, что город был разделен на три части между князьями-совладельцами, а «московская треть» являлась административно-территориальной единицей. Другие ученые считают, что город оставался единым целым, а между князьями делились только собиравшиеся с него доходы.

Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо привлечь поздний и достаточно неожиданный источник — опубликованную И.Е. Забелиным именную подушную книгу 1727 г. генерал-майора Г.П. Чернышева (будущего московского генерал-губернатора), представлявшую собой ревизскую перепись московского белого духовенства. Согласно ей, весь город, за исключением Кремля, делился на шесть территориальных единиц — «сороки»:

Карта выполнена доктором исторических наук С.Н. Темушевым (Белорусский государственный университет, Минск). 2022 г.

Китайский, Ивановский, Сретенский, Никитский, Пречистенский и Замоскворецкий³.

В XVIII в. московские сороки являлись единицами церковного деления города на отдельные округа — благочиния. В среднем один московский сорок объединял около 40–50 приходских церквей (исключением являлся Китайский сорок, насчитывавший около 20 храмов). С точки зрения И.Е. Забелина, свое название сороки получили от общего количества входящих в них церквей. Но как тогда быть с известной поговоркой о московских «сорока сороков»? Простейший подсчет показывает, что речь должна идти о 1600 московских храмах. Но такого количества церквей в первопрестольной никогда не существовало (в пределах МКАД известно около 800 церквей). Исследователь попытался выйти из данной ситуации, принимая во внимание то, что данная поговорка учитывала не собственно храмы, а церковные престолы. Скажем, известный

храм Василия Блаженного объединяет 11 церквей, и должен считаться соответствующим образом.

О времени появления московских сороков в литературе были высказаны различные точки зрения. Например, историк и москвовед И.К. Кондратьев относил их возникновение ко времени царя Федора Алексеевича⁴. Крайне важно понимать, что сороки не являлись специфичным московским явлением: они существовали и в других русских городах⁵. Согласно переписной книге 1686/87 Вологды, местный посад делился на 14 сороков. Дозорная книга Белоозера 1617/18 г. фиксирует деление белозерского посада на восемь сороков⁶.

Откуда взялось название «сорок»? На Белоозере не было такого количества храмов, как в Москве. В большинстве местных сороков располагалась одна, редко две церкви, в некоторых они вообще отсутствовали. Подобная картина наблюдалась и в Вологде. В связи с этим невозможно связывать происхождение названия «сорок» с общим количеством храмов.

Известно, что основным экспортным товаром в Древней Руси являлась пушнина. При этом меха обычно продавались не поштучно, а связками. Чаще всего связка состояла из сорока шкурок. Отсюда возникло значение слова «сорок» как единицы счета, применяемого при налогообложении.

Таким образом можно предположить, что перед нами остатки прежнего, когда-то существовавшего внутригородского деления Москвы и других городов. Позднее эти территориально-административные единицы стали именоваться по-другому. Прежние названия сохранились в церковном административном устройстве, всегда более анахроничном по сравнению со светским.

Данную гипотезу подтверждает уставная губная Московская запись об уголовном суде и подсудности в городе Москве с округой первой половины XV в. («Запись о душегубстве»), регулировавшая вопросы юрисдикции между князьями-совладельцами в Москве. Согласно источнику, в XV в. московский посад делился на пять судебных округов: «А на Москве на посаде лоучится душегубство за рекою за Москвою, ино к тому и Даниловское; а будет душегубство за Яоузою, ино к тому Аньдрониев манастырь и городищо; а лучится душегубство на Великой оулице оу Николы оу Мокрово, ино к тому от Острого конца и до Варьской оулице; а лучится душегубство за Варьскою оулицею, ино к тому и оу Стретенской оулице и по Неглимну; а за Неглимною лучится душегубство, ино к тому и Дорогомислово, все Занеглимные и Семьчинское»⁷. Если вспомнить, что все дела по душегубству

(убийствам) судили только князя, перед нами предстают части московского посада, управлявшиеся ими или их наместниками.

Примечательно, что и в других городах, в описании которых встречается термин «сорок», — Белоозере и Вологде — также существовало сместное владение.

Наложение на карту судебных округов XV в. и сороков XVIII в. показывает их полное совпадение. Исключение составляет лишь Занеглименье, на территории которого позднее находились два сорока: Никитский и Пречистенский. Это объясняется тем, что в XV—XVII вв. развитие города происходило преимущественно в западном и северо-западном направлениях.

Отсюда следует основной вывод: московские «трети» представляли собой части города, принадлежавшие отдельным князьям-совладельцам Москвы. Память об этом сохранялась вплоть до XVIII в., уцелев в названии мелкой церковно-административной единицы.

Когда возникает это деление Москвы? Можно полагать, что оно восходит ко временам князя Даниила Александровича, разделившего свой столичный город между пятью сыновьями. Этим долям наследников Даниила, очевидно, соответствовали пять судебных округов города в XV в. После смерти других сыновей Даниила все части Москвы сосредоточились в руках Ивана Калиты. Тот также делит город, но уже на три части, по числу своих сыновей. Следует полагать, что прежнее устройство города не было перекроено, и старший из братьев держал два-три участка, а младшим приходилось довольствоваться одним.

Подобным же образом между наследниками Калиты был поделен и столичный уезд, который, судя по писцовым и переписным книгам XVI—XVII вв., также делился на три части. Так, в 1550/51 г. Московский уезд описывался одновременно тремя писцами: Андреем Лодыгиным с Иваном Челищевым, Федором Старковым, Дмитрием Чеботовым. Это было связано с тем, что по завещанию Ивана Калиты Москва с округой была поделена между его тремя сыновьями. Данная ситуация с князьями-совладельцами продолжалась вплоть до XVII в.

Интересно то, что подобную картину можно увидеть и на примере других уездов. В частности, Владимирский уезд в 1554/55 г. описывался кн. Андреем Бабичевым и одновременно Андреем Васильевичем Лодыгиным, Василием Михайловичем Гиреевым, подьячими Василием Григорьевым сыном Станиславля и Нечаем Рязановым. В 1568/69 г. отметим также две бригады владимирских писцов: кн. Григория Васильевича Звенигородского и Ивана Ога-

рева, а также Андрея Ивановича Мятлева и Тимофея Михайловича Судакова.

В 1559/60—1561/62 гг. одну половину Костромского уезда описывали кн. Андрей Дмитриевич Дашков, Андрей Васильев сын Тимофеевича Безносова, подьячие Нечай Андреев сын Шестакова, Щевель Григорьев сын, а другую половину того же уезда в те же годы Василий Иванович Наумова, Инай Иванович Ордынцев, подьячие Андрей Леонтьев сын Шулепникова и Ташлык Федоров сын Теремницкого. В 1567/68—1568/69 гг. в Костромском уезде также действовали две бригады писцов: Курбата Андреевича Измайлова с подьячим Рудаком Толмачевым и Федора Ласкирева. То же самое можно проследить на примере Вологодского уезда, который в 1561/62 г. описывался по «половинам»⁸.

Данные наблюдения показывают широкое распространение в Древней Руси системы совместного владения и позволяют пролить свет на эту малоизученную страницу отечественной истории.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7.

² *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII—XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1992.

³ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / Под ред. И.Е. Забелина. Ч. II. М., 1891. Стб. 547—608.

⁴ *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1997. С. 32.

⁵ *Федорец А.И.* Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40-х — 80-х гг. XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 12.

⁶ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII века. М., 2008; Белозерье. Историко-литературный альманах / Гл. ред. Ю.С. Васильев. Вып. 1. Вологда, 1994; Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 92; Сборник актов Северного края XVII—XVIII вв. / Сост. И. Суворов. Вологда, 1925. С. 271—272.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. Т. III. М.; Л., 1964. № 12. С. 28.

⁸ Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV — начала XVII века / сост. К.В. Баранов. М., 2015.

Е.И. Серебрякова

О двух лицевых рукописях
«Христианской топографии» Козмы
Индикоплова из собрания Е.В. Барсова:
к уточнению атрибуций

Собрание рукописей Елпидифора Васильевича Барсова (1836—1917), выдающегося исследователя древнерусской письменности и русского фольклора, археографа, собирателя рукописных и вещественных памятников старины было куплено Историческим музеем в 1914 г. Это важное приобретение совпало с новым этапом в истории отдела рукописей ГИМ как самостоятельного научного подразделения, открывшего в ноябре 1914 г. двери своего нового читального зала и заново оборудованного хранилища. В Отчете РИМ за 1914 год Г.Л. Малицким и В.Н. Щепкиным был опубликован подробный обзор Барсовского собрания, дающий полное представление о его научной ценности, в том числе и для исследователей искусства рукописной книги, с краткой характеристикой и воспроизведением миниатюр некоторых памятников¹.

К числу лицевых рукописей собрания Барсова, введенных в научный оборот еще до поступления в музей, принадлежит список XVI в. популярного в Древней Руси переводного сочинения византийского автора VI в. Козмы Индикоплова — Барс. № 263. С рукописью был хорошо знаком Е.К. Редин (1863—1908), автор капитального труда «Христианская топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам», в котором он поместил ряд фотоснимков с миниатюр Барс. 263 среди примеров иконографической редакции, названной исследователем «Синодальной»². Индикоплов Барс. 263 был там датирован широко XVI в., без какой-либо палеографической характеристики самой рукописи, поскольку главной целью Е.К. Редина являлась классификация памятников по основным композиционным особенностям их миниатюр. Мы уточнили кодикологические данные Индикоплова Барс. 263, которые позволили отнести его к группе памятников, условно названной нами «кирилло-белозерским» вариантом редакции.

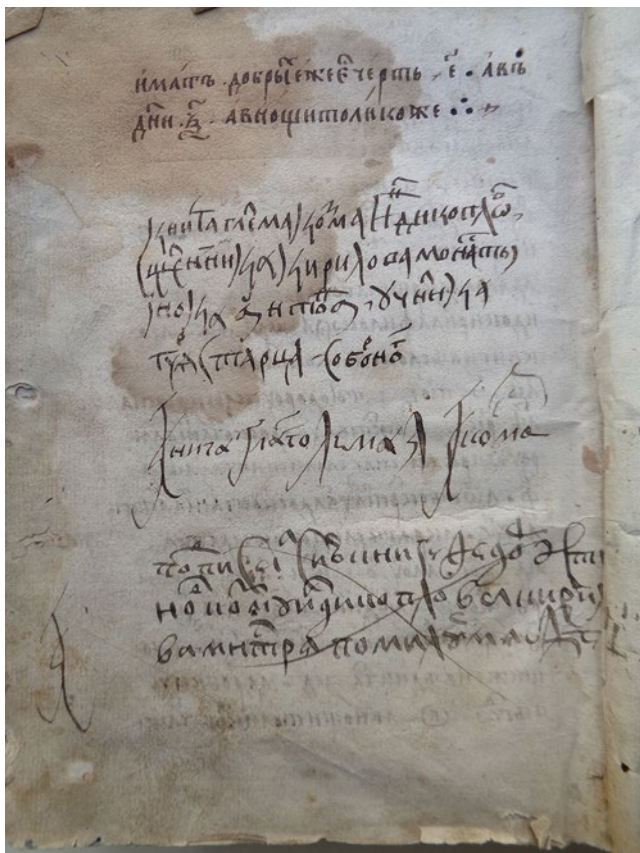

Рис. 1. Владельческая запись инокa Антония. «Христианская топография» Козмы Индикоплова. 1560-е гг. ГИМ Барс. 263. Л. 274об.

Рукопись Барс. 263 форматом в 4^о содержит 275 л.; переплет XVI в., доски вровень с блоком, обтянуты кожей с тиснением из отдельных басм на верхней крышке и с ромбической «сеткой» дорожником на нижней; сохранились две медные застѣжки. На л. 274 об. под заключительными строками текста находится запись, выполненная крупным угловатым полууставом XVI в.: «Книга глаголема Козма Индикоплов священника Кирилова монастыря инокa Антония, ученика Гурия старца соборнаго» (очевидно, Гурия Тушина (1450-е — 1526), знаменитого книжника и книгописца, бывшего игумена Кирилло-Белозерского монастыря)³; ниже другим почерком, скорописью: «подписал сию книгу Федор Устинов, Козму Индикоплова Кирилова монастыря, помилуй мя» (рис. 1). По фи-

Рис. 2. Миниатюра «Ноев ковчег». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. 1560-е гг. ГИМ Барс. 263. Л. 26

лиграням бумаги (небольшая сфера со звездой на стержне, нескольких вариантов, наиболее близкие — Лихачев № 2948, 1561 г.; Брикe № 13966, 1553 г., № 14007, 1559 г.) рукопись датируется концом 50-х — началом 60-х гг. XVI в.; прослеживаются несколько полууставных почерков. С уверенностью можно констатировать, что по иконографии все миниатюры Барс. 263 представляют собой точную реплику иллюстраций более раннего лицевого Индикоплова 1470—1480 гг. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел. 64/1141), известного в литературе как «Индикоплов Григория Волнина», дьяка великого князя Ивана III (по записи на переплетном листе), несколько миниатюр из которого были опубликованы еще в 1906 г. Н.П. Лихачевым в «Материалах по истории русского иконописания»⁴. С художественной стороны миниатюры Барсовского списка по сравнению с оригиналом XV в. отличаются большей упрощенностью, грубоватой небрежностью рисунка и яркой плотной раскраской желтой, зеленой, оранжево-красной и темно-синей красками, придающими библейским сценам немного «лубочный» характер (рис. 2).

Как известно, термины «Синодальная» и «Архивная» редакции иллюстративного цикла Христианской Топографии, введен-

Рис. 3. Миниатюра «Ноев ковчег». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Конец XVIII в. ГИМ Муз. 2902. Л. 140б.

ные Е.К. Рединым, опираются на конкретные иконографические приметы ключевых памятников — лицевых Индикопловов из августовских томов Великих Минеи Четых митрополита Макария: Софийского («Архивного») 1538 г. (РГАДА, собр. Оболенского ф. 201, № 161) и Успенского («Синодального») 1542 г. (ГИМ, Синодальное собр., Син. 997). Каждый список обладает своими стилистическими особенностями, их миниатюры выполнены разными художниками⁵. Таким образом, лицевой Индикоплов Барс. 263 из Кирилло-Белозерского монастыря является важным представителем «до-макарьевской» версии иллюстративного цикла памятника, в XVII—XVIII вв. повторенной еще в нескольких списках (см., например, Индикоплов конца XVIII в., ГИМ Муз. 2902, 1^о) (рис. 3).

Основной общей особенностью лицевых Индикопловов, помещенных в Великие Минеи Четые, стала замена мастерами макарьевского скриптория нескольких условно-схематичных библейских иллюстраций (сохранившихся в традиции «кирилло-белозерского» варианта) на подробные многофигурные повествовательные

сцены, «развернутые» во времени и пространстве в соответствии с текстами Священного Писания (сюжеты о всемирном потопе, о строительстве Вавилонского столпа, о пророке Ионе и др.)⁶. Именно к «Архивной» редакции можно отнести второй лицевой Индикоплов из собрания Е.В. Барсова (Барс. 262), оставшийся малоизвестным из-за своей плохой сохранности, многочисленных утрат и перепутанности фрагментов текста и миниатюр, хотя упоминания о его существовании есть в обстоятельной статье А. Якобс⁷ и в предисловии В.С. Гольшенко к лингвистическому изданию текстов Христианской Топографии по Уваровскому списку 1495 г.⁸

Индикоплов Барс. 262 дошел до нас в виде несшитых тетрадей, хранящихся в особой папке. Ветхая рукопись, попавшая в собрание Е.В. Барсова, была реставрирована следующим образом: истлевшие поля, а также более обширные разрушившиеся участки листов, и с текстом, и с изображениями, были аккуратно обрезаны; затем более или менее сохранившиеся фрагменты разных размеров и форм были искусно вклеены в «окошки» листов машинной бумаги XIX в., в углах которых кое-где просматривается фабричный штампель «Успенской Рахманова фабрики № 7» (Клепиков, № 173—1869 год). Всего оказалось 275 таких листов, вышеописанным способом дополненных до обычного формата в 4⁰, сплошная нумерация на них проставлена чернильным штампиком.

На нескольких фрагментах рукописи удалось увидеть части филигранны «Башня», типа Лихачев № 1475—1601 г.; наиболее близкие знаки — Пиккар, «Башня», X № 231, 232—1602—1604 гг. Это позволяет датировать рукопись первым десятилетием XVII в. Основной почерк — очень мелкий, но хорошо читаемый полуустав с многочисленными скорописными начертаниями (правильнее сказать — раздельная книжная скоропись), с выработанными писцом индивидуальными начертаниями ряда строчных и выносных букв; имеются вкрапления еще нескольких полууставных и скорописных почерков, также достаточно профессиональных. Названия глав, заголовки разделов и малые инициалы выполнены яркой киноварью. Попытка определить последовательность перепутанных текстов и миниатюр 12-ти Слов (глав) Христианской Топографии внутри существующей нумерации листов 1—275 дала некоторые результаты. Представляем их краткий обзор.

В рукописи полностью утрачены оглавление, предисловие и начало 1-го Слова, отсутствуют «выходные» миниатюры — портрет автора Козмы Индикоплова и Голгофский Крест. С л. 1 по л. 24об. идут (с большими лакунами) тексты заключительных 10-го, 11-го и 12-го Слов; на л. 17об., 18 и 19 есть миниатюры из 11-го Слова

Рис. 4. Миниатюры «Вепреслон» и «Туземец, собирающий орехи». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Начало XVII в. ГИМ Барс. 262. Л. 17об.–18.

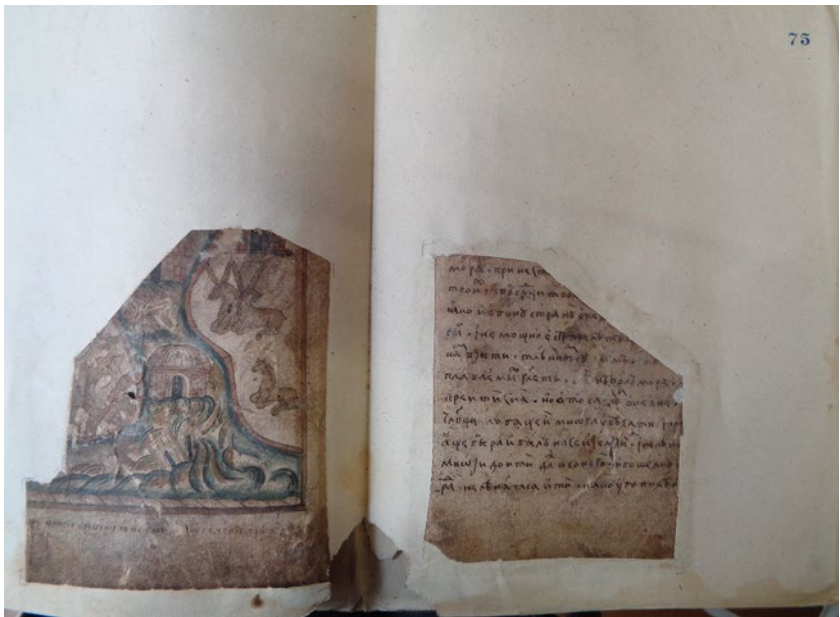

Рис. 5. Миниатюра «Ноев ковчег» (фрагмент). «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Начало XVII в. ГИМ Барс. 262. Л. 74об.

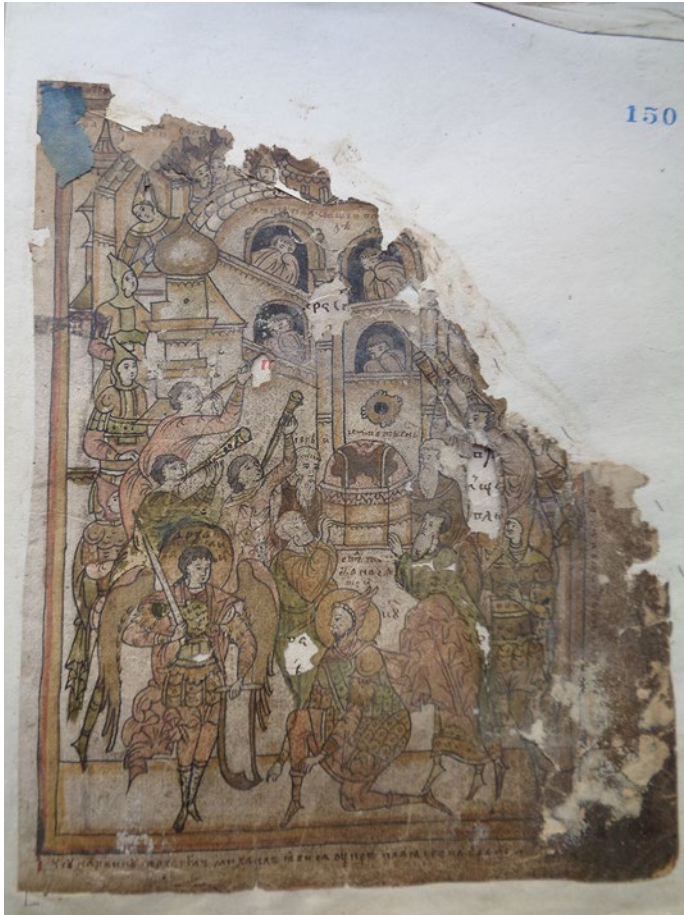

Рис. 6. Миниатюра «Осада Иерихона». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Нач. XVII в. ГИМ, Барс. 262. Л. 150.

«О животных индийских»: «Вепреслон», «Туземец, собирающий орехи» (рис. 4), «Острова и морские животные». С л.25 до л. 68 перемежаются текстовые фрагменты 5-го, 6-го (с миниатюрой Солнца на л. 50об.), 7-го и 8-го Слов. Далее следует тетрадка (л. 71—78) с вклеенными крохотными рассыпающимися фрагментами 2-го Слова «Положения христианскаа о образе и местоположении всего мира», очевидно, оказавшегося в начале рукописи и наиболее пострадавшего от обстоятельств бытования памятника. На л. 74 об. здесь сохранился клочок (нижняя часть) композиции «Всемирный потоп и Ноев ковчег» (рис. 5), обнаруживающий большую близость

Рис. 7. Миниатюра «Переход Черного моря». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Начало XVII в. ГИМ Барс. 262. Л. 209

к соответствующей миниатюре на л. 385 об. Софийского Индикоплова 1538 г. из РГАДА (основному списку «Архивной» редакции)⁹.

С л. 81 начинается обширный «пласт» изобилующего миниатюрами на библейские сюжеты 5-го Слова «В нем же есть сениписание, и пророк, и апостол согласие», также с сильно нарушенной последовательностью. Еще раз подчеркнем, что все 44 композиции из 5-го Слова, сохранившиеся в Барс. 262 целиком или во фрагментах, демонстрируют устойчивое следование иконографическим признакам Индикоплова из Софийского августовского тома ВМЧ. Его грандиозные величественные композиции, выполнен-

Рис. 9. Миниатюры «Ополчения 12-ти колен Израиля». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Начало XVII в. ГИМ Барс. 262. Л. 207об.–208.

писца указания для художника о соблюдении правильной последовательности миниатюр по отношению к тексту: «Зри описанное в знамени и исправлявай по подписем». Кроме того, в 5-е Слово «вклиниваются» еще небольшие куски текста 4-го Слова «Написание образом мира по Божественному Писанию», с иллюстрациями строения вселенной и «антиподов» (рис. 8) (л. 115–122, 123–130), а также фрагмент 3-го Слова «Яко истинно и достоверно есть Божественное Писание», с фрагментом миниатюры «Вавилонский столп» (л. 166 об.). Ближе к концу рукописи опять начинаются фрагменты 11-го Слова «О животных индейских», с миниатюрами: «Ноздророг», «Слон», «Мраволев» и «Туземцы с онагром». Завершает рукопись разворот л. 274об.–275 с миниатюрой «Круг земных плодов».

Примечательная индивидуальная особенность Индикоплова Барс. 262 состоит в том, что в нем (при общей разрушенности рукописи) насчитывается 66 (!) миниатюр, хотя обычный полный лицевой цикл русских версий Индикоплова состоит из 55–57 сюжетов. Дело в том, что некоторые иллюстрации большеформатного оригинала для версии «в полдесть» художнику Барс.

Рис. 10. Миниатюры «Кит изрыгает пророка Иону» и «Иона под деревом тыквой». «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Начало XVII в. ГИМ Барс. 262. Л. 155об.–156.

262 оказалось удобнее разделить на отдельные сцены, последовательно помещенные друг за другом. Таковы 16 миниатюр вместо одной в оригинале, с изображениями воинов 12-ти колен Израиля (л. 201об.–208) (рис. 9), во время странствий по пустыне окружавших переносимый левитами Ковчег Завета (известен еще один Индикоплов с такими же отдельными сценами «ополчений» в списке XVII в. — РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 190)¹⁰. Этот же прием разделения целой «большой» композиции на ее составные части в Барс. 262 применен и для истории царя Давида (л. 81об.–84об.), царя Езекии (л. 189об.–191), пророка Ионы (л. 135–137, 178) (рис. 10) и заключающей 5-е Слово картины Вселенной, разделенной на ярусы (л. 177об., 185, 191об.): «царство небесное», ангельские чины («небесная»), земля людей («земная») и, наконец, «преисподняя» с мертвецами, ждущими второго Пришествия и Страшного Суда (рис. 11).

Конечно, в сравнении с блестящей артистичной графикой Индикоплова 1539 г. из Софийского тома ВМЧ, миниатюры Барс. 262 начала XVII в. упрощены, более ремесленны по исполнению, но художник показал себя умелым копиистом, сумевшим доста-

Рис. 11. Миниатюра «Преисподняя» (часть композиции «Вселенная: картина мира»). «Христианская топография» Козмы Индикоплова. Начало XVII в. ГИМ Барс. 262. Л. 185.

точно точно и без искажения пропорций повторить как целые композиции оригинала, так и отдельные их части (вполне возможно, с использованием уже существовавших прорисей). Сохранена неяркая акварельная подцветка «в приплекс», как в оригинале, да и сама «раскладка» цветовой гаммы, с гармоничным сочетанием розовой киновари, бледной празелени и разных оттенков охры. Надо отметить, что на части сюжетов заметна грубоватая красочная правка, сделанная, очевидно, при реставрации XIX в., но преимущественно по поздним подклейкам утрат в миниатюрах.

Разбираясь с последовательностью текстов Индикоплова Барс. 262, мы обнаружили после коротенькой статьи Иоанна Дамаскина «О яйце» (л. 266об.), которой завершается обычный текстовой «конвой» Индикоплова, еще некие фрагменты, начинающиеся с л. 267 и продолжающиеся далее до л. 273, содержащие главу «О приношении Ветхого и Нового Завета», толкования священнических чинов и литургии. При сопоставлении с Софийским августовским томом ВМЧ все эти тексты нашли там соответствие в статье «Толкование святой соборной апостольской церкви» в дополнительной части, также после Индикоплова, что позволило предположить непосредственное обращение создателя Барс. 262 именно к оригиналу из новгородского Софийского комплекта¹¹.

Подтвердить это предположение удалось при просмотре еще одной рукописи из собрания Барсова — «Сборника посланий и грамот» Барс. 181. Подозрение о несомненном «родстве» Индикоплова Барс. 262 и Сборника Барс. 181 как частях одной рукописи возникло случайно, но укрепилось при сравнении и кодикологическом анализе этих двух единиц хранения Барсовского собрания. Сборник Барс. 181, как и Индикоплов, находится в столь же фрагментированном виде и со столь же сложной для чтения перепутанной последовательностью листов. Тексты переписаны тем же узнаваемым мелким полууставом, идентичным Барс. 262, хотя также встречаются вкрапления иных «рук». Как и в Индикоплове, обрезаны обветшавшие поля и части текста, а все сохранившееся вклеено в листы бумаги XIX в., с тем же штемпелем фабрики Рахманова. В отличие от Индикоплова, листы пронумерованы не штампиком, а от руки, черными чернилами (всего 170 листов, также хранящихся в папке). Барс. 262 и Барс. 181 были «разнесены» Е.В. Барсовым по разным тематическим разделам выполненного им рукописного каталога собрания: Индикоплов — по разделу I «Отцы церкви», а «Сборник» — по разделу III «Каноническое право». Киноварные заглавия перепутанных текстов служат «вехами», устанавливающими соответствие фрагментированных текстов Барс. 181 тому массиву разножанровых сочинений, которые вошли во внекалендарные, дополнительные части августовских томов Великих Миней Четых, и прежде всего — в Софийский том (рис. 12). Это важнейшие для истории русского государства и русской церкви памятники — тексты из «Кормчей», циклы сказаний «на латину», послания русских государственных деятелей и представителей высшего духовенства, собрание формулярных изводов посланий (письмовник). Практически все сочинения, в разрозненных фрагментах присутствующие в Барс. 181,

Рис. 12. Фрагменты текстов Посланий. «Сборник грамот, посланий и др. текстов». Начало XVII в. ГИМ Барс. 181. Л. 8об.–9.

имеют богатую рукописную традицию, хорошо известны исследователям, многократно публиковались по разным спискам в научных изданиях XIX–XX вв.¹²

К Сборнику Барс. 181 в 1980-е гг. обращался А.И. Плигузов во время работы над изданием «Русский феодальный архив»: данная рукопись упоминается им в общем предисловии к выпуску III как одна из копий XVII в. «...грамот, восходящих, вероятно, к казне Софийского дома и включенных в августовский том Макарьевских миней...»¹³. Еще раз более развернуто о Барс. 181 говорится в том же выпуске, в предисловии А.И. Плигузова и Г.В. Семенченко к приложению VII «Документы из Архива новгородского Софийского дома и митрополичьей казны, помещенные в августовских томах Великих Миней Четых митрополита Макария». Приведем цитату: «...работа над Софийским томом проводилась целиком в Софийском Новгородском доме; сохранилось несколько копий дополнительной части августовских томов ВМЧ... в том числе ГИМ, Барс. 181, сер. XVII в., копия, выполненная монахом Иосифом в Новгороде»¹⁴. На наш взгляд, рукопись Барс. 181 (как и Индикоплов Барс. 262) следует датировать все же началом

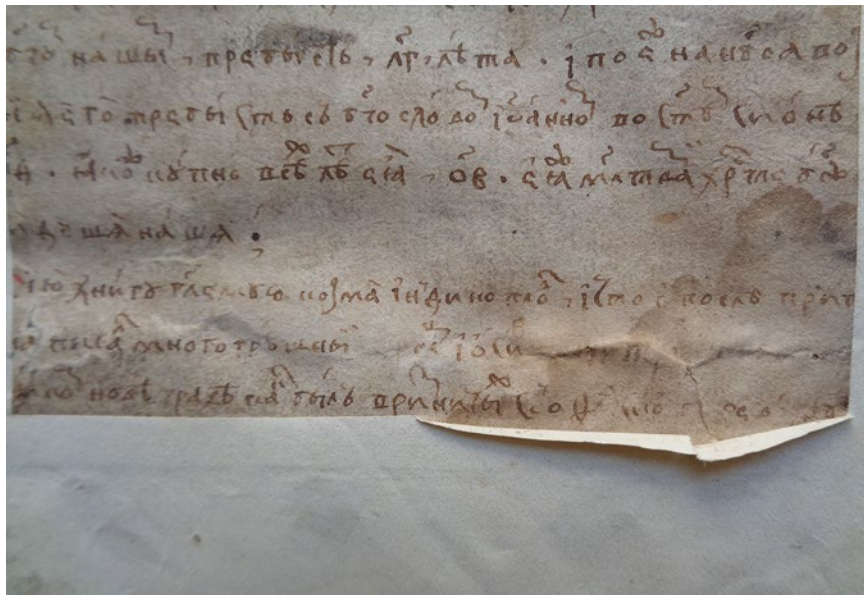

Рис. 13. Запись писца Индикоплова и Сборника грамот, ризничего Новгородского Софийского собора чернеца Иосифа. «Сборник грамот, посланий и др. текстов». Начало XVII в. ГИМ Барс. 18. Л. 170об.

XVII в., так как обнаруженные там немногие фрагменты филиграней сходны со знаками «гербовый щит», Брике, № 1066—1597 г., № 1477 — 1594—1611 гг.

А.И. Плигузов не сослался на источник сведений о «монахе Иосифе», хотя он находится здесь же, в Сборнике Барс. 181 на л. 179об. Это полустертая запись в две строки на нижнем поле, уходящая в заклеенный нижний край листа, выполненная почерком писца. Публикуем ее: «Сию книгу гл(агол)емую Козма Индикоплов, и что опосле прип(ис)/ка, писа(л) многогрешны(й) (чер)нец Иосиф (стерто)...(ве)ликом Нове граде ка(к) былъ в ри(з)ничы(х) в Софейско(м) (собо)ре в ..у» (возможно, слово (год)у, но сама дата стерлась) (рис. 13).

Таким образом, благодаря записи в Сборнике Барс. 181 точно установлены имя и статус создателя лицевого Барсовского Индикоплова № 262 — софийского ризничего Иосифа, переписчика (а может быть, и изготовителя иллюстраций?). Заметим, что в новгородском Синодике 1604/05 гг., хранящемся в РНБ в собрании Софийского собора (Соф. 1551), среди записей родов софийского духовенства на л. 82 есть запись: «Род ризничего Иосифа»¹⁵.

Итак, родственность почерков, состояние сохранности рукописей и способ их реставрации укрепили предположение, что Барс. 262 и Барс. 181 — это части одного рукописного труда, возможно, никогда и не переплетавшегося, а представлявшего собой пачку или связку тетрадей, в которые были скопированы в начале XVII в. и лицевой Индикоплов 1539 г., и дополнительные материалы августовского тома ВМЧ. Поскольку основным писцом оказался ризничий Софийского собора чернец Иосиф, оригиналом для него действительно послужил непосредственно сам августовский том, с XVI в. хранившийся в библиотеке Новгородской Софии и пребывавший там еще в продолжение примерно двух столетий. На нижнем поле л. 4—23 этого тома находится затертая запись почерком XVIII в.: «Сия книга глаголемая Минея Софийского собора, надписал того же собора священник Козма Михайлов для того что она есть подлинно Софийского собора». В середине XIX в. Софийский августовский том оказался в собрании рукописей директора МГАМИД историка и архивиста князя М.А. Оболенского, которое по его завещанию было туда передано в 1874 г.

Судьба копии, сделанной ризничим Иосифом в начале XVII в., судя по состоянию ее сохранности до попадания в коллекцию Е.В. Барсова, была довольно плачевна. Осталась ли она в личном пользовании писца, или была вложена им по месту службы в Софийский собор, или, может быть, попала в другую обитель (на пустом л. 275 об. в Индикоплове видна полустертая помета скорописью XVIII в., которую можно прочесть как «Индикоплов ...скаго Печерскаго монастыря» (Псковского?), — возможны разные гипотезы, но художественная и историческая ценность этого «разделенного» памятника, как лицевого Индикоплова, так и текстов из «приписки» к нему, для нас несомненна.

- ¹ Малицкий Г.А., Щепкин Н.В. Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова // Отчет Российского Императорского Исторического музея за 1914 год. М., 1915. С. 25—41.
- ² Редин Е.К. Христианская Топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам / Под ред. Д.В. Айналова. Ч. I. М., 1916. С. XIII, 28, 71, 159, 179, 229, 247, 299.
- ³ См.: Турилов А.А. Гурий // ПЭ. Т. 13, М., 2011. С. 482—483.
- ⁴ Лихачев Н.П. Материалы для истории русского иконописания: Атлас. Ч. II. СПб., 1906. С. 16, табл. СССХС, СССХСI, № 796—801; см. также: Попов Г.В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI века. М., 1975. С. 71—72.
- ⁵ Антонова Л.И. Преемственная связь и отличия двух иллюстративных циклов Книги Козмы Индикоплова XVI века из собраний РГАДА

- и РГБ // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV — начала XVI веков. Сборник статей в честь Г.В. Попова. М., 2002. С. 211—235.
- ⁶ *Серебрякова Е.И.* О миниатюрах Христианской Топографии Козьмы Индикоплова в Великих Минеях Четых митрополита Макария // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. М., 1999. С. 129—143.
- ⁷ *Jakobs A. Kosmas Indicopleustes. Die Christliche Topographie in slavischen Uebersetzung* // *Byzantinoslavica*. Prague, 1979. Т. XL. Fasc. 2. S. 183—198.
- ⁸ *Гольишенко В.С.* О воспроизведении и комментировании текста // Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М., 1997. С. 48.
- ⁹ См. литографированное факсимильное издание ОЛДП: «Книга глаголемая Козма Индикоплов». Из рукописи Главного Архива министерства иностранных дел, Минея Четья митрополита Макария (новгородский список) XVI в., месяц август, дни 23—31 (собр. кн. Оболенского № 159) // ОЛДП, СПб., 1886. № 86.
- ¹⁰ *Ухова Т.Б.* Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В.М. Ундольского // Записки Отдела рукописей ГБЛ им. В.И. Ленина. Вып. 18. М., 1956. С. 89.
- ¹¹ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 2. М., 2014. С. 137.
- ¹² Там же. С. 137—146.
- ¹³ *Плигузов А.И.* Предисловие // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. III. М., 1987. С. 552.
- ¹⁴ *Плигузов А.И., Семенченко Г.В.* Предисловие к приложению VII // Там же. С. 655.
- ¹⁵ См.: Новгородские Синодики XIV—XVI веков / Подг. текста и исслед. Т.И. Шабловой. СПб., 2017. С. 135.

Е.В. Уханова

Новые атрибуции лицевого Евангелия начала XVI века из собрания графа А.С. Уварова

В ходе обработки фондов ОР ГИМ для передачи данных в Госкаталог была пересмотрена или уточнена атрибуция ряда рукописей, что позволило выявить новые уникальные памятники. Состав коллекции графа Алексея Сергеевича Уварова, одного из основателей Исторического музея и его первого директора, очень разнообразен. При ее обработке наше внимание привлекло лицевое Евангелие-тетр, числящееся под шифром Увар. 698-1°. В Описании этого собрания, изданном архим. Леонидом в 1893 г., оно числится под № 87 и датируется широко XVI в.¹ Исследователь отмечает, что 71 лист в начале рукописи и почти 50 листов в ее конце из-за утраты были восполнены в начале XIX в. К оригинальным украшениям этого кодекса он отнес лишь последние три заставки и два инициала, а начальная заставка, два инициала и все четыре миниатюры с изображением евангелистов были определены автором как вставки начала XIX в., выполненные вместе с восполнением текста. К этому мнению о позднейшем происхождении миниатюр молчаливо присоединились и все последующие исследователи, поскольку рукопись как памятник произведения искусства XVI в. до сих пор не была введена в научный оборот. В листе ее использования есть отметка, что в 1983 г. с ней ознакомилась известный искусствовед Э.С. Смирнова, однако в ее последующих работах миниатюры этого Евангелия ни разу не упомянуты среди памятников XVI в. Между тем, при первоначальном визуальном осмотре изображения евангелистов производят впечатление стилистически неоднородных: последние две миниатюры никак не вписываются по своим художественным достоинствам в ремесленное восполнение утрат XIX в. Этот диссонанс послужил толчком для нашего специального, хотя и предварительного исследования этой рукописи.

Прежде всего, необходимо определиться с датировкой ее кустарной реставрации, во время которой происходило восполне-

Рис. 2. Евангелие-тетр. Начало XVI в. ГИМ Увар. 698-1°. Л. 125об.
Миниатюра с изображением евангелиста Марка. Вставка конца XVIII в.

цию рукописи и восполнение утрат текста — 1792 г. или чуть позднее. Вероятно, в это же время был частично поновлен переплет рукописи — доски в коже с тиснением XVIII в. Почерк восполненного текста — искусственный полуустав, принадлежащий не очень искусному писцу. Судя по типу почерка, его стабильности и большому объему выполненного текста (122 листа), его владелец про-

фессионально занимался перепиской книг, что в это время с большой вероятностью указывает на старообрядческую среду. Бумага двух новых миниатюр (л. 11, 125) отличается от листов с восполненным текстом по цвету (она имеет голубой оттенок) и по водяным знакам. Филиграни под красками миниатюр просматриваются плохо. На л. 11 видна одна из литер филиграни — «М» — и начало белой даты на поле листа — «17». На л. 125 лишь угадывается одна большая сюжетная композиция в овале. Однако голубоватый цвет бумаги и начало белой даты «17..» говорят о ее производстве в России во второй половине XVIII в. и позволяют нам обоснованно предположить, что восполнение утрат текста и изображений для нашей рукописи делалось одновременно, но разными людьми — переписчиком и художником — на разной бумаге (рис. 1, 2).

Исследование филиграней основной части позволило нам уточнить ее датировку и удревнить этот памятник, отнеся его написание к самому началу XVI в. Нужно отметить, что бумага рукописи почти однородная, тонкая, высокого качества. Основная филигрань — парные формы «головы быка» под шестом и крестом со змеей. Близкие варианты этого знака датируются последним десятилетием XV в. — первым десятилетием XVI в.² На восьми листах примесевой бумаги — филигрань «три горы» на двух понтюзо под шестом и крестом, встречающаяся в европейских манускриптах в 1491—1496 гг.³ На одном листе (л. 221) встретила филигрань «голова быка» под шестом и цветком с добавочным знаком снизу — треугольным бубенцом на одноконтурном стержне. Схожие варианты в европейских рукописях употреблялись в 1490-е — 1504 г.⁴ Таким образом, использование бумаги с комплексом выявленных водяных знаков в европейских кодексах приходится на последнее десятилетие XV в. — первое десятилетие XVI в. С учетом некоторой задержки использования подобной бумаги на Руси мы бы датировали наш памятник концом 1490-х гг. — 1510-ми гг. (более поздняя дата преимущественнее).

Как уже было отмечено, до сих пор считалось, что все его миниатюры являются поздними вставками. Однако исследование их бумаги, почерка надписей на них, а также общего стиля живописи свидетельствуют, что вставными и более поздними являются только два первых изображения евангелистов, а третье и четвертое сохранились, возможно, от первоначальной системы декорации. Вероятно, при реставрации конца XVIII в. они были вырезаны по контуру их рамки и наклеены на светлую, достаточно тонкую, вержированную бумагу. Она отличалась от листов из той толстой светлой или голубой бумаги, что использовалась для восполнения

Рис. 3. Евангелие-тетр. Начало XVI в. ГИМ Увар. 698-1°. Л. 189об.
Миниатюра с изображением евангелиста Луки

текста или первых двух миниатюр. Эта же тонкая бумага была использована в подклейках при восстановлении вырезанного инициала на л. 126 и частичных утрат в заставках на л. 126 и 190. Скорее всего, переписка утраченного текста, изготовление новых миниатюр и реставрация (подклейка) старого блока были сделаны тремя разными мастерами — писцом, художником и реставратором.

Третья миниатюра — с изображением евангелиста Луки (л. 189об.) — сохранилась не полностью: значительный фрагмент

Рис. 4. Евангелие-тетр. Начало XVI в. ГИМ Увар. 698-1°. Л. 290об. Миниатюра с изображением евангелиста Иоанна и его ученика Прохора

листа в верхнем левом углу был утрачен вместе с частью изображения — ликом евангелиста и архитектурой на заднем плане. Поэтому при реставрации рукописи утрату восстановили — настили вержированной бумагой и дорисовали утраченные детали. Для восполнения живописи использовались оттенки коричневых и черных чернил, а также немного малиновой и белой краски для украшения рисунка капители (рис. 3). Четвертая миниатюра — с изображением евангелиста Иоанна и Прохора (л. 290об.) —

сохранилась практически полностью (за исключением небольшой утраты в левом верхнем углу, искусно восполненной реставратором). Поволнений красочного слоя на оригинальной части миниатюры с евангелистом Лукой почти нет: вероятно, новым можно считать лишь цвет ступней евангелиста, отличающийся темным шоколадным оттенком. На миниатюре с изображением свв. Иоанна и Прохора вмешательств в оригинальную живопись больше. Восполнение небольших утрат тем же шоколадным оттенком, намного темнее первоначального цвета, приходится на личное, кисти рук, правую ступню св. Иоанна, а также на сборку и маскировку фрагментов миниатюры в левом верхнем углу. Представляется, что кисть правой руки св. Иоанна была приписана позднее, а в первоначальной версии она мыслилась спрятанной под гематием (рис. 4).

Хотя две последние миниатюры производят впечатление подлинных, созданных вместе с этим кодексом, тем не менее вставка их в рукопись после реставрации на фальцах, а также сборный из разновременных листов блок вызывает дополнительный вопрос о времени их создания. Возможны два пути решения: палеографический анализ кратких надписей на них и определение водяных знаков их бумаги. Надписи на этих миниатюрах очень невелики, однако анализ их начертаний позволяет определить тип письма — профессиональный полуустав XVI в. На листе с изображением св. Луки сохранилась лишь одна надпись — цитата из начала его Евангелия (Лука, 1:1), размещенная на развороте книги, которую пишет евангелист: «**ПОНЕЖЕ ОУ/БО МНОГН / НАУАША**». Той же рукой выполнена типологически схожая надпись на последней миниатюре — на развороте книги, которую пишет Прохор под диктовку св. Иоанна: «**ВНАЧАЛѢ БѢ СЛО... / Н СЛОВ**» (Иоанн, 1:1). Сравнение написания этих зачал на миниатюрах и в основном тексте на соседней странице дает возможность утверждать, что они выполнены схожими почерками. Еще две крупные киноварные надписи на последней миниатюре представляют собой обозначение изображенных: над евангелистом находится наполовину осыпавшаяся атрибуция «**Ѧ[ЕОЛ]УГЪ**», над его помощником — «**ПРОХОР**». Несмотря на краткость, особенности начертания большинства букв (**ш, р, п, о, ж, Ѧ, ы, ѣ, н, н, оу, в, е, а**) близки к графике основного писца текста и, без сомнения, датируются XVI в. (рис. 5).

Наш вывод о принадлежности двух последних миниатюр к первоначальной декорации Евангелия подтверждает и филигрань бумаги, на которой они выполнены. Ее идентификация затруднена здесь тем, что листы с миниатюрами наклеены на другой лист бу-

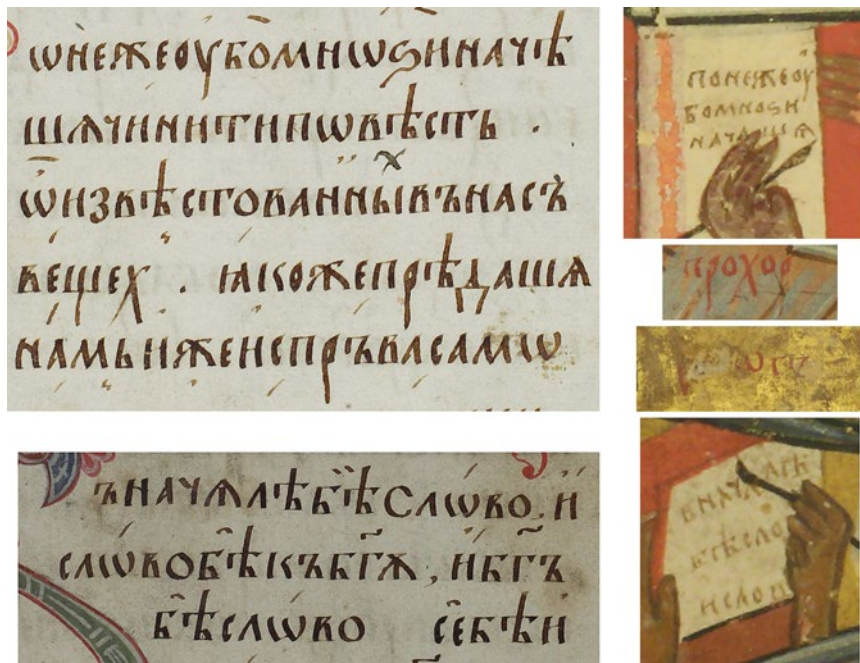

Рис. 5. Евангелие-тетр. Начало XVI в. ГИМ Увар. 698-1°.

Надписи на миниатюрах на л. 189об. и л. 290об. и тот же текст на л. 190 и л. 291

маги со своей сеткой и, возможно, своей филигранью, а также тем, что красочный слой миниатюры поверх нее очень плотный. На листе с изображением св. Луки водяной знак виден неотчетливо. На миниатюре с изображением св. Иоанна нам удалось определить его благодаря мультиспектральной съемке на просвет в инфракрасном диапазоне 730 нм. Его сюжет — петух без дополнительных знаков, расположенный на 3-х понтюзо (рис. 6). Этот знак достаточно редок в русских рукописях, а схожие с нашим рисунки отсутствуют в современной международной поисковой системе Бернштейн, содержащей около 250 тыс. знаков европейской средневековой бумаги (https://www.memoryofpaper.eu/BernsteinPortal/appl_start_disp#R_0). Согласно представленному там материалу, вместившему как старые печатные справочники, так и современные базы данных преимущественно европейских хранилищ, филигрань «петух» (более 100 знаков) характеризует бумагу определенных периодов — второй половины XIV в., 1440—1480-х гг. и 1530—1540-х гг., хотя это не исключает возможности не столь частотного использования этого сюжета и в другие годы.

Рис. 6. Евангелие Хитрово. Начало XV в. РГБ. Ф. 304. III № 3. Л. 2об. Миниатюра с изображением евангелиста Иоанна и Прохора.

URL: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=1276 (дата обращения 12.10.2022)

С середины XVI в. «петух» перестает использоваться как самостоятельная филигрань и встречается лишь в сочетании с дополнительными сюжетами. Это позволяет сделать вывод, что обнаруженный нами водяной знак был выполнен в предшествующий период.

Комплексный анализ почерка надписей на двух рассматриваемых миниатюрах и филиграней их бумаги позволяет сделать вывод о том, что миниатюры были созданы не позднее середины XVI в.

и предназначались именно для нашей рукописи. Об этом свидетельствует и цветное решение орнаментов в сохранившихся заставках и инициалах. Используемые в них оттенки красок совпадают с теми, что мы находим на изображениях евангелистов Луки и Иоанна.

В отличие от текста и орнаментики, выполненных профессионалом высочайшего уровня, миниатюры принадлежат не самому выдающемуся художнику. Вероятно, как это часто практиковалось, они были заказаны работающему самостоятельно мастеру и вставлены в рукопись после ее окончания. Анализ манеры художника не входит в нашу задачу. Однако совершенно очевидно, что в качестве образов в своей работе он использовал более ранние, причем выдающиеся московские рукописи начала XV в. Можно предварительно указать на несколько рукописей, миниатюры которых содержат схожие с нашими композиции и трактовки деталей евангелистов Луки и Иоанна с Прохором. Работа по поиску аналогий только начата. Однако уже сейчас можно отметить, что большинство сходных миниатюр, равно как и авторитетные образцы, которые копировал автор, происходят из Москвы. В частности, очень близкими по композиции и трактовке деталей фигур пишущих евангелистов оказываются миниатюры Евангелия Хитрово начала XV в.⁵ Исследователи уже отмечали эту особенность использования более ранних авторитетных образцов в конце XV в.: «Феномен обращения к искусству начала XV в. в конце этого столетия сложен, многосоставен и до сих пор недостаточно исследован. В отношении миниатюр мы не можем сказать с уверенностью, является ли воспроизведение старых иконографических формул сознательной реминисценцией или представляет собою лишь продолжение традиции. С орнаментом дело обстоит иначе. Факт господства на протяжении XV в. „балканского“ орнамента, создавшего свой собственный тип инициала, позволяет говорить о целенаправленном возрождении неовизантийской орнаментики в конце столетия и расценивать появление растительных и зооморфных инициалов в рукописях последней четверти века как программный приём»⁶.

К кругу московских рукописей относятся почерк и сложная орнаментика нашего памятника. Текст выполнен парадным высококаллиграфичным литургическим полууставом с большим количеством грецизированных элементов, в том числе лигатур в основном тексте, что является редкой чертой для этого периода. Она свойственна лишь памятникам из центральных мастерских. В частности, аналогичная особенность характеризует как основ-

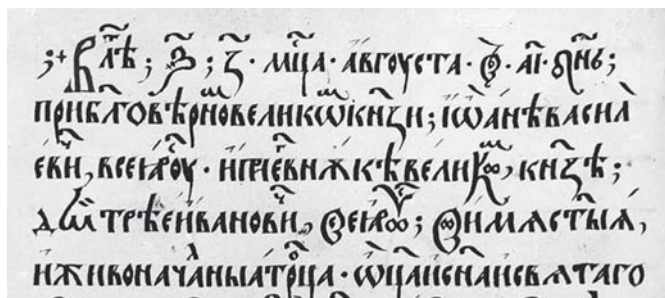
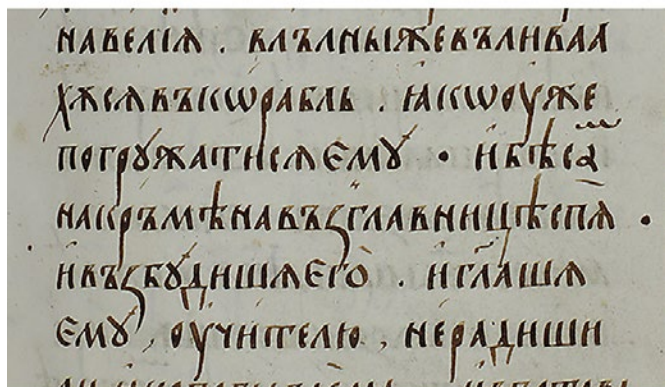
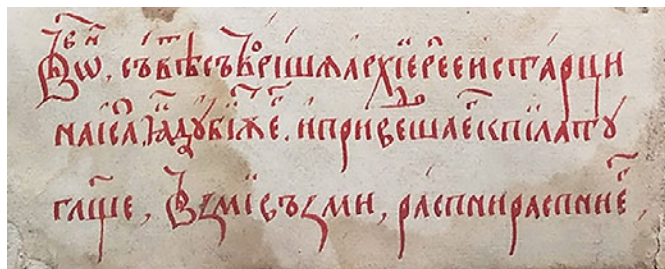

Рис. 7. Образцы почерка Евангелия-тетр (ГИМ Увар. 698-1°. Л. 354об., 137) и на престольного Евангелия Успенского собора 1499 г. (Музеи Московского Кремля, № 15004. Л. 1об.)

ное письмо, так и вкладную запись писца московского на престольного Евангелия Успенского собора Московского Кремля 1499 г.⁷ (рис. 7). Схожи с ним не только почерк и сложная орнаментика заставок «балканского стиля», но даже отдельные элементы вязи, которые мы пока не встречали в других памятниках. К близким по орнаментике памятникам относятся также упомянутые выше в связи с поисками художественных аналогий московские

Рис. 8. Инициалы рукописей: 1 — Евангелие тетр, ГИМ, Увар. 698-1°;
2 — Андрониково Евангелие, начало XV в. ГИМ, Епарх. 436;
3 — Морозовское Евангелие, начало XV в. Музеи Московского Кремля № 11056;
4 — Евангелие Кошки, начало XV в. РГБ. Ф. 304, III, № 4;
5 — Евангелие Хитрово, начало XV в. РГБ. Ф. 304, III, № 3

Аникеево Евангелие 1410—1420-х гг.⁸, Евангелие Николо-Песношского монастыря конца XV в.⁹ и Евангелие из ГТГ 1480—1490-х гг.¹⁰ Причем в последнем мы находим еще одну параллель с нашим Уваровским Евангелием — использование в качестве образцов для инициалов ранних моделей неовизантийского орнамента, также, как и миниатюры, встречающиеся лишь в центральных московских памятниках начала XV в. — Евангелии Хитрово, Евангелии Кошки¹¹, Андрониковом Евангелии¹² и на престольном Евангелии Успенского собора 1499 г. (рис. 8).

Сочетание в нашем Евангелии выдающихся почерка и орнаментики с миниатюрами не самого блестящего уровня, выполненными, скорее, провинциальным мастером, ставит вопрос о месте создания этой рукописи. Налицо разделение работы между писцом-каллиграфом и художником. Возможно, высококвалифицированный переписчик из центральных скрипториев в силу обстоятельств работал в провинциальной мастерской, где его работу проиллюстрировал местный художник. Либо текст рукописи был заказан провинциальным заказчиком (в том числе монасты-

рем) в одной из центральных мастерских, а затем готовый блок на месте дополнен миниатюрами. Несомненно, вводимый нами в научный оборот кодекс, предварительную атрибуцию которого мы только наметили, является важным памятником книжной культуры первой четверти XVI в. и нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании.

- ¹ Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 55.
- ² Piccard G. Ochsenkopf–Wasserzeichen. Stuttgart, 1966. Findbuch II. XVI. № 194 (1492—1496, 1505—1509), 199 (1502, 1503).
- ³ Ibid. Findbuch XVI. № 2388 (1491, 1492), 2389 (1492, 1493), 2390 (1494, 1495), 2392 (1494—1496).
- ⁴ Ibid. Findbuch II. XII. № 791 (1499), 794 (1499—1503, 1502—1504), 796 (1492, 1493).
- ⁵ РГБ. А. 304. III № 3.
- ⁶ Морозова Е.И. Полихромные зооморфные инициалы в московских рукописях конца XV в. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. М., 2012. <http://actual-art.org/stati/127-st2012/dr-rus/474-morozova-polikhromnye-zoomorfnye-initsialy.html>.
- ⁷ Государственная Оружейная палата. № 15004.
- ⁸ БАН. 34.7.3.
- ⁹ Сергиево-Посадский музей-заповедник. № 5981.
- ¹⁰ ГТГ. Инв. МК-4 (К-5347).
- ¹¹ РГБ. Ф. 304. III № 3.
- ¹² ГИМ. Епарх. 436.

Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева

«Честь быть Россиянином.
Неизвестные автографы 1770-х — 1810-х годов
из собрания Исторического музея»:
к истории издания

В книге, опубликованной в год 150-летнего юбилея Исторического музея, представлены уникальные архивные документы о присоединении и хозяйственном освоении Российской империей Крыма и Новороссии (территорий Южной Украины и Северного Причерноморья), а также Северного Кавказа. В том числе приведены документы, содержащие сведения о создании

Рис. 1. Честь быть Россиянином. Неизвестные автографы 1770-х — 1810-х годов из собрания Исторического музея. М.: Исторический музей, 2022

Черноморского флота и основании портовых городов (Херсона, Севастополя, Николаева, Одессы), центра Таврической области Симферополя и центра Екатеринославского наместничества Екатеринослава, которые образовали обширную территорию Новороссию, и по многим другим важным вопросам жизни России конца XVIII — начала XIX столетия¹.

Впервые введены в научный оборот, хранящиеся в отделе письменных источников ГИМ, подлинные письма, рапорты, жалованные грамоты, собственноручно написанные или подписанные императрицей Екатериной Великой, императорами Павлом I и Александром I, выдающимися полководцами и государственными деятелями — светлейшим князем Г.А. Потемкиным-Таврическим, графами А.А. Безбородко, И.В. Гудовичем, В.П. Кочубеем, Н.С. Мордвиновым.

Для удобства пользования были расшифрованы все тексты этих документов за период, охватывающий почти три с лишним десятилетия истории России — от подготовки к присоединению Крыма до поражения и бегства армии Наполеона I Бонапарта из России в 1812 году. Авторам-составителям удалось прочесть черновые записки Григория Александровича Потемкина, который по праву получил титул светлейшего князя Таврического, не как очередной фаворит Екатерины II, а прежде всего за свои неоценимые заслуги перед Россией; разобрать, казалось бы, нечитаемый почерк несчастного Павла I, контраст которому представляет неповторимая подпись Александра I («Русского Сфинкса»).

Слова «Честь быть Россиянином», взятые из письма от 1 декабря 1812 г., написанном в страшный и героический 1812 год великой княгиней Екатериной Павловной, и дали название этому изданию. Отвергнув предложение императора Наполеона I, она вышла замуж за принца Георга Ольденбургского. И хотя по происхождению русской крови в ней было немного, но всю свою короткую (31 год) жизнь она оставалась истинной патриоткой. Великая княгиня Екатерина Павловна обожала древнюю русскую столицу и сформировала из своих удельных крестьян Егерский батальон, носивший ее имя, который участвовал почти во всех главных сражениях 1812—1814 гг.

В результате проведенной авторами работы по научному описанию огромной коллекции под названием «Рукописные книги и сборники из собрания П.И. Щукина (ГИМ ОПИ. Ф. 420) были выявлены и атрибутированы подлинные письма императрицы Екатерины II, императора Павла I и его семьи. Но главное открытие таилось в личном фонде светлейшего князя Григория Алек-

сандровича Потемкина-Таврического (ГИМ ОПИ. Ф. 197) — давно известно, но далеко не полностью прочитанном. Этот фонд был образован из документов, выделенных из собрания П.И. Щукина и из фонда Чертковых (ф. 445) и, наконец, из купленных в 1924 и 1926 гг. Историческим музеем у частных лиц (А.С. Коробова и П.К. Калининской)². Не представлялось, что можно найти что-то новое в этих документах, поскольку переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина хорошо известна по изданиям Н.Ф. Дубровина, В.С. Лопатина и многих других³. Однако сопоставление хранящихся в ОПИ документов с ранее известными материалами выявило ряд существенных расхождений. Важные размышления, содержащиеся в черновиках, не вошли в официальные рапорты.

Всего представлены три собственноручных письма Екатерины II и один подписанный ею рескрипт князю Г.А. Потемкину, а также тридцать его писем, адресованных императрице. Помимо этого опубликовано семнадцать черновиков писем, предписаний, записок, а так же рапортов самого «светлейшего князя». Все эти документы охватывают период с 1775 по 1791 г. Таким образом, читатель впервые имеет возможность познакомиться с сорока семью автографами Потемкина (отдельные факсимиле можно видеть в иллюстрациях). Собственноручное письмо Екатерины II от 13 июля 1778 г. Г.А. Потемкину было обнаружено М.В. Фалалеевой и экспонировалось в Государственной Думе РФ в марте 2014 г., в связи с возвращением Крыма в состав России⁴. Однако сопоставление хранящихся в ОПИ документов с ранее известными материалами выявило ряд существенных расхождений.

Как Екатерину II, так и Г.А. Потемкина особенно волновали вопросы, связанные с укреплением южных границ Российской империи и превращением ее в Черноморскую державу. К этому времени Россия уже имела Керчь, Еникале, Кинбурн, права торгового мореплавания по Чёрному морю и строительства портов на Черноморском побережье.

Крым занимал особое место и в любой момент мог стать форпостом агрессии против России. Было ясно, что Турция попытается вернуть утраченные позиции в войне 1768—1774 гг. Григорий Александрович Потемкин стремился как можно быстрее присоединить Крым к Российской империи. Императрица же писала о необходимости тщательной подготовки присоединения Крыма к России, поскольку на тот момент расстановка политических сил в Европе еще не позволяла России осуществить подобную акцию. Это стало возможным немного позже, когда занятые в это время

шр Петергофа июля
 13. 7. 1778. 2.

Князь Григорий Александрович Николо
 ваше сътрудженіе мнѣ отъ зд. сего ме
 сеца я получила въ вчерашній день. По
 моему мнѣнію Французскіе офицеры
 въ Крыму не могутъ намъ отъ насъ пред
 упрятія удержать на итакъ тогда мы не
 знаемъ имъ мѣ силъ те однихъ на
 тарай страшишь, реторай вайсѣ
 состояніе Берен и Еммануа съ удовольств
 вилъ вѣтала соредетель по это сего
 Великая Императрица вѣтала несуте.
 Вспомоще мѣтерѣ въ трудъ авейи вѣтала
 еще мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ, что въ мнѣ
 ставляется и въ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
 о суммы на мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
 вѣтала мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

Рис. 2. Собственноручное письмо императрицы Екатерины II генерал-губернатору Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, генерал-аншефу князю Г.А. Потемкину о постепенной подготовке к присоединению Крыма. Петергоф, 13 июля 1778 г. ГИМ ОПИ. Ф. 1. Ед. хр. 104. Л. 2.

своими военными делами Австрийская империя, Франция и Англия реально помешать России не могли, а крымским ханом с 1777 г. был ставленник России Шахин-Гирей.

В конце 1782 г. Потемкин писал императрице, что «с Крымом достанется и господство в Чёрном море». И вскоре его идея по-

лучила реальное воплощение. В фонде Г.А. Потемкина обнаружен весьма ценный документ, представляющий краткое изложение его секретных реляций императрице о Крыме за весь 1783 г. Так, 5 января князь сообщал, «что бунтовавшие в Крыму татары, устроясь силы российского оружия, покорились», и были прощены ханом Шагин-гиреем⁵. Однако вскоре, подстрекаемый Портой Оттоманской, Шагин-гирей стал интриговать против России, и 16 мая Потемкин в своем рапорте прямо указал на необходимость удалить его из Крыма.

В тот же день Потемкин испросил «Высочайшего повеления об отправлении из С.-Петербурга 37 полу- и картаульных единорогов в Ахтиярскую гавань и прочие побережные места для отражения неприятельских покушений и даже зажигания их кораблей». 19 мая Потемкин писал о «неудобности выводить из Херсонского порта корабли за не изысканием фарватера и повелении построить на Дону две пинки (двух- или трехмачтовые парусные суда) для транспортирования снастей в Ахтияр, где вскоре изготовятся доки для построения кораблей». 27 мая он указывает на необходимость в укреплении старых крепостей и строительстве новых в Крыму и на Тамани; 1 июня — о поставленном в Керчи и Еникале полку из двух гарнизонных батальонов и «позволении наименовать его Таврическим»⁶.

19 и 27 мая 1783 г. Потемкин писал о чуме (или, как тогда говорили, «моровой язве»), появившейся в Тамани и перешедшей оттуда «в границы Новороссийской губернии», а затем и в Крым. Однако быстро победить эпидемию не удалось, Потемкин вынужден был признать, что первоначально принятые им карантинные меры «были слабы и без лекарей». Екатерина II была обеспокоена эпидемией. Потемкин сообщал о новых предпринятых им срочных распоряжениях: «Сею язвою я был наиболее встревожен по рапортам из Крыма <...> Я немедленно кинулся туда, сделал распоряжения отделением больных и незараженных, окуривая и, перебив их одежду, <...> принуждаю к чистоте. Хожу по лазаретам чумным и тем подаю пример...». В сохранившейся в ОПИ специальной записке Потемкина того же времени говорилось, что в Херсоне солдаты располагались в землянках, где были подвержены эпидемии; не было колодцев, не доставало бань, отсутствовали госпитали. Потемкин успокаивал императрицу: «Все будет заведено, устроено, тогда ж и болезнь не распространится...». 29 июля Потемкин с гордостью пишет: «Помощию Божиею язва не распространяется ни в войсках, ни в губернии Вашей...»⁷.

Именно эпидемия чумы вынуждала Потемкина затягивать с обнародованием манифеста о присоединении Крыма к России, который был подписан Екатериной II еще 8 апреля 1783 г. Письма Потемкина свидетельствуют о трудностях, которые пришлось преодолеть ему, чтобы сломить сопротивление хана Шагин-гирея, которого подстрекали турки и местное духовенство не подчиняться требованиям покинуть Крым. При этом он противопоставлял враждебных России беев и муфтиев простому народу, обращая внимание на его «дружелюбное обращение... с нашими»⁸.

Наконец, 10 июля 1783 г. Потемкин рапортовал императрице «О учиненной торжественной присяге собравшимися членами правительства Крымской области, беями, мурзами, духовенством и чернию с согласия всего татарского народа в 10-й день июля по закону их при полной тишине и учрежденном Магометанском суде для наблюдения правосудия и порядка». В рапорте от 30 июля Григорий Александрович «изъявляет свою заботу о лучшей прочности приобретения Крыма и Кубани и о полной безопасности границ Российских...». 22 октября фельдмаршал писал императрице «о желании татарских чиновников и мурз быть в российской службе» и просил разрешения награждать их чинами⁹.

При этом главным российским морским портом на Чёрном море продолжал оставаться Херсон, основанный еще в 1778 г. как судостроительная верфь. 1 июня Потемкин просил «об отпуске достаточной суммы денег для флотских в Херсоне работ». В других рапортах 1783 г. Потемкин писал о повелении Херсонскому адмиралтейству начать строительство фрегатов «о 50 пушках», а 22 сентября торжественно рапортовал «о спущенном благополучно 66-ти пушечном корабле, именуемом «Слава Екатерины»¹⁰, *первенца* Черноморского флота.

Еще в 1778 г. Суворов при объезде крымских берегов обратил внимание на удобную бухту Ахтияр (белый утес), который рассматривался как база для русских кораблей. В 1782 г. Потемкин писал императрице, что Ахтияр — лучшая гавань на свете. В итоге указом Екатерины II от 3 июня 1783 г. был основан Севастополь, другим указом императрицы от 10 февраля 1784 г. предписывалось «устроить крепость большую Севастополь — там, где ныне Ахтияр». Потемкин проделал огромную работу по подготовке этого порта, о чем свидетельствует его «Всепоподданнейший доклад» от 10 августа 1785 г. о крепостях в Тавриде: «Главная, и одна только крепость должна быть — Севастополь, при гавани того же имени...». Так же предлагалось укрепить крепости — Евпаторию, Сербулат; в Феодосии «возобновить строение городское и при-

морскую сторону оградить батареями»; у пролива Еникальского, ради «удержания десантов и верности сообщения с Таманом сделать у Павловской батареи небольшое, но прочное укрепление»¹¹.

Отметим рапорты сподвижника и продолжателя дела Потемкина адмирала, командовавшего флотилиями на Чёрном море, Н.С. Мордвинова. В его рапорте от 24 мая 1792 г. указывалось, что в Севастопольском порту «число благонадежных к служению на море судов состоит из 7-ми линейных кораблей, 4-х пятидесятипушечных фрегатов, 7-ми сорокапушечных фрегатов, 1-го тридцатипушечного, 2-х двадцатипушечных акатов, 20 крейсеров и 6 транспортных судов, в состоянии хорошем...». Планировалось так же устроить удобные пристани, доки, краны, мастерские, магазины для провианта, склады для артиллерийских снарядов, пороховые погреба и церковь. Вблизи кораблей, по кряжам бухт, были поселены военные моряки, купцы и магистрат. В целях обеспечения безопасности корабельной гавани предлагалось отдельно на Северном берегу Севастополя основать купеческий город, что позволило бы отделить «купеческие суда от военных» и товары выгружать прямо на берег, а не через рейд. Ввиду каменистой и горной местности и отдаленности лесов предполагалось пригласить из Екатеринославской губернии Бахмутских (Бахмут — ныне Артемовск) и Донецких помещиков, которые должны были «искапывать из своих земель уголья», находящиеся у них «в великом количестве», и доставлять на транспортных судах через Таганрог в Севастопольский порт¹².

В том же месяце Мордвинов подал Екатерине II отчет о состоянии двух других военно-морских портов — Херсона и Николаева. В Херсоне находилось Черноморское Адмиралтейское правление, председателем которого после смерти светлейшего князя Потемкина в 1792 г. был назначен Н.С. Мордвинов. Из рапорта мы узнаем, что при Адмиралтействе производилось строительство военных фрегатов — одного двадцатипушечного, другого тридцатичетырехпушечного, а также и других судов, на что правительство ассигновало большую денежную сумму — почти 4 млн руб. В Херсоне также был построен литейный завод, который выпускал в месяц от 20 до 25 осадных пушек.

Город Николаев, основанный в 1789 г. в устье реки Ингул, строился как корабельная верфь, и в будущем стал центром кораблестроения и центром управления Черноморским флотом. Как писал Мордвинов, в 1792 г. основное положение в городе занимало Адмиралтейство. Активно строились: 90-пушечный корабль и военные фрегаты (26- и 42-пушечные). В 12 верстах от Николаева

в селе Богоявленское (ныне — Корабельная часть города) на реке Буг были построены пристань, паром, каменный дворец, дома для офицеров, госпиталь и Земледельческое училище. Потемкин планировал создать здесь и «училище для мореплавания»¹³.

По инициативе Потемкина в 1784 г. в Крыму была создана Таврическая область (губерния), а сам Григорий Александрович получил к княжескому титулу почетную приставку «светлейший князь Потемкин-Таврический». Екатерина II повелела центром этой области сделать город Симферополь (в переводе с греческого языка — «город пользы»). В собрании ГИМ сохранился рапорт Потемкина императрице от 10 августа 1784 г., в котором он писал: «Симферополь для города губернского наилучшее место у Ак-Мечети, потому что город сей почти в середине земли, довольно имеет воды и лесов, и съезд из деревень, куда путь удобнее по причине ровного положения»¹⁴. Так, рядом со *старой* Ак-мечетью возник *новый* русский город Симферополь.

В черновике всеподданнейшего доклада Потемкина от 10 августа 1785 г. говорится, что восточная граница Таврической области должна идти «по реке Берде», «присовокупя и донские селения». Но в самом рапорте Екатерине Великой области определялись восточнее, до реки Кальмиуса то есть включая земли современной самопровозглашенной Донецкой народной республики. Присоединение новых земель шло параллельно с их хозяйственным и культурным освоением. Большое значение светлейший князь придавал хозяйственному освоению Крыма, указывая на необходимость заведения на полуострове суконных фабрик, производства «продуктов крымских, пшеницы и соли»¹⁵.

Написанные Потемкиным «Наставления профессорам экономии» требовали от них «объехать все казенные селения», обращая внимание, в каком они состоянии, и «как разделена земля и достаточно ли для каждого... Все домоводство устроить, сообразуя качеству земли здешней, со всеми изобретениями, в Англии введенными, в образе пахания земли, в обороте посевов, в размножении полезных трав, и лучших орудий земледельческих, также гумны и овины. Завести мельницы же, где нет водяных, сделать ветряные... Поселяне сверх особенного хлебопашества должны трудиться в разведении шелковицы»¹⁶.

Потемкин сожалел о том, что, несмотря на «доброту земель Екатеринославской губернии и Таврической области», они из-за незаселенности не приносят никакой пользы, и «сия пространная и изобильнейшая земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей по ее пропорции». В связи с этим он просил Высочай-

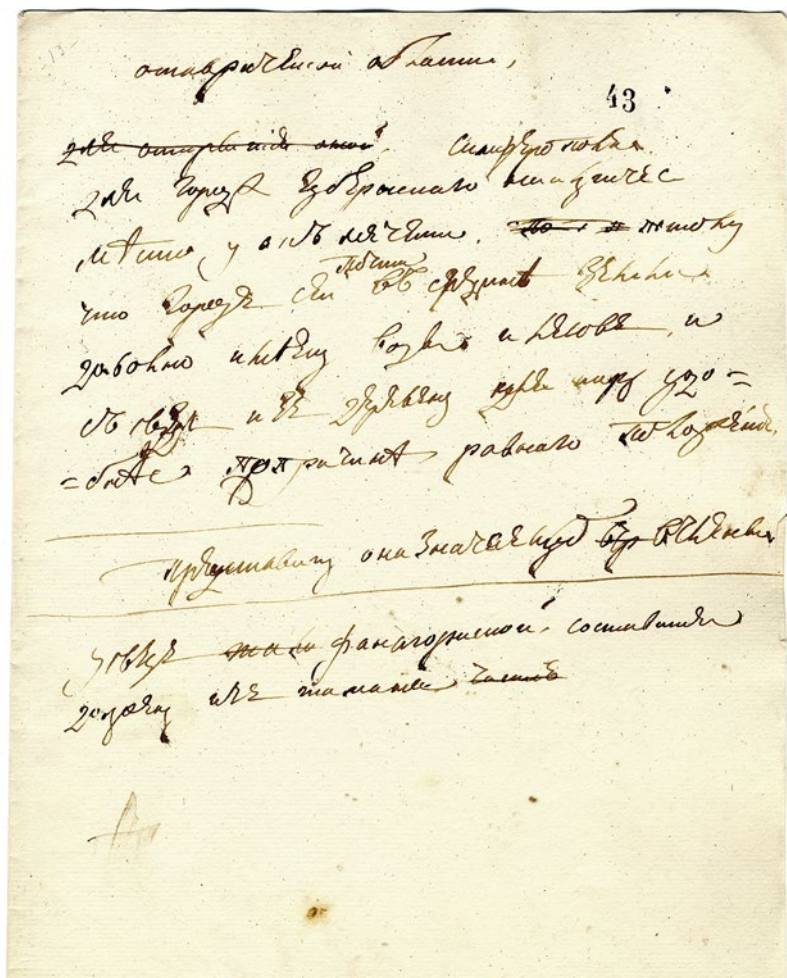

Рис. 3. Черновик рапорта князя Г.А. Потемкина императрице Екатерине II о выборе Симферополя как лучшего места для центра Таврической губернии. Автограф. 10 августа 1784 г. ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 43

шего повеления «от Сената спросить по губерниям желающих добровольно переселиться <...> много охотников будет, а паче од-
нодворцев, которые крайне обрезаны землями, как то в Курской
губернии. Плодородие здешних земель доставит впредь продо-
вольствие другим местам России»¹⁷.

Потемкин заботился об освоении новых земель старообряд-
цами. 10 августа 1785 г. он, в частности, предлагал дозволить, всем

старообрядцам переселяться на места, лежащие между Днепром и Перекопом¹⁸. Указом Павла I Таврическая область была упразднена, а ее территория (Днепровский, Евпаторийский, Мелитопольский, Перекопский, Симферопольский, Тмураканский, Феодосийский уезды) в 1796 г. вошла в состав Новороссийской губернии.

В 1783 г. Екатериной II было учреждено Екатеринославское наместничество с административным центром в Екатеринославе (в 1926—2016 гг. Днепропетровск, ныне — Днепр). В состав этого наместничества вошли уезды: Елизаветградский (с 1934 г. Кировоградский район, с 2016 г. — Кропивницкий), Александровский (с 1921 г. Запорожье, с 1939 г. — областной центр), Бахмутский (ныне — райцентр Луганской области), Донецкий (от реки Донец; современное название город получил в 1961 г.), Константиноградский (с 1922 г. Красноград), Кременчугский, Мариупольский, Новомосковский, Ольвиопольский (с 1920 г. Первомайский), Павлоградский, Полтавский, Славянский и Херсонский.

Особое внимание Потемкин уделял городу Екатеринославу. «Где же инде, как в стране, посвященной славе Вашей, быть городу из великолепных зданий» — писал Г.А. Потемкин императрице. Григорий Александрович старался устроить новый город в соответствии с традициями и образцами Древней Греции и Древнего Рима, в чем сказался его интерес к античности. Он подчеркивал, что старания местных зодчих недостаточно — необходимо «изящество возобновления Афин»¹⁹. Поэтому светлейший князь Потемкин пригласил знаменитого петербургского зодчего И.Е. Старова, чей замысел и лег в основу существующего города, построенного в 1790—1792 гг. Григорий Александрович, воспитанник Московского университета, не мог не озаботиться созданием университета в Екатеринославе. Однако университет был основан лишь в 1918 г.

Сам Екатеринослав был переименован в 1797 г. в Новороссийск, так он и обозначен на карте в представленной книге. Однако уже указом Александра I от 8 октября 1802 г. городу вернули прежнее название, а в следующем году Новороссийская губерния была разделена на три — Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую.

Значительную часть переписки занимают материалы о войнах России с Турцией 1787—1791 гг. Основные события происходили на Чёрном море.

Публикуемый документ об осаде и взятии крепости Очаков из фондов отдела письменных источников музея представляет самостоятельную ценность. 1 декабря 1788 г. Потемкин составил приказ о штурме крепости («Расположение генеральной атаки

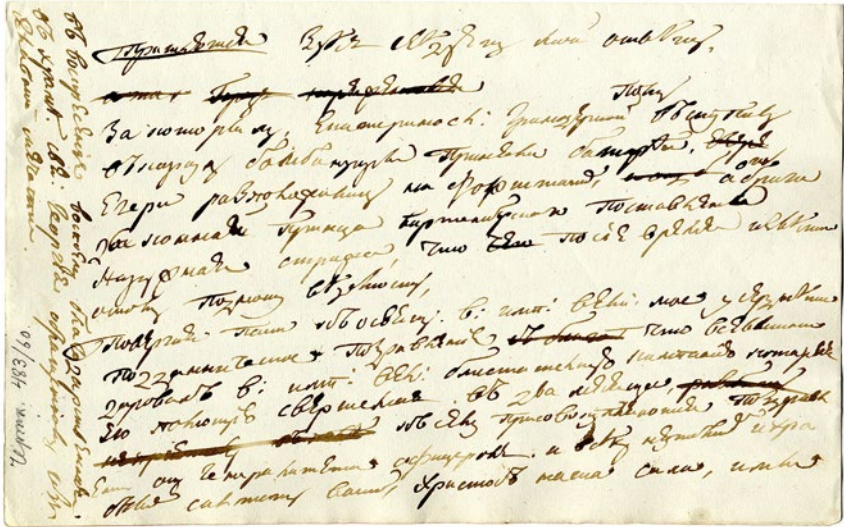

Рис. 4. Черновик рапорта светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического императрице Екатерине II о взятии крепости Бендеры. Автограф. 9 ноября 1789 г. ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 15 об.

Очакова»). Главное, считал фельдмаршал, — завладеть ретранше-ментами и землянками, атакуя турок со всех сторон. А если они побегут в крепость, то преследовать их сомкнутым строем. Всем колоннам предписывалось попеременно выступать и непременно до восхода солнца, ибо «перед светом турки спят крепко». Когда в какой-либо колонне раздастся крик «Ура», всем другим дружно выступать. Внезапное нападение во всех местах лишит неприятеля возможности спрятаться в землянках и домах, где и «истреблять его скоропостижно»²⁰. 6 декабря 1788 г., в день Святителя Николая, Очаков был взят штурмом русскими войсками.

Особый интерес представляют рапорты Потемкина о взятии Бендер от 4 и 9 ноября 1789 г. В первом, в частности, говорилось: «Всевышний даровал мне новую славу оружием Вашего Императорского Величества. Бендеры, будучи стеснены и уstraшены войсками, пали к освященным стопам ...»²¹.

Но особенно примечателен второй рапорт. «Имея лишь 8 осадных орудий Потемкин подводил к крепости войска по частям», потом еще «50 судов с Черноморскими казаками» и отряд русских войск, последний «стал лагерем напротив больших их пушек». Когда присланный для переговоров турецкий парламентар заявил, что туркам «потребно 20 дней для выхода из крепости», то Потем-

кин отвечал, что «не привык я с ними торговаться, а что открою огонь, если от них не будет от них решительного отзыва» и приказал «изо всех пушек произвести выстрелы. И от сего пришли в крайнюю робость и прислали посольство с донесением, что паша и город отдаются неограниченно в мою волю». Ровно в час дня «неприступная» крепость Бендеры пала! Г.А. Потемкин рапортовал императрице: «Всевышний даровал Вашему Императорскому Величеству блистательную кампанию, которая Его помощью свершилась в два месяца. К сему присовокупляются поздравления от Генералитета, офицеров и всех неутомимых и храбрых солдат Ваших. Христос наша сила, и мы в воскресение воспоем благодарственная в храме Святого Георгия, обращенном из главной мечети...»²².

Одновременно с Турцией Россия оказалась вовлеченной в войну со Швецией, начатой летом 1788 г. королем Густавом III, который отдал приказ своему брату напасть на русский флот у Кронштадта. Эскадра адмирала С.К. Грейга вышла навстречу неприятелю из Кронштадта. В собственноручно подписанном Екатериной II рескрипте говорилось, что «6-го числа июля НАШ флот имел со флотом Шведским сильное и упорное сражение с обеих сторон, продолжавшееся от 5-ти часов вечера до 10-ти часов непрерывно. Мы взяли корабль семидесятипушечный, «Принц Густав» именуемый, на котором находился граф Вахтмейстер, командовавший авангардиею флота неприятельского под флагом вице-адмирала; он отдался, спустя свой флаг пред кораблем «Ростиславом», на котором был флаг НАШЕГО адмирала Грейга. Сражение кончилось при темноте ночной <...> Неприятель отступил и, отдаляясь, оставил нас Господствующими на месте победы <...> Он имел пятнадцать линейных кораблей семидесяти и шестидесяти пушечных и восемь больших фрегатов, которые вошли в их линию баталии»²³.

Несомненный интерес представляет записка Потемкина Екатерине II от 28 февраля 1789 г.: «Сверх общих правил боевого строя каждая нация имеет нечто ей свойственное, наипаче во флотах сие бывает по конструкции и часто по крепости или по ветхости судов, а паче калибра пушек. Для положений генеральных нужны мне сведения, в каком числе состоял флот шведский и каких рангов их суда: вместе ли он весь был или разделен, были ли легкие эскадры для крейсерств; какого рода мелкие их суда и с какой артиллериею. По взятому кораблю можно знать о числе экипажа, а по тому судить, предполагают ли они абордаж. Маневр их был ли стремителен или больше состоял в укреплении линии, из чего бы

можно увидеть, к чему они больше наклонны — наступать или обороняться. Сие мне крайне нужно, ибо тогда я узнаю, как свои устроить части и как действовать, тем паче, что в морском деле моя система состоит в калибре пушек, с чего меня не собьют все адмиралы в свете...»²⁴. Потемкин исходил из того, что победы гребной флотилии над корабельным флотом турок во многом были обеспечены большим калибром пушек, установленных, по его предложению, на русских судах. Как видим, «светлейший» успевал следить и за происходящим в войне со Швецией.

Сохранились письма Г.А. Потемкина о победах Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова в Керченском морском сражении 8 июля и при мысе Тендра 28 и 29 августа 1790 г. Главному докладчику императрицы А.А. Безбородко 7 сентября 1790 г. он писал: «Мои инструкции или мир, или война <...> Бездельник их капитан-паша, будучи разбит близ Тамана с поврежденными кораблями, как курва, и теперь. Еще пять судов починиваются, а насаказал, что у нас потопил несколько судов. Сия ложь и у визиря была опубликована <...> Теперь было еще у флота сражение, где они потеряли Капитанию и еще большой корабль. Адмирал Капитании Саид-бей у нас в полону. Капитания сожжена: тут потонуло 800 человек да живьем взяли с других кораблей и легкими судами 700 человек с лишком. У них разбитых судов много потонуло и все разбиты в прах. Бог нам, видимо, помогает, а они идут против Его власти...». В другом письме Потемкин писал генерал-майору В.С. Попову из Бендер: «Слава Богу, и, Слава Богу, Ушаков начисто флот Турецкий разбил»²⁵.

«Фаворит», «Баловень Судьбы» — какими только эпитетами не награждали Потемкина завистливые и куда менее талантливые современники. Сам Григорий Александрович ответил на это в коротком письме к графу А.А. Безбородко, также хранящемся в музейном фонде. Письмо написано в период последнего пребывания Потемкина в Санкт-Петербурге (февраль — июль 1791 г.): «Есть ли есть кто, имеющий право не терпеть от зависти, то это я, ибо в жизни никому не позавидовал...»²⁶.

Сорок шесть рескриптов Екатерины II, Павла I и представителей императорского дома адресованы генералу Ивану Васильевичу Гудовичу (1741—1820). Эти документы большей частью также посвящены теме утверждения и освоения Крыма и Северного Кавказа. Личность этого военачальника гораздо менее известна, но он тоже сыграл немаловажную роль в укреплении южных границ России и в определенной степени стал продолжателем дела безвременно умершего Потемкина.

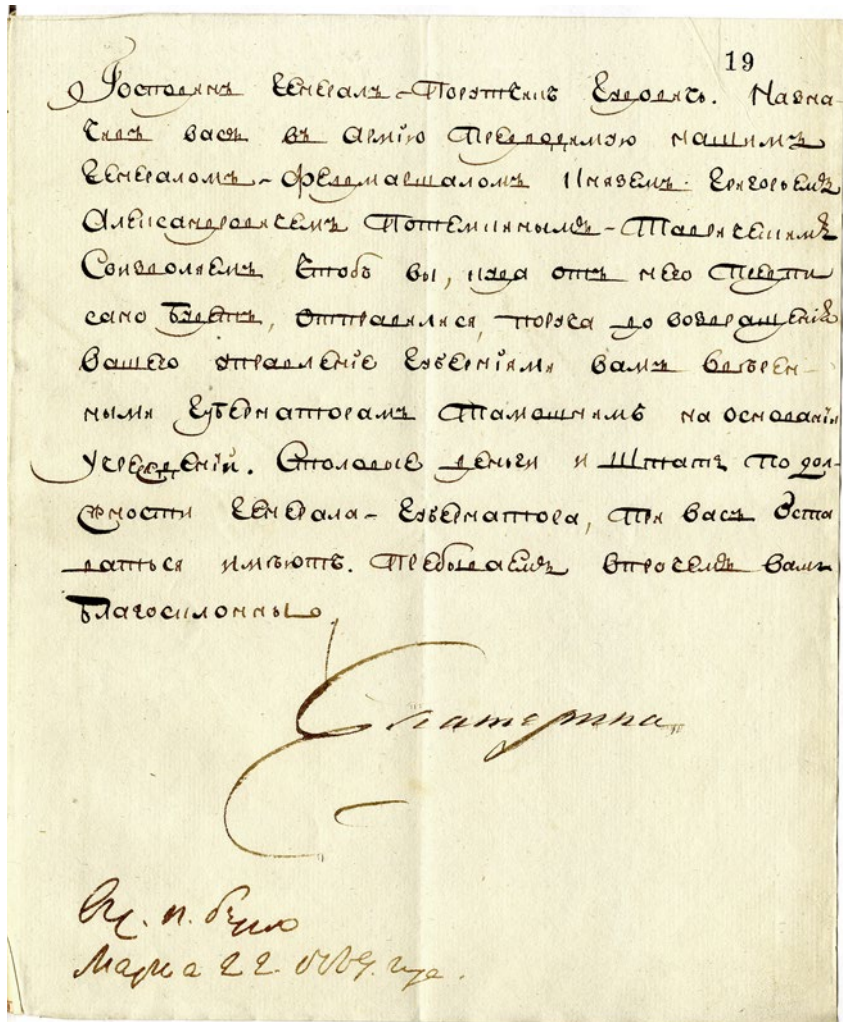

Рис. 5. Именной Высочайший указ императрицы Екатерины II генерал-поручику И.В. Гудовичу о назначении его в армию генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина-Таврического. Подпись-автограф. Санкт-Петербург, 22 марта 1789 г. ГИМ ОПИ. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 19.

Командуя отдельным корпусом в очередной русско-турецкой войне, Гудович овладел турецкими крепостями: Хаджибей — с 1795 г. город Одесса; Килия (ныне — город в Одесской области на берегу реки Дунай). За эти подвиги 12 ноября 1790 г. он был произведен в генерал-аншефы и отправлен на Кавказскую укреплен-

ную линию в качестве командующего Кубанским корпусом и начальником Кавказской линии.

Гудович занялся обеспечением Азовско-Моздокской линии от набегов горцев, и получил высочайшее позволение построить несколько крепостей на реках Кубань и Терек. В кратчайшие сроки, в 1780-е гг. эта линия была построена. В своих посланиях императрице Потемкин подчеркивал важное стратегическое значение этой линии, которая должна была не только удержать стремление турок и кавказских племен от нападений на Россию, но и «подкрепить» действия войск наших в Крыму. Екатерина II действовала опять-таки гораздо тоньше, и в этом отношении крайне интересен ее обстоятельный рескрипт Гудовичу, данный 9 мая 1792 г. из Царского Села, и полученный им на горе Бештау. Императрица, одобряя распоряжение Гудовича о строительстве «крепостей и станиц на линии Кубанской для закрытия от горских народов владений наших», в то же время считала необходимым отделить преданных России кабардинцев от тех горцев, которые постоянно совершали набеги, используя при этом мусульманское духовенство: «Употреблять кстати и блеск, и страх оружия с тем, однако ж, чтобы не прежде приступить к таковой необходимой крайности...»²⁷.

С восшествием на престол Павла I Гудович поначалу оказался в фаворе и получил чин генерал-фельдмаршала. Новый император продолжил политику Екатерины II по укреплению старых и строительству новых крепостей, а так же расширению территорий на Северном Кавказе, о чем свидетельствует его письмо Гудовичу от 18—19 февраля 1797 г. В этом письме перечисляются крепости, города и укрепленные станицы, как находящиеся на Азовско-Моздокской линии, так и южнее ее: Аварская, Константиногорская, Екатериноградская, Моздок, Шелководская, Григориополис, Кизляр, Кавказская, Атен, Кумское, Темнолеская, Ставрополь, Московская, Георгиевск²⁸.

5 апреля 1797 г. в день коронации Павла I, в день Пасхи, Иван Васильевич был возведен в графское достоинство. В 1798 г. Гудович был отозван с Кавказа и назначен сначала генерал-губернатором Киевским (март — июнь 1798 г.), а затем Воыньским, Подольским и Херсонским.

В письмах Павла I содержатся ценные сведения о переломном периоде в истории русско-французских отношений, вызванном агрессивными действиями Франции, стремившейся к созданию колониальной империи на Ближнем Востоке и захвату Средиземного моря. Запугивая Турцию «русской угрозой», француз-

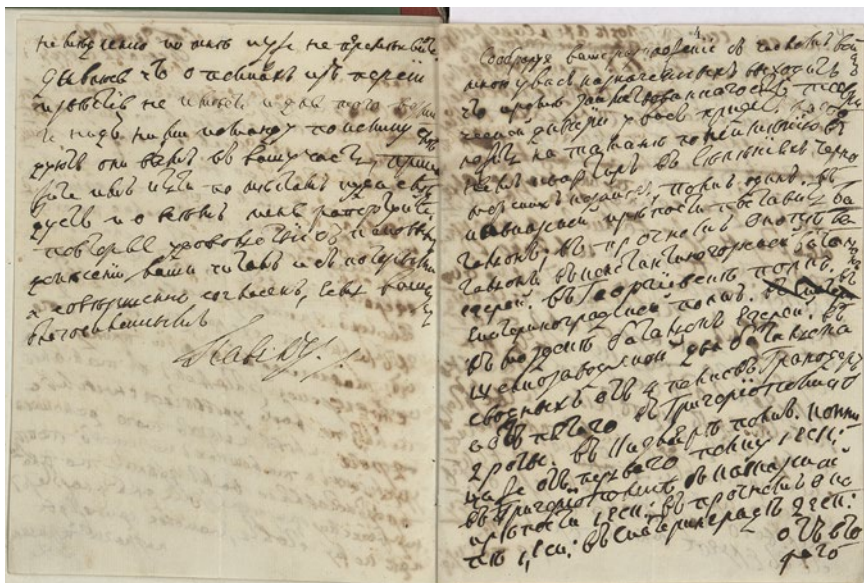

Рис. 6, ба. Собственноручный рескрипт императора Павла I генерал-губернатору Астраханскому и наместнику Кавказскому, генерал-аншефу Ивану Васильевичу Гудовичу о расположении пехотных драгунских и и казачьих полков на Северном Кавказе и выводе русских отрядов из Персии.

17 февраля 1797 г. ГИМ ОПИ. Ф. 420. Ед. хр. 120. Л. 3 об.

ба. Собственноручный рескрипт императора Павла I генерал-губернатору Астраханскому и наместнику Кавказскому, генерал-аншефу Ивану Васильевичу Гудовичу об укреплении крепостей на Северном Кавказе. [18—19 февраля 1797 г.] ГИМ ОПИ. Ф. 420. Ед. хр. 120. Л. 4

ские дипломаты старались вовлечь Османскую империю в союз против России. При этом они сулили султану Крым и часть Грузии. Министр иностранных дел Французской республики в 1798 г. Шарль Морис Талейран прямо указывал на желательность разрушения Херсона и Севастополя. Еще 20 июня 1798 г. Павел I писал из Павловска: «Нужно будет, Граф Иван Васильевич, по обстоятельствам вам быть готовым, взяв к себе как артиллерию, так и подвозной магазейн, для сбора войск». 6 августа 1798 г. император писал Гудовичу о важности Ионических островов: «Получа известие, что французы в Архипелаге, и посему могут и на Царьград покушаться, то мое мнение, чтоб тогда вы заняли вместе и соединено с Дашковым Молдавию, и так держать себя и его готово, прикрывая берега и Херсон, и пути, дабы помешать врагу...»²⁹. К счастью, франко-турецкая коалиция сорвалась, прежде всего, благодаря геро-

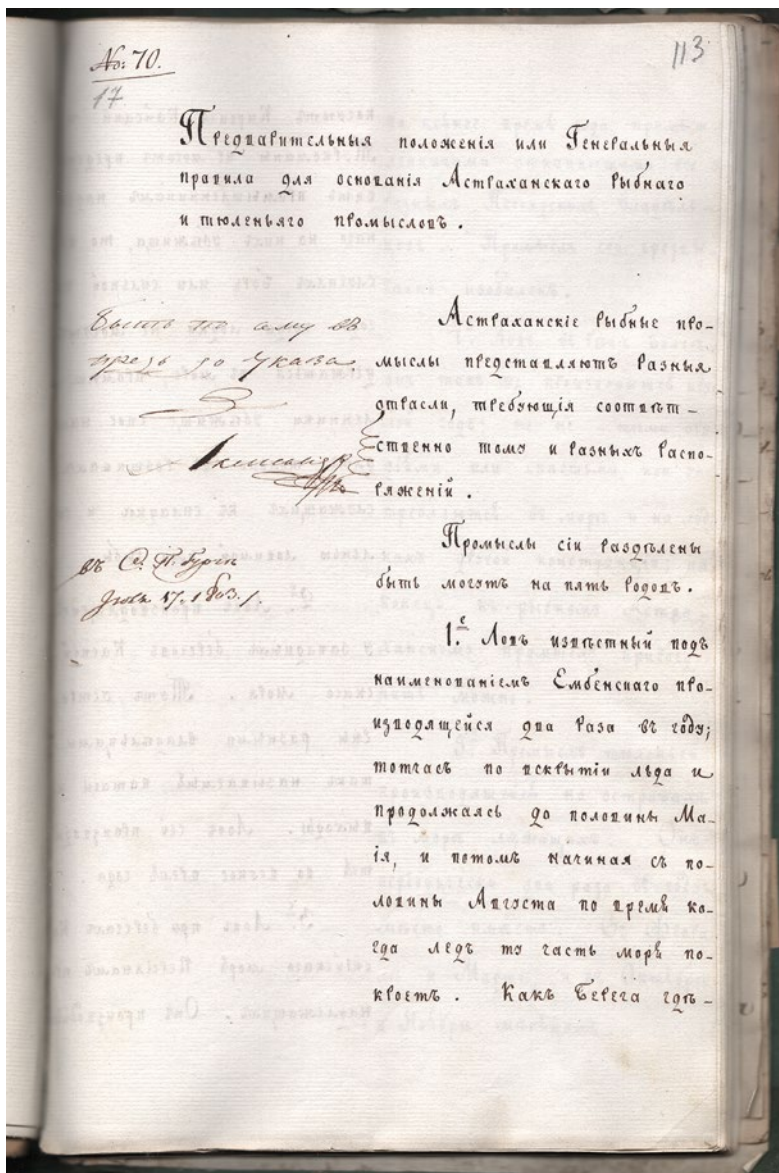

Рис. 7. «Предварительные положения или Генеральные правила для основания Астраханского рыбного и тюленьего промыслов», представленные министром внутренних дел графом В.П. Кочубеем императору Александру I от 17 июля 1801 г. С резолюцией Александра I «Быть по сему впредь до указа». ГИМ ОПИ. Ф. 420. Ед. хр. 126. Л. 113.

Рис. 8. Жалованная грамота Екатерины II генерал-поручику Григорию Григорьевичу Орлову на графское Российской империи достоинство и герб. Подпись-автограф. Санкт-Петербург, 1 июля 1763 г. ГИМ ОПИ. Ф. 388. Ед. хр. 238. Л. 1, 3, 5

изму русских моряков под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова. В июне 1800 г. за критику прусских порядков, которые император пытался ввести в русской армии, Гудович был безосновательно отправлен в отставку.

В последние годы недолгого правления Павла I было обращено особое внимание на поиски и охрану кавказских минеральных вод, а также на добычу руд на Северном Кавказе, в том числе золота и серебра. Об этом свидетельствуют копии императорских рескриптов и рапорты ряда высокопоставленных чиновников³⁰.

Внутренняя политика последних лет царствования Павла I нашла продолжение в начале царствования его сына Александра I, взошедшего на престол 12 марта 1801 г. В рапортах Александру I от министра внутренних дел графа В.П. Кочубея речь шла по трем конкретным сюжетам, связанным с хозяйственным освоением Екатеринославской и Новороссийской губерний, Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Во-первых, это основание виноделия; во-вторых, развитие шелководства (т. е. тому, чему уделял внимание Потемкин в своих рапортах и записках). Новым было акцентирование внимания на упорядочение рыбных промыслов на Каспии — как бы мы теперь сказали, на вопросы рыбнадзора и экологии. Все эти рапорты были одобрены императором, о чем свидетельствует его собственноручная «виза» в правом верхнем углу³¹.

В последнем разделе издания приведены полные тексты одиннадцати жалованных грамот, подписанных императрицей Екатериной II и императором Павлом I различным выдающимся военным и государственным деятелям, отражающие глубину происходивших процессов в России того времени. Наиболее ранняя из них — на графский титул, была дана Екатериной II Григорию Григорьевичу Орлову (которому она вместе с его братом Алексеем была обязана самим возведением на престол). Обращают на себя слова грамоты, «что он был первый из тех верных Российских сынов, которые сию империю от странного ига и православную Греческого исповедания церковь от разорения и приближавшегося ей всеконечного падения, возведением Нас на всероссийский ИМПЕРАТОРСКИЙ престол, свободили... к пользе и благополучию отечества и к радости и удовольствию натуральных союзников сея империи и к бессмертной ея славе»³².

Издание позволяет читателям ознакомиться с отдельными раритетами, характеризующими напряженный период последней четверти XVIII — начала XIX в., ознаменовавшийся почти постоянными войнами на севере, юге и западе нашей страны, самостоя-

тельно составить впечатление о характерных чертах личности венценосных особ и знаменитого Г.А. Потемкина, представить дух и атмосферу эпохи великих свершений.

- ¹ *Петров Ф.А., Фалалеева М.В.* Честь быть Россиянином. Известные автoграфы 1770-х — 1810-х годов из собрания Исторического музея / [Авт.-сост. Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева]. М.: Исторический музей, 2022.
- ² Фонд был обработан 6 июня 1941 г. сотрудницей ГИМ В. Ефимовой.
- ³ См.: Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка, 1769—1791 / Изд. подгот., примеч. В.С. Лопатин; отв. ред. С.Г. Десятков. М.: Наука, 1997; Сборник военно-исторических материалов. Санкт-Петербург: Изд. Военно-Ученого Комитета Гл. Штаба, 1892—1904. Вып. 8: Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1790—1793 гг. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. 1895; *Потемкин Г.А.* От вахмистра до фельдмаршала: Воспоминания. Дневники. Письма / Сост. и подгот. текста З.Е. Журавлева. СПб.: Изд-во «Пушкин. Фонда», 2002.
- ⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 1. Ед. хр. 104. Л. 2—2 об.
- ⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 1. Л. 82.
- ⁶ Там же. Л. 88.
- ⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 75—77.
- ⁸ Там же. Л. 90.
- ⁹ Там же. Л. 92 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 89.
- ¹¹ Там же. Л. 38.
- ¹² ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 1. Л. 140—141.
- ¹³ Там же. Л. 138—139.
- ¹⁴ Там же. Л. 9.
- ¹⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 51—52
- ¹⁶ Там же. Л. 85—87.
- ¹⁷ Там же. Л. 41—42.
- ¹⁸ Там же. Л. 53.
- ¹⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 1. Л. 37.
- ²⁰ Там же. Л. 108—109.
- ²¹ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 4—5.
- ²² Там же. Л. 8—9 об., 14—16 об.
- ²³ ГИМ ОПИ. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 17, 22 об.
- ²⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Л. 6—7, 12—13.
- ²⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 197. Ед. хр. 1. Л. 7.
- ²⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 24—28.
- ²⁸ Там же. Ед. хр. 120. Л. 4—5 об.
- ²⁹ Там же. Л. 20—23 об.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 159.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 126.
- ³² ГИМ ОПИ. Ф. 388. Ед. хр. 238. Л. 1—7.

Г.Н. Ульянова

Охотный ряд в Москве: товары, цены, состав торговцев. Первая половина XIX века

В предисловии ко второму тому своего труда «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы» И.Е. Забелин писал о собранных им в архивах и опубликованных материалах, касающихся торговли в Москве: «Внимательная разработка этого материала может дать немало любопытных заключений в отношении состава торговавших лиц, а также и по составу предметов торговли, долженствующих выяснить характеристику потребностей населения и разных порядков его жизни. Кроме того многочисленные указания мест и предметов торгова и промысла во многих отношениях раскрывают самое устройство города и в ярких чертах оживляют его старый быт»¹.

До сих пор научная история Охотного ряда с градостроительной и историко-бытовой точки зрения была представлена лишь в кратком очерке П.В. Сытина в его классическом труде «Из истории московских улиц»². За исключением этого очерка, история Охотного ряда на основе архивных документов ни историками города, ни историками экономики пока не изучалась, а в большинстве краеведческих изданий можно найти лишь конгломерат нескольких мало-серьезных баек.

В нашей статье будет рассмотрена история торговли в Охотном ряду и представлено три вопроса — упоминание Охотного ряда в публикациях И.Е. Забелина; описание Охотного ряда в других старых источниках; освещение торговли в Охотном ряду в материалах ЦГА г. Москвы (статистика лавок и цены).

Охотный ряд в публикациях И.Е. Забелина

В представленных Забелиным документах Охотный ряд упомянут несколько раз. Например, в «Доимочной книге» Земского приказа сказано: «Ряд Охотной, вышед из города на левой стороне, позади Пряничного ряду. А в прошлом во 178 году³ велено тот ряд

Рис. 1. Охотный ряд и окружающая местность. 1852 год. Фрагмент плана А. Хотева.

Из книги «Атлас столичного города Москвы, составленный по распоряжению московского обер-полицейстера, свиты его императорского величества генерал-майора Лужина А. Хотевым». М., 1852—1853.

№ 379 — церковь Параскевы Пятницы, № 347 — владение Лухманова,

№ 348—372 — лавки с восточной стороны площади Охотного ряда,

№ 376 — Российское Благородное собрание, № 377 — владение Московского Мещанского общества, № 380 — владение А.Г. Толстой (ранее ее отца кн. Г.А. Грузинского)

перенести на другую сторону к Китаю городу, а задними стенами к каменным харчевням и к Неглинне в один ряд. Л[авка] Гостинной сотни Ивана Иванова сына Полунина 6 ал. 4 ден.; л[авка] евож Ивана 6 ал. 4 ден.; л[авка] пушкаря Максимка Ильина 3 ал. 4 ден.; л[авка] садовника Лучки Васильева 10 ал. По даче 197 году⁴ подле лавки Гостинной сотни Ивана Полунина порозжего места пол-полтины»⁵.

Приводимое Забелиным сведение отразило тот факт, что местоположение Охотного ряда менялось. В цитате об Охотном ряде фраза «велено тот ряд перенести на другую сторону к Китаю городу, а задними стенами к каменным харчевням и к Неглинне в один ряд» свидетельствует о перемещении Охотного ряда в пре-

делах пространства, располагавшегося между выходом с Красной площади и до начала Тверской улицы.

Об этом писал и П.В. Сытин, считавший, что Охотный ряд в XVII в. находился на месте нынешнего Исторического музея, затем был перенесен на нынешнюю Манежную площадь, а после пожара 1737 г. сместился в сторону Благородного собрания⁶.

«Доимочная книга» Земского приказа (полное название «Книга доимочная (Земскаго Приказа), коликое число с дворов и с лавок и с протчего на прошлые годы денежной казны взять надлежало, 701 и 702 годов»), по объяснению И.Е. Забелина, была составлена в 1700 г. По распоряжению Петра I, «для сбора мостовых денег», провели перепись торговых мест в Китай-городе. Это было сделано по всем ведомствам, чтобы представлять все доходы и расходы государства. «Доимочная книга» — довольно объемный документ, выявленный и расшифрованный И.Е. Забелиным не позднее 1880-х гг. и взятый им из дел, видимо позже объединенных в Архиве Дворцового Ведомства, хранившегося в Троицкой Кремлевской башне. Этот источник дает богатую пищу для размышлений при изучении московской торговли.

Другие сведения, опубликованные И.Е. Забелиным, относятся к 1736—1745 гг. Они содержатся в «Ведомостях Окладной Оброчной книги о сборе оброчных денег с лавок и других торговых мест». При этом упомянуты как «лавки и места, с которых оброк собирается», так и те, «с которых оброк не собирается». В предисловии к публикации И.Е. Забелин подчеркивал ценность источника, поскольку ведомости «знакомят с полнейшим составом всего торгового населения города в первой половине XVIII столетия»⁷. Анализ документа показал, что к 1745 г. часть лавок и лавочных мест, шалашей и проч. было утрачена, прежде всего, вследствие сильного Троицкого⁸ пожара 1737 г., в котором погибла четверть городской застройки.

Поскольку представляется целесообразным представить здесь максимально полную информацию об Охотном ряде из публикации И.Е. Забелина, то ниже эти небольшие фрагменты будут приведены целиком. Они дают представление о собственниках торговых лавок, шалашей и харчевен — в частности, кроме имен, указан их социальный статус (принадлежность к гильдии или к Гостиной сотне), количество лавок, для женщин брачный статус («вдова»), размер уплаченного оброка. Примечательно, что в Охотном ряду все владельцы состояли в 1-й гильдии, что, вероятно, коррелировало и со стоимостью владений, и с высокой доходностью коммерческой недвижимости.

Фрагмент 1 присутствует в «Ведомости, учиненной из имеющейся в Москов[ском] Магистрате из оставшей от учинившегося

в Москве в 737 г. пожару окладной 736 г. книги ж и из поданных в 745 г. из учрежденной после того пожара Лавочной Комиссии свидетел[ь]ства и ведомостей коликое число и какие именно в Москве в Белом городе лавок, харчевен и прочих по званиям мест имеется и кто ими ныне владеет и что с них збираетца оброчных денег» и повествует о действующих лавках: «Охотного ряду: поллавки 1 гил. купца Никиты Савина, об[рок] 45²/₄ к[опейки]; пол.-л[авки] егуж, Никиты Савина, 60²/₄ к., 5 лав[ок] Садовой слободы Прохоровской жены Ситникова вдовы Марьи Иванов[ой] дочери, а порознь по 26 к., итого 1 р. 30 к.; пол.-л[авки] 1 гил. купца Никиты Савина, 26 к.; пол.-л[авки] 1 гил. куп. Петра Цынбалникова, 10 к.; 2 лав[ки] егуж, Петра Цынбалникова, а порознь по 21 к., итого 42 к.; пол.-л[авки] егуж, Петра Цынбалникова, 16 к.; л[авка] 1 гил. купца Григ. Осипова, 21 к.; 3 лав[ки] 1 гил. купца Петра Цынбалникова, а порознь с 2 лавок по 15²/₄ к., съ 3-й лавки 15 к., итого 47 к.; л[авка] 1 гил. купца Григор. Осипова, 21 к.; л[авка]. 1 гилд.⁹ купца Петра Цынбалникова, 26 к.; л[авка] Гостин. сотни Мих. Ножевщикова, 21 к.; 2 л[авки] 1 гилдии купца Петра Цынбалникова, а порознь по 13³/₄ к., итого 27²/₄ к.; 3 л[авки] 1 гилдии купца Григ. Осипова, а порознь по 31 к., итого 93 к.»¹⁰.

Помимо обложенных оброком (или, говоря современным языком, налогом на недвижимость) лавок, в ведомостях упомянуты еще два типа торговой недвижимости в Охотном ряду, а именно, шелашы и харчевни. В разделе ведомости «Шелашы в разных рядах» упомянут «в Охотном ряду: шелаш 1 гил. купца Сем. Павл. сына Волосного, 41 к.»¹¹, а в разделе «Харчевни» — «2 харчевни деревянные 1 гил. купца Дмитрия Зайцева, а порознь по 50 коп., итого 1 руб.»¹².

Также упомянуты состоявшие ранее по «Окладной 736 г. книге» лавочные места в Охотном ряду, которые, видимо, перестали через несколько лет, в 1740-е гг., существовать, хотя их владельцы продолжали платить все требуемые налоги «бездоимочно», то есть полностью в требуемом размере: «...А по поданным из Лавочной Комиссии ведомостям показано, что на оных местах строения никакого не имеетца, а оброчные денги со оных мест вотчинники платят бездоимочно. В Охотном ряду: место порознее 1 гил. купца Сем[ена] Волосного, 16 к.; место порознее 1 гил. куп. Григор[ия] Осипова, 25 к. Итого со оных мест збираетца действительно 41 к.»¹³. Далее в документе говорилось, что эти лавочные места в 1740-е гг. были «застроены дворами», но сведения о дате строительства или о том, были ли тут пожары перед застройкой, в ведомостях не указаны.

И, наконец, в конце документа содержался раздел, где были перечислены «лавочные места», которые ранее числились

в Окладной книге 1736 г., но по более свежим сведениям — поданным из Лавочной комиссии ведомостям (1745) — оказалось, что «на оных местах строения никакого не имеетца и вотчинников и наследников в лицах нет и оброчных денег не платитца»¹⁴. В Охотном ряду было обнаружено три таких объекта, в частности: 1) «м[есто] лавоч[ное] садовника Елисея Патакина», с которого следовало получать 1 р. 37 к., но деньги не поступали, а при обследовании оказалось, что «стоит впусте без строения с 736 году, а вотчинников и наследников в лицах нет»; 2) «м[есто] лавоч[ное] пушкаря Максима Ильина, 12 к.», стоявшее пустым и без построек после большого пожара с 1712 г. и тоже без «вотчинников и наследников»; 3) «м[есто] лавоч[ное] Таганной слободы Романа Васильева, 26 коп.», также погоревшее в 1737 г. и невозобновленное, и без явки вотчинников и наследников. Неполучение «со оных пустых мест» оброка в размере 1 руб. 75 коп. было отмечено в ведомости.

Представленные в «Материалах» И.Е. Забелина документы дают ценную информацию о судьбе Охотного ряда в XVIII в. и весьма важны для изучения дальнейшего периода истории этого торгового пространства.

Охотный ряд в научных трудах и путеводителях первой половины XIX в.

Известный архивист и историк М.С. Гастев (1801—1883), издавший в 1841 г. «Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы», представлявшие собой систематизированные исторические очерки, написанные по документам архива Присутственных мест и Губернского Архива старых дел (директором которого он одно время состоял), уделил некоторое внимание вопросу об Охотном ряде.

Он дал краткое описание того, как выглядела площадь до перестройки в 1786 г.: «Нынешняя площадь Охотного ряда была застроена. На ней стояли: церковь Иоанна Предтечи что на Ленивом торжке, у которой прихода было три двора; церковь Анастасии Узорешительницы, у которой весь приход состоял из одного, князя Александра Борисовича Голицына, дома, где помещался Благородный Клуб; церковь Пятницы Параскевы, по просторечию Прасковей, с пятью дворами ее прихожан, и колокольня при ней с пристройками; дворы церковнослужителей всех трех церквей и дом княгини Грузинской. Между ними, со времени и с дозволения графа Брюса, размещены были деревянные лавки, подвижные шалаши, с съестными припасами и мелочным товаром, платившие за землю тем, чья она была, и два питейных дома»¹⁵.

Далее Гастев пишет, ссылаясь на архивный документ, что «на всей нынешней Моисеевской площади торговали тогда в лавочках, на скамейках, в коробах, всякого рода дичью, живой и битую, рыбою, зеленью и проч. От того тут было много шума и нечистоты»¹⁶. Эта картина гомонящей рыночной толпы была описана Гастевым по делу о жалобе сотрудников Монетного двора, здание которого выходило окнами на рыночную площадь: «Члены Монетного департамента вынуждены были, в 1787 году, просить Управу благочиния перевести всю ту торговлю на другое место, потому что говор и крик от ней мешал им заниматься делами, а нечистота от тех продуктов наводила, будто бы, неприятный вид на Монетный двор, и без того неблагоприятный»¹⁷.

Это сведение несет ценную информацию о наличии разных типов торговых построек — стационарных деревянных лавок и «подвижных» шалашей, вероятно, устанавливаемых торговцами временно на арендованных для этой цели местах. (Что представляли собой шалаша, отчасти можно понять из изданного в 1782 г. «Описания императорского, столичного города Москвы», где не раз упомянуты так называемые «шалашные места» и «шалаша», отделяемые от лавок и амбаров в отдельную группу. Например, в Старом Гостином дворе упомянуты «свежерыбные и икорные» шалаша, на улицах Лубянской, Сретенской, Арбатской, Смоленской, Пречистенской и Мещанской — шалаша «точильные и сенные», в мясном Калужском ряду «шалаша точильные», в Таганском мучном ряду — «шалаша мушные вместо лавок», на Пятницкой, Кожевницкой и Ордынской улицах — шалаша каретные, и др.¹⁸ Шалаша представляли собой конструкцию из опорных столбиков, на которых крепилась сень-покрытие, сделанная из сплетенных «прутьев, лубьев, рогож и проч.»¹⁹.)

Как сообщал Гастев, в таком виде площадь просуществовала до второй половины 1780-х гг. По утвержденной в 1786 г. новой планировке центра Москвы здесь собирались устроить новую площадь без нагромождения старых постоянных и временных построек. «Для того лавки, шалаша и все строения, тут бывшие, снесены»²⁰. Были фактически упразднены в 1790 г. и две церкви — Иоанна Предтечи (на Ленивом торжке) и Анастасии Узорешительницы. Третья церковь Параскевы была оставлена «по желанию Митр[ополита] Платона... потому что была крепка во всех частях и благообразна», колокольня ее была разобрана и «вновь построена над главным входом в церковь». «Дворы церковнослужителей и частных людей» были перенесены. Обновленная площадь была открыта в 1791 г.

Рис. 2. Церковь Параскевы Пятницы на площади Охотного ряда. 1881 год. Фотогравюра «Шерер, Набгольц и К°». Из альбома Н.А. Найденова «Москва. Соборы, монастыри и церкви». Т. 2. Белый город. М., 1882

В связи с Охотным рядом и близлежащей Моисеевской площадью важен факт о судьбе Монетного двора, приводимый Гастевым. Он сообщает о том, что главнокомандующим Москвы П.Д. Еропкиным²¹ было подано царю предложение отдать здание Монетного двора в частные руки, и чтобы новый владелец «всю мелочную торговлю с Моисеевской площади поместил бы у себя на том

дворе, дабы она не была видима»²². В 1798 г. Монетный двор на этом условии был дан московскому обер-полицмейстеру (позже, в 1818 г., «тайному советнику, сенатору и кавалеру»²³) П.Н. Каверину (за отошедшее у него другое владение). По изложению Гастева, «Каверин построил на дворе и на краях его множество деревянных лавочек и перевел в них всю торговлю с Моисеевской площади, а чрез несколько лет построил каменные лавки по Тверской и по площади» (другими словами, «лавочки и лобазни, оставшиеся на площади, перенесены на бывший Монетный двор»)²⁴.

Следующим владельцем, купившим в 1815 г. у Каверина обгорелое (в пожаре 1812 г.) место Охотного ряда²⁵, стал московский купец Дмитрий Александрович Лухманов (1765—1841). Он прибыл в московское купечество в 1790 г. «Владимирского наместничества гор. Гороховца из мещан»²⁶. Д.А. Лухманов, — купец 3-й, затем 1-й гил., коммерции советник, звание получил не только за предпринимательские успехи, но и за пожертвование 25 тыс. руб. на ополчение в 1812 г.²⁷ Лухманов построил по границам всего двора каменное здание торговых рядов с тремя входами во двор с разных сторон²⁸. Был владельцем Охотного ряда и подмосковного села Косина.

Гурьянов писал в путеводителе (1831): «Сие огромное здание отстроено в 1823 году»²⁹. По записям Гурьянова и Сытина (очевидца и историка) можно приблизительно установить, что строительство торговых рядов, просуществовавших более ста лет до начала 1930-х гг., произошло в интервале с 1815 по 1823 г.

После смерти Д.А. Лухманова Охотный ряд унаследовали его потомки от двух браков. Состоявший в свойстве с Лухмановыми Н.П. Вишняков отмечал: «После Д.А. осталось большое состояние, но и многочисленная семья, состоявшая из 6 сыновей и нескольких дочерей. Между наследниками на почве наследования произошли крупные недоразумения, перешедшие потом в судебный процесс, тянувшийся десятки лет, крайне запутанный, с претензиями наследниц, незаконнорожденных детей... Объектом раздора послужил так называемый Старый Монетный двор, безобразное, но крайне доходное владение, поднесь существующее в полной неприкосновенности своего безобразия на углу Тверской и Охотного ряда. На это золотое дно имели претензию и купеческие Лухмановы»³⁰.

Дело заключалось в том, что умерший в 1841 г. Дмитрий Лухманов духовным завещанием предоставил сыну своему от первого брака, Александру Лухманову, в полное распоряжение на 10 лет владение — «состоящий в г. Москве дом, называемый “монетным двором”, со всеми к нему принадлежностями», на условии, что сын

не может дом этот никому продать и заложить, должен сдавать помещения внаем и управлять хозяйством, за управление получая в вознаграждение 10% с каждого доходного рубля, а также с доходов выплачивая по 30 тыс. руб. в год вдове отца Анфисе Лухмановой и ее детям — сыновьям отца от второго брака Николаю, Сергею и Афонасию по 5 тыс. руб., а в случае их женитьбы по 10 тыс. руб., а брату Дмитрию 3 тыс. руб. Через 10 лет Александр должен был передать владение троим вышеназванным наследникам (Николаю, Сергею и Афонасию), которые получали управление домом без права его продажи³¹. Однако Александр не передал имущество вовремя и неаккуратно вел дела, так что точный доход не всегда был известен. Возник конфликт сначала между ним и тремя братьями, а потом между тремя наследниками «второго призыва». «Тяжба кончилась уже в конце XIX века в пользу Сергея Дмитриевича»³².

Статистика торговли в Охотном ряду

В «Описании императорского, столичного города Москвы» (1782) сказано, что в Охотном ряду насчитывалось лавок — 41, палаток — семь, цырюльня — одна, «кадь квасная» — одна, блинных — две, «харчевенных и калашных амбаров» и прочих — три, изб³³ — восемь, а всего 64 торговых заведения³⁴. Те же сведения повторены Чулковым в «Истории российской коммерции»³⁵.

В первой половине XIX в. Охотный ряд не был торговым рядом в привычном смысле этого слова. Лавки компактно размещались в нескольких владениях, стоящих по обеим сторонам обширной площади, через которую был сквозной проезд с улицы Моховой на Театральную площадь. Как упомянуто нами выше, торговля шла с той стороны площади, где стояла церковь Пятницы Прасковей и дом Благородного собрания (со знаменитым Колонным залом) — там лавки размещались в первых этажах частных и общественных зданий, а также напротив, где длинное двухэтажное здание было разделено на 25 лавочных помещений, смотревших лицом на Охотнорядскую площадь и хорошо видных на плане Хотева (1851—1852) (рис. 1). В комплекс Охотного ряда входил также дом с большим внутренним двором, имевший форму параллелограмма и занимавший целый квартал, на месте которого в 1930-х гг. возвели гостиницу «Москва».

Отчасти это подтверждает свидетельство И.Г. Гурьянова: «Против здания Присутственных мест видите вы нераздельное параллелограммное здание, заключающее в себе известный Охотной ряд. Фас оно к Присутственным местам занимается ко-

фейными, ресторациями и трактирами; фас на Тверскую улицу разными в нижнем этаже лавками и жилыми покоем наверху; фас к Театральной площади оканчивается стороною дома Сенатской Типографии... Фас к площади и Благородному собранию включает собственно Охотный ряд»³⁶.

При анализе архивных документов возможна идентификация лавок, входивших в систему Охотного ряда, только по именам владельцев, содержащимся в ежегодных ведомостях о торговцах в графе «В чьих вотчинах [торгуют]». Сопоставление данных ведомости 1827 г. с «Указателем жилищ и зданий в Москве, или Адресной книги» 1826 г. позволяет с большой долей вероятности выделить среди указанных в ведомости тех, кто торговал в Охотном ряду.

Приведем вначале опубликованные данные. В «Указателе жилищ и зданий в Москве» (1826) в разделе «Рынки» сказано: «Охотный ряд Тверской части во 2 квартале. Торгуют мясом, живностию, рыбою, зеленью, мукою, глиняною и деревянною посудю и певчими птицами»³⁷. Тут же перечислено 31 домовладение в Охотном ряду — семь домов (владельцы — камергер, князь Грузинский Егор (Георгий) Александрович, священник церкви Пятницы Прасковей Василий Елизаров³⁸, Мещанское общество, Благородное собрание, гречанка Варвара Арабаджеева³⁹, мещанские дети Сафроновы, мещанка Авдотья Патрикеева) и 25 лавок. Владельцами лавок были — купцы Илья Коняев, Семен Терихов, Яков Девятков (3 лавки), Евсей Васильев (3 лавки), Петр Сысоев (2 лавки), Борис Евреинов (3 лавки), Иван Смирнов, Иван Трыкин (2 лавки), Михаил Емельянов (2 лавки), Семен Алексеев, Дмитрий Лухманов, а также мещанка Авдотья Патрикеева (4 лавки), губернский секретарь Щепотьев⁴⁰. (Следует добавить, что по «Алфавитным спискам» 1818 г. во владении Арабаджеевой находился «Казенной питейной дом, называемой Стекланной»⁴¹.)

Однако если мы обратимся к архивным документам, в частности, к основному отчетному ежегодному материалу — «Ведомостям о торговле», собираемым торговыми смотрителями и старостами частей или рядов — то в Тверской части предстает довольно запутанная картина. Рассмотрим, например, ведомость 1827 г. (наиболее ранний год полной отчетности после введения реформы Е.Ф. Канкрин).

Дело в том, что в делах Тверской части за первую половину XIX в. за каждый год содержится не одна, а фактически три ведомости, несмотря на единое название «Ведомость Тверской части старост оной Ожогина, мушных Сергеева, мясных лавок Щенникова о торговцах на 1827 год»⁴². Во-первых, это общая ведомость

Тверской части, содержащая сведения о 285 торговцах (перечислено 286 торговых мест, одно пустовало). Следующая «Ведомость 1827 г. января месяца... дня Тверской части Мушного ряда, учиненная старостою Иваном Сергеевым» включает список на 128 торговцев мучным товаром. Третья ведомость мясного ряда, составленная старостой Евграфом Щенниковым, включает 37 торговых точек с 43 торговцами. Таким образом, всего в Тверской части вели торговлю 456 человек.

Как выделить среди этих 456 торговцев тех, кто торговал в Охотном ряду, если в документе это никак не обозначено, и не встречается сам топоним Охотный ряд? Было бы большим соблазном утверждать, что отдельная ведомость мясного ряда, содержащая список из 43 торговцев, и есть список торговцев Охотного ряда. Но, к сожалению, идентификация номеров домовладений по спискам 1818 и 1826 гг. и плану Хотева не дает такого четкого совпадения. В мясной ряд попадают не только четыре мясных лавки в домовладении Лухманова, но и мясные лавки во владениях Полторацкого, которое находилось за Большим театром, следовательно, лавки территориально никак не могли быть причислены к Охотному ряду.

(То есть, возможно предположить, что название «Мясной ряд» относилось даже не к конкретному, физически присутствующему в городском пространстве, торговому ряду, а к некой корпорации, объединяющей торговцев мясным товаром и собранных вместе ради санитарного контроля за торговлей скоропортящейся снедью — в пользу этой интерпретации говорит наличие в списке лиц, имевших лавки по всей обширной Тверской части.)

В то же время в общей ведомости Тверской части 1827 г. среди 286 торговых мест, под № 28—82 и 85—93 нашлись имена владельцев, совпадающие с росписью домовладельцев в адресной книге 1826 г. (всего 64 лавки). По профилю торговли (курятные, рыбные, зеленные, птичные, мучные, посудные) они вполне соответствуют словесным описаниям торговли в Охотном ряду из путеводителей. По местоположению вполне четко фиксируются по номерам домов по периметру площади Охотного ряда на плане Хотева (1851—1852) и по справочнику Нистрема (1842, т. IV «Алфавитный указатель домовладельцев с оценкой их домов»), где, например, стоимость владения № 347⁴³ (бывшего монетного двора, купленного у Каверина Д. Лухмановым) показана гигантской суммой 162857 руб. серебром⁴⁴.

Если оценивать эту группу торговцев из общей ведомости, то по специализации торговли в 25 лавках, арендованных у Лухманова⁴⁵, было 9 «курятных» (торговля битой и живой птицей),

8 рыбных (в том числе, одно «живорыбное» место), 7 зеленных погребов и одна бакалейная лавка⁴⁶. По сословному статусу 6 торговцев были купцами, 11 московскими мещанами, 6 крепостными помещичьими крестьянами (из Московской и Ярославской губерний), трое — экономическими крестьянами. Эта торговля, по нашим предположениям, находилась внутри двора, о чем в путеводителе 1831 г. пишет и Гурьянов: «За лицевым фасом сего Охотного ряда находится двор, где обыкновенно содержится и продается все живое, как-то: гуси, утки, каплуны, цыплята, телята и проч. Сечение народа, особенно пред праздниками бывает великое»⁴⁷.

Прочие 39 лавок, принадлежавшие лавковладельцам-собственникам Охотного ряда (вышеперечисленным Патрикеевой, Коняеву, Терихову, Девятову, Васильеву, Евреинову, Трыкину, Алексееву, «князю Грузинскому Егору», Мещанскому обществу, священнику церкви Пятницы Прасковей и др.) торговали певчими птицами — 11, домашней птицей («курятные») — 5, «деревянной и каменной посудой» и горшками — 9. Также среди них были «сливочный погреб», «зеленной погреб», 5 мучных лавок, 3 бакалейных, одна колбасная изба⁴⁸. По трем лавкам нет сведений.

Торговцы — арендаторы лавок — по сословному статусу числились купцами (6 чел., в том числе купец Иван Николаевич Патрикеев снимал лавку для торговли деревянной посудой у своей родственницы мещанки, в отдельные годы купчихи, Патрикеевой), московскими мещанами (14 чел.), крепостными помещичьими крестьянами (12 чел.), экономическими крестьянами (4 чел.) в 36 лавках, о которых есть сведения. В лавках торговали в основном мужчины, но были и женщины, например, торговавшая в «горшечной лавке» московская мещанка Татьяна Бабушкина⁴⁹.

Что касается ведомости мясного ряда, то среди 43 упомянутых торговцев, идентификация местоположения по владельцам недвижимости дает возможность отнести к Охотному ряду четыре лавки (№ 7–10), из которых три торговали мясным товаром, а одна — маслом и телятиной.

Анализ архивных материалов позволяет высказать некоторые предварительные выводы. Крупными владельцами торговой недвижимости в Охотном ряду были купцы Евреинов и Коняев, Мещанское общество — с большим владением № 377, граничившим с домом Благородного собрания (владения № 376 и 384), с одной стороны, и владением № 380 камергера и губернского предводителя дворянства Нижегородской губ. князя Грузинского Егора (Георгия) Александровича. Владение № 380 позже, с 1852 г, унаследовала после смерти отца (в возрасте 89 лет) его дочь Анна

Георгиевна, в замужестве графиня Толстая (как известно, одна из близких московских знакомых Н.В. Гоголя⁵⁰).

Большая недвижимость в Охотном ряду принадлежала не только представителям привилегированного дворянского сословия, но и лицам низшего социального статуса, например, московской купеческой жене, а по другим сведениям — мещанке Авдотье Патрикеевой. Она, как свидетельствуют «Алфавитные списки» владельцев недвижимости 1818 г., имела во втором квартале Тверской части в Охотном ряду пять владений (№ 121, 125, 127, 129, 134)⁵¹. Сдача в аренду лавок в самом центре города, на бойком месте, в течение многих лет поддерживала благополучие Авдотьи и ее потомков, хотя они периодически числились то купцами, то мещанами. В 1851 г. (то есть спустя 33 года после сведений, которые мы имеем на начальную дату — 1818), потомки Патрикеевой имели девять владений в Охотном ряду⁵².

Самую общую информацию об Охотном ряду содержит «Отчет московского обер-полицмейстера» за 1847 г. В нем сказано, что в Москве всего 40 торговых площадей, из них главных восемь (перечислено шесть): Охотный ряд, Смоленский, Немецкий и Полянский рынки, Болотная и Дровяная площади. В Охотном ряду количество лавок — 38 каменных, палаток — 53⁵³. Помимо стационарных лавок три дня в неделю (в среду, пятницу и воскресенье) на свободном пространстве площади разворачивался стихийный рынок по продаже «преимущественно картофеля, свежей и кислой капусты, огурцов свежих и соленых, кур, гусей, индеек, поросят и телят»⁵⁴. Оборот этого рынка составил в 1847 г. 72 114 руб. сер. 45 коп. (для сравнения, в тот же год оборот рынка на Таганской площади составил 106 200 руб., на Немецкой площади — 78 600 руб., на Хитровской площади — 462 782 руб.)⁵⁵. На Охотнорядской площади стояли с 1840-х гг. общегородские весы для контрольного за веса продаваемых товаров⁵⁶. Они располагались городским управлением на крупных рынках.

Ассортимент и цены

Располагавшийся рядом с Красной площадью Охотный ряд был центральным рынком для торговли птицей и дичью. Вспомним, как герой пьесы А.Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» купец Амос Панфилович Барабошев говорит: «Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный ряд».

Немаловажен вопрос о том, из какого материала строились лавки. По мнению П.В. Сытина, «в Охотном ряду до пожара 1812 г. стояли небольшие деревянные лавки, большей частью по южной стороне

площади, у бывшего нового Монетного двора», а после пожара 1812 г., когда лавки сгорели, новые лавки были возведены уже из кирпича — «появились каменные здания лавок, склады и трактир»⁵⁷.

По ассортименту продаваемых товаров, как уже было сказано выше, Охотный ряд специализировался на торговле снедью. Все авторы перечисляют птицу, дичь, овощи, зелень. «Альманах на 1826 год для приезжающих в Москву» сообщал: «Охотный ряд есть единственное место в Москве, где продается самого лучшего достоинства мясная провизия»⁵⁸.

П. В. Сытин добавляет, что в XIX в. ассортимент расширился за счет товаров, близких по профилю к охотничьим промыслам: «Некоторые площади были предназначены для специальных товаров. Например, Охотный ряд был рынком мяса, птицы и зелени, здесь продавали также певчих птиц, дворовых и комнатных собак»⁵⁹. В этом рассуждении Сытин, видимо, основывался на фразе из путеводителя И. Г. Гурьянова (1831): «В воскресные дни здесь всегда торг; охотники со всей Москвы сносят сюда разных пород голубей и птиц, разного рода собак, ружья и всякие орудия охоты. Особенно охотничьим днем есть зборное воскресенье или первое воскресенье Великого поста. К сему дню (что достоверно известно) съезжаются охотники из Тулы, Коломны и других городов. В сем птичном ряду находится известная для приезжающих гостиница «Лондон»⁶⁰. У Гурьянова находим и яркое описание продажи певчих птиц: «На противной стороне площади от церкви Пятницы до дома Благородного Собрания расположен птичий ряд; тысячи клеток с разного рода птицами вывешиваются на стену; здесь собираются охотники до птиц, покупают с голоса, продают своих»⁶¹.

Гурьянов писал в путеводителе (1831): «Фас к площади и Благородному собранию заключает собственно Охотный ряд; все что только может льстить вкусу и удовлетворить самых отличнейших лакомок, находится здесь в изобилии и все самое лучшее, что только можно назвать редкостью, напр[имер]: свежие огурцы в феврале месяце, разные фрукты гораздо прежде должного времени произращенные, лучшие припасы для стола, всякого рода живность и свежая зелень, столь хорошо соблюденная, что и летом не может быть свежее — все сие можете вы найти здесь; охотник до хорошего стола и даже прихотник наверно может здесь удовлетворить вполне своим желанием»⁶².

Красочное описание путеводителя вполне подтверждают найденные в архиве материалы о ценах. Представленная таблица цен, составленная нами на основе выборки из рапортов старосты Тверских мясного и зеленого рядов Ивана Молева и старосты Твер-

ской части Ивана Сергеева в городскую шестигласную думу, показывает широкий ассортимент товаров. *Табл. 1* включает цены на мясо в марте 1825 г., *табл. 2* — цены на живую птицу, яйца, молочные продукты, овощи и зелень в марте 1825 г., *табл. 3* — цены на живую птицу в ноябре 1833 г.

*Таблица 1. Цены на мясо в Москве, Охотный ряд.
1825 год (март)**

№	Вид	Мера для продажи	Сортность	Цена
1	Баранина (из лавок, т. е. в розницу)	пуд	—	4 руб. 80 коп.
2	Мясо говяжье черкасской скотины	пуд	1 сорт 2 сорт 3 сорт	6 руб. 4 руб. 80 коп. 3 руб. 20 коп.
3	Телятина парная	фунт	—	20 коп.
4	Почки [говяжь?]	пара	1 сорт 2 сорт 3 сорт	60 коп. 40 коп. 25 коп.
5	Ветчина копченая	пуд	—	10 руб.
6	Ветчина провесная	пуд	—	9 руб.
7	Масло чухонское	пуд	1 сорт 2 сорт	22 руб. 18 руб.
8	Масло коровье	пуд	—	16 руб.
9	Масло сливочное	фунт	—	80 коп.
10	Сало свиное соленое	пуд	—	8 руб.
11	Пузыри бычьи сухие	сотня	—	7 руб.

* Источник: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 25, 42.

Данные о ценах для *табл. 1* были извлечены из двух рапортов. Цены на баранину содержались в рапорте старосты И. Молева, где в заголовке было точно обозначено место продажи — Охотный мясной ряд Тверской части. Остальные цены были указаны в рапорте того же старосты, где в заголовке есть указание на мясной и зеленой ряды Тверской части. Трудно пока сказать, почему на торговые структуры, обозначенные как «Охотный мясной» и «мясной и зеленой» ряды составлялись отдельные ведомости, окончательное решение требует дополнительных изысканий о структуре торговли в Москве в целом и в Тверской части, в частности.

Мясные товары включали свежее мясо — говядину, баранину, телятину, которая обычно продавалась пудами, а также копченые и соленые продукты. Почки и печень (что подтверждается далее списком цен 1833 г.) продавались парами, сухие бычьи пузыри (использовавшиеся для приготовления колбас, а также вместо стекол в окнах или как хозяйственные ёмкости) — сотнями. В марте

в Москве еще стояла зимняя погода, и можно было закупать мясные продукты в оптовых количествах для хранения в ледниках или даже просто в холодном подполе. Первоначальное предположение, что в Охотном ряду цены были выше, чем в других частях города, не подтвердилось. Хотя среди современников и в популярной литературе бытует мнение, что здесь производили закупку зажиточная публика, повара и кухарки богатых семей, работники популярных трактиров и ресторанов. Сравнение цен на мясо, например, с ценами в Сретенском и Арбатском мясных рядах, показало, что цены по всему городу были на одинаковом уровне, составляя, например, 15 коп. за фунт говядины.

*Таблица 2. Цены на живую птицу, яйца, молочные продукты, овощи и зелень в Москве, Тверские мясной и зеленой ряды, Тверская часть в целом. 1825 год (март)***

№	Вид	Мера для продажи	Сортность	Цена
1	Курица живая русская одна	шт.	—	80—90 коп.
2	Индейка живая	шт.	—	3 руб. 50 коп.
3	Гусь живой	шт.	—	2 руб. 50 коп.
4	Петух индейской	шт.	—	3 руб. 50 коп.
5	Яйца свежие	сотня	—	4 руб.
6	Сметана	фунт	—	25 коп.
7	Творог	фунт	—	6 коп.
8	Молоко	кувшин	—	20 коп.
9	Картофель	четверик	—	42—45 коп.
10	Лук	четверик	—	1 руб. 80 коп.
11	Чеснок зеленый	сотня	—	1 руб. 50 коп.
12	Морковь	сотня	—	30 коп.
13	Репа	четверик	—	1 руб. 50 коп.
14	Свекла	сотня	—	60 коп.
15	Хрен коренчатый	фунт	—	15 коп.
16	Хрен тертый	пуд	—	14 руб.
17	Пастернак	сотня	—	1 руб. 50 коп.
18	Петрушка зеленая	фунт	—	30 коп.
19	Шалфей	фунт	—	30 коп.
20	Спаржа	фунт	1 сорт 2 сорт	1 руб. 50 коп. 80 коп.
21	Мята сушеная	фунт	—	20 коп.
22	Пшено сарачинское (рис)	—	1 сорт 2 сорт	40 коп. 35 коп.
23	Чернослив немецкий	фунт	—	40 коп.
24	Чернослив вологодский	фунт	—	35 коп.
25	Малина	фунт	—	55 коп.

** Источник: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 42, 52—53.

Для понимания современными читателями цен на корнеплоды дадим их в пересчете на сопоставимые меры объема: картофель — 16—17 коп. ведро, лук репчатый — 70 коп. ведро, репа — 58—59 коп. ведро.

Представленные в *табл. 2* данные взяты из рапорта Ивана Молева, старосты мясного и зеленого рядов Тверской части (этот рапорт использован и в *табл. 1*). Можно видеть, что в Охотном ряду был представлен широкий ассортимент товара. Здесь в марте можно было купить живых индеек, гусей, кур, готовые приправы (например, тертый хрен), сухофрукты (чернослив), а также овощи и зелень, выращенные в оранжереях (которых было немало в Москве), например, спаржу, зелень петрушки и шалфея, листья чеснока.

*Таблица 3. Цены на мясо в Москве, мясные ряды Тверской и Городской частей, 1833 год (ноябрь)****

№	Вид	Мера для продажи	Сортность	Цена
1	Говядина черкасская свежая парная (огузки и подбедерки)	пуд	—	6 руб. 80 коп.
2	Телятина свежая парная	пуд	1 сорт 2 сорт	16 руб. 8 руб.
3	Баранина свежая парная накануне битая откормленная	пуд	—	4 руб. 80 коп.
4	Бульон крепкий говяжий и телячий	пуд фунт	—	16 руб. 45 коп.
5	Масло чухонское	фунт	—	50 коп.
6	Масло коровье	пуд	1 сорт 2 сорт	16 руб. 80 коп. 16 руб.
7	Языки копченые	пара	—	1 руб. 60 коп.
8	Пузыри бычьи сухие	сотня	—	7 руб.
9	Сало свиное топленое свежее	пуд	—	15 руб.
10	Сало свиное соленое	пуд	—	10 руб.
11	Печень говяжья	пара	1 сорт 2 сорт 3 сорт	60 коп. 50 коп. 35 коп.
12	Ливер телячий	штука	1 сорт 2 сорт	50 коп. 25 коп.
13	Телячьи ноги	4 ноги	—	60 коп.
14	Говяжьи ноги на студень	пуд	1 сорт 2 сорт	1 руб. 20 коп. 1 руб.

*** Источник: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 2812. Л. 41—42.

В *табл. 3* представлены неполные данные из рапортов старост мясных рядов Тверской и Городской частей Ивана Лапкина и Андрея Макарова, поданных осенью 1833 г., о ценах «на разное мясо, масло и сало, которое продается на ассигнации».

Рис. 3. Вид площади Охотного ряда. 1888 год. Направление от Театральной площади в сторону Моховой. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». Из альбома Н.А. Найденова «Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений». Прил. 2-е. М., 1891

Следует отметить два важных обстоятельства. Во-первых, ведомости о ценах являются не единственным источником сведений об ассортименте и стоимости снеди. Информацию можно найти в газетных объявлениях, например, в газете «Московские ведомости» за 1820-е гг. Во-вторых, следует исследовать не только деятельность торговцев внутри здания, принадлежавшего Лухманову, и лавок Охотного ряда, расположенных на внешней стороне лухмановского владения. Немалый интерес представляет структура торговли на противоположной стороне Охотнорядской площади, где находилось Благородное собрание, а до постройки в 1936 г. здания дома Совета министров СССР (ныне Государственная Дума) — владения Мещанского общества, князей Грузинских, Кусовникова.

В 1820-е — 1840-е гг. большое владение на углу Охотного ряда и Тверской (№ 381, ранее № 113 и 114) принадлежало надворному советнику Петру Алексеевичу Кусовникову (1753—1823), а позже перешло его жене Ирине (1762—1832), прожившей с су-

прыгом в браке 42 года⁶³. В 1842 г. стоимость владения оценивалась в 145904 руб.⁶⁴, то есть примерно в той же категории, что и лухмановский дом «Монетного двора». Дом Кусовниковых использовался владельцами для сдачи первого этажа под многочисленные торговые помещения. Например, по данным ведомости о торговцах Тверской части 1846 г., там помещалось 11 магазинов, из которых один вел торговлю табаком, другой — офицерскими вещами, третий — салными свечами. Семь лавок числились как торговавшие овощным товаром. Фактически это были бакалейные магазины с широким ассортиментом, а иногда и специализировавшиеся на деликатесах.

«Альманах на 1826 год для приезжающих в Москву» сообщал, что овощные лавки Бетина, Смирнова, Барашкова, Соловьева, Трусова и Демидова в доме Кусовникова в Охотном ряду «изобилуют всеми вещами, потребными для лакомства и стола»: «Начиная от ананасов и до огурцов, все, кажется, сыскать здесь можно, как-то: разные варенья, соленья, моченья, сыры, чай, кофе, сахар, сельди, грибы и пр.»⁶⁵.

Например, объявление овощной лавки купца 3-й гильдии Герасима Барашкова из газеты «Московские ведомости» (от 10 января 1823 г.) гласило: «В Охотном ряду, в доме Г[—на] Кусовникова, в лавке Герасима Барашкова продаются полученные на сих днях из Ревеля последней ловли Голстинские устерсы по 60 р. сто и по 6 р. 50 к. десяток; имбирь настоящий американской крупной в настоящем сиропе по 5 р. ф[унт]; саго белая по 100 руб. пуд, по 275 к. фунт; сыры Пармезан, Голландской и Русской, сахар, чай, масло деревянное Прованское и ламповое по сходным ценам». В другом объявлении, данном Барашковым 23 января 1823 г., сообщалось о таких товарах, как виноград астраханский и малагодский, моченая морошка, каштаны, фисташки, груши астраханские, сельди, салакушка.

Еще через неделю реклама лавки Барашкова оповещала о том, что поступили в продажу «вновь привезенные нарвские миноги, 6 р. сто, по 65 к. десяток», а также «изюм кувшинной», кишмиш, белый виноград, французский чернослив (соответственно по цене за фунт 1 руб. 10 коп., 90 коп., 1 руб. 30 коп., 80 коп.), крымские яблоки, французские ранеты, кофе.

В объявлении 14 апреля 1823 г., с началом морской навигации, купец Барашков представил в очередном газетном объявлении обширный список полученных из Одесского порта импортных деликатесов: апельсины (1 сорт 10 руб. за десяток, 2-го сорта 8 руб., 3-го сорта 5 руб.), лимоны (3 руб. 50 коп. и 2 руб. за десяток 1-го и 2-го

сорта), каштаны крупные, миндаль, французский и немецкий чернослив. Из российских товаров в лавке постоянно были в продаже белые сухие грибы, вологодские рыжики — «4 и 5 руб. ведерочко», а из прочих — палочки ванили, масло маковое, ореховое, прованское, кунжутное, деревянное (за фунт соответственно 35 коп., 1 руб. 10 коп., 2 руб., 1 руб. 60 коп., 85 коп.); салакушка и сельди (соответственно 1 руб. 80 коп. и 10 руб. бочонок). Сельди (по объёвлению Барашкова в другом номере газеты за тот же год) были голландские.

Из других примечательных заведений, расположенных в доме Кусовникова, надлежит упомянуть популярную среди светской московской публики кондитерскую Людвиг Педотти, а ранее Иоганна Педотти (степень родства не установлена). Вторую кондитерскую Педотти имели на Кузнецком мосту. Кондитерские Педотти упоминаются разными русскими знаменитостями, в частности, хирургом Н.И. Пироговым и писателем Л.Н. Толстым.

Николай Иванович Пирогов писал в воспоминаниях, что был в этой кондитерской после поступления в университет в 1824 г. Они с отцом после вступительного экзамена (в здании на Моховой) вначале зашли помолиться в Иверскую часовню и отслужили молебен с коленопреклонением. Когда выходили из часовни, то отец сказал 13-летнему сыну: «Не видимое ли это божие благословение, Николай, что ты уже вступаешь в университет? Кто мог на это надеяться!» Из часовни они направились в находившуюся напротив кондитерскую: «Затем мы заехали в кондитерскую Педотти, где и последовало угощение меня шоколадом и сладкими пирожками»⁶⁶. Лев Николаевич Толстой в повести «Детство. Отрочество. Юность» тоже упоминает, как заехав в кондитерскую на Тверской, съел с хорошим аппетитом восемь сладких пирожков «всех сортов, которые только были в кондитерской»⁶⁷. Описываемое время — приблизительно 1843 год.

Выводы

Приведенные в статье результаты разысканий об Охотном ряде показали, что это торговое пространство в 1820-х — 1840-х гг. представляло собой симбиоз разных форм торговли — от устроенных на модный европейский манер бакалейных лавок (как у Барашкова) с многообразием российской и импортной снеди до обычных лавок, специализировавшихся на одном виде продукции, например, только на телятине, или колбасах, или горшках для приготовления еды в русской печи (как у Бабушкиной). Три раза в неделю посреди площади возникала стихия народного

рынка, где овощи и прочая снедь продавались «с возов». Сводки цен в 1820-е — 1830-е гг. демонстрируют большое разнообразие мясного, зеленого, птичного и молочного товаров. Следует отметить, что проведенное сопоставление цен привело к выводу, что цены в Охотном ряду не превышали общегородской уровень. Это говорит в пользу того, что Охотный ряд был местом покупок не только для богатой публики, но и для московского просто-народа.

- ¹ *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стлб. 20.
- ² *Сытин П.В.* Охотный ряд // Сытин П.В. Из истории московских улиц (очерки). М., 1958. С. 148—157.
- ³ 178 год, то есть с сентября 1669 г. по август 1670 г.
- ⁴ 197 год, то есть с сентября 1688 г. по август 1689 г.
- ⁵ *Забелин И.Е.* Материалы... Ч. 2. Стлб. 1189.
- ⁶ *Сытин П.В.* Охотный ряд... С. 149—150.
- ⁷ *Забелин И.Е.* Материалы... Ч. 2. Стлб. 19.
- ⁸ Пожар произошел на Троицу 29 мая.
- ⁹ Здесь и далее сохранено написание источника.
- ¹⁰ *Забелин И.Е.* Материалы... Ч. 2. Стлб. 1311.
- ¹¹ Там же. Стлб. 1312.
- ¹² Там же. Стлб. 1313.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Стлб. 1389.
- ¹⁵ *Гастев М.С.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч. 1. М., 1841. С. 88—89.
- ¹⁶ Там же. С. 89.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Рубан В.Г.* Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и прочая. СПб., 1782. С. 125, 128, 130, 131.
- ¹⁹ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1847. Т. 4. С. 448.
- ²⁰ *Гастев М.С.* Материалы... С. 88.
- ²¹ Официальное наименование: «московский военный губернатор и главноначальствующий в Москве и Московской губернии по гражданской части».
- ²² *Гастев М.С.* Материалы... С. 90—91.
- ²³ Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям равно казенным зданиям, с показанием в котором квартале и на какой улице или переулке состоит. М., 1818. Тверская часть. С. 17.
- ²⁴ *Гастев М.С.* Материалы... С. 90—91.
- ²⁵ *Сытин П.В.* Охотный ряд... С. 154.

- 26 Материалы для истории московского купечества. Т. IV: Сказки, поданные купеческим сословием к 5-й ревизии. М., 1886. С. 171.
- 27 «К[упцы] Прокофий Шелапутин, Михайла Жильцов, Антон Базилевич, Михайла Титов, Дмитрий Лухманов и Федосий Бородин за усердие, оказанное ими чрез пожертвование на пользу государственную значащих сумм, пожалованы в коммерции-советники». См.: Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 1. Прил. М., 1890. С. 388.
- 28 *Сытин П.В.* Охотный ряд... С. 149—150.
- 29 *Гурьянов И.Г.* Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. Ч. 3. М., 1831. С. 7—8.
- 30 *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч. 2. М., 1905. Прил. С. 28.
- 31 Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. XV. Ч. 2. С. 665.
- 32 *Вишняков Н.П.* Сведения... Ч. 2. Прил. С. 28.
- 33 Обычно так назывались хлебные и калачные избы, представлявшие собой пекарню с продажей хлеба и чайную, где можно было быстро перекусить калачом и напитком.
- 34 *Рубан В.Г.* Описание императорского, столичного города Москвы... С. 127.
- 35 *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. Т. 6. Кн. 4. СПб., 1786. С. 245.
- 36 *Гурьянов И.Г.* Москва, или Исторический путеводитель... Ч. 3. С. 7—8.
- 37 *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом. М., 1826. С. 314.
- 38 В 1828 г. у него «пустопорожняя земля». См.: Алфавитные списки 1818. Тверская часть... С. 12.
- 39 Возможно, позже фамилия трансформировалась в Арабажеву или Арабидзеву. Эти фамилии присутствуют в указателях К.М. Нистрема (т. 4), В.Д. Метелеркампа и К.М. Нистрема («Книга адресов столицы Москвы», 1839) и в «Московском Некрополе».
- 40 *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий... С. 15—16.
- 41 Алфавитные списки 1818. Тверская часть... С. 17.
- 42 ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 412. Л. 1—81.
- 43 Трехзначная нумерация домовладений дана по плану Хотева, а однозначная и двузначная нумерация лавок взята из архивных ведомостей о торговцах.
- 44 *Нистрем К.М.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы... Т. 4. Алфавитный указатель домовладельцев с оценкой их домов. М., 1842. С. 126.
- 45 В общей ведомости № 28—52.
- 46 Подсчитано по: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 412. Л. 57об.—60.
- 47 *Гурьянов И.Г.* Москва, или Исторический путеводитель... Ч. 3. С. 10.
- 48 Подсчитано по: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 412. Л. 61—66.
- 49 Там же. Л. 64.
- 50 *Воропаев В.А.* «Я вас полюбил искренно...». Графиня А.Г. Толстая и ее отношения с Н.В. Гоголем // Дом-музей писателя: история и современность. Сб. ст. по мат-лам междунар. научн. конф. Новосибирск, 2011. С. 159—163.

- 51 Алфавитные списки 1818. Тверская часть... С. 24.
- 52 *Хотев А.* Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы. М., 1852—1853. С. 11.
- 53 Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 г. М., 1848. С. 10; Ведомость № 26 (О рынках и торговых площадях).
- 54 Там же.
- 55 Там же.
- 56 ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 10. Д. 3394. Л. 3—8.
- 57 *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 3. Пожар Москвы в 1812 г. и строительство города в течение 50 лет. 1812—1862. М., 1972. С. 328.
- 58 Альманах на 1826 год для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или Новейший указатель Москвы. М., 1825. С. 126—127.
- 59 *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы... Т. 3. С. 37.
- 60 *Гурьянов И.Г.* Москва, или Исторический путеводитель... Ч. 3. С. 10.
- 61 Там же.
- 62 Там же. С. 8.
- 63 *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве... С. 14; Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1908. С. 132.
- 64 *Нистрем К.М.* Московский адрес-календарь. Т. 4. С. 116.
- 65 Альманах на 1826 год для приезжающих в Москву... С. 124.
- 66 Сочинения Н.И. Пирогова. Т. 1. СПб., 1887. С. 218.
- 67 *Толстой Л.Н.* Детство, отрочество и юность. М., 1914. С. 167.

И.В. Белозерова, М.В. Фалалеева

Щербатовы — последние владельцы усадыбы Братцево, и их гости (по материалам из собрания ГИМ)

Имя Николая Сергеевича Щербатова (1853—1929) вошло в историю русской культуры как одного из основателей Российского исторического музея. Изучение архивных материалов в ОПИ ГИМ, позволило узнать некоторые факты его биографии, в том числе подробности музейной деятельности¹. Частная жизнь семьи Щербатовых не была предметом специального изучения. Между тем из сохранившихся документов известно, что до самой революции 1917 года Щербатовы владели усадьбой в подмосковном селе Братцево, гостями которой были известнейшие люди своего времени: ученые, музейные деятели, писатели, художники, а также представители многих аристократических семей. Сюда, например, приезжал император Александр III, бывали и другие представители Дома Романовых. Изучение документов позволит раскрыть подробности жизни Щербатовых, связанные с этой загородной усадьбой (рис. 1).

Ныне усадьба в Братцево располагается в северо-западном районе Москвы, в уникальном природном памятнике под названием «Сходненский ковш». До наших дней здесь сохранился двухэтажный дом классического стиля, размещенный на высоком холме вблизи слияния рек Братовки и Сходни. Рядом на высоком обрывистом мысу с прекрасным живописным видом на пруды и долину реки Сходни располагается открытая беседка-ротонда «Милонид» на десяти ионических колоннах (рис. 2). Когда-то все это было окружено обширным пейзажным парком, искусственно насаженным в конце XVIII — начале XIX в. Также сохранилась каменная церковь Покрова Святой Богородицы, являвшаяся одним из украшений Братцева.

Первые упоминания о подмосковном селе Братцево относятся к середине XVI в. На протяжении 400 лет им владели представители известных дворянских семей — Хитрово, Нарышкины, Строгановы, Римский-Корсаков, Ладомирские, Апраксины. После смерти А.А.

Рис. 1. Главный усадебный дом Щербатовых в Братцево. Фотография. 1910-е гг.

и С.В. Апраксиных², с 1883 г. хозяйкой усадьбы в Братцево стала их дочь — Софья Александровна Апраксина³, получившая ее в наследство от родителей. В январе 1885 г. она вышла замуж за морского офицера князя Н.С. Щербатова. Незадолго до этого, в декабре 1884 г. по приглашению графа А.С. Уварова он вступил в должность товарища председателя Строительной комиссии РИМ, с которым в дальнейшем будет связана вся его жизнь. Молодая семья поселилась в центре Москвы в здании музея, однако большую часть года, с весны до осени, жила в Братцево, особенно после рождения детей.

С первых лет совместной жизни молодожены с энту-

Рис. 2. Беседка-ротонда «Миловид» в усадьбе Щербатовых в Братцево. Фотография. 1910-е гг.

зиязмом принялись за обустройство усадьбы⁴. Чтобы избавиться от многочисленных долгов⁵, в ее окрестностях были отремонтированы и начали сдаваться в аренду деревянные дачи, приносящие хозяевам доход. В первые же годы были приведены в порядок лесные угодья, дренированы луга, построены оранжереи. С.А. Щербатова с гордостью сообщала: «Работы в нынешнем году опять много <...> Кончили дачу на скотном дворе <...> сделали шоссе по горе от скотного двора для езды за водой, шоссировали и частью уже замостили гору по дороге в Москву, подрезали колонны с обеих сторон большого дома. Это были уже не деревянные столбы, пыльные, стоящие только по привычке, подвели под них дубовые столбы, связали железом и вновь оштукатурили» (23.06.1887 г.)⁶.

В Братцево хозяевами постоянно использовались различные новшества. Например, в 1887 г. в усадьбе была установлена телефонная связь с Москвой несмотря на то, что обслуживание телефона обходилось в 250 рублей в год, по тем временам это огромные деньги. В 1897 г. появилось сообщение о начале строительства Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, которая должна была пройти недалеко от усадьбы. Не теряя времени, Н.С. Щербатов обратился в правление Общества с просьбой об устройстве станции в Братцево. Однако холмистый рельеф местности не позволил выполнить его просьбу. Лишь в 1901 г. через Павшино (в 5 верстах от Братцева) прошла железная дорога, несколькими годами позже здесь появилась станция, а в 1908 г. построен вокзал. В 1898 г. в окрестностях Братцева Н.С. Щербатов начал строительство кирпично-гончарного завода с привлечением капитала «Бельгийского анонимного общества». С.А. Щербатова сообщала эту новость сестре: «Коля ездил в Брюссель, остался всем доволен, и теперь у нас идет спешно стройка завода. Приехал директор и мы целые дни на стройке <...> Конно-железное общество было в Братцево и они хотят строить паровую конку до Страстного монастыря через Бутырку прямо с завода. <...> Им выгодно будет возить наш груз и пассажиров, а нам, ты понимаешь какое громадное удобство иметь свою дорогу, не затрачивая ни копейки. Даже вагоны и паровозик будет стоять около завода <...> будем получать пятую часть дохода» (1.09.1899)⁷.

В 1898 г. в центре усадьбы из-за трудностей с водоснабжением на артезианской скважине Н.С. Щербатов построил водонапорную башню, снабжавшую водой не только усадебный дом, но и соседние дачи, и окрестные дома вплоть до начала 50-х гг. прошлого века. В специально выстроенных каретно-ремонтных сараях размещались лошади и экипажи. Хозяева с удовольствием занялись сель-

Рис. 3. Билет действительного члена Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства княгини С.А. Щербатовой. 1912 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 32)

скохозяйственными работами, засевая в полях рожь, овес, пшеницу и другие культуры. На территории села была построена мельница, которой пользовались многие жители села. В хозяйстве появилось племенное стадо ярославских коров, а также овец, свиней, причем многие породы выписывались из-за границы. В усадьбе был устроен огород, снабжающий местное население овощами, а в Москве продавалось молоко и яйца. В реке разводили рыбу лососевых пород и щук. Со временем С.А. Щербатова увлеклась разведением домашней птицы, став действительным членом Российского общества сельскохозяйственного птицеводства (рис. 3). Чтобы справиться со всеми хозяйственными делами в усадьбе содержался целый штат работников: управляющий, садовники, наемные рабочие, конюхи, ключница, экономка, повар, за детьми следили кормилицы и няни, а затем приглашались гувернеры и учителя.

В разные годы Щербатовы занимались ремонтом братцевской каменной церкви Покрова Святой Богородицы (1672 г.)⁸. Особенно большая работа проводилась в 1887 г. С.А. Щербатова писала се-

стре о ходе ремонта: «Церковь уже почти подвели под крышу, она очень увеличена и будет, я думаю, очень красива. К 1-му октября она будет готова...»⁹. В другом письме Н.С. Щербатов сообщал: «Церковь удастся отлично. План и фасад составлен не зря, а по моей просьбе Археологическим обществом в точном стиле Алексея Михайловича. Средства на нее Бог послал. Началось с того, что в прошлом еще году я ассигновал на нее 500 руб., [заказал] новые купола и кресты (медные взамен существующих деревянных). После этого Иван Сувилов¹⁰ сейчас же дал 100000 кирпича, Стенбок Владимир¹¹ — железо, да в церкви оказалось до 4000 руб. Начали составлять смету, вышло кроме железа и кирпича до 10000 руб. Тут судьба забросила к нам Львова, он <...> дал всю недостающую сумму <...> Склеп остался в прежнем виде, но он теперь почти по середине предела — чисто и проветрено и доступ к нему стал удобен и приличен»¹². В 1891 г. палехские иконописцы Иван и Дмитрий Парилковы заново расписали стены церкви в стиле XVI в. В начале 1900 г. Щербатовы добивались сноса колокольни и трапезной, требовавших ремонта и больших денежных вложений. Однако МАО (за подписью графини П.С. Уваровой) запретило снос, а после обследования колокольню решено было отремонтировать и сохранить. В 1908 г. об истории церкви и проводимых в ней работах Н.С. Щербатов сделал сообщение на заседании МАО, опубликовав в его трудах специальную статью¹³. Известно, что в 1888 г. при активном участии Щербатовых в Братцево была открыта начальная церковно-приходская школа для местных ребятишек.

В главном усадебном доме также шли постоянные ремонтные работы: укреплялись стены, колонны, балконы и пр. Для украшения внутренних интерьеров дома хозяевами покупалась изысканная мебель, картины. В 1895 г. С.А. Щербатова сообщала сестре: «Мы для Братцева купили для гостиной чудную мебель ерпиге [или] скорее directions карельской березы темной. Чудные два стола, два шкафчика, витрина, две колонки, диван, 6 кресел того же рисунка, 6 кресел и стол красного дерева. Вместо ручек черные с позолотой лебеди <...> Кроме этого, купили еще такого же стиля диван, 6 кресел и стол, но не с лебедями, а бараньи головы бронзовые. Все хвалят нашу покупку, а нам очень нравится»¹⁴ (рис. 4—5).

Все эти работы в усадьбе постоянно требовали больших капиталовложений. Служба в РИМ не давала большого заработка, поэтому Н.С. Щербатов в течение многих лет работал еще и в Московском Земельном банке, являясь членом правления¹⁵. Получаемые деньги помогали не только содержать усадьбу, но и ежегодно делать отчисление музею — три тысячи рублей на неотложные нужды.

Рис. 4. Комната в доме Щербатовых в Братцево. Фотография. Конец XIX — начало XX в.

Рис. 5. Гостиная в доме Щербатовых в Братцево. Фотография. Конец XIX — начало XX в.

Красота окрестностей Братцева во все времена постоянно привлекали известных людей, которые гостили в усадьбе или снимали на лето выстроенные поблизости дачи. Еще при Апраксиных в 1866 г. в Братцеве побывал художник-пейзажист И.И. Шишкин. Именно здесь он написал несколько пленэрных этюдов, ставших основой для его картины «Полдень. Окрестности Москвы. Братцево», купленной П.М. Третьяковым для только что открытой галереи.

В начале 1871—1872 гг. дачу в Братцеве снимал для себя и своей семьи известный в Москве врач, профессор Московского университета Г.А. Захарьин¹⁶. Позже он приобрел собственную усадьбу в соседнем селе Куркино. Начиная с 1880-х гг. в усадьбу к Щербатовым в качестве врача регулярно приглашали и самого Г.А. Захарьина, и фельдшерниц из захарьинской клиники. В те же годы в Братцево арендовал один из дачных домиков публицист и издатель М.Н. Катков¹⁷. Об этом С.А. Апраксина также сообщала отцу: «... Катков желает ее [дачу] окончить и сверх того платить 1000 р. Это было бы очень недурно. <...> если, дай Бог, это случится, Братцево сделается летним пребыванием московских знаменитостей»¹⁸.

Щербатовы также оказались не только рачительными, но и гостеприимными хозяевами. Великолепие, изысканность и уют усадьбы привлекали многочисленных гостей, которых хозяева принимали со всем радушием. Сразу отметим, что публика, приезжающая в усадьбу, — элита общества, со многими из которой Щербатовы состояли в родственных или дружеских отношениях.

В Братцево, например, на лето иногда приезжали князя Голицыны: родная тетка Софии Александровны — Зинаида Васильевна (урожд. Ладомирская) и ее муж Дмитрий Михайлович¹⁹. Живя в Санкт-Петербурге, они постоянно навещались в Братцево, где у них был свой домик в усадьбе. С детства Софья играла со своими двоюродными братьями и сестрами. Сохранилось описание их детских игр, в том числе постановка спектаклей на балконе голицынского дома с участием Василия Голицына (будущего директора Румянцевского музея). Став взрослыми, они также продолжали приезжать в Братцево.

В усадьбу ежегодно приезжали родные С.А. Щербатовой — сестры Александра²⁰ и Мария²¹, брат Матвей²² со своими семьями, для которых заранее готовили комнаты в главном доме или дачах.

Также здесь бывали родные Н.С. Щербатова. Наиболее часто сюда приезжала старшая сестра — П.С. Уварова с детьми. Особенно она помогла в трудный период, когда в семье Щербатовых родились дети Мануил (1885) и Мария (1886). Вскоре после рождения

сына С.А. Щербатова писала сестре: «Я так благодарна Паше Уваровой за все ее заботы о крошке во время его болезни. Представь себе, чтобы дать отдых няне и кормилице, <...> она две ночи провела с ним, давала лекарства и нянчила, как своего, не смыкая глаз»²³. В 1888 г. в семье Щербатовых родилась еще одна дочь — Ольга (названная в честь великой княгини Ольги Александровны), которая вскоре умерла и была отпета в приходе братцевской церкви и похоронена в ее склепе. В последний путь ее провожали обе сестры Н.С. Щербатова — Прасковья Сергеевна и Мария Сергеевна. Регулярно приезжали и гостили другие родственники и многочисленные племянники: Щербатовы, Кутузовы, Левшины²⁴, Гудовичи²⁵ и др.

Посещали Братцево и представители Дома Романовых. Как следует из семейной переписки, впервые Александр III посетил усадьбу в 1872 г. будучи наследником цесаревичем еще при ее прежних владельцах — А.А. и С.В. Апраксиных. Традиционно в течение многих лет из братцевского огорода к императорскому столу в Санкт-Петербург курьерским поездом Апраксины посылали различные дары (цветы, ягоды, мед).

В следующий раз императорская семья и их свита посетила Братцево летом 1886 г. Это стало одним из запоминающихся событий в жизни Щербатовых и всего Братцева. За несколько месяцев до этого, 9 января 1885 г., Александр III и Мария Федоровна присутствовали на бракосочетании Щербатовых в церкви Аничкова дворца в Санкт-Петербурге, являясь посаженными отцом и матерью фрейлины С.А. Апраксиной. После рождения сына Эммануила император Александр III был записан его крестным отцом²⁶. Летом 1886 г. направляясь в Ильинское имение брата великого князя Сергея Александровича, император пожелал заехать в Братцево и навестить крестника. Подробности этого события сохранились в письме С.А. Щербатовой к Л.Ф. Ординой: «В три часа исправник прискакал сказать, что проедут через Братцево <...> несмотря на то, что доложили, что дороги дурны. Сейчас же [мы] послали в деревни, и братцевские, петровские и спасские мужики поправили все горки, подравняли дороги и место перед домом, которое было все завалено мусором и щепами, подстроили ступени на крыльце, которые не были готовы и на всякий случай приготовили чай на балконе, который был принят радушно и Государем и Императрицей, равно и всеми присутствующими, т. е. Алексеем Александровичем, Сергеем и Павлом Александровичами, Елизаветой Федоровной, наследником, Георгием Александровичем, Кутузовым, Катей Озеровой, Воронцовым, Червиным и другими. Устроила чай, чем Бог послал. Повар сделал

пирог, даже хлеба не было, разносчик принес вафель, пряников и каких-то маленьких яблок <...> Оказалось, что яблоки так Государю понравились, что их даже он взял с собой в поезд. Государь и все были в чудном расположении духа, принял хлеб-соль братцовскую и петровскую при выходе из коляски. Мужики стояли перед подъездом Перепелкиных с накрытыми столами, все рабочие фабричные стояли тут же. <...> На горе за церковью народ тормозил экипаж Государя на руках, а Государь им говорил: «Оставьте мои лошади, спустятся хорошо, я их знаю, а вот помогите сзади едет наследник четверкой». Мужики же на это ответили, что их достаточно и для Государя и наследника. Радость крестьян неопи- санная и до сих пор они забыть не могут это посещение»²⁷. Через год император Александр III опять побывал в Братцево. На этот раз Щербатовы успели подготовиться, поднеся императору хлеб-соль на деревянном блюде с надписью «Братцево», которое сделали местные умельцы. Особенно были рады дети, «вспоминая о том, как Царь дал Мануке картошку горячую-горячую, а Марусе — яблоко», сообщала С.А. Щербатова сестре²⁸.

После поступления Н.С. Щербатова на службу в РИМ, в усадьбе стали бывать музейные сотрудники. Например, приезжал, особенно в первые годы, известный историк И.Е. Забелин. Вскоре после назначения на должность товарища председателя РИМ И.Е. Забелин записал в своем дневнике: «Ездил с князем в Братцево. Смотрел дачу»²⁹. Через несколько дней Щербатов сообщал Забелину: «Дача с печью и дровами к Вашим услугам»³⁰. До приобретения собственной дачи в Царицыно, И.Е. Забелин с дочерьми Марией и Анастасией неоднократно приезжали не только для отдыха, но и для проведения археологических раскопок. Еще в начале 1880-х гг. в своем письме А.С. Уварову И.Е. Забелин отмечал интереснейшее место для археологических раскопок между Спасским, Строгиным, Митиным, Братцевым, Тушиным, где находятся многочисленные славянские курганы и могильники: «Это замечательное гнездо древнейшего подмосковного населения. Не говорю о позднейшей Тушинской истории. Для Исторического музея нельзя избрать лучшей местности»³¹.

Н.С. Щербатов не был профессиональным археологом, однако известно, что в 1880—1890-е гг. он принимал участие в ряде раскопок под руководством И.Е. Забелина. Сведения о них сохранились в их переписке. Например, в 1887 г. они провели археологические исследования вблизи деревни Пенягино на речке Баньке³². Летом 1889 г. Н.С. Щербатов организовал раскопки славянских курганов около Чернева³³, в которых принял участие председатель РИМ

великий князь Сергей Александрович и И.Е. Забелин. Археологические разведки и раскопки курганов предпринимались Н.С. Щербатовым и в последующие годы.

Бывали на раскопках в окрестностях Братцево и другие сотрудники РИМ. В 1908 г. в одном из писем С.А. Щербатова сообщает сестре: «В воскресенье около Химок будем рыть курганы с Алексеем Васильевичем Орешниковым»³⁴. Накануне Первой мировой войны, в июне 1914 г., совершил экскурсию для разведки курганов в районе сел Спаса и Тушино сотрудник музея археолог В.А. Городцов с слушателями Московского археологического института³⁵.

Заезжал к Щербатовым и архитектор Илья Евграфович Бондаренко³⁶, близко знакомый с РИМ и многими его сотрудниками. С 1895 г. он регулярно занимался изучением коллекций русского искусства, в 1912 г. был одним из организаторов юбилейной «Выставки в память войны 1812 года», в 1912—1914 гг. руководил перестройкой внутренних помещений музея. О своем пребывании в Братцево и встречах с хозяевами он упоминал в своих «Записках художника-архитектора»³⁷.

Неоднократно приезжал в Братцево французский археолог, этнограф и коллекционер барон Жозеф де Бай³⁸. Его знакомство с Н.С. Щербатовым состоялось в 1890 г. на VIII Археологическом съезде, проходящем в РИМ. С тех пор он был дружен с музеем и семьей Щербатовых. Входил в состав Особого комитета по устройству Музея 1812 года в Москве, которому подарил более двух тысяч предметов, а также преподнес в дар комплекс материалов по истории франко-русского союза. В фонде Н.С. Щербатова (ОПИ ГИМ. Ф. 270) хранится часть архива барона де Бая, в том числе его переписка и дневниковые записи. До самой революции он был гостем Братцево и регулярно упоминается в переписке Щербатовых.

Одним из постоянных гостей Братцево был известный историк и генеалог Леонид Михайлович Савелов³⁹ (рис. 6). С Щербатовым их связывали общие интересы: оба входили в консервативные политические организации «Кружок дворян, верных присяге», «Объединенное дворянство», а также совет Историко-родословного общества. Кроме того, с 1910 г. Л.М. Савелов и С.А. Щербатова были членами Комитета по увековечению памяти воинов, павших в Русско-японскую войну. Известно, что в Братцево дочь Щербатовых — Мария Николаевна под руководством Л.М. Савелова занималась изучением истории дворянских родов, составлением справочной книги по русским портретам⁴⁰ и написанием статьи об истории Братцево для журнала «Старые годы». По воспоминанию Л.М. Са-

Рис. 6. Л.С. Савелов в гостях у Щербатовых в Братцево. Фотография. 1910-е гг.
Слева-направо сидят: Н.С. Щербатов (второй), Л.С. Савелов (третий);
стоит — Эммануил (Мануил) Николаевич Щербатов, рядом с женой Софьей
Владимировной (урожд. кн. Шаховской); вторая справа — С.А. Щербатова

велова: «Все лето 1912 г. мы провели на даче Братцево, имени князя Н.С. Щербатова. Все лето у меня прошло в наблюдении за изданием моего «Московского дворянства в 1812 году», которое во чтобы то ни стало должно было выйти ко дню юбилея и не только выйти, но и быть переплетенным для Государя и Государыни»⁴¹. После революции 1917 г. семья Савеловых уехала на юг, жила в Ялте. До самого отъезда в эмиграцию Л.М. Савелов писал Н.С. Щербатову письма, сообщая о революционных событиях в Крыму.

Упоминается в переписке художник К.Е. Маковский, вероятно, бывавший в Братцево. В одном из писем С.А. Щербатова писала сестре: «Вчера кончили мы портрет Маруси. Это скорее очень окончанный этюд Маковского, и я нахожу, что он очень живо схватил ее сходство, но немного грустное»⁴².

Убыстряющийся с каждым годом ритм жизни: служба в Историческом музее и Земельном банке, постоянные поездки в Братцево отнимали много времени на дорогу, что привело Щербатовых к мысли о приобретении личного автомобиля. В ноябре 1908 г.

Рис. 7. Н.С. Щербатов с женой в Братцево. Фотография. 1910-е гг.

в Конторе великой княгини Елизаветы Федоровны ими был приобретен автомобиль французского завода «Бразье». В Москве он размещался во внутреннем дворике музея или гараже Московского автомобильного общества, председателем которого был Н.С. Щербатов. С этого времени гостей, приезжавших в Братцево, иногда доставляли на автомобиле.

Изучение архивных документов свидетельствует о том, что Щербатовы любили и умели встречать и развлекать гостей, устраивая для них пикники, катания на лошадях, ловлю рыбы и раков, игры в популярный среди молодежи лаун-теннис (теннис на лужайке), поездки в Новый Иерусалим, Троице-Сергиеву Лавру, Вяземы (рис. 7). Зимой гости также приезжали в Братцево. С.А. Щербатова писала сестре: «Поездка наша в Братцево на Масленой удалась вполне, погода была более, чем дивная, и в маленьких санках чудно проехали. В Братцево так мало снега, что можно было ходить почти везде, и там так шалили Уваровы, Гудовичи, Левшины и Алеша Голицын, что даже на дровнях спускались с большой горы перед домом между большими березами»⁴³.

Когда дети Щербатовых подросли в Братцево стали приезжать многочисленные компании молодежи, в том числе друзья и со-

служивцы Эммануила Щербатова⁴⁴ — Михаил Катков⁴⁵, Дмитрий Кильдишев⁴⁶, Лев Кампанари⁴⁷. Неоднократно бывали другие представители аристократических семей: Голицыны (из Вязем), Павел Шереметев (из Убор), Мещериновы⁴⁸, Дубасовы⁴⁹, Оливы, Горчаковы и прочие.

С большим удовольствием в Братцево приезжали дети великого князя Константина Константиновича Романова (К.Р.): Татьяна, Олег, Георгий, Игорь, Вера. Например, после одного из посещений усадьбы Олег Константинович телеграфировал из Гатчины Щербатовым: «Я все время живу воспоминаниями тех часов, которые провел у Вас на той неделе и которых не забуду. В Вашем доме я всегда чувствую живительную силу и крепость тех начал, которых я поставил себе целью неуклонно и свято держаться в течение моей жизни и потому всегда у Вас хороша и радостна. Ваш всей душой Олег»⁵⁰. В другом письме из Осташево он писал: «Я очень завидую моему брату Георгию: он мне рассказывал, как ел у Вас в 12 часов ночи раков! Мы все Вас ждем и не дождемся в Осташево. Так бы мне хотелось видеть Вас тут! <...> Отец мне отдает с будущей весны в аренду один старый хутор; я заведу там с Божьей помощью маленькое, но образцовое хозяйство и построю дом a la Братцево» (25.07. 1912)⁵¹. Как следует из переписки, дети великого князя не только отдыхали, но и с увлечением участвовали в археологических раскопках курганов в окрестностях Братцево, которые устраивал для них Н.С. Щербатов. Мария Щербатова также неоднократно гостила в Осташево, о чем подробно сообщала своей тете А.А. Оболенской.

В 1911 г. М.Н. Щербатова вышла замуж за Александра Александровича Чернышева-Безобразова⁵². В это время он увлекся авиацией и конструированием летательных аппаратов. Первые опыты он начал осуществлять в усадьбе тестя в Братцево. Летом 1913 г. он впервые провел испытание планера, который сам и пилотировал, в начале 1914 г. начал строительство оригинального одноместного аппарата — триплана. В самый разгар строительства в Братцево приехал известнейший авиатор того времени П.Н. Нестеров. Об этой встрече Нестеров написал своей жене в мае 1914 г.: «Часов в 10 вечера приехал на аэродром маленький гоночный автомобиль Безобразова, увезли меня к себе в имение... Принят был очень хорошо старым князем, расписался у них в книге почетных гостей... люди самые простые.»⁵³.

С началом Первой мировой войны количество гостей в Братцево значительно уменьшилось: на фронт ушли сын Эммануил, зять А.А. Чернышев-Безобразов, многие родственники и знакомые

Щербатовых. Сам Н.С. Щербатов был постоянно занят в Историческом музее, где шло завершение строительных работ по разборке музейной аудитории и созданию первых фондовых отделов. Кроме того, в годы войны автомобильные отряды МАО (где Щербатов был председателем) регулярно выезжали на фронт, вывозили раненых в госпитали и лазареты пр. Для ревизии их работы Щербатов, являвшийся председателем местного комитета Красного Креста МАО, несколько раз в 1916 г. выезжал на фронт. С.А. Щербатова работала в лазарете для раненых, созданным при МАО. Известно, что с 1915 г. после того, как германцы стали применять на фронте удушливые газы, в усадьбе Щербатовых в Братцево было налажено изготовление специальных марлевых противогазовых повязок. С.А. Щербатова с дочерью Марией в своем доме принимали больных из окрестных деревень, оказывая им необходимую помощь.

В конце лета 1917 г. в имении появились представители советской власти и началась ревизия и изъятие сельхозпродуктов. Пытаясь спасти хозяйство от разорения и изъятий, Щербатовы обращались в различные советские инстанции. В сентябре 1918 г. княгиня С.А. Щербатова написала заявление в Отдел животноводства при Народном Комиссариате земледелия (см.: Прилож. 1). Пытаясь не допустить разграбления усадьбы, Щербатовы добровольно передали его в собственность государства, настояв лишь на его охране как памятника истории и культуры.

После революции судьбы Щербатовых и их гостей сложилась в основном трагически. В 1918 г. из страны уехала навсегда дочь Мария с семьей (жили в Константинополе, затем эмигрировали во Францию), в 1919 г. умерла княгиня С.А. Щербатова, в 1921 г. от тифа умер Мануил Щербатов. Многие родственники (Уваровы, Оболенская и др.), эмигрировали, некоторые погибли в первые послереволюционные годы (в Смоленске была расстреляна младшая сестра Н.С. Щербатова — Мария Сергеевна, пострадали семьи Шереметевых, Гудовичей и др.). Несмотря на арест в 1921 г. Н.С. Щербатов не уехал в эмиграцию, так как дал слово графу А.С. Уварову не оставлять Исторический музей, в котором и трудился до самой смерти.

Что касается усадьбы, то после революции функции ее неоднократно менялись. До 1919 г. в главном усадебном доме находились начальная школа и ясли. С 1919 по 1922 г. в ней располагался музей дворянского быта. После его ликвидации библиотека и часть предметов из Братцево была передана в Ново-Иерусалимский музей, где погибла в годы Великой Отечественной войны.

До конца 1924 г. в главном здании размещался Дом отдыха Реввоенсовета, на базе помещичьего хозяйства был создан совхоз Реввоенсовета, затем Братцевская опытная станция новых культур в составе Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур под руководством Н.И. Вавилова. Постепенно усадьба приходила в упадок, Покровская церковь лишилась колокольни (снесена в 1928 г.) и вскоре была закрыта; в ней разместилась фабрика по производству красителей, затем склад автобазы (богослужения в церкви возобновились в 1993 г.).

В середине 1930-х гг. на усадьбу, оказавшуюся рядом с Аэродромом полярной авиации в Захарково, обратил внимание известный полярник академик О.Ю. Шмидт. По его инициативе здесь был устроен Дом отдыха Главсевморпути, при этом в 1936 г. к старому дому были пристроены одноэтажные крылья с флигелями (архитектор А.Б. Варшавер). Все живописные полотна усадебного дома закрыли холстом, что позволило их сохранить. Впоследствии здесь располагался Дом отдыха работников сцены, затем Союза театральных деятелей, ныне часть помещений отдана под ресторан «Строганов». В 1960-е г. село Братцево вошло в состав Москвы, а затем было снесено при строительстве в 1980 г. Тушинской детской больницы. Ныне о селе напоминает лишь усадебный дом и проезд позади детской больницы, ведущий к церкви, названный Братцевской улицей.

Дальнейшее изучение архивных документов по истории Братцева, позволит узнать много нового о прошедших днях одной из замечательных усадеб Подмосковья их хозяевах и гостях.

Приложение 1

В Отдел Животноводства Народного Комиссариата земледелия
Бывшая владелица имения «Братцево» Московского уезда
Всехсвятской волости С.А. Щербатовой

Заявление

Войдя в Управление имением Братцево 34 года тому назад (в имении земли до 230 десятин) я, совместно с моим мужем Н.С. Щербатовым, упорным трудом и с затратой значительных денежных средств привели хозяйство в образцовый вид с целью сделать его показательным для всей округи. Земля была приведена в культурный вид, заведено 9-ти польное хозяйство, подобрано племенное стадо ярославских коров, заведено овцеводство (английской мясной породы), свиноводство — йоркширы скоро-

спелые) и птицеводство. Луга дренированы и приведены в порядок, устроен промысловый огород на 16 десятинах, причем для уборки овощей имеется большой железобетонный подвал. Наконец лес разбит на участки.

Все хозяйство велось лично, своими рабочими и земля в аренду никогда не отдавалась, уступалась лишь по урожаю трав на скос на одно лето часть покосов и то не всегда. В виду гористой местности и значительных затруднений с водоснабжением, нами устроен артезианский колодец с двигателем и баком на 2000 ведер и водопровод. Зимой вода, помощью особого приспособления и напора, размораживается, давая т. о. в центре усадьбы прочный чистый лед для набивки погребов.

Кроме того, имеется 2-ой двигатель, приводящий в действие комбинированную молотилку и 2 мельничных постава, а также и круглую пилу. Труды наши оправдались и хозяйство благотворно отозвалось на всей округе. Так, совершенно отсутствующее прежде разведение свиней, стало из года в год развиваться, сначала приобретались поросята лишь для откорма, а затем и для разведения, приобретались у нас и бычки для улучшения местных стад. Значительно улучшились порода гусей (тулузские) и уток, а также и кур. Наш огород, единственный в этой местности, питал население и фабрику капустой, огурцами, луком и прочими овощами и картофелем, а зимой и Москву. В Москву же шло и наше молоко.

Пришлось лишь, в свое время, отступить для пользы дела от слишком сложного для крестьян здешней местности 9-ти полного хозяйства и перейти главным образом на травосеяние, чередуя его с овсом, картофелем и огородными культурами. Это отозвалось благотворно и способствовало введению травосеяния в соседних деревнях.

Так продолжалось ведение хозяйства вплоть до текущего года и 1917 год закончился почти нормально. С наступлением весны текущего года мы, несмотря на все трудности и осложнения переживаемого времени, все же решили продолжить свое дело и обработали землю на посев и посадили огород почти в полном объеме. Скот за невозможностью ремонта сохранился лишь на несколько голов, уничтожены лишь свинья и значительно сокращено птицеводство, то и другое за отсутствием кормов. В последние дни, однако, имение занято местным уездным Советом и управление им передано комиссару, крестьянину села «Павшино» Чеплыгину.

В виду изложенного, считаю своей обязанностью довести о сем до сведения Отдела, на случай если он признает нужным для сохранения заведенного хозяйства, принять это имение в свое

управление, под наблюдением прежнего управляющего гражданина Карла Эрнестовича Цинне, ведущего его уже 17 лет.

В сем присовокупляю, что в настоящее время в имении находится: 9 ярославских коров, 3 швицкие стельные телки, 1 швицкий бык, 11 овец, а с ягнятами до 30 штук, 1 английский баран, 5 кур фавероль, 2 петуха, 5 руанских уток, 1 селезень и 10 утят.

С. Щербатова⁵⁴.

Москва, 3 сентября [1918 г.], здание Исторического музея (Красная площадь).

Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 13—14об.

- ¹ *Белозерова И.В.* Князь Н.С. Щербатов (1853—1929). Материалы к биографии // Забелинские научные чтения — год 2002-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ, Вып. 136. М. 2003. С. 478—500; она же: «Новые материалы по истории начального периода Российского Исторического музея (письма Н.С. Щербатова к А.С. Уварову) // Забелинские научные чтения — год 2008-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Выпуск 182. М. 2010. С. 578—589); Князь Николай Сергеевич Щербатов // М.: ГИМ, 2010. 27 с. (Серия «Выдающиеся личности в истории России»).
- ² Апраксин Александр Александрович (1820—1883), граф, морской офицер, адъютант великого князя Константина Николаевича, участник обороны Севастополя (1854—1855). Жена С.В. Ладомирская, фрейлина.
- ³ Щербатова Софья Александровна (урожд. гр. Апраксина; 1852—1919), княгиня, старшая дочь графа А.А. Апраксина и графини Софьи Владимировны (урожд. кн. Ладомирской), крестница великого князя Константина Николаевича, фрейлина императрицы Марии Федоровны (1874—1884), кавалерственная дама (с 1912), попечительница приюта для грудных детей Елизаветинского общества (с 1893).
- ⁴ Большая часть информации получена из переписки Щербатовых с А.А. Оболенской и М.А. Стенбок-Фермор, хранящихся в архиве А.А. Оболенской (ОПИ ГИМ. Ф. 25).
- ⁵ В конце жизни финансовые дела Апраксиных были расстроены: дом и постройки в усадьбе Братцево обветшали, росли расходы на их содержание и ремонты, накапливались долги подрядчикам, управляющим по закладным. Не имея возможности их выплатить в конце 1870 — начале 1880-х гг. владельцы задумывались даже о продаже усадьбы.
- ⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 62об—63.
- ⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 3—4.
- ⁸ Хозяева Братцева всегда принимали активное участие в судьбе местной церкви: ремонтировали, помогали денежными средствами. В 1871 г. А.А. Апраксин и его дочь Софья были воспитательницами при крещении сына священника — С.С. Закатова (1871—1924). Впоследствии помогли ему получить образование: он окончил Заиконоспасское духовное училище (1886), МДС (1893), преподавал в братцевской церковно-приходской школе; после хлопот Щербатовых стал псаломщиком (с 1896) в москов-

- ском Николо-Пыжевском храме. С 1890-х гг. увлекся археологией, вольнослушатель МАИ (1907—1910), действительный член МАО, участвовал в раскопках, организованных Н.С. Щербатовым.
- ⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 63—63об.
- ¹⁰ Сувилов Иван Никандрович, владелец суконной фабрики в Братцево (ныне фабрика ОАО «Тонкосуконная фабрика «Победа труда»»).
- ¹¹ Стенбок-Фермор Владимир Александрович (1847—1896), граф, полковник лейб-гвардии Гусарского полка. Муж М.А. Апраксиной.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 71. В склепе братцевской церкви, а также неподалеку от нее похоронены многие родственники С.А. Щербатовой, в том числе В.Н. Ладомирский, С.Ф. Ладомирская (урожд. Гагарина), их сыновья Иван и Петр, дочь Щербатовых — Ольга. В ограде церкви в 1903 г. похоронена няня Н.С. Щербатова — крестьянка Татьяна Птицына.
- ¹³ *Щербатов Н.С.* Заявление касательно церкви в с. Братцево // *Древности* 1908. Т. II. С. 62.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 22об-23.
- ¹⁵ Московский Земельный банк (Тверской бульвар, 15) основан в 1872 г. В правление банка входили И.Л. Поляков и Н.С. Щербатов.
- ¹⁶ Захарьин Григорий Антонович (1829—1897/1898), врач-терапевт, заслуженный профессор Московского университета, основатель московской клинической школы.
- ¹⁷ Катков Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, издатель, литературный критик. В 1876 г. приобрел подмосковную усадьбу Знаменске-Садки (Подольский уезд).
- ¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 69об-70.
- ¹⁹ Голицын Дмитрий Михайлович (1827—1895), князь. Служил в Лейб-гвардии конном полку (1848—1859); предводитель московского дворянства; почетный попечитель 1-й Градской больницы. Жена З.В. Ладомирская (1832—1895), фрейлина; дети: Василий (1857—1926), Дмитрий (1859—1859), Алексей (1872—1927), Анна (1860—1886) и Софья (1863—1930).
- ²⁰ Оболенская Александра Александровна (урожд. гр. Апраксина; 1853—1943), фрейлина (1869), жена князя В.С. Оболенского (1880), кавалерственная дама (1904).
- ²¹ Стенбок-Фермор Мария Александровна (урожд. гр. Апраксина; 1854—1916), фрейлина, замужем за графом В.А. Стенбок-Фермор.
- ²² Апраксин Матвей Александрович (1863—1926), граф. Окончил Морской кадетский корпус, служил в Гвардейском экипаже, после отставки — в Министерстве путей сообщения, затем церемониймейстер Высочайшего двора, командант лазаретов ведомства путей сообщения (1914—1918). Женат на С.А. Паулуччи. Эмигрировал во Францию.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 37—40об.
- ²⁴ Левшина-Надежда Сергеевна (урожд. Щербатова; 1843—1929/1931), фрейлина, замужем за Ф.А. Левшиным (1839—1884). Сестра Н.С. Щербатова.
- ²⁵ Имеются в виду Гудовичи Александр Васильевич (1869—1919), граф, камергер Высочайшего двора, ярославский вице-губернатор (1902—1905), чиновник МВД (с 1905), кутаисский губернатор (1916—1917) и его жена — Мария Сергеевна (урожд. кн. Шереметева; 1880—1945).
- ²⁶ Сохранилось письмо императора Александра III к С.А. Щербатовой из Гатчины от 7 декабря 1885 г. с поздравлением по поводу рождения сына Мануила. (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 2—3).

- 27 ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 41—46об.
- 28 ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 17—17об.
- 29 *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 132.
- 30 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 114. Л. 36.
- 31 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 335. Л. 343—344.
- 32 Бányка — река в Московской области, левый приток Москвы-реки, недалеко от станции Павшино.
- 33 Село Чернево (ныне — в Красногорском районе Московской области).
- 34 ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 33—38об.
- 35 В личном архиве В.А. Городцова сохранились дневниковые записи экскурсий в Братцево (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 60).
- 36 Бондаренко Илья Евграфович (1870—1947), архитектор, реставратор, теоретик архитектуры, искусствовед.
- 37 *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления / Под ред. М.В. Нащокиной. Книга вторая. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 355.
- 38 Бай де Жозеф (1853—1931), барон, французский археолог, член Парижского географического общества, президент общества антикваров Франции, член МАО (с 1890), член-соревнователь РИМ (с 1894), член Особого Комитета по устройству Музея 1812 года в Москве (с 1908). Много раз посещал Россию, где проводил обширные археологические исследования.
- 39 Савелов Леонид Михайлович (Савелов-Савелков; 1868—1947), историк, генеалог, общественный деятель.
- 40 *Щербатова М.Н.* Матерьялы для справочной книги по русским портретам. Вып. 1: А; Вып. 2: Б.м., 1910. На одном из экземпляров, хранящихся в библиотеке ГИМ, имеется дарственная надпись автора: «Мой первый блин на память многоуважаемому Леониду Михайловичу от больного автора. 1910 г. 19 октября. От горе-сочинительницы на добрую память».
- 41 *Савелов Л.М.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл., коммент., им. указ. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2015. С. 278.
- 42 ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 108—109.
- 43 ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 142.
- 44 Щербатов Эммануил (Мануил) Николаевич (1885—1921), князь. Перед войной был корнетом Кавалергардского полка (1909—1913). В войну он вступил поручиком, ординарцем начальника II-й Гренадерской дивизии Юго-Западного фронта. С мая 1915 г. — штабс-ротмистр 11-го Уланского Чугуевского полка, состоял в распоряжении коменданта крепости Перемышль. В декабре 1915 по декабрь 1916 г. — начальник школы проводников военно-сторожевых собак Юго-Западного фронта, с января 1917 г. — переводчик при штабе Румынского фронта, с сентября 1917 г. — Добровольческой армии, член фронтового комитета при Комиссаре Временного правительства.
- 45 Катков Михаил Андреевич (1889—1914), князь, внук публициста М.Н. Каткова. Окончил Катковский лицей, по окончании которого поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк, произведен в корнеты (1911). В Первую мировую войну вступил в составе 3-го эскадрона конногвардейцев, смертельно ранен в бою под Каушеном (тогда же был убит его младший брат Андрей, унтер-офицер). Посмертно награжден Геор-

- гиевским оружием. Родители в память о сыновьях построили храм Спаса Преображения на Братском кладбище в Москве.
- ⁴⁶ Кильдишев Дмитрий Павлович (1886—1914), князь. Окончил Александровский лицей (1907), зачислен в Кавалергардский полк (1909). В Первую мировую войну — командир связи полка, погиб в сражении под Каушеном, посмертно награжден Георгиевским оружием.
- ⁴⁷ Кампанари Лев Дмитриевич (1894—1938/40), капитан лейб-гвардии 4-го стрелкового полка. После революции участник Белого движения. После 1920 г. — в эмиграции в Югославии, затем во Франции.
- ⁴⁸ Мещеринов Сергей Александрович (1890—1978), князь. Окончил Пажеский корпус (1909); подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка. В годы Первой мировой войны служил в лейб-гвардии Преображенском полку, капитан (1917). После революции участник Белого движения. Подполковник. Эмигрировал во Францию. Жена Варвара Федоровна (урожд. гр. Уварова; 1893—1966), фрейлина (1912).
- ⁴⁹ Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), военно-морской и государственный деятель, генерал-адъютант (1905), московский генерал-губернатор (1905—1906), адмирал (1906), член Государственного совета (с 1906), член Совета государственной обороны (1905—1907). С ним Н.С. Щербатов познакомился еще во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., долгие годы семья Щербатовых поддерживала дружеские отношения с Дубасовыми и их детьми: Дарьей (1888—1984), Олегом (1889—1970), Ириной (1887—1931).
- ⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1.
- ⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 3—4.
- ⁵² Чернышев-Безобразов Александр Александрович (1888—1964), граф. В Первую мировую войну прапорщик Сумского гусарского полка, в декабре 1914 г. получил тяжелое ранение. Во время Гражданской войны при отступлении Добровольческой армии заболел острым психическим расстройством. После революции с семьей — женой Марией Николаевной, сыном Захаром (1912—1995), дочерью Марией (1915—2010) уехал в эмиграцию во Францию.
- ⁵³ *Грибанов С.В.* Пилоты Его Величества. М.: Центрполиграф, 2007. С. 165.
- ⁵⁴ Письмо написано рукой Н.С. Щербатова за подписью С.А. Щербатовой.

Лев Михайлович Сухотин как археограф

Активное развитие российской исторической науки в начале XX в. сделало особенно актуальной археографическую работу. Разработка сложных вопросов русской истории требовала публикации и введения в научный оборот новых архивных материалов. Одним из исследователей, внесших существенный вклад в развитие российской археографии, был Лев Михайлович Сухотин, известный также как генеалог и специалист по истории России XVI—XVII вв.

Л.М. Сухотин родился в Москве 25 декабря (по старому стилю) 1879 г. в семье земского деятеля, члена Государственной думы I созыва, действительного статского советника Михаила Сергеевича Сухотина и Марии Михайловны, урожденной баронессы Боде-Колычевой¹. В 1898 г. Сухотин окончил частную гимназию Н.И. Поливанова и поступил в Императорский Московский университет на историко-филологический факультет. Уже во время учебы определился круг его научных интересов, которые прежде всего включали социальную историю и тесно связанную с ней генеалогию. Среди университетских преподавателей Л.М. Сухотина следует особенно отметить выдающегося историка, профессора Василия Осиповича Ключевского (1841—1911) — от него будущий археограф воспринял методологию источниковедческого исследования и воззрения на общие проблемы изучения событий XVI—XVII вв. После окончания университета в 1903 г. Л.М. Сухотин длительное время занимался общественной работой. К научной деятельности он вернулся только спустя пять лет. В автобиографии, изданной в журнале «Новик», историк писал: «Я причислился к Московскому главному архиву Мин[истерства] иностр[анных] дел, работал и в этом, и в других московских архивах, вступил в ученое Общество истории и древностей российских при Моск[овском] унив[ерситете] <...> Я решил держать магистерский экзамен,

и ввиду близости моих научных занятий и интересов с научной работой проф[ессора] С.Ф. Платонова я заручился его согласием экзаменоваться при Петербургском университете. К этому экзамену готовился я основательно, отвлекаясь, впрочем, все больше и больше научно-издательской и исследовательской работой»².

Период с 1908 г. по 1914 г. (по начало Первой Мировой войны, когда вновь понадобилось вернуться к общественной деятельности) стал одним из самых плодотворных в научном творчестве Л.М. Сухотина. В 1909 г. увидел свет генеалогический труд ученого «Род дворян Сухотиных». Во время работы над родословием Л.М. Сухотин активно привлекал опубликованные источники, а также материалы, хранившиеся в частных и ведомственных архивах. Историк работал с материалами московских отделов архивов Министерства иностранных дел (далее — МАМИД) и Министерства юстиции (далее — МАМЮ), семейными собраниями Сухотиных, хранившихся в имениях Кочеты и Городок, а также с документами губернских депутатских собраний³.

Работа в ведомственных архивах с материалами боярских книг и десятен, видимо, послужила главным источником интереса Л.М. Сухотина к археографическим исследованиям. К примеру, используя накопленный опыт, он издал ряд сборников документов по истории приказной и поместной системы России XVI—XVII вв. Это «Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг.» (вышедшие в «Чтениях Общества истории и древностей российских» в 1911 г.)⁴, «Четвертки Смутного времени (1604—1617 гг.)» (в «Чтениях» за 1912 г.)⁵, «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича» (в «Чтениях» за 1915 г.)⁶. Появление этих материалов в печати было связано с растущим интересом к Смутному времени, вызванном приближающимся 300-летием царствующего дома Романовых. В течение первого десятилетия XX в. появилось много научных работ, посвященных эпохе XVI—XVII столетий. Среди них можно вспомнить труды А.М. Гневушева, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонова и др. Со многими из этих исследователей Сухотин был знаком лично, а с некоторыми его связывало ученичество или дружба.

Из всего круга коллег Сухотина отдельно стоит выделить Степана Борисовича Веселовского (1876—1952) — археографа и знатока архивных богатств Москвы, который не отказывал в помощи молодым исследователям и охотно делился найденными им источниками и наработками. В опубликованной переписке этого исследователя отразилась работа над сборниками Л.М. Сухотина и отзывы о них современников. А сам С.Б. Веселовский оказы-

вал посильную помощь в поиске архивных сведений для изданий. В 1911 г. Сухотин писал Веселовскому: «Не будете ли Вы так добры, когда побываете в Москве, справиться в Вашей по части дьяков сокровищнице о Третьяке Горяинове, где он был дьяком в 118 и 119 годах»⁷. Полученные в ответ на это обращение сведения ученый использовал в работе над «Четвертчиками Смутного времени».

Главную проблему в изучении эпохи XVI—XVII вв. Л.М. Сухотин видел в скудности доступной источниковой базы. Он писал в предисловии к своему труду «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича»: «Собрание нескольких сот челобитных <...> интересно особенно тем, что относится к тому моменту нашей истории, который представляется нам особо любопытным и является по недостатку источников очень малоизученным»⁸. Именно этот недостаток и были призваны устранить описываемые публикации, давшие возможность широкому кругу исследователей ознакомиться с документами московских архивов.

В первый археографический труд Л.М. Сухотина «Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе» вошли документы Поместного приказа и связанные с пожалованиями земель русским дворянам материалы из Литовской Метрики, хранившиеся в МАМИД. Соавтором выступил И.С. Рябинин, знавший польский язык, необходимый для работы с материала Метрики. «46 челобитных представляют собой материал любопытный и ценный и прежде всего для уразумения духа времени, для понимания психологии людей той далекой и удивительной эпохи», — писал Л.М. Сухотин в предисловии⁹. Этот подход весьма современен для исторической науки того времени — источник понимался как отражение противоречивых чувств и мыслей, которые вызывают у современников происходящие события. Сухотин интересовался также «фактические сведения, не лишённые интереса»¹⁰, в том числе и связанные с государственно-политической историей опричнины и Смутного времени. Историк стремился установить, например, конкретно-исторический факт передачи того или иного поместья и т. п., что вытекает из задачи, которую автор ставил перед собой при составлении предисловия — описать публикуемые источники и показать ценность сведений из них. Изданные материалы помимо историко-политических сведений содержат и биографические сведения о некоторых деятелях Смутного времени. Так, в предисловии Сухотин немало места уделил биографическому очерку о князе И.М. Борятынском¹¹. Этим исследовательская составляющая предисловия не ограничивается, в нем Сухотин также рассуждал о реальном значении вотчин поме-

стий, пожалованных королевичем Владиславом, и об их дальнейшей судьбе при новом правительстве Романовых¹².

Не менее интересен и труд «Четвертчики Смутного времени», являющийся изданием материалов кормленных книг Галицкой и Владимирской четей, а также материалов Разрядного приказа, хранившиеся в МАМИД, МАМЮ и московском отделении общего архива министерства императорского двора¹³. Эти документы являются важным источником для исследований о денежном четвертном жаловании служилых людей в первые десятилетия XVII в. Такие сведения несомненно важны, поскольку отражают взаимоотношения правительства и служилого сословия. Данные документы относятся к первым годам царствования Михаила Федоровича, но содержат много сведений, связанных со Смутным временем, например, данные о социальном составе четвертчиков и их деятельности в годы Смуты.

В предисловии к «Четвертчикам Смутного времени» Л.М. Сухотин проявил себя как источниковед. Например, при определении, к какой из четей (государственное учреждение, ведавшее финансами и административно-судебными делами тяглового населения отдельных территорий государства) относится одна из издаваемых кормленных книг, он определил ее происхождение через установление датировки и соотнесение содержания и упомянутых в книге лиц с другими аналогичными источниками. Также в процессе изучения полноты источника он расшил архивную тетрадь и, произведя реконструкцию, установил, каких листов не сохранилось в архивном экземпляре¹⁴.

Труд «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича» является сборником челобитных на освобождение от налогов и иных документов Печатного приказа, хранившихся в МАМЮ. Из них можно сделать выводы об экономическом состоянии России после Смуты, о разорении дворян, социальном составе выборщиков царя, земельной деятельности нового правительства и силе власти первого из Романовых в этот период — обо всем этом писал Сухотин в предисловии, при том отмечал, что «все это не более, чем канва для будущих исследователей эпохи воцарения Михаила»¹⁵. Следует отметить, что Л.М. Сухотин в какой-то степени в данном издании продолжил работу, начатую известным историком и археологом И.Е. Забелиным, опубликовавшим часть документов из названного комплекса в приложении к труду о Минине и Пожарском¹⁶.

Археографические методы и подходы Л.М. Сухотина в трех названных сборниках сходны и отражены автором во вступительных статьях. Предисловия содержат обзор издаваемых докумен-

тов, оговорена неполнота издания (например, ввиду однотипности тех же челобитных) и указаны предыдущие издания документов по тематике сборника. Приводится типовой состав и порядок документов, в том числе и типичные пометы дьяков на них. Также имеется описание внешнего вида и степени сохранности оригинала. Примечательно, что меньше всего археографической информации представлено в предисловии к более позднему изданию его труда «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича», основная часть которого посвящена исследованию феномена «разорения».

Л.М. Сухотин уделял большое внимание последовательности издаваемых им материалов. Историк старался публиковать материалы в правильной хронологической последовательности, применяя различные подходы, а все отступления от данного принципа оговаривал отдельно. Например, в «Четвертичках...» ему удалось восстановить правильную хронологическую последовательность благодаря изучению сложных рисунков плесени, сравнению с черновым списком и следам старинной нумерации¹⁷.

При издании материалов Л.М. Сухотин часто обращался к почерковедению. Например, в «Четвертичках...» историку благодаря сличению почерков дьяков, писавших Кормленные книги, удалось установить принадлежность отрывка одной из них к Кормленной книге Владимирской чети¹⁸. Также в «Земельных пожалованиях..» он по почерку определил, кому именно из дьяков и представителей польской администрации принадлежали пометы, оставленные на челобитных¹⁹. Следует также отметить, что историк в приложении к изданиям приводил фототипии с образцами почерков, встречающихся в оригиналах издаваемых документах — например, образцы почерков Гонсевского, Ходкевича, Янова, Чечерина, Жолкевского и Грамотина²⁰.

Следуя и развивая археографические воззрения Ключевского, Сухотин считал важным стремление к удобству читателя²¹. Про «Земельные пожалования» он писал: «Дела Поместного приказа 1611 г. я печатал с сохранением правописания подлинника, но ради удобства и быстроты чтения <...> допустил изменения, выразившиеся в расстановке знаков препинания, прописных букв, твердых и мягких знаков...»²². Все издания Л.М. Сухотина снабжены полными именованными, предметными и географическими указателями. О том, какое значение ученый придавал данным элементам научно-справочного аппарата издания, говорит то, что в составе «Земельных пожалований» Л.М. Сухотин опубликовал указатель к «Актам Западной России» — сборнику документов, тесно связанных с издаваемыми им материалами²³.

Рассмотрев вкратце три сборника, ставшие основными в археографической деятельности Л.М. Сухотина, стоит обратить внимание на их оценку и использование как его современниками, так и исследователями нашего времени. Следует отметить, что сам историк активно использовал изданные материалы в научной работе. Например, в 1911 г. в Журнале Министерства народного просвещения вышла его статья «К вопросу об опричнине»²⁴, которая опиралась на источники, опубликованные ранее в «Земельных пожалованиях при царе Владиславе». Анализируя челобитные, поданные королевичу Владиславу в ходе споров между боярами о принадлежности вотчин, пожалованных Иваном Грозным, Сухотин пришел к ряду выводов о порядке изъятия и замены изымаемых земель, вхождении отдельных уездов в опричнину и т. д. Также можно отметить его работу историка «К истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.»²⁵. Эта статья фактически является рецензией на исследование историка и этнографа Павла Григорьевича Любомирова (1885—1935) «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.»²⁶, в котором автор активно использовал материалы, изданные Л.М. Сухотиным. Помимо вопросов, непосредственно связанных с историей Смуты, в рецензии на труд П.Г. Любомирова можно проследить то, чему ученый в своей работе уделял особое внимание — это точная датировка источников, комплексный подход к их изучению, полнота и точность издания. Примечательно также, что в работе Л.М. Сухотин в некоторых спорных моментах защищает позиции профессора, член-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской АН Сергея Федоровича Платонова (1860—1933), например, в вопросе о существовании закулисной сделки Михаила Романова с боярами по поводу ограничения его власти²⁷.

Из современников Сухотина, обращавшихся к его научным изданиям необходимо упомянуть С.Б. Веселовского. В своем труде «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»²⁸ он использовал опубликованный Сухотиным материал, послуживший одним из ценных источников для изучения жизни и деятельности представителей дворянства во время правления Ивана Грозного и Смуты. Высокую оценку публикаций Л.М. Сухотина можно найти в письмах многих историков к его коллеге Веселовскому. Например, М.А. Дьяконов в письме от 10 февраля 1912 г. отмечал качество работ Сухотина,²⁹ С.Ф. Платонов выписывал их для семинара на Женских Высших Курсах в Петербурге³⁰, а П.П. Смирнов писал: «... Лев Михайлович прислал мне статью и материалы, и то и другое хорошо, серьезно, осторожно, солидно, — это школа.

На тяжелом фундаменте да возводит светлое здание...»³¹. В советский период к работам Сухотина обращался исследователь русского средневековья, доктор исторических наук А.А. Зимин. Так в работе «Опричнина Ивана Грозного»³², несмотря на несогласие Зимина с некоторыми выводами Сухотина, присутствует множество ссылок и цитат из «Земельных пожалований». Из современных работ стоит привести монографию и докторскую диссертацию Д.В. Лисейцева³³, в которых историк на материале, опубликованном Сухотиным, исследует Устюжскую четь, делает выводы о роли Московского и Новгородского столов Разрядного приказа, времени появления Печатного приказа, а также рассматривает деятельность Городового приказа. Другой современный специалист по истории Смутного времени В.Н. Козляков также активно использует публикации Л.М. Сухотина. Например, в работе «Герои Смуты»³⁴ на материале «Четвертчиков Смутного времени» и «Первых месяцев правления Михаила Федоровича» он анализирует события, связанные с народными ополчениями и влиянием на них отдельных личностей. Это лишь небольшая часть примеров, которые свидетельствуют о неугасающем интересе научного сообщества к анализу материалов, собранных и опубликованных Сухотиным.

После Октябрьского переворота Л.М. Сухотин был вынужден эмигрировать в Сербию, где он продолжил научную работу по изучению истории России XVI—XVII вв. Например, им был издан ряд статей под общим названием «К пересмотру вопроса об опричнине», в которых отразилась уникальная концепция понимания опричнины, разработанная ученым³⁵. В эмиграции Л.М. Сухотин занимался педагогической деятельностью, работал в русских гимназиях, а также создал серию учебников по истории, в которых развил педагогические подходы В.О. Ключевского. Умер Лев Михайлович Сухотин в Брюсселе 1 июля 1948 г.

В научных воззрениях и археографической работе Л.М. Сухотина прослеживается совмещение ученым подходов московской и петербургской исторических школ. Следует отметить, что тематика изданий, подходы к передаче текста, принципы отбора источников и слияние роли археографа и историка близки к подходам петербургских ученых³⁶. Но при этом содержание предисловий, в том числе с элементами критики публикуемых источников, желание автора поделиться выводами, сделанными на основе издаваемого материала, большое внимание к социальной истории и стремление к удобству читателя вполне соответствуют воззрениям В.О. Ключевского³⁷. Высокое качество изданий и сле-

дование историком правилам, выработанным им во время практической работы по публикации документов и основанным на самых передовых того времени археографических подходах, до сих пор позволяет современному сообществу ученых использовать издания Л.М. Сухотина в своих научных исследованиях.

- ¹ *Сухотин Л.М.* Автобиография // Русская генеалогия в эмиграции: избранные статьи журнала «Новик». М., 2018. С. 126.
- ² Там же. С. 127.
- ³ *Сухотин Л.М.* Род дворян Сухотиных // Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1909. Т. 3 (12). Ч. 6.
- ⁴ *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610—1611 гг. // Чтения в обществе истории и древностей Российских (далее ЧОИДР). 1911. Кн. 4. Вып. 8. Раздел I. С. III—XXXV.
- ⁵ *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.) // Смутное время Московского государства. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей Российских. 1912. Вып. 9. С. I—XXVII, 1—397. См. также: ЧОИДР. 1912. Кн. 2 (V). С. I—XXXVII.
- ⁶ *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа) // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. III—XXIV, 1—238.
- ⁷ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С.А. Левиной и Б.В. Левшина. М., 1998. С. 387—388.
- ⁸ *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). С. VI.
- ⁹ *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610—1611 гг. С. VI.
- ¹⁰ Там же. С. VII.
- ¹¹ Там же. С. XXIII.
- ¹² Там же. С. XXV—XXVIII.
- ¹³ *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.). С. III.
- ¹⁴ Там же. С. V.
- ¹⁵ *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). С. XXIII.
- ¹⁶ *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883.
- ¹⁷ *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.). С. X—XIII.
- ¹⁸ Там же. С. IV.
- ¹⁹ *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610—1611 гг. С. XX.
- ²⁰ Там же. С. 326—330.
- ²¹ *Чирков С.В.* Археография в творчестве русских ученых конца XIX — начала XX вв. М., 2005. С. 50.
- ²² *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. IX.
- ²³ Там же. С. XXI.
- ²⁴ *Сухотин Л.М.* К вопросу об опричнине. // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 11. С. 55—67.

- ²⁵ *Сухотин Л.М.* К истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1915. С. 40—53.
- ²⁶ *Любомиров П.Г.* «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1917.
- ²⁷ *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- ²⁹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 122.
- ³⁰ Там же. С. 178.
- ³¹ Там же. С. 301.
- ³² *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001.
- ³³ *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009; Он же: Приказная система Московского государства накануне и в эпоху Смуты: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2011.
- ³⁴ *Козляков В.Н.* Герои Смуты. М., 2012.
- ³⁵ *Сухотин Л.М.* К пересмотру вопроса об опричнине. I. Вопрос об отмене опричнины // Записки Русского научного института в Белграде. 1931. Вып. 5. С. 1—23; Он же: К пересмотру вопросу об опричнине. II. Состав Боярской думы (1565—1572); III. События первого года после отмены опричнины (1572—1573); IV. Семен Бекбулатович — великий князь Всея Руси; V. И далее опричнина не была восстановлена. VI. Возражение на один довод С.Ф. Платонова // Зап. РНИИБ. 1936. Вып. 13. С. 39—67; Он же: К пересмотру вопроса об опричнине. VII. Исторический ход опричнины; VIII. Что представляла собой опричнина // Зап. РНИИБ. 1941. Вып. 17. С. 125—200.
- ³⁶ *Чирков С.В.* Указ. соч. С. 199.
- ³⁷ Там же. С. 38.

Н.В. Горбушина

Во главе отдела.
Материалы к биографии
Елены Ивановны Самгиной-Голубцовой

Елена Ивановна Самгина (1924—1993) — историк, источниковед, археограф, архивист, научный сотрудник ОР ГБЛ (1948—1958), старший научный сотрудник ОПИ ГИМ (1960—1980), ученица академика М.Н. Тихомирова.

Елена Ивановна Самгина, урожденная Голубцова, родилась 17 ноября 1924 г. в семье историка И.А. Голубцова и представляла третье поколение историков этой семьи: ее дед — Александр Петрович Голубцов, историк церкви, профессор Московской духовной академии, в которой он преподавал в одно время с В.О. Ключевским; отец — Иван Александрович Голубцов, историк, архивист, картограф, доктор исторических наук, действительный член Географического общества СССР, член Археографической комиссии; историком и филологом была ее тетя — Мария Александровна Голубцова, работавшая в Историческом музее. Елена Ивановна продолжила традиции этой семьи, жизнь которой была достаточно трудной. Во всех опубликованных отзывах об Иване Александровиче — Л.В. Черепнина¹, Я.Н. Щапова², С.Н. Валка³ (эти материалы поступили в отдел только после смерти Елены Ивановны) и даже самой Еленой Ивановной⁴ — ничего не написано о тех испытаниях, которые выпали на долю семьи Голубцовых.

Рассказ об этой замечательной семье следует начать с Ивана Александровича Голубцова (рис. 1). В Историческом музее хранится его фонд, включающий и материалы дочери, Елены Ивановны Самгиной-Голубцовой (рис. 2). В автобиографии Иван Александрович писал: «...в сентябре 1930 г. наступил новый период в моей службе и работе: в числе многих других историков, я был арестован по т. наз. Платоновскому делу — и затем выслан из Москвы в г. Кудымкар, где я тоже работал, но уже не по специальности, до осени 1933 г. По возвращении из ссылки пришлось проживать несколько лет в Кашире (до лета 1937 г. и заниматься

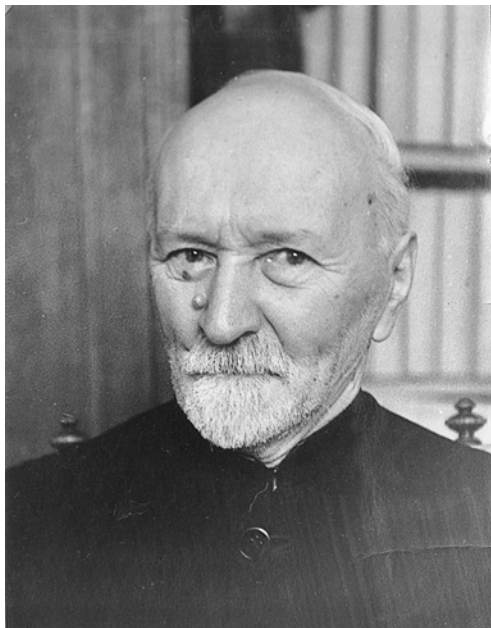

Рис. 1. Иван Александрович Голубцов.
Фотография 1963 г.

Рис. 2. Елена Ивановна Самгина
(Голубцова). Фотография с музейного
пропуска 1960 г.

сдельными и договорными работами для различных учреждений Москвы в области истории, исторической библиографии, переводов, составления исторических карт и географических справочников. В 1937 г. по договору я выполнял работу научного консультанта Бюро транскрипции Главного Управления Геодезии, съемок и картографии (ГУГСК НКВД); летом этого года мне было разрешено проживание в Москве»⁵.

В другом документе от 1936 г. Иван Александрович писал: «Материальное положение т. Голубцова в настоящее время очень плохое. При отсутствии работы по специальности в месте его жительства (в г. Кашире), он на службе нигде не состоит и постоянного заработка не имеет, стараясь получить какую-либо литературно-техническую работу из Москвы, что не всегда удается. За последние 2 года работал, таким образом, по подбору исторических материалов на определенные темы, и по сличению текстов для издания, и по корректуре, и по переводам (с латинского, французского, немецкого языков, не считая занятий по истории гор. Калинина, которые не дали материального результата.

Средний заработок до сих пор не превышал 200—220 рублей в месяц, при целых месяцах безработицы и при неаккуратности платежей. Семья, проживающая в Москве, состоит из жены Татьяны Алексеевны Голубцовой, очень слабого здоровья (при камнях в печени, блуждающей почке и поражении верхних легких, слабость сердца, крайнее малокровие и переутомление) и двух дочерей, из которых старшая, 13-ти лет, — больная-хроник с 2 летнего возраста и почти совершенный инвалид (туберкулез позвоночника, укорочение ноги и потеря слуха на 75%), а младшая, 11 лет также слабого здоровья (постоянные плевриты и воспаления легких).

Дети учатся, старшая — дома, так как за болезнью не может посещать школы, а младшая в 4 классе средней школы. Жена работает на Постоянной Строительной Выставке в качестве секретаря-исполнителя с окладом 225 рублей...»⁶.

В 1937 г. семья Голубцовых воссоединилась, когда Елене Ивановне было 12 лет. В ее фонде сохранились и другие документы этого периода: Протокол обыска 14 сентября 1930 г., который проводил комиссар Штукатуров; отзыв о работе И.А. Голубцова в г. Кудымкаре в Чермазском леспромхозе сначала в качестве счетовода, потом статистика, а затем управляющего делами; заявление от 1936 г. директору Каширской образцовой средней школы о предоставлении места преподавателя немецкого языка и др. документы⁷.

После возвращений в Москву Иван Александрович не мог устроиться на работу. «В предвоенные годы (1938—41) при неудаче попыток устроиться на постоянную работу по своей специальности я имел более или менее постоянную и очень значительную загрузку договорными работами»⁸ и, как писал Я.Н. Щапов в своей статье: «С середины 1930-х годов Иван Александрович включается в новую для него область исторической науки — историческую картографию. В 1936 г. им была составлена первая карта крестьянской войны начала XVII в. и польско-шведской интервенции для МГУ, после чего последовала целая серия договорных работ по составлению исторических карт. Его многолетний опыт преподавателя истории, источниковедческая подготовка, естественный для советского историка интерес к социальной истории, к классовой борьбе, его прекрасное знание ценности точного исторического факта привели к тому, что с именем И.А. Голубцова связан определенный переломный этап в развитии советской исторической картографии. Ивану Александровичу принадлежит несколько сотен исторических карт, изданных отдельно, в составе атласов, школьных и вузовских учебников, монографий и статей, начиная

с древнейшего археологического прошлого СССР и кончая современностью. Карты Голубцова отличает документальность, широта тематики, разнообразие использованных источников; они показывают историческую географию многих народов СССР, народные движения, экономическую историю. Каждая карта — результат большой и весьма квалифицированной исследовательской работы. Иваном Александровичем были разработаны методические основы составления исторических карт...»⁹.

Только с 1946 г. Иван Александрович стал младшим научным сотрудником в секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР и вошел в состав группы по изданию актового материала, возглавляемой академиком С.Б. Веселовским. Он включился в работу над трехтомным изданием «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в.», которая заняла у него более 15 лет и довел ее до конца. «Правильно говорят, что лучшим памятником человеку служит его труд, результатами которого пользуются другие люди. Памятником Ивану Александровичу являются изданные им „Акты“, ибо они никогда не уйдут из поля зрения тех, кто занимается, или будет заниматься русским средневековьем»¹⁰.

В 1954 г. сотрудники Института истории АН СССР написали ходатайство директору института с просьбой возбудить дело перед Высшей аттестационной комиссией об освобождении от сдачи кандидатского минимума младшего научного сотрудника Ивана Александровича Голубцова. Решением президиума ВАКа от 26.06.54 г. Голубцов И.А. был освобожден от сдачи кандидатских экзаменов¹¹.

А в 1961 г. председатель Археографической комиссии академик М.Н. Тихомиров в отзыве о научных трудах И.А. Голубцова написал: «Полагаю, что И.А. Голубцов заслуживает присуждения ему степени кандидата исторических наук без защиты диссертации и поддерживаю ходатайство об этом от имени Археографической Комиссии, членом которой И.А. Голубцов является со времени ее основания»¹² и «Постановлением президиума Высшей аттестационной комиссии от 10.02.62 г. (прот. № 107) мл. научному сотруднику т. Голубцову И.А. разрешено представить к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук совокупность опубликованных научных работ с освобождением его от сдачи кандидатских экзаменов»¹³.

Когда в апреле 1963 г. состоялась защита диссертации И.А. Голубцова по теме «Вопросы исторической географии, архивоведения, археографии и источниковедения», ему исполнилось 75 лет.

По поводу этого события Л.В. Черепнин писал: «...должен сказать, что чрезвычайно сложным делом было сломить это спокойствие и равнодушие и заставить его (Голубцова. — Н.Г.) выполнить необходимые и не столь уж сложные формальности для получения права на защиту диссертации. На это ушли не дни и не месяцы, а годы. Но зато защитой Иван Александрович мог быть вполне удовлетворен, ибо она по существу вылилась в чествование ученого»¹⁴. Ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Очень интересную и правдивую характеристику Ивану Александровичу дал его коллега А.А. Зимин в своих воспоминаниях «Храм науки»: «Иван Александрович Голубцов во многом был прямой противоположностью А.И. Андрееву. Он типичный «москвич», не обладал ни его строгой источниковедческой школой, ни его гордыней (самолюбием), будучи по натуре человеком тихим и мягким, и немудрящим. Сын профессора Духовной академии в Троице, брат недавнего новгородского архиепископа, и другого рано умершего С.А. Голубцова (историка, который в 1924 г. издал переписку Ключевского с Гвоздевым, но рано умер). Воспитывался Иван Александрович в семье, где бывал Василий Осипович Ключевский, а история была естественным ароматом жизни. Сам Иван Александрович был конечно человеком глубоко верующим. Глубоко верующему человеку да еще притом историку, ох, как трудно приходилось добывать свой хлеб. Университет И.А. Голубцов окончил в 1910 г. Работал в семинаре Ю.В. Готье и М.М. Богословского. С 1912 по 1925 год преподавал на Высших женских курсах и в... МГУ. С военного времени служил также в Архиве ИТД, а потом — с 1925 г. — в Архиве Красной Армии, с 1927 г. — в Управлении Центрархива. В 1928—1929 гг. выпускает в свет интересные статьи по Смуте. (Первые блестящие статьи о Смуте в трудах РАНИОН остались без продолжения.) Писал он, не мудрствуя лукаво, с простодушием хорошего человека. На архивных курсах Центрархива преподает палеографию и дипломатику. (С 1930 г. долгое время на постоянную работу поступить не мог). С 1930 г. в издании его трудов наступает многозначительный перерыв. И только в 1938—39 гг. он выступает составителем карт к вузовскому учебнику «Истории СССР», т. 1 [все они ис]полнены с предельной тщательностью и любовью. Да и любой «рабочий» отзыв Ивана Александровича, написанный по поручению сектора, был солиден по существу, по форме весьма придиричив (ох, уж эта шустрая молодежь!), но в то же время благожелателен к автору.

Средства к жизни на моей памяти он всегда добывал договорной работой. А положение у него было тяжелое. Ходил он всегда в од-

ном и том же стареньком френче, с седенькой бородкой клинушкой и усиками, остатки его волос еле-еле (на пробор с „займом“) закрывали огромную лысину. Сутуловатый, серьезный и... бесконечно добрый. Семья его ютилась под крышей дома на Зубовской. Одна дочь — полулежачая, больная (горбатенькая), другая стала, как и отец, архивным работником.

Каждый, кто мог, старался помочь ему. И только за несколько лет до смерти он был зачислен в штат института. И все же он, не желая того, сделал свое имя бессмертным в нашей науке. Иван Александрович в поисках хлеба насущного стал изготавливать карты к разным изданиям. А так как он был человеком в высшей мере добросовестным, то каждая карта его (к Базилевичу, Пашуто, «Истории Москвы», «Очеркам истории СССР», к статьям БСЭ вместе с Амальриком-отцом) была специальным исследованием, основанным на проработке многих и разнообразных источников. Поэтому фактически И.А. Голубцов стал отцом научной исторической картографии в СССР. (Фигура шаляпинского диапазона, засунутая в географическую клетку.) Его карты к многотомным изданиям в совокупности образуют лучший русский исторический атлас. Беда только в том, что он не издан как единое целое. В 1963 г. по совокупности его трудов ему сразу же (без кандидатской) присвоена (после защиты) степень доктора исторических наук.

Второй труд Ивана Александровича — тоже подвиг. Это три тома АСЭИ (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.) Над первичной подготовкой издания трудились многие. (Акты были выявлены и скопированы усилиями С.Б. Веселовского еще в 20-е годы XX в.) Но И.А. Голубцов завершал первый том и вел всю работу по следующим двум. Его историко-географические комментарии, указатели и весь аппарат выполнены с предельной тщательностью и солидностью. Да и любой „рабочий“ отзыв Ивана Александровича — по форме весьма придирчивый — говорил не только о больших познаниях автора, но и о его благожелательном отношении к работе. Так Иван Александрович сумел найти свое неповторимое место в науке наперекор всем трудностям, которые ему достались в изобилии.

Секторские „старички“ для меня остаются недостижимым эталоном честного и подвижнического служения науке. Раздавленные мощной поступью времени, они где-то в самых основах жизни сохранили бескомпромиссность, трепетное отношение к Истине. Пусть в своем миниатюрном мире. Но в мире абсолютных ценностей»¹⁵.

Закончить повествование об Иване Александровиче Голубцове хочется записью выступления на заседании, посвященном его памяти, сотрудницы Института истории Е.П. Подъяпольской. Привожу его полностью: «Крупнейший картограф, большой историк, замечательный источниковед Иван Александрович Голубцов отличался исключительной скромностью. Он принадлежал к тем большим ученым, большим людям, которые доступны каждому, щедро делятся своими знаниями и ничего за это не требуют, к настоящим большим ученым, которые не дают своим авторитетом.

Великий труженик, Иван Александрович нес колоссальное бремя тщательной скрупулезной работы, не допуская ни единой неточности. Редкостный ученый, работа которого — подвиг.

Помню, мне поручили зайти к Ивану Александровичу узнать, почему не представлена какая-то карта. Трудно уловимые „нормы“ и „сроки“ часто превращались в Прокрустово ложе; так было и на этот раз. Меня встретил сам Иван Александрович, бесконечно усталый, ниспавший, вероятно, не одну ночь, с воспаленными красными глазами и — что было особенно страшно — в глазах его стояли красные треугольнички. Он сразу догадался, зачем я пришла, показал на крошечный уголок карты и сказал: „Здесь все напутано; пока не разберусь, — не могу сдать“. А я только могла произнести: „Иван Александрович, бросьте все, дайте отдых глазам, выпитесь. Время еще есть, можно оттянуть“. Мне показалось, что Ив. Ал. взглянул на меня, как на неразумное дитя, но он только сказал: „Не бойтесь, не подведу“. И не подвел.

Скромность Ив. Ал. была беспредельна. Однажды я советовалась с ним как сделать ссылку на карту, сделанную К.Н. Сербиной, карту я использовала для одной из своих работ, превратив в схему, как требовало издательство, причем внесла туда ряд дополнений. „Это верно“, — говорил Ив. Ал., — „авторский приоритет картографа не охраняется законом. Я это по своим картам хорошо знаю“. И добавил лукаво, со смешинкой в глазах: „А ваш случай: схема вместо карты, чуть ли не 30-летняя давность — можно печатать без стеснения“. Видя, что я начинаю волноваться, Ив. Ал. подсказал мне для ссылки печати мудрую формулировку.

Ив. Ал. любил пошутить. Юмор его был оригинален. В Ин-те Истории я начала работать над изданием „Письма и бумаги Петра Вел.". Яркая фигура преобразователя очень меня увлекала. Как-то Ив. Ал. совершенно серьезно сказал мне: „Елена Петровна, я давно наблюдаю, как Вы увлечены одним молодым человеком, — ну, не очень молодым, лет 35-ти — 36, да, для Вас он молод“. Я догадалась, что речь шла о Петре I (я работала над 1708 г., в этом году

Петру действительно было 36 лет), но схитрила, будто мне невдомек, о ком шла речь, и выслушала блестящую характеристику своего героя, в котором гениальность переплеталась с деспотизмом. Думаю, что Ив. Ал. хотел предостеречь меня от некритического отношения к Петру I.

Другой раз он коварно спросил меня, сколько секретарей было у Петра Вел. Знакома ли я с ними и хорошо ли разбираю их руку. И в этот раз он, конечно, дружески указывал на необходимость детального изучения источника.

Я очень любила слушать выступления Ив. Ал. на заседаниях. Встанет, чуточку одернет себя, заложит руку за борт своего скромного костюма, не спеша выйдет... а чаще откуда-нибудь из задних рядов, стоя, заговорит тихо, без пафоса, без ораторских украшений, вроде бы бесхитростно, а окажется, что такой орешек разгрызет... Мысль его была всегда своеобразна, оригинальна; поэтому и речь не нуждалась в украшениях, она блистала сама по себе, в чистом виде. Такая высшая красота ума, которая именуется мудростью.

Не только интеллектуальная сила привлекала к Ив. Ал-чу. Он не придавал значения внешности. Но столько достоинства было в его внешнем облике — думаю потому, что в нем таились — не только светлый гениальный ум, но духовная моральная частота, духовная сила. Слушая его, беседуя с ним, мне казалось, что он знает какую-то высшую правду. Думаю, что сочетание мудрости и моральной силы давало это ощущение. Вероятно, все, кто знал Ив. Ал-ча, согласятся, что было большим счастьем встретить на своем пути Ив. Ал-ча — большого ученого и большого человека, в котором сочетались такие нужные для человека и ученого качества: оригинальный ум, трудолюбие, громадная трудоспособность и моральная чистота.

Прошло два года после смерти Ив. Ал-ча, но расстояние между нами не увеличилось, может быть, наоборот — Ив. Ал. стал еще ближе, еще роднее. Ощущение это можно сравнить с тем состоянием, которое появляется, когда рассматриваешь произведение искусства, живопись. Если хочешь охватить всю картину целиком, надо отступить назад, чтоб охватить все и увидеть картину в неувядаемой прелести. Вот и мы на расстоянии 700 дней увидели Ив. Ал-ча во весь рост — большого ученого и чудесного человека. 27 декабря 1968 г.»¹⁶.

Далее рассказ пойдет о Елене Ивановне Самгиной-Голубцовой. Ее дочь, Татьяна Юрьевна Должанская, написала воспоминания, отрывки из которых я привожу: «До 4 класса Ленушку учат дома. Кто? Конечно, мама. Приходит с ней заниматься и „тётя“ Ольга Константиновна („великая учительница“, сестра дедушки), стар-

шая сестренка ей читает. Никаких приемов в октябрята и пионеры, естественно. Пошла в только открывшуюся школу № 36 на Метростроевской улице (до и после — Остоженка), сразу в 4 класс. Мамочка — способная ученица, хорошо дается литература, математика, история... Но 22 июня молодость прерывается выступлением Молотова! Начинаются сводки Совинформбюро, бомбёжки Москвы... Несколько девочек и Наташа идут в медсанбаты. Остальных и маму собирают в бригады на трудовой фронт, для рытья окопов под Москвой. Осень, девочки и женщины в платьях, пальтишках и туфельках, с лопатами, в грязи в любую погоду, кормят здесь же, спят под плащами. И так слабенькая и худенькая, здесь мама заработала туберкулез почек и легких, сопровождавших ее всю жизнь»¹⁷.

В 1942 г. Елена Ивановна окончила городскую среднюю школу для взрослых с отличием и поступила в МГУ. «С ней на курсе — Светлана Сталина, которая на год раньше заканчивает истфак по кафедре всеобщей истории, дипломную работу пишет под руководством профессора Звавича. Весной 1944 года второй курс окончен, но болезни прогрессируют, в Москве голодно, мама бледнеет и худеет с каждым днем. Проездом в Москве близкая бабушкина приятельница (родственница?) с мужем из Грузии. Забирают на несколько месяцев Леночку в Тбилиси (она оформляет академический отпуск). Он военный с высоким чином, паек есть. Тепло, питание и воздух — все идет маме на пользу. Победу мама встречает в Москве. Возобновляется и учеба в Университете. Знакомство с научным руководителем, деканом Истфака М.Н. Тихомировым определяют ее научные интересы на всю жизнь — архивоведение и источниковедение»¹⁸. Она окончила исторический факультет в 1948 г. с отличием, сдал экзамен на звание медсестры запаса. Дипломную работу писала у академика М.Н. Тихомирова. Научный руководитель дипломной работы в отзыве, данным 12 марта 1948 г. высоко оценил исследовательскую способность автора. Его отзыв представляет самостоятельный интерес как явление педагогического подхода к работе студента, так и для характеристики темы, поэтому привожу его полностью: «Отзыв о дипломной работе И.Е. Голубцовой „Чернь и Чернский уезд в первой половине XVII века. Из истории южной оборонной полосы Русского государства“. Дипломная работа И.Е. Голубцовой изучает Чернский уезд в первой половине XVII века. Этот уезд не отличается от других южных уездов России в XVII столетия, поэтому изучение его имеет значение для наших общих суждений о степных окраинах Российского Государства. Нечего и говорить, что свою работу т. Голубцова целиком основывает на архивных данных, без них на-

писать что-либо законченное о Чернском уезде невозможно. Архивный материал использован в работе с большой полнотой и умением, это первая и немаловажная заслуга автора работы. Очень интересно представлен в работе процесс постепенного заселения Чернского уезда. Даже в середине XVII в. уезд был заселен еще очень слабо. Ярко рисуется и сама Чернь первой половины XVII в. — типичный острожек, население которого составляли ратные люди. Поэтому и вывод т. Голубцовой о том, что „город, как ремесленный торговый центр никакого значения не имел“ звучит вполне убедительно. Наиболее важной и ценной частью работы т. Голубцовой является изучение землевладения в Чернском уезде в особенности вопрос о сябринном землевладении. Объяснение терминов „через между“, „через десятину“ сделано очень умело. Т. Голубцова не ограничилась данными писцовых книг и привлекла дополнительные архивные материалы. В целом перед нами небольшое, вполне законченное исследование, которое сделало бы честь любому молодому исследователю. Приложения к тексту сами по себе имеют немалый интерес (карта Чернского у., план города, чертеж владений). На отдельных мелких недостатках я не останавливаюсь, так как о них сказано мной автору дипломной работы. В целом считаю дипломную работу т. Голубцовой очень отрадным явлением, вижу в ней молодого ученого сотрудника со сложившимися научно-исследовательскими навыками и интересами. Поэтому рекомендую ее в аспирантуру. Оценка работы „Отлично“.

Научный руководитель М. Тихомиров. 12 марта 1948 г.»¹⁹.

В отзыве об этой работе, данной доктором исторических наук, профессором Л.В. Черепниным 10 сентября 1948 г. также подчеркивалось научное значение этого исследования: «Работа Е.И. Голубцовой представляет собой небольшую монографию, основанную на тщательной разработке первоисточника и посвященную социально-экономическим отношениям в одном из южных уездов Русского государства XVII в. По своей тематике исследование Е.И. Голубцовой примыкает к известным трудам локального характера Перетятковича, Белоцерковского, Маклашевского и др. Главным источником для исследования Е.И. Голубцовой послужили дозорные, писцовые и переписные книги по Черни и Чернскому уезду первой половины XVII в. Используются также отказные книги и актовый материал. Почти все источники извлечены из архивов и впервые привлечены к изучению.

Автор дает очень хороший историко-географический очерк Чернского уезда, сопровождая свое изложение отчетливо составленной картой. Затем следует описание внешнего вида г. Черни

(в приложении дан план города) и анализ социального состава населения. Большая часть работы посвящена истории земельных отношений в пределах Чернского уезда. Соответствующая глава построена очень четко. Рассмотрены все основные вопросы категории землевладельцев, формы землевладения, формы борьбы за землю, сельское хозяйство, концентрация земель и рабочих рук и создание крупных хозяйств, виды зависимого населения и способы их эксплуатации.

Основными достоинствами работы Е.И. Голубцовой являются:

1) Привлечение нового, не опубликованного и не подвергнутого до сих пор исследованию архивного материала.

2) Умелое применение различных приемов источниковедческого анализа привлеченного к исследованию материала (детальная разработка статистических таблиц, анализ терминологии, сопоставление писцовых книг и столбцов, ретроспективное изучение более позднего материала для воссоздания явлений).

3) Четкий классовый анализ при решении вопросов при распределении земельной собственности, характера взаимоотношений в пределах феодально-крепостной деревни и т. д.

4) Динамический подход к явлениям, стремление изучить явления социально-экономической жизни в их развитии и вскрыть причины их изменений.

5) Хорошее литературное оформление работы.

В целом работа Е.И. Голубцовой представляет собой исследование, имеющее, несомненно, научное значение. Автор является сложившимся научным работником, с выводами которого придется считаться тем, кто будет в дальнейшем заниматься той же проблемой. ...Оценив работу т. Голубцовой в целом, вполне присоединяюсь к мнению проф. М.Н. Тихомирова, что она заслуживает быть признанной выполненной на „Отлично“. Автор же достоин выдвижения в аспирантуру. Л. Черепнин. 10.09.48»²⁰.

Но Елена Ивановна не была принята в аспирантуру, ей была выдана отписка — «Справка. Выдана Голубцовой Е.И. в том, что она по окончании Московского Государственного университета была откомандирована в распоряжение Академии наук СССР, но не принята в аспирантуру Института Истории АН СССР за отсутствием вакансий. Зав. Отделом Аспирантуры Ин-та Истории АН СССР А.А. Новосельский»²¹.

Статья Е.И. Самгиной по материалам диплома была опубликована в Археографическом ежегоднике только в 1967 г.

В августе 1948 г. М.Н. Тихомиров написал характеристику на Е.И. Голубцову с рекомендацией для работы в рукописном отделе

Рис. 3. Академик М.Н. Тихомиров в читальном зале РГАДА в кругу учеников. Стоят слева: Л.В. Авдиевская, Е.И. Голубцова, С.О. Шмидт. Фотография 1948 г.

Ленинской публичной библиотеки и она и была принята²². О работе в Отделе рукописей ее дочь пишет: «Дружный и сплоченный общий идеей, общими задачами коллектив, возглавляемый П.А. Зайончковским, встречает мамочку, окружает заботой и любовью. Поучают, не без этого. Здесь мама продолжила свое становление как ученого-исследователя под руководством сначала П.А. Зайончковского, потом С.В. Житомирской, старших коллег, Е.Н. Коншиной, Я.Н. Щапова и других. Она сразу же включилась в исследование рукописей, изучала методы их хранения и описания, участвовала в создании указателей. Петр Андреевич, символом веры которого были, конечно, первоисточники, приучал к этому своих молодых коллег, воспитывал уважение к подлиннику»²³ (рис. 3).

Но работа в Отделе рукописей была омрачена тяжелой болезнью Елены Ивановны. В 1949 г. у нее был обнаружен туберкулез левой почки и правого легкого. В мае ей сделали операцию (удалили почку и одно легкое) и пролечили стрептомицином, в приобретении которого помогли М.Н. Тихомиров и С.И. Вавилов.

Работая в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, она стала видным специалистом-источниковедом,

знатоком архивных материалов XVII—XVIII вв., особенно эпохи Петра I, автором статей и публикаций различных документальных памятников отечественной истории. За десять лет работы в Отделе рукописей ею было опубликовано семь статей.

«Публикации Самгиной Е.И. (Голубцовой Е.И.) во время работы в Отделе рукописей ГБЛ СССР.

I. Обзоры архивных фондов: 1. Голубцова Е.И., Ошанина Е.Н. Коллекция Общества истории и древностей российских // Записки Отдела рукописей. М., 1952. Вып. 13. С. 3—29.

2. Голубцова Е.И. Архив Волынских // Записки Отдела рукописей. М., 1952. Вып. 13. С. 30—42.

3. Голубцова Е.И. Коллекция актов Шибанова // Записки Отдела рукописей. М., 1954. Вып. 16. С. 5—16.

II. Публикации текстов: 4. Голубцова Е.И. Письма Петра I П.И. Яковлеву (из музейного собрания). // Записки Отдела рукописей М., 1952. Вып. 13. С. 123—146.

III. Новые поступления: 5. Кудрявцев И.М., Голубцова Е.И., Федорова В.М. Рукописи, поступившие в 1948, 1949 годах // Записки Отдела рукописей. М., 1951. Вып. 12. С. 97—148.

6. Кудрявцев И.М., Голубцова Е.И., Житомирская С.В., Федорова В.М., Шаркова М.Б. и Швабе Н.К. Рукописи, поступившие в 1951 г. // Записки Отдела рукописей. М., 1952. Вып. 14. С. 85—127.

7. Кудрявцев И.М., Голубцова Е.И., Макова К.А., Щапов Я.Н. Рукописи, поступившие в 1952 г. // Записки Отдела рукописей. М., 1953. Вып. 15. С. 125—144»²⁴.

В 1955 г. Елена Ивановна вышла замуж за Юрия Сергеевича Самгина. У них родились две дочери — Татьяна и Людмила, а в 1958 г. она, оставив дочерей на маму и сестру, уехала к мужу на Север работать в Южно-Якутской комплексной геологоразведочной экспедиции. Проживая в поселках Чульман, Налды и Нюренгри, трудилась рабочей

Рис. 4. Е.И. Самгина в Нюренгри. Якутия. Фотография 1959 г.

Рис. 5. Е.И. Самгина в Нюренгри. Якутия. Фотография 1960 г.

на буровой, потом заведующей клубом в геологическом поселке Налды, показывала фильмы, вела кружки самодеятельности, проводила беседы с рабочими (рис. 4, 5).

В 1960 г. они вернулись в Москву, и уже в июле Елена Ивановна была принята в отдел письменных источников ГИМ, сразу же включилась в большую трудоемкую работу по составлению «Путеводителя по фондам личного происхождения ОПИ ГИМ» (М., 1967).

Об этом времени ее дочь пишет: «Работой мамочка была увлечена, такая же, как у бабушки, великолепная работоспособность и педантичность (в архивоведении по-другому и невозможно). Разбирала архивные документы, челобитные (она свободно читала старорусские тексты, знала польский язык)... Ежедневный скрупулезный архивоведческий труд. Он вознаграждается открытиями новых фактов, имен и событий в истории. И это для мамы и ее коллег — самое главное!»²⁵.

Работая в отделе письменных источников, Елена Ивановна познакомилась с Александром Исаевичем Солженицыным и помогла ему в сборе материалов для его книги «Красное колесо». Ее старшая дочь была свидетелем этого события и так описывает его в своих воспоминаниях: «В конце 60-х гг. Александр Исаевич Солженицын начал подбирать материалы к роману „Красное колесо“. Думаю, что Петр Андреевич Зайончковский рассказал Солженицыну о семье участника Германской войны и плена, познакомил с мамой. Александр Исаевич спросил о материалах, и мама свела его со своим дядюшкой Игорем Смысловским, у которого были материалы отца — полковника Алексея Константиновича Смыловского, участника Империалистической войны в составе Сам-

соновской армии и печально известных боёв в августе 1914 года. Общение происходило через Лидию Корнеевну Чуковскую (м. б., и через её дочь Елену Цезаревну). Я, 13—14-летняя, хорошо помню осторожный шёпот среди домашних при обсуждении звонков мамы из телефона-автомата Лидии Корнеевны»²⁶.

«Невидимки» А.И. Солженицына. *«Так называет сам писатель широкий круг людей, которые помогли ему собирать материал, перепечатывать, прятать, хранить, распространять и позже перевозить на Запад его прозу и публиковать с начала 1950-х годов до конца марта 1974 года, когда семья выехала к нему из Москвы в ссылку за границу. Сюда относились и сами очевидцы событий, поставщики выписок из редких книг, сотрудников архивов. Опубликовать список своих „невидимок“ автор смог только в конце 1991 года. В первых была ссылка на „Перечень 227 имён“ без уточнения фамилий. Со временем список этот видоизменился и вырос до 257 человек. Под 30-м номером в этом списке – Зайончковский Пётр Андреевич»²⁷.*

«Из дневника Елены Цезаревны Чуковской (по „Каждый шаг своего пространства я отвоевывал“) (она в „Невидимках“ под номером 110, по алфавиту); „С конца 60-х годов Солженицын вплотную начал работать над „Красным Колесом“. Вот некоторые мои записи об этой работе:

Декабрь 1967 г. *Говорили о работе. Что хорошо идет VI и VII часть «Архипелага», а задуманный роман – плохо.*

18/VI 69 г. *...с грустью, говорил, что сейчас тяжелое время жизни, не знает, кто кого переделает – он свой роман или его... Говорит, что главы сами вдруг делятся, или вдруг чувствуется потребность включить новое лицо. Но опять повторил, что главы семейно-бытовые писал с каким-то равнодушием, а Самсоновские пошли лучше. Ему ничего не интересно, кроме как говорить и думать о романе, а говорить не с кем (кроме как с несколькими помощниками).*

24 сентября 70 г. *В работе над „Августом“ большую помощь оказали наши крупнейшие историки, например, Пётр Андреевич Зайончковский (одно время руководил Рукописным отделом Ленинской библиотеки, был деканом Исторического факультета МГУ), он привлек для консультаций своих учеников, сотрудников по выходящим тогда сборникам „История дореволюционной России“. Хотя в эти годы сам Солженицын не имел доступа к архивам и библиотекам – для него подбирали книги, делали выписки из архивов многие специалисты. Культурный круг Москвы, Ленинграда, других городов помогал его работе как мог. К нему стекались и личные архивы. Так вышел на Смысловского...*

«Так мой прадед, его братья и прабабушка Елена Николаевна стали героями известной литературно-исторической эпопеи. Где-то в Интернете встретила реплику, что кто-то привел А.И. Солженицына к моей бабушке — Татьяне Алексеевне. Не кто-то, а Петр Андреевич свел Солженицына с мамой, а она познакомила будущего автора «Красного колеса» со своей необыкновенной семьей»²⁸.

В 1968 г. Татьяна Алексеевна Голубцова (урожд. Смысловская) передала фонд И.А. Голубцова в Исторический музей, в котором находились и материалы Смысловских.

В Историческом музее Елена Ивановна продолжала основные темы своих исследований. Ее творческие интересы были связаны со всесторонним изучением, описанием, хранением и сбором документальных памятников и их публикаций. За свою многолетнюю и плодотворную работу в ОПИ она составила научное описание 12 фондов и коллекций материалов XVII—XX вв. В том числе сложные по составу и содержанию: Салтыковых (№ 502), Шаховских-Глебовых-Стрешневых (№ 47), Алябьевых-Нееловых-Шушериных (№ 187), Рогожиных Н.П. и В.Н. (№ 48), Пальчикова Ф.П. (№ 376), Окунева Г.А. (№ 509), Квашненных-Самариных (№ 253), Воронцовых (№ 60), Голубцова И.А. (№ 504). Также были изучены коллекции документов XX в., собранные историко-бытовыми экспедициями ГИМ в разные годы: Белорусская экспедиция (№ 86), Западно-Сибирская (№ 475) и Восточно-Сибирская (№ 476). Результаты этих больших работ — описи — доступны в читальном зале ОПИ ГИМ.

Еще Елена Ивановна подготовила ряд статей и обзоров, принимала участие в коллективных работах по публикации исторических источников.

Всего у Е.И. Самгиной 17 научных работ. Она принимала участие в четырех больших коллективных работах ОПИ ГИМ: «Путеводитель по фондам личного происхождения ОПИ ГИМ» (М., 1967), «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России» (М., 1973) и «Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н.Н. Муравьеву-Карскому» (М., 1975. Т. 1). Уже после ее смерти, в 1994 г. вышла в свет публикация крестьянских челобитных. В выявлении, копировании и комментировании материала Елена Ивановна принимала активное участие, но почему-то ее фамилии не оказалось в составителях²⁹.

Первое исследование Е.И. Самгиной, опубликованное во время работы в ОПИ, связано с ее дипломом и называется «Служилое землевладение и землепользование в Чернском уезде в первой половине XVII в.»³⁰. Также в ее архиве хранится неопубликован-

ная работа о белопольских казаках XVII в. Это большое многолетнее исследование в двух вариантах: «Крестьянско-казацкое восстание на юге России 1696—1697 гг.» и «К истории классовой борьбы на юге России в конце XVII — начале XVIII в.» Е. Самгина исследовала «Розыскное белопольское дело 1688—1701 гг.» Этот источник, как считает автор, дает развернутую картину событий крестьянско-казацких восстаний в районе Белополья-Путивля в конце XVII — начале XVIII в. В нем содержатся новые доказательства непрерывной борьбы зависимых людей, выступавших против крепостничества, показывается широта охвата этими выступлениями территории Российского государства. Для исследования были привлечены и фонды ЦГАДА — Поместного и Разрядного приказов Путивльской и Рыльской приказных изб; фонды ЦГИА — Белгородской и Сумской приказных изб, сумских полковников Кандратьевых; коллекция документов по истории Путивля. Подробный источник дал возможность автору воссоздать полную картину народного восстания, меры правительства по подавлению его (карательная экспедиция воеводы С.Т. Клокачева) и последствия народного бунта.

Самгина сделала выводы, что заселение новых районов, их колонизация создали условия для территориального расширения классовых противоречий. Непрерывность народных волнений на протяжении второй половины XVII — начала XVIII в., массовое участие в волнениях крестьян, казаков и пришлых людей в борьбе против помещиков-феодалов объясняется общими интересами. Наличие коллективных и отдельных челобитных свидетельствует о попытках крестьян и казаков решить классовые противоречия мирным путем с привлечением законных властей, однако бездействие властей приводит к попытке решить эту проблему вооруженным путем. Материалы исследования позволили Елене Ивановне составить полный список крестьян и казаков, участвовавших в восстании, хронологически воссоздать ход восстания, назвать его руководителей: белопольского сотника Степана Федорова, ворожбенского сотника Степана Васильевича Куколя. Приложения к основному исследованию включают: список воевод г. Белополья (ранее не известных); списки сел и деревень Белопольского и Путивльского уездов, участвующих в восстании. На основании имеющихся сведений о времени постройки, размещения сел и деревень Елене Ивановне удалось воссоздать карту Путивльского и Белосельского уездов.

В статье «Обзор фонда Салтыковых в ГИМ»³¹ Елена Ивановна вводит в научный оборот новые материалы родового архива сати-

рика XIX в. М.Е. Салтыкова-Щедрина, благодаря чему прослеживаются служебные биографии трех поколений Салтыковых, их участие во многих событиях внешней и внутренней жизни России XVII в.

Работая над фондом русского судостроителя Г.А. Окунева, Елена Ивановна написала статью «Письма корабельному мастеру Гаврилу Окуневу»³². Это письма к Окуневу и Петру I кабинет-секретаря А.В. Макарова, полномочного посла во Франции князя Б.И. Куракина, командора Кронштадтского порта Томаса Гордона во время пребывания Г.А. Окунева во Франции на постройке кораблей (1723—1725, 1735 гг.).

В 1971 г. Министерству культуры РСФСР поступило предложение от коллекционера Л.Л. Гринберга (Франция) о продаже 135 писем 1704—1717 гг. царевича Алексея Петровича. Министерство обратилось в Государственный исторический музей, где решением вопроса занялась Елена Ивановна Самгина. Из присланных фотокопий следовало, что эти документы представляют большую ценность для исторической науки, в особенности письма А.Д. Меншикову, ранее не публиковавшиеся. Затем и. о. директора ГИМ В.М. Раушенбах написала заключение министру культуры Н.А. Кузнецову о предложенных музею письмах. В результате чего была создана экспертная комиссия под председательством В.М. Раушенбах, в составе М.В. Щепкиной (зав. отделом рукописей ГИМ, д. ист. наук), Л.М. Костюхиной (ст. науч. сотр. отдела рукописей ГИМ, канд. ист. наук), Е.И. Самгиной (науч. сотр. ОПИ ГИМ), Е.П. Подъяпольской (ст. науч. сотр. Института истории СССР, д-ра ист. наук), Т.С. Ивановой (нач. Отдела научно-справочного аппарата ЦГАДА), Е.Н. Ошаниной (главного библиотекаря Отдела рукописей ГБ СССР им. В.И. Ленина, канд. ист. наук), Ю.Н. Гренберга (зав. отделом ЦГЛ, канд. искусствоведения) и составлен акт от 8 декабря 1972 г. В акте было зафиксировано: «предъявленные комиссии переплетенные в один том с надписью «книг-хран-графа Строганова» 134 письма царевича Алексея Петровича (в том числе 4 письма Петру I, 117 — А.Д. Меншикову, 13 — жене А.Д. Меншикова Дарье Михайловне) и одно письмо 1712 года подполковника Загряжского А.Д. Меншикову признаны подлинными на основании соответствия фактуры бумаги писем периоду конца XVII начала XVIII века, имеющих водяных знаков... идентичности почерка писем известным в науке автографам царевича Алексея Петровича. Содержание писем соответствует фактам жизни и деятельности царевича Алексея Петровича за 1704—1713 гг.»³³. С коллекционером Гринбергом расплатились в Париже по договоренности с директором Всесоюзной конторы

«Новоэкспорт» А.Е. Ерохиным. Таким образом письма царевича Алексея Петровича оказались в ОПИ ГИМ, в хранении у Е.И. Самгиной. Сначала письма были прочитаны, потом скопированы и началось кропотливое их изучение, но работа была приостановлена в связи со сверкой в отделе. Статья «Письма царевича Алексея (Новые поступления Государственного исторического музея)»³⁴ была написана и опубликована только в 1986 г.

«В августе 1977 года папа и мама познакомились и подружились с директором Пушкинского заповедника — Семеном Степановичем Гейченко, дружба с ним и его супругой Любовью Джелаловной продлилась более 15 лет. Ежегодно участвовали в июньских Пушкинских праздниках в Пушкинских горах, папа печатается там. Свой музейный и архивный опыт мама также передавала тамошним пушкиноведам. Милая Любовь Джелаловна рассказала маме, как в Тбилисском госпитале в конце войны познакомилась с вернувшимся с фронта 40-летним Семеном, практически калеккой. Любила его, без руки и в ноге пуля на всю жизнь; а за плечами у него любимая работа в Петергофе, от которой оторвал арест, семья, двое детей, лагерь, штафбат, два ранения. Как поехала из солнечного города за ним в холодный Псковский край. Вряд ли она понимала, кто такой Пушкин для России и для ее жениха. Поселились в немецкой землянке, это был их медовый месяц, который продолжался почти полвека. В июне 1989 года на Праздник Пушкина мама с папой опять в Пушкиногорье»³⁵.

Е.И. Самгина проявила себя и как педагог. Она уделяла большое внимание воспитанию молодых ученых в ОПИ и музее в целом, передавая им свои богатые знания. Почти 10 лет, с 1965 по 1974 г., она читала лекции по архивоведению на истфаке МГУ, которые сохранились в ее фонде. А с 1975 по 1980 г. руководила кружком для старшеклассников по теме «Источниковедение истории СССР». Она вела большую работу по выявлению документальных материалов для выставок и экспозиций Государственного исторического музея, особенно по XVII—XVIII вв. Выйдя на пенсию, Елена Ивановна продолжала активную творческую деятельность, поддерживая постоянные связи с Историческим музеем.

В феврале 1980 г. Елена Ивановна ушла на пенсию. Из воспоминаний ее дочери: «Выйдя на пенсию, мама стала реже приезжать в Музей, но научная работа продолжается... Мама начинает обрабатывать архив своего отца И.А. Голубцова, хранящийся в ОПИ. Такое впечатление, что она давно это задумала, но времени не хватало»³⁶. Большая кропотливая работа, в которой ей помогала автор этой статьи, окончилась в 1984 г. составлением описи. А статья

«Фонд И.А. Голубцова в ОПИ ГИМ»³⁷, написанная Еленой Ивановной, была опубликована в 1987 г.

В 1980-х гг. началась работа над темой «История музейного дела в СССР», к которой была привлечена и Елена Ивановна. Она, имея большой опыт, консультировала многих сотрудников других музеев. Это стало долгим совместным трудом музейного сообщества. Вышли статьи, посвященные музейному строительству, экспозиционно-выставочной и фондовой работе музеев.

Я считаю Елену Ивановну Самгину своим учителем и наставником. Она открыла мне тонкости источниковедения, архивоведения и палеографии. Знакомство с Еленой Ивановной состоялось в 1972 г., когда я работала секретарем директора ГИМ, а она замещала ученого секретаря. После этого Елена Ивановна рекомендовала меня на должность лаборанта в ОПИ. И хотя Елена Ивановна не была заведующей, без ее компетентного мнения ни один серьезный вопрос в отделе не решался, и все сотрудники по научным вопросам, описанию фондов и прочему советовались именно с ней. Она была крупным ученым, ответственным работником, исключительно скромным, чутким, мужественным, интеллигентным и отзывчивым человеком, пользовавшимся большим уважением всех тех, кому довелось работать с ней.

Работы Елены Ивановны Самгиной внесли несомненный вклад в историческую науку, она впервые ввела в научный оборот большое количество новых источников XVII в. и эпохи Петра I, описанных и изданных ею в период службы в отделе письменных источников ГИМ.

¹ Черепнин Л.В. И.А. Голубцов — ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 184—191.

² Щапов Я.Н. Иван Александрович Голубцов (1887—1966) // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 439—444.

³ Валк С.Н. Иван Александрович Голубцов (1887—1966) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. С. 308—312.

⁴ Самгина Е.И. Фонд И.А. Голубцова в отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Археологический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 229—235.

⁵ Ф. 504. Оп. 2. Ед. хр. 388. Л. 14об.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Ед. хр. 390. Л. 1—4, 9.

⁸ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 38.

⁹ Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 440.

¹⁰ Черепнин Л.В. И.А. Голубцов — ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 190.

¹¹ Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 55—57, 61.

- 12 Там же. Л. 1.
- 13 Там же. Л. 62.
- 14 Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 189.
- 15 Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.А. Хорошкевич. М., 2015. С. 67—70.
- 16 Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 39—41.
- 17 Должанская Т.Ю. Воспоминания. Л. 8. Собственность Т.Ю. Должанской.
- 18 Там же. Л. 8.
- 19 Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 150.
- 20 Там же. Л. 151—153.
- 21 Там же. Оп. 2. Ед. хр. 450. Л. 13.
- 22 Там же. Л. 15.
- 23 Должанская Т.Ю. Воспоминания. Л. 12.
- 24 Данные взяты из библиографии Галины Федоровны Сафроновой «Фонды и деятельность Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина 1836—1962 годы». См.: Записки Отдела рукописей. М., 1962. Вып. 25. С. 487—520 и Ф. 504. Оп. 2. Ед. хр. 450. Л. 49.
- 25 Должанская Т.Ю. Воспоминания. Л. 28.
- 26 Там же. Л. 31.
- 27 *Чуковская Е.Ц.* Каждый шаг своего пространства я отвоевывал // «Вестник русского христианского движения». 2010. № 197. С. 215—235.
- 28 Должанская Т.Ю. Воспоминания. Л. 31—32.
- 29 Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994.
- 30 Новое в прошлом нашей страны. [Сборник статей]. Памяти акад. М.Н. Тихомирова». М., 1967.
- 31 Археологический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 294—299. Фонд Салтыковых представляет собой родовой архив известного сатирика XIX в. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Материалы фонда находятся в нескольких архивохранилищах, в отделе письменных источников ГИМ большей частью собраны документы Салтыковых XVII в.
- 32 На рубеже двух веков. Из истории преобразований петровского времени. Труды ГИМ. Вып. 47. М., 1968.
- 33 Ф. 504. Оп. 2. Ед. хр. 462. Л. 2.
- 34 Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 158—159.
- 35 Должанская Т.Ю. Воспоминания. Л. 35.
- 36 Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. Л. 229—236.
- 37 Должанская Т.Ю. Воспоминания. Л. 36.

О.В. Доронина

Всенародный колхозный университет:
материалы Всесоюзной сельско-
хозяйственной выставки 1939—1941 годов
в собрании Исторического музея

1 августа 1939 г. газета «Правда» вышла под заголовком «Сегодня открывается Всесоюзная сельскохозяйственная выставка». «Социалистическое сельское хозяйство, основанное на коллективном труде, вооруженное мощными машинами и передовой революционной агрономической наукой, празднует сегодня свои великие победы»¹. В этих словах директора ВСХВ академика Н.В. Цицина отразились все составляющие нового выставочного проекта: коллективный труд, техническая модернизация и достижения науки, что в совокупности должно было дать стимул развитию сельского хозяйства. Выставка, открывшаяся в период воплощения Генерального плана развития Москвы, стала уникальным явлением среди таких грандиозных строек этого времени, как Московский метрополитен и канал Москва — Волга. Реализация подобного проекта — часть международного процесса: страны накапливали индустриальный потенциал и представляли новшества на крупных выставочных площадках (достаточно вспомнить всемирные выставки 1930-х гг.). В Москве акцент был сделан на пропаганду достижений социалистического сельского хозяйства, призванных улучшить жизнь как сельского, так и городского населения страны. Путь от идеи до открытия растянулся на несколько лет и оказался довольно тернист (выбор территории, исправление архитектурного проекта, перенос сроков открытия, смещение с руководящих постов, аресты членов выставкома...). И все же 1 августа 1939 г. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка стала реальностью. Открытие проходило необычайно красочно и торжественно. Среди гостей мероприятия находились депутаты ВС СССР и РСФСР, члены ЦК ВКПб, народные комиссары, деятели науки, культуры, искусства, делегации районов Москвы, сельские труженики со всех концов страны, представители дипломатического корпуса и иностранные журналисты. Гости любовались «ар-

хитектурным оформлением зданий и подолгу стояли у чудесных экспонатов, представляющих изобилие советской земли»². В репортаже журналистов Л.А. Железнова и Л.К. Бронтмана упомянут необычный эпизод церемонии открытия— «поднявшаяся ввысь целая стая небольших аэростатов, остроумно сделанных в виде морковки, тыквы, луковицы...»³.

Что же предлагал этот выставочный комплекс, расположившийся на 136 гектарах северо-восточной части города. Москвичи и гости столицы (среди которых было много колхозных экскурсий) могли познакомиться с достижениями социалистического сельского хозяйства, которые демонстрировались в 145 из 230 строений и павильонов выставки, увидеть передовиков и знатных людей. По специальным и наиболее актуальным вопросам сельского хозяйства на выставке читали лекции академики Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко, Д.Н. Прянишников, Е.Ф. Лискун, Н.В. Цицин и другие ученые. Стахановцы — мастера высоких урожаев А.И. Оськин, К.А. Борин, П.И. Ковардак, М.Е. Ефремов, М.С. Демченко — рассказывали о своих методах работы. Консультации по различным отраслям сельского хозяйства можно было получить на территории раздела «Новое в деревне» (здесь же работали кинопередвижки, демонстрирующие фильмы на научно-технические и сельскохозяйственные темы). Работали экскурсии. Для дополнительной информации можно было приобрести специализированную литературу. У выставки были свои газета и радио. Посетителям предлагалась разнообразная сувенирная продукция. 16 справочных бюро Мосгорсправки сообщали не только сведения о выставке (бесплатная услуга), но и давали справки по городу. Здесь, не выезжая из Москвы, можно было познакомиться с природой, архитектурой и национальным искусством всего Советского Союза. Для посетителей работали парковая зона с разнообразными аттракционами, кафе, рестораны, чайная-столовая, чайхана, выносные буфеты, киоски, магазины, кинотеатры, цирк. В Зеленом театре «колхозно-совхозные коллективы показывали художественную самодеятельность, давал постановки Московский театр оперетты, выступал хор Пятницкого, джаз Л. Утёсова и др.»⁴. Можно было воспользоваться услугами коммутаторной телефонной станции емкостью в 700 номеров, обслуживающей всю выставку, и пунктом междугородней телефонной станции, дающим возможность вести переговоры со всеми пунктами Союза. 40 телефонов-автоматов были расположены в разных частях выставки. Открыты телеграфное агентство, два почтовых отделения, сберкасса, мастерские для ремонта

обуви и одежды, амбулатория и пункт экстренной помощи. Выставка сияла чистотой, была асфальтирована (тогда большую часть московских дорог еще делали из щебенки, покрытой брусчаткой) и хорошо освещена. «Мощность электроэнергии, обслуживающей выставку, доведена до 13000 квт, что приблизительно составляет полную мощность электростанции Свердловска»⁵. Большие работы были проведены по озеленению территории. «Помимо экспонатных растений, на клумбах и газонах выставки было высажено 400 тыс. корней многолетних и летних цветов, 1300 кустарников, 3600 молодых тополей, 350 елей, лип и рябин. У главного входа радовали глаз 9 тыс. кустов роз»⁶. Для посетителей были введены дополнительные маршруты общественного транспорта и расширены подъезды ко входам на выставку. «Ярославское шоссе от Крестовского путепровода до поворота к главному входу на выставку, на протяжении 4 км, расширяется до 24—41 м. Произведена перекладка путей трамвая на левую сторону шоссе»⁷. Для проезда на ВСХВ на пригородном участке Ярославской железной дороги назначались дополнительные поезда⁸. Таксомоторное управление Моссовета разработало график движения маршрутных такси⁹. У Главного входа работали кассы паромохода. Семь теплоходов флотилии канала Москва — Волга могли «ежедневно обслуживать до 5 тысяч посетителей выставки»¹⁰. «В 1939 г. посещаемость выставки доходила до 60—70 тыс. в день. Из этого количества около 35 тыс. человек составляли организованные посетители, приглашенные Выставочным комитетом. Эта часть посетителей обслуживалась специальным транспортом, не входившим в состав городских маршрутов». Активно посещали выставку и в 1940 г. «в день до 35—40 тыс. человек. В отдельные дни количество посетителей достигало 80—100 тыс. человек»¹¹.

До войны выставка работала для посетителей только в летний сезон и открывалась трижды: 1 августа 1939 г., 15 мая 1940 г. и 25 мая 1941 г. Она не была статичной: одни павильоны создавались, другие закрывались, третьи переделывались. Менялся состав участников, появлялись новые экспонаты. В июле 1941 г. выставку закрыли. Экспонаты были эвакуированы, а павильоны законсервированы или использовались для нужд военного времени.

По прошествии уже более 80 лет с этих событий интересно посмотреть какими экспонатами, рассказывающими о ВСХВ, располагают фонды музея. Ограничимся в данной работе довоенным временем работы выставки. Документальные и вещевые материалы данного периода поступали в ГИМ как дары частных лиц и организаций; в составе личных комплексов, собранных истори-

ко-бытовыми экспедициями 1960-х — начала 1990-х гг.; были приобретены музеем; поступили с таможни (как таможенный конфискат) или в результате межбиблиотечного обмена. В 1960-е гг. отдел экспонатов ВДНХ передал в Исторический музей экспонаты национальных и региональных павильонов выставки, в том числе и довоенного периода. Однако, после экспонирования на временных выставках часть их была возвращена. Материалы по данной теме можно сгруппировать следующим образом: 1. Полиграфическая продукция; 2. Материалы сотрудников выставки; 3. Материалы участников ВСХВ; 4. Экспонаты ВСХВ; 5. Продукция с логотипом выставки, выпускавшаяся на предприятиях СССР.

В печати 2-й половины 1930-х — начала 1940-х гг. довольно широко обсуждалось строительство и работа выставки. Более полные подборки газет и журналов представлены в ОКФ, отдельные номера — в ОПИ и научно-экспозиционном фонде «Музей В.И. Ленина». Прежде всего стоит упомянуть главную газету страны — «Правду». На ее страницах публиковались законы и постановления, касающиеся выставки, репортажи о церемониях открытия, речи председателя СНК СССР В.М. Молотова, наркома земледелия СССР и председателя Главного выставочного комитета И.А. Бенедиктова, директора выставки Н.В. Цицина. В новых рубриках газеты «На строительстве ВСХВ», «Вчера на выставке», «Первые записи в книге отзывов» можно найти информацию о ходе строительства, об участниках и посетителях выставки, новых экспонатах национальных, региональных и отраслевых павильонов, о лекциях и встречах. Среди публикаций встречаются истории, напоминающие сюжеты фильмов «Свинарка и пастух» И.А. Пырьева и «Светлый путь» Г.В. Александрова. О новой выставке писали «Известия», «Вечерняя Москва» и другие газеты. Так, газета «Московский строитель» в марте 1937 г. рапортует о готовности 90 зональных и отраслевых павильонов, пишет, что «уже проложен водопровод и проведена канализация... На одном из заново восстановленных прудов Пушкинского парка сооружена показательная колхозная гидроэлектростанция», а на одной из фотографий виден закрытый строительными лесами Главный вход ВСХВ¹². В иллюстрированном приложении к «Архитектурной газете» 1937—1939 гг., из архива архитектора М.В. Дьяконова, можно увидеть как реализованные проекты павильонов, так и оставшиеся только в эскизах. Например, Генеральный план ВСХВ В.К. Олтаржевского, проекты павильонов Административного, Главного, «Среднеазиатских республик», «Северного земледелия», Украинской ССР, «Юных натуралистов», «Зерна», «Орошения и осу-

шения», эскиз ресторана «Поплавок» Главпива Нарпищепрома, а также конкурсные проекты павильона «Москвы и Московской области» архитекторов В.Д. Кокорина, А.В. Щусева, Н.Я. Колли, Г.П. Гольца, Г.Н. Емельянова¹³. План-схема ВСХВ 1939 г., изданная иллюстративно-издательским отделом выставки миллионным тиражом, помогала посетителям ориентироваться и находить нужные объекты (поступила с материалами Московской ИБЭ в 1993 г.)¹⁴. В редактировании ее принимал участие зам. главного архитектора ВСХВ А.Ф. Жуков. Он же автор книги «Архитектура Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 года».

Журналы посвящали сельскохозяйственной выставке целые рубрики и отдельные статьи. «Искусство» обсуждало архитектурный ансамбль выставки, экспозиционное решение павильонов, работы художников и скульпторов. Рассказы о выставке, ее участниках и их достижениях в «Огоньке» дополняли фоторепортажи В.П. Гребнева, Ю.П. Еремина, Г.Г. Петrusова, в «Нашей стране» — С.Н. Струнникова, А.С. Шайхета, А.В. Скурихина. Очень выразительными получились репортаж М.М. Шкапской о ВСХВ, очерк В.В. Овечкина о непростых трудовых буднях сельских тружеников в журнале «Красная новь» и рассказ о посещении выставки литературного критика Ю.П. Севрука в «Знамени». «Большевистская печать» рассказывала об экспонентах павильона «Печать», а «Большевик» и «Рабоче-крестьянский корреспондент» призывали колхозное крестьянство осваивать и внедрять «агротехнику высоких урожаев». Иллюстрированный новостной журнал «СССР на стройке» в 1939 г. посвятил открытию ВСХВ весь девятый номер. Это издание, пропагандирующее советский образ жизни и достижения СССР, отличалось не только хорошей полиграфией, но и креативным подходом в подаче материала. При минимуме текста он создал яркий и запоминающийся визуальный ряд выставки: широкие площади, нарядные павильоны, передовики-стахановцы, «вооруженные наукой, умеющие воздействовать на природу и подчинять ее», новая техника, типовые постройки раздела «новое в деревне», показывающие как должны жить сельские труженики в современной «культурной деревне», образцы сельской продукции и животные-рекордсмены. В подготовке номера приняли участие Н.Е. Вирта (текст), Г.Г. Петrusов (съемка), А.М. Родченко и В.Ф. Степанова (художественное построение и оформление). Консультировал номер агроном А. Чешков. Фото-монтаж, точно рассчитанное чередование снимков, а также один из излюбленных приемов творческого тандема Родченко и Степановой — кадрирование снимков в геометрические фигуры и со-

здание из них коллажей — придавали рассказу о ВСХВ динамику и актуальность.

Только издательство «Сельхозгиз» выпустило к открытию выставки 58 путеводителей (46 — на русском языке и 12 — на языках других национальностей)¹⁵. В ОКФ ГИМ представлены путеводители: «Масличные культуры» (М., 1940), «Молдавская ССР» (М., 1941), «Лен, конопля и новые лубяные культуры» (М., 1941), «Главный павильон» (М., 1939) и богато иллюстрированное издание путеводителя по выставке 1939 г. под редакцией директора ВСХВ академика Н.В. Цицина, зам. руководителя Агитпропа И.Н. Поспелова и зам. зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКПб А.В. Гриценко. Несколько изданий, в том числе «ВСХВ: путеводитель по территории выставки» (М., 1940), оформленный художником Н.С. Трошиным¹⁶, с красочной обложкой, созданной А. Сахаровым, поступили в ГИМ в 1943 г. из библиотеки московского краеведа и хранителя музея «Старая Москва» П.Н. Миллера. На обложке путеводителя сохранился автограф владельца, размашисто написанный красным карандашом и дата «5.VI.40». Из серии альбомов, посвященных республикам — участникам ВСХВ 1939 г., в ОКФ представлены издания об Узбекской ССР (1940) и Туркменской ССР (1941). Особенно красив узбекский альбом. Переплет, форзац, орнаментация и макет альбома были разработаны выпускником ВХУТЕИНа и Полиграфического института художником-графиком Е.И. Коганом. Получилось органичное издание, украшенное узнаваемыми архитектурными репликами павильона: ажурной ротондой и скульптурами музыкантов. А поэтический текст Эль-Регистана увлекает читателя в мир «нового Узбекистана — союзной республики, раскинувшей свои обширные владения среди пустынь и оазисов далекой Средней Азии», где живут и работают старатели «белого золота», знатоки каракулеводства, «рекордсмены шелководства», знатные виноградари, бахчеводы и т.д.

Для знакомства с опытом лучших работников отрасли, освоения техники и внедрения грамотных агрономических приемов в повседневную работу хозяйств страны, выпускалась специализированная литература. В собрании музея представлены книги из серии «Участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки», «Опыт участников ВСХВ — в массы». Среди авторов и рядовые работники, добившиеся хороших показателей, и руководители хозяйств: доярка «колхоза им. Буденного» А.А. Кулешова, награжденная Большой серебряной медалью ВСХВ; садовод колхоза «Смена» В.Я. Щербаков — обладатель Большой серебряной

Обложка книги А.А. Кулешовой «Наша ферма»
(под ред. акад. Е.Ф. Лискуна. М., 1940)

медали; технический директор Братцевской птицефабрики С.И. Сметнев, также серебряный медалист. Большая часть подобных изданий поступила в музей с материалами сотрудника издательства «Московский рабочий» Д.А. Михайловой. Надо отметить, что подобная литература была широко представлена в павильоне «Печать»: «Под портретами мастеров социалистического сельского хозяйства, добившихся рекордных урожаев зерновых культур, высокой продуктивности животноводства, большой выработки на машинах, расположены брошюры передовиков и лите-

ратура, пропагандирующая их опыт»¹⁷. Такие издания посетитель выставки мог приобрести в 12 стационарных и 30 передвижных киосках по продаже литературы¹⁸.

В отделе ИЗО хранятся номера фотогазет за 1940 г.¹⁹, пропагандирующие достижения участников ВСХВ. Это были газеты-выставки, предназначенные для агитационной работы. Фотогазета приходила на адрес музея заказной бандеролью. На больших конвертах сохранился штамп «Не сгибать». В каждый была вложена схема расположения материалов на щите, а также логотип с названием газеты, цитаты и лозунги, отпечатанные типографским способом, и листы с текстами и фотографиями по определенной теме, выполненные в технике фотомонтажа. Каждый лист имел порядковый номер и логотип издания. Сохранившиеся в музее номера 1940 г. были напечатаны в типографии «Московский большевик». Фотогазета выходила с 1933 г. Ее тираж в 1940 г. составлял более 10 тыс. экз. Материалы для нее готовила «Фотохроника ТАСС», фотослужба которой представляла самостоятельную редакцию, осуществляющую сбор информации, создание фоторепортажей и отдельных фотографий и их распространение. Это была «единственная организация, снабжающая фотоиллюстрациями всю советскую печать»²⁰. В работах фотокорреспондентов Ф.М. Кислова, А.С. Шайхета, А.В. Скурихина, С.М. Гурария, С.Г. Шиманского, М. Озерского, М.В. Альперта, М.Б. Маркова-Гринберга и др. представлены общие планы выставки, фасады, экспозиционные залы и отдельные стенды павильонов, опытные посе́вы, а также передовые хозяйства и участники выставки, добившиеся рекордных урожаев.

Порядка двадцати плакатов, посвященных ВСХВ, входят в состав коллекции плакатов и печатных изданий XX в., подаренных музею в 2018 г. М.П. Геккер. Эта коллекция была собрана еще ее отцом. В ней представлены плакаты Иллюстративно-издательского отдела ВСХВ, отпечатанные в типографиях треста «Полиграфкнига» и издательства «Искусство». Их дополняют плакаты из собрания отдела ИЗО, часть из которых была приобретена музеем, а часть — поступление из таможни. Можно условно разделить их на три группы: 1. Лаконичные шрифтовые со стилизованным орнаментом из колосьев, сельскохозяйственных машин и орудий труда; 2. Фотомонтажные; 3. Рисованные. В собрании ГИМ находятся плакаты, выполненные по эскизам художников В.Б. Корецкого, В.С. Климашина, Е.К. Мельниковой, П.В. Ястржембского, Н.Н. Астафьева, В.М. Ливановой, С.С. Прокопцева, Г.Н. Рычкова, Л.А. Стернберг. Их герои — люди разных националь-

Плакат «Колхозники, работники МТС и совхозов, равняйтесь по передовикам...»
(М.-Л.: Искусство, 1939). Художник В.Б. Корецкий

ностей и возрастов, привыкшие к сельскому труду, твердо стоящие на земле и работающие на благо Родины. Часто это реальные люди. Так, среди персонажей плаката художника В.Б. Корецкого «Колхозники, работники МТС и совхозов, равняйтесь по передовикам...» можно узнать биолога Т.Д. Лысенко, инициатора движения за высокие урожаи М.Е. Ефремова, комбайнера К.А. Борина. На плакатах художники запечатлели самые узнаваемые объекты выставки: эллинг павильона «Механизации», ротонду у павильона Узбекской ССР, полярный самолет павильона «Советская Арктика»,

скульптуру легендарного В.И. Чапаева у павильона «Поволжье», монумент И.В. Сталину работы С.Д. Меркурова и ставшие эмблемой выставки скульптуру «Тракториста и колхозницы» Р.Н. Будилова и А.А. Стрекавина. Плакаты выходили огромными тиражами — от 30 до 100 тыс. экз. Хотя некоторые из плакатов критики 1930-х гг. считали «слабыми» и «сладковато-красивенькими»²¹.

Почтовые карточки с павильонами, монументальными скульптурами, художественными панно, цветами и экспонатами выставки можно было приобрести в многочисленных сувенирных киосках. В отделе ИЗО хранится коллекция фотооткрыток с видами выставки, собранная владельцами в импровизированную книгу. А почтовые карточки в технике фототипии, изданные типографией «Искра революции», сохранили облик площади Механизации с одноименным павильоном и группами посетителей, а также панно «Физкультурный парад в Алма-Ате» из павильона Казахской ССР, выполненное по рисунку А.А. Ритгеха. Иллюстративно-издательское бюро ВСХВ снабдило эти карточки рекламой сберегательных касс выставки. Специально для продажи на ВСХВ издательство «Искусство» тиражом в 20—25 тыс. экземпляров выпустило многокрасочные литографические репродукции картин художников. В музее из этой серии представлены репродукции с картин Н.Б. Терпсихорова «Богатый урожай» и П.И. Котова «Праздник в колхозе».

Интересна подборка фотографий, выпущенная издательством «Интурист» в 1940 г. по работам фоторепортера газеты «Известия» В.В. Микоши. На них запечатлены отдельные павильоны и площади выставки, кафе и опытные поля. Нестандартный подход, необычные ракурсы, внимание к деталям, присутствие в кадре реальных посетителей выставки делают фотографии незаменимым источником информации. Журнал «Огонек» писал: «Сколько пленки израсходовано на показ ВСХВ! Однако немногие фотомастера могут блеснуть высоким качеством произведений на эту тему. Работы В. Микоши, посвященные ВСХВ, композиционно безукоризненны. Поиски формы... стремление преодолеть штамп, склонность к живописности изображения, смелое владение палитрой светотеней, лиризм — таковы основные черты работ В. Микоши»²². На проходившей в 1940 г. в Московском Доме кино выставке фоторепортер представил 120 работ, среди которых были сделанные на ВСХВ²³. Фотографии фондово-экспозиционного отдела «Музей В.И. Ленина» запечатлели площади, павильоны, выступление колхозной самодеятельности и даже живой экспонат выставки — барана породы рамбулье. Их сюжеты типичны для

Павильон «Картофель и овощи» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.
Фотография 1939—1940 гг.

репортерской съемки того времени и, скорее всего, датируются 1939 г. В процессе работы удалось заменить общую фразу «один из павильонов ВСХВ», установив названия павильонов: «Московской, Рязанской и Тульской областей», «Зерно», «Киргизской ССР», «Картофель и овощи», Главный ресторан, «Главхладпром».

Путеводители приглашали посетить «сказочный город, где демонстрируются замечательные достижения социалистического сельского хозяйства»²⁴. Однако материалов по работе с посетителями на ВСХВ в фондах музея практически нет. Только рекламные объявления, статьи в периодике и единичные фотографии (делегация Таджикской ССР и экскурсанты Киргизской ССР) из сборов ИБЭ. В семейном альбоме начальника 2-й конторы Мосстройтреста комсомольца И.Е. Ушакова сохранились фотографии Главного павильона выставки и павильона Таджикской ССР. Как писали в конце 1930-х гг. «посетитель выставки — это, как правило, лучший производитель, авторитетный среди масс, уполномоченный большого коллектива... так сказать ходок за передовым опытом»²⁵.

В отдельную группу можно выделить материалы тех, кто работал на выставке. Прежде всего, это небольшой комплекс документов Я.М. Богомолкина — начальника управления животноводства ВСХВ в 1939—1940 гг., в который входят пропуска, удостоверения, доверенности. В характеристике Я.М. Богомолкина отмечается, что он в «хозяйственной работе проявляет инициативу и настой-

чивость»²⁶. Работа с «живыми» экспонатами выставки действительно требовала хороших организаторских навыков. Масштаб этой работы отражает рапорт Я.М. Богомолкина народному комиссару земледелия И.А. Бенедиктову об отгрузке выставочных животных после окончания сезона 1939 г. «Объем животноводческого хозяйства являлся наибольшим из всех разделов ВСХВ, общее количество животноводческих и подсобных помещений 161, в это число входит 32 павильона, 7 карантинных хозяйств, ветполиклиника, кормозавод, молочный завод, разгрузочно-погрузочная площадка, склады для кормов и инвентаря и изолятор ...К обслуживанию животных было привлечено 82 зоотехника, 75 ветврачей и веттехников и 650 экспонентов — передовиков животноводства»²⁷. Хорошо поставленная работа дала результат весьма актуальный и для наших дней: «за время содержания животных и птицы в карантинных хозяйствах и в павильонах Выставки никаких инфекционных заболеваний не было». Письма директора павильона «Виноградарство и виноделие» Н.П. Коновалова поступили из обменного фонда РГБ им. В.И. Ленина. Адресованы они Выставочному комитету ВСХВ, начальнику плодоовощного управления и правлениям колхозов — участников выставки. Письма датируются январем 1938 г. и отражают работу павильона по подготовке будущей экспозиции и отбору экспонатов, призванных «наглядно показать, что представляло собой виноградарство в царской России, чем оно стало в Советском Союзе, каковы его достижения и успехи»²⁸. Таких писем отправлялось довольно много, поэтому они выполнялись репринтным способом.

В 1981 г. в музей поступил большой фонд архитектора М.В. Дьяконова. В 1938—1939 гг. Михаил Васильевич работал в архитектурной мастерской ВСХВ, и в его фонде сохранилась рабочая документация: пояснительные записки к техническим проектам ряда сооружений выставки 1939 г., среди которых Главный вход, раздел «Новое в деревне», некоторые павильоны; синьки с эскизами фасадов павильонов; протоколы заседаний Совета ВСХВ по рассмотрению проектов Зеленого театра. В фонде есть интересный документ — рукописный список строений ВСХВ (выставочных и торговых павильонов, зданий общепита) с фамилиями архитекторов и названиями архитектурно-конструкторских организаций 1938—1939 гг.²⁹ За «ударную работу по подготовке к открытию Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки» М.В. Дьяконов был премирован 750 руб., о чем сообщает хранящаяся в фонде выписка из постановления главного выставочного комитета ВСХВ от 27 сентября 1939 г.³⁰

В 1976 г. закупочная комиссия музея приобрела эскиз художника Е.В. Ильина «Академик Вильямс беседует с колхозниками». Эскиз был выполнен для живописного панно Главного павильона ВСХВ, где в разделе «травопольная система земледелия» размещались экспонаты, рассказывающие об одном из основоположников агрономического почвоведения В.Р. Вильямсе³¹. На обороте эскиза надпись: «панно для ВСХВ, Вильямс вписан в эскиз с натуры. Автор работал в его кабинете был свидетелем этой беседы»³². Одну из своих книг «Основы земледелия», предназначенную для широкого круга читателей, ученый посвятил участникам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г.

В фондах музея представлены материалы шести участников довоенных выставок: селекционера плодовых культур С.И. Исаева, колхозника-опытника Т.С. Мальцева, ученого и инженера в области гидротехники и мелиорации В.В. Пославского, старшего агронома В.Н. Стоцкого, преподавателя биологии А.Н. Лаврова, зав. отделом и ответственного редактора сельскохозяйственной литературы издательства «Московский рабочий» Д.А. Михайловой. Участие в ВСХВ определялось показателями работы за предыдущие годы. Выдвинутые для представления на выставке ударники труда отчитывались перед своими коллективом, им давалась характеристика с указанием трудовых заслуг. Эти характеристики составлялись в соответствии с инструкцией о порядке заполнения документов на кандидатов в участники ВСХВ³³. В личном комплексе зав. отделом селекции и сортоизучения НИИ пловодства им. И.В. Мичурина С.И. Исаева, поступившем в музей в составе материалов ИБЭ «Судьбы советской интеллигенции», представлена выписка из протокола заседания научного совета НИИ от 16 октября 1940 г. о выдвижении его кандидатом в участники ВСХВ 1941 г.³⁴ С.И. Исаев был участником выставки 1939 г., по итогам которой его наградили Малой серебряной медалью ВСХВ. В постановлении значилось «при его научном руководстве и непосредственном участии установлены стандартные ассортименты плодово-ягодных культур для различных районов РСФСР, разработаны селекционные задания... на основе методики И.В. Мичурина»³⁵. Эта медаль и удостоверение к ней теперь находятся в ГИМ. В материалах С.И. Исаева также представлено письмо из управления пропаганды ВСХВ, приглашающее ученого выступить перед передовиками сельского хозяйства в сентябре 1940 г. с докладом «Мичуринские сорта в различных районах СССР». Для доклада выделялось 45—60 мин. и предполагалось сопроводить короткометражным фильмом. Есть фото

ученого в павильоне «Садоводство». Также представлены фотографии 1930-х гг., рассказывающие о научной деятельности С.И. Исаева.

О работе талантливого ученого-самоучки из Шадринского района (с 1934 по 1943 гг. район входил в состав Челябинской обл.) Т.С. Мальцева рассказывали стенды павильона «Зерно», в павильоне «Сибирь» демонстрировались макеты его хаты-лаборатории и теплицы, а в Главном павильоне зав. агролабораторией колхоза «Заветы Ленина» стал героем живописного панно А.А. Пластова «Т. Мальцев с колхозниками»³⁶. Мальцев занимался сортоиспытанием (в колхозных условиях им было испытано более 1000 сортов пшеницы и 200 сортов зернобобовых культур), размножением лучших сортов, отдаленной гибридизацией и переделкой пшеницы в солевыносливое растение. Благодаря его работе в колхозе появилась точная почвенная карта, правильный севооборот, вводились новые культуры (чина). Практические успехи Т.С. Мальцева превратили колхоз «в одно из интереснейших научных учреждений страны»³⁷. В материалах Курганской ИБЭ 1965 г. представлены фотографии 1930-х гг. Т.С. Мальцева в колхозной хате-лаборатории, на участке экспонатных посевов ВСХВ. На обороте фото, сделанном на выставке, надпись «Т.С. Мальцев на ВСХВ авг. 1939 г.». Удалось восстановить имена стоящих рядом: директор Всесоюзного селекционно-генетического института Т.Д. Лысенко, инициатор движения за рекордные урожаи в Сибири М.Е. Ефремов, звеньевой колхоза «Молодая гвардия» И.Е. Чуманов. Место действия — участок экспонатных посевов при павильоне «Зерно», где выращи-

На участке экспонатных посевов при павильоне «Зерно» (слева направо): неизвестный, Т.С. Мальцев, Т.Д. Лысенко, М.Е. Ефремов, И.Е. Чуманов. Фотография 1939 г.

вали семена, выведенные колхозниками-опытниками. Это была площадка для обмена опытом.

В июне 1939 г. газеты сообщали о начале строительства Большого Ферганского канала (далее — БФК) — одного из крупнейших гидротехнических сооружений третьей пятилетки. А в августе 1939 г. зав. кафедрой гидротехнических сооружений Ташкентского института инженеров ирригации и главный инженер конторы БФК В.В. Пославский стал участником ВСХВ. В его личном комплексе представлено свидетельство о занесении в Книгу почета ВСХВ за успешные разработки проектов гидротехнических сооружений в республиках Средней Азии.

На выставку 1939 г. старший агроном передовой в Таджикистане Кокташской машинно-тракторной станции В.Н. Стоцкий был направлен за высокие показатели в работе. В 1938 г. по Регарскому району он «обеспечил урожайность хлопка в 24 центнера с га»³⁸. В павильоне Таджикской ССР в зале «Хлопководства» был представлен портрет передовика. Главный выставочный комитет ВСХВ наградил В.Н. Стоцкого Большой золотой медалью. В экспозиционно-выставочной фонде «Музей В.И. Ленина» представлены поздравление народного комиссара земледелия участнику выставки В.Н. Стоцкому и свидетельство о занесении его имени в Почетную книгу ВСХВ за высокие урожаи хлопка-сырца.

Учитель биологии и руководитель кружка юных натуралистов школы № 2 из г. Перово Московской области Н.А. Лавров был не только активным популяризатором биологии, но также занимался вопросами разработки организации и методики проведения уроков на учебно-производственном участке. Он и его кружок стали участниками ВСХВ 1940 г. В его личном комплексе представлено свидетельство участника ВСХВ.

Свидетельство участника ВСХВ 1940 г., а также пропуск на выставку 1941 г., справка из издательства «Московский рабочий» об участии в выставке представлены в материалах зав. отделом и ответственного редактора сельскохозяйственной литературы Д.А. Михайловой. Книги, выпускаемые этим издательством, были широко представлены в павильоне «Печать».

Среди образцов наградных документов ВСХВ, собранных Московской ИБЭ 1993—1994 гг., есть несколько бланков довоенного периода. Среди них диплом второй степени участника ВСХВ 1940 г. по рисунку художника-графика В.В. Завьялова, одного из первых создателей почтовых марок СССР и автора рисунков для художественных конвертов и открыток³⁹. В дар от И.А. Бенедиктова был получен знак участника ВСХВ.

Свидетельство участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Д.А. Михайловой. 1940 г.

В 1960-е гг. из отдела экспонатов ВДНХ в музей поступили экспонаты национальных и региональных павильонов выставки, среди которых были шкатулки с шемогодской резьбой, дагестанское холодное оружие, изделия Тульского оружейного завода, одежда и предметы обихода народов Севера, узбекские и азербайджанские ткани (в т.ч. платки, наволочки, пояса и т.д.), ярославские льняные скатерти, украинская вышивка, казахские и туркменские ковры, датируемые концом 1930-х гг. (некоторые из поступивших предметов, например, панно с ботаническими сюжетами или кружевная рамка «РСФСР» позднее были возвращены, о чем имеются отметки в документации отдела учета музея). О поступлении экспонатов с ВДНХ упоминает в своих воспоминаниях сотрудница Исторического музея А.Б. Закс⁴⁰. У некоторых предметов в графах «источник поступления» и «история бытования» записано, что это экспонаты выставки 1939—1940 гг. Однако не всегда указывалось, из какого они павильона. Возможно, это экспонаты выставки 1941 г., состав предметов, экспонируемых в павильонах, менялся. На основании информации

из путеводителей и довоенной прессы можно только предположить место экспонирования поступивших в Исторический музей предметов. Так, резные шкатулки, скорее всего, располагались в зале Архангельской и Вологодской областей павильона «Ленинград и Северо-Восток РСФСР»⁴¹. В путеводителе есть упоминание, что «на столах зала находятся резные работы по бересте Шемогодской артели». Газета «Правда» писала, что в павильоне Азербайджанской ССР «наряду с продуктами сельского хозяйства выставлены ковры, расписные хурджуны, калагаи (шелковые платки) — живые свидетельства художественной одаренности народа»⁴², а «Советское искусство» сообщало: «в павильоне Северного Кавказа и Крыма... будут представлены работы мастеров-граверов из Дагестанского аула Кубачи; пояса с украшениями, кинжалы, шашки и ножны, отделанные под серебро и золото»⁴³. Пока сложно подтвердить документально «легенду», что именно эти предметы были экспонированы в довоенных павильонах ВСХВ. Вопрос еще требует изучения и привлечения архивных источников. Тем более, что сложное положение выставки в годы войны оставляет мало шансов на сохранение экспонатов⁴⁴.

Накануне открытия ВСХВ предприятия страны готовили сувениры, в Наркомторге СССР был организован просмотр промышленных товаров, предназначенных к продаже⁴⁵. В павильонах конторы «Галантерея» продавались в специальных коробках наборы для женщин, мужчин и текстиль для дома. В павильонах Ювелирторга — портсигары с изображением павильонов, пудреницы, украшения, подстаканники. Фабрики, выпускающие письменные принадлежности, подготовили записные книжки, бланки для писем, карандаши с логотипом выставки. Артель им. Шаумяна (Москва) к открытию выставки освоила выработку игрушек из штампованной ваты и картонажных елочных украшений. Для продажи на выставке были выпущены чай, кофе, табачные и кондитерские изделия, конфеты новых сортов в специальных упаковках с эмблемой и изображениями павильонов выставки. Некоторые из товаров представлены в фондах музея: декоративное блюдо из фаянса с изображением Главного павильона и расположенной рядом пятидесятиметровой башней с эмблемой выставки — скульптурой «Тракторист и колхозница»; изделия из фарфора, выполненные «В память о Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке 1939 г.» Первомайским и Дулевым фарфоровыми заводами; стеклянная ваза амфоровидной формы с изображением павильона Узбекской ССР, изготовленная на заводе «Красный гигант». В отделе дерева и мебели музея есть карандаши с логотипом «ВСХВ» и упаковкой, украшен-

Декоративное блюдо с изображением Главного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Конаковский фаянсовый завод им. М.И. Калинина. 1939. Фаянс; надглазурная печать, роспись

ной стилизованными колосьями, а также коробка для конфет (поступила в музей в 1943 г.) с изображением павильона «Московская, Рязанская и Тульская области» и натюрморта из фруктов. Бланками для писем с логотипом выставки пользовались и в дальнейшем. Так, в музее хранится письмо, адресованное летчику А.Н. Андрееву, написанное во время войны на бланке с эмблемой ВСХВ, и фотографией Центральной аллеи выставки⁴⁶.

До войны ВСХВ проработала только три сезона. Выставка не только удивляла достижениями, она просвещала и учила новым формам работы. Не случайно многие репортеры тех лет отмечали: «Часто в павильонах и на показательных участках полей можно было встретить человека с блокнотом, кропотливо фиксирующего новые знания по агрономии, зоотехнике, механике»⁴⁷. Выставку называли «колхозным университетом» и «школой передового

опыта для миллионов работников сельского хозяйства»⁴⁸. Экспонаты Исторического музея помогают ощутить эпоху, создавшую такой необычный проект.

- ¹ Правда. 1939. 1 августа. С. 1.
- ² Там же. 2 августа. С. 3.
- ³ Железнов Л., Бронтман Л.К. Флаг поднят // Правда. 1939. 2 августа. С. 3. Л.К. Бронтман в своих дневниках зафиксировал посещение открытия выставки «1 августа. Сегодня был на открытии сельскохозяйственной выставки. Дал отчет» (См.: Бронтман Л.К. Дневники 1932—1947 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/db/brontman_lk/1939.html (дата обращения: 18.02.2021).
- ⁴ ВСХВ. М., 1939. С. 605.
- ⁵ Жуков А.Ф. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. М., 1939. С. 61.
- ⁶ Строительство Москвы. 1939. № 11. С. 32.
- ⁷ Там же. № 5. С. 31.
- ⁸ Вечерняя Москва. 1939. 3 августа. С. 3.
- ⁹ Там же. 22 июля. С. 1.
- ¹⁰ Там же. 28 июля. С. 2.
- ¹¹ Строительство Москвы. 1940. № 17. С. 18.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 426. Ед. хр. 209н.
- ¹³ Там же. Ф. 526. Ед. хр. 360, 362.
- ¹⁴ Там же. Ф. 426. Ед. хр. 553н.
- ¹⁵ Большеви́стская печать. 1939. № 17—18. С. 51.
- ¹⁶ Художник Трошин принимал участие в создании более сорока номеров журнала «СССР на стройке» и оформлении зала Рязанской области на ВСХВ.
- ¹⁷ Павильон «Печать»: путеводитель. М., 1940. С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 77.
- ¹⁹ Фотогазета. № 11—12 «Молодежь — наше будущее», 13—14 «Неуклонный рост социалистического сельского хозяйства», 21—22 «Да здравствует Сталинская конституция!». Госкиноиздат, 1940 г.
- ²⁰ Большеви́стская печать. 1939. № 15. С. 12.
- ²¹ Искусство. 1939. № 6. С. 121, 125, 126.
- ²² Пригожин Ю. Молодые фотомастера / Огонек. 1940. № 20. С. 16.
- ²³ В своих воспоминаниях В.В. Микоша отметил, что самым значимым для него был отзыв «мастера номер один нашего кинематографа» С.М. Эйзенштейна. См.: Микоша В.В. Я останавливаю время. М., 2005. С. 133—134.
- ²⁴ Осмотр Москвы: путеводитель. М., 1940. С. 228—257.
- ²⁵ ВСХВ. М., 1939. С. 547. Под руководством И.Е. Ушакова было досрочно окончено строительство домов в Коптево и установлены стахановские рекорды кладки стен школы на Лесной ул.
- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Ед. хр. 531. Арх. 5834. ГИМ 108134/179а.
- ²⁷ Там же. ГИМ 108134/255.
- ²⁸ Павильон «Виноградорство и виноделие»: путеводитель. М., 1939. С. 4.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 526. Ед. хр. 6. Л. 44.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 2. Л. 1.

- 31 Главный павильон: путеводитель. М., 1939. С. 65.
- 32 ИЗО ГИМ 103981/5 ИС 712.
- 33 См.: Сборник материалов и документов. Л., 1939. С. 52—63.
- 34 ОПИ ГИМ Н/В 293. Ед. хр. 625н н/в 6008/89.
- 35 Архивно-библиотечный фонд ВДНХ. [Электронный ресурс]. URL: <https://arhiv.vdnh.ru/card/card.html?cardId=79f646fc-9ab1-45ff-98a7-88e6c499a0a9> (дата обращения: 18.02.21).
- 36 Главный павильон: путеводитель. М., 1939. С. 64, 80.
- 37 ВСХВ. М., 1939. С. 541.
- 38 Павильон «Таджикская ССР»: путеводитель. М., 1939. С. 14.
- 39 ОПИ ГИМ. Ф. 426. Арх. 6024. Ед. хр. 770н. ГИМ 109843/143.
- 40 *Закс А.Б.* Эта долгая жизнь. Воспоминания (1905—1963). В 2-х кн.: 1933—1963. М., 2000. С. 206.
- 41 Павильон «Ленинград и Северо-Восток РСФСР»: путеводитель. М., 1939. С. 38.
- 42 *Соколова Н.* Народные мастера / Правда. 1939. 3 августа. С. 5.
- 43 Советское искусство. 1939. 24 июля. С. 3.
- 44 *Зиновьев А.* Ансамбль ВСХВ. Архитектура и строительство. М., 2014. С. 72—76.
- 45 Вечерняя Москва. 1939. 20 июля. С. 2.
- 46 ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 31.
- 47 Вечерняя Москва. 1941. 26 мая. С. 1.
- 48 Большеви́стская печать. 1939. № 16. С. 20—21.

Д.Я. Кондратенко

Письма на фронт в годы Великой Отечественной войны из фонда отдела письменных источников Исторического музея. По материалам Авиации дальнего действия

Одним из важнейших источников при изучении истории Великой Отечественной войны являются фронтовые письма. Письма — это личное эмоционально насыщенное свидетельство трагического периода жизни нашей страны.

В Государственном историческом музее хранится несколько тысяч писем 1941—1945 гг. Это письма с фронта на фронт, с фронта в тыл, из тыла на фронт; письма родным, друзьям, знакомым, письма детей родителям и наоборот. Письма были основной, а зачастую и единственной связью между фронтом и тылом. Долгое отсутствие писем означало потерю связи с родными, возможную их гибель. Это угнетало, особенно бойцов на фронте.

Рис. 1. Складное письмо на фронт от Ады Родиной из г. Зеленодольска Татарской АССР. 1943 г. С текстом на оборотной стороне

9.1.43г.

22.

Дорогой незнакомый друг!
Поздравляю Вас с наступившим
Новым годом, годом окончательной
победы над ненавистным врагом и
шлю наилучшие пожелания к наступающей
дню Красной Армии.

Примите от меня, незнакомого, но
уважающего Вас за доблесть и мужество
гордый привет.

Я не знаю кто Вы, не знаю ни Вашего
имени, ни фамилии, но это великое
чувство которое наполняет людей
кашей прекрасной стиральки - чувство
дружбы, пусть и незнакомому, но дорогому
другу - защитнику наших сел, городов, нив
и лесов, позволяет мне сейчас поздравить
Вам мой далекий привет.

Письмо мое будет ничьи вероятно долго,
но где бы Вы не были, друг мой, на море-м,
на суше или в воздушном океане, помните,
что в глубоком тылу есть люди, которые
всегда и во всем будут помогать Вам,
связно бережущий весь традиций тыловых
фронтовиков.

Надеюсь Вам скорей надежды над врагом,
крепкого здоровья, сил и бодрости.

Напоминаю мне, где-то я знала кем гордились
Бейте фрицев, уничтожайте этих подлых
гадов, которые позорят слово - человек.
Уничтожьте их и возвратите нам нашу
мирную и Великую Шенк.

Крепко, крепко жму Вам руку
С приветом Ада Родина

В дни войны по радио прозвучал призыв к девушкам писать письма на фронт незнакомым солдатам и офицерам для поднятия их духа. Такие письма получили большое распространение (рис. 1, 2). Для фронтовиков это была психологическая, эмоциональная поддержка. В ОПИ хранятся подобные письма, присланные в авиационные части и поступившие в 1943 г. в ГИМ вместе с другими материалами Авиации дальнего действия (далее — АДД). Девушки честно писали, что решились писать письма, услышав призыв по радио. Так, Шура Шилова, студентка 2 курса агрошколы из с. Ордынка писала: «Дорогой боец, я слышала по радио, обращение к девушкам, чтобы девушки писали на фронт письма; т. к. там получение писем от девушек очень дороги для каждого бойца»¹. Из письма ее односельчанки Нины Михайловой: «Услышав по радио просьбу к девушкам, чтобы девушки писали письма бойцам, я поняла, как дорого письмо для фронтовика, письмо от девушки из тыла»². Девушки писали не известным им людям: «Здравствуй, воин Красной армии!»; «Дорогой боец!»; «Дорогой товарищ!». Так как они не знали, кому попадет их письмо, то на конвертах вместо адреса стояло: «Лучшему воину Красной Армии», «Самому отважному летчику нашей Родины!», «Лучшему летчику», «Самому храброму». Некоторые просто писали «Бойцу», «Любому бойцу» или даже «Бойцу, не получающему писем». На фронте очень нужны были хоть какие-то вести о том, как живет тыл, нужно было знать, что защитников ждут, пусть даже незнакомые девушки. И девушки писали на фронт, получали ответы, рассказывали подругам, и те сами решались написать. Из письма Киры из Саратова: «Мои подруги уже ведут дружескую индивидуальную переписку с фронтом и из ответов бойцов видно, что бойцы очень довольны. Я и сама вполне понимаю, какое удовольствие доставляет письмо на фронте, как приятно почитать письмо в свободное время. Я не знаю, кто получит это письмо, но „или Петя, или Ваня, или Витя все равно“³. Об этом, о желании поднять настроение у солдат, поддержать их писали многие девушки. «Ведь приятно же получить письмо после жаркого боя. Прочитав его, становится как-то теплее. Ты чувствуешь, что о тебе кто-то помнит. Что от него ты сможешь получать письма, конечно, отвечая на них. Приятно, когда ты знаешь, что о тебе помнят»⁴. «Я не знаю, кто Вы, не знаю ни Вашего имени, ни фамилии, но то великое чувство, которое наполняет людей нашей прекрасной страны — чувство дружбы, пусть к незнакомому, но дорогому другу — защитнику наших сел, городов, нив и лесов, позволяет мне сейчас послать Вам мой далекий привет»⁵. Это из письма Ады Родиной из Зеленодольска Татарской АССР.

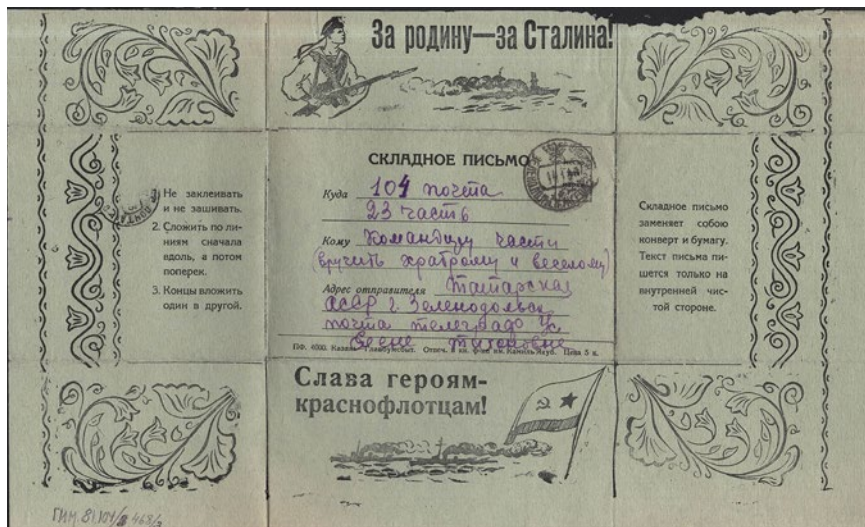

Рис. 2. Складное письмо на фронт от Елены Тихоновой из г. Зеленодольска Татарской АССР. 1943 г.

Своим письмом она объясняет потребность очень многих девушек начать переписку с бойцами.

Девушкам очень хотелось вести переписку с фронтовиками. Это считалось престижным. Многие подчеркивали, что еще ни с кем не переписываются. Так, курсантка школы милиции из Свердловска Муся Главчук писала: «Пишу тому, кто не получает писем, лучшему воину Красной Армии, т. к. я желаю иметь переписку. В настоящее время я писем ни от кого не получаю»⁶. Девушки не привыкли знакомиться первыми, они чувствуют себя немного неловко от того, что отправляют послание совершенно не знакомому человеку. Для них это был решительный шаг. Так, Зинаида Цветкова из Свердловска, написавшая письмо «любому бойцу» извиняется: «Простите за смелость, которую я взяла на себя данным поступком — написать Вам от себя несколько слов». Читая письма, понимаешь, что иногда их сочиняли вместе, коллективно. Получалась красивая, удачная фраза, и все подруги помещали ее в свои послания. В письмах учащихся металлургического техникума из Серова звучит одна и та же фраза: «Я даже не знаю, как Вас зовут и молодой Вы, как я, или старик, как мой отец, но, дорогой боец, с далекого Урала снегами и морозами скованной земли привет горячий...»⁷. Да, девушки писали неизвестному бойцу, не зная, кому оно достанется, но по письмам чувствуется, что надеялись на ад-

ресата-ровесника. Они часто указывали свой возраст, описывали внешность. Авторам писем, хранящихся в фонде АДД, в основном от 16 до 24 лет, самая младшая училась в пятом классе. В письмах, как правило, нет жалоб, они скорее оптимистичны. Хотя в них рассказывается о потере связи с родными, оставшимися на оккупированной Украине, об отсутствии сведений о брате-летчике, об убитом отце. Девушки писали о жизни в тылу, о быте, о своих достижениях. Зоя Золотина из Луховиц Московской обл. сообщала о том, что рабочие не уходят с заводов сутками, пока не выполнят фронтовых заданий, и что сами девушки помогают выпуску вооружения всеми возможными им способами. Лена Ус, эвакуированная с Украины в Зеленодольск, внесла в фонд обороны 300 руб., а Лариса Прилукова, ученица 5 класса из с. Лебяжье Кировской обл. — 19 руб. на постройку танковой колонны «Лебяжский комсомолец». Москвичка Маргарита Сухова писала, что «наша столица живет и работает отлично. Все наши заводы работают для обороны...»⁸. Девушка очень любила ходить в кино и до войны часто это делала. В своем письме она рассказала о фильмах, которые шли в московских кинотеатрах, о новом фильме «Сталинградцы». Маргарита очень надеялась на скорую победу, после которой адресат сможет посмотреть эти фильмы. Особых подробностей в письмах нет или мало, что и понятно. Это были первые письма к совершенно незнакомым людям. Девушки очень надеялись на ответ: «Я надеюсь, что ты выделишь минуту, чтобы написать мне»⁹, «Я пишу и думаю, что Вы не откажете мне в ответе»¹⁰. «Найдете свободное время, пожалуйста, напишите о себе, буду очень благодарна. Простите за беспокойство», — писала Лидия Краева из Свердловска¹¹. «Если Вы захотите начать дружескую переписку, то я напишу о себе подробнее в последующих письмах, а также напишу о нашей жизни в тылу и о том, как мы помогаем фронту ковать победу общими силами», — писала уже упоминавшаяся Кира из Саратова¹². Во многих письмах звучит просьба описать фронтовую жизнь, рассказать о подвигах. «Дорогие бойцы, мне хочется знать о Ваших боевых делах, и я прошу Вас, чтобы Вы мне написали об этом хоть несколько строк, если будет свободное время», — писала пионерка Оля Князева из Егорьевска¹³. Зачастую этих писем приурочены к праздникам: Новому году, Дню Красной Армии. Девушки поздравляли бойцов, желали им здоровья, скорой победы, желали, чтоб пули пролетели мимо и, конечно, предлагали переписку.

Другой характер носили письма, написанные определенному воину, но от незнакомых людей. С 1941 г. на радио зачитывались фронтовые и тыловые письма, в которых люди делились радостью

и горем, своими достижениями, искали родных, с которыми их разлучила война. Газеты достать было сложно и радио практически не выключали. «Так в тылу радио слушают, передачу последние известия, а газету вообще трудно достать, т. к. многочисленный тираж мигом расхватывают», — объясняла Людмила Попова из Москвы¹⁴. Письма на радио вызывали широкий отклик радиослушателей. Так, боец Пестерев по радио сообщил родителям, что награжден орденом Ленина и медалью «За боевые заслуги». За полтора месяца он получил более 2 тыс. писем с благодарностью за службу и поздравлениями. Красноармеец Алексей Ковалев потерял связь с родными и обратился в Радиокomiteeт с просьбой передать письмо семье. Результат — только за один день 1500 писем, за 10 дней — более 6 тыс.¹⁵ Многие в тылу слушали эти радиопередачи, рассчитывая услышать добрые вести.

1 сентября 1942 г. в эфире прозвучало письмо старшего лейтенанта 890-го авиационного полка 45-й Авиадивизии дальнего действия А.Н. Андреева к брату Александру, с которым не было связи больше года. А.Н. Андреев в письме рассказал о страшной гибели их семьи в Первомайске, произошедшей практически на его глазах, о разбомбленных и сгоревших Ольвиополе и Богополе. В ответ он получил письмо не только от брата, но и много (около 1000) писем от незнакомых людей, о чем сообщил в ГИМ. «Я аккуратно и ежедневно прослушиваю письма с фронта, в надежде что-нибудь услышать о своем брате (он с первых дней войны как в воду канул)», — написала радиослушательница А.С. Короткова Андрееву¹⁶. Короткова рассказала Андрееву с каким волнением слушают известия о налетах нашей дальней авиации на немецкие города, как они на работе друг другу пересказывают эти сообщения. «Вам могут со всеми подробностями рассказать, на какие города летали, сколько и в каком городе было взрывов и сколько было очагов пожара, и все это Вам расскажут залпом, не переводя дыхание. Мне и самой очень хотелось лично поблагодарить участников таких дерзаний»¹⁷. Именно то, что Андреев участвовал в этих налетах на немецкую территорию, придало ей смелость написать ему письмо. Благодаря стараниям Ольги Аркадьевны Блюмфельд, Исторический музей получил в 1943 г. 436 писем, присланных А.Н. Андрееву. Это все что сохранилось. Остальные, по воспоминаниям Андреева, были розданы, зачитаны друзьями или уничтожены в критической ситуации, ведь не всегда самолет возвращался в целостности и без потерь. «Огромное количество уничтожено во избежание того, чтобы они не были поруганы»¹⁸. Такое количество писем хранить во фронтовой обстановке действительно трудно. Сам А.Н. Андреев писал, что «хра-

Рис. 3. Старший лейтенант Ананий Николаевич Андреев, бортмеханик Авиации дальнего действия. Фотография 1942 г.

нить я их не мог, т. к. не знал, что могут иметь ценность». Сохранившиеся письма от женщин и девушек практически все из тыла, кроме нескольких. Хотя сам А.Н. Андреев писал, что были письма и от мужчин-фронтовиков, от коллективов рабочих (рис. 3, 4).

Об Анании Николаевиче Андрееве известно больше, чем о других летчиках Авиации дальнего действия, материалы о которых хранятся в ГИМ. Родился в Киеве, до войны работал в гражданской авиации, жил в Москве и был женат. В момент написания письма

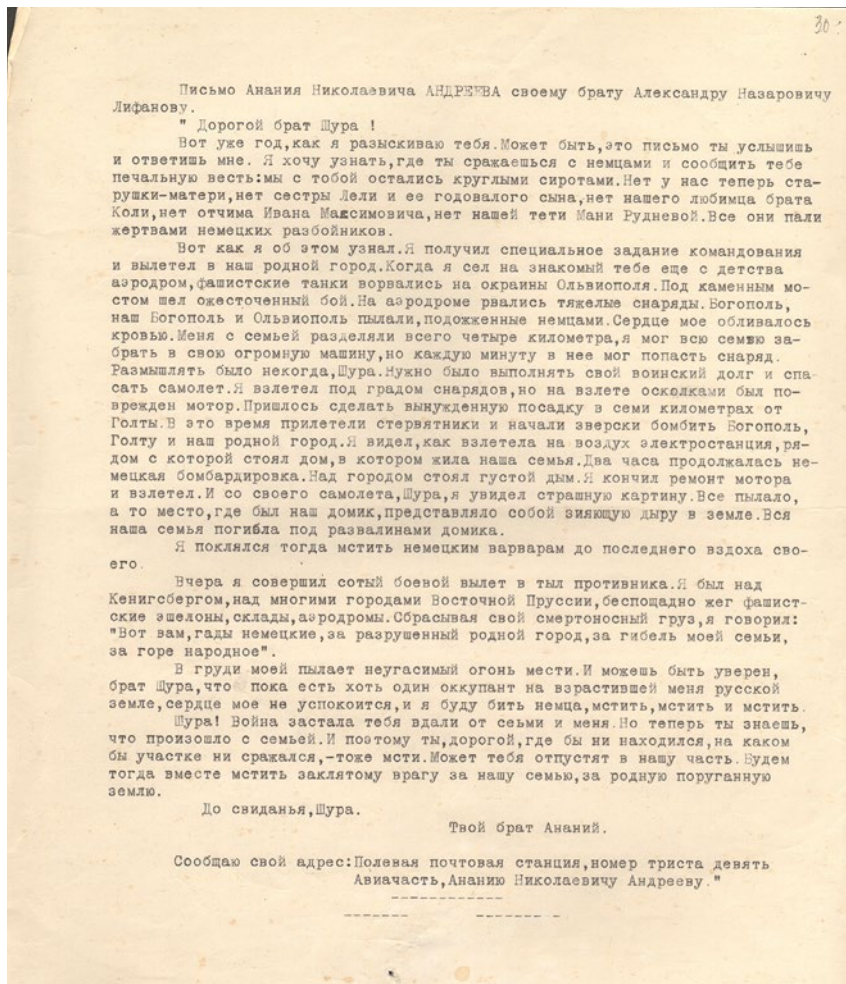

Рис. 4. Текст письма А.Н. Андреева к своему брату А.Н. Лифанову, переданного по Всесоюзному радио 1 сентября 1942 г.

ему было 32 года. К сентябрю 1942 г. А.Н. Андреев совершил сто боевых вылетов. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Летом 1942 г. был приглашен в Кремль вместе с другими летчиками дальней авиации. До войны Ананий Николаевич посещал Исторический музей, хорошо его знал, и это было еще одним поводом передать сюда письма.

О.А. Блюмфельд составила опись писем и после войны написала статью, которая, к сожалению, не была опубликована. В ста-

тье говорилось о патриотизме и душевной доброте, отзывчивости советских людей. К А.Н. Андрееву часто обращались: «брат», «сын-нок», «родной наш». Женщины постарше предлагали стать названной матерью. 60-летняя Людмила Ивановна Костова из Челябинска писала: «Я сама старенькая мать... Матери нужны детям в любом возрасте и часто взрослому сыну еще больше нужна, чем маленькому. Пусть я буду для Вас названной матерью. Посылаю Вам свое материнское благословение, пусть оно охраняет Вас от вражеских пуль»¹⁹. Названной матерью стала и педагог из Москвы М.Х. Симонова. В письме она обращается к летчику: «мой родной, мой сынок», «мой гордый орлёнок». «Вот и не видела я тебя и не знаю лично, а дорогой и родной ты мне, и я счастлива, что ты меня защищаешь»²⁰. Многие предлагали стать членом их семей, приехать в гости, если будет отпуск. «Если будете в Москве, обязательно заходите», — писала Ара Агаджанова²¹. Аня Коногова объяснила это так: «для нас, девушек, находящихся в тылу, все вы защитники доблестные кажутся нам родными братьями и отцами»². Письмо Андреева к брату было столь трагично, что вызывало в ответ сильные эмоции: «Я не могла спокойно слушать это письмо, мое сердце сжималось от жалости»²³ (Тоня Баталило, Кольчугин); «я не могла удержаться от слез, когда услышала о жестокой смерти Ваших родных» (Л.С. Борисенко, Челно-Вергини)²⁴; «в глубокой тоске я слушала письма по радио. Ваше письмо меня тронуло. Я была боле не в силах сдерживать слезы. Я заперла дверь на ключ, чтобы никто не мог быть свидетелем моего горя. Голова болела и горела ужасно, рыдания душили. Не судите строго. Я так одинока, так одинока, мне трудно объяснить Вам страдания и муки, которые я переживаю, простите, что пишу Вам, но я не могла, какое-то чувство дружбы влекло в эту минуту к Вам» (Клавдия Ипполитова)²⁵. Практически все письма датированы 1—2 сентября 1942 г. То есть за ручки люди взялись сразу, прослушав радиопередачу. «Как хочется сделать Вам что-нибудь доброе, хорошее, чтобы не так было трудно переживать Вам это горе», — написала Маруся Белоусова²⁶. Похожие слова во многих письмах: «как хочется сказать Вам что-нибудь теплое, хорошее, приятное и вместе с тем такое, чтобы возбудить в Вас еще больше ненависти к врагу» (Галины Дубровиной, Сарапул)²⁷; «мне стало больно за Вас... Мне захотелось написать Вам простое, ласковое письмо, ободрить Вас и хоть немного успокоить» (Тамара Шмакова, Козьмодемьянск)²⁸; «и мне стало Вас очень и очень жаль, мне хотелось в то время сказать Вам хорошие теплые родные слова, обнять Вас и приласкать как родной сестре» (Шура Фесенко, Молотов)²⁹; «вот я осмелилась написать Вам как было бы приятно, если бы эти

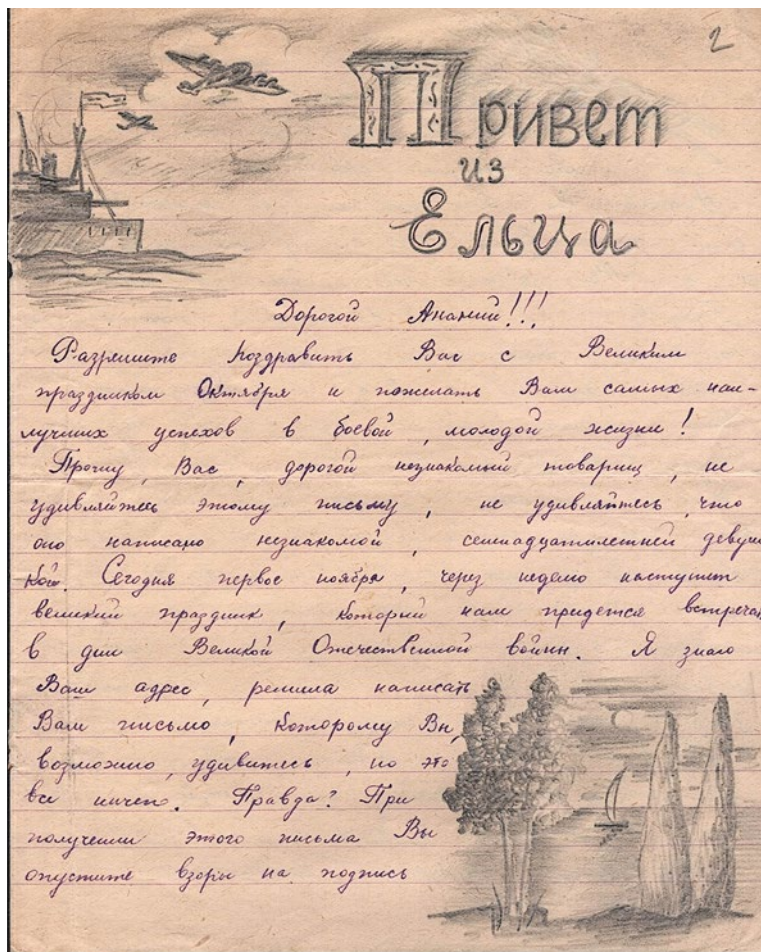

Рис. 5. Письмо А.Н. Андрееву от десятиклассницы Любы Бокачевой из г. Ельца.
1-я страница

строки в какой-то либо мере могли облегчить Ваши страдания» (Таня Игнатьева, Москва)³⁰. Многие адресаты говорили о неудобстве писать письма незнакомому человеку. Но потребность высказаться, поддержать оказывалась сильнее. Педагог Люба Алексеева из Мурома написала так: «Боюсь вызвать у Вас только презрительную улыбку и мысль о том, что какая-то дура навязывается со своей перепиской, когда так тяжело на душе, когда некогда заниматься перепиской»³¹. Москвичка Люба Кабицина, у которой на фронте были отец и брат, объяснила свое письмо тем, что ее родные «про-

сят, чтобы чаще писала. Мои письма их веселят и дух поднимают. Просьбу я их выполняю. Сейчас написала им и Вам вот тоже пишу. Будьте Вы тоже „братом моим“»³². Брат Лёли Устиновой, впоследствии погибший танкист, писал ей: «Пиши, Оля, чаще на фронт, так, когда получишь письмо, то сразу становится легко и так хорошо, а еще злее становишься на врагов» (рис. 5).

Читая эти письма, присланные из разных уголков нашей страны девочками, девушками и женщинами, можно составить достаточно полную картину тяжелой жизни тыла. Сам Ананий Николаевич говорил: «Передо мной широкая картина огромного трудового подъема, самоотверженности, единства, любви к Родине и её защитникам, ненависть к врагам и огромная, человеческая трагедия войны, забравшей самое дорогое у людей — счастье, близких, родных, кров»³³. Школьницы пишут, что в тылу почти не чувствуется война, но они же после учебы работают на лесозаготовках: «Учеба идет обычным порядком и даже кажется, что нет войны, но война чувствуется в выходные дни»³⁴. Московские школьники старших классов дежурят на крышах, спасая город от зажигательных бомб. Когда Тамара Забарева и Женя Медведева писали письмо Андрееву, объявили воздушную тревогу, и они побежали на пост, т. к. числились «пожарными», и крыша была местом их дежурства. Надежда Журивкова из Чкаловска прислала успокаивающее письмо о том, что в городе жизнь хорошая: «В питании пока остроты не ощущается, потому что у нас на рынке все есть, цены повышены, все можно достать»³⁵. А Екатерина Хохлова рассказала, что у нее тяжело заболела 16-летняя племянница, живущая не в Москве, и ее лечить нечем, и питания нет: «Просто беда за бедой»³⁶.

В этих письмах рассказывается, как во время войны женщины заменили мужчин на военных заводах у станков, на фабриках. Эвакуированные из крупных городов и оккупированных областей работали в колхозах и совхозах, стали трактористами. Охрана предприятий тоже была в руках женщин. Девушки работали на нескольких работах, в несколько смен, помогали в госпиталях, ходили на курсы медсестер, снайперов и автоматчиков, изучали военное дело и пулеметы, занимались при авиагруппах. Маруся Пахомова, стахановка из Кузнецка, описала как девушки освоили мужские профессии токаря, слесаря, термиста и др.³⁷. Анастасия Амосова, заменившая брата-токаря, написала, что на заводе работают в основном девушки³⁸. Леля Бойцова из Ижевска, учившаяся и в музыкальной школе, после 9 класса пошла на завод, а до этого несколько месяцев работала в совхозе на сборе урожая. Валентину Петрову, назначили начальником отдела кадров эвакуированной из Москвы

в Шадринск табачной фабрики, девушка была грамотная, окончила два курса института и занималась на курсах медсестер. Многие думали, что это самый короткий путь на фронт, куда рвались многие девушки. Об этом написала Мария Бухарова, брата которой зверски замучили фашисты: «Каждый из нас хочет биться не здесь, на трудовом фронте, а там — на поле боя, сражения, непосредственно участвовать: бить, колоть, резать — уничтожить фашистов»³⁹. Многим это удавалось. Наташа Якунина, студентка 2-го курса консерватории, окончила медицинские курсы и служила на корабле Балтийского флота. Можно сказать, оказалась на фронте по знакомству — капитаном был ее брат. После ранения в ногу вернулась в Москву⁴⁰. Военфельдшером на фронт попала Валя Бочарова. За спасение из-под огня 37 бойцов и командиров она была награждена медалью «За боевые заслуги». А еще девушки были донорами, о чем тоже можно узнать из писем. Одна только Зинаида Жаброва сдала к сентябрю 1942 г. четыре литра крови. Работая инженером на авиационном заводе, она еще дежурила в госпитале⁴¹.

Многие семьи забирали к себе осиротевших детей, несмотря на то, что сами жили достаточно трудно. В своем письме Людмила Ивановна Песковская из Железнодорожного поселка в Коми АССР, пять месяцев не получавшая известий от брата с фронта, рассказала, что взяла из детдома девочку, родители которой погибли. Письма Андрееву стали весомым свидетельством того, как много семей нашей страны затронула война, почти в каждом были слова: «погиб брат», «убит муж», «погибли сестра с детьми», «погиб близкий друг», «пропал без вести» и т. д. Свое горе женщины не скрывали от человека, который также пережил его. «У нас почти у всех такое положение», — написала Екатерина Хохлова⁴². «Вот мне, например, тоже очень, очень тяжело: я потеряла брата и отца в эту войну», — из письма Галины Дубровиной из Сарапула⁴³. «Кому же понять так искренне и так глубоко, как не мне Ваше тяжелое, кошмарное горе», — написала Анна Николаевна Винт, муж которой ушел на фронт 7 июля 1941 г., а 2 октября того же года пропал без вести⁴⁴. У москвички Наташи Якуниной погиб брат, капитан корабля, умер у нее на руках, младшего брата, партизана, замучили фашисты, отец — летчик-истребитель — погиб, мать с сестрой остались на Украине. «Вся горю ненавистью к проклятым фашистам, которые убили мою мать и младшую сестренку Светлану; погибли два брата в борьбе с проклятыми немцами под Севастополем» (из письма 18-летней В.И. Роговой из Ярославля)⁴⁵. У Валентины Бочаровой в захваченном селе немцы убили мать и братишку, где-то в Гомеле осталась семья дяди майора, пропавшего без

вести. «Дорогой товарищ! Как это все переносить, как им не отомстить, как на этого изверга смотреть прямо. Я его разорвала если он попался бы в мои молодые руки. Нет, смерть этой гадины придёт скоро», — написала Бочарова, воевавшая на фронте⁴⁶. Такая грусть в ее словах: «Я уже давно не получаю писем ни от кого, да и не от кого». Из письма Лидии Кравченко: «Я также потеряла любимого брата, который громил тыл врага с воздуха и вот молодая жизнь его оборвалась»⁴⁷. У Зины Жабровой из Москвы погибли сестра с мужем и ребенком. У 20-летней москвички Веры Сидоровой во время бомбежки Москвы погибли тетя с дочкой, двух братьев убили на фронте, погиб любимый человек, танкист, погиб вместе со своим экипажем⁴⁸. У М. Романовой, матери двоих детей, на фронте погиб муж, преподаватель физкультуры, провоевав меньше месяца. «Я не могу себе представить, что он такой сильный и крепкий мужчина что-то упал и все кончилось, — написала убитая горем женщина. — О! какие это были тяжелые дни и минуты. Я думала я сойду с ума!»⁴⁹. Страшное письмо пришло из Чебоксар от однофамилицы летчика, диктора Радиокomiteта Чувашии: «Я не стерпела, мне хочется написать Вам свое горе. Моя сестра с двумя детьми растерзана немецкой сволочью. Маленькую Эльзу поставили на штык. Над матерью издевались перед ее крошечными детьми... Она уже последние минуты переживала, чтобы ее боль еще увеличить, эти бандиты перед ее глазами убили маленьких невинных детей»⁵⁰. Во многих письмах страх за жизни родных, оставшихся на Украине, Северном Кавказе и Кубани, в Белоруссии. У Елены Семеновны Девяткиной воевали муж и четыре брата. Не от одного из братьев год не было известий. Их семьи и семьи сестер оставались в Донбассе и Сталинграде, где-то на Украине — 72-летний отец, а в Конотопе 10-летняя дочка, которую, по-видимому, в 1941 г. отправили на лето к родным. Фира Березникер, у которой уже погиб муж писала: «Ваше письмо меня взволновало и ещё потому, что у меня в Одессе остался старик отец, 3 сестры и 3 племянницы, они сейчас стонут под игом немецких извергов, если они вообще еще живы»⁵¹. Клавдия Воронина два года ничего не знала об отце и сестре; у Зины Зарариной родные оказались в городе, который недавно захватили немцы, и она тоже ничего не знала об их участи. Мария Андреевна Коптелова, эвакуированная из Смоленска в Челябинскую область, потеряла сестру и брата, а никто из родных и знакомых не знал, где находится она. Из письма Коптеловой: «Мне так тяжело живется»⁵². Для нее, да и для других женщин эта переписка, может быть, была важнее, чем для адресата. Ленинградка Мария Николаевна Аги-

шева, у которой во время бомбежки погибли мать и сестра, оказалась одна в с. Верки Рязанской обл. Связи с друзьями не было. Ей было жить «душно»⁵³. Мария Павловна Дубинина, Маруся, как сама она себя назвала, 19-летняя девушка из далекого с. Ишей, в котором «все спокойно, война не чувствуется» пишет: «Я тоже такая же сирота, как Вы. Родные мои остались у немцев»⁵⁴. «Мне кажется, что я тоже лишилась родных, и они пали жертвами фашизма», — написала из Москвы Надя Осетрова⁵⁵. Те, кто видел освобожденные территории в сентябре 1942 г. откровенно описывают увиденное: «До сих пор не могу без содрогания вспомнить поруганный, родной Волоколамск», — написала Лидия Каретникова⁵⁶. Лида Иванова была направлена в командировку в Можайск после его освобождения. На 19-летнюю девушку разоренный район произвел тяжелейшее впечатление: «Я видела своими глазами, что они оставляют нам после своего пребывания, невеселая картина открылась, когда я подъезжала к Можайску. Я не знаю, может Вы были в тех местах, да, но сейчас там редко можно встретить деревню, куда не помотришь, стоят одни трубы, да обугленные пни. Эти собаки ничего не оставили ни скота, ни птицы, ни тягловой силы. Как была трудна работа в этом году на колхозных полях. Остались одни женщины, но они работают не покладая рук, заменяя мужчин. Копают землю лопатой, запрягаются в плуг и бороны»⁵⁷. Аня Кувшинова была «оккупирована этой немчурой в голубых мундирах с оловянными глазами, в Веневе и очень много, много пережила»⁵⁸. Город Михайлов был оккупирован 14 дней. Об этом рассказала Мария Кретьова, которая на время оккупации родного города ушла в партизаны. Бойцы медико-санитарной команды М. Арсентьева и К. Смирнова из Клина видели, как немцы грабили, как относились к населению. В письме они написали о разрушениях в городе, о разгромленном доме-музее П.И. Чайковского. О страшных картинах, открывшихся нашим бойцам на освобождаемой территории, написал и старший лейтенант Александр Королев, один из немногих фронтовиков, чье письмо сохранилось. Он освобождал Малоярославец, был тяжело ранен под Вязьмой. «Кровь кипит, когда видишь ребёнка около убитой его матери»⁵⁹. Во время оккупации Малоярославца погибла семья Марии Федосеевой, рассказавшей о своем горе в письме к Андрееву. «Ничего не поделаешь — война есть война и без жертв она не бывает», — написала Зина Ромашкина, у которой погиб друг летчик-истребитель⁶⁰.

В ряде писем к Андрееву звучала надежда на то, что его родные выжили. «Поверьте, Ананий Николаевич, что Ваши родные успели уйти из города. Они не могли остаться там и погибнуть в развали-

нах дома. Этого не может быть. Этого не должно быть! Пройдет немного времени, и Вы найдете своих близких и любимых»⁶¹. «Почему Вы уверены, что все Ваши родные погибли? Быть может, они во время этой бомбежки не были дома, а может быть, им удалось спастись из обломков дома», — написала Галина Кублицкая, в московскую квартиру которой в ночь с 24 на 25 июля 1941 г. попала бомба, но она с родителями успела уйти⁶². Интересно, что письма с предположением о спасении семьи Андреева писали в основном москвички. По-видимому, мощная оборона московской ПВО, предупреждения о воздушных налетах создавали большую уверенность в защите и возможном спасении. Но Андреев знал, что в маленьком городке не было хорошего бомбоубежища и как летавший на тяжелых бомбардировщиках понимал, что в том пожаре и в той воронке, которая осталась от родительского дома, выжить было нельзя.

Война раньше времени состарила женщин. Девушки 18—19 лет чувствовали себя прожившими долгую жизнь, женщины под тридцать — старухами. «Я не молода, может, гожусь Вам в старшие сестры, — написала Татьяна Багрова, муж которой погиб на фронте, — мне 28 лет. Уже старуха, пережитое осталось отпечатком в моей жизни»⁶³.

Лейтмотивом многих писем звучали слова «месть» и «отомсти» (рис. 6). Всенародная, жгучая ненависть к гитлеровцам, желание как можно быстрее их разбить объединяла людей, давала им силы. «Мстите фашистским бандитам за все несчастья принесенные ими, а мы сколько хватит молодых сил, будем работать в тылу, чтобы помогать фронту, Вам», — написали подруги из Тбилиси Дуся Девдариани и Нина Коколи⁶⁴. «Да, мстить нужно жестоко, безжалостно, это справедливо, месть эта священна и на нее благословляют Вас Родина и народ! И мстить нужно до конца, до тех пор, пока последний гад не будет прогнан с нашей земли» (Юлия Бодугина, Ивановская обл.)⁶⁵ «Кровь за кровь, смерть за смерть», — написала десятиклассница из Узбекистана⁶⁶. Эти же слова в письме Наташи Герман из башкирского села Шаран. «Все с большей силой возрастает гнев и жажда мести», — Мария Бухарова⁶⁷. «Я очень мягкий человек и чувство ненависти мне совершенно незнакомо, но сейчас я бы собственными руками уничтожала их», — читаем в письме 60-летней женщины⁶⁸. «Кажется, я бы своими собственными руками душила каждого фрица и терзала за их издевательства над советскими людьми», — написала Аня Романова⁶⁹. «Будьте беспощадны к ним, бросайте свой смертоносный груз на Берлин, Данциг, Кенигсберг»⁷⁰. Нина из Чкаловской обл. советует не оплакивать погибших близких «ибо слезы оскорбят их память», а мстить:

«Только глубокие реки черной крови проклятых палачей и горы их трупов могут быть частичной платой за смерть любимых. Так мстите сильнее, мстите днём и ночью. Но Ваша месть за гибель родных должна сливаться с мезтью за всех убитых детей, девушек, женщин, которые, умирая, призывали к священной мести»⁷¹. Валентина Дулова, оперуполномоченный НКВД из Воркуты, у которой убили двух братьев, и в Ленинграде погибли пять родственников, призывала: «Отомстите за моих братьев и родственников, погибших от гитлеровских мерзостей! Сделайте так, чтобы враг поплатился за каждую каплю крови, пролитой советским народом и также за наши слёзы»⁷². «Бейте, громите врага нещадно, отомстите им за все; за разоренную землю, за истерзанных ребятишек, за опороченных девушек, за нас — матерей», — написала осиротевшая мать Лидия Владимировна Стороженко из г. Бабушкина, потерявшая единственного сына «ушедшего на Ленинградский фронт прямо со школьной скамьи, моего юного адмирала несуществующих морей, так и не успевшего осуществить заветную свою мечту стать моряком»⁷³. Александра Завацкая из Каширы сразу после передачи по радио написала: «Я хотела крикнуть: родной, близкий, товарищ, отомсти, отомсти за кровь и слезы наших близких. Может быть я несправедлива, но во мне загорелась кровавая месть. Пусть будут прокляты все и всё немецкое»⁷⁴. Женщина сама находилась в горящем городе, «когда стены содрогались от взрывов, когда немец был в 1 километре»; она потеряла сестру и маленькую племянницу. «Когда Вы будете бомбить немецкие города ни жалейте бомб, посылайте их за наши разоренные города, за расстрелянных женщин и детей, за искалеченные детские тела, за осиротевших матерей и отцов, за всю нашу страну, бывшую такой цветущей и яркой и ныне превращенную в пепелище пожаров, кладбище мирных людей. Шлите им эти гостинцы из голодающего Ленинграда, за наш цветущий юг, которые они опоганили своими кровавыми сапогами. Пусть немецкие Гретхен узнают, что посылки с восточного фронта бывают разными, они привыкли получать награбленные с наших жителей, чулки и туфли, шерсть и шелк, да вот же мы советские люди посылаем им фугаски и бомбы, наше проклятие и презрение и нашу никогда неугасаемую ненависть» (Лиза Железная)⁷⁵. Во многих письмах выражалось желание, чтобы именно немецкие женщины почувствовали, что такое война, и сколько горя она несет. Понятно, что в 1942 г. жестко, наиболее чувствительно это могли сделать летчики дальней авиации. Женщины хорошо это осознавали. «Вы летчик, значит Вы, как никто можете мстить за ваших горячо любимых людей»⁷⁶. «Вы — летчики... поэтому Вы жестоко мо-

Москва 2/12-42 г. 39

Здравствуйте неизвестный мне
Ананий Николаевич!

Возможно Вы удивитесь этому письму,
возможно оно Вам не понравится, это не
это удивительно, ибо оно написано
совершенно неизвестной Вам девушкой!
Но не написать Вам я не могла!

Вчера я услышала Ваше письмо к брату,
переданное по радио. Оно произвело на
меня очень сильное впечатление. После
я еще долго сидела и думала, сколько
людей оказалось в таком положении,
как Вы. Но хорошо, если это взрослые
люди, как мы с Вами, но как это
тупо, когда совершенно одинокими
остаются дети, эти малышки; некото-
рые из них еще много не повидают,
другие уж столько пережив в свой
короткий век. В то время, когда им
надо было бы жить беззаботно, веселиться,
расти, учиться. Все это от них
отняли эти изверги! Только одна
мать, увидевшие их, может вернуть
опять Вам хорошую жизнь, которой
мы сами равише.

Я тоже лишилась родителей, правда,

Рис. 6. Письмо А.Н. Андрееву от Веры Скориковой из Москвы. 1942 г.

жете отомстить за гибель своих родных; той же монетой уплатить фашистам, Дорогие Летчики! Бомбите чаще и больше города Германии. Пусть мерзкие фашистские гретхен на собственной шкуре почувствуют, что такое война, тотальная война, затеянная их правительствами» (Зоя Архангельская, Родники)⁷⁷. Просьбы отомстить в письмах звучит как заклинания. Шура Фесенко, молодая учительница из Молотова (Пермь), у которой погибли три брата, тоже педагоги: «Мне хочется мстить и мстить за моих братьев. Прошу Вас, чтобы Вы били этих гадов и за меня. Я прошу Вас, бейте эту гадину до последнего вздоха»⁷⁸. Представитель такой гуманной профессии

судьбы их я не знаю, но мне известно,
 что они остались в плену у немца,
~~о~~ ~~о~~ о многом говорю!
 Но ни какие издевательства, мучения
 не сломают стойкости и мужества
 нашей любимой Красной Армии, нашего
 народа! Каждый беззаветно трудится
 на своем посту: рабочие на заводах
 и стапках, бойцы на фронте, колхоз-
 ники на полях, интенданты на
 своем посту! Как можно больше
 смертоносного металла бросайте
 на головы этих двуногих зверей!
 Отомстите им за Валу сенью,
 и за множество других своей погиб-
 лих от их кровавых лан!!!
 Мстите!!! Мстите!!! Мстите!!!
 С Вашими самыми цветами!
 Вера Скорикова

Рис. 6. Письмо А.Н. Андрееву от Веры Скориковой из Москвы. 1942 г.

как врач, Мария Васильевна Карагодина, родные которой остались в оккупированном Пятигорске закликает: «Бейте, бейте»⁷⁹. «Ана-ний! Ведь настанет время, когда враг будет разбит. Отомстим ему за свою семью. Бейте врага! Громите его, гоните до самого Берлина без оглядки!» — написала потерявшая семью на Смоленщине Валентина Ермалаева⁸⁰. «Мстите за наши горести и несчастья, которые фашисты несут народу, мстите за наше тяжелое юношество, которое несет нашей молодежи фашизм. Мстите, еще раз мстите!» — написала из Сарапула А.П. Савина. «Я очень прошу Вас в первый вылет, после того как прочтете это письмо, когда Вы понесете смерть

фашистским гадам мстить за семью и родню, то пусть часть смертоносного груза будет мстить за моего мужа-летчика, погибшего в воздушном бою за свободу и честь нашей родины» (Татьяна)⁸¹. «Милый, дорогой товарищ! Прошу, сердечно прошу, отомстите за своих и также и за моих, отомстите им, и угощайте их советскими снарядами»⁸². «Боевой сокол, Ананий Николаевич! Вы как будете спускать свой смертоносный груз на зверье, то вспомните про меня и пошлите еще лишний гостинец врагу за меня, убейте хоть одну лишнюю погань» (Нюра Чугунова)⁸³. «Отомстите и за мою мать, убитую немцами в Ростове-на-Дону во время взятия Ростова первый раз», — просит жена командира, летчика В.С. Фомина из Сызрани⁸⁴. Трудно представить, что, прослушав по радио письмо Андреева, в некоторых письмах его называют счастливым человеком, именно потому, что он может отомстить. «Вы такой счастливый человек, т. к. имеете возможность мстить кровавым гитлеровцам и за свою личную тяжелую утрату и за страдания советского народа», — написала преподаватель истории из Кузнецка Зоя Григорьевна Тарасова. Галина Георгиевна Корицкая со станции Столбовая, боец защищающий Москву, как сама о себе написала: «Вам выпало такое счастье бить эту черную свору»⁸⁵.

С философской стороны вопрос мести мучил А.Н. Андреева. В его архиве сохранилась стенограмма воспоминаний, в которой есть такие слова: «Я чувствую, как во мне шевелится неумолимая, настойчивая и ясная совесть, упрекающая во всем совершенном и в том, чего еще не совершил». Машины, на которых летал Андреев, несли смерть и разрушения. Он видел, что творили немецкие бомбежки, видел разрушенные и горящие города и села, он видел страшную смерть своей семьи. И понимал, что в ответ он несет такую же смерть. «Передо мной встают ужасы бойни, сотни обезумевших от ярости людей, бьющих друг друга огнем и железом, дымящаяся кровь, потерявшие от ужаса рассудок женщины, дети и старики, мечущиеся в поисках спасения, цепляющиеся за обрывки жизни», — такую страшную, почти сюрреалистическую картину войны рисует Андреев. Он задает себе вопрос и сам же отвечает: «Разве я хотел этого, разве мыслил я когда-нибудь убивать; нет, не хотел, но хочу и буду... Разве я варвар? Я уничтожаю варварство»⁸⁶.

Подобными моральными проблемами были озабочены многие люди из разных слоев населения. Так, молодой учитель-фронтовик Иосиф Тарантов, которого пред войной занимал вопрос о возможности наказания детей, после всего виденного на фронте писал своей хорошей знакомой: «Убить или не убить не тревожит...», «моя мечта, моя цель — вырвать, уничтожить, задушить, загрызть»⁸⁷.

В письмах незнакомых женщин много говорится о порядочности и чуткости А.Н. Андреева. Понимая, что не сможет письменно ответить всем, поблагодарить, рассказать, что брат нашелся, что он жив и награжден орденом Ленина, Андреев через месяц после первого написал на радио второе письмо, которое также было прочитано. В нем он всех поблагодарил, извинился, что не может каждому ответить лично. Брат был против этого письма, считая, что оно вызовет новый поток писем. Командование части предлагало пригласить для этого писателя или корреспондента. Но А.Н. Андреев счел необходимым самому написать всем ответ. По письмам женщин, по пометам на них и на конвертах к ним видно, что Андреев действительно прочел все письма и ответил на многие из них. Он ответил «названным матерям», женам, вернее уже вдовам, летчиков, однофамильцам, решившим, что нашелся пропавший без вести родственник, девушкам, стремившимся в авиацию, и др. С некоторыми завязалась переписка. В ГИМ поступили несколько писем от одной и той же женщины или уже второе письмо, как ответ на письмо Андреева. Так он ответил семье из г. Михайлов Горьковской обл. Что было в первом письме мы не знаем, семья эвакуированных из Ленинграда какое-то время жили в Москве, пока не разбомбили их дом. Ответ Андреева очень воодушевил мать, она стала ходить в больницу подкармливать раненых, за ней пошли и другие женщины. Ответил Лизе Железной. На конверте ее письма сделал надпись: «Этой девушке очень хочется, чтобы гретхен тоже почувствовали войну. Ее желание исполнится сегодня ночью. Наши тяжелые бомбы взорвутся в Данциге, Кенигсберге, Берлине»⁸⁸. Ответил студентке химического техникума Ане Засыпкиной, у которой друг летчик погиб при бомбежке вражеской техники. Девушка очень тяжело переживала эту потерю: «Ох, как Вы отомстите за моего любимого друга»⁸⁹. Ответил Андреев сразу, т. к. второе письмо от Ани было отправлено уже 10 сентября 1942 г. Оно пришло со словами благодарности: «Спасибо, что Вы мстите за моего друга, который отдал свою молодую жизнь на благо Родины. Я очень горжусь вами, славный сокол, вы тоже принимали участие в налете на вражеские города и мстите им за себя, за своих родных»⁹⁰. Он ответил Тамаре Пигаревой, ученице 10 класса из Узбекистана, мечтавшей стать летчицей. Ответил школьнице из Ельца Нине Кисловской. На конверте ее письма написал: «Вылетаю в бой за твое счастье»⁹¹. Можно предположить, что он ответил многим из тех, чьи письма не сохранились, а также и то, что с некоторыми переписка продолжалась долго.

Дошедшие до нас письма из фонда Авиаии дальнего действия — богатейший письменный источник по истории Великой Отечественной войны, к которому будут еще и еще обращаться исследователи и находить в них новые факты. Почет и благодарность собравшим и сохранившим этот ценный документальный источник.

- ¹ ГИК ГИМ № 81104 ОПИ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 34.
- ² Там же. Л. 12.
- ³ Там же. Л. 13—14.
- ⁴ Там же. Ед. хр. 144. Л. 37.
- ⁵ Там же. Ед. хр. 154. Л. 22.
- ⁶ Там же. Л. 32—33.
- ⁷ Там же. Л. 23—24.
- ⁸ Там же. Л. 25.
- ⁹ Там же. Л. 4.
- ¹⁰ Там же. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Там же. Л. 13—14.
- ¹³ Там же. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Ед. хр. 146. Л. 8.
- ¹⁵ Казаков Г.А. Письма на фронт / Журнал «Радио». № 2. 1946 г.
- ¹⁶ ГИК ГИМ № 81104 ОПИ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 47.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 138. Л. 2—3.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 152. Л. 28—30.
- ²⁰ Там же. Ед. хр. 138. Л. 10—15.
- ²¹ Там же. Ед. хр. 143. Л. 5—6.
- ²² Там же. Ед. хр. 144. Л. 40.
- ²³ Там же. Ед. хр. 140. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 142. Л. 17.
- ²⁵ Там же. Ед. хр. 144. Л. 30.
- ²⁶ Там же. Ед. хр. 140. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Ед. хр. 152. Л. 4.
- ²⁸ Там же. Л. 50.
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 142. Л. 71—72.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 144. Л. 38.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 139. Л. 48.
- ³² Там же. Ед. хр. 144. Л. 32.
- ³³ Там же. Ед. хр. 138. Л. 117.
- ³⁴ Там же. Ед. хр. 148. Л. 5.
- ³⁵ Там же. Ед. хр. 153. Л. 40.
- ³⁶ Там же. Ед. хр. 147. Л. 57.
- ³⁷ Там же. Ед. хр. 148. Л. 17.
- ³⁸ Там же. Ед. хр. 139. Л. 51—52.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 142. Л. 19.
- ⁴⁰ Там же. Ед. хр. 146. Л. 89—90.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 144. Л. 10.

- 42 Там же. Ед. хр. 146. Л. 57.
43 Там же. Ед. хр. 152. Л. 4.
44 Там же. Ед. хр. 143. Л. 33.
45 Там же. Ед. хр. 153. Л. 32—33.
46 Там же. Л. 41.
47 Там же. Л. 3.
48 Там же. Ед. хр. 146. Л. 27.
49 Там же. Л. 12—13.
50 Там же. Ед. хр. 152. Л. 51.
51 Там же. Ед. хр. 142. Л. 54.
52 Там же. Ед. хр. 152. Л. 26.
53 Там же. Ед. хр. 148. Л. 23.
54 Там же. Ед. хр. 152. Л. 53.
55 Там же. Ед. хр. 142. Л. 29.
56 Там же. Ед. хр. 144. Л. 36.
57 Там же. Л. 28.
58 Там же. Л. 54.
59 Там же. Ед. хр. 139. Л. 17.
60 Там же. Ед. хр. 146. Л. 16.
61 Там же. Ед. хр. 152. Л. 64.
62 Там же. Ед. хр. 142. Л. 63.
63 Там же. Л. 24.
64 Там же. Ед. хр. 140. Л. 1.
65 Там же. Л. 9.
66 Там же. Ед. хр. 152. Л. 28.
67 Там же. Ед. хр. 142. Л. 19.
68 Там же. Ед. хр. 152. Л. 28.
69 Там же. Ед. хр. 146. Л. 9.
70 Там же. Ед. хр. 142. Л. 50.
71 Там же. Ед. хр. 152. Л. 48—49.
72 Там же. Ед. хр. 142. Л. 5.
73 Там же. Ед. хр. 147. Л. 52—53.
74 Там же. Л. 19—20.
75 Там же. Ед. хр. 144. Л. 16—17.
76 Там же. Ед. хр. 152. Л. 4.
77 Там же. Ед. хр. 140. Л. 4.
78 Там же. Ед. хр. 142. Л. 71—72.
79 Там же. Ед. хр. 152. Л. 58.
80 Там же. Ед. хр. 148. Л. 10.
81 Там же. Ед. хр. 142. Л. 39.
82 Там же. Ед. хр. 146. Л. 1—2.
83 Там же. Л. 76.
84 Там же. Ед. хр. 142. Л. 35.
85 Там же. Ед. хр. 147. Л. 38.
86 Там же. Ед. хр. 138. Л. 111.
87 ГИК ГИМ № 108643/262 ОПИ. Ф. 426. Ед. хр. 628.
88 ГИК ГИМ № 81104 ОПИ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 16.
89 Там же. Ед. хр. 147. Л. 24.
90 Там же. Л. 26.
91 Там же. Ед. хр. 148. Л. 5.

Н.Н. Четвайкина

Семейные архивы —
важнейший источник по истории XX века.
Архив семьи Аметистовых — Зименковых
в собрании ГИМ

Прошло уже двадцать лет с окончания XX в. — сложнейшего периода в российской и мировой истории, однако до сих пор нет законченной и окончательной оценки его событий, объективного осмысления прошедшего.

Все большее значение в создании правдивой истории XX в. приобретает музейная деятельность, направленная на формирование, изучение и осмысление коллекций, организацию экспозиций и выставок. Музеи находятся в лучшем положении, по сравнению с другими хранилищами исторической памяти, т. к. имеют в своем распоряжении разнообразные виды источников материальной и духовной культуры. Совокупность этих памятников позволяет более точно интерпретировать события XX столетия, определять роль тех или иных личностей в истории страны.

К одним из важнейших источников по истории XX в. относятся семейные архивы представителей различных социальных слоев и групп населения, живших в России в XX в. Исторический музей всегда собирал и хранил архивы как знатных и известных родов и фамилий, так и материалы обычных людей.

С момента создания в Историческом музее отдела истории советского общества (1964) его сотрудниками было собрано большое количество личных комплексов известных и знатных людей, представителей различных профессий. Вплоть до конца XX в. этот материал касался исследований, главным образом, производственной, творческой, общественной жизни и не включал другие аспекты жизни человека и его семьи.

Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда собирание семейных архивов, в том числе и рядовых граждан, во всей их совокупности, стало основным в деятельности по комплектованию сотрудников отдела истории советского общества (с начала 2000-х гг. — отдела истории XX—XXI вв.). Тема «История страны — в истории семьи»

стала главным направлением научной и собирательской работы ГИМ по истории XX столетия.

Выбор этого направления музейного исследования и работы по комплектованию совпал и с повышением общего интереса исследователей различных профилей к теме повседневности, роли обычного человека в истории. В науке утвердилось историко-антропологическое направление, в центре внимания которого было поставлено изучение человека как изменяющегося во времени члена социума. Пришло понимание того, что события совершаются людьми, а сама история складывается из индивидуальных и коллективных биографий.

Все события и противоречия эпохи можно рассмотреть в контексте истории отдельных семей, которые прочно связаны с политикой, экономикой, культурой, трагическими событиями, такими как революции и войны. При этом для каждой семьи, каждого человека существует своя история, свое ее понимание и отношение к происходящим событиям. Особенно наглядно это прослеживается в материалах представителей различных социальных слоев и групп советского общества. А это, в свою очередь, определяет состав семейных архивов.

Типичный архив выстраивается на основании совокупности письменных источников, фотографий и другого изобразительного материала, нумизматики, а также личных вещей и предметов быта семьи. Семейные архивы по своей сути субъективны и выражают позицию определенной социальной группы общества.

В наше время ослабевает связь между поколениями, происходит утрата знаний, памяти и самих предметов и документов из прошлого. Личные и семейные архивы помогают избежать этого. Поэтому, чем больше будет их в распоряжении исследователей — тем объективнее и полнее освещается и видится прошлое. Материалы архивов являются первоисточниками и соответственно носителями информации о повседневной, производственной, общественной, культурной жизни членов семьи как представителей определенной социальной группы общества в различные исторические периоды.

В качестве примера типичного семейного архива рассмотрим материалы представителей семьи Аметистовых — Зименковых, хранящихся в собрании ГИМ. Архив охватывает период с конца XIX до начала XXI в. и включает разнообразные документы и фотографии представителей нескольких поколений семьи. Содержащиеся в них сведения отражают многие значительные события XX столетия и являются свидетельствами рядовых участников исторических событий.

Основу архива составили материалы члена Конституционного Суда РФ Эрнеста Михайловича Аметистова, которые экспонировались в 2002 г. на выставке «X лет Конституционному Суду РФ» в Историческом музее. После окончания работы выставки материалы Э.М. Аметистова были переданы в музей его вдовой О.Н. Зименковой. В дальнейшем выяснилось, что в семье хранится разнообразный материал, связанный не только с деятельностью Э.М. Аметистова, но и других членов семьи: его родителей, деда, дяди, отца О.Н. Зименковой.

Российский общественный и государственный деятель, правозащитник, ученый-правовед, журналист, доктор юридических наук Эрнест Михайлович Аметистов (1934—1998) в 1991—1998 гг. являлся судьей Конституционного суда РФ. Документальная часть архива охватывает продолжительный период его жизни — от первых писем и рисунков первоклассника папе на фронт, последних записей в рабочих блокнотах в 1998 г. и кончая материалами о деятельности Центра защиты прав человека им. Э.М. Аметистова. Документы различных периодов времени свидетельствуют о его детских годах, образовании, профессиональной и общественной деятельности.

Первые документы — похвальные грамоты ученика 1 и 2 классов школы в с. Большая Михайловка Карагандинской обл. за 1943 и 1944 гг., где он учился во время эвакуации: «За отличные успехи и примерное поведение»; ведомости оценок знаний и поведения ученика 5 класса мужской средней школы № 7 г. Воронежа за 1946/47 учебный год. В характеристике на ученика 10 класса средней мужской школы № 2 г. Краснодара написано: «...Аметистов начитан, развит, культурен. Разбирается в вопросах международной политики, обладает хорошей культурой устной и письменной речи»¹.

После школы учился на юридическом факультете Московского государственного университета. По окончании его работал в издательствах «Юридическая литература» и «Международные отношения», затем в Институте международного рабочего движения АН СССР, ВНИИ советского государственного строительства и законодательства. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1984 г. — докторскую. В музейном собрании (ГИМ ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281) хранятся документы, рассказывающие о его профессиональной карьере: авторефераты диссертаций, диплом доктора юридических наук², аттестат о присвоении Ученого звания старшего научного сотрудника по специальности «Международное право» (1981), удостоверение ведущего научного сотрудника

ВНИИ советского государственного строительства и законодательства (1990), членский билет Союза журналистов СССР³, дипломатический паспорт РФ Э.М. Аметистова (1996)⁴ и др.

В 1991 г. Э.М. Аметистов был избран членом Конституционного Суда РСФСР. С этого момента началась его деятельность как представителя новой государственной власти. В собрании музея хранится его служебное удостоверение члена Конституционного суда РСФСР № 001, выданное 2 декабря 1991 г.⁵ Значимость этого документа в том, что Конституционный суд был создан в России впервые в 1991 г., и мы имеем первое удостоверение этого нового органа власти. Среди других материалов о Конституционном суде: Постановление съезда народных депутатов РСФСР «Об утверждении Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 12 июля 1991 г., обращение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в Конституционный Суд РФ в связи с завершением формирования КС РФ 14 февраля 1995 г.

Э.М. Аметистов был экспертом Конституционной комиссии съезда народных депутатов, присутствовал на IV съезде народных депутатов РСФСР в мае 1991 г., на котором были приняты поправки к Конституции и утвержден пост Президента РСФСР. В ГИМ хранится гостевой билет Э.М. Аметистова на заседания этого съезда⁶. В 1993 г. был представителем Конституционного суда РФ в Конституционном совещании РФ (Конференция представителей органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций, созванная Президентом РФ в 1993 году для завершения подготовки альтернативного проекта новой Конституции РФ (так называемый президентский проект), участвовал в подготовке проекта Конституции РФ 1993 г.

Большой интерес представляют рабочие блокноты Э.М. Аметистова. В них записи о Конституционной реформе, заседаниях Государственной думы, о взаимоотношениях Президента РФ и парламента. Эрнест Михайлович подробно разбирает соответствие законов РФ Конституции, таких как «Закон об обороне», «О применении женеvских конвенций в армии», законы о внутренних войсках, о милиции и других.

Есть записи с оценкой событий августа 1991 г., значения Беловежских соглашений. Э.М. Аметистов считал, что распад СССР, этой огромной тоталитарной империи, был предопределен объективным ходом истории. Но процесс мог пойти другим путем. Он допускал постепенный переход сверхцентрализованного государства в парламентскую форму конфедерации, уже был готов проект Федерального договора. «Но тут вмешался субъектив-

ный фактор — дурацкий и постыдный августовский путч, который пресек эволюционное развитие». Э.М. Аметистов утверждал, что путчисты главные виновники распада СССР, т. к. главной цементирующей силой советской империи была КПСС. Как только она прекратила существование, Союз стал распадаться, но именно августовские путчисты нанесли по КПСС, а значит, и по Союзу последний смертельный удар.

Беловежские соглашения с точки зрения Э.М. Аметистова, предотвратили силовые варианты насильственного распада и кровавой бойни и дали возможность свободного независимого развития всех бывших советских республик.

По долгу службы Э.М. Аметистов присутствовал на многих официальных мероприятиях, о чем свидетельствуют хранящиеся в музейном фонде, приглашения на эти мероприятия, встречи и т. д. Из них можно выделить приглашения на торжественную церемонию вступления в должность вновь избранного президента РФ Б.Н. Ельцина 9 августа 1996 г. и торжественный прием в Государственный Кремлевский дворец по этому случаю, программу Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия» 12 августа 1995 г. с автографом В.С. Черномырдина.

Вся научная и практическая деятельность Э.М. Аметистова была ориентирована на защиту прав человека. Еще во времена Советского Союза он был известен не только в СССР, но и за рубежом, как юрист-международник, крупный специалист по правам человека. Участвовал в различных международных конференциях и семинарах по проблемам правозащитной деятельности. Из них можно отметить конференцию «Защита прав человека и уголовная юстиция в Центральной, Восточной Европе и Советском Союзе», проходившая в Греции, в Сиракузах 24 ноября — 1 декабря 1991 г. В отделе письменных источников ГИМ хранятся записи (9 листов), сделанные Аметистовым во время заседаний на бланках Международного института исследований в области уголовно-правовых наук — организатора этой конференции; в августе 1991 г. ученый участвовал в практикуме «Международные стандарты в области прав человека», проводимым ООН в Москве, а в ноябре 1992 г. — в Международной конференции союза юристов против смертной казни в Женеве. В январе 1993 г. он был в качестве эксперта на заседании Совета Европы в Страсбурге «Права человека в начале XXI века»; в июне 1993 г. принял участие в Международной конференции по правам человека в Вене и др. Географию и темы конференций наглядно можно проследить, увидев бейджики участника этих мероприятий Э.М. Аметистова.

В комплексе материалов Э.М. Аметистова большая подборка приглашений на различные неофициальные мероприятия и приемы, в том числе в посольства многих стран: по случаю национальных праздников: США, Испании, Великобритании, Австралии, Люксембурга, Израиля, Германии и др.; по случаю прибытия коллег из Конституционного суда Союзной республики Югославии, Конституционного совета Французской республики, Президента Федерального суда Швейцарии, официального визита в РФ президента Республики Польша Ал. Квасьневски (1996) и др.

Общественная деятельность Э.М. Аметистова в качестве члена Московской Хельсинской группы (Московская группа содействия выполнению Хельсинских соглашений), одного из основателей и авторов устава историко-просветительского общества «Мемориал», участника создания музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека имени академика Андрея Сахарова» связана с демократическим и правозащитным движением в стране. В музейном собрании сохранились приглашения на открытие музея и центра 20 мая 1996 г., пригласительный билет на «Праздник свободы — сахаровская маевка», приуроченная ко дню рождения А.Д. Сахарова 21 мая, приглашение на «пятилетку гласности», посвященную 5-летию Фонда защиты гласности (российская общественная некоммерческая организация, созданная в Москве в 1991 г., действующая в качестве «скорой журналистской помощи» с целью создания правового пространства для СМИ).

Среди представленных в музейном собрании материалов о правозащитной деятельности — новый устав благотворительной общественной организации «Московская группа содействия выполнению Хельсинских соглашений (Московская Хельсинская группа)» с пометками Э.М. Аметистова; письмо от Л.М. Алексеевой и Л.А. Пономарева (автографы) по поводу создания Межрегиональной ассоциации правозащитных организаций (1996). В сентябре 1991 г. Эрнест Михайлович представлял Хельсинскую группу России на предварительных слушаниях Международной Хельсинской федерации по правам человека в Вильнюсе. Сохранился его бейджик с этого мероприятия.

После смерти Э.М. Аметистова 7 сентября 1998 г. его вдова О.Н. Зименкова создала фонд — «Центр защиты прав человека имени Э.М. Аметистова». Деятельность фонда была направлена на просвещение российских граждан, особенно молодежи, в области защиты прав человек, что Аметистов считал особенно важным. Лекции по проблемам международно-правовой защиты прав

человека и конституционным основам защиты прав человека читали ведущие российские и зарубежные специалисты. Слушателями стали студенты и аспиранты московских вузов — юристы, политологи, экономисты, журналисты, экологи.

Вот, что писала о фонде в газете «За права человека» одна из ее слушательниц И. Лузгина: «...В фонде я встретила своих друзей, людей, которые, также как и я, стремятся что-то изменить в жизни, которые знают, что за нами будущее и что только мы с помощью полученных знаний сможем улучшить ситуацию в нашей стране, вывести ее на один уровень с европейскими странами»⁷. В музейном фонде хранится несколько номеров этой общероссийской газеты региональных правозащитных организаций Общероссийское общественное движение «За права человека». Один из номеров газеты (1999. № 6—7) открывался статьей «Аметистов не ушел» Ю.М. Некрасова — члена попечительского совета фонда им. Э.М. Аметистова, посвященная первой годовщине смерти Эрнеста Михайловича⁸.

О работе фонда также свидетельствуют несколько объявлений о лекциях из цикла «Международная защита прав человека», а также листовки-приглашения «Приходите учиться в Фонд Аметистова». Завершается комплекс материалов Э.М. Аметистова программой «Аметистовских чтений», проходивших в сентябре 2016 г. в Центре им. академика А.Д. Сахарова.

Значительную часть архива семьи составляют материалы родителей Э.М. Аметистова. Его отец Михаил Евгеньевич Аметистов (1909—1985), поэт, прозаик, очеркист и военный корреспондент, происходил из старого рода русских православных священников из Воронежской губ. Дед Эрнеста Михайловича Евгений Васильевич (1884—1938) окончил Воронежскую духовную семинарию, служил в церквях кубанских станиц, Краснодаре, Темрюке. В 1933 г. был назначен епископом Петрозаводска и всех приходов области. В период сталинских репрессий он был арестован в январе 1938 г. и в том же году расстрелян.

Будучи из семьи социально-чуждых элементов, Михаил Евгеньевич не мог рассчитывать на получение высшего образования, занимался самостоятельно. В 1928 г. в Воронежских изданиях стали появляться его стихи, подписанные «Михаил Чужой». Печатался он в литературном приложении к областной газете «Коммуна», журнале «Подъем», областном альманахе «Литературный Воронеж», поэтических сборниках. В 1930—1936 гг. М.Е. Аметистов служил на Балтфлоте, жил в Ленинграде, в 1936 г. вернулся в Воронеж. Сведения взяты из характеристики, данной М.Е. Амети-

стову ответственным секретарем Воронежского отделения ССП О. Кретовой в конце 1940-х гг.⁹

Большая часть материалов М.Е. Аметистова относится к периоду Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Михаил Евгеньевич был призван в Красную Армию на второй день войны, в качестве фронтового корреспондента. Он прошагал всю войну от звонка до звонка, испытал весь позор отступлений, поражений и всю радость побед; участвовал в Курской битве, боях под Кенигсбергом, освобождении Белоруссии и Польши и закончил ее в Берлине. С марта 1942 г. Михаил Евгеньевич воевал в составе 3-й армии, в газете «Боевое знамя», сначала в должности поэта, затем спецкорреспондента. Во фронтовой газете он печатал стихи, очерки, рассказы, оперативные корреспонденции, критико-библиографические обзоры. В 1944 г. в Воронеже вышла книжка его фронтовых стихов «У переднего края».

О том, как он воевал, позднее вспоминали его товарищи по 3-й армии. В поздравлении ему по случаю 75-летия они писали: «Мужественный, принципиальный и талантливый журналист, готовый выполнить любое поручение, постоянно находившийся в передовых частях»¹⁰. В 1943 г. М.Е. Аметистов получил свою первую боевую награду орден Красной Звезды. Всего за время войны был награжден 3 орденами и 3 медалями. В наградном листе к ордену Красной Звезды было написано: «Во время всех наступательных боев нашей армии находился на передовых позициях с наступающими частями. Он умело и оперативно показывает в газете отличившихся в боях героев и их подвиги. Материалы т. Аметистова воспитывают у фронтовиков чувство лютой ненависти к немецким захватчикам. Его статьи, очерки, корреспонденции читаются бойцами и командирами с большим интересом. В последних боях т. Аметистов показал себя как мужественный командир 12.08.1943 г.»¹¹.

В письме к сыну 24.08.1943 г. Михаил Евгеньевич подробно описывал, как вручали ему первый орден: «...Пишу тебе первому. Меня наградили орденом Красной Звезды. Посылаю нашу газету, где в списке награжденных ты найдешь и мою (а значит и твою фамилию). Орден, Эринька, — большая награда, и я его получил за то, что точно выполнял все приказы, без страха участвовал в боях, и как другие, вместе со всеми, защищал мою, нашу Родину. Запомни это сыночек.

Ну, а теперь расскажу тебе, как мне вручали орден. Приказ о том, что я награжден пришел к нам утром. Меня и еще трех награжденных поздравляли товарищи: офицеры, сержанты, рядовые. Было очень радостно. А на другой день к вечеру приехал гене-

рал, полковники и привезли с собой ордена. Мы все выстроились на лесной опушке и генерал произнес речь. Это настоящий боевой генерал. У него, брат, знаешь сколько орденов? Во всю грудь. Он вызвал меня и сказал: „Поздравляю вас с правительственной наградой и желаю дальнейших успехов!“ Я взял орден и ответил ему, как полагается, коротко: „Служу Советскому Союзу!“ А сердце мое, Эринька, билось очень сильно. Ведь это народ наш русский, Родина наша наградила меня за то, что я верен клятве и защищаю ее от врагов. Получить же награду от народа, от Родины — большое счастье. Ну, а потом мы сели за столы и стали пировать. Поднимали бокалы за Сталина, за счастье нашей родной страны, за наши семьи, за наших детишек. Генерал же поднял бокал и сказал: „Я пью за здоровье награжденных“. И назвал мою, а также фамилии других.

До позднего вечера мы веселились, пели песни, рассказывали друг другу смешные истории о немцах, о наших. А утром все мы разъехались по разным участкам фронта, чтоб снова и снова писать о наших героях»¹².

Сохранилось большое количество писем М.Е. Аметистова к семье. Первые письма датируются началом сентября 1941 г., когда он находился под Москвой, в Балашове. 3 сентября он писал: «Будни войны — скучная вещь. Живешь мелкими событиями. Ах, хоть бы скорее начались бои! Это не только мое желание, это желание всех бойцов»¹³.

Письма шли сначала в Воронеж, затем в Семипалатинск, Караганду, куда была эвакуирована семья. Письма к семье писались при каждой возможности. Все они проникнуты беспокойством и тревогой за семью, их жизнь в эвакуации. Тяжело переживал разлуку с маленьким сыном, которого безгранично любил, постоянно думал о его будущем.

24.04.1942 г. к восьмилетию Эрика Михаил Евгеньевич писал: «Мне очень и очень хотелось бы побыть на твоём празднике, повеселиться с тобой, твоими товарищами и с нашей мамочкой, но в этом году нам придется быть отдельно. Для того, чтобы ты мог спокойно и счастливо расти, мне, моим товарищам и всей Красной Армии нужно разбить и уничтожить немецких фашистов»¹⁴.

Придумывал игры для сына: «Да, а как поживают твои буквы-путешественники? А не сочинить ли нам продолжение этой веселой истории? Ты рисуй, а я буду присылать стихи. Хорошо? Вот для начала: 1. Как-то буквы собрались, // Снова делом занялись // И решили так они: // — Кто из нас совсем взаправду // самый сильный, самый храбрый — // тот с далекой стороны доберется до войны! ...»

2. Мягкий знак — худой и длинный, // С тонкой шеей журавлиной // Поглядел на небосвод — // видит в небе самолет // он немножечко подпрыгнул // (через школу перепрыгнул!) // Уцепился на крыло — // вот ему как повезло».

В другом письме новые приключения букв: «Что такое? Пыль клубится! // По дорогам и без них // Кто-то мчится, мчится, мчится // Кто-то мчится напрямик // Это «Т» спешит, волнуясь, // Чтобы мягкий знак догнать // За страну свою родную // вместе с другом воевать. // 7. Что же дальше приключилось? // Буквы храбро с немцем бились. // Мягкий знак ходил в разведку, // Т стрелял прекрасно, метко, // Ну, а Г — тот без опаски // подносил боеприпасы. // Так на фронте повелось: // Дело сразу всем нашлось!»¹⁵

Едва научившись писать, Эрик отправил отцу на фронт первое письмо (октябрь 1942 г.): «Дорогой папа! Получил твое письмо о летчике Анатолии. Он очень храбрый. Я учусь отлично. Целую тебя крепко Эрик». В другом письме: «...Мне очень понравилась „Пионерская правда“ и твои стихи. Я учусь отлично. Целую крепко Эрик.»¹⁶

Михаил Евгеньевич писал жене, как важно на фронте знать, что его ждет семья, помнит о нем, пишет. Из письма жене от 28.02.1943 г.: «За завтраком пришел почтальон и принес посылку. Она была встречена криками „Ура“. Все, все получил. А, главное, рисунки сына. Мы их все вместе рассматривали и хвалили. Ты только представь, Рая, как радостно после только что пережитого получить „кусочек дома“, вспомнить о ваших комнатах, о вас, родные мои. Сердце переполнено было этой радостью. Эта весточка была нам (не только мне) утешением. У нас горе — убит наш товарищ, фото-корреспондент Марк Брискин...». В письме сыну он писал: «Очень хочу, чтобы ты был самым лучшим учеником»¹⁷.

Он посылал родным фронтовые газеты со своими стихами и корреспонденциями. Раиса Соломоновна (жена М.Е. Аметистова) писала в ответ: «Газету с твоими стихами принесла в школу, читала своим товарищам. Все с большим интересом рассматривали ее и читали»¹⁸.

В письмах М.Е. Аметистова содержится много сведений о фронтовом быте, происшедших событиях, боях, впечатления об увиденном. В них — ясное понимание значимости происходящего: «Все это принадлежит истории». В октябре 1943 г. он писал: «...Позавчера видел, как из лесу на дорогу вышел партизанский отряд. Мы только что вошли в этот лес, а они шли нам навстречу. Горло мне сдавило, я чуть не заревел, да и другие тоже. А были и такие, что плакали. О партизанах нужно писать не чернилами,

а кровью сердца, душой, всем существом! Среди них есть люди, потерявшие все: семью, дом; они живут лишь одним: мстью»¹⁹.

Большое впечатление производит подробное описание боя в одном из его писем: «На утро начался бой. Я сидел в землянке наблюдательного пункта и смотрел в амбразуру. Видно было все поле сражения. // Бой начала наша артиллерия. Гул стоял такой, что уши болели и, разговаривая, приходилось кричать, чтобы слышать друг друга. Снег взлетал в воздух и пылью разлетался вокруг. Фонтанами поднималась черная земля. В небе появились наши самолеты. Они шли по три и бросали на немцев тяжелые бомбы, от которых в нашей землянке дрожало каждое бревно, а телефон на столе подпрыгивал. // Потом стало тихо. И я увидел, как поднялась со снега и пошла в атаку наша пехота. // Первые цепи были из моряков. Они шли во весь рост, стреляли из автоматов, кричали: „Ура!“ // Еще накануне они все были в шапках, а нынче надели морские безкозырки и ветер развивал черные ленточки с золотыми якорями. // Немцы били из пулеметов, из автоматов, из винтовок. // Некоторые наши падали — убитыми и ранеными, а остальные все шли и шли. // Я слышал, как кричали моряки: „Вперед, братки! За наши корабли, за Сталина!“ и все шли. // Они добрались до колючей проволоки, которую протянули немцы. Проволока толстая и резать ее было трудно. Тогда моряки стали раздеваться. Они снимали шинели и бросали их на проволоку, а потом лезли через неё сами. Некоторые брали убитых товарищей и также кляли на проволочные заграждения, ползком перебирались по трупам. // А немцы все стреляли. // Наконец моряки прорвались к окопам немцев, попрыгали туда и штыками и гранатами стали убивать фашистов. // Первая линия обороны немцев была прорвана. // Это было тяжело сынок, многие не вернулись из этого боя, но все славно дрались за нашу Россию. 17.03.43 г.»²⁰.

В его письмах можно найти и описание фронтового быта: «Сижу в гостях у зенитчиков-пулеметчиков и пишу. Только что они меня „искупали“. Построили „баню“. Баня эта вырыта на склоне оврага. Соломенные стены, пол чистый и сверху на крыше землянки — бочка подогреваемая костром. От нее шланг и душ. Чудесно выкупаешься»²¹.

Значительную часть документов М.Е. Аметистова периода Великой Отечественной войны составляют благодарности Верховного Главнокомандующего. Появившиеся после Курской битвы, они являлись документальными свидетельствами стойкости и мужества советских воинов. Первая благодарность объявлена М.Е. Аметистову 26 ноября 1943 г. «За освобождение г. Гомель».

В 1944 г. он получает благодарности «За освобождение г. Рогачева», «За отличные действия в боях по окружению и уничтожению Бобруйской группы немецких войск и за освобождение г. Бобруйска», за освобождение г. Волковыск, Белосток и другие операции²². По этим благодарностям можно проследить путь 3-й армии в ее движении на Запад и освобождение советских городов. В 1945 г. получил много благодарностей за участие в Восточно-Прусской наступательной операции, в которой М.Е. Аметистов участвовал в составе 348-й стрелковой Бобруйской Краснознаменной дивизии в качестве корреспондента армейской газеты «Красноармеец». На основании этих документов можно буквально по дням проследить продвижение наших войск и разгром восточно-прусской группы немецких войск юго-западнее Кенигсберга: 17 января 1945 г. — за прорыв обороны немцев на западном берегу р. Нарев; 22 января — за овладение Алленштайном; 23 января — за овладение городами Восточной Пруссии (Вилленберг, Ортельсбург, Морунген, Заальфельд, Фрайштадт); 21 января — овладение городами Найденбург, Танненбург, Едвабно, Аллендорф; в феврале — Вормдитт, Мельзан; в марте — Браунеберг, Хайлигенбайль²³. В конце войны он принимал участие в Берлинской наступательной операции и 7 мая 1945 г. вышел на Эльбу, где встречался с американскими союзниками.

После войны М.Е. Аметистов возвращается в Воронеж, где работал специальным корреспондентом газеты «Коммуна». В конце 1940-х гг. в Воронежском отделении ССП готовилось дело на местных писателей. Естественно, Михаил Евгеньевич с его происхождением попадал под эту акцию. Пришлось срочно покинуть Воронеж — менялись разные города и газеты. С 1949 по 1961 г. жил в Сталинграде, где были опубликованы его книги: «В семье друга» (Сталинград, 1955); «Верность за верность». (Сталинград, 1961). С 1957 г. — член Союза журналистов СССР. Работал сначала спецкором в газете «Молодой ленинец» — органе Сталинградского обкома ВЛКСМ, затем зав. отделом культуры и быта «Сталинградской правды» — органе обкома КПСС. В фонде Исторического музея хранятся почетные грамоты обкомов КПСС и ВЛКСМ М.Е. Аметистову за активное участие в работе газет в связи с юбилеями газет, в связи с 50-летием со дня рождения М.Е. Аметистова и др.²⁴

В поздравлении Михаилу Евгеньевичу от коллектива редакции газеты «Молодой ленинец» по случаю юбилея газеты говорилось: «В „Молодом ленинце“ есть и частица Вашего горячего сердца, в нем продолжают жить лучшие традиции бывших младоленинцев... Молодые журналисты, переняв эстафету их Ваших рук, бу-

дут помнить Вас — первых младоленинцев... Мы помним Вас, преклоняемся перед Вашим энтузиазмом и выражаем глубочайшую признательность учеников — своим учителям. г. Волгоград. Декабрь 1974 г.»²⁵

В 1970 г. М.Е. Аметистов переехал в Москву. Работал в АПН. В архивном комплексе (ГИМ ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281) хранятся документы: служебное удостоверение старшего редактора ГРЦМ (Главная редакция централизации материалов), почетные грамоты руководства АПН за лучшие показатели в социалистическом соревновании коллектива АПН по итогам работы в 1973, 1974, 1977 гг., в связи с 60-летием ВОСР²⁶.

Судьба матери Э.М. Аметистова Раисы Соломоновны Иткиной (1907—2001) типична для девушки из еврейской семьи, которой Советская власть дала возможность получить высшее образование, стать кандидатом наук, преподавателем вуза. В фонде «Свидетельство о рождении Р. Иткиной» на бланке «МВД. Воронежский общественный Раввин»: «Дано сие от Воронежского Раввина в том, что в метрической тетради о родившихся евреях по г. Воронежу за 1907 г. на стр. 19 под № 33 графы женский значится акт следующего содержания: „1 сентября 1907 г. у Монастырщинского мещанина Могилевской губ. Мстиславского уезда Залмана Абрамова Иткина от жены его Маши Вольковны родилась в г. Воронеже дочь, ей дано имя Ривка“»²⁷.

В своей автобиографии Раиса Соломоновна пишет, что родилась в семье служащего. Сохранилось свидетельство о рождении ее отца Залмана «в 1874 г. у мещанина Абрама Аронова Иткина от жены его Ривки Евелевны в г. Новозыбкове». Подпись: «Клинцевский общественный Раввин»²⁸.

В воспоминаниях, написанных в 1980-х гг., Раиса Соломоновна писала: «Папа работал сначала агентом по распространению швейных машин «Зингер», а потом заведующим магазином». Это подтверждает сохранившийся документ мануфактурной компании «Зингер»: «Сведения о произведенной ревизии в селе «Красный Яр» 1902 г.» на бланке фирмы²⁹. Однако в бессрочной паспортной книжке, выданной в 1908 г. мещанину Залману Иткину, в качестве рода занятий записано: «слесарь, военнообязанный — зачислен в ратники 2-го разряда». Есть и Свидетельство: «По указу Его Императорского величества дано из Велижской общей Ремесленной Управы... мещанину Залману Абрамову Иткину в том, что на основании представленных документов, согласно постановлений цеховой и Регистренной Управы и экзамена, он признан мастером слесарного по починке... машин — занесен в книгу по кузнечно-

слесарному цеху 27 октября 1899 г. — с правом производить оное ремесло с содержанием подмастерьев и учеников». Свидетельство выдано 31 декабря 1901 г. Подпись: «Ремесленный Голова»³⁰.

Накануне революции 1917 г. семья переехала в Острогжск Воронежской губ., где Раиса поступила во 2-й класс женской гимназии. Там они пережили гражданскую войну и еврейские погромы. Семью спасло то, что в их доме находился штаб генерала А. Шкуро. После окончания гражданской войны семья переехала в Воронеж. Там Рая поступила учиться уже в новую 9-летнюю советскую школу, которую окончила в 1924 г.

Всю дальнейшую ее жизнь и профессиональную деятельность можно проследить на основании многочисленных документов Р.С. Иткиной и ее воспоминаний, написанных в конце жизни. Нужно отметить, что именно благодаря Раисе Соломоновне и образовался архив семьи. После окончания школы Р.С. Иткина поступила в педологический техникум. «... Преподавание там было поставлено значительно лучше, чем в школе... Но влияние „новых идей“ в педологии уже чувствовалось. Нас учили по „Дальтон-плану“, коллективными методами, что ни к чему хорошему не приводило»³¹. Учась на третьем курсе техникума, в 1926 г. она поступила в Воронежский университет на лингвистическое отделение педфакультета. Читаем ее записи о преподавании в университете: «...Стали внедряться новые, якобы прогрессивные методы преподавания, как-то „Дальтон-план“, бригадный метод сдачи зачетов, когда один студент (по очереди) готовился и отвечал преподавателю, а остальные члены бригады механически получали зачет, только присутствуя при этом, отметки были отменены, экзамены также. Не было дипломов по окончании университета, выдавались просто свидетельства. Обучение было 4-х годичное»³². Интересно Удостоверение, выданное во время обучения в университете: «Слушателем Воронежского Гос. Университета гражданкой Иткиной Р.С. курс высшей допризывной подготовки по пехотному уклону (Закон об обязательной военной службе) пройден с отметкой Удовлетворительным. 15 мая 1930 г.»³³.

Из документа «Свидетельство об окончании Воронежского Педологического техникума им. Академии Наук СССР Иткиной Р.С... по школьному отделению» можно узнать, какие предметы изучались в педологическом техникуме в 1927 г.: «1. С/х естествознание с эволюционной теорией; 2. Обществоведение (Советское право, История ВКП(б). Этапы развития общественных форм, исторический материализм); ...12. Педология; 13. Народное образование в районе и в РСФСР; 14. Теория и практика трудовой

школы; 15. Политико-просветительная работа с населением. Признана вполне достойной квалификации учителя школы 1 ступени. 1 июня 1927 г.»³⁴.

Учась в университете, Раиса Соломоновна одновременно работала диктором радиоцентра Воронежского управления связи. Позднее она вспоминала: «Прошла пробы — и, начиная со 2-го курса (1928) и до отъезда из Воронежа (1930) я была первой воронежской дикторшей и вещала со всех микрофонов, укрепленных на высоких столбах на площадях г. Воронежа, басовитым голосом (качество аппаратуры) воронежские новости два раза в день рано утром и вечером вдвоем со 2-м диктором мужчиной»³⁵.

В 1930 г. вышла замуж за М.Е. Аметистова и уехала с ним в Ленинград, где он проходил службу на Балтфлоте. Там началась ее педагогическая деятельность в школах Ленинграда, которая сочеталась с активной общественной работой. Сохранились справки о работе в школах Ленинграда. Например: «Справка дана преподавателю Иткиной Р.С. в том, что она во время пребывания в 147 школе... была членом местного комитета, председателем культпросветительного сектора, а с апреля 1931 г. — председателем месткома, была ударником и проявила себя как активный работник. 4/IX.31 г.»³⁶. В выписке из характеристики учителя средней школы Ленинграда И.С. Иткиной говорилось: «Хороший воспитатель. Помещение ее класса имело в течение всего года самый культурный вид. Класс ее выделяется своей работоспособностью, организованностью и культурным уровнем учащихся»³⁷.

В 1936 г. семья Аметистовых уже с маленьким Эриком вернулись в Воронеж, где Раиса Соломоновна преподавала русский язык и литературу в школе и в Воронежском театральном училище. В 1937 г. она получает аттестат на звание учителя средней школы: «Иткина Р.С., окончившая в 1930 году Воронежский университет и прошедшая установленный испытательный стаж педагогической работы в школе, удостоена на основании Постановления ЦИК и СНК СССР о введении персональных званий для учителей от 10 апреля 1936 г. звание учителя средней школы. 4 октября 1937 г.»³⁸. На основании этого Постановления все учителя страны подвергались персональной аттестации. Этот документ представляет большой интерес для изучения истории советской образовательной системы.

В «Воспоминаниях» Р.С. Иткина пишет об обстановке в школе и в газете «Коммуна», где работал ее муж, в 1937 г.: «В школе, где я работала, чуть ли не ежедневно на большой перемене происходили профсоюзные собрания, на которых предпрофкома объяв-

ляла то „врагом народа“, то „женой врага народа“ того или иного преподавателя и их исключали из профсоюза. Это значило, что накануне ночью их арестовали. В редакции газеты „Коммуна“ тоже шли аресты. За анекдоты, за невпопад сказанное слово, главным образом по доносам. Жить стало страшно»³⁹.

На второй день войны муж Раисы Соломоновны М.Е. Аметистов ушел на фронт. Началась постоянная переписка с мужем. Сама Раиса Соломоновна с маленьким сыном и родителями эвакуировалась сначала в Семипалатинск, а затем в Караганду вместе с Воронежской школой ВВС, где работал ее отец. Сохранилось удостоверение, выданное переселенческим отделом Воронежского Облсовета депутатов трудящихся 8 октября 1941 г. Иткину З.А. — зав. столовой спецшколы № 6 ВВС, что согласно указаниям Совета Эвакуации, он эвакуируется вместе с семьей, состоящей из 6 человек вглубь страны. Р.С. Иткина вспоминала: «Мой отец и брат Абраша накануне войны работали в Воронежской спецшколе ВВС. <...> Спецшкола ВВС одной из первых эвакуировалась из Воронежа. С ней уехала и наша семья. <...> Наши вещи и нас погрузили в товарные вагоны, и мы отправились в далекую Караганду. Больше месяца мы добирались до нее. // Доехали до Алма-Аты. 1-е письмо от Михаила. Отправились в Караганду, вернее в Михайловку, шахтерский поселок. <...> Сначала нас разместили в бараке, где было очень холодно, печи не топились — не было угля. <...> Умер отец. // Я начала работать в спецшколе сначала в качестве кастелянши <...> затем преподавателем русского языка и литературы. <...> К тому времени нас поселили в маленький домик. // Все учащиеся носили военную форму: гимнастерки, пилотки, шинели. Нам, учителям, тоже выдали летнюю форму: открытые синие кители, под которые мы женщины носили белые блузки с черными галстуками, синие юбки, синие пилотки, сапоги. Зимой надевали шинели, шапки-треушки, валенки»⁴⁰.

Сохранились документы того времени: выписки из приказов по 6-й спецшколе военно-воздушных сил: от 10.1.43 г. «За высокое педагогическое мастерство, за правильное методическое и высококачественное проведение уроков, обеспечивающее прочные знания учащихся, объявить благодарность Иткиной Р.С.»; от 23.2.44 г. «За чуткое внимание к учащимся спецшколы и за заботливое отношение к подготовке достойного пополнения офицерских кадров РККА объявить благодарность преподавателю тов. Иткиной»⁴¹.

Помимо преподавания Р.С. Иткина была командиром взвода курсантов. Она сохранила фотографии курсантов, подаренные ей с надписями: «На память командиру взвода от ее воспитанника

Третьякова Вилена. 15/VI-43 г. Караганда»; «Ком. Взвода на память от Гаевского Ю. 10.6.43». За свою работу в годы войны Р.С. Иткина была награждена медалью «За победу над Германией в ВОВ».

В 1944 г. семья вернулась в Воронеж. Раиса Соломоновна работала в различных учреждениях: в Воронежском техникуме железнодорожного транспорта, музыкальном училище, литературным секретарем в альманахе «Литературный Воронеж», референтом общества по распространению политических и научных знаний. Сохранились, выданные ей справки с этих мест работы⁴². В это же время Раиса Соломоновна начинает свою педагогическую деятельность в Воронежском университете и на кафедре русского языка Воронежского пединститута, где она постоянно работала с 1956 г., совмещая преподавательскую деятельность с общественной. В 1965 г. Р.С. Иткина защитила диссертацию на звание кандидата филологических наук. В ее архиве хранится типичный документ советского времени — зачетная книжка и удостоверение слушателя вечернего университета марксизма-ленинизма при Воронежском горкоме ВКП (б) от 1 декабря 1948 г. и Свидетельство об окончании вечернего Университета марксизма-ленинизма с 2-х годичным сроком обучения с сентября 1948 по июль 1950 г.⁴³

Как уже отмечалось, именно благодаря Р.С. Иткиной и образовался архив семьи. Она хранила как все свои документы, так и других членов семьи. Среди них документы ее младшего брата Григория, пропавшего без вести в октябре 1941 г. в районе Ельни. «Мой младший брат Гриша в 1940 г. был взят на военную службу с 1-го курса мединститута, и когда началась война, был отправлен на фронт. Его часть находилась в составе 20 армии Западного фронта <...> эти части попали в мешок в районе Ельни. Это было в октябре 1941 г. До этого мы получили от Гриши 3 письма. Больше от него никаких вестей не было»⁴⁴.

Среди документов Григория имеются «Свидетельство о рождении Иткина Г.З. 6.01.1921 г. в г. Острогожске Воронежской области»⁴⁵; «Аттестат об окончании 12 средней школы г. Воронежа Иткину Гершону Залмановичу. Все предметы с оценкой „отлично“. На основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП/б/ от 3/1X 1935 г. Иткин Г.З. пользуется правом поступления в высшую школу без вступительных экзаменов»⁴⁶. Способный, талантливый юноша, которого ждало блестящее будущее. Все оборвала война. Г.З. Иткин — младший сержант, артиллерист, командир отделения.

В сентябре 1941 г. он писал родителям: «Мои дорогие!.. Я, со своей стороны, твердо уверен, что прежде чем погибнуть (что, конечно, на крайний случай) я уложу в гроб не одного из тех,

кто пришел на нашу землю пожить. <...> Передайте всем, мои дорогие, что бойцы Западного направления, под командованием тов. Тимошенко <...> не отдадут врагу Москву, а покажут ему Москву так, как это делают ребяташки «За ушко, и на солнышко», да, пожалуй, он и белому свету рад не будет, пусть идет к другу своему — сатане»⁴⁷.

В последнем письме сестре от 21.09.1941 г. содержится описание зверств фашистов: «Мне самому приходилось видеть следы, оставленные этими зверями — сожженные дотла деревни, трупы убитых и замученных мирных жителей; видел я, как фашистские самолеты бросали бомбы на дороги, запруженные стариками, женщинами и детьми, расстреливали их из пулеметов, а затем бросали листовки «сдавайтесь в плен, вам обеспечено хорошее обращение». Знаем мы хорошее обращение этих варваров. Но и ответ им может быть один — чем можешь, тем уничтожай этих зверей в человеческом облике»⁴⁸. С этого момента никаких вестей от Григория больше не поступало.

В 1944 г. мать Г.З. Иткина получила извещение: «Ваш сын Иткин Гершон Залманович мл. сержант... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество пропал без вести в октябре 1941 года»⁴⁹. Р.С. Иткина в 1960-е гг. пыталась узнать о судьбе брата. Писала запросы в различные организации, архив Министерства обороны СССР, привлекала к этому сына. Окончательный ответ из отдела по учету персональных данных архива Министерства обороны получила в сентябре 1965 г.: «По данным отдела учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии значится мл. сержант Иткин Гершон Залманович, 1921 г. р. уроженец г. Воронеж, пропал без вести на фронте Отечественной войны в октябре 1941 г. 10.9.1965 г.»⁵⁰. Вся переписка Р.С. Иткиной с различными организациями по поводу судьбы брата хранится в ее архивном комплексе (ГИМ ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281).

В состав семейного архива входят и материалы семьи Ольги Николаевны Зименковой — вдовы Э.М. Аметистова. Ее отец Николай Нестерович Зименков (1916—1992) родился в многодетной семье в с. 2-я Ожега Кадошкинского р-на Мордовской АССР. После окончания школы-семилетки уехал в Барнаул к сестре, где год работал на заводе. По вызову брата приехал в Ленинград, поступил на рабфак Ленинградского института журналистики, который закончил в 1938 г. По комсомольской путевке в 1939 г. был направлен на учебу в Высшую дипломатическую школу в Москве.

С началом войны не был призван в армию, т. к. не прошел медкомиссию по зрению. Вместе с дипломатической школой был эва-

куирован в Ташкент. В 1942 г. в составе группы студентов ВДШ был командирован для совершенствования знания английского языка в Колумбийский университет (США), где пробыл год. Одновременно с учебой он работал в советском консульстве, о чем есть запись в трудовой книжке, посещал митинги солидарности с СССР, работал по ленд-лизу.

По возвращению в СССР Н.Н. Зименков был принят старшим референтом в отдел печати МИД СССР. Работал с американскими и английскими журналистами, сопровождал группу иностранных журналистов в Катынь для осмотра захоронения польских офицеров.

Во второй половине 1944 г. Н.Н. Зименков был прикомандирован к группе советского дипломата В.С. Семенова (с 1945 г. был политическим советником Советской военной администрации Германии — СВАГ, членом Советской контрольной комиссии в Германии, с 1953 г. Верховным комиссаром СССР в Германии и в дальнейшем — послом СССР в ГДР и ФРГ), которая разрабатывала план действий советской военной администрации на территории Германии. Зименков был переводчиком на переговорах советского командования с американским генералом Бредли, присутствовал 8 мая 1945 г. на церемонии подписания Акта о капитуляции Германских вооруженных сил в Карлсхорсте. После окончания войны он работал в СВАГ, старшим референтом в аппарате политсоветника В.С. Семенова. Входил в состав советской части Контрольного совета по Германии до его фактической ликвидации в 1949 г. В музее хранится (ГИМ ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281) удостоверение Н.Н. Зименкова — сотрудника СКК в Германии⁵¹. Это очень важный документ, в собрании ГИМ мало материалов о деятельности СВАГ, а такого рода документов нет вообще.

После возвращения из Германии Н.Н. Зименков с 1950 г. работал в отделе печати МИД СССР. К этому периоду относится ряд интересных документов, связанных с его работой: Почетные грамоты Министерства иностранных дел СССР и ЦК профсоюза работников государственных учреждений тов. Зименкову — советнику — «В связи с 40-летием ВОСР за отличную работу»; юбилейная грамота «50 лет Советской дипломатической службы 1917—1967 — за добросовестную работу в системе министерства. 27 декабря 1967 г.»⁵². На обеих грамотах стоит подпись-автограф А.А. Громыко.

Среди материалов архивного комплекса — приглашения Н.Н. Зименкову на официальные приемы: в честь правительственной делегации ГДР в Большой Кремлевский Дворец от Председа-

теля Совета Министров СССР — на бланке Председателя Совета Министров. 7 января 1957 г.; в честь Премьер-министра Финляндской Республики госп. К.А. Фагерхольма. 2 февраля 1957 г.; в честь Правительственной делегации Китайской Народной Республики во главе с Премьером Гос. Совета КНР Чжоу-Энь-лаем. 18 января 1957 г.; в честь Правительственной делегации МНР. 15 мая 1957 г.⁵³ и др.; от Председателя Президиума ВС СССР в Большой Кремлевский Дворец по случаю пребывания в СССР с государственным визитом делегации Чехословацкой Республики. 29 января 1957 г. и на проходивший там же митинг, посвященный дружбе между народами Советского Союза и Чехословацкой республики⁵⁴. Особый интерес вызывают приглашение на прием 13 мая 1955 г. в посольство ГДР по случаю вручения советским академиком дипломов об их избрании в члены-корреспонденты Немецкой Академии наук в Берлине, пропуска на Красную площадь в день 1-го мая 1957 г., на 7 сессию Верховного Совета СССР 4-го созыва 1957 г.⁵⁵ и др.

В 1957 г. в связи с полной потерей зрения Н.Н. Зименков был отправлен в отставку в звании советника 1-го ранга. Получив инвалидность 1-й группы по зрению Николай Никифорович активно занимался общественной работой в качестве члена Всероссийского общества слепых, принимал участие в деятельности Гагаринской первичной организации общества слепых. В архивном комплексе сохранились грамоты Центрального правления Всероссийского общества слепых «В связи с 50-летием ВОС», Московского городского правления ВОС «В связи с 60-летием Московской городской организации ВОС», «В связи с 55-й годовщиной ВОСР» и др.

В состав архива включены несколько документов и О.Н. Зименковой — известного юриста, профессора Академии внешней торговли и МГИМО МИД, вдовы Э.М. Аметистова. После окончания МГИМО Ольга Николаевна несколько лет работала на Кубе в Торгпредстве СССР, была награждена почетной грамотой ЦК ВЛКСМ «За активное участие в подготовке и проведении XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. 1978 г.» Хранится и другая наградная грамота О.Н. Зименковой от ЦК ВЛКСМ «За активную работу по коммунистическому воспитанию молодежи и успехи в трудовой деятельности. 1978 г.».

Среди представленных в музейном собрании документов О.Н. Зименковой имеются приглашения и пропуска на празднование 50-летия Победы в Великой Отечественной войне: пропуск на Красную площадь, где проходил Парад ветеранов войны и при-

гласительный билет на Поклонную гору, где был организован военный парад, а так же на другие мероприятия, связанные с юбилеями Победы.

Интересны документы Ольги Николаевны времен учебы в школе: «Зименкова Ольга ученица 2 «Б» класса средней школы № 23 Ленинского района города Москвы награждается настоящим дипломом за успехи в труде и учебе в день школьного «Праздника труда» решением педагогического совета, партийного бюро, комитета ВЛКСМ школы» и «Свидетельство о присвоении квалификации» ее брата Сергея: «С.Н. Зименков обучался в средней общеобразовательной трудовой политехнической с производственным обучением школе № 23 г. Москвы и окончил в 1964 году полный курс производственного обучения по профессии „печатник“. Решением квалификационной комиссии школы № 23 ему присвоена профессия „печатника“ и установлен третий разряд. 25 июня 1964 г.».

Таково основное содержание архива семьи Аметистовых — Зименковых. Хронологически документы охватывают период с конца XIX до начала XXI в. Биографии представителей семьи позволяют говорить о явлениях, характерных для общественной и повседневной жизни определенной социальной группы, в данном случае интеллигенции, в исторический период с 1920-х гг. до начала 2000 г. Представленный семейный архив — объемный и сложный по составу, сочетающий в себе типичность подобного рода источника и уникальность. На примере данного собрания мы видим разнообразие взаимосвязей содержимого архива с историческими событиями, эпохой, социальной средой.

Анализ архива показывает, что представители семьи принадлежат к общему социальному слою — интеллигенции, и разным профессиональным группам: учитель, преподаватель вуза, поэт, журналист, дипломат, юрист, общественный и государственный деятель. Характерными для этого социального слоя стали документы об образовании и обучении — от похвальных грамот и табеля успеваемости ученика младших классов, дипломов и аттестатов об окончании средних и высших учебных заведений до дипломов о присвоении ученой степени кандидата и доктора наук. Среди типичных документов советского времени — разнообразные грамоты за добросовестный труд: от школьных грамот Эрика Аметистова и Оли Зименковой, грамот обкомов КПСС и ВЛКСМ, ЦК ВЛКСМ, руководства МИД СССР и АПН, до грамот Центрального правления Всероссийского общества слепых. Большинство из них выдавались в связи с различными юбилеями организаций, самих людей, государственных праздников. Осо-

бенно часто встречаются грамоты, выдаваемые в годовщины Октябрьской революции — главного праздника СССР, когда подводились итоги соцсоревнований и достижений во всех видах труда.

На грамотах и некоторых документах имеются автографы известных государственных и общественных деятелей: А.А. Громыко, В.С. Черномырдина, Р.И. Хасбулатова, В.Д. Зорькина, Л.М. Алексеевой и др.

Практически в каждом семейном архиве хранятся материалы о Великой Отечественной войне и ее участниках. В данном случае представлен типичный подбор документов: полученные с фронта и отправленные на фронт письма, в том числе и детские, благодарности Верховного Главнокомандующего. Интересны материалы, связанные с жизнью семьи в эвакуации.

Таким образом, большая часть материалов архива Аметистовых — Зименковых содержит типичные для своего времени и социальной группы документы, дающие информацию о жизни российской интеллигенции в XX в. Особенность и уникальность другой части архива связана с дипломатической работой Н.Н. Зименкова и общественно-государственной деятельностью Э.М. Аметистова. Это, прежде всего, материалы о формировании новой государственной власти в России в постсоветский период, оформление нового государственного органа и его работе, не известного ранее в России, — Конституционного суда РФ. Интересны документы о правозащитной деятельности членов семьи, свидетельствующие о становлении демократического движения в России. Материалы об участии в международных научных и правозащитных мероприятиях, приглашения на официальные приемы в зарубежные посольства и на государственные приемы в Кремль в 1950-х гг. указывают на широкие международные контакты новой российской власти и ее представителей и на оживление международных контактов СССР после смерти И.В. Сталина.

Анализируя документы об образовании членов семьи, можно проследить, как развивалась система образования в СССР и осуществлялось преподавание в школе, техникуме, вузе: от «Дальтон-плана», бригадного метода сдачи зачетов, отдельного обучения мальчиков и девочек до превращения средней школы в 1960-е гг. в трудовую, политехническую с производственным обучением.

Неотъемлемой частью повседневной жизни людей в советское время было участие в общественной жизни государства и общества. Это относится практически ко всем членам семьи Аметистовых — Зименковых, всегда занимавших активную жизненную позицию. Они участвовали в работе профсоюзных комитетов,

учились в университете марксизма-ленинизма, работали в первичной организации общества слепых, занимались правозащитной деятельностью. Семью затронули все значимые события XX столетия, происходившие в стране, свидетелями или участниками которых были все ее члены: репрессии, Великая Отечественная война, эвакуация, послевоенная неустроенность. Напряженная обстановка в обществе приводила к необходимости менять место жительства.

Сохранившиеся документы музейного архива иллюстрируют, как в истории одной семьи отразилась судьба интеллигенции в определенный исторический период, глобальные процессы и ряд социально-культурных явлений отечественной истории. Таким образом, история XX в. раскрывается сквозь призму ключевых событий повседневной, трудовой и общественной жизни членов одной семьи.

Рассмотренный семейный архив как целостный исторический источник, включает в себя различные виды материалов: документы, фотографии, нумизматический материал, личные вещи, даже одежду и детские вещи маленького Эрика, которые всю жизнь бережно хранила его мать. В контексте этих источников происходит реконструкция истории семьи, определяется роль каждого ее члена в жизни семьи, страны, связь с историческими событиями, а с другой стороны, они дают представление о повседневной жизни определенной социальной группы общества. В этом заключается ценность семейных архивов как исторического источника.

Материалы семейного архива Аметистовых — Зименковых неоднократно экспонировались на выставках ГИМ: «X лет Конституционному суду РФ» (2001), «1943 год. Война глазами очевидцев» (2003), «250 лет Московскому университету» (2005), «По волнам нашей памяти» (2006), «С Новым годом, дорогие товарищи!» (2012).

¹ ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281. Л. 4, 9.

² Там же. Л. 10 и Ф. 585. НВ 6567/388.

³ ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Газета «За права человека». 2000. № 1.

⁸ ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281.

⁹ Там же. Л. 130.

¹⁰ Там же. Л. 127.

¹¹ ЦАМО. Фонд 33. Опись 682526. Ед. хр. 1062.

- 12 ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281. Л. 38.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 60.
- 15 Там же. Л. 7, 47, 48, 85.
- 16 Там же. Л. 65.
- 17 Там же. Л. 61.
- 18 Там же. Л. 66.
- 19 Там же. Л. 58.
- 20 Там же. Л. 47.
- 21 Там же.
- 22 ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281. Л. 105 — 110, 118.
- 23 Там же. Л. 111 — 117.
- 24 Там же. Л. 119 — 121, 128.
- 25 Там же. Л. 126.
- 26 Там же. Л. 122 — 125.
- 27 Там же. Л. 27.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 ГИМ. ОПИ. Ф. 585. НВ. 6567/388.
- 32 Там же.
- 33 ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281. Л. 16.
- 34 Там же.
- 35 ГИМ. ОПИ. Ф. 585. НВ. 6567/388.
- 36 ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281. Л. 25, 26, 31, 32, 34.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 ГИМ. ОПИ. Ф. 585. НВ. 6567/388.
- 40 Там же.
- 41 ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281.
- 42 Там же. Л. 14, 17, 18.
- 43 Там же.
- 44 ГИМ. ОПИ. Ф. 585. НВ. 6567/388.
- 45 ГИК ГИМ № 111223. ОПИ. Ф. 585. Арх. 6281.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Там же. Л. 90, 91.
- 53 Там же. Л. 92, 93, 95, 96.
- 54 Там же. Л. 97, 102.
- 55 Там же. Л. 98, 100, 101.

Л.В. Инджия

Запуск первого искусственного спутника Земли и создание станций визуально-оптических наблюдений за спутниками в 1957—1967 гг. в СССР: по материалам из собрания ГИМ

В начале XX в., на заре самолетостроения, учитель математики из провинциального русского города Калуги К.Э. Циолковский обосновал возможность применения реактивных двигателей для космических полетов и считал, что «первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за атмосферу, и стать спутником Земли»¹.

Идеи конструктора-одиночки были развиты в государственном масштабе. В 1930-е гг. в СССР была создана группа изучения реактивного движения, в последствие преобразованная в Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ). После Второй мировой войны на полигоне Капустин Яр (Астраханская обл.) проводили испытания ракет и пришли к выводу о возможности использования ракеты Р-7 для запуска искусственного спутника Земли (ИСЗ). В феврале 1955 г. в Советском Союзе было принято решение о создании космодрома для запуска искусственных спутников Земли и других космических аппаратов.

4 октября 1957 г. в 22 часа 28 минут 34 секунды по московскому времени с полигона Байконур в СССР был осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Спутник имел форму шара, изготовленную из алюминиевых сплавов (диаметр — 58 см; вес — 83,6 кг), и был выведен на орбиту многоступенчатой баллистической ракетой Р-7. Внутри корпуса спутника была размещена аппаратура и источники энергопитания. На 314,5 секунде после старта спутника впервые прозвучали его позывные. За рубежом эти сигналы стали называть особым словом «бип» (рис. 1).

5 октября 1957 г. центральные газеты «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва» опубликовали сообщение ТАСС о запуске первого ИСЗ. Весь мир был потрясен: на страницах зарубежной прессы печатались цветные рисунки, высказывались мнения и комментарии, было много вопросов, но больше всего интере-

Рис. 1. Сувенир «Первый искусственный спутник Земли». СССР. 1957 г.

совал один — вес спутника. Цифра 83,6 кг казалась невероятной. Создание спутника имело огромное политическое значение и вопрос о приоритете оставался главным аргументом в течение всего последующего периода развития космонавтики. В США велась интенсивная подготовка к запуску ИСЗ. Во всех опубликованных данных о будущих спутниках обсуждались только американские проекты, в которых фигурировали совсем маленькие спутники. Наиболее известный проект был под названием «Авангард» с весом спутника 10 кг². Не случайно французы прозвали такие проектируемые искусственные тела «апельсинами». Поэтому они и думали об ошибке в сообщении ТАСС о весе советского спутника³.

Над созданием спутника работал большой коллектив конструкторов, ученых, инженеров и испытателей под руководством главного конструктора ракетно-космических систем С.П. Королева. Теоретические идеи К.Э. Циолковского, заложившие основы современной космонавтики и ракетной техники, на практике были воплощены в середине XX столетия.

В фондах Исторического музея хранятся памятники по истории развития космоса. Это результат работы не только историко-бытовых экспедиций, но поступлений и даров от частных лиц и организаций. Начиная с 1960-х гг., проводились экспедиции

по сбору и комплектованию фондов музея материалом по данной теме. В 1964 г. научные сотрудники З.Д. Ясман и Л.И. Лескова работали в московской экспедиции, где собрали материал о запуске ИСЗ. Были экспедиции с фрагментарным сбором по космосу. Так, в 1964 г. работала литовско-латышская экспедиция по теме «Советский народ в период развернутого строительства коммунизма» (начальник Г.А. Веселая). Материал собирали на рижском заводе «ВЭФ» и в Государственном университете им. Петра Стучки, где получили в дар три фотографии с наблюдениями за спутниками. В 1970-е и 1990-е гг. московские экспедиции продолжили сбор по этой теме. В Историческом музее (ОПИ ГИМ. Ф. 426) хранятся отчеты станций наблюдений, фотографии, документы, которые легли в основу статьи. Цель данной работы выявление материалов об ИСЗ в музее и использование их в выставочной работе. Немного материала представлено в музее о К.Э. Циолковском. В мае 1960 г. в Калуге работала экспедиция в составе С.В. Климовой и В.Р. Серебренниковой, которые собрали материал об ученом и опубликовали статью «Новые сведения о К.Э. Циолковском в собрании музея» в Ежегоднике ГИМ (М., 1962). В отделе письменных источников хранится его фотография 1909 г., выполненная в Калужском фотоателье С. Адамовича с дарственной подписью ученого другу С.С. Еремееву; в отделе книжного фонда есть несколько брошюр со статьями К.Э. Циолковского, в том числе «Цели звездоплавания», изданная в Калуге в 1929 г. Две медали, выпущенные в 1958 г. Ленинградским монетным двором, представлены в отделе нумизматики: в память гениального русского изобретателя К.Э. Циолковского и в ознаменование запуска в СССР первого в мире искусственного спутника Земли. В 1963 г. Московский монетный двор передал музею две золотые медали им. К.Э. Циолковского «За выдающиеся работы в области межпланетных сообщений Академии наук СССР» (автор Л.М. Белокуров). В фонде отдела металла хранится модель памятника К.Э. Циолковскому — это дар к 100-летию ГИМ от Государственного Музея космонавтики им. К.Э. Циолковского, приподнесенный музею в 1970-е гг.

17 сентября 1957 г. в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения К.Э. Циолковского, на котором член-корреспондент АН СССР С.П. Королев сделал доклад «Впереди своего века», посвященный русскому ученому. В музейном собрании (ОПИ ГИМ. Ф. 426) хранится доклад, опубликованный с небольшими сокращениями и приглашение на заседание. В выступление была дана оценка трудов ученого, и Сергей Павлович отметил, что «в ближайшее время

в СССР и США с научными целями будут произведены первые пробные запуски искусственных спутников Земли»⁴⁴. В этом же фонде хранятся фотографии испытаний ракет на полигоне Капустин Яр в 1945 и 1947 гг. и участников запуска первого ИСЗ, сделанные на космодроме Байконур в 1950-е гг. Во время работы по подготовке запуска спутника С.П. Королев много времени проводил на космодроме. Его поддерживал главный теоретик космонавтики, академик М.В. Келдыш, который неоднократно прилетал на космодром. На фотографии 1957 г. большая группа специалистов, работавших над созданием и запуском первого искусственного спутника: главные конструкторы наземных средств обеспечения старта В.П. Бармин, жидкостных ракетных двигателей В.П. Глушко, систем управления полетом ракет Н.А. Пилюгин, гироскопических командных приборов В.И. Кузнецов, систем радионавигации и радиоуправления М.С. Рязанский, маршал артиллерии М.И. Неделин и С.П. Королев. На другом снимке: С.П. Королев и Н.А. Пилюгин в шлемах и летных куртках на космодроме. В отделе металла ГИМ имеются личные вещи С.П. Королева — солнцезащитные очки и секундомер (СССР, Златоуст), который он брал на полигон и по нему шел отсчет секунд перед стартами ракет. В отделе тканей хранятся кепка Н.А. Пилюгина, куртка В.И. Кузнецова и кожаное пальто В.П. Бармина, которыми они пользовались в поездках на Байконур в 1950-е гг. В 1961 г. Президиум АН СССР вручил грамоты о награждении медалью в честь запуска первого ИСЗ. В собрании ГИМ представлены грамоты академиков В.П. Бармина, В.И. Кузнецова и А.И. Берга, связанные с этим событием, а также в личном комплексе В.П. Бармина — сувенир «Земля Байконура» с места запуска первого ИСЗ.

Спутник был запущен в период беспрецедентной по своему размаху программы одновременных научных наблюдений по всему земному шару — в рамках Международного геофизического года (МГГ). Наблюдения за спутником велись радиотехническими средствами, а также визуально с помощью инструментов специальной станции визуальных наблюдений, созданной при Главной астрономической обсерватории АН СССР на Пулковских высотах в Ленинграде. Руководил ей кандидат физико-математических наук Д.Е. Щеголев, фотография которого хранится в собрании Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 426.). Задача оптического наблюдения за ИСЗ была поставлена коллективу Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга МГУ. Научными сотрудниками В.Г. Куртом, П.В. Щегловым и В.Ф. Есиповым была разработана методика наблюдений с точ-

ным определением координат спутника с временной привязкой. Для этой цели была приспособлена аэрофотосъемочная камера «НАФА-3с/25с» с объективом (10 см). Фотографические наблюдения орбиты Спутника проводились ежедневно в течение двух недель В.Г. Куртом и П.В. Щегловым в Ташкенте из астрономической обсерватории АН Узбекистана. На любопытной фотографии из собрания музея (ОПИ ГИМ. Ф. 426) запечатлены: директор Ташкентской обсерватории член-корреспондент АН Узбекской ССР Владимир Петрович Щеглов — отец Петра Щеглова (одного из разработчиков методики наблюдений за спутниками), старший научный сотрудник кандидат физико-математических наук А. Латынов, аспирант А. Кадыров, младший научный сотрудник А. Рахимов и лаборант Ю. Иванова за работой по наблюдениям за спутником в Ташкенте.

В 1957 г. Астрономический совет АН СССР организовал сеть станций оптических наблюдений за искусственными спутниками Земли в Советском Союзе. Летом 130 преподавателей педагогических институтов и университетов прошли специальную подготовку на курсах, организованных при астрономической обсерватории в г. Ашхабаде⁵⁵. Занятия проводили сотрудники Астрономического совета и Ашхабадской обсерватории. По окончании курсов слушатели возглавили работу станций оптических наблюдений ИСЗ. Председателем Астрономического совета был избран член-корреспондент АН СССР, директор Пулковской обсерватории, профессор А.А. Михайлов, а его заместителем — доктор физико-математических наук А.Г. Масевич. С 1957 г. Алла Генриховна Масевич руководила оптическими наблюдениями за ИСЗ. В 1963 г. в Париже пять человек были удостоены премии, учрежденной в 1956 г. крупным французским промышленником Анри Галабером. В том числе трое из них были из Советского Союза: Ю.А. Гагарин — за осуществление космического полета, ученый А. Штернфельд — за содействие в развитие астронавтики и астроном А.Г. Масевич — за работы по траекторным изменениям ИСЗ⁶.

В Советском Союзе 66 станций, каждая со своим номером, приступили к работе при астрономических обсерваториях, университетах, педагогических институтах. В музее хранится список станций наблюдений за ИСЗ, составленный АН СССР (ОПИ ГИМ. Ф. 426.). По всему миру к работе приступило более 200 станций.

Сначала основная их цель была — не потерять в безбрежном пространстве первых космических посланцев Земли. В отделе письменных источников ГИМ (Ф. 426) хранится брошюра с переводами статей из газет о поездке А.Г. Масевич в Швецию (переводчик

Е.А. Смирнов), выпущенная в 1960 г. производственно-издательским комбинатом ВИНТИ Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР и АН СССР⁷. Будучи руководителем наблюдений за ИСЗ, А.Г. Масевич прочитала недельный цикл лекций в Швеции в 1959 г. В интервью одной из газет Алла Генриховна отмечала, что для «проверки способностей сотрудников станций проводить наблюдения решили использовать реактивные самолеты для имитации полета спутников. Сообщения о проведении проверочных испытаний направили на все станции. Однако, когда настало время полетов, в наличие было только 20 истребителей, которые пролетели не везде, а сообщения об условно замеченных спутниках получили со всех станций»⁸.

Астрономический совет АН СССР разработал Инструкцию по визуальным наблюдениям ИСЗ, машинописный текст (13 с.) которой хранится в Историческом музее (ОПИ ГИМ. Ф. 426).

4 июля 1958 г. вышел Приказ № 729 Министерства высшего образования СССР об утверждении «Положения о станциях визуально-оптического наблюдения ИСЗ при высших учебных заведениях». Согласно документу, начальники станций и их заместители назначались только ректором университета или института по согласованию с Астрономическим советом, из числа сотрудников учебного заведения, имевших высшее физико-математическое образование. Станции определялись как научно-исследовательские лаборатории в составе вузов или обсерваторий⁹. Вся работа должна была проводиться в соответствии с инструкцией Астрономического совета.

В инструкции была разработана методика работы и наблюдений за спутниками. Давались рекомендации привлекать к наблюдениям лиц с нормальной остротой зрения. Кстати близорукость и дальновзоркость не создавали помех в работе, так как исправлялись фокусировкой трубки. В учебных заведениях площадки для наблюдений выделялась либо во дворе, либо на крыше. Размер площадки был определен в 100 кв. м¹⁰. Станции оптического наблюдения были расположены в специальных помещениях. В отчете Рязанской станции оптического наблюдения № 042 за спутниками говорилось, что под нее выделено два финских домика с восьмью комнатами. Шесть из них занимали лаборатории и служебные помещения, а в двух комнатах проживал сторож с семьей. На станциях помимо оборудования должна была быть справочная литература: атласы и ежегодники. Наиболее удобным в работе являлся атлас обсерватории Скальнате Плесо, составленный А. Бечваржом и «Звездный атлас» А.А. Михайлова.

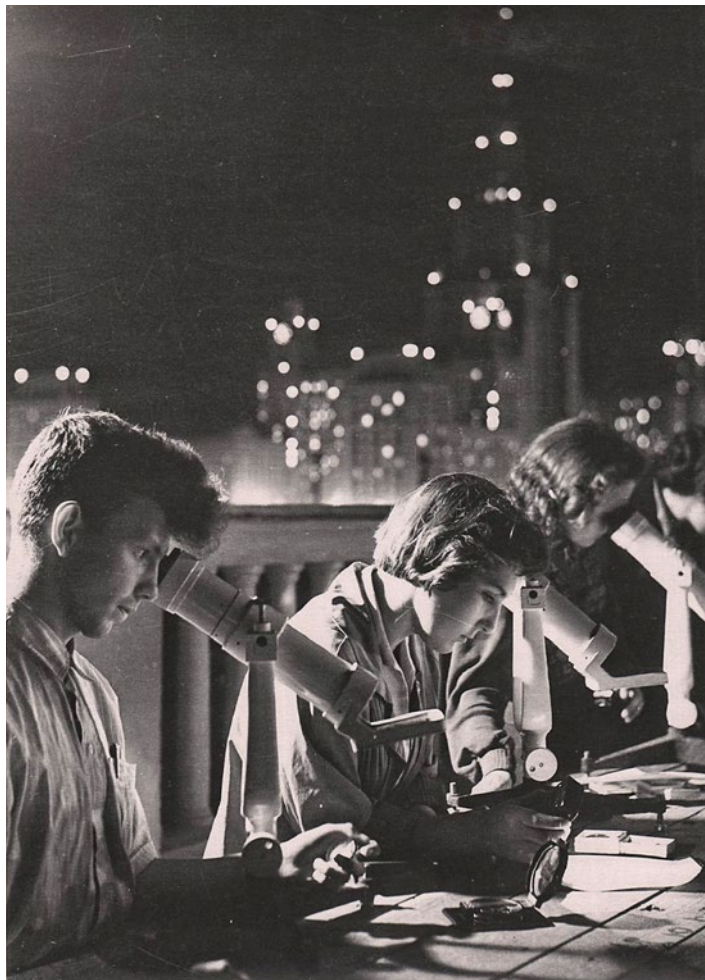

Рис. 2. Студенты МГУ наблюдают за искусственным спутником Земли. СССР. 1957 г.

В качестве наблюдателей привлекались студенты (как правило, с 1 по 5 курс) физико-математических факультетов (рис. 2). Но была своя специфика. Так, в Педагогическом институте Вологды студенты 5 курсов освобождались от наблюдений в связи с продолжительной педагогической практикой. В Астрономической обсерватории при Государственном ордена Ленина Университете им. Т.Г. Шевченко в Киеве на время зимней и весенней сессий студенты освобождались от обязательного участия в наблюдениях. На станции при Педагогическом институте в Благо-

вещенские наблюдения вели лаборанты, потому что у студентов была большая загруженность учебной работой и их не привлекали к работе. В Краснодаре работа студентов на станции засчитывалась им как курсовая, а в Рязани как выполнение обязательного астрономического практикума. Весь состав наблюдателей разбивался на смены по три-четыре или пять-шесть человек. Смены дежурили по очереди, с локальной корректировкой графика. Например, на Рязанской станции организовали 14 дежурных смен и работали они один раз в неделю утром или вечером. В Архангельском Педагогическом институте в период летних каникул студенты объединялись в четыре постоянных группы, каждая из которых включала не более четырех-пяти человек и проводила наблюдения в течение пятнадцати дней. Коллектив станции дежурил каждую ночь, начиная с 6 октября 1957 г.

Из отчета о работе станции наблюдений ИСЗ № 1014 при Вологодском педагогическом институте за 11 месяцев 1963 г. можно узнать, что всем студентам-наблюдателям предоставили места в ближайших к станции общежитиях. На средства института были закуплены полушубки и валенки для наблюдений. В Архангельском Государственном Педагогическом Институте им. М.В. Ломоносова за такой же период 1963 г. высказывались предложения о необходимости пересмотра вопроса оплаты за наблюдениями. По существовавшей на тот момент системе студент получал 50 коп. вечером за вызов или за наблюдение одного прохождения и такую же оплату наблюдатели-студенты получали и за утренние наблюдения трех-шести прохождений, хотя времени в последнем случае иногда затрачивали от пяти до восьми часов.

Станции вели наблюдения в основном однотипными методами и инструментами. Для визуальных наблюдений использовалась массовая спутниковая трубка «АТ-1», выполненная по заказу Астрономического совета на одном из подмосковных заводов, представляла собой небольшой астрономический телескоп с диаметром объектива – 50мм и шестикратным увеличением. В отделе металла ГИМ хранится комплект, в который входит: трубка «АТ-1» в деревянном футляре с подставкой, зеркало в чехле, кисточка для трубки и фланелевая салфетка. Прибор был передан Астрономическим советом АН СССР в 1964 г. Позже для наблюдений стали использовать трубки зенитного командира (ТЗК) и теодолиты.

За два дня до прохождения спутника Вычислительный Центр «Космос» отправлял телеграммы на станции с сообщением времени прохождения объекта. Трассы спутника наносились на звездный глобус и намечались точки для установки оборудо-

вания, уточнялось время и место прохождения спутника. Затем все сведения вносились в расчетный бланк. Наблюдатели приходили на станцию за 25 минут до пролета ИСЗ, знакомились с расчетным бланком и получали оборудование. За пять минут до срока, указанного в телеграмме, давалась команда: «Начать наблюдение». После этого все разговоры на площадке прекращались. При появлении спутника наблюдатель должен был громко сообщить: «Вижу»¹¹. По этому сигналу включалась запись магнитофона. Когда объект покидал поле зрения трубки, нужно было, используя фонарик с красным фильтром, нанести на карту или палетку его путь. Такие палетки хранятся в музее (ОПИ ГИМ. Ф. 426), в этом же фонде имеется Положение «Символическая форма кода» (от 27 мая 1958 г.) для передачи телеграмм о координатах ИСЗ на наблюдательные станции СССР. Документ был утвержден заместителем председателя Астрономического совета АН СССР А.Г. Масевич.

Обработка полученных сведений начиналась немедленно после их получения и в течение двух часов отправлялась телеграмма в Вычислительный центр, который использовал сначала по пять наблюдений, а потом — по три с каждой станции. Телеграмма составлялась согласно коду для сбора данных о визуальных наблюдениях ИСЗ.

В работе существовало еще такое понятие, как учетная карточка станции визуально-оптического наблюдения ИСЗ. Этот документ был только в одном отчете Рязанского государственного педагогического института. На этом примере видно, что в учетной карточке указывался определенный набор параметров: номер станции — для Рязани № 042, фамилии ректора кандидата исторических наук П.П. Кирьянова и начальника станции доктор физико-математических наук, заведующего кафедрой В.И. Курешева, их домашние адреса. Далее перечислены географические координаты самой станции — широта, долгота, высота над уровнем моря и почтовый адрес. Был указан телеграфный адрес для телеграмм, и отмечено количество людей, занимавшихся определенным видом наблюдений (визуальным, фотографическим), и число фотометристов и операторов¹². Станция Рязанского педагогического института считалась одной из самых лучших в стране.

Характерная черта визуально-оптических наблюдений была их простота и массовость, не требовавшая научного персонала высокой квалификации, и общее число людей, привлеченных к программе наблюдений, исчислялось тысячами. Поэтому для оказа-

ния помощи издавалась научно-популярная литература, в которой специалистами-астрономами доступно излагалась методика работы (например, см.: *Астапович И.С., Каплан С.А.* Визуальные наблюдения искусственных спутников Земли. М.: Гостехиздат, 1957). Результаты проведенных за год на станциях наблюдений фиксировались в отчетах и отправлялись в Астрономический совет АН СССР. В музее хранится зеленый конверт (18 × 25 см) заказного письма со станции наблюдения за спутниками на базе Государственного университета им. В. Капсукаса в Вильнюсе. Письмо было отправлено в Астрономический совет АН СССР, находившийся на Большой Грузинской улице, на имя профессора А.Г. Масевич. На всех отчетах с наблюдательных станций, хранящихся в музее за 1961 и 1963 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 426), стоит штамп с датой поступления в Астрономический совет. В преамбуле отчетов указывалось время создания станций, большинство которых относилось к 1957 г. Затем описывалась структура и штат станции. Постоянный состав включал в среднем четырех человек и общественных сотрудников-наблюдателей, количество которых в разное время варьировалась от 25 до 100 человек. В отчетах приводились условия работы станций, статистические таблицы, графики, фотографии и дневники за различные периоды наблюдений за спутниками (сначала советскими, потом и американскими). По рекомендации Астрономического совета обязательно указывали как успешные прохождения наблюдений, так и неудачные. У последних причины были разные: от неблагоприятных метеорологических условий до плохой организации работы, неполадок в оборудовании, несвоевременного получения заданий. Например, в отчете станции № 1010 г. в Благовещенске сообщалось, что наблюдения с мая по июль 1963 г. не могли быть проведены из-за белых ночей. В Государственном университете в Ашхабаде всех наблюдателей ежегодно отправляли на сбор хлопка, во Львове — на уборку урожая, оставляя только одного наблюдателя¹³. Неудачи были как у любителей, так и у астрономов. В интервью шведской газете «Стокгольмс-тиднинген» 26 апреля 1960 г. А.Г. Масевич отметила, что «астрономы составляли именно ту группу, которая совершила наиболее грубые ошибки»¹⁴. Рекорд принадлежал Крымской обсерватории, допустившей ошибку, составлявшую 1 час 20 минут. В отчете станции № 042 г. в Рязани за период с 4.10.1957 г. по 31.12.1961 г. из проведенных 2647 дежурств успешных было 998 наблюдений прохождения спутников и ракет-носителей. В отчете станции при Астрономической обсерватории Киевского ордена Ленина Государственного университета

им. Т.Г. Шевченко за 1963 г. было проведено 352 успешных наблюдения, а не состоялось 1557.

Обязательными в отчетах были такие пункты, как «Помощь, оказываемая общественными организациями и руководством института». Ректораты, деканаты физико-математических факультетов и бухгалтерия брали на себя решение многих вопросов материально-технического обеспечения работы станций. Сложилась практика заслушивать отчеты начальников станций на заседаниях партбюро институтов, которые помогали решать отдельные проблемы. Большую помощь в работе станций оказали партийные организации в Черновицах, Днепропетровске и Рязани. Согласно отчетам, в некоторых случаях не всегда уделялось должное внимание к нуждам станций, например, общественными организациями Перми, Одессы и Архангельска; в 1961 г. хозяйственная часть РГПИ не смогла провести в фотолабораторию водопровод и перенести санузел.

Активное участие в оказании помощи станциям принимали Комитеты ВЛКСМ учебных заведений. Например, в Государственном педагогическом институте в Рязани Комитет комсомола совместно с активом станции организовали «Клуб Космоса» и выпускали бюллетень «Голос из космоса». В отчетах был пункт, содержащий просьбы к Астрономическому совету АН СССР, оперативно осуществлявшему общее руководство работой станций и пытавшемуся помочь в решении проблемных вопросов. Педагогический институт Вологды обратился к Астрономическому совету с просьбой прислать один кварцевый генератор и печатный хронограф. В Ужгороде смогли купить телескоп на средства, выделенные специально Министерством высшего образования УССР. В 1962 г. Государственный педагогический институт Рязани обратился с просьбой в Астрономический совет о ходатайстве перед Министерством просвещения РСФСР о выделении станции 500 рублей для проведения экскурсии с лучшими наблюдателями в Пулковскую обсерваторию АН СССР в качестве поощрения¹⁵. Такие обращения к Астрономическому совету не были редкими. Следующим в отчетах станций оптических наблюдений был пункт «Общественно-массовая и лекционная работа». Одной из важнейших задач станций было активное участие в пропаганде научных знаний по астрономии. Преподаватели и студенты читали лекции и проводили беседы об освоении космоса среди населения города и области, а также для учащихся школ и техникумов. В Рязани активно проводились лекции и беседы в планетарии областного управления культуры Городского парка и во Дворце пио-

неров. Выступления лекторов сопровождалось показом диапозитивов. В 1961 г. двадцать студентов-наблюдателей РГПИ стали членами Всесоюзного Астрономического геодезического общества, а шесть студентов и три преподавателя — членами Рязанского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1961 г. во Владивостоке начальник станции Г.А. Суханов прочитал две лекции специально для офицеров и матросов индонезийского флота, прибывших в порт с визитом дружбы¹⁶.

В Центральной лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний можно было прослушать циклы бесед «Актуальные проблемы науки» и лекций о космосе ведущих отечественных ученых. Среди выступавших были член-корреспондент АН СССР В.Л. Гинзбург с лекцией «Искусственные спутники Земли и теория относительности», заместитель председателя Астрономического совета А.Г. Масевич, академики В.А. Амбарцумян, Я.Б. Зельдович и др. В собрании ГИМ хранятся афиши лекций А.Г. Масевич за 1950—1964 гг., а также письмо дирекции Московского Дома ученых АН СССР с благодарностью А.Г. Масевич за интересно прочитанную 8 апреля 1961 г. лекцию о достижениях науки перед коллективом рабочих и инженерно-технических работников завода «Серп и молот» и грамота редакции газеты «Пионерская правда», наградившей А.Г. Масевич за активную работу с юными читателями.

Во всех отношениях работа по наблюдениям за ИСЗ оказалась серьезным испытанием для студентов. Особо отличившимся вручали Почетные грамоты, условно подразделявшиеся на три группы: грамоты Президиума АН СССР за работу по организации станций оптических наблюдений за ИСЗ, грамоты Астрономического совета АН СССР за активное участие в наблюдениях ИСЗ и грамоты за активную помощь в организации наблюдений ИСЗ. В собрании Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 426) представлены грамоты Президиума АН СССР И.А. Буянову за работу по организации станций оптического наблюдения ИСЗ 4 октября 1957 г., Г.С. Шептунову за организацию наблюдений ИСЗ 1963 г., а также грамоты Астрономического совета студенткам И.С. Кривоносовой Н.П. и Чугайновой за активное участие в наблюдениях 1959 г. (рис. 3). За присланные сообщения, имевшие научную ценность и использовавшиеся при обработке материалов по наблюдениям, вручались карточки «Участнику наблюдений за первыми в мире советскими искусственными спутниками Земли», выдававшиеся Комитетом СССР по метеорологии, геофизике и гидро-

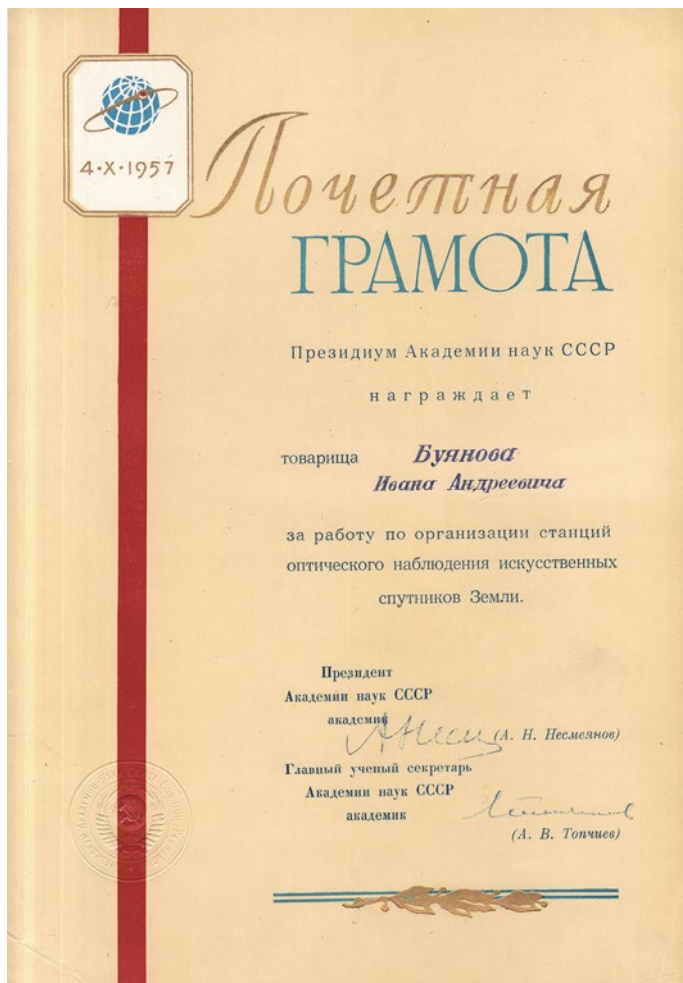

Рис. 3. Почетная грамота Президиума АН СССР И.А. Буянову за работу по организации станций оптического наблюдения искусственных спутников Земли. СССР. 4 октября 1957 г.

графии (рис. 4). В отделе нумизматики ГИМ представлены специальные значки, поступившие в составе московской экспедиции по науке в 1970-е гг., которыми также награждал Астрономический совет: «Участнику наблюдений за ИСЗ» и юбилейный для «Участников наблюдения ИСЗ 1957—1962 гг.». Первоначально работа станций широко освещалась на страницах печати. Газета «Правда Севера» № 79 от 2 апреля 1958 г. опубликовала статью

Рис. 4. Благодарность Комитета СССР по метеорологии, геофизике и гидрографии участнику наблюдений за первыми в мире искусственными спутниками Земли. СССР. 4 октября 1957 г.

«Награды наблюдателям за спутниками». В ней сообщалось, что за активное участие в наблюдениях Министерство просвещения РСФСР и Астрономический совет АН СССР наградили лучших работников станции почетными грамотами и памятным значком «Международный Геофизический Год». На традиционном вечере встречи с выпускниками прошлых лет физико-математического факультета Государственного педагогического инсти-

тута им. М.В. Ломоносова в Архангельске заместитель директора института И.А. Чудинов вручил награды: начальнику станции Б.Н. Гиммельфарбу, его заместителю А.Д. Чирцову и студентам Н. Ильюшенко, М. Морозовой, С. Митяевой, О. Куликовой. Фотографии некоторых из них, например, Н. Ильюшенко и М. Морозовой хранятся в фондах отдела письменных источников ГИМ.

Неоценимую помощь в наблюдениях за ИСЗ оказали радиоклубы ДОСААФ и радиолюбители. Сотрудники станций информировали радиолюбителей о прохождении ИСЗ и сообщали время для приема сигналов радиопередатчиков, установленных на спутнике. В августе 1959 г. в Москве проходила XVI Всесоюзная выставка творчества радиолюбителей-конструкторов ДОСААФ, которая вызвала большой интерес у посетителей. Не случайно на выставке демонстрировалось большое количество приемников, передатчиков и радиостанций, предназначенных для осуществления любительской радиосвязи. Среди них были выставлены солидные радиостанции мощностью 100—200 ватт и радиостанции-малютки размером со спичечный коробок¹⁷. Запуски советских спутников на орбиту вокруг Земли стремительно следовали один за другим, за ними последовали американские, и радиолюбители наблюдали за ними. В 1959 г. в журнале «Уральский следопыт» было опубликовано фото радиолюбителя В. Вышинского, обладателя полной «коллекции» голосов спутников¹⁸.

В апреле 1961 г. во Флоренции проходила Четвертая ежегодная ассамблея Комитета по исследованиям космического пространства COSPAR (Committee on Space Research), на которой в числе других обсуждался вопрос об унификации кодов для передачи телеграфных сообщений с результатами наблюдений ИСЗ. В отделе нумизматики ГИМ представлен нагрудный значок участника конгресса «Cospar» 1961 г., принадлежавший А.Г. Масевич. В августе 1961 г. на XI съезде Международного астрономического союза в Беркли (США) был уже принят новый код. В отделе письменных источников ГИМ хранится документ «Всем начальникам станций оптических наблюдений ИСЗ», в котором были указаны изменения в кодах и необходимости использования их в работе.

В феврале 1961 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание руководителей станций оптических наблюдений ИСЗ. В нем приняли участие свыше 120 человек¹⁹. На совещании было отмечено, что ряд станций провели большую исследовательскую работу, в результате которой были созданы новые методы и новая аппаратура для наблюдений. В фондах музея хранятся фотографии участников совещания и выступления профессора А.И. Лебе-

динского в конференц-зале государственного Астрономического института им. П.К. Штернберга. В ноябре — декабре того же года в Москве состоялся семинар руководителей вновь организуемых станций, целью которого было ознакомление его участников с методами наблюдения ИСЗ и с организацией работ на станциях. Занятия проводил талантливый ученый, руководитель Звенигородской станции А.М. Лозинский. Несколько семинаров состоялись в Звенигороде, где участники смогли детально изучить аппаратуру для наблюдений за спутниками. Постепенно, шаг за шагом, наблюдения превратились в систематическую работу, которая велась по разнообразным программам в получении неоценимой информации для астрономических, геодезических, геофизических исследований.

Визуальные наблюдения ИСЗ, выполненные в СССР и сотрудничавших с ним странах, обрабатывались Вычислительным центром «Космос». На основании этих наблюдений определялись элементы орбит спутников, изучалось их изменение, а затем вычислялись эфемериды — астрономические таблицы, служащие для последующих наблюдений спутников.

Все материалы визуальных наблюдений использовались в эфемеридной службе и были опубликованы в специальных бюллетенях «Результаты наблюдений искусственных спутников Земли», издававшихся Астрономическим советом АН СССР. В фондах ГИМ хранятся несколько экземпляров бюллетеней. Один из них Специальный выпуск № 1. 1957—1962 (М., 1962), посвященный итогам 5-летней деятельности станций оптического наблюдения за спутниками с дарственной надписью А.Г. Масевич, приподнесенный ею музею 23 марта 1965 г.

В сентябре 1965 г. в Ташкенте была проведена летняя школа по фотографическим наблюдениям. Слушателям читали лекции по методике фотографических наблюдений спутников и способах их обработки. Вторая аналогичная летняя школа была организована в октябре 1967 г. в Главной астрономической обсерватории АН СССР в Пулкове и посвящена обучению методам фотографических наблюдений спутников для геодезических целей.

За 10 лет станции оптических наблюдений искусственных спутников Земли СССР провели 526 тыс. наблюдений (около 400 объектов) в период 124 тыс. прохождений искусственных аппаратов. Наблюдения за движением первых разведчиков космоса позволили уточнить представления о многих еще недостаточно изученных явлениях таких, как магнитные силы, метеорная пыль, свойства и взаимодействие различных слоев атмосферы, солнеч-

ная радиация и космические излучения. Спутниковые и ракетные измерения, выполненные в разных странах, дали большой фактический материал, который использовался для повышения надежности прогнозов погоды и в последующих исследованиях. На основе искусственных спутников Земли в 1967 г. была создана метеорологическая система «Метеор», которая поставляла информацию о глобальных процессах в земной атмосфере²⁰. Система контроля природной сферы работала на базе спутников «Космос», «Метеор» и «Метеор-Природа». Макет последнего хранится в фондах музея В.И. Ленина ГИМ. Это подарок Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу к 75-летию со дня рождения, приподнесенный в 1981 г. от Госкомитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды СССР. Плакат «Работает система «Метеор» из собрания музея, поступивший в комплекте из 12 плакатов к выставке «В космос во имя Земли» (1968 г.), наглядно представлял работу системы спутникового наблюдения (Издательство «Советская Россия». Автор-составитель канд. филос. наук Е. Фадеев; научный редактор канд. филос. наук А. Урсул; художник И. Савостюк).

Впоследствии широкое признание мировой общественности приобрели советские ИСЗ, оснащенные системой оперативного сбора аварийных сигналов, получившие название «Надежда». Совместными усилиями специалистов СССР, США, Канады и Франции была создана общая космическая система поиска и спасения терпящих бедствие судов и самолетов²¹.

Запуск первого ИСЗ имел ошеломляющий резонанс во всем мире. Радиолюбители слушали его позывные. Инженер из Гренобля Жак Ройер в одном из таких писем сообщал, что слышал «бипы» спутника, и прислал в доказательство ноты записанных им на слух позывных²². В мире слово «Sputnik» стало самым популярным. В Лондоне появился новый фасон дамской шляпки из красного бархата «Спутник», итальянские дизайнеры фирмы Панкани продемонстрировали в Риме на выставке платье «спутник», а самые модные тренды были в Японии: большим спросом у населения пользовались кимоно с изображением маленьких искусственных лун. Популярнейшая в те годы японская артистка Акеми Хибина в свой репертуар включила новый танец со «спутником». Ее соотечественники шутили по этому поводу: «Хибина танцует в ногу со временем»²³. В австрийской газете был опубликован снимок женской прически «Спутник», получившей приз на конкурсе во Франкфурте. Миниатюрный моторчик был спрятан в прическу и вращал агрегат вокруг головы²⁴.

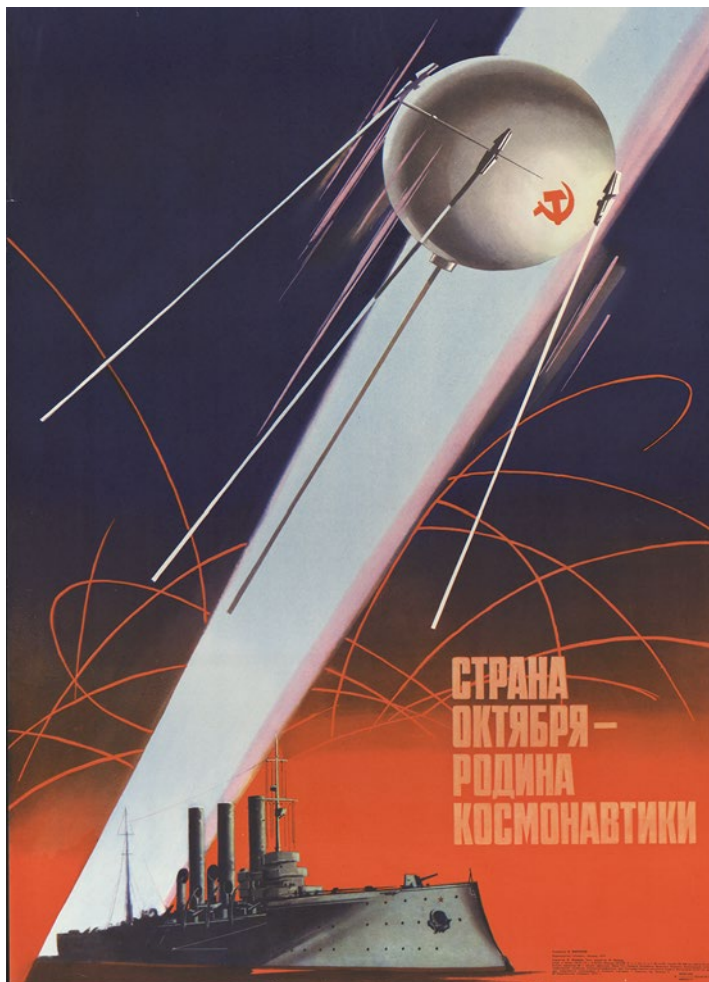

Рис. 5. Плакат «Страна Октября — родина космонавтики».
Художник В. Викторов. М., 1977 г.

В СССР космическая тематика в буквальном смысле пронзила все общество. Люди думали о возможности полетов на другие планеты. Популярными стали фантастические романы И. Ефремова «Туманность Андромеды», А. Белявского «Звезда КЭЦ», А. Студитского «Разум вселенной», «Астронавты» С. Лема, повесть А. Сазонова «Звездная одиссея» и др. С 1957 по 1963 г. вышло около 500 научно-фантастических произведений на русском языке (оригинальных и переводных)²⁵. Московский монетный двор

изготовил специальный значок в честь запуска Спутника, а Министерство связи — марку. Научно-техническая революция, развернувшаяся на глазах современников, придала новые импульсы развитию жанра научно-популярной литературы. Издательство «Правда» по горячим следам событий выпустило сборник «Советские искусственные спутники Земли» (М., 1957)²⁶. Много полезной информации для любителей астрономии содержалось в реферативном журнале «Астрономия и геодезия», издававшимся Институтом научной информации АН СССР, где за период с 1951 по 1960 г. было опубликовано 140 000 статей по астрономии²⁷. Очень популярна стала услуга «Книга-почтой», позволявшая отправлять книги наложенным платежом. Только один из московских книжных магазинов отправлял до 46 000 тыс. посылок и бандеролей в месяц²⁸. Неудивительно, что необычайный интерес людей к проблемам космоса способствовал появлению научно-популярных фильмов. В столичных кинотеатрах «Метрополь», «Ударник», «Спартак» демонстрировался специальный киновыпуск «Спутник над планетой» производства Центральной студии документальных фильмов. В 1959 г. на экраны страны вышел фильм «Алерт» (сценарист А. Гладков, режиссер Б. Ляховский), снятый на Московской студии научно-популярных фильмов, в котором зрители получили возможность увидеть запуск первого ИСЗ. Фильм получил высокий отзыв Межведомственного Комитета по проведению МГГ при Президиуме АН СССР²⁹. Массовым тиражом в целях пропаганды выпускались плакаты и открытки с изображением спутника, который стал одним из символов XX в. Хранящийся в фондах музея плакат «Страна Октября — родина Космонавтики» художника В. Викторова (М.: Издательство «Плакат», 1977) напоминает об эпохальном событии, произошедшем 4 октября 1957 г. (рис. 5).

Появились предметы с названием «Спутник», ставшие привычными и незаменимыми спутниками советского быта: телевизоры, пылесосы, радиоприемники, фотоаппараты, бритвы, наборы лезвий, спичечные этикетки, вазы, рюмки и другие сувениры. Некоторые из них представлены в собрании Исторического музея. В фондах отдела металла хранится необычный фотоаппарат «Спутник», выпущенный в 1950-е гг. на Ленинградском Оптико-механическом заводе и предназначенный для стереоскопической съемки (рис. 6). Фотоаппарат имел три объектива: два съемочных и один фокусируемый. Съемочные объективы позволяли получить две фотографии одного и того же пейзажа под разными углами зрения. Они назывались стереоскопической парой и да-

Рис. 6. Фотоаппарат «Спутник». СССР. 1950-е гг.

вали объемное изображение при рассмотрении их в стереоскоп. На одной пленке шириной 6 см можно было сделать 6 пар стереоскопических снимков или 12 обычных. Особое впечатление производили цветные снимки. «Спутник» был снабжен автоспуском и синхронизатором. Фотоаппарат, стереоскоп и копировальная рамка стоили 26 руб. и продавались в ГУМе, в магазине «Подарки» и др.³⁰ В этом же фонде хранится набор бритвенных лезвий с аналогичным названием, выпускавшийся в 1960-е гг. московским заводом «Красная Звезда» Мосгорсовнархоза. Большим спросом у мужского населения страны пользовалась бритва «Спутник» (рис. 7). Именно ей брился известный киногерой Ю. Никулина в фильме Л. Гайдая «Бриллиантовая рука». В фондах Музея В.И. Ленина хранится забавная фотография из серии «Эвенкия сегодня» (1935—1965) с названием «Новый советский быт пришел в эвенкийскую тайгу», на которой запечатлены бреющийся и улыбающийся оленевод с женой, держащей перед ним зеркало. Эта серия фотографий — подарок ЦК КПСС от Эвенкийского окружного исполкома.

Рис. 7. Набор бритвенных лезвий «Спутник». СССР. 1960-е гг.

Интересным источником по истории космоса могут быть спичечные этикетки. Коллекция спичечных этикеток из серии «Искусственные спутники Земли» 1950—1960 гг. хранится в отделе изобразительных памятников. Этикетки также как марки и значки — это своеобразные маленькие странички из истории освоения космоса, которые пропагандировали достижения советского народа. Запуски спутников открыли новую космическую тему, которая стала популярной среди коллекционеров и у них появилась возможность собрать материал, показывающий все этапы развития науки и техники. Одной из первых от-

Рис. 8. Ваза «Спутники». Художник М.М. Тараев. СССР. 1959 г.

кликнулась на это событие Борисовская фабрика в Белоруссии, выпустив свою продукцию с цветной оригинальной этикеткой «Спутник Земли». Ее примеру последовали белорусские предприятия в Гомеле и Пинске. Этой же теме были посвящены изделия Балабинской экспериментальной фабрики в Курской области. Эти фабрики присылали в Московское общество коллекционеров свои этикетки для любителей, собирающих рисунки спичечных коробков. Внимательно рассматривая их, можно проследить не только хронологию запусков спутников в период с 1957 и до конца 1960-х гг., но и географию фабрик их выпускавших.

Это объединение «Гигант» в Калуге и комбинат «Красный якорь» в Кировске, а также фабрики: «1 мая» в Уфе, «Ревпуть» в Злынке Брянской обл., «Маяк» в Щербакове, «Сибирь» в Томске и фабрика в Барнауле. Музеем была приобретена коллекция у рижского филумениста Г.В. Цискурзиса.

Интересный экспонат-сувенир с письменного стола домашнего кабинета М.В. Келдыша «Первый искусственный спутник Земли 1957 года». В Исторический музей из Министерства культуры РСФСР поступила красивая глиняная ваза «Спутники» шарообразной формы на подставке — авторская работа известного художника-керамиста М.М. Тараева 1959 г. Поверхность ее тулова покрыта голубой, розовой и черной поливами (рис. 8). В отделе керамики также хранится флакон для духов с одноименным названием, рюмки на космическую тему.

В 1958 г. в столице Бельгии Брюсселе проходила Всемирная выставка, девизом которой стала тема «Человек и прогресс», а лозунгом «Мы живем в 1958 году, в год технологических чудес, когда можно все». Отечественная радиоэлектроника была высоко оценена и представлена многими экспонатами, но самыми популярными стали три точные копии искусственных спутников Земли. Под куполом выставочного зала советского павильона раздавались знакомые всему миру позывные передатчиков³¹. Для популяризации экспонатов сотрудники издавали еженедельную газету «Спутник», выходившую на пяти языках. Печаталась она в типографии г. Льежа и это была единственная газета на выставке в Брюсселе. В фондах музея В.И. Ленина ГИМ есть фотография «Спутника-1» с Всемирной выставки 1958 г., поступила она из личного архива государственного и общественного деятеля, педагога Л.К. Балясной. В экспедиционном фонде библиотеки ГИМ хранятся проспекты с этой выставки. Один из них на французском языке «Космические лучи 1958 г.». Проблема космических лучей давно волновала ученых, и запуск спутника должен был решить вопросы о первичном космическом излучении. И как заметил лауреат Нобелевской премии, французский ученый Ф.Ж. Кюри, что «искусственный спутник позволит узнать много вещей, которые нам еще неизвестны, и наблюдать за космическими лучами огромной энергии, а также изучить их применение на Земле»³².

В 1967 г. Международная федерация космонавтики дату 4 октября 1957 г. провозгласила днем начала космической эры человечества. За прошедшие 64 года тысячи искусственных спутников Земли, межпланетных станций и пилотируемых космических

аппаратов выводились ракетами носителями на орбиту Земли. Прогресс, достигнутый в освоении космического пространства в те годы, доказал реальность осуществления проектов, еще недавно относившихся к области смелых мечтаний. В настоящее время на орбите работают целые спутниковые комплексы, которые интегрируют технологии космического мониторинга в повседневную жизнь страны, и невозможно представить развитие современного общества без изучения и освоения космоса, начавшегося с запуска небольшого простейшего спутника Земли. Материалы из собрания ГИМ позволяют ознакомиться с интересными страницами истории развития космических исследований и отечественной науки и техники.

- ¹ Романов А.П., Борисенко И.Г. Отсюда дороги к планетам легли. М., 1984. С. 8.
- ² Новости космонавтики. 1997. № 16. С. 6.
- ³ Масевич А.Г. Звезды и спутники в моей жизни. М., 2017. С. 26.
- ⁴ Королев С.П. Впереди своего века. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321 арх.4596.
- ⁵ Бюллетень станций оптических наблюдений ИСЗ. М., 1962. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321 ед.92-н арх. 4596. С. 83.
- ⁶ Вечерняя Москва. 1.04.1963. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321/694.
- ⁷ ВИНТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации.
- ⁸ Статьи из шведских газет о поездке А.Г. Масевич в Швецию. М., 1960. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321/680. С. 10.
- ⁹ Положение о станциях визуально-оптического наблюдения ИСЗ при высших учебных заведениях Министерства высшего образования СССР. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321/666 ед.94н арх.4596. С. 4.
- ¹⁰ Инструкция по визуальным наблюдениям ИСЗ. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321/695 арх. 4596 ед. 93. С. 1.
- ¹¹ Там же. С. 4.
- ¹² Отчет о работе Рязанской оптической станции № 042 по наблюдениям советских и американских ИСЗ в 1961 г. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321/ 662 арх. 4596 ед. 94-н.
- ¹³ Отчет о работе группы станций оптических наблюдений ИСЗ. 1961. ГИМ ОПИ. Ф. 426. ед.94н арх.4596/666 стр. 34.
- ¹⁴ Статьи из шведских газет о поездке А. Масевич в Швецию. М., 1960. ГИМ ОПИ Ф. 426. 98321/680. С. 19.
- ¹⁵ Отчет о работе группы станций оптических наблюдений ИСЗ. 1961. ГИМ ОПИ. Ф. 426. ед.94н 98321/666 арх. 4596. С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 36.
- ¹⁷ Наука и жизнь. 1959. № 11. С. 71.
- ¹⁸ Советский Союз. 1959. № 3. С. 34.
- ¹⁹ Бюллетень станций оптических наблюдений ИСЗ. М., 1962. ГИМ ОПИ. Ф. 426. 98321 ед. 92-н арх. 4596. С. 32.
- ²⁰ Космос-народному хозяйству. М., 1983. С. 15.
- ²¹ Космонавтика СССР. М., 1986. С. 7.

- 22 Огонек. 1957. № 49. С. 6.
- 23 Вечерняя Москва. 18.01.1958. С. 3.
- 24 Огонек. 1957. № 46. С. 7.
- 25 Наука и жизнь. 1963. № 3. С. 110.
- 26 Там же. 1958. № 1. С. 76.
- 27 Там же. 1963. № 3. С. 90.
- 28 Советский Союз. 1959. № 5. С. 43.
- 29 Наука и жизнь. 1959. № 7. С. 63.
- 30 Там же. 1962. № 10. С. 96.
- 31 Там же. 1958. № 6. С. 81.
- 32 Там же. 1957. № 11. С. 9.

Часть третья

Изобразительное искусство

Л.П. Тарасенко

Таблетка с изображением Тихвинского монастыря из собрания ГИМ

Блистательный, по определению И.Е. Забелина, дар Петра Ивановича Щукина поступил в Исторический музей в 1905 г.² В обширной коллекции собирателя среди русских древностей были подписные и датированные иконы, художественные и исторические раритеты. К числу иконографических уникалов Щукинского собрания принадлежит двусторонняя таблетка с Тихвинской иконой Богородицы и изображением Тихвинского монастыря³ (рис. 1, 2). Происхождение таблетки неизвестно, но важно, что в собрании Петра Ивановича были и другие произведения, явно связанные с Тихвином и его древней обителью — ряд рукописей⁴ и панно «Осада Тихвинского монастыря шведами в 1613 году»⁵. В книгу поступлений таблетка была записана без датировки и атрибуции, с кратким описанием. В инвентаре отдела древнерусской живописи она датирована 1747 г. и предположительно связана с художественной культурой Петербурга.

Ранее таблетка не вызвала особого интереса. Этому способствовало отчасти состояние произведения: утраты грунта на углах, на лицевой стороне значительные потертости живописного слоя; надписи над изображениями избранных святых, тексты в картушах, особенно центральном, большей частью утрачены. Имеются следы поновления.

В верхней части композиции на фоне облачного неба изображен несомый ангелами «по аеру» Тихвинский образ Богородицы в сиянии. На поземке — Тихвинский Успенский монастырь, представленный с западной стороны с высоты птичьего полета. В центре архитектурного ансамбля — каменный собор. Вокруг, образуя прямоугольник, расположены каменные монастырские здания. Внешние стены — деревянные, с каменным комплексом входных ворот. От ворот перекинут мост через ручей, расположенный на переднем плане, на его берегу — часовня и деревян-

Рис. 1. Тихвинская икона Божией Матери, с Тихвинским монастырем на поземе.
Лицевая сторона таблетки. 1760-е гг. Тихвин. Павлока, левкас, темпера.
31,0×24,4×0,4. ГИМ 12271щ и VIII 3644

Рис. 2. Обратная сторона таблетки. Летопись монастыря

ные постройки. Перед монастырем — три шагающих фигурки в мундирах и треугольных шляпах. Позем пейзажный. Композиция заключена в золотую рокайльную рамку, в которой на уровне поэма помещены небольшие картуши с изображениями двух персонажей на живописном фоне, их имена практически не читаются. Но царские облачения и отдельные сохранившиеся буквы позволяют идентифицировать их как великого князя Василия Иоанновича и царя Иоанна Васильевича. Они в длинных кафтанах и шубах, на головах — короны.

На лицевой стороне в картушах помещены гимнографические тексты. В левом картуше — тропарь Божией Матери перед иконой Ее Тихвинской, гл. 4: «Днесь, яко солнце пресветлое, возсия нам на воздухе...». В правом — кондак, гл. 8: «Притецем, людие, к Девей Богородице Царице, благодаряще Христа Бога...». Текст в центральном картуше практически не сохранился, нам не удалось его расшифровать по остаткам букв.

На обороте в овале на черном фоне помещена пространная, хорошо сохранившаяся надпись, сделанная белилами⁶: «[...]описание о чудотворн[...] // образе пр[...]я Б(огороди)цы Одигитрии и обит[...] // [...] тихфинской // [...]явле[...] [...]дотворнаго образа пр(е)с(вя)тыя Б(огороди)цы нарицаем[...] Тихфинская // [...] при державе Бл(а)говернаго великаго кн(я)зя Димитрия Иоанновича // Московскаго и всея России в лето 1383. Первая деревянная ц(е)рковь и в пустыни часовня построены // и предшедшимъ седми летомъ погорели в лето 13[...] го. Вторая деревянная ц(е)рковь и в пустын // часовня построены и прешедшимъ пяти летомъ паки погореша. В лето 1395 третия деревья // нная ц(е)рковь такожде и в пустыни часовна построены быша и стояли сто и пять лет и // паки погореша в лето 1500. Каменная соборн[...] ц(е)рковь в Тихфине создана бысть из своих сокровищъ Великимъ // кн(я)земъ Василиемъ Иоанновичемъ Московскимъ, а освящена преос(вя)щеннымъ Серапиономъ епископомъ новгородским // Августа во 12 день, а в пустыни первая ц(е)рковь деревянная в лето 1515. Первое пришествие в Тих // финъ Великаго кн(я)зя Василия Иоанновича ради созерцания многочудеснаго образа и досто[...]наго ему поклоне // ния декабря в [...] день в лето 1527. А по немъ пришествие в Тихфину бысть с(ы)на его благовернаго г(о)с(у)даря // ц(а)ря и великаго кн(я)зя Иоанна Васильевича Московскаго и всея России генваря в 1 день в лето 1547 // протчие каменные ц(е)рковь общежительный Тихфин м(о)н(ас)т(ы)рь оустроены. Протчия каменные здания от своего ц(а)рскаго // сокровища такожде в [...]устыни две каменные ц(е)ркви и трапеза февраля в 11 день в лето 1560. // А до устроения

общежителнаго м(о)н(ас)т(ы)ря служили пре(д) чудотворнымъ пр(е)с(вя)тыя Б(огород)цы образе белые с(вя)щенники // 177 летъ. Первой шведцкой приходъ подъ Тихфинь м(о)н(ас)т(ы)рь был сентября в 15 день в лето 1613. // Второй шведцкой же приходъ под Тихфинь м(о)н(ас)т(ы)рь был. Победа над ними учинилась и миръ с ними // заключенъ м(еся)ца февруария въ 10 день в лето 1617. По мирном же томъ оустроении девяти летомъ прешедши(м) // бл(а)говолела пр(е)с(вя)тая Богоматерь домъ свой Тихфинскую обитель за беззакония наша от всякия скверны // огнем очистить, чудотворная же икона Богоматере с молебнымъ пениемъ рукама с(вя)щенническими без в // реда изнесеса м(еся)ца июня в 29 д(е)нь в лето 1626. О торжествахъ пр(е)с(вя)тыя Б(огороди)цы издревле установленных // и творимыхъ чудотворному образу ея Одигитрия в пречестной обители тихфинской всемъ право // славнымъ хри(с)тианомъ дается ведение сицевое. Первое м(еся)ца июня в 26 день, второе // во время с(вя)тыя Четыредесятницы в первую н(е)делю православия, третье во вторник // с(вя)тыя Пасхи, четвертое м(еся)ца сентября в 15 день яже и донине по вселетно // совершаются. Бысть в Тихфинь м(о)н(ас)т(ы)рь высочайшее пришествие из царствующаго // Санктъ Петербурга благочестивейшия великия Г(осу)д(а)р(ы)ни императрицы Елисавет // Петровне самодержицы [Ро]ссийской с наследникомъ Ея его // высочествомъ бл(а)говѣр[...] г(осу)д(а)ремъ великимъ кн(я)земъ // Петромъ Феодоровичем и с супругою его бл(а)говерной // г(осу)д(а)р(ы)ней великой кн(я)гиней Екатериной // Алексиевной и со всемъ их // сигклитомъ февраля 3 дня // 1747 года».

В надписи на обороте кратко излагается история строительства церкви на местах остановки чудотворной иконы, а затем самой Тихвинской обители, роль монастыря во время нашествия шведов в Смутное время, страшный пожар 1626 г., когда взорвалась оружейная башня с порохом, сделан акцент на посещении монастыря российскими самодержцами — Василием Иоанновичем, Иоанном Васильевичем и Елизаветой Петровной. Последняя дата текста — год паломничества Елизаветы Петровны в монастырь в 1747 г. — была принята при включении в учетную документацию за основу для датировки произведения.

На таблетке Тихвинский образ Богоматери представлен в традиционной иконографии. Мафорий Пресвятой Девы, как правило, имеет темно-вишневый цвет. В данном случае использована киноварь, что нередко в изображениях Богоматери в иконописи XVIII в. В центре монастыря — пятикупольный Успенский собор, построенный в 1505—1515 гг. (из-за утрат красочного слоя

он выглядит одноглавым). Вокруг него — ряд зданий, образующих каре. На переднем плане — двойные западные Святые врата с надвратными церквями Вознесения Господня и Феодора Стратилата, возведенными в 1593 г. Перестраивались они неоднократно, последний раз в 1770 г.⁷ Рядом справа — двухэтажные Архимандричьи кельи (1682—1684). Налево — Келарские кельи (1684—1685), которые до 1805 г. были одноэтажными. С юга — церковь Рождества Богородицы (1581) с трапезной палатой, затем — характерная по архитектуре звонница с четырьмя шатрами (1660), которая на таблетке практически стерта. Далее в южной линии — кельи и иные службы, построенные в конце XVII в. С северной стороны — Братские кельи (1690) и помещения различных служб⁸. На противоположной (восточной) стороне едва различимы церковь Двенадцати апостолов (1676—1679), больничные кельи, Покровский храм⁹. Но не видно (в силу сохранности?) венчающего церковь креста. Из-за утрат трудно определить количество башен на внешних стенах, но известно, что в XVII—XVIII вв. их было девять¹⁰. Западная воротная Введенская башня — каменная, с узкими пряслами по обеим сторонам, что соответствует изображению монастыря на плане 1679 г.¹¹ Еще одна постройка у стен монастыря — на переднем плане у ручья, через который перекинут деревянный невысокий мостик, слева от моста — часовня со сторожевой кельей (1717)¹².

Внешние стены образуют на таблетке правильный прямоугольник, хотя в реальности территория имеет форму неправильного многоугольника, что было отражено в планах XVII в. (1678 и 1679 гг.)¹³ и на иконах (1680 г. из ЦМиАР¹⁴), панно «Осада Тихвинского монастыря шведами в 1613 году» из собрания П.И. Щукина¹⁵, в книжной миниатюре (рис. 3). Такое упорядочение архитектурных форм и окружающего ландшафта передает образ обновленной земли, освященной присутствием обители — Дома Божьего, и в то же время отражает стремление художника соответствовать тем нормам в изображении архитектурных ансамблей, которые начали формироваться в русском искусстве со второй половины XVII в., а в XVIII в., в эпоху барокко, стали преобладающими.

Строительство каменных внешних стен было инициировано Елизаветой Петровной. 3 февраля 1747 г. императрица с наследником великим князем Петром Федоровичем и его супругой великой княгиней Екатериной Алексеевной посетили Тихвинскую обитель¹⁶. На тот момент монастырь был каменный, а внешняя ограда деревянная, за исключением западной и восточной воротных башен. Императрица приказала выстроить каменные стены, но ра-

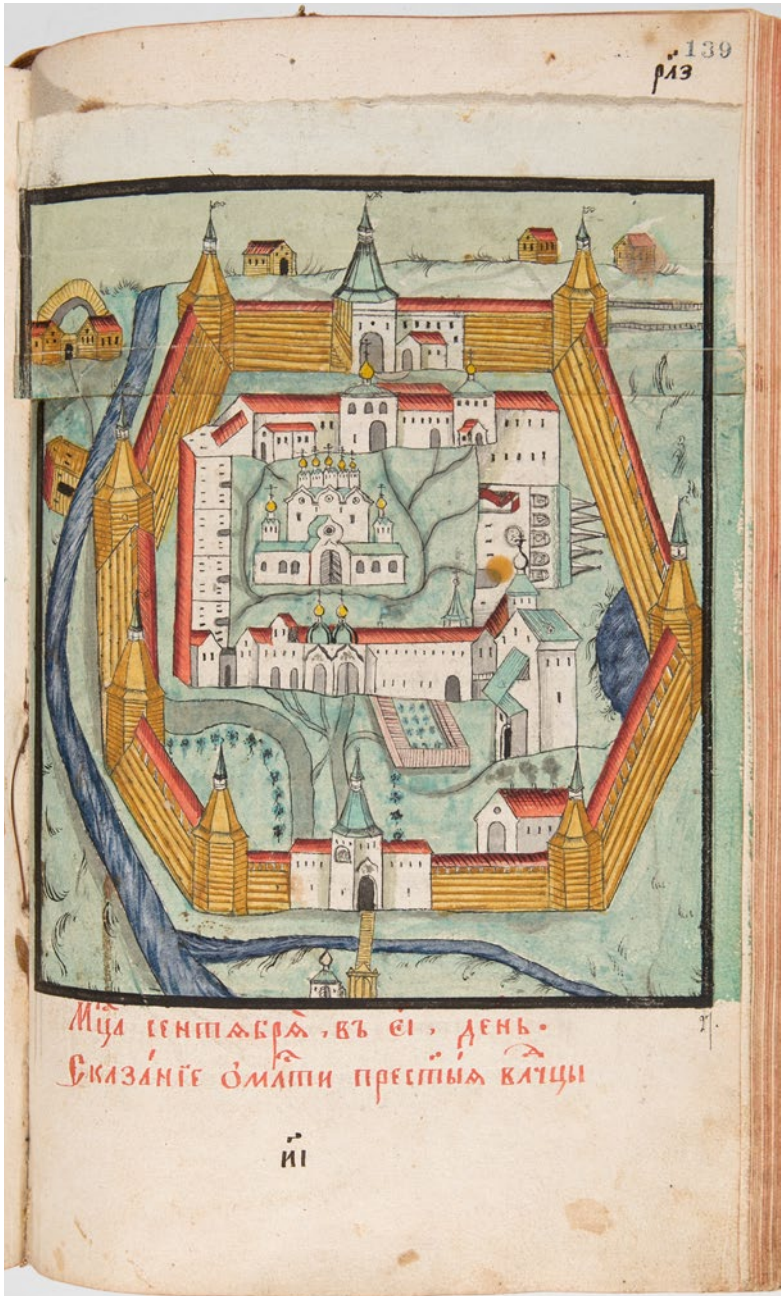

Рис. 3. Миниатюра. Тихвинский Успенский монастырь. 1760-е гг. ОР ГИМ Муз. 739. Л. 139

боты отложились до 1766 г., западная стена была отстроена к 1788 г.¹⁷, завершение сооружения ограды (северная, восточная и южная стены) произошло на средства императоров Павла I и Александра I и относится к 1795 г. Единственная каменная часть ограды, изображенная на таблетке, — это западные Святые ворота, без обозначения в них церкви (без купола с крестом?)¹⁸. Таким образом, таблетку следует датировать до 1766 г., когда начались строительные работы по сооружению внешней западной линии ограждения.

Образцом для данного произведения, на наш взгляд, послужила великолепная гравюра 1759 г., выполненная по заказу архимандрита Тихвинской обители Леонида (1751—1759) на средства монастыря в Гравировальной палате Академии наук в Петербурге¹⁹. Автор — Григорий Аникеевич Качалов (1711/1712—1759), который в это время руководил Палатой²⁰. Уроженец новгородской земли, учившийся в гимназии Академии наук, получивший художественное образование у видных мастеров Гравировальной палаты, замечательный художник и гравер, яркий представитель елизаветинского барокко, Григорий Аникеевич выполнил заказ в соответствии со сложным замыслом архимандрита Леонида и с новейшими художественными принципами, создав насыщенный смыслами и символами барочный «тезис», напоминающий другую работу этого мастера — «Тезис святого Александра Невского» 1748 г.²¹

Панорама обители, показанная с высоты птичьего полета, «подчинена» воле художника: внешние границы имеют теперь форму прямоугольника. Похоже, что именно после создания гравюры возникает новый вариант изображения монастырского ансамбля, который находит свое отражение в книжной миниатюре и позднее — в иконописи. Во всяком случае, рукописи с изображением Тихвинского монастыря с подобным решением архитектурного стаффажа появляются примерно в то же время, что и гравюра (рис. 4).

На гравюре 1759 г. представлен не только комплекс Тихвинского монастыря и его главная святыня, но и небесные покровители ктиторов великого князя Василия Иоанновича и царя Иоанна Васильевича, а также святые и обители, связанные с Тихвином территориально и исторически. На заднем плане едва виднеется Беседный монастырь, созданный на месте явления Богоматери пономарю Юрышу. Этот монастырь был основан по указанию Василия Иоанновича в начале XVI в. В картушах, включенных в пышную рамку, слева — преподобный Антоний Дымский (XIII в.), основатель древнейшего монастыря в тихвинских пределах, справа — преподобный Мартирий Зеленецкий, живший в XVI в.,

Мнѣше достойными сльзками . протееже испла вращи сове-
ма храмы шакоче каменная содана быша . посемже ина
много шакочемже зданіе оустроишася . иначо бгонбрании
до бжїа мшре багоколеніе ея совершиса , и҃ако нѣког багох
нишное пришаице пришецаици оутошиса . Чердоже э
браю несовершенное сїсєнїе шмавѣшцъ вражїи правокѣрны по
цазїса : и҃иоже и҃словъ всакому о҃бѣ похѣрдашиса , и҃ниачо
мѣ оумѣ шакочїа машїи вѣуцы и҃повѣдаши доумѣши .

Рис. 4. Миниатюра. Тихвинский Успенский монастырь. Середина XVIII в.
ОР ГИМ Барс. 906. Л. 30об.

создавший свою обитель в 1564 г. Мартирия почитали местно, ему служились панихиды, но после посещения в 1747 г. Зеленецкого монастыря Елизаветой Петровной началось официальное почитание святого. В картушах в нижней части — тексты кондака и тропаря Тихвинской иконе и краткая летопись событий. Сложная многосоставная композиция вместила в себя едва ли не всю информацию о святынях и святых тихвинского края, необходимую для создания выразительной паломнической реликвии²².

Художник-миниатюрист в целом повторил композицию Г.А. Качалова и изображение самого монастыря, но внес важные изменения в общую концепцию. Автор таблетки решал определенные задачи, скорее всего, поставленные перед ним заказчиком. Вместо святых Антония Дымского и Мартирия Зеленецкого поместил в боковые картуши образы великого князя Василия Иоанновича и царя Ивана Васильевича, способствовавших процветанию обители, убрал «Всевидящее Око» и фигуры двух святых по сторонам от иконы Богородицы — Иоанна Предтечи и святителя Василия Великого, небесных покровителей самодержцев, так как в композицию были включены изображения самих благодетелей. Тем самым автор программы произведения сосредоточил свое внимание на теме — Тихвинский монастырь и его покровители в лице царственных особ: на средства Василия Иоанновича был построен первый каменный собор (1505—1515), после его паломничества к Тихвинской святыне ее почитание распространилось на всю Россию, по указанию Иоанна Васильевича был основан сам монастырь, возведены многие его постройки, почитание главной реликвии обители упрочилось.

Иконографическая программа таблетки кажется конкретной и четкой. Не была ли она предназначена для поднесения потенциальным благодетелям из царской семьи в надежде на помощь в дальнейшем обновлении ансамбля? На этот вопрос мы, скорее всего, никогда не ответим. Но работы по строительству стен завершились в 1795 г. на средства, выделенные императорской семьей.

Датировке таблетки первой половиной 1760-х гг., основанной на годе появления образца, использованного мастером (1759), анализе иконографии и истории строительства стен монастыря, соответствует и стилистика произведения. В ней читаются особенности, характерные для барокко, стиля, черты которого распространились в русской иконописи в середине — второй половине XVIII в., и, отчасти, рококо. Типична для этого направления пышная, с тонкой, прихотливого рисунка, орнаментикой, с фигурными картушами золотая рамка. Само живописное решение

с использованием бело-розовой гаммы для лиц, что напоминает живопись по фарфору, светло-зеленой тональности для тающих в дымке пейзажных далей, облачных небес и темного фона создает напряженный контрастный барочный колорит.

Исполнение таблетки следует связать с мастерами, работавшими в Тихвине. На протяжении столетий здесь творили монументалисты, иконописцы и миниатюристы. Восемнадцатое столетие не является исключением: в это время в обители создавались роскошные иллюминированные рукописи со сказанием о Тихвинской иконе Богородицы²³, писались небольшие образы главной монастырской святыни для паломников и крупные («мерой и подобием») для храмов. Как показывают табличка из собрания ГИМ и икона «Богородица Тихвинская», выполненная в той же технике (ныне в Стокгольмском музее), заказанная упомянутым выше архимандритом Леонидом для аналога Успенского собора монастыря в 1751 г.²⁴, тихвинские живописцы умело использовали редкие и технологически сложные варианты иконного образа.

- ¹ Доклад подготовлен в рамках работы в проекте РФФИ, посвященном Тихвине и его историко-культурному наследию (№ 18–012–00512).
- ² Горбушина Н.В. Переписка И.Е. Забелина и П.И. Щукина в собрании отдела письменных источников ГИМ // Труды ГИМ. М., 1992. Вып. 81. С. 51.
- ³ Табличка двусторонняя. Тихвинская икона Богородицы, с Тихвинским монастырем на поземе. Летопись монастыря. Паволока, левкас, темпера; 31,0×24,4×0,4. ГИМ 12271щ. ИВШ 3644 ГК 13172692. Происхождение не установлено. Поступила в ГИМ составе коллекции П.И. Щукина в 1905 г. Реставрация в ГИМ (в процессе).
- ⁴ Серебрякова Е.И. К вопросу о типах лицевых рукописных «Книг о Тихвинской иконе Богородицы» XVII–XVIII веков // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 136. С. 268, 274.
- ⁵ Панно передано в 1930 г. из Исторического музея в ГТГ. См.: Кочетков И.А. Событие 1613 года в изображении Петровского времени // Вестник истории литературы и искусства. М., 2006. С. 120–129.
- ⁶ Надпись воспроизведена в современной орфографии: сняты буквы Ер (Ъ) с конца слов, буква Ять заменена на «Е», I десятиричное — на «И» и т. д. Буквы в титлах вынесены в круглые скобки, реконструкции даны в квадратных скобках, нечитаемые фрагменты обозначены многоточием; разделение на строки отмечено двумя косыми чертами. Цифры, представленные в тексте церковнославянской цифирью, переведены в арабские.
- ⁷ Бердников Я.И. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского большого Богородицкого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в г. Тихвине. СПб., 1859. С. 68.
- ⁸ Там же. С. 78.
- ⁹ Церковь Покрова, согласно Я.И. Бердникову, достроена в 1761 г., хотя первоначально работы начались еще в 1691 г., об этом свидетельствует

- надпись на иконостасе (там же. С. 77). Основываясь на архивных документах, М.И. Мильчик указывает более раннее время завершения постройки этого храма: *Мильчик М.И.* Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI—XVIII веков. СПб., 2017. С. 175—176.
- ¹⁰ *Мильчик М.И.* Панорамные изображения северных русских ансамблей в древнерусской живописи второй половины XVI — первой половины XVII в.: Дис... канд. искусствоведения. Л., 1974. С. 164—168.
- ¹¹ *Мильчик М.И.* Древнерусская иконография монастырей... С. 127. Интересно, что в иконе «Богоматерь Тихвинская, с 24 клеймами сказания» 1680 г. (ЦМиАР) этих ворот нет в клейме 19 с изображением обители, в то же время, в клейме 24 «Явление преподобного Макария Унженского» показана часть каменной воротной западной башни.
- ¹² *Берёдников Я.И.* Историко-статистическое описание... С. 80.
- ¹³ *Мильчик М.И.* Древнерусская иконография монастырей... С. 126, 127.
- ¹⁴ Там же. С. 125.
- ¹⁵ *Кочетков И.А.* Событие 1613 года... С. 120—129.
- ¹⁶ *Берёдников Я.И.* Историко-статистическое описание... С. 36—37.
- ¹⁷ Там же. С. 37.
- ¹⁸ Согласно публикации Я.И. Берёдникова, в 1791 г. на средства монахини новгородского Сыркова монастыря Тавифы была сооружена надвратная церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери.
- ¹⁹ *Мильчик М.И.* Древнерусская иконография монастырей... С. 167.
- ²⁰ Г.А. Качалов. Вид Тихвинского Успенского монастыря. Санкт-Петербург. 1759 г. Гравюра резцом. Изображение 46,8×35,8; лист 51,8×39. Поступила в начале 1930-х гг. из Эрмитажа. ГРМ. Гр-31711.
- ²¹ Г.А. Качалов. Тезис св. Александра Невского. Санкт-Петербург. 1748 год. Гравюра резцом с рисунков Э. Гриммеля и М. Махаева. 65,5×56,0. Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева. Р III-3483.
- ²² Гравированные изображения монастырей стали в XVIII—XIX вв. очень популярным видом евологии. Сохранилось немало печатных изображений основателей монастырей с их обителями, выполненных с разной степенью мастерства. Подобные гравюры нередко становились образцами для иконописцев. Так, священноначалие Тихвинского монастыря после завершения стен в 1800 г. заказало еще одну гравюру на этот же сюжет, которая также стала образцом для иконописного образа (см.: Сокровища Церковно-археологического кабинета Московской Православной Духовной Академии: Угодно в очах Божиих дело сие.../ Сост. А.П. Тарасенко. Сергиев Посад, 2004. С. 180—181).
- ²³ *Серебрякова Е.И.* К вопросу о типах... С. 257—276.
- ²⁴ *Абель Ульф, Люфстранг Елизабет.* Иконы Богоматери Тихвинской в Стокгольме и образ Богоматери Стокгольмской // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание: Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург–Тихвин, 24—27 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 90—91. Благодарю И.А. Шалину, указавшую мне на эту публикацию.

Нидерландские копии «Малых Страстей» Альбрехта Дюрера в оттисках конца XVII — начала XVIII в. из фондов ГИМ

Среди работ великого немецкого художника Альбрехта Дюрера, выполненных в технике гравюры, одно из первых мест по популярности принадлежит серии ксилографий, называемой «Малые Страсти». За несколько лет — с 1508 по 1511 г. — Дюрер создал гравированную сюиту, состоявшую из небольших картин, которые, чередуясь, словно разделы вероучительного текста, лаконично, эмоционально и доходчиво повествовали о пути человечества от грехопадения до Страшного суда, о приходе в мир Спасителя и Его искупительной крестной жертве, о воскресении Христа и утверждении христианской веры сошествием Святого Духа на апостолов.

Впервые изданная в 1511 г. на 37 листах, включая титульный лист, эта серия неоднократно копировалась другими европейскими мастерами. Мы располагаем сведениями о наличии в фондах Исторического музея 10 копий нескольких композиций из «Малых Страстей» с сохраненной на них монограммой Дюрера (AD)¹. Все они — резцовые гравюры на меди, а не ксилографии. Четыре копии обнаружены нами в отделе рукописей вставленными в памятник русской книжности — сборник, который включает в себя разновременные части XVII в.: одну рукописную часть и две печатные, т. е. так называемый конволют (рис. 1, 2).

Перечислим сюжеты гравюр в сборнике: «Христос перед Каиафой», «Воскресение», «Явление Христа Богоматери» и «Неверие Фомы»². Еще шесть листов-копий хранятся в отделе изобразительных материалов (ИЗО): «Изгнание торгующих из храма», «Христос перед Пилатом», «Христос перед Иродом», «Се Человек» (Христос перед народом), «Пилат умывает руки» и «Явление Христа Богоматери»³.

Опускаю подробности моих атрибуционных разысканий и сообщаю главное: изучение хранящихся в Историческом музее ко-

Рис. 1. Первая часть сборника с гравюрой «Явление Христа Богоматери» по оригиналу А. Дюрера. Нидерланды. 1650–1672 гг., оттиск конца XVII — начала XVIII в. ГИМ Воскр. № 212, л. IIоб. — III 1-го сч.

Рис. 2. «Руно орошенное» (Чернигов, 1689 г.) в составе сборника. ГИМ Воскр. № 212, л. IIIоб. — IV 1-го сч.

пий 10 листов из «Малых Страстей» показало, что это поздние оттиски нидерландских гравюр, изготовленных во второй трети XVII в. (т. е. между концом 1630-х и самым началом 1670-х гг.). Данный вывод следует из детального сопоставления гравюр Исторического музея с гораздо более ранними оттисками нидерландских копий из собраний Эрмитажа и из нью-йоркского Метрополитен-музея⁴.

На титульном листе нидерландской копии сюиты «Малые Страсти» под заглавием на латыни «Страсти Христовы, изображенные Альбертом (*так!*) Дюрером из Нюрнберга» читаются две гравированные надписи: «I.A. Colom Exc.» и «AB. Waesbergen. Excudit»⁵. Они указывают на то, что издание осуществили Якоб Арц Колом и Абрахам ван Васберге (или Васберген). Годы жизни Колома — с 1599 или 1600 по 1673, а Васберге — с 1602 по 1672.

После имен стоят указания также на латыни: *exc.* и *excudit*. На ранних гравюрах это обычно означает, что названные люди были издателями данной продукции с соответствующими правами на нее (*excudit* и сокращенная форма *exc.* переводятся как 'исполненный, напечатанный, изданный' или 'напечатал, издал, изготовил'). Для определений 'гравировал' или 'вырезал' существовали другие латинские слова и сокращения: *fecit, fec.*, — 'гравировал, делал'; *sculpsit, sculp., sc.* — 'вырезал'; *incidit, inc., in.* — 'вырезал'. Но иногда человек, будучи и гравером, и издателем, владеющим печатной формой (т. е. гравированной доской), сообщал о той своей функции, которую он считал более существенной⁶, в данном случае — о функции издателя (видимо, дававшей право не на разовый, а на постоянный доход).

Сотрудничество Колома и Васберге в связи с копированием Дюрера могло состояться, вероятно, не ранее рубежа 1630—1640-х гг. в Амстердаме, куда оба к тому времени перебрались из своих родных городов — Дордрехта и Роттердама. В настоящий момент рискованно однозначно указать, кто из них был непосредственным исполнителем копии «Малых Страстей».

Я склоняюсь, что это Якоб Арц Колом. Конечно, он прославился, прежде всего, как профессиональный печатник, картограф, книготорговец⁷, однако в некоторых справочниках, в том числе новейших, встречается утверждение о его занятиях еще и гравированием⁸. Может быть, неслучайно начертания некоторых букв в подписи Колома и в заглавии на титульном листе голландской серии схожи между собой.

Но нельзя не принимать во внимание, что купец Абрахам ван Васберге, оставивший заметный след в издательском деле Нидер-

ландов XVII в., тоже отнесен в ряде справочных работ XIX в. к категории издателей и исполнителей гравюр⁹.

Существенной особенностью принадлежащих Историческому музею копий гравюр из серии «Малые Страсти» является наличие на них под правым нижним углом рамки порядковых номеров, которых первоначально не было (рис. 3, 4). Номера вырезали на старых печатных формах, видимо, в последней четверти XVII в. На это

Рис. 3. Номер «27» под правым нижним углом рамки гравюры «Явление Христа Богоматери». ГИМ Воскр. № 212, л. Иоб. 1-го сч.

Рис. 4. Номер «9» под правым нижним углом рамки гравюры «Христос перед Каиафой». ГИМ Воскр. № 212, л. VI 3-го сч.

указывает датировка оттисков с номерами из сборника отдела рукописей. По водяным знакам бумаги эти оттиски датируются концом XVII — началом XVIII в.¹⁰ На листе с гравюрой «Неверие Фомы» видна верхняя половина водяного знака «герб Амстердама» (корона и головы львов). Близкий вариант этого знака попал в справочник Т.В. Диановой из документов 1701 и 1704 гг. Данная разновидность («разновидность» шире категории «вариант») встречается на голландской бумаге именно в последние два десятилетия XVII в. и в начале XVIII в. В самих Нидерландах бумагу с таким именно вариантом «герба Амстердама», как на гравюре, вполне могли использовать уже в конце XVII в., поскольку знак из справочника Диановой выявлен хотя и на голландской бумаге, но в русских рукописях 1701 и 1704 гг.

Отпечатки из отдела ИЗО делались с тех же досок, что и гравюры сборника, но позднее¹¹, когда состояние гравированных форм ухудшилось. При сравнении двух музейных листов со сценой «Явление Христа Богоматери» обнаруживается, во-первых, появление на гравюре из отдела ИЗО следов от новых трещин на печатной форме и следов от деформации края доски, словно после удара, внизу слева, во-вторых, на той же гравюре более затертыми, чем на листе из сборника, выглядят цифры порядкового номера (рис. 5).

Не исключено, что голландские гравированные доски были пронумерованы после утраты некоторых из них. На музейных листах «Изгнание торгующих из храма», «Христос перед Каиафой», «Христос перед Пилатом», «Христос перед Иродом», «Се Человек», «Пилат умывает руки», «Явление Христа Богоматери» видны номера: 5, 9, 10, 11, 15, 16, 27¹². Если считать титульный лист безномерным, то в полной серии те же сюжеты находятся соответственно на листах под условными порядковыми номерами: 7, 13, 15, 16, 19, 20, 30.

Подтвердить или опровергнуть высказанное предположение о нумеровании уже неполного комплекта досок Колома — Васберге удастся, только обнаружив и другие гравюры, сделанные с правленных (т. е. пронумерованных) печатных форм.

В сборник отдела рукописей четыре копии гравюр из «Малых Страстей» попали не сразу. Судя по их плохой сохранности, они долго (до начала второй половины XVIII в.) находились вне книжного блока, формирование которого началось еще в конце XVII в. Тогда (т. е. в конце XVII в.) были соединены три основные части конволюта: 1-я часть — «Руно орошенное» — произведение, прославляющее чудотворную Богородичную икону в чернигов-

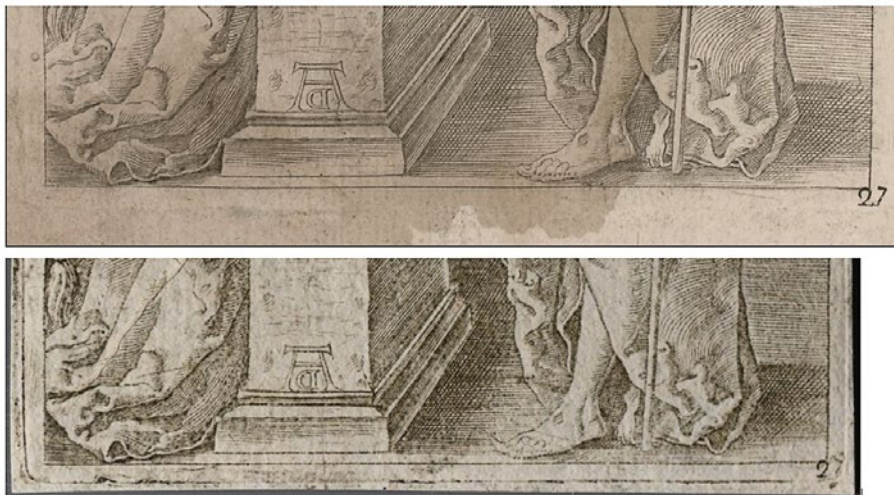

Рис. 5. Два оттиска гравюры «Явление Христа Богоматери»: сверху — из сборника Воскр. 212, внизу — из собрания отдела ИЗО ГИМ

ском Троице-Ильинском монастыре, издание 1689 г. типографии Троице-Ильинского монастыря в Чернигове¹³; 2-я часть — Сборник сказаний о чудесах Богородицы и чудесах от Богородичных икон¹⁴ — рукопись конца XVII в.¹⁵; 3-я часть — «Лимонарь» (переводной патерик — сборник рассказов о жизни пустынников), издание 1628 г. типографии Спиридона Соболя в Киеве¹⁶.

Под гравюрой «Воскресение», наклеенной на лист, идущий за рукописной частью сборника, скрыты две записи конца XVII в. Они частично читаются при специальной подсветке. Внизу написано красивой книжной скорописью: «Сия книга иеромонаха Никодима Феодоровича пустынного жителя». Из записи, находящейся выше, следует, что данная книга принадлежала иноку Никольского монастыря Никодиму, имевшему отношение к управлению храмом Владимирской иконы Богородицы или, что менее вероятно, к его возведению (в записи сказано: «манастыря Никольскава Владимирские Богородицы строителя Никодима»)¹⁷. Словари древнерусского языка дают нам следующие значения слова *строитель*: «устроитель, попечитель, управитель, эконо́м, казначей, служитель, настоятель небольшого монастыря, монах, заведующий монастырскими подворьями», и, наконец, «тот, кто занимается возведением построек». Вероятнее всего, обитель и храм, упоминаемые в записи, — это московский Никольский монастырь, именуемый во второй половине XVII в. «греческим», и церковь

Рис. 6. Переплет сборника Воскр. 212. Москва. 1760-е гг.

в честь Владимирской иконы Божией Матери, возведенная в начале 1690-х гг. недалеко от того же монастыря на Никольской улице у ворот Китай-города¹⁸. Правда, формально (официально) Владимирская церковь находилась в ведении не Никольского монастыря (откуда был иеромонах Никодим), а соседствующего с ним Заиконоспасского¹⁹.

Еще одна запись, сделанная вразбивку по нижнему полю через весь сборник на рубеже XVII—XVIII вв., сообщает о продаже иеромонахом Никодимом трех частей, из которых кодекс состоит, некоему «живописцу Емельяну»²⁰. Мы можем только гадать, был ли он Емельяном Муратовым — кормовым иконописцем Ору-

жейной палаты, сведения о котором относятся к апрелю 1703 г., или каким-либо другим московским изографом с таким же именем²¹. Важно заметить, что в момент сделки иеромонаха с «живописцем» конволют (части которого в сквозной записи названы «книгами») мог все еще оставаться без капитального переплета.

Его нынешний переплет появляется около 1760-х гг.²² (рис. 6). Он изготовлен из досок, обтянутых коричневой кожей с тиснением по периметру крышек и на корешке.

Тогда же (но до 1768 г.) в сборник попадают копии гравюр из «Малых Страстей». Они уже со следами от старых водных затеков, с точечными черно-коричневыми пятнами (так называемыми мушинными засидами) и с обрывами листов²³. Вот почему оборванная внизу гравюра «Неверие Фомы» подклеена чуть зеленоватой бумагой XVIII в. Такой же бумагой укрепляется нижний правый угол гравюры «Воскресение», которую, как указывалось выше, наклеили на лист с двумя записями конца XVII в.

В 1768 г. на оборотной стороне гравюры «Явление Христа Богоматери» появляется запись от имени владельца книги — «бывшего служителя» Воскресенского монастыря Николая Климова²⁴. Сложно сказать, какой именно монастырь упоминается в записи — подмосковный Воскресенский Ново-Иерусалимский или же Воскресенский-Высокий, стоявший на Тверской улице Москвы с XV в. и в 1651 г. приписанный к Саввино-Сторожевскому монастырю (как подворье)²⁵.

Позднее под записью 1768 г. делается другая запись XVIII в. — о дарении книги священнику церкви Апостола Иакова, что в московской Казенной слободе, Андрею Кузмину Ионину²⁶. (Перестроенный в XIX в. храм этот существует и ныне.)

Наконец, запись 1780 г. на обороте верхнего защитного листа зафиксировала покупку книги в Москве за 1 рубль для церкви Успения Богородицы, что на Покровке, у купеческой вдовы Ирины Кузминой Лутониной²⁷ — родной сестры покойного священника церкви Апостола Иакова, «что в Казенной», Якова Кузмина, вероятно, брата упомянутого Андрея Кузмина Ионина — тоже священника названного храма. Под этой записью приписано другим почерком того же времени, что куплена книга (для Успенской церкви) подпоручиком Г.Т. Поливановым (рис. 7). (Из храма Успения Богородицы на Покровке, разрушенного в 1936 г., сохранились только элементы барочного декора. Несколько икон попали в собрание ГИМ. Верхний иконостас 1706 г. перенесен в Новодевичий монастырь, где из его фрагментов был составлен иконостас и киоты в церкви Успения.)

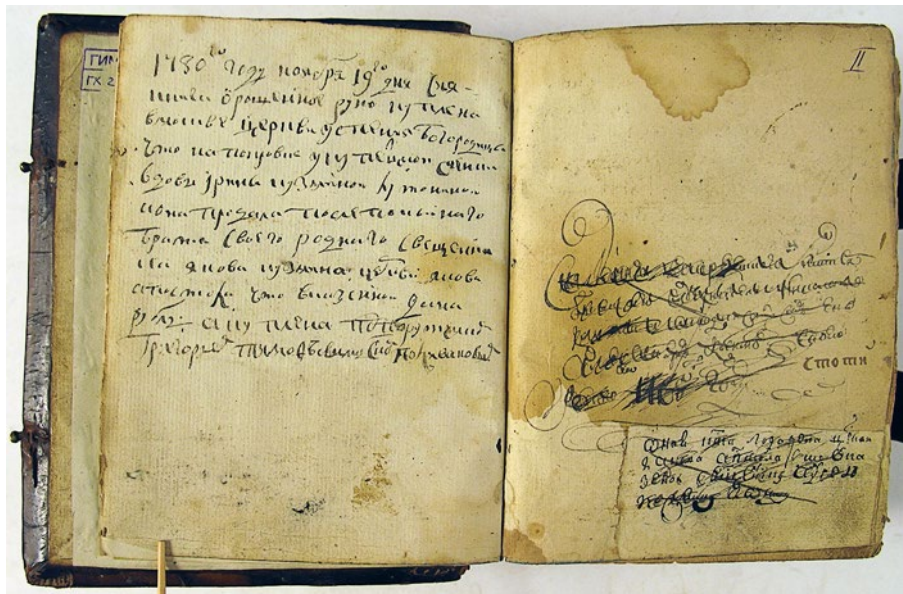

Рис. 7. Владельческие записи в сборнике Воскр. 212, л. лоб. — II 1-го сч.

Все приведенные записи убедительно свидетельствуют о бытовании музейного сборника в конце XVII—XVIII вв. в Москве, изучению истории которой много сил отдал И.Е. Забелин.

Расположение в московском конволюте четырех голландских гравюр указывает на попытку сделать некоторые из них элементами декора с иллюстративной функцией. Первая гравюра — «Явление Христа Богоматери» (рис. 8) — стала фронтисписом для «Руна орошенного» — произведения, посвященного чудесам Пречистой Девы Марии. Вторую гравюру — «Неверие апостола Фомы» (рис. 9) — превратили во фронтиспис рукописной части, в которой через пару десятков листов от начала (л. 22—22об. 2-го сч.) помещены два предания, связанные с апостолом Фомой. В одном говорится об обретении ризы Богоматери в Ее опустевшей гробнице, открытой по просьбе апостола Фомы, ибо он отсутствовал при Успении и погребении Богородицы. Во втором предании речь идет о поясе Пречистой Девы, полученном от Нее апостолом Фомой «на воздухе» на третий день после Успения Девы Марии.

Третья гравюра со сценой Воскресения Христова (рис. 10) разделяет рукописную часть и печатный патерик — «Лимонарь». Она, как говорилось ранее, скрывает под собой старые владельческие

Рис. 8. «Явление Христа Богоматери». Граверы Я.А. Колом или А. ван Васберге по оригиналу А. Дюрера. Нидерланды. 1650—1672 гг., оттиск конца XVII — начала XVIII в. ГИМ Воскр. № 212, л. Иоб. 1-го сч.

записи. Возможно, хотя и сомнительно, при добавлении данной гравюры учитывалось, что на предыдущем рукописном листе (Л. 219 2-го сч.) упоминается праздник Воскресения в рассказе о чуде с отсеченной рукой св. Льва I, папы Римского (Льва Великого, «Леона Первого», V в.). Лист с четвертой гравюрой — «Христос перед Каиафой» (рис. 11) служит просто разделителем «Предиди-

Рис. 9. «Неверие Фомы». Гравюры Я.А. Колом или А. ван Васберге по оригиналу А. Дюрера. Нидерланды. 1650—1672 гг., оттиск конца XVII — начала XVIII в. ГИМ Воскр. № 212, л. IIоб. 2-го сч.

словия» и основного текста печатного патерика. Связь гравюры с текстом в последнем случае не просматривается.

В России знакомство с иконографией «Малых Страстей» Дюрера происходило не только по гравюрам, но и по книжным миниатюрам — русским репликам гравированных изображений. Об этом свидетельствует памятник книжности из собрания Третьяков-

Рис. 10. «Воскресение Христово». Граверы Я.А. Колом или А. ван Васберге по оригиналу А. Дюрера. Нидерланды. 1650—1672 гг., оттиск конца XVII — начала XVIII в. ГИМ Воскр. № 212, л. 13-го сч.

ской галереи — лицевая рукопись 1740-х гг. «Страсти Христовы», видимо, созданная в Москве²⁸. Часть иллюстраций Страстного цикла в ней утрачена. Среди сохранившихся миниатюр примечательна композиция «Омовение ног апостолам» (Л. 1об.), которая, как заметила изучавшая данную рукопись Г.П. Чинякова, повторяет гравюру из «Малых Страстей»²⁹. Теперь, имея примеры быто-

Рис. 11. «Христос перед Каиафой». Граверы Я.А. Колом или А. ван Васберге по оригиналу А. Дюрера. Нидерланды. 1650—1672 гг., оттиск конца XVII — начала XVIII в. ГИМ Воскр. № 212, л. VI 3-го сч.

вания в России, в Москве, голландских копий Дюрера, есть основания предполагать, что именно одной из них и воспользовался в качестве образца иллюстратор находящегося в Третьяковке московского списка «Страстей Христовых».

- ¹ Еще одна, 11-я по счету, копия была обнаружена позже Е.М. Юхименко в составе рукописного сборника 60-х гг. XVIII в. (ГИМ. Барс. № 540, л. П). Здесь также присутствует нидерландская копия гравюры из «Малых Страстей» А. Дюрера — «Се Человек» (Христос перед народом). — *Прим. ред.*
- ² ГИМ Воскр. № 212: л. VI и I 3-го сч., л. Поб. 1-го и 2-го сч.
- ³ ГИМ. Отдел ИЗО И-III-з 1286–1291.
- ⁴ Эрмитаж располагает неполным комплектом листов нидерландской копии «Малых Страстей»: ГЭ. Инв. ОГ-386785–386808: [Электронный ресурс]. URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/ОБЪЕКТ?page=3&fundcoll=1423099266&avtor=295> (дата обращения: 11.10.2022). В музее Метрополитен есть все, кроме титульного, листы нидерландской копии: MET. 47.100.136–171: [Электронный ресурс]. URL: [https://www.metmuseum.org/art/collection/search#!/search?artist=Waesberge,%20Abraham\\$Abraham%20Waesberge&perPage=20&searchField=All&sortBy=AccessionNumber&ofset=0&pageSize=0&sortOrder=asc](https://www.metmuseum.org/art/collection/search#!/search?artist=Waesberge,%20Abraham$Abraham%20Waesberge&perPage=20&searchField=All&sortBy=AccessionNumber&ofset=0&pageSize=0&sortOrder=asc) (дата обращения: 11.10.2022). О них см.: *Hollstein F.W.H.* German Engravings, Etchings and Woodcuts, ca. 1400–1700. Amsterdam, 1962. Vol. VII. 115.126–132.161 copy; *Schoch R., Mende M., Scherbaum F.* Albrecht Dürer. Das druckgraphische Werk. München, Berlin, London, New York, 2002. Bd. 2. S. 280–285. п. 39.
- ⁵ См. экземпляр титульного листа в Эрмитаже: ГЭ. Инв. ОГ-386785. Аналогичный титульный лист упоминается в книге: *Ledeboer A.M.* Het geslacht Van Waesberghe: Eene bijdrage tot de geschiedenis der boekdrukkunst en van den boekhandel in Nederland. Utrecht, 1869. P. 182: [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/hetgeslachtvanw00ledegoog/mode/1up> (дата обращения: 11.10.2022).
- ⁶ См.: Реставрация произведений графики: Метод, рекомендации / Всерос. худож. науч.-реставрац. центр им. И.Э. Грабаря. (Л.Ф. Безбородова и др.). М., 1995. С. 141–142.
- ⁷ См.: *Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek*. Leiden, 1933. Deel 9. [Kol.] 156–160: [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/molh003nieu09_01/molh003nieu09_01_0266.php (дата обращения: 11.10.2022).
- ⁸ Ф. Уоллер включил Якоба Арца Колома в отдельный список таких предлагаемых издателей-граверов: *Waller F.G.* Biographisch woordenboek van noord Nederlandsche graveurs. Amsterdam, 1938. P. 438: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.delpher.nl/nl/boeken/view?coll=boeken&identificatie=MMKB06:000001910> (дата обращения: 11.10.2022); см. также эл. ресурсы Амстердамского Центра по изучению Золотого Века Нидерландов и Биографического портала Нидерландов: URL: <http://www.vondel.humanities.uva.nl/ecartico/persons/12392> (дата обращения: 13.10.2022); URL: <http://www.biografischportaal.nl/persoon/09618638> (дата обращения: 13.10.2022).
- ⁹ См.: *Kramm C.* De levens en werken der Hollandsche en Vlaamsche kunstschilders, beeldhouwers, graveurs en bouwmeesters, van den vroegsten tot op onzen tijd. Amsterdam, 1857–1864. P. 1821: [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/kram011leve01_01/index.php# (дата обращения: 13.10.2022); эл. ресурс Амстердамского Центра по изучению Золотого Века Нидерландов: URL: <http://www.vondel.humanities.uva.nl/ecartico/persons/9253> (дата обращения: 13.10.2022). Издателем и гравером называют Абрахама ван Васберге справочники: *Aa A.J. van der.* Biographisch woordenboek der Nederlanden. Haarlem, 1877. Deel 20. P. 18: [Электрон-

- ный ресурс] URL: https://www.dbnl.org/tekst/aa_001biog24_01/colofon.php (дата обращения: 13.10.2022); Waller F.G. Указ. соч. Р. 491.
- 10 На листе с гравюрой «Неверие Фомы» видна верхняя половина водяного знака «герб Амстердама» — корона без намета, головы шитодержателей, повернутые анфас. Близкий вариант этого знака: Дианова Т.В. Филигрani XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 370. 1701, 1704 гг. На листе «Христос перед Каиафой» обнаружен фрагмент водяного знака в виде крестообразной розетки. Похожую форму имеет крест на короне некоторых разновидностей филигрani «герб Амстердама»: Дианова Т.В. Указ. соч. № 60. 1689, 1692, 1693 гг.; № 443–447. 1696–1704 гг.; № 448–449. 1696–1704 гг.
- 11 На копиях «Малых Страстей» из отдела ИЗО ГИМ просматриваются лишь очень маленькие, не поддающиеся идентификации фрагменты водяных знаков.
- 12 В сборнике Воскр. № 212 у гравюр «Воскресение» и «Неверие Фомы» углы с номерами утрачены.
- 13 ГИМ Воскр. № 212. Л. III–V, 1–91 об. 1-го сч.
- 14 Данная подборка сказаний представляет собой компиляцию из многих источников, среди которых — «Небо новое» Иоанникия Галятовского, издававшееся сначала на простой мове и по-польски, а в 1677 г. переведенное на церковнославянский язык (см.: Синкевич Н.А., Пидзайко В.Г. Иоанникий // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 78–100).
- 15 ГИМ Воскр. № 212. Л. 1–211 2-го сч. Водяные знаки: 1) «герб Амстердама» — корона с наметом, шитодержатели с поднятыми хвостами, в профиль, под гербом лигатура CVH; вариант: Дианова Т.В. Указ. соч. № 32. 1690, 1691 гг.; 2) «герб Амстердама» — корона с наметом, шитодержатели с поднятыми хвостами, в профиль, контрамарка — лигатура PVL; варианты: Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. № 353. 1699 г.; Дианова Т.В. Указ. соч. № 123. 1697–1700 гг., № 117. 1687, 1691, 1693 гг.; 3) два варианта знака «голова шута» — воротник с 5-ю зубцами, по сторонам вертикальной линии буквы E R (?); подобные знаки: Дианова Т.В. Филигрani XVII–XVIII вв. «Голова шута»: Каталог. М., 1997. № 75. 1662 г., № 704. 1705 г.; Laucevicius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. № 2625. 1664 г. 4) «Мадонна на полумесяце»; разновидность (но без ангелов, коронующих Мадонну): Laucevicius E. Указ. соч. № 2495. 1685, 1687 гг.; Филигрani XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы: Каталог / Сост. Т.В. Дианова. М., 1993. № 452. 1688 г.
- 16 ГИМ Воскр. № 212. Л. II–V об., 1–187 об. 3-го сч. Издание определено по работе: Зернова А.С. Белорусский печатник Спиридон Соболев // Книга. Исследования и материалы. М., 1965. Сб. 10. С. 126–145.
- 17 ГИМ Воскр. № 212. Л. I 3-го сч.: «Сия глаголемоя книга Цветникъ (так!) монастыря Никольскава Вьладимерские Б(ого)р(оди)цы строителя Никодима еже о Христе зъ брат(ь)ею, а писалъ он (?) диячекъ церьковный Никольской... До[мент]ъанъ (?)...».
- 18 Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов / Собр. П. Паламарчук. Т. 2: Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. М., 1994. С. 62–63.
- 19 Маштафаров А.В. Законоспаский в честь Нерукотворного Образа Спасителя Московский мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 522–523.

- ²⁰ ГИМ Воскр. № 212. Л. 9 1-го сч., 40, 146, 187 2-го сч., 1, 36, 94об., 104об., 110об., 130об., 141 3-го сч.: «Продаль сии къниги три г(лаго)ли(мые) священоие(ро) монахъ ему Емельяну живописцу писаваый и(е)рмонахъ Никодимъ».
- ²¹ Справочники сообщают о трех иконописцах с именем Емельян, связанных с Москвой в конце XVII — начале XVIII вв.: Емельяне Муратове — кормовом иконописце Оружейной палаты, сведения о котором относятся к апрелю 1703 г.; а также об учениках «живописного письма» Емельяне Андрееве и Емельяне Кондратьеве, упоминаемых в документах начала 1680-х гг. (Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. / Ред.-сост. И.А. Кочетков. Изд. 2-е. М., 2009. С. 32, 50, 352).
- ²² Датировке переплета сборника Воскр. № 212 помогает фрагмент водяного знака «Pro Patria» на защитном листе у нижней крышки. Разновидность этого знака: *Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. № 20. 1762–1763 гг.; *Лихачев Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. № 582¹⁻². 1767, 1770 гг.; *Uchastkina Z.V.* A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. № 707. 1786 г.
- ²³ В кодексе Воскр. № 212 есть еще шесть маленьких ксилографий (л. 10б. 2-го сч.) предположительно со сценами из библейской истории. Они вырезаны из какой-то немецкой книги XVI–XVII вв. и наклеены на лист, вставленный в сборник.
- ²⁴ ГИМ Воскр. № 212. Л. II 1-го сч.: «Сия книга Воскресенского м(о)н(а)ст(ы)ря бывшаго служителя Николая Климова, а подписал с(ы)нъ ево Александръ Климов своею рукою 1768 го года». Позднее запись зачеркнули так, что дата в ней читается с трудом. Сложно сказать, какой именно монастырь упоминается в записи — подмосковный Воскресенский Ново-Иерусалимский или стоявший с XV в. на Тверской улице Москвы Воскресенский-Высокий, который в 1651 г. был приписан к Саввино-Сторожевскому монастырю.
- ²⁵ В 1773–1787 гг. Воскресенский-Высокий монастырь служил подворьем Крутицкого архиепископа, а затем вновь вернулся в ведение Саввино-Сторожевской обители (см.: *Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем) / Сост. В.В. Зверинский. [Кн. I–III. Репр. изд. под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2015]. Кн. III (Монастыри закрытые до царствования императрицы Екатерины II). СПб., 1897. С. 49–50. № 1535.*
- ²⁶ ГИМ Воскр. № 212. Л. II 1-го сч.: «Оная книга подарена церкви Иакова апостола, что в Казенной, священнику Андрею Космину Ионину». Эта запись тоже перечеркнута.
- ²⁷ ГИМ Воскр. № 212. Л. 10б. 1-го сч.: «1780 го году ноября 19 го дня сия книга Орошенное руно куплена в Москве церкви Успения Богородицы, что на Покровке, у купецкой женки вдовы Ирины Кузминой Лутониной, и она продала после покойнаго брата своего роднаго, свещенника Якова Кузмина церкви Якова апостола, что в Казенной, дана рубль. (Далее другим почерком. — Ю.Г.) А куплена подпоручником Григорием Тимофеевымъ сыном Поливановым». В тисненой надписи на корешке сборник Воскр. № 212 тоже назван по его первой части: «РУНО ОРГЪШЕННО».
- ²⁸ ГТГ. Инв. К-1884.
- ²⁹ См.: Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Т. 2: Лицевые рукописи XI–XIX веков / Кн. 2: Лицевые рукописи XVIII–XIX веков / Автор-сост. Г.П. Чинякова. М., 2016. С. 82–95. Ил. V. 1.

З.В. Тетермазова

К вопросу о бытовании портрета Екатерины II на шелке из собрания Государственного исторического музея

Одним из интригующих открытий в процессе подготовки выставки Ф.С. Рокотова (1735/1736—1808) из коллекции ГИМ для автора статьи стало знакомство с уникальным оттиском портрета Екатерины II (рис. 1)¹. Эстамп можно было видеть в экспозиции среди других гравюр, исполненных по живописным оригиналам художника. Так сложилось, что концептуально гравюрный раздел открывал выставку и в то же время являлся ее логическим завершением, побуждая заинтересованных зрителей взглянуть на живописные полотна Рокотова сквозь призму эстампов, а после знакомства с работами художника вновь вернуться к тиражированным их гравюрам. Интересующий нас отпечаток выделялся более крупной рамой и располагался на отдельном щите справа от центральной оси экспозиции.

Надо сказать, что оттиски данного портрета сохранились в составе различных российских и зарубежных собраний и неоднократно публиковались в изданиях, посвященных русской гравюре XVIII в.²

Уникальность же хранящегося в запасниках ГИМ эстампа заключается в том, что он отпечатан не на бумаге, а на шелковой ткани. Мерцающая фактура светло-зеленого атласа создает эффект сияния и придает образу особенную праздничность, позволяя предположить значительный повод и торжественную обстановку, в которой портрет мог быть когда-то поднесен владельцу. Более того, оттиски на ткани достаточно редко встречаются в российских музейных собраниях. И обнаружение каждого такого произведения — большая радость для хранителя.

Кто же, когда и с какой целью заказал напечатать этот оттиск? Кому он принадлежал? Где и как хранился до поступления в музей? В рамках настоящей статьи автор попытался показать, как знание истории формирования музейной коллекции и общего историко-

Рис. 1. Г.И. Скородумов по живописному оригиналу Ф.С. Рокотова. Портрет императрицы Екатерины II. 1783—1784. Шелк; пунктир, офорт. 44,5×33,5 см. ГИМ 76715/35 и III 13969

культурного контекста эпохи позволило выстроить предположение об истории бытования вещи, следы которого казались безвозвратно утраченными. Это, в свою очередь, заставило обратить внимание на ряд других подобных эстампов в коллекции музея, побудив к размышлениям о возникновении и распространении практики печати гравюры на ткани в России, а также о культурном, социальном и политическом значении этого явления.

Прежде всего стоит отметить, что попытка проследить провенанс портрета по инвентарному номеру не увенчалась успехом.

Номер ГИМ 76715, указанный на оборотной стороне работы, отсылает к записи в Главной инвентарной книге ГИМ о поступлении в музей в 1934 г. собрания «гравюр, литографий, цинкографий и фотографий разнообразного содержания» (всего 1067 предметов), происходящих «из старых поступлений». На этом следы происхождения оттиска терялись.

Между тем, изящество исполнения работы и ее содержательная программа убеждали в существовании особенно значительного повода для ее создания и интригующей истории владения портретом. Интересно, что в России еще в XVII в. царские портреты «дозволялось иметь только известным лицам», и «дозволение это давалось боярам в знак особой Царской милости», а в XVIII в. на создание императорских портретов существовала строгая цензура (например, указы 1723, 1744 и 1747 гг., согласно которым надлежало следить за качеством исполнения императорских портретов)³. Это было закреплено и в Цензурном уставе 10 июня 1826 г., согласно которому «портреты лиц Августейшей фамилии» должны были иметь «художественное достоинство, приличествующее изображению особ Высочайшего дома, и желательное в сих случаях сходство»⁴. А в 1889 г. Д.А. Ровинский отмечал, что «по ныне существующим постановлениям, разрешение на издание портретов членов Императорской фамилии, находящихся в живых, выдается от Министерства Двора»⁵.

Сам гравированный портрет хорошо известен исследователям. Он был исполнен по заказу Екатерины II в Санкт-Петербурге в 1783—1784 гг., по-видимому, по живописному оригиналу, который был написан Рокотовым с натуры и в настоящее время находится в собрании Государственного Русского музея (1769—1779; холст, масло).

Гравированный Гавриилом Ивановичем Скородумовым — одним из крупнейших в это время в России мастеров — в технике пунктира и офорта, портрет отличается большим художественным совершенством. Освоенная Скородумовым в Лондоне (во время пенсионерской поездки) техника пунктира позволяла выстраивать образ из точек, словно легкая пудра рассыпанных на поверхности листа.

«Облака» точек то разрежаются, то уплотняются, мягко моделируя объем, а дополняющие пунктир штрихи офорта и карандашной манеры подчеркивают некоторые детали, придавая композиции целостность и завершенность.

Хотелось бы особо отметить, что обращение к технике пунктира, которая достигла расцвета и была наиболее распространена и популярна у среднего класса британского общества в последней четверти XVIII в., в работе над этим изображением, по-видимому, предполагало и определенную политическую позицию. Сентиментальность стиля изображения в сочетании с величием царственной модели, предстающей в малой императорской короне, лавровом венке и горностаевой мантии, с орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия, придают облику Екатерины II парадоксальную двойственность. Интересно, что в гравюрах третьего состояния, к числу которых относится и рассматриваемый нами оттиск, портретный образ был дополнен монограммой Екатерины II с исходящими от нее солнечными лучами и двуглавым орлом, одна голова которого обращена к полумесяцу (мусульманский символ, ассоциировавшийся с Османской империей), которому грозит скипетром, тогда как другая пристально смотрит на табличку с надписью *Georgie* (*фр.* Грузия), придвигая ее крылом и держа в когтях щит с картой Крыма, подписанной сверху *Petit Tarta* (*фр.* la petite Tartarie — Малая Татария), — явный намек на российские военные победы и имперские амбиции. Созданный, очевидно, вскоре после официального объявления о присоединении Крыма 8 апреля 1783 г. и подписания Георгиевского трактата 24 июля того же года, подтвердившего протекторат Российской империи над Восточной Грузией, этот образ прославлял два наиболее значительных достижения екатерининской внешней политики.

Нежный и одновременно величественный, он безупречно воплощал политическую стратегию императрицы, транслируя образ России как сильного, цивилизованного и либерального государства, управляемого просвещенным монархом.

Отпечатанный на мерцающем светло-зеленом шелке, этот оттиск, по-видимому, был создан по указу самой императрицы. Кроме того, есть основания предполагать, что оттиск послужил значимым подарком одному из приближенных Екатерине II вельмож. Известно, что она часто посылала свои гравированные портреты в качестве подарков: например, дарила своим приближенным отпечатки с особенно понравившегося ей портрета работы Дж. Уокера по оригиналу М. Шибанова: согласно Д.А. Ровинскому, «один экземпляр его был послан, по словам Храповицкого, Гриму... другой был подарен самому Храповицкому; еще такой же портрет был послан обер-камергеру Рибопьеру»⁶.

Был ли этот оттиск таким же высочайшим подарком? И кто мог стать его первым владельцем?

По ряду причин наиболее подходящей кандидатурой представляется Николай Еремеевич Струйский (1749—1796) — поэт-дилетант, издатель и восторженный почитатель императрицы.

К этому предположению побуждают как личные склонности и симпатии этого человека, так и история формирования коллекции Исторического музея. Известно, что Струйский был владельцем имения Рузаевка в Пензенской губернии. Оставив службу в чине прапорщика гвардии, он основал там собственную типографию, где и печатал свои стихотворные сочинения. По свидетельству губернатора Пензы тех лет, князя И.М. Долгорукого, «тиснение его было доведено до наилучшего в то время в России искусства. Он подносил Екатерине разные свои труды, и она изволила красотой издания хвастать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за тысячу верст от столицы, в глуши, под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посылала перстни бриллиантовые в подарок»⁷. Характерно, что в типографии Струйского практиковалась и печать оттисков со стихами на шелке.

Кроме того, известно, что из собрания Струйских в ГИМ в 1889—1927 гг. от правнучки Николая Еремеевича Е.М. Сушковой поступило около семидесяти предметов, включая, в частности, портрет Струйского кисти Рокотова, который впоследствии был передан в ГТГ.

Из той же коллекции поступили в ГИМ портрет неизвестного в темно-зеленом кафтане (ГИМ; конец 1760-х — 1770-е гг.; холст, масло), портрет Александра Петровича Сумарокова (ГИМ; не позднее 1777 г.; холст, масло) и авторское повторение портрета Екатерины II кисти Ф.С. Рокотова (ГИМ; 1786; холст, масло), которые также были представлены на выставке.

В числе купленных в августе 1889 г. у Сушковой предметов в Главной инвентарной книге музея под номером ГИМ 18472 числится и «Портрет Имп. Екатерины II на атласе», исключенный, однако, по ордеру 27 августа 1982 г. «в числе предметов, не обнаруженных при сверке... числящихся только по главной инвентарной книге ГИМ и никогда не поступавших в отделы».

Заманчиво было бы предположить, что это и есть рассматриваемый нами портрет, который, например, мог все же поступить в отдел изобразительных материалов в 1934 г. с туманной формулировкой «из старых поступлений».

Сегодня в отделе изобразительных материалов ГИМ хранятся еще два гравированных портрета Екатерины II, отпечатанных на шелковой ткани: один из них — копия (или, вероятно, копия ко-

пии) гравюры Скородумова (ГИМ 53532 И III43957). Этот портрет, однако, можно сразу исключить, поскольку его источник поступления известен: он поступил в музей в августе 1922 г. из собрания графини Прасковьи Сергеевны Уваровой как «шитый по белому шелку с надписью».

Второй портрет Екатерины II на шелке представляет собой копию с гравированного Е.П. Чемесовым в 1758 г. портрета по оригиналу П. Ротари (ГИМ 68101 И III37354). Он поступил в декабре 1929 г. как «рисунок пером по шелку с оригинала Ротари» и происходит «из прежних поступлений».

Однако и этот портрет не мог быть купленной у Сушковой гравюрой, поскольку, по сохранившимся в ГИМ сведениям, портрет на атласе из собрания Струйских был гравирован Скородумовым по оригиналу Рокотова.

Несколько лет назад Е.А. Тюхменевой, занимавшейся историей собрания гравюры из усадьбы Струйских, в Научно-ведомственном архиве ГИМ были обнаружены и опубликованы интересные материалы о поступивших в музей гравюрах из собрания Струйских⁸. В частности, в своей публикации Екатерина Александровна ссылается на описание, составленное хранителем Е. Орешниковым в «Отчете Музея о работе за 1889 г.». В числе наиболее интересных из поступивших в 1889 г. вещей Орешников упоминает портреты из имения Н. Струйского. Прежде всего, «печатанный на атласе овальной формы портрет Имп. Екатерины II, гравированный Скородумовым с портрета Рокотова. Внизу на атласной ленте напечатаны следующие стихи:

Из двух Шувалов мне Сей в дар вручил
Сей зрак Божественный, которой столь блистает,
К которому мой дух мое все сердце тает,
А он ево из рук Минервы получил.

Помимо стихов на ленту была нанесена надпись: „Вручен мне в Санктпетербурге от мецената 1791 г. Николай Струйской“.

Из этого можно заключить, что по заказу императрицы было исполнено два оттиска портрета Скородумова на шелке, один из которых она подарила И.И. Шувалову (именно его, как известно, называли «меценатом»), а в 1791 г. в Санкт-Петербурге Шувалов вручил этот оттиск Струйскому.

Эти сведения отчасти прояснили, отчасти еще более запутали ситуацию, ибо возникает вопрос о местонахождении ленты с текстом, отсутствующей у данного портрета и вообще не сохранившейся в отделе изобразительных материалов. Конечно, в период

с 1889 по 1934 г., до поступления портрета в отдел (если допустить, что это именно тот самый портрет), лента могла и затеряться. А может быть перед нами как раз второй из упомянутых в надписи портретов, оставшийся у Шувалова.

Ситуация несколько прояснилась после того, как портрет был отдан на реставрацию. Пользуясь случаем, хотелось бы поделиться результатами замечательной реставрации, проведенной Ольгой Николаевной Сотсковой в 2020 г. Когда реставратор прислала автору фото оборотной стороны оттиска, то, откорректировав яркость и резкость, в левом верхнем углу можно было едва различить номер, начинающийся на 18 и заканчивавшийся на 89. За этими цифрами можно было бы предположить номер 18472 (номер портрета из собрания Струйских) и 1889 г., когда этот портрет поступил в музей, что возвращает нас к предположению о принадлежности оттиска собранию Струйских.

Как бы то ни было, возникшие в связи с этим портретом предположения побудили обратить внимание на ряд других гравированных портретов на ткани в собрании Исторического музея. Судя по сохранившимся памятникам, в России во второй половине XVIII — начале XIX в. сложилась устойчивая традиция печати портретных гравюр на шелке. Помимо вышеупомянутых портретов Екатерины, особенного внимания заслуживает изображение царя Теймураза Николаевича, гравированное в 1761 г. Е.Г. Виноградовым и А.А. Грековым в технике резца и офорта (рис. 2) по живописному оригиналу А.П. Антропова. Судя по тонкости деталей и яркости печати, оттиск на шелке был сделан вскоре после завершения работы над доской. В 1761 г. грузинский царь Теймураз II посетил Петербург с целью получить военную помощь для борьбы с Персией. Тогда же по заказу канцлера Михаила Илларионовича Воронцова были созданы его живописный и гравированный портреты. Оттиск этой великолепной гравюры, отличающейся ювелирной тонкостью исполнения и исключительным натуроподобием, особенно гармонично сочетается с фактурой белого атласа. Поступивший в музей в 1935 г. «из старых поступлений», он, очевидно, также являлся ценным подарком.

На шелковой материи в России печатали и гравированные портреты правителей в миниатюрном формате. Особенный интерес представляет портрет императора Александра I работы Томаса Райта, отпечатанный на белом атласе и поступивший в ГИМ в 1905 г. в составе коллекции П.И. Щукина (рис. 3)⁹. Портрет был гравирован Райтом в 1826 г. по собственному рисунку с медали И.А. Шилова в память об умершем правителе. Известна парная

Рис. 2. Е.Г. Виноградов, А.А. Греков по живописному оригиналу А.П. Антропова. Портрет грузинского царя Теймураза II. 1761. Шелк; резец, офорт. 43,5×33,5 см. ГИМ 77002/95 и III 12860

к нему гравюра с профильным портретом супруги Александра — императрицы Елизаветы Алексеевны, на которой присутствует надпись: «Елизавета Алексеевна / „Надѣюсь вскоре съ Нимъ соединиться“»¹⁰. Подобная надпись, подчеркивающая мемориальный характер изображения, присутствует и на портрете императора: «Александръ Благословенный / „Нашъ Ангель На Небеси“». Этот эстамп, обрамленный под стеклом в овальный металлический

Рис. 3. Т. Райт по собственному рисунку гравера с медали И.А. Шилова.
Портрет императора Александра I. 1826. Шелк; пунктир. 7,5×5,5 см.
ГИМ 13916щ и VII 1675

медальон с петелькой для подвешивания, мог принадлежать и самой императрице, и кому-то из близких Александру людей, равно как и незнакомому с ним лично почитателю или почитательнице.

Между тем портретные оттиски на шелке исполняли не только по императорским заказам и с портретов царственных моделей. В собрании ГИМ сохранился портрет петербургского купца, старообрядца Филиппа Косцова, гравированный после 1804 г. В Ива-

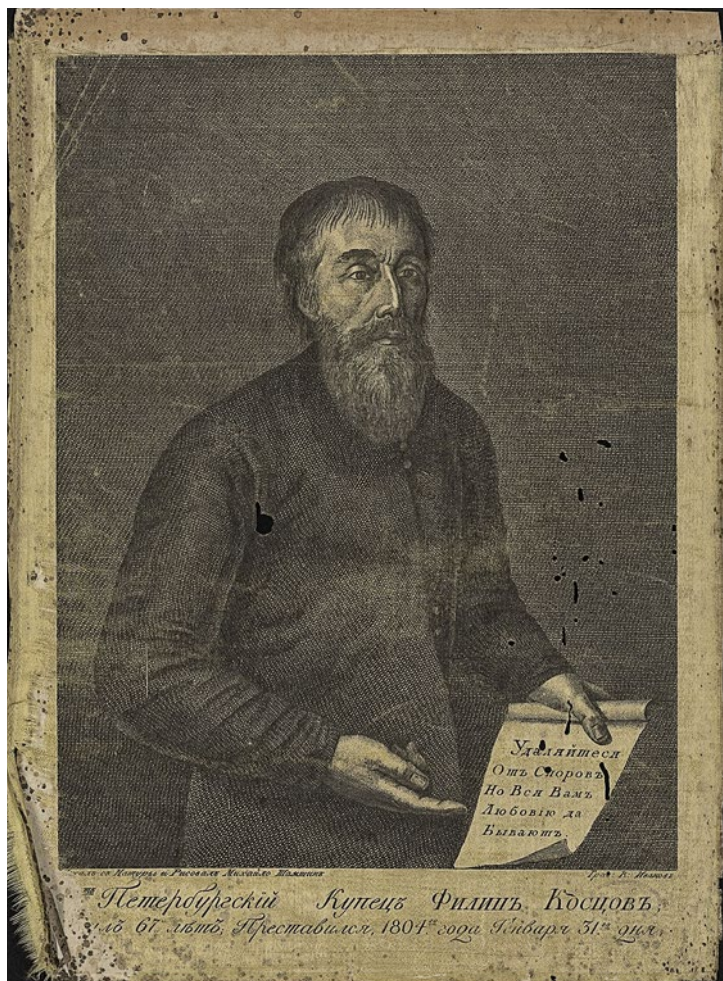

Рис. 4. В. Иванов по рисунку М. Шамшина. Портрет Ф. Косцова. 1804. Шелк; резец. 29,5×22,7 см. ГИМ 42949/1479 И III 1229

новым в технике резца (рис. 4) по рисунку Михайло Шамшина с его же живописного портрета с натуры (местонахождение неизвестно). Портрет поступил в 1905 г. в составе коллекции А.П. Бахрушина. Известны и другие гравированные портреты купцов, печатавшиеся в XIX в. на шелковой материи.

Еще предстоит прояснить, насколько широкое распространение получили такие портреты в России, каковы были техниче-

ские особенности их печати, какими были способы их бытования и влияние на формирование культурной среды.

И хотя в настоящей статье предложено больше вопросов, чем ответов, представленные материалы приоткрывают одно из ярких и малоизвестных явлений в истории печатной графики в России. Кроме того, разговор о бытовании портретных гравюр на шелке, некоторые из которых были приобретены в период работы в музее Ивана Егоровича Забелина, представляется особенно уместным на конференции, посвященной памяти этого яркого ученого, проявлявшего живой интерес к истории повседневности и быту прошлого.

- ¹ Выставка «Федор Рокотов. Собрание Исторического музея» проходила в ГИМ 29.07.2020—28.09.2020. Данный оттиск был рассмотрен и опубликован автором до обнаружения сведений о его происхождении. См.: *Тетермазова З.В.* Гравюры XVIII—XIX вв. по оригиналам Ф.С. Рокотова. Каталог произведений // Ф.С. Рокотов. Собрание Исторического музея. Исследования и реставрация. М., 2020. С. 81—85; 114—115.
- ² См.: *Мишина Е.А.* Гаврила Скородумов. СПб., 2003; Портрет в русской гравюре XVIII века. Из собрания ГИМ. Аннотированный альбом-каталог / Авт. текста и сост. кат. С.В. Морозова. М., 2010. С. 320—321; Гравюра в России XVIII — первой половины XIX столетия. ГМИИ. [Электронный ресурс] URL: http://russianprints.ru/printmakers/s/skorodumov_gavriil/portrait_catharina_2nd.shtml (дата обращения 01.07.2021).
- ³ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886—1889. Т. 4. Стб. 307.
- ⁴ Там же. Т. 4. Стб. 311.
- ⁵ Там же. Т. 4. Стб. 312.
- ⁶ Там же. Т. 2. Стб. 807.
- ⁷ *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 158—159.
- ⁸ *Тюхменева Е.А.* Гравюры из усадьбы Струйских (по материалам ГИМ) // Императорская Академия художеств в культуре Нового времени. Достижения. Образование. Личности. К 260-летию основания Академии художеств. К 70-летию Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств. М., 2016. С. 190—191.
- ⁹ Автор выражает благодарность хранителю данного портрета Л.Н. Соколовой.
- ¹⁰ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886—1889. Т. 2. Стб. 927.

Неизвестный комплекс гравюр Х.Г. Гейслера.
Драматическая страница сотрудничества
художника с академиком П.С. Палласом

В отделе изобразительных материалов ГИМ хранится некая не очень большая — 42 листа — подборка гравюр немецкого гравера Христиана Готфрида Гейслера (1770—1844), представляющая большой интерес. Она ни своим содержанием, ни авторством никогда не вызвала особых вопросов, несмотря на то что при поступлении в ГИМ гравюры не были определены и записаны в инвентарную книгу отдела ИЗО без указания их названий с произвольными краткими наименованиями по содержанию. Их принадлежность руке Х.Г. Гейслера была очевидной для всех, кто знаком с творчеством мастера. Но детальное рассмотрение комплекса этих 42 листов во время обработки фонда поставило немало вопросов как по поводу их датировки, так и по истории создания в целом.

Единственное, что было и осталось бесспорным в результате предпринятого исследования, это сам факт принадлежности гравюр Гейслера к числу иллюстраций к знаменитому сочинению академика Петра Симона Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». Этот фундаментальный труд увидел свет в 1799 г. и впервые был издан в Лейпциге на немецком языке¹, затем переведен на французский язык и издан сначала там же в Лейпциге², а затем в Париже³, почти одновременно вышел на английском языке в Лондоне⁴ и выдержал несколько переизданий. Всемирно известный ученый-энциклопедист и путешественник, академик Берлинской и Санкт-Петербургской академий наук П.С. Паллас (1741—1811) посвятил свой труд вопросам геологической структуры, флоре, фауне, истории, этнографии, хозяйственной деятельности народов, населявших южные степи России, предгорий Кавказа и Крымского полуострова (Тавриды). Подробность и точность наблюдений, достоверность сообщаемых

им сведений, полное описание и изложение результатов наблюдений сохранили свое научное значение вплоть до нашего времени. Книга, и то только второй том, была переведена на русский язык впервые в 1999 г., а до тех пор существовала только в иностранных изданиях, что не убавляло ее популярности у исследователей.

Иллюстрации Х.Г. Гейслера к двухтомному сочинению П.С. Палласа обладают достаточной известностью и существуют в музейных собраниях и у коллекционеров в виде самостоятельных гравюр, когда-то отделившихся от книги. Это прежде всего относится к изображениям народностей, населявших Причерноморские степи, Крым, Северный Кавказ, а также к видовым пейзажным листам с зарисовками городов, крепостей, гаваней Тавриды.

Сам факт участия художника Х.Г. Гейслера в экспедиции П.С. Палласа по югу России в 1793—1794 гг. не только повсеместно известен благодаря его гравюрам, но описан ученым в Предисловии к первому тому «Наблюдений...». Знакомство и сотрудничество их началось в Петербурге, длилось оба года путешествия и затем продолжалось еще несколько лет во время пребывания в Крыму, где П.С. Паллас поселился в пожалованном ему имении, а художник жил у него до своего отъезда в Германию в 1798 г. Гейслеру во время путешествия вменялось в обязанности изображать «ландшафты, народные типы и произведения естества». Художник исполнил массу рисунков, служивших ему многие годы в качестве неиссякаемого русского «художественного портфеля». Интересно, что в иллюстрациях к книге П.С. Палласа, помимо чисто этнографических и пейзажных зарисовок, есть гравюры, где показаны участники экспедиции, сам П.С. Паллас и члены его семьи, беседующие с обитателями юрт и кибиток, присутствующими на их праздниках.

Самое первое немецкое издание труда П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства» было издано, как уже упоминалось, в Лейпциге. Первый том — в 1799 г., второй — в 1801 г. Гейслер изготовил для них 28 маленьких гравюр, которые получили авторское наименование виньеток и помещались, как правило, в конце или начале отдельных глав, и 52 большие гравюры с пейзажными видами и этнографическими изображениями. Все листы имеют подписи Х.Г. Гейслера, находящиеся под нижними рамками гравюр в левой или правой их части.

Вторым изданием стал перевод обоих томов книги на французский язык и напечатание их в том же издательстве в Лейпциге. Это произошло достаточно быстро: в те же — 1799 и 1801 — годы. Все гравюры — и виньетки, и большие листы — в этих обоих из-

даниях совпадают по исполнению, только иногда отличается их размещение в книжных томах, когда их монтировали между страницами текста.

В 1802 и 1803 гг. фундаментальный труд П.С. Палласа был переведен на английский язык и вышел в Лондоне в двух томах большого формата, несколько превышающий размеры лейпцигских книг. Интересно, что в первом томе этого издания использовались гравюры Гейслера с его подписями, только иногда переходившими слева направо, меняя места под рамкой. А во втором томе в качестве гравера на многих листах появляется другое имя — Медланд, а Гейслер фигурирует как автор рисунка.

Книга П.С. Палласа «Наблюдения...» представляла для современников научный и познавательный интерес, и ее переиздавали несколько раз во Франции (1806;1811) и Англии (1803;1812), меняя формат на меньший и заказывая гравюры другим исполнителям, оставляя имя Х.Г. Гейслера только в качестве художника. Эти изменения в обозначении авторства представляются вполне логичными и совершенно традиционными.

Но то, что выявляется при тщательном сопоставлении самих листов и подписей гравера к ним в первых изданиях — французском 1799 г. и английском 1802 г., иногда остается непонятным в техническом и логическом отношении. Самый яркий пример — изображение «Домашней кошки в деревне мокшан и герба с двумя алебардами» (том 1 табл. 1). Во французском издании фигура кошки повернута вправо и герб изображен в правом верхнем углу. В английском издании кошка повернута влево и герб расположен в левом верхнем углу. В обоих случаях это не просто зеркальный поворот, а новая доска с подписью Х.Г. Гейслера и указанием номера тома и таблицы. Сами изображения не отличаются ничем. Зачем кошку и герб надо было переворачивать и заново гравировать — неясно. При том интересно, что подпись Гейслера не воспроизведение, а достаточно характерное авторское написание. На нескольких одинаковых гравюрах имя Х.Г. Гейслера в разных изданиях перемещается то влево, то вправо, варьируя обозначения *del.* и *fec.*

Эти наблюдения над отпечатками иллюстраций в разных изданиях, а также тщательное сопоставление их размеров приводит к выводу, что Гейслер мог сам зачищать и гравировать новые подписи на своих досках, которые ему предстояло отдать из Лейпцига в издательство другого города, предположим, в Лондон. То, что доски в двух лейпцигских изданиях и лондонском (там, где подпись Гейслера) использовались одни и те же, подтверждается со-

впадением их размеров (с небольшой разницей по краям обрезов досок, проистекающей от различия в текстуре бумаги, на которой они были напечатаны, возникающей при ее смачивании). Вывод об использовании одних и тех же досок, их исправлении и перегравировке в случае необходимости для работы над новым начинанием представляется весьма важным.

Изучение всего массива доступных в настоящее время книжных иллюстраций к обоим томам труда П.С. Палласа оказалось необходимым для понимания особенностей тех 42 гравюр, которые хранятся в отделе ИЗО Исторического музея. Прежде всего выяснилось, что размеры оттисков досок на этих листах и на гравюрах в книгах совпадают в рамках погрешностей от тех же особенностей плотности бумаги. Все гравюры отпечатаны на тонкой серо-голубой бумаге и часто не совсем ровно расположены на ее поверхности. Края бумаги не обрезаны. Это явно пробные отпечатки, когда тщательность в расположении изображения на листе вовсе не обязательна. Отпечатки иногда весьма бледного тона и производят впечатление оттисков с выпечатанных досок.

По количеству гравюры распределяются следующим образом: в наличии все 14 виньеток (гравюр малого формата) к первому тому, 13 виньеток ко второму тому (одна отсутствует), 15 жанровых изображений (то есть все) к первому тому. Ни одного пейзажного панорамного листа большого формата, которые были приложены к первому тому, нет. Отсутствуют также все жанровые и пейзажные листы из второго тома. Примечательно, что некоторые виньетки имеют награвированные отметки над правой частью верхнего угла рамки: «винье 9», «винье 2», «винье 13» (рис. 1–6). Также снабжены пагинацией жанровые картинки первого тома. На всех в том же правом углу над рамкой обозначено: «Т 1 Д 1», «Т 1 Д 4», «Т 1 Д 7» и пр. Помимо этого, от руки чернилами характерного коричневого тона гравюры помечены номером тома и номером виньетки или картинка, который они имеют во всех изданиях книги П.С. Палласа. Правда, тут человек, который проставлял от руки эти номера, пару раз ошибся. Весьма примечательно, что все награвированные буквы пагинации, а также такие обозначения, как, например, «фиг.1», «фиг.2» или «сажень», «аршин», «вершок» на мерной линейке отдельных изображений, и названия речушек сделаны на русском языке. Этого нет, да и не могло быть ни в одном известном печатном издании. Буква Д рядом с Т (том) на картинках с изображением народностей может обозначать сокращение слова «доска» (т. е. доска для печатания). Другого объяснения как-то не подбирается, хотя это очень непривычно (Том 1 Доска 3).

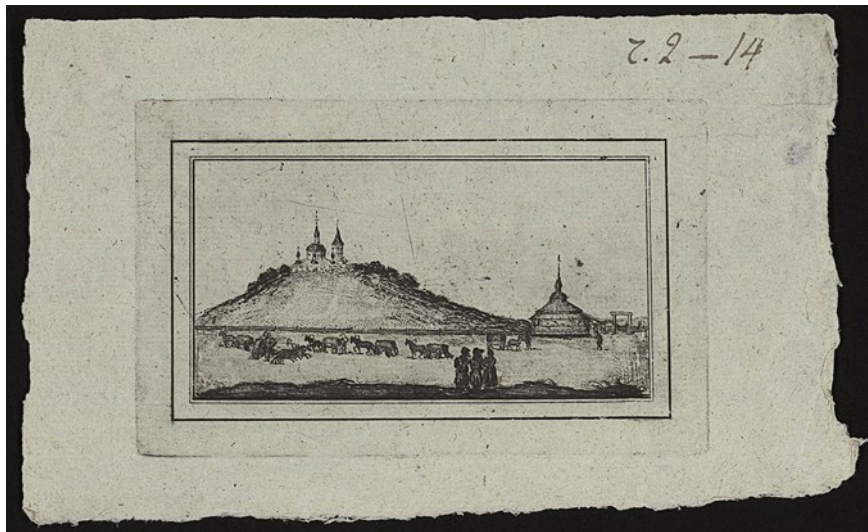

Рис. 1. Изображение Бронницкой головы около местечка Бронницы в Новгородской губернии. 1810-е гг. Пробный оттиск гравюры Х.Г. Гейслера для издания П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». Бумага, офорт

Самой большой удачей при изучении серо-голубой бумаги с пробными оттисками гравюр явилось то, что удалось выявить водяные знаки на ней. Несмотря на то что была использована бумага весьма малых форматов, тонкая, явно дешевая, совсем не подходящая для печатания тиража, на нескольких листах по краям видны буквы Г Ф И У и дата ее изготовления — 1816 г. Эта дата просматривается на четырех листах, а поскольку все они совершенно однородны, то вся бумага может считаться изготовленной в это время. Общая мировая практика искусства гравирования свидетельствует, что мастера закупают и используют выпущенную в продажу бумагу в течение 1—2 лет. Следовательно, гравер напечатал все эти листы в 1817—1818 гг.

В том, что эти пробные гравюры исполнены со старых досок Х.Г. Гейслера, нет никаких сомнений, поскольку совпадает все: их размеры, фигуры персонажей, мельчайшие детали рисунка. Только переделаны на русский язык все обозначения и стерты везде имена мастеров, даже на тех единичных досках, которые гравировал Гейслер для прежних изданий вместе с другим исполнителем, например: Т 1 табл. 9 *NachtderNatur... GeisslergestochenvonSchule* (Изображение астраханских индусов за вечерней молитвой — пер. Е.И.).

Рис. 2. Татарский склеп в Больших Маджарах. 1810-е гг. Пробный оттиск гравюры Х.Г. Гейслера для издания П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». *Бумага, офорт*

И здесь возникают главные вопросы: зачем в 1817 или 1818 г. Х.Г. Гейслер или какой-то иной мастер исполнил эту работу, кто ему мог поручить или заказать ее, почему была стерта с досок подпись гравера?

В первую очередь следует рассмотреть версию возможного авторства Х.Г. Гейслера. Самый простой ответ на один из вопросов касается русского языка: Х.Г. Гейслер знал его, довольно хорошо владел им и даже выпустил в 1813 г. два издания немецко-русского словаря-разговорника в помощь жителям Лейпцига для облегчения объяснений с русскими солдатами⁵. В письме в Петербургскую академию наук он упоминал о том, что весной 1813 г. работал русским переводчиком при Лейпцигской ратуше⁶.

Для того чтобы попытаться ответить на остальные вопросы, нужно обратиться к истории взаимоотношений и сотрудничества художника и академика П.С. Палласа. Их полная драматизма совместная работа, происходившая в последнее десятилетие

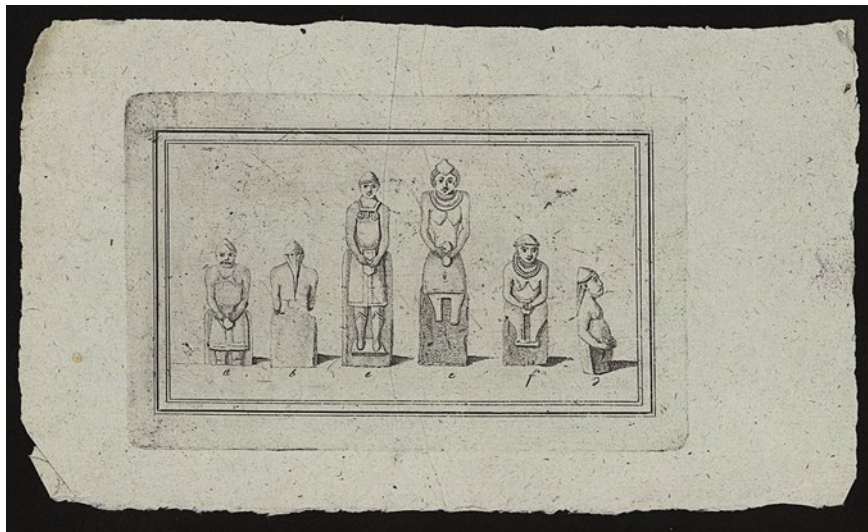

Рис. 3. Шесть скульптур — находки в степях Дона. 1810-е гг. Пробный оттиск гравюры Х.Г. Гейслера для издания П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». *Бумага, офорт*

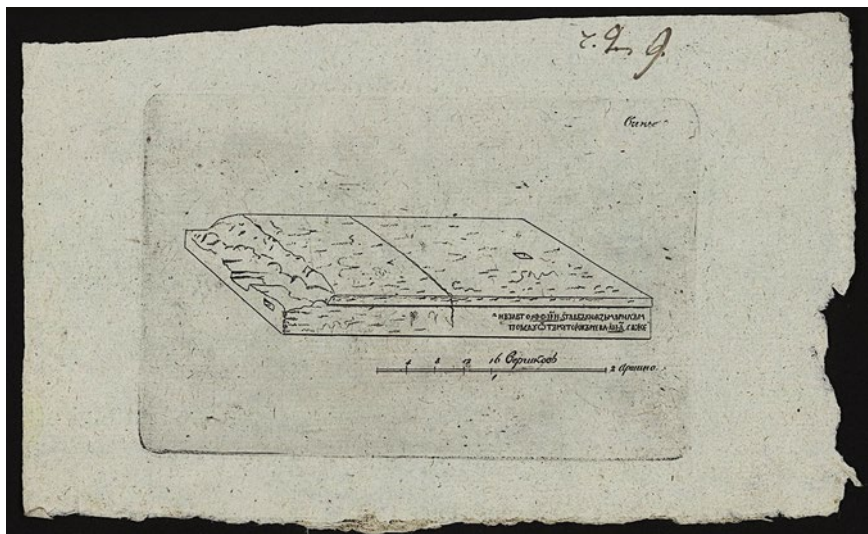

Рис. 4. Мраморная плита, найденная в Тамани с древней русской надписью. 1810-е гг. Пробный оттиск гравюры Х.Г. Гейслера для издания П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». *Бумага, офорт*

Рис. 5. Туркмен с хлыстом, луком и колчаном. 1810-е гг. Пробный оттиск гравюры Х.Г. Гейслера для издания П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». Бумага, офорт

жизни П.С. Палласа, не раз привлекала внимание исследователей, занимающихся проблемами зоологии, ботаники, биологии, в связи с историей издания книги «Zoographia Rosso-Asiatica». Поэтому многие факты уже выявлены и опубликованы⁷. Можно повторить, возвращаясь назад, что Х.Г. Гейслера и П.С. Палласа связывала многолетняя дружба, начавшаяся еще в петербургский

Рис. 6. Ногайская княжна, дама из ее окружения в сопровождении невольницы. 1810-е гг. Пробный оттиск гравюры Х.Г. Гейслера для издания П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах». Бумага, офорт

период. Приехавший в Россию в 1790 г., молодой немецкий гравёр был представлен ученому и путешественнику после того, как сумел с успехом осуществить издание своих гравюр с изображениями уличных торговцев и разносчиков и приобрести определенную известность. В первом путешествии П.С. Палласа по европейской части России, по Уралу и Сибири в 1768—1774 гг., его

сопровождали другие художники — рисовальщик Николай Дмитриев и чучельник Павел Шумский, а во вторую поездку он пригласил Х.Г. Гейслера. Вместе с ученым на юг России отправилась и его семья. Дружеские отношения связывали их всех долгие годы. После окончания экспедиции Гейслер в 1798 г. вернулся на родину в Лейпциг, где занимался подготовкой иллюстраций к двухтомному изданию «Наблюдений...».

Известно, что Паллас ценил Гейслера как художника и настоял в Академии наук, чтобы иллюстрации к давно задуманному им фундаментальному труду, материалы для которого он собирал всю жизнь, были поручены именно ему. Гейслер, освободившийся от работы над гравюрами к большим томам «Наблюдений...», должен был приступить к таблицам и рисункам нового издания. П.С. Паллас сам немного затянул свою работу, будучи отягощен в течение первых лет проживания в Крыму земельными тяжбами, связанными с полученными им имениями, и увлечен хозяйственными заботами — разведением в них фруктовых садов и виноградников. Лишь в 1803 г. Паллас известил Академию наук об окончании первой части своего труда с описанием млекопитающих и птиц. Академия, опасаясь трудностей сношений с Гейслером, проживающим в Германии, с самого начала выражала свои опасения по поводу выбора Палласа. Тем не менее в 1806 г., по получении от П.С. Палласа рукописи и 122 таблиц рисунков, Академия наук, уступая его настояниям, отослала все материалы Х.Г. Гейслеру. Кроме того, были отосланы шкурки птиц, по которым нужно было сделать новые рисунки и улучшить некоторые предыдущие.

Опасения Академии наук стали оправдываться сразу же после отсылки в Лейпциг рисунков и коллекций. Связь с Гейслером и ведение с ним расчетов по оплате за работу были затруднены не только дальностью расстояний, но и военными событиями того времени. Вовлечение в них Германии привело к подорожанию жизни и поставило Гейслера в трудное материальное положение, что еще больше усложнило выплаты. Несмотря на ряд предложений Академии наук, в частности не печатать таблицы рисунков, а ограничиться лишь их гравированием и изготовлением пробных отпечатков, а также повысить оплату и для ускорения производить ее через русского консула в Лейпциге, работа практически не шла.

Поскольку печатание первого тома «Zoographia...» близилось к завершению, а таблиц с рисунками к нему не было, П.С. Паллас для ускорения их изготовления решил покинуть Крым и вернуться в Берлин. Это случилось в 1810 г. Когда он приехал, выяснилось, что готовых награвированных досок было еще меньше, чем

указывал Гейслер в переписке с Академией. Высылая в Петербург только оттиски с них, начиная с 1809 г., гравер стал медные доски закладывать. Старый и больной ученый был в большом расстройстве, но ничего практически предпринять уже не мог. С его смертью 8 сентября 1811 г. Гейслер работу прекратил вовсе, а через год ввиду начавшейся войны России и Франции Петербургская академия наук потеряла всякую с ним связь.

По окончании войны в 1817 г. переехавшему в Германию известному ученому ботанику академику Вильгельму Готлибу Тилезиусу было поручено разыскать Гейслера, но это не сразу ему удалось, так как гравер уехал из Лейпцига в Нюрнберг на время военных неурядиц. Тем не менее Тилезиус выяснил, что медные доски были заложены, рисунки к ним находились у Гейслера, а шкурки птиц отданы на сохранность в разные руки. Вскоре Гейслер возобновил работу на новых условиях, которые ему были предложены. В 1818 г. Академия наук поручила В.Г. Тилезиусу принимать у Х.Г. Гейслера рисунки, которые тот обязался исполнять вместо гравюр, и проверять их. Рисунки художник отсылал дюжинами, и за каждую дюжину русский консул в Лейпциге платил Х.Г. Гейслеру 8 дукатов. Но вскоре русский консул в Лейпциге умер, оплаты отменились, и работа Гейслера была прекращена окончательно.

Все эти подробности стали известны благодаря изысканиям, предпринятым академиком Карлом Бэром по поручению Академии наук в 1830 г., когда тот был специально командирован в Лейпциг. К. Бэр выяснил все, что было возможно, и написал отчет в Академию, который издал через год на немецком языке в виде отдельной брошюры⁸. Многие исследователи, занимающиеся трудом П.С. Палласа «Zoographia...» и иллюстрациями к нему, ссылаются на эту брошюру. К. Бэр затронул историю поездки в Лейпциг также в своей автобиографии, где добавил некоторые подробности событий и впечатлений⁹. Он пишет, что после долгих хлопот ему удалось выкупить из заклада с помощью Академии все рисунки и медные доски и переслать их в Петербург.

«Мне было жаль Гейслера, — сообщает К. Бэр, — потому что он был добродушным и трудолюбивым человеком, который из личной симпатии к Палласу не хотел передавать эту работу в другие руки и только благодаря опрометчивости и ложному стыду сделался преступником по отношению к научному наследию Палласа. Я застал его бедняком, и он чрезвычайно стыдился своего положения. После того, как я вытребовал у него все, что он мог отыскать, я не удержался, чтобы не сделать ему весьма значительного подарка. Этот подарок был лишь выражением личного уча-

ствия к этому человеку, репутация которого сильно пострадала после таскания его по консулам и судебным чиновникам»¹⁰.

Благодаря усилиям К. Бэра мы знаем положение дел, сложившихся у Х.Г. Гейслера после окончания военных событий в Германии в конце 1810-х гг. Разысканный В.Г. Тилезиусом в 1817 г. и принуждаемый возобновить контакты с Академией, озабоченный необходимостью выкупать заложенные медные доски, он мог обратиться к хранившимся у него старым запасам материалов по России.

Можно допустить, что Х.Г. Гейслер в порядке отчета о всех имеющихся в его распоряжении материалах, связанных с его сотрудничеством с П.С. Палласом, решил изготовить оттиски с находившихся у него или тоже выкупленных из заклада досок. Правда, причина, по которой он решил отдельные обозначения на них переделать на русский язык, не очень ясна. Чем Vign (виньетка) хуже, чем «винье» в обозначении номера листа (кстати, на одном из листов «Т 2 № 11» — обозначение, вероятно, было пропущено и не переделано), и для понимания кого все меры длины перегравируются в «вершки» и «аршины»? Яснее прочего, как уже упоминалось, могут оказаться пометки на жанровых листах «Т 1 Д 20», где мастер, видимо, хотел обозначить номер гравировальной доски, с которой делал отпечаток. Исчезновение имени исполнителя на оттисках тоже может найти объяснение в той ситуации, в какую Гейслер попал в отношении Петербургской академии, и тех разбирательств, о которых упоминает К. Бэр. Вероятно, он просто не захотел оставлять свою подпись. Таким образом, не исключено, что Гейслер пытался предложить В.Г. Тилезиусу, помимо тех рисунков и гравюр, которые от него требовали для «Zoographia...», и свои старые работы. Это, конечно, только одно из предположений. Нет никаких сведений о том, что эти пробные отпечатки были переданы в Академию. В материалах Петербургского филиала архива РАН о них нет упоминаний. А вытребованные В.Г. Тилезиусом у Гейслера рисунки с его карандашными пометками для «Zoographia...» были пересланы в Петербург и благополучно хранятся в архиве.

Можно рассмотреть и совсем другую версию. Дело в том, что все пробные оттиски на серо-голубой бумаге с водяным знаком 1816 г. из собрания ГИМ выполнены на русской бумаге. Одинаковые отпечатки на одной и той же бумаге русского производства с литерами Г Ф И У, которые расшифровываются как Глинковская фабрика Ирины Усачевой, находившаяся в Дмитровском уезде Московской губернии. Трудно представить, чтобы после окончания

боевых действий в Европе, когда экономические связи оказались нарушенными, рядовая продукция русской бумажной фабрики была завезена в Лейпциг. Тогда следует предположить, что в Россию от Гейслера были доставлены сами медные доски. Были ли они уже переделаны в Германии на русский шрифт или подверглись зачистке и перегравировке на месте — неизвестно. Скорее всего, они были затерты самим гравером, а оттиснуты в 1817 или 1818 г. в России. Если бы речь шла о предоставлении отчета о хранящихся у гравера материалах, связанных с предыдущей работой над книгами П.С. Палласа, не имело бы смысла зачищать доски и переделывать надписи на русский язык. Значит, может возникнуть иное предположение: вероятно, мы имеем дело с некими предварительными шагами по изданию труда П.С. Палласа на русском языке.

Хорошо известно, что Академия наук на протяжении всего XIX в. ни разу не озаботилась перевести труд Палласа на русский язык и издать его. Только в 1881 и 1883 гг. в «Записках Одесского общества истории и древностей» появились отрывки из второго тома, посвященного описанию Крыма. Полный перевод с немецкого второго тома «Наблюдений...» сделал в 1918 г. ученый-краевед А.Л. Бертъе-Делагард (совместно с С.Л. Белявской), но он не увидел свет. Академия наук только в 1999 г. осуществила издание второго тома в серии «Научное наследство», но оно лишено иллюстраций. Ничего неизвестно о каких-либо полноценных замыслах русского издания книги П.С. Палласа, о чем сожалели некоторые ученые, знакомые с его книгой на европейских языках. Однако в Петербурге, в филиале архива РАН, хранится неизданный русский перевод части второго тома, касающейся описания путешествия Палласа, правда, дата этого перевода и имя переводчика неизвестны¹¹. Весьма вероятно, что этот неизданный перевод безвестного автора тоже относится к неосуществленным замыслам на пути к тому, чтобы труд замечательного путешественника вышел в виде большой книги в России. Правда, следует отметить, что пробные гравюры с досок Гейслера относятся в основном к первому тому, а переведен том второй, больше всего интересовавший ученых, где дано описание Тавриды. Тем не менее можно представить, что комплекс русифицированных гравюр художника Х.Г. Гейслера мог стать одной из ступенек на подступах к намерениям осуществить эту большую задачу.

Самый трудный вопрос в настоящее время: судьба медных досок или пробных отпечатков в России. В Петербургской академии наук, где по логике вещей они должны были находиться, сведений о них нет. Каким-то образом пробные гравюры, может быть,

из-за невостребованности ушли к коллекционерам. Когда это произошло и кого могли заинтересовать оттиски на плохой тонкой бумаге — непонятно. По всей вероятности, это узнать уже невозможно. Так же как останется до конца неясным вопрос о том, какие еще листы, помимо тех 42, хранящихся в ГИМ, могли быть отпечатаны. Совсем нет больших пейзажных листов ни к первому, ни ко второму тому. Может быть, они и не были выполнены, так как оказались сложнее в техническом отношении. Тот факт, что гравюры существовали все вместе у одного коллекционера, а не разрозненно у разных собирателей, и нет никаких упоминаний о том, что где-то в музейных собраниях существуют подобные же гравюры Гейслера, заставляет предполагать, что могло быть изготовлено именно столько отпечатков, а не больше. Конечно, отдельный листочек малого формата (из второго тома) мог и затеряться.

Провенанса у подборки пробных отпечатков с переделанных досок Х.Г. Гейслера практически нет. Известно только, что они поступили в Исторический музей в мае 1910 г. как «дар наследников В.Н. Рогожина». Записаны они были в качестве «собрания эстампов разного содержания» и получили номер ГИМ 46639. На обороте всех листов стоит штамп «Библиотека Н.П. и В.Н. Рогожиных». Николай Павлович Рогожин (1832—1907) и его сын Владимир Николаевич Рогожин (1859—1909) — известные собиратели и библиофилы. Отец — Николай Павлович — помимо редких книг интересовался нумизматикой, сын — Владимир Николаевич — с 1895 г. был действительным членом Русского библиографического общества. Став наследником отцовского книжного собрания, Рогожин-младший присоединил к нему собственные приобретения. Оба собрания по духовному завещанию в 1909 г. были переданы в дар Историческому музею. Среди передаваемых ценностей, помимо книг, были гравированные портреты, рисунки, эстампы, карты, планы, афиши и даже автографы.

Предметы своего приобретения Рогожин-младший помечал овальным штампом с надписью обоих имен — отца и собственным. У отца на купленных им книгах был другой штамп. На всех наших гравюрах проставлен овальный штамп со словами «Библиотека Н.П. и В.Н. Рогожиных». Это может означать, что они пришли к В.Н. Рогожину уже где-то в конце XIX — начале XX в. Каким образом они были приобретены и через кого, вряд ли возможно узнать. Понятно, однако, что оттиски находились в руках собирателя, который прекрасно знал их принадлежность к иллюстрациям книги П.С. Палласа. Он проставил на каждой гравюре номер первого и второго тома и номер таблицы или виньетки. Судя по по-

черку и чернилам, сделано это было в домашних условиях. Наличие в частной библиотеке какого-либо издания «Наблюдений...», ценного и редкого в то время, свидетельствует о достаточно высоком уровне библиографического собирательства его владельца.

Подводя итоги, можно сказать, что комплекс гравюр Х.Г. Гейслера, датируемых 1817—1818 гг., представляет собой абсолютный раритет. Он, конечно, ничего не добавляет к самим гравюрам издания П.С. Палласа ни по содержанию, ни по качеству исполнения, но является таковым по факту своего существования. С какой бы целью он не задумывался и невзирая на то, что, скорее всего, нигде не пригодился, его осуществление практически не имеет аналогов в истории русской иллюстрации. Пробные оттиски как подсобный материал встречаются в собраниях коллекционеров, но они являются промежуточной фазой готовящегося издания, которое затем выходит в свет, а здесь, возможно, имеет место заготовка или предложение иллюстраций в 1810-х гг. XIX в. к так и не осуществленному на русском языке труду.

- ¹ *Pallas, Peter Simon. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. Bd. 1, 1799; Bd. 2, 1801.*
- ² *Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l' Empire de Russie, dans les annees 1793 et 1794 par P.S. Pallas, conseiller de S.M.I. de Toutes les Russies, chevalier etc. Leipzig, Vol. 1, 1799; Vol. 2, 1801.*
- ³ *Pallas P.S. Voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l' Empire de Russe, dans les annees 1793 et 1794. Deux volumes et Atlas. Paris, 1805.*
- ⁴ *Pallas P.S. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. London, Vol. 1, 1802; Vol. 2, 1803.*
- ⁵ *Абайдулова А.Г. «...Alles libte damals das Russische»: о немецко-русских разговорниках художника Х.Г.Г. Гейслера 1813 г. // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII—XX вв. Вып. 10. СПб., 2016. С. 138—150.*
- ⁶ Там же. С. 140.
- ⁷ *Абайдулова А.Г. К истории создания иллюстраций для Zoographia Rosso-Asiatica П.С. Палласа: неопубликованные рисунки из фондов СПФ АРАН // Историко-биологические исследования. СПб., 2011. Т. 3. Вып. 3; Световидов А.Н. Типы видов рыб, описанных П.С. Палласом в «Zoographia Rosso-Asiatica». Л., 1978. С. 5—7.*
- ⁸ *Beer K. Berichte uber Zoographia Rosso-Asiatica von P.S. Pallas. Königsberg. 1831.*
- ⁹ *Бэр К.М. Автобиография. М.; Л., 1950. С. 356—364.*
- ¹⁰ Там же. С. 364.
- ¹¹ *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX веках. Хронологические обзоры и описания архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 126.*

Е.М. Букреева

Атрибуция живописных портретов из Музея 1812 года в собрании Государственного исторического музея

Нет необходимости объяснять актуальность такой проблемы, как атрибуция живописных портретов неизвестных лиц, находящихся в музейных и частных собраниях. Как правило, это портреты, вывезенные в 1920-е гг. из дворянских усадеб, попавшие в Государственный музейный фонд, а затем распределенные по разным музейным хранилищам страны.

Зачастую портреты попадали в музеи уже с записью «неизвестный». И задача хранителей, реставраторов, исследователей — по возможности восстановить имена портретируемых¹. Но сегодня речь пойдет о другой проблеме — о методе атрибуции портретов героев войны 1812 г., которые до поступления в Исторический музей имели свою историю, были хорошо известными по документальным источникам и дореволюционным публикациям. Но из-за принятого в музеях распределения предметов по видам материалов коллекции утратили свою целостность, каталоги частных собраний были отделены от самих произведений, и чаще всего эти ценнейшие первоисточники долгое время были недоступны исследователям, терялся провенанс, и именно по этой причине многие портреты в нашем собрании стали неизвестными и, к сожалению, продолжают ими оставаться до настоящего времени. Более того, сопроводительные описи к коллекциям и инвентарные книги расформированных музеев, которые могли бы значительно облегчить работу хранителей в установлении истории раннего бытования предметов, были искусственно отделены от коллекций и поступили на хранение в научно-ведомственный архив и в отдел письменных источников.

Так, одним из ценнейших исторических источников являются бумажные наклейки, находящиеся на лицевой поверхности картины или на обороте холста (рис. 1). Благодаря им можно быстро узнать, кто изображен на портрете, кто и когда его подарил, экспо-

нировался ли он на юбилейной выставке в Историческом музее в 1912 г., был ли воспроизведен в каталоге. Это самый легкий метод определения персонажа по документальным источникам.

Для этого достаточно посмотреть три инвентарных книги Музея 1812 года, две книги вещественных пожертвований, обратить внимание на маркировку музея в виде бумажных наклеек, изучить надписи и подписи на оборотах холста или подрамника. Благодаря этим владельческим знакам, к примеру, стало известно, что на портрете «неизвестного в темном, расстегну-

Рис. 1. Маркировка Музея 1812 года на портрете Я.Я. Губерти

том мундире с красным воротником и обшлагами, шитыми золотом»², изображен майор 8-го уланского Ольвиопольского полка Самуил Давидович Улан-Полянский³, и подарил этот портрет Музею 1812 года его сын — подполковник С.С. Улан-Полянский⁴ (рис. 2). Он экспонировался в 1912 г. в Историческом музее в Зале героев, но из-за шпалерной развески картин и низкого качества фотопечати того времени именно этот портрет мы не могли идентифицировать⁵.

По той же схеме определяем следующего неизвестного участника войны 1812 г. — в темном мундире с красным воротником, эполетами и орденами⁶ — Губерти Якова Яковлевича⁷ (рис. 3), старшего сына итальянского театрального художника Джакомо Пьетро Губерти. Заметим, что в Музее 1812 года были портреты сразу двух братьев — участников Бородинского сражения — Якова и Василия⁸. Портрет подполковника Якова Яковлевича был определен по обороту подрамника, на котором сохранилась наклейка с инвентарным номером⁹. Заметим, что в 1983 г. уже была попытка определения имени этого персонажа. В архиве отдела ИЗО сохранилась рукопись Александра Михайловича Горшмана, в которой на пяти листах он подробно разбирал награды портретируемого и высказывал предположение, что на портрете мог быть изображен только один человек, а именно майор Кочетов Федор Никитич¹⁰. Эта атрибуция не была утверждена, и герой оставался неизвестным еще 37 лет. Теперь мы знаем, что оба портрета братьев Губерти были

Рис. 2. Неизвестный художник. Портрет С.Д. Улан-Полянского. Начало XX в. Холст, масло. 60,5×50 см. ГИМ 68257/6983 И I 3722. Публикуется впервые

подарены Варварой Васильевной Губерти, очевидно, дочерью Василия¹¹, и экспонировались рядом в зале «Бородино» в 1912 г.¹²

Не сразу «нашелся» портрет Карла Ивановича Толя¹³ (рис. 4). Судя по каталогу Музея 1812 года, портрет был небольшого размера, качество воспроизведения оставляло желать лучшего¹⁴. И никак нельзя было разглядеть черты нашего героя. В очередной раз выручила наклейка на обороте подрамника, благодаря которой стало ясно, что портрет Толя был подарен правнучкой Анной Петровной Верховской (1870—1930) в 1909 г.¹⁵

Сравнительный анализ показал, что найденный в фондах ИЗО портрет неизвестного в темном мундире с серебряными эполе-

Рис. 3. Неизвестный художник. Портрет Я.Я. Губерти. 1810—1820-е гг. Холст, масло. 46х36 см. ГИМ 68257/6981 И | 3720. Публикуется впервые в цвете

тами и шитьем на воротнике и портрет полковника 6-го Санкт-Петербургского гренадерского полка К.И. Толя, воспроизведенный Карлом Фишером в 1911 г.¹⁶, идентичны.

Что делать в тех случаях, когда не сохранились наклейки на предметах? Внимательно изучаем оборот, все надписи и подписи, особенно числовые обозначения. Дело в том, что хранитель Музея 1812 года генерал Виктор Александрович Петров¹⁷ подписывал все предметы без исключения. Иногда это были чернила, иногда это был карандаш.

В отделе ИЗО хранится портрет неизвестного генерала, приписываемый кисти Шварценберга¹⁸ (рис. 5). Именно так зафикси-

Рис. 4. Неизвестный художник. Портрет К.И. Толя. 1820-е гг.
Холст, масло. 31х26,5 см. ГИМ 93876 И I 5130. Публикуется впервые в цвете

ровано во всех учетных документах ГИМ. Портрет действительно подписан в нижнем левом углу холста «Schwartzenberg». А что на обороте? Там находим № 655, совпавший с записью в инвентарной книге Музея 1812 года. Читаем: «*Портрет генерала К.Ф. Эйзен фон Шварценберга, дар вдовы генерала от инфантерии Е.А. Эйзен фон Шварценберг*»¹⁹. Зная, что родной брат генерала Иван был художником-любителем, осторожно сделаем предположение, что он мог быть автором данного портрета. Так мы установили имя изображенного, имя дарителя и, возможно, художника. Портрет экспонировался в 1912 г. на юбилейной выставке в Историческом музее в зале, посвященном заграничным походам²⁰.

Рис. 5. Неизвестный художник. Портрет К.Ф. Эйзен фон Шварценберга. 1840-е гг.
Холст, масло. 87×69 см. ГИМ 68257/7005 И 1 3789

Кто изображен на следующем портрете в темно-зеленом мундире и серой шинели с меховым воротником (рис. 6)²¹, на обороте которого проставлен краской № 584?²² Опять обращаемся к инвентарной книге Музея 1812 года. Читаем, что портрет генерал-майора (в 1812 г. прапорщика) Василия Александровича Хелмского был подарен сыном Павлом Васильевичем²³ и экспонировался в Зале героев на юбилейной выставке 1912 г.²⁴ Вместе с портретом была подарена копия формулярного списка²⁵ и приложено письмо уже внука Хелмского с сообщением, что в его семье сохранилась шашка 1813 г. со следами пули, которой был ранен дед²⁶. В послужном списке факт ранения под Лейпцигом подтвердился.

Рис. 6. Неизвестный автор. Портрет В.А. Хелмского. Начало XX в. Холст, масло. 58,5×46 см. ГИМ 68257/6944 И I 3679. Публикуется впервые в цвете

Долгое время в Государственном историческом музее хранился портрет неизвестного со следующим описанием: «Поясной, $\frac{3}{4}$ влево, в черном мундире с красным воротником и белым отворотом, с эполетами и орденами, со светлыми волосами и усами»²⁷. В инвентарной книге фонда живописи XIX в. был указан источник поступления (Музей 1812 года) и имя дарителя (Михаил Александрович Серебряков), что существенно облегчило атрибуцию данного портрета²⁸. Дело в том, что М.А. Серебряков подарил только один живописный портрет, зафиксированный во всех документальных источниках дореволюционного Музея 1812 года²⁹. Это был портрет наказного атамана Астрахан-

Рис. 7. Неизвестный художник. Портрет И.И. Левенштерна. Начало XX в.
Холст, масло. 64х53 см. ГИМ 68257/7050 И 1 3864

ского войска Ивана Ивановича Левенштерна (рис. 7). На обороте холста сохранились надпись: «„Музей 1812“ — От Мих. Алек-др. Серебрякова» и номер «Ин. 3551/1-112», совпавший с инвентарным номером по документам³⁰. Живописный портрет Ивана Ивановича Левенштерна экспонировался единственный раз в 1912 г. на юбилейной выставке в Историческом музее в Зале героев³¹.

Следующий портрет неизвестного были попытки атрибутировать и как портрет Михайловского-Данилевского, и как портрет Храповицкого, только неизвестно какого, потому что более десяти представителей рода Храповицких участвовали в войне

1812 г. Версия А.И. Михайловского-Данилевского была отклонена сразу же. Во-первых, портрет историка в Музее 1812 года был всего лишь один³², он находится в настоящее время на постоянной экспозиции ГИМ³³. Во-вторых, не только Данилевский носил очки. Вспомним хотя бы Павла Сергеевича Лошкарева, Александра Ивановича Нейдгардта, Аполлона Никифоровича Марина и других.

В начале января 1913 г., когда в залах Исторического музея еще проходила юбилейная выставка, в Музей 1812 года обратился Александр Сергеевич Храповицкий с письменным заявлением о готовности подарить музею два портрета деда, но неизвестные нам обстоятельства помешали дарителю осуществить задуманное, и портреты еще четыре года хранились в имении А.С. Храповицкого Городище Смоленской губернии. Только зимой 1917 г. два портрета партизана Степана Семеновича Храповицкого были безвозмездно отданы на вечное хранение в Музей 1812 года³⁴.

Если обратить внимание на запись в инвентарной книге Музея 1812 года и в Главной инвентарной книге ГИМ, то вслед за портретом Храповицкого на коне³⁵ описан портрет неизвестного военного в черных очках³⁶. Логично предположить, что портреты, подаренные в 1917 г., были записаны друг за другом. Совпали порядковые номера на оборотах холстов — № 169 и 170. К сожалению, инвентарные книги Музея 1812 года заканчивались на № 6661, а этот портрет имеет № 6783. Значит, существовали еще какие-то учетные книги, местонахождение которых не обнаружено.

Нам остается только предполагать, что на портретах изображен один и тот же человек — Степан Семенович Храповицкий (рис. 8). Во всяком случае, набор наград полностью совпадает, хотя 22 года назад Горшман писал, что такой набор наград мог быть только у генерал-майора Ивана Федоровича Богдановича³⁷.

Еще один изображенный на портрете генерал был неизвестным задолго до поступления в наш музей³⁸. Более того, его подарил великий князь Николай Михайлович в 1912 г. уже как портрет неизвестного³⁹. Наклейка с номером Музея 1812 года ничего не дала, а вот сравнительный анализ, проведенный с портретом генерала С.Д. Панчулидзева из Военной галереи Зимнего дворца, показал их физиономическое сходство.

На обоих портретах генерал изображен в однобортном мундире, введенном для кавалерийских генералов 6 апреля 1814 г. Однако на портрете из ГИМ неуставные эполеты французского образца. Ордена на обоих портретах совпадают, но немного от-

Рис. 8. Неизвестный художник. Портрет С.С. Храповицкого (?). 1820-е гг.
Холст, масло. 72х61 см. ГИМ 67001 И I 791. Публикуется впервые

личается изображение наград. На нашем портрете звезда ордена Св. Анны 1-й ст. с алмазами, на портрете кисти Дж. Доу звезда без алмазов и отсутствует лента через плечо. Шейные ордена выпущены из разреза воротника, в то время как на портрете Доу они выпущены по борту. Зато на обоих портретах в колодке с серебряной медалью за Отечественную войну 1812 года помещен золотой крест с закругленными концами — награда за взятие Очакова. С.Д. Панчулидзе в штурме Очакова не участвовал, зато имел золотой крест за взятие Праги в 1794 г., у этого креста концы должны быть прямоугольные. Известно, что во взятии Очакова участвовал брат Семена Давыдовича, Иван Давыдович Панчулидзе, и полу-

Рис. 9. Неизвестный художник. Портрет С.Д. Панчулидзева 2-го. 1900-е гг.
Холст, масло. 61,5х51 см. ГИМ 68257/7041 ИИ 3851

чил за отличие крест. Почему этот крест изображен на портрете Семена — неизвестно⁴⁰.

В архиве отдела ИЗО была найдена рукопись Горшмана с атрибуцией этого портрета, где Александр Михайлович еще 23 года назад выдвинул версию о том, что изображен именно Семен Давыдович Панчулидзеv⁴¹ (рис. 9).

Еще один портрет, по официальной версии, поступил в ГИМ из Военно-исторического музея⁴². На самом деле портрет генерал-адъютанта барона Розена (1782—1841) экспонировался в 1912 г. на юбилейной выставке, когда Военно-исторического музея ещё не существовало. В каталоге к выставке и учетных документах

Музея 1812 года был указан даритель портрета — великий князь Николай Михайлович, и сообщалось, что портрет приобретен в Тифлисе⁴³. Именно этот источник подтверждает нашу версию об исполнении портрета в Тифлисе во время службы там нашего героя. Благодаря доктору искусствоведения Ирине Дзуцовой, много лет изучающей творчество тифлисского художника Акопа Овнатаяна (1806—1881), с большой долей вероятности можно сказать, что эта работа принадлежит этому портретисту, и время написания портрета сужается⁴⁴.

Если провести сравнительный анализ портрета Розена из собрания ГИМ и Государственного Эрмитажа, то можно заметить, что при полном совпадении постановки фигуры и набора наград существенное отличие составляет возраст, лицо и прическа модели. На экземпляре из фондов ГЭ барон Розен изображен более молодым человеком.

Таким образом, благодаря целому комплексу документов мы установили имена восьми участников Отечественной войны 1812 года, хотя нашим предшественникам они были хорошо известны. Были установлены источники поступления, уточнены имена дарителей, время экспонирования и публикации, введены в научный оборот произведения живописи, ранее не привлекавшие внимание исследователей.

Автор благодарит за помощь Н.М. Аринич, Н.Г. Лукашову, С.В. Милицкого, С.В. Пушкикову, Э.В. Чуланову, И.Г. Шевелева.

¹ См., например: *Букреева Е.М., Умбрашко Эдгар*. Портрет обер-офицера артиллерии Степана Нотары // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXIV МНК, 7—8 сентября 2020 г.* / Сост. И.В. Корнеев. М., 2021. С. 315—318; *Букреева Е.М.* Проблемы атрибуции живописных портретов князя П.И. Багратиона из собрания Государственного исторического музея // *Война и мир Петра Ивановича Багратиона. Материалы ВНК (с международным участием) 22 ноября 2019 г. К 250-летию со дня рождения князя Петра Ивановича Багратиона* / Сост. Г.Е. Бродский, С.А. Малышкин. М., 2020. С. 92—103.

² ИЗО ГИМ. Инвентарная книга № 2 фонда живописи. С. 324.

³ ГИМ 68257 И 1 3722.

⁴ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л. 6. (Инв. 2736/ I –87); там же. Ед. хр. 51. Л. 445 с об.

⁵ См.: Альбом. Выставка 1812 года / Высочайше утверждённый Особый Комитет по постройке в Москве музея 1812 года; илл. изд. под ред. В. Божовского. М., 1913. С. 115 (№ 177).

⁶ ИЗО ГИМ. Инвентарная книга № 2 фонда живописи. С. 324.

⁷ ГИМ 68257 И 1 3720.

⁸ ГИМ 68257 И 1 3853.

- ⁹ Инв. 4150/І – 129.
- ¹⁰ Горшман А.М. Атрибуция портрета неизвестного офицера Московского гренадерского полка (И І-3720). 5 декабря 1983 г. // Архив отдела ИЗО. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л. 9; там же. Ед. хр. 50. Л. 471.
- ¹¹ См.: Альбом. Указ. соч. С. 190 (№ 161, 162).
- ¹² ГИМ 93876 И І 5130.
- ¹³ См.: Альбом. Указ. соч. С. 154 (№ 90 а).
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л. 4 об (Инв. 944/І-59).
- ¹⁵ ГИМ 16116щ И ІІІ-38177.
- ¹⁶ О нем см.: *Андреев К.К., Букреева Е.М.* Неизвестные страницы жизни хранителя Музея 1812 года генерал-майора В.А. Петрова (по материалам ОПИ ГИМ и личного архива Андреевых) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2016. Вып. XIV. С. 294–299.
- ¹⁷ ГИМ 68257 И І 3789.
- ¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф.160. Оп.1. Д. 61. Л. 3 об; там же. Ед. хр. 384. Л. 36 (Инв. 655/І-29).
- ¹⁹ Альбом. Указ. соч. С. 464 (№ 59).
- ²⁰ ИЗО ГИМ. Инвентарная книга № 2 фонда живописи. С. 315.
- ²¹ ГИМ 68257 И І 3679.
- ²² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л. 3; там же. Ед. хр. 384. Л. 33.
- ²³ Альбом. Указ. соч. С. 114 (№ 172).
- ²⁴ Формулярный список В.А. Хелмского. Копия 1910 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 62. Л. 6 об; там же. Ед. хр. 279. Л. 28–29 с об.
- ²⁵ Письмо Е.П. Хелмского от 26 февраля 1912 года. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 49. Л. 278.
- ²⁶ ГИМ 68257 И І 3864.
- ²⁷ ИЗО ГИМ. Инвентарная книга № 2 фонда живописи. С. 352.
- ²⁸ ОПИ ГИМ. Ф.160.Ед.хр.61.Л.7 об.; там же. Ед.хр.385.Л.54 (Инв.3551/І–112).
- ²⁹ Об этом подробнее см.: *Букреева Е.М., Умбрашко Э.* Левенштерн Иван Иванович. К вопросу атрибуции портрета неизвестного военного из фондов ГИМ // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XVIII. Сб. мат. М., 2021. С. 86–91.
- ³⁰ Альбом. Указ. соч. С. 98 (№ 44).
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л.10; там же.. Ед. хр. 385. Л.90 (Инв. 4256/І – 140).
- ³² ГИМ 68257 И І 3669.
- ³³ Об этом см. *Букреева Е.М.* Живописные портреты участников Отечественной войны 1812 года Храповицких в собрании ГИМ // Край Смоленский. Смоленск, 2013. № 10. С. 26–31; *Она же.* Неизвестное об известном: к атрибуции живописных портретов героев 1812 года Храповицких в собрании ГИМ // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVIII МНК, 2–4 сентября 2013 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. С. 166–186.
- ³⁴ ГИМ 67000 И І 752.
- ³⁵ ГИМ 67001 И І 791.
- ³⁶ Горшман А.М. Портрет генерал-майора (И І-791). Март-апрель 1998 г. // Архив отдела ИЗО
- ³⁷ ГИМ 68257 И І 3851.
- ³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л. 9 об (Инв. 335/І – 27). Экспонировался в 1912 г. на юбилейной выставке в Историческом музее в зале Героев. См.: Альбом. Указ. соч. С. 110 (№ 136).
- ³⁹

- ⁴⁰ Автор благодарит за помощь в работе Эдгара Умбрашко (Латвия).
- ⁴¹ Горшман А.М. Портрет генерала (И I-3851). 4 июня 1997 г. // Архив отдела ИЗО.
- ⁴² ГИМ 66995 И I 916.
- ⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 385. Л. 89 об.
- ⁴⁴ Об этом подробнее см.: Букреева Е.М., Дзуцова И.П. Три живописных портрета барона Г.В. Розена из музейных собраний России и Армении. Художественно-стилистический анализ // Русские портреты XVIII – начала XX века. Материалы по иконографии. М., 2021. Вып. X. С. 162–165.

Е.М. Букреева, А.В. Уборский, Э. Умбрашко

Два портрета Федора Васильевича фон Дризена в собрании Государственного исторического музея

Представители рода Дризен появились в Российской империи в царствование Павла I — в конце XVIII в.¹ Курляндский барон подполковник Карл Вильгельм Генрих фон дер Остен-Дризен (1746—1827) стал родоначальником целой плеяды преданных новому Отечеству офицеров и генералов, среди которых можно отметить барона Федора Васильевича фон Дризена (1781—1851). Участник Отечественной войны 1812 года, он начал службу прапорщиком Преображенского полка в 1797 г. и закончил генералом от инфантерии.

Имя Ф.В. Дризена выбито на мраморных досках в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, храме Христа Спасителя и на гранитной плите памятника Муромскому полку на Бородинском поле.

В г. Елгава (Латвия) частично сохранились склеп и захоронения представителей семьи Дризен², а в 2017 г. было установлено, что именно здесь, рядом с родителями, захоронен и Федор Васильевич.

Иконография Ф.В. Дризена немногочисленна. Всем хорошо известен портрет кисти Дж. Доу из Военной галереи Зимнего дворца, написанный в 1825 г., где Федор Васильевич изображен в общегенеральском мундире. На портрете видны звезда ордена Св. Анны 1-й степени, крест ордена Св. Георгия 4-й степени, крест ордена Св. Владимира 3-й степени и две медали (серебряная и бронзовая «В память Отечественной войны 1812 года»).

Но, как показали исследования, десятилетием ранее уже существовал живописный портрет молодого генерала, написанный, согласно подписи на обороте холста (*Gemahlt nach der Natur Joh. Rombauer St. Peterburg 1814*)³, в 1814 г. с натуры словацким живописцем немецкого происхождения Иоганном (Яношем) Ромбауэром⁴. Ф.В. Дризен изображен в генеральском мундире с орденом Св. Георгия 4-й степени, полученным за сражение при Бородине, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, полученным за сра-

Рис. 1. Неизвестный художник с оригинала И. Ромбауэра. Портрет Ф.В. Дризена. Конец XIX — начало XX в. Холст, масло. 62×51 см. ГИМ 68257/7004 И1 3788

жение под Смоленском, и серебряной медалью участника Отечественной войны 1812 года. Этот портрет из фондов Литературного музея Л.Н. Толстого⁵ хорошо известен по публикациям⁶. Известен источник его поступления. Летом 1928 г. произошел обмен экспонатами между московским музеем и Грузинской Национальной галереей. В Грузию была отправлена картина неизвестного русского художника XIX в. с грузинским бытовым сюжетом взамен портрета героя войны 1812 года. На обороте подрамника сохранилась бумажная наклейка «Портрет декабриста С.Г. Волконского». В музее Л.Н. Толстого этот портрет до 1979 г. числился портретом С.Г. Волконского кисти Ромбауэра (?). К сожалению, в альбоме-

монографии словацкой исследовательницы творчества Ромбауэра Катарины Беневои «нашего» портрета нет ни как Волконского, ни как Дризена⁷, что говорит о необходимости проведения химико-технологического анализа портрета Дризена из фондов музея Л.Н. Толстого на предмет подлинности авторской подписи⁸.

О существовании в фондах Государственного исторического музея копии с портрета кисти И. Ромбауэра стало известно совсем недавно (рис. 1). Копия неподписная, датируется концом XIX — началом XX в.⁹ В инвентарной книге отдела изобразительных материалов портрет описан так: *«Неизвестный. Поясн., ³/₄ впр. Темно-зеленый мундир с высоким красным воротником с золотым шитьем. Эполеты, ордена и медали. Черный шейный платок и белый воротничек [sic]. На плечи накинута шинель с красным воротником. Темные, пышные волосы. Надпись на обороте: „Фед. Вас..... ценъ“»*.

По мнению специалистов Исторического музея Л.Ю. Рудневой и А.В. Березина, сравнительный анализ копии и оригинала показал, что исследуемые портреты принадлежат двум художникам и исполнены с промежутком в несколько десятков лет. Об этом свидетельствует, прежде всего, различный уровень художественного мастерства авторов, а также целый ряд технико-технологических отличий в построении красочного слоя.

Портрет из собрания ГИМ является копией конца XIX — начала XX в. с оригинала художника Я. Ромбауэра, хранящегося в музее Л.Н. Толстого в Москве. Можно допустить прямую «копийность» с вышеописанного подлинника, т. к. экземпляр портрета из музея Л.Н. Толстого подписан автором и датирован, а других аналогичных портретов для анализа и выявления первоначального варианта не обнаружено.

Портреты идентичны в композиционном плане, цветовом решении, рисунке. Главным отличием можно назвать условность в построении изображения портрета из собрания ГИМ: неизвестный автор плоскостно решает форму головы и лица, схематично и локально раскрашивает ордена и эполеты. Пряди волос исполнены черной краской весьма условно, без обозначения объема, нагрузка краски в освещенных участках лица отсутствует, тональные прозрачные лессировки не используются в изображении теневой части лица. Автор прокладывает цветные плотные тени, в то время как Ромбауэр мастерски использует тоновые «затенения» классической лессировкой в полутенях и тенях. Глаза написаны схематично и контурно. Ордена в подписном портрете объемные, с эффектом блеска на эмали, правый эполет исполнен с имитацией блеска на золотых нитях.

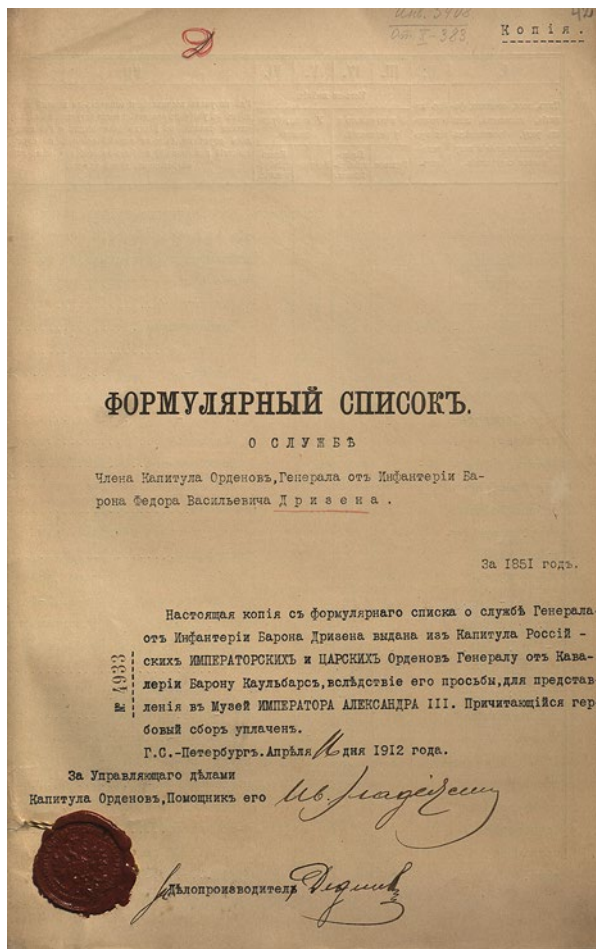

Рис. 2. Формулярный список о службе члена Капитула Орденон, генерала от инфантерии барона Федора Васильевича Дризена за 1851 г. Машинописная копия. 1912

Этот портрет был подарен Музею 1812 года накануне юбилейных торжеств, весной 1912 г., внуком Дризена по материнской линии — бароном Александром Васильевичем Каульбарсом (1844—1929)¹⁰. Даритель был сыном старшей дочери Федора Васильевича Александры (1819—1888) и Василия Романовича Каульбарса (1798—1888)¹¹. В учетных документах Музея 1812 года сохранилась запись от 25 апреля 1912 г.: «От барона А.В. Каульбарса (внука). Портрет масл[яными] краск[ами] генерала от инфант[ерии] барона Фед[ора] Вас[ильевича] Дризен»¹². Вместе с портретом была при-

Рис. 3. Зал героев Отечественной войны 1812 года. Фототипия К. Фишера. 1911

слана и копия формулярного списка генерала¹³. В сентябре 1912 г. и портрет, и документ уже экспонировались в Историческом музее на юбилейной выставке в Зале героев¹⁴ (рис. 2, 3).

Любопытно, что в марте того же юбилейного года супруга Павла Федоровича Дризена (1842—1907), младшего сына Ф.В. Дризена, — баронесса Анна Алексеевна Остен-Дризен, урожденная Бехтер, — тоже подарила Музею 1812 года портрет генерала, но литографированный¹⁵.

Вместе с литографией в дар была преподнесена и книга «Воспоминание о прошедшем, или Признательность общества офицеров к доброму начальнику»¹⁶.

На 23-м заседании Особого комитета, состоявшемся в Потешном дворце Кремля 7 марта 1912 г., было постановлено: благодарить жертвователей, в том числе и баронессу Анну Алексеевну Остен-Дризен за литографированный портрет барона Ф.В. Дризена и книгу¹⁷.

Портрет (рис. 4) был исполнен не позднее весны 1839 г., так как в мае того же года литографированные портреты бывшего рижского коменданта барона фон Дризена уже продавались по рублю серебром в книжном магазине Гетшеля в Риге¹⁸. Сеем предположить, что портрет Ф.В. Дризена был заказан по случаю окончания службы в Риге и перед отъездом в Санкт-Петербург, на новое место службы в Капитул орденов, поскольку под изображением есть надпись:

*«Баронъ Федоръ Васильевичъ
Дризенъ
Генералъ-Лейтенантъ, Рижскій Комендантъ»*¹⁹.

На портрете генерал изображен с костью — в Бородинском сражении он был ранен пулей в левую ногу, которую позднее ампутировали; в общегенеральском мундире и с наградами. На правой стороне груди изображена звезда ордена Св. Анны 1-й степени (02.07.1825). По борту мундира выпущен крест ордена Св. Владимира 2-й степени (20.04.1832). На левой стороне видны звезда ордена Св. Владимира 2-й степени, знак ордена Св. Георгия 4-й степени (19.12.1812), серебряные медали «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814 года», знак отличия за XXXV лет беспорочной службы (22.08.1833). Примечательно, что в ряду наград отсутствует бронзовая дворянская медаль «В память Отечественной войны 1812 года», изображенная на портрете из Военной галереи. Также неизвестны обстоятельства награждения Дризена медалью «За взятие Парижа»²⁰, ведь

Рис. 4. Э. Гау по рисунку с натуры Г.В. Розенберга. Портрет рижского коменданта барона Федора Васильевича Дризена. 1839. Бумага, литография, лак. 38×29 см. ГИМ 64709/4879 ИК 7314

из-за бородинского ранения он не участвовал в Заграничных походах 1813—1814 гг.

Этот портрет Ф.В. Дризена был исполнен Эдуардом Гау²¹ по рисунку с натуры Густава-Вильгельма Розенберга²² и отпечатан в Дерптском литографском заведении Фридриха Шлатера. Под портретом изображен герб с девизом, сохранились надписи. Под

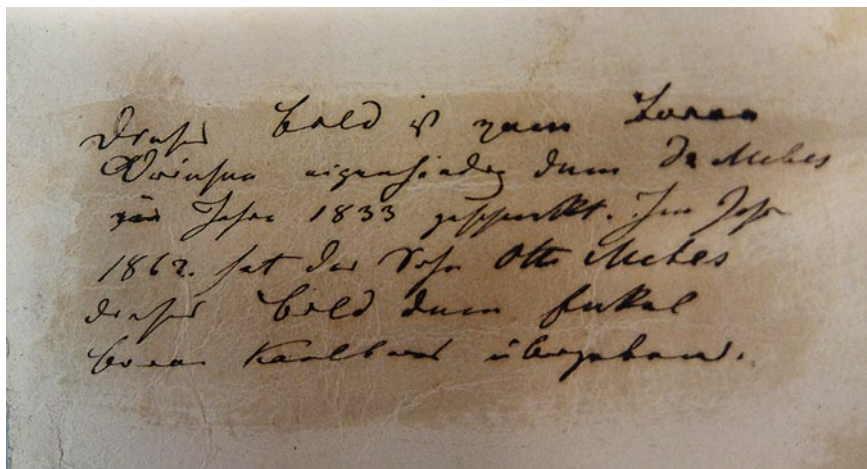

Рис. 5. Надпись неизвестного лица на литографии

изображением слева — «Auf Stein gez. v. E. Hau»²³ и монограмма художника. Под изображением в центре — «Gedr. in der Lith. v. F. Schlater in Dorpat»²⁴, а справа — «N.d. Natur. gez. v. Rosenberg»²⁵.

Надо сказать, что этот лист достаточно редкий, несмотря на его неоднократное воспроизведение в дореволюционных источниках²⁶. Об этом портрете есть сведения в «Лексиконе балтийских художников» Неймана²⁷ и в словаре Адарюкова и Оболянинова²⁸. Любопытно, что владельцами литографированного портрета Ф.В. Дризена были указаны всего два человека: «В.Я. А. и Барон Н.В. Дризен». Речь идет об искусствоведе, библиофиле Владимире Яковлевиче Адарюкове (1863—1932) и о внуке Ф.В. Дризена — бароне Николае Васильевиче Дризене²⁹. Еще один экземпляр, принадлежавший юристу и историку Антону Бухгольцу (1848—1901), в 1883 г. экспонировался на Рижской культурно-исторической выставке³⁰.

Любопытна обширная надпись тушью на немецком языке слева от изображения (рис. 5), гласящая: «Это изображение подарено бароном Дризенем Мебесу³¹ в 1833 году. В 1862 году сын Отто Мебес передал это изображение внуку барону Каульбарсу»³². Очевидно, дата «1833» является ошибкой или опiskeй автора надписи. Прапорщик, впоследствии полковник и флигель-адъютант, Оттон Карлович Мебес (1835—1877) в 1862 г. служил в л.-гв. Егерском (тогда Гатчинском) полку вместе с П.Ф. Дризенем и братьями Николаем (1842—1905) и Александром Каульбарсами, внуками Ф.В. Дризена³³. Можно предположить, что сначала Дризен подарил свой

портрет Мебесу-старшему, а много лет спустя его сын передал литографию своему сослуживцу — внуку изображенного. Таким образом портрет генерала вернулся к его потомкам.

Почему же Шлатер, хозяин небольшого издательства, решился издать портрет Дризена? Очевидно, это был частный заказ либо учреждения, либо самой модели, именно этим объясняется небольшой тираж издания. Литографии от издательства Шлатера предназначались в основном для «внутреннего рынка» Остзейских губерний: среди них портреты лифляндских и эстляндских чиновников, общественных и культурных деятелей, священников, ученых. Э. Гау в 1836 г. выполнил серию портретов профессоров Дерптского университета³⁴, которые охотно приобретали студенты и выпускники. Факты свидетельствуют о том, что Ф.В. Дризен пользовался популярностью в рижском обществе: по случаю перевода в столицу в январе 1839 г. ему были устроены пышные проводы. Особую же симпатию вызвало прощальное письмо бывшего коменданта от 18 февраля 1839 г., в котором Дризен объявлял о пожертвовании 500 рублей серебром рижскому реформатскому приходу с условием, чтобы ежегодно проценты с этого капитала тратились на нужды городских бедняков³⁵. Таким образом, в Риге было достаточно потенциальных покупателей портретов генерала. С большой долей вероятности Дризен позировал Г.В. Розенбергу еще в Риге до своего отъезда в Петербург в конце февраля 1839 г.

Хотя литографированный портрет Ф.В. Дризена стал хронологически последним известным на данный момент в иконографии генерала, тем не менее явился первым тиражируемым, а до выпуска в 1912 г. издания «Военная галерея 1812 года»³⁶ — единственным. Вопреки устоявшемуся мнению, на гравированном портрете, описанном в словаре Д.А. Ровинского³⁷, изображен не Федор Васильевич, а его отец, бывший Курляндский гражданский губернатор Василий Карлович (Карл Вильгельм Генрих) Дризен (1746—1827)³⁸.

Авторы благодарят за помощь в работе Н.М. Аринич, А.В. Березина, Н.Б. Быстрову, А.О. Васильченко, И. Карлштрему, С.С. Левина, В. Литвиновскую, А.А. Ржавина, Л.Ю. Рудневу, Э.В. Чуланову, И.Г. Шевелева.

¹ См.: *Уборский А.В.* Бароны Дризены в войне с Наполеоном // Да, были люди в наше время! К столетию Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года. Сб. ст. М., 2013. С. 311—320.

² Кладбище Берзу (Bērgzu), быв. Генриеттенруэ (*Henriettenruhe*). Информацию предоставил Елгавский музей истории и искусства им. Г. Элиаса.

- 3 В Историческом музее есть портрет Н.Ф. Минкиной почти с аналогичной подписью на обороте: «Joh. Rombauer pinx. St. Petersburg. 1806» (ГИМ 67372 И I 3856).
- 4 Ромбауэр Иоганн (Янош, Яков) (Rombauer Janos Johann, 1782—1849) — живописец, портретист немецкого происхождения. Учился в Левоче у Я.Я. Штундера, жил и работал в Петербурге. В 1824 г. вернулся на родину, работал в Прешове.
- 5 Государственный музей Л.Н. Толстого. Портрет генерал-майора Ф.В. Дризена. Инв. ГМТ КП-6044 /АИЖ-505. См.: ГОСКАТАЛОГ.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8880823> (дата обращения: 02.02.2021).
- 6 *Уборский А.В.* Указ. соч. С. 318; *Подмазо А.А.* Образы героев Отечественной войны 1812 года. Военная галерея Зимнего дворца. М., 2013. С. 251.
- 7 См.: Ján Rombauer (1782—1849): Levoča — Petrohrad — Prešov / Beňová, Katarína (ed). Bratislava— Prešov, 2010.
- 8 Авторы благодарят за помощь в работе Мери Мацаберидзе и Екатерину Кикнадзе (Georgian National Museum).
- 9 ГИМ 68257 И I 3788. Холст, масло. 62×51 см.
- 10 Каульбарс Александр Васильевич (1844—1929). Барон, генерал от кавалерии (1901). Участник подавления Польского восстания (1863), Русско-турецкой (1877—1878) и Русско-японской (1904—1905) войн, Китайского похода (1900—1901). В 1905—1909 гг. — командующий войсками Одесского военного округа; член Военного совета (с 1909 г.). В годы Первой мировой войны в октябре 1914 — октябре 1915 г. — заведующий организацией авиационного дела в армиях Северо-Западного фронта. В декабре 1915 г. уволен с мундиром и пенсией. Участник Белого движения, в эмиграции с 1920 г. О нем см.: *Гагжуев В.Г.* Генерал Ренненкамф. М., 2017. С. 152, 159, 164, 166, 167, 419; *Хольмсен И.* Генерал А.В. Каульбарс // Часовой. 1929 г. № 3—4. С. 29—30.
- 11 ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 61. Л. 7 об. Инв. 3407/1—106.
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 385. Л. 46 об; там же. Ед. хр. 62. Л. 7 об. Инв. 3408/Х-383.
- 13 «Формулярный список о службе члена Капитула Орденов, генерала от инфантерии Барона Федора Васильевича Дризена за 1851 год». Машинописная копия 1912 г. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 262. Л. 42—49.
- 14 Выставка 1812 года. Высочайше утвержденный Особый Комитет по постройке в Москве музея 1812 года / под ред. В. Божовского. М., 1913. С. 107, 124.
- 15 ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 62. Л. 102 об. Инв. 3073/ XII 6-162.
- 16 Речь идет о сочинении А.С. Андреевского «Воспоминание о прошедшем, или Признательность общества офицеров к доброму начальнику». СПб., 1844. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 385. Л. 35. Инв. 3074/ XIII—4. В настоящее время это издание хранится в фондах ГПИБ (ЛБ 7/68, Инв. 1253354).
- 17 ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 5. Л. 117.
- 18 Сообщение обер-пастора Рижского прихода Св. Петра М. Тия. См.: *Rigaische Stadtblätter*. 31 мая 1839 (№ 22).
- 19 ГИМ 64709 ИК 7314.
- 20 Медаль за Париж упоминается в копии 1912 г. с формулярного списка Дризена за 1851 г. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 262. Л. 43.

- 21 Гау Эдуард (Hau Eduard, 1807—1888) — портретист, учился в Дрезденской Академии изящных искусств, в 1830-х гг. работал в Санкт-Петербурге и Дерпте. О нем см.: *Neumann Wilhelm*. Lexikon baltischer Künstler. Riga, 1908. S. 62—63.
- 22 Розенберг Густав Вильгельм (Rosenberg Gustav Wilhelm, 1809—1873) — портретист, родился в Либаве (Лиепая), учился в Петербургской академии художеств, работал и умер в Риге. О нем см.: *Neumann Wilhelm*. Указ. соч. S. 63.
- 23 Дословно «auf Stein gezeichnet von E. Hau» — нем. рисовано на камне Э. Гау.
- 24 Дословно «gedruckt in der lithografie von F. Schlater in Dorpat» — нем. отпечатано в литографском заведении Ф. Шлатера в Дерпте.
- 25 Дословно «nach der Natur gezeichnet von Rosenberg» — нем. рисовано с натуры Розенбергом.
- 26 См.: Baltische Post. 12 мая 1912 (№ 109); там же. 14 сентября 1912 (№ 215).
- 27 *Neumann Wilhelm*. Указ. соч. S. 63.
- 28 *Адарюков В.Я., Обольянинов Н.А.* Словарь русских литографированных портретов. Т. 1 (А–Д). М., 1916. С. 303.
- 29 Дризен Николай Васильевич (1868—1935) — сын Василия Федоровича Дризена (1833—1903) и Александры Николаевны, урожденной Пономаревой (1837—1890).
- 30 См.: Katalog der Rigaschen culturhistorischen Ausstellung. Riga, 1883. S. 93. Ныне в собрании Музея истории Риги и мореходства, инв. номер VRVM 31423.
- 31 Мебес Карл (Carl Julius Jacob Mebes, 1789—1861) — врач, родился в Берлине, в 1813 г. в Вильне получил диплом доктора медицины, в 1813—1856 гг. работал в Риге, затем жил в Митаве и Санкт-Петербурге, где и умер. См.: *Otto Gustav*. Das Medicinalwesen Kurlands Unter den Herzögen und Während der Ersten Decennien Russischer Herrschaft bis zum Jahre 1825. Mitau, 1898. S. 101.
- 32 «Diese Bild is vom baron Driesen [дрзб] zum da Mebes im Jahre 1833 gespendet. Im Jahre 1862 hat das sohn Otto Mebes diese Bild dem Enkel baron Kaulbars übergeben».
- 33 См.: История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796—1896. Атлас. СПб., 1896. С. 107, 117—118.
- 34 *Neumann*. Указ. соч. S. 62.
- 35 См.: Rigaische Stadtblätter. 22 февраля 1839 (№ 8).
- 36 *Голомбиевский А.А.* Военная галерея 1812 года / Под. ред. великого князя Николая Михайловича. СПб., 1912. С. 295.
- 37 *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886—1889. Т. 1 (А–Д). 1886. Стб. 732—733.
- 38 См.: *Букреева Е.М., Умбрашко Э.* Гравированные портреты барона Дризена. К вопросу об иконографии курляндского губернатора // Русские портреты XVIII – начала XX века. Материалы по русской иконографии. М., 2021. Вып. X. С. 156–161.

Е.В. Калашникова

Новая атрибуция рисунков А.Ф. Чернышева из собрания Ульяновского областного художественного музея

В 1922 г. в собрание Ульяновского областного художественного музея в составе коллекции военного юриста, литератора А.В. Жиркевича¹ поступили 17 рисунков А. Чернышева. В описи самого коллекционера они были обозначены как выполненные Алексеем Чернышевым «семнадцать рисунков-оригиналов сепией, акварелью из быта жителей Оренбургской, Уфимской губернии с надписями и подписями автора»².

Русский художник-жанрист, окончивший в 1851 г. Императорскую Академию художеств со званием классного художника и большой золотой медалью, Алексей Филиппович Чернышев (1824—1863) родился в Оренбурге в семье военного писаря. Выполненные в Оренбурге зарисовки Чернышева — виды города, этнографические типы — публиковались в 1851—1852 гг. в журнале «Русский художественный листок»³.

Большая часть рисунков Чернышева из собрания Ульяновского областного художественного музея также знакомит нас со сценами жизни кочевых народов Оренбургского края: объектом внимания художника становятся повседневные занятия, устройство жилища, настольные и подвижные игры башкир и киргизов. Рисунки носят этнографический характер — фиксируют особенности быта и национального костюма. 15 акварельных листов подписаны фамилией и инициалом «А. Чернышев» или развернутым инициалом «Алек. Чернышев». Авторство этих произведений никогда не вызывало никаких сомнений и вопросов.

Четыре из семнадцати рисунков датированы 1850 г.

Нужно отметить, что этнографические рисунки А. Чернышева являются важной частью культурного наследия XIX в. Идея народности — одна из ключевых этого времени — влекла за собой формирование и развитие этнографии и фольклористики. В русском обществе наблюдался интерес к исследованию и описанию отдаленных и малоизученных районов страны.

В 1845 г. было основано Русское географическое общество (далее — РГО). Оно инициировало кампанию по изучению народов и этнических образований Российской империи. В 1850—1851 гг. по поручению Общества этнограф, историк, экономист Павел Иванович Небольсин (1817—1893) совершил путешествие в Оренбургский край и Прикаспийские степи. Русское географическое общество выделило путешественнику пособие в 500 руб. серебром, и 1000 руб. Небольсин получил от члена-соревнователя РГО купца П.В. Голубкова. У путешественника были также письма о поручении его покровительству военных губернаторов Оренбурга и Астрахани, подписанные председателем РГО, великим князем Константином Николаевичем. Именно это позволило Небольсину путешествовать полтора года, не зная ни в чем нужды и имея возможность постоянно пользоваться услугами рисовальщиков, чертежников, писцов, переводчиков⁴. В своих путешествиях он собрал немало интересных сведений о башкирах и киргизах⁵. Одним из результатов путешествия П.И. Небольсина стала изданная в 1854 г. книга «Рассказы проезжего»⁶.

Описываемые в книге персонажи легко узнаются на рисунках А. Чернышева из собрания Ульяновского областного художественного музея: узкоглазые и скуластые «неевропейские» лица, колпаки и халаты, бритые головы и клинообразные бородки киргизов и башкир; киргизка, «намотавшая на голову себе кусок холста в виде высокой шапки», и рядом «обмундированные в красивую казачью форму кадеты», «барышни в окружении услужливых кавалеров»⁷. Не Европа, но и не чистая Азия — таким видит Оренбург Небольсин, и впечатление, которое писатель передает в тексте своей книги, созвучно тому, что изображает автор рисунков из музейного собрания.

Именно поэтому текст книги «Рассказы проезжего» был использован для создания интерактивных программ при экспонировании репродукций рисунков на передвижной выставке в 2019 г. во время проведения в Ульяновске географического фестиваля «Фрегат Паллада». С самого начала удивляло то, что при внимательном изучении книги и сравнении ее с нашими рисунками начинало казаться, что художник буквально следует по пятам за автором текста. А его рисунки можно использовать в качестве иллюстраций к тексту, прикрепляя некоторые из них к определенным книжным страницам.

Так, в главе «Башкирцы»⁸ автор книги описывает имеющие форму полушария, покрытые войлоком башкирские кибитки, состоящие из связанных друг с другом решетчатых стен. Именно

А.Ф. Чернышев. Башкиры за чаем.

Новая атрибуция: А.И. Чернышев. Башкиры за чаем. 1850-е гг.

Бумага на картоне, акварель. 18,4×25,2

такие кибитки изображены на рисунке А. Чернышева «В степях Башкирии».

Описанию внутреннего устройства кибитки⁹ соответствует рисунок «Башкиры за чаем». На рисунке можно рассмотреть описываемые автором книги «сундуки, скамейки, самовар, чайные приборы... вёдра и лохани для кумыса, небольшие „турсуки“ и огромные „сабо“, сделанные из цельной шкуры, снятой с конской ноги» для приготовления и хранения кумыса.

В главе «Переезд в Степь»¹⁰ Небольсин описывает «кашбов» — красочный головной убор замужней башкирской женщины. Именно он становится главной темой рисунка «Башкирия»¹¹. Художник изображает женские статичные фигуры в трех разных разворотах: это позволяет наиболее полно рассмотреть конструкцию и особенности декора головного убора.

Рассказывая о кочевой жизни башкир, часть своего повествования Небольсин уделяет этнографическим заметкам о повседневных занятиях башкирских женщин, повествуя, в частности, о ежедневной дойке кобылиц во время кочевья¹². Рисунок «Башкирия.

Сельская сцена» изображает дойку кобылицы во время кочевья и словно бы служит иллюстрацией к тексту книги.

В главе «Хивинцы»¹³ автор рассуждает о том, что «европейский костюм, военная каска или казачья шапка и бритый череп как-то не совсем идут одно к другому», одобряя при этом позицию начальства, которое «не вмешивалось в эту дисгармонию, зная очень хорошо, что лучше вопрос предоставить свободному течению обстоятельств, а не заставлять народ круто отказаться от старинных национальных привычек». Художник, словно следуя за его рассуждениями, в рисунке «Башкирские офицеры» сосредотачивает свое внимание именно на комичном сочетании мундира с национальными головными уборами.

Из 17 рисунков в собрании музея не менее 13 обнаруживают несомненную связь с текстом книги П.И. Небольсина. При этом степень совпадения изображаемого на рисунке и в тексте в разных случаях не одинакова. Так, рисунок «Арбузный базар», не связанный с конкретным фрагментом текста, тем не менее, может служить иллюстрацией основной цели путешествия П.И. Небольсина: предметом изучения автора книги было состояние внутренних и внешних торговых оборотов России, и он посещал базары и в Оренбурге, и в Троицке¹⁴.

Нужно отметить, что совпадения не всегда оказываются дословными: иногда совпадают только отдельные детали изображаемого. Так происходит с рисунком «За игрой»¹⁵. Сцена, подобная этой, в книге Небольсина не описывается. Но в главе «Киргизы» рассказывается о том, как, путешествуя по киргизской степи, автор общается с именитыми киргизами. Он проводит длительное время в кочевке султана — правителя восточной части степи Ахмета Джантюрина. Он останавливается на кочевке у киргизов Джампасского рода Кулумбая и его сыновей, коннезаводчиков и купцов, владельцев многочисленных табунов. Именно во время знакомства с младшим сыном Кулумбая автор книги описывает «султанский тюбетей»: «невысокий... конусообразный, твердый и негибкий колпачок без полей, сшитый из штофной, протканной золотом, материи, и опушенный по краям неширокою полоскою бобрового меха, с брововыми же стрелками над ушами... как-будто бы у колпачка были маленькие наушники и теперь они приподняты кверху»¹⁶. Точно такие же головные уборы изображены на рисунке «За игрой». Внутренняя обстановка кибитки также имеет общие детали с описанием внутреннего убранства кибиток «киргизов султанской породы» в книге Небольсина, в частности, стоящие в ряд друг на друге частично закрытые войлоком украшенные сундуки¹⁷.

А.Ф. Чернышев. Игры киргизских детей.

Новая атрибуция: А.И. Чернышев. Игры башкирских детей. 1850 г.

Бумага на картоне, акварель, белила. 28,6×39,6

Конечно, некоторая часть этих совпадений может объясняться тем, что и автор, и художник просто оказались в одно и то же время в одном месте и разным языком описали в своих произведениях самые яркие особенности Оренбургского края.

Рисунок «Игры башкирских детей»¹⁸ оказывается буквально дословной иллюстрацией текста книги. В главе «Переезд в степь»¹⁹ автор повествует о том, как во время путешествия по башкирским землям становится свидетелем башкирских игр и потех. В книге описано все, что можно увидеть на нашем рисунке: борьба, перетягивание на аркане и поиски монеты без помощи рук в котле с кислым молоком, смешанным с мукой. Изображение совпадает с описанием до мельчайших деталей, и именно в этом случае кажется необходимым цитирование достаточно развернутого фрагмента текста: «У Башкирцов была борьба, пляска и перетягивание на арканах. Борьба, „курят“, сопровождается такими же тяжелыми приемами. Двое Башкирцов, сняв с себя халаты, берут в руки по полотенцу, обхватывают им противника, укоротив концы, притискивают его к себе и начинают друг друга таскать с одной сто-

роны на другую до тех пор, пока который-нибудь из них не свалится и не признает себя побежденным...

Но перетягивание на аркане представляет собою самую характеристическую потеху. Башкирцы сжимают концы аркана и, став босиком, друг к другу спиной в некотором отдалении, пропускают его промеж ног и через грудь, надевают себе на шею... затем соперники нагибаются к земле и стараются перетянуть один другого. Чтоб шею не резало арканом, под него подкладывают меховую шапку, или кусок войлока... И все это длится до тех пор, пока один не выбьется совершенно из сил и не будет оттянут противником в сторону, совершенно противоположную той, куда обращено лицо побежденного.

Но вот еще потеха, рекомендуемая дикарство башкирцев с самой яркой стороны. Впереди кибиток, на чистом и ровном месте, выставили большой чугунный котел, наполненный кислым, и притом еще смешанным немного с мукой, молоком. Котел окопали немножко, для того, чтоб его трудно было сдвинуть с места или своротить на бок. Подозвали ребятишек и, кинув в молоко двугривенный, подарили его в собственность тому из них, кто достанет его из котла губами, с тем... чтоб рук он отнюдь не запускал в котел.

Ребятишки с радостью принялись за добычу; и так как охотников собралось множество, то и учредили между собой очередь... Ребятишки сбросили с себя шапки, тюбетейки, халаты и рубахи и остались в одних шальварах. ...Они старательно начали закладывать себе уши и ноздри, вместо ваты, свежую травой. ...Очередной искатель стал у котла на колени, ухватился ручонками за приделанные к нему уши и погрузился в молоко головой по самые плечи: там носом и губами вышаривал он светленькую монетку, валандаясь и дрыгая в непроницаемой и густой смеси».

При внимательном сравнении текста книги Небольсина с рисунками из собрания музея становится очевидным, что количество совпадений превышает вероятность случайности. Книга стала для нас своеобразным путеводителем, следуя за которым, становилось возможным точно определить местность, изображенную на рисунках из музейного собрания.

Именно так было определено место, изображенное на рисунке «Привал», — крепость Илецкая Защита²⁰, которой посвящена одноименная глава книги. В середине XIX в. место еще носило название крепости, хотя уже не имело никакого стратегического значения. Подробно рассказывая в своей книге о добыче соли в этом небольшом местечке, упоминая о целебном купании в соленом озере, П.И. Небольсин отмечает: «Вблизи соляного флеца,

на ровно-стелющейся степи, стоит скалистая гипсовая гора, носящая название „Маячной“. Высота этой горы простирается до двадцати сажень над поверхностью земли; вершина её увенчана зубчатую стеною замка, обращенного в острог и ныне необитаемого; к подошве её пристроены домики и мазанки местных крестьян»²¹.

Изображение гипсовой горы в Илецкой Защите, опубликованное в десятом томе «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина для иллюстрирования статьи «Илецкие казаки»²², почти идентично изображению горы на рисунке «Привал»: те же очертания склонов и зубчатые стены крепости на вершине, те же прилепившиеся хижинки у склона; отсутствует только водяная гладь озера: очевидно, что автор нашего рисунка, изображая то же место, выбирает иную точку зрения.

Более того, именно текст книги П.И. Небольсина является тем связующим звеном, которое превращает разные рисунки в единую серию. Среди акварелей из музейного собрания есть рисунок «Мордовия. Женщины». Показывая женщин, занятых повседневными делами, автор рисунка сосредотачивает свое внимание на национальном мордовском костюме в его эрзянском варианте с характерными для него деталями: набедренным украшением «пулай» и высоким цилиндрическим головным убором. Изображение мордовской деревни выглядит неуместным среди рисунков, изображающих кочевой быт степных народов. Но именно П.И. Небольсин рассказывает в своей книге о том, как, проезжая по пути в Оренбург с. Промзино Алатырского уезда Симбирской губернии, он наблюдает там прибывших из окрестных деревень для участия в празднике Николы Вешнего мордовских крестьянок и в главе «Крестьяне» с интересом описывает «общеизвестный» мордовский костюм. И вновь описание совпадает вплоть до деталей: красного кушака и желтых кисточек: «На голове мордовки носят довольно красивые красные кички особенного фасона, украшенные бахромой и лопастью, выпускаемую сзади на затылок; к косе, которая идет вдоль спины, поверх рубахи, и затыкается за красный шерстяной кушак, привешивается какое-нибудь украшение, красная или желтая кисточка, или что-нибудь другое. На груди висят бусы; в ушах — огромные серьги; сзади к кушаку прицепляется род небольшого фартука, или занавески, как это назвать я не умею»²³.

Именно текст книги Небольсина связывает в единую серию изображение башкирского кочевья, мордовской деревни, сцену в киргизской юрте и сцену с изображением курящих кальян жителей Средней Азии. Согласно тексту книги, в Оренбурге во время

приезда автора находятся возвращающиеся из Петербурга к себе на родину хивинские посланники. Они собираются познакомиться с тем, как живут ставшие подданными России и исповедующие мусульманскую веру башкиры. Пользуясь открывшейся перед ним возможностью, Небольсин присоединяется к путешествующим. Перед началом поездки он отправляется знакомиться со своими спутниками, живущими за казенный счет в чистом и светлом деревянном домике на одной из оренбургских улиц.

Сцена курения кальяна после чаепития во время первого знакомства с хивинцами подробно описана в главе «Хивинцы»²⁴ и изображена на рисунке А. Чернышева «Хивинцы»²⁵. Вновь повествование совпадает с изображением в общем и в отдельных деталях: разбросанные «...по полу кошмы и ковры, на которых возлежали сам посланец и его приближенные»; поза посланника, который «сидел, поджав колени в переднем углу комнаты, прислонившись спиной к стенке. Одетый в три сильно потертых простых бумажных халата, посланник «сидит на ковре без сапогов, босой: обувь его и порыжелые онучи заткнуты были под простую подушку». Совпадает даже описание внешности героев. Раскуривающий кальян Раметля — это «молодой хивинец, лет двадцати пяти от роду, высокого роста, с довольно выразительными, когда смотришь в профиль, чертами, с большими черными глазами и красивою бородкой», сам посланник Ходжеш-Мегрем — это «пожилой человек, с виду лет шестидесяти» с густой бородой, быстрыми глазами, красивыми бровями и орлиным носом.

Маловероятность случайности такого количества совпадений заставила искать факты, связывающие путешествие П.И. Небольсина в Оренбургский край, биографию художника Алексея Чернышева и рисунки из собрания Ульяновского областного художественного музея. И эти связи действительно были обнаружены.

В последние годы своей жизни (1871—1893) П.И. Небольсин жил в Вильно, где занимал должность отдельного цензора по внутренней цензуре. Но именно с Вильно связана основная часть биографии А.В. Жиркевича. Он родился в 1857 г. в Люцине Витебской губ., учился в Виленском реальном училище и в Виленском пехотном юнкерском училище, с 1883 г., после окончания Военно-юридической академии в Петербурге, служил в Виленском военно-судебном ведомстве.

Именно из Вильно в 1915 г. во время Первой мировой войны А.В. Жиркевич эвакуировался в Симбирск, привезя с собой наиболее ценную часть своей коллекции.

Поиски связи между этнографом Небольсиным и коллекционером Жиркевичем привели к четкому осознанию отсутствия между ними близкого знакомства. В своей автобиографии 1924 г.²⁶ А.В. Жиркевич упоминает переданные в дар Художественному музею рисунки Алексея Чернышева. Но имя П.И. Небольсина он не называет ни разу, хотя в тексте того же документа неоднократно описывает свое знакомство с художниками, писателями и другими известными людьми. Вероятно, рисунки А. Чернышева попали к Жиркевичу достаточно случайно: коллекционер стремился использовать все возможности для пополнения своей коллекции²⁷, сознавая свою высокую миссию спасения произведений искусства с целью сохранения их для потомков.

В свою очередь связь между писателем Небольсиным и художником Чернышевым была легко обнаружена при внимательном прочтении книги «Рассказы проезжего». В тексте книги²⁸ можно прочесть «...сам я рисую из рук вон плохо, но у меня был превосходный рисовальщик, хоть и не академист — урядник Оренбургского Казачьего Войска Чернышев».

И эта обнаруженная связь привела к новой атрибуции рисунков и изменению имени художника. Урядник Оренбургского казачьего войска и художник-самоучка — это Александр Илларионович Чернышев, двоюродный брат Алексея Филипповича Чернышева. Известно, что он использовался военным ведомством как рисовальщик и оказал большое воздействие на первоначальное художественное воспитание А.Ф. Чернышева²⁹.

Консультация с заведующим сектором рисунка XVIII — начала XX в. Государственного Русского музея Н.Н. Соломатиной подтвердила предположение о том, что рисунки из собрания Ульяновского областного художественного музея не принадлежат руке А.Ф. Чернышева.

В Русском музее хранятся более двухсот пятидесяти рисунков Алексея Филипповича, аналогий акварелям из собрания Ульяновского художественного музея среди работ Алексея Филипповича Чернышева из Русского музея не находится. А.Ф. Чернышев — рисовальщик и акварелью он работал редко, в подавляющем большинстве случаев предпочитал использовать графитный карандаш, иногда обращался к сепии.

При сравнении подписей под рисунками А.Ф. Чернышева из коллекции ГРМ и рисунками А. Чернышева из собрания УОХМ очевидно, что они различны. Отлично не только написание букв. Как правило, Алексей Филиппович подписывался только инициалом — «А.(или А:) Чернышевъ». На 11 акварелях из собра-

ния УОХМ подпись с развернутым инициалом «Алек. Чернышев».

Важной деталью, подтверждающей принадлежность рисунков руке Александра Илларионовича Чернышева стало то, что на семи из рассматриваемых рисунков подпись можно отчетливо прочесть как «А. Чернышевъ 1й» или «Алек.Чернышевъ 1й».

Более того, совпадающими оказались даже немногие детали биографии А.И. Чернышева, известные из доступных источников. Так, в Государственном архиве Оренбургской области хранится дело об уряднике Чернышеве, командированном в Уральск для снятия видов рыбной ловли на р. Урал во время багрения, сроки командировки с 3 декабря 1850 г. по 3 февраля 1851 г.³⁰. Но рыбная ловля на Урале — один из предметов, которые изучает и описывает П.И. Небольсин, известно, что с этой целью в то же самое время путешественник совершил две поездки в Уральск³¹. Тема рыбной ловли на Урале не отражена в рисунках из собрания УОХМ, тем не менее, этот факт подтверждает предположение о том, что именно Александр Илларионович Чернышев был художником, который по приказу военного ведомства сопровождал П.И. Небольсина в его путешествии.

Биографические сведения об А.И. Чернышеве достаточно скупы. Он родился 7 марта 1816 г. в семье учителя Звериноголовской гарнизонной школы унтер-офицера Лариона Чернышева, его приемником был штаб-лекарь Звериноголовского гарнизонного батальон Лукиан Зимницкий³². Известно, что Александр Илларионович служил унтер-офицером в 3-м Линейном Оренбургском батальоне, но в 1848 г. был переведен в Оренбургское казачье войско с переименованием в урядника, в Звериноголовскую крепость, где жила его мать, по ее прошению на имя военного министра России³³.

Род Чернышевых берет свое начало из солдатских детей Звериноголовской крепости. Служивший рядовым в 1767—1796 гг. в Звериноголовском пограничном гарнизонном батальоне дед наших художников Алексей Данилович Чернышев (род. в 1740-х) был неграмотным³⁴. Но младшие из его восьми детей Ларион (род. ок. 1789) и Филипп (род. ок. 1791) уже умели читать и писать. Звериноголовская гарнизонная школа, впоследствии переименованная в полубатальон военных кантонистов, была третьим учебным заведением на территории Южного Зауралья. В школе обучали чтению, письму, арифметике, но главное внимание было направлено на выработку красивого четкого почерка. Многие десятилетия все писари на пограничной линии были выходцами из этой школы³⁵.

Отец Алексея Филипповича, Филипп Алексеевич Чернышев (ок. 1791—1848) поступил на службу в 1810 г. писарем в Инженерный корпус при Звериноголовской инженерной команде. В 1815 г. он был причислен к Оренбургской инженерной команде, в 1817 откомандирован в Северную столицу и причислен к Санкт-Петербургской инженерной команде, в 1819 причислен к Орской инженерной команде. Находился в ведении командира Отдельного Оренбургского корпуса графа В.А. Перовского и занимался «письменными делами по кордонной и строительной части в Штабе корпуса».

Начальником инженерной команды Отдельного Оренбургского корпуса был Григорий Федорович Генс, человек, принадлежащий к числу самых ярких личностей в истории Оренбурга. Именно Г.Ф. Генс сыграл важную роль в судьбе старшего сына Филиппа Алексеевича³⁶.

Происходящие из солдатских детей Чернышевы были обречены на военную службу. Но благодаря вмешательству Генса и при содействии военного губернатора Оренбурга Перовского Алексею Филипповичу, исключенному из военного ведомства, удалось получить художественное образование³⁷.

Впоследствии вслед за Алексеем переехал в Санкт-Петербург и поступил в Академию художеств в качестве вольнонаемного ученика его брат Константин Филиппович Чернышев (1832—1853). В 1852 г. он был удостоен малой серебряной медали за пейзажную живопись, но смерть рано прервала его судьбу.

Оставшиеся в Оренбурге родные братья Алексея Василий (род. в 1829) и Матвей (ок. 1825—1866)³⁸ служили топографами.

Именно Матвеем Филипповичу Чернышеву, судя по подписи, принадлежит рисунок «В дороге»³⁹, изображающий передвижение киргизов с тяжелым грузом на верблюдах и лошади. Естественно, что подобной теме: и передвижению киргизов по степи на верблюдах, и самому верблюду, как „любопытному“ животному» уделяет свое внимание в книге «Рассказы проезжего» П.И. Небольсин⁴⁰.

Способности к рисованию были наследственными в этой семье. Но в отличие от Алексея Филипповича, ставшего первым профессиональным художником Оренбургского края, урядник казачьего войска Александр Илларионович остался безвестным художником-самоучкой.

Но все же среди многочисленных рисовальщиков Чернышевых у Александра Илларионовича была особая роль. Он действительно стал первым из Чернышевых, кто смог так или иначе реализовать свой талант художника. За скупыми фактами его биографии, не-

определенными преданиями⁴¹, зафиксированным кругом общения читается яркая личность.

Его способности к рисованию были не меньшими, чем способности Алексея Филипповича. Хранящиеся в фондах УОХМ рисунки говорят о том, что отсутствие систематического образования не мешало художнику легко строить многофигурные композиции, передавать фигуры в движении. Он хорошо владел цветом, умел передавать пространство, создавал выразительные образы героев своих рисунков.

Имя Александра Илларионовича Чернышева привлекало исследователей в связи с Тарасом Григорьевичем Шевченко и периодом Оренбургской ссылки украинского поэта. Внешний облик Александра Илларионовича запечатлен на созданном в 1849—1850 гг. рисунке «Т.Г. Шевченко среди ссыльных поляков». Автором рисунка считается А.Ф. Чернышев. Имена изображенных на рисунке людей хорошо известны: Бронислав Залесский⁴², Юлиан Ковальский, Александр Чернышев, Томаш Вернер, Евстафий Середницкий, Людвиг Турно, Александр Попель, Станислав Доморацкий, Людвиг Липский, Тарас Шевченко, Балтазар Колесинский. Рисунок неоднократно описывался исследователями творчества Т.Г. Шевченко и приобрел силу документа⁴³.

Вполне вероятно, что путешествие П.И. Небольсина по Оренбургскому краю — не единственная экспедиция, в которой Александр Илларионович Чернышев участвовал как рисовальщик⁴⁴, что 17 рисунков из собрания Ульяновского областного художественного музея — не единственные из сохранившихся произведений А.И. Чернышева, а случай неправильного определения авторства рисунков — не единственная путаница, вызванная совпадением инициалов двоюродных братьев⁴⁵. Новая атрибуция рисунков дает представление о творчестве талантливого художника-самоучки и образец подписи А.И. Чернышева для дальнейших исследований.

¹ О коллекции А.В. Жиркевича см.: *Баюра А.П.* Художественное коллекционирование в Симбирской губернии. Конец XVIII — начало XX века. Собиратели. Мастера. Хронисты. Ульяновск, 2018. С. 201—233.

² Ульяновский областной краеведческий музей. Книга поступлений, № 98. Опись А.В. Жиркевича. С. 28. № 36.

³ Зарисовки видов Оренбурга («Караван-Сарай», «Дом генерал-губернатора», «Дом Дворянского собрания», «Плац-парад») публиковались в журнале «Русский художественный листок». № 20. 1851. Рисунки А.Ф. Чернышева, сделанные в школе для киргизских детей, были опубликованы в том же журнале (№ 17, 1852).

- 4 См.: Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край П.И. Небольсина // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1852. Кн. 1. Географическая и этнографическая хроника. С. 2.
- 5 Киргизами (или киргиз-кайсаками) в середине XIX в. называли казахов, и это название будет использовано в тексте данной статьи в связи с необходимостью постоянного обращения к тексту книги П.И. Небольсина «Рассказы проезжего».
- 6 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего. СПб., 1854.
- 7 Там же. С. 186—187.
- 8 Там же. С. 249.
- 9 Там же. С. 249—250.
- 10 Там же. С. 276—277.
- 11 Инв. ГР-1161.
- 12 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 256.
- 13 Там же. С. 226.
- 14 Следует отметить, что именно торговле арбузами автор книги не придавал особого значения и считал дыни и арбузы «не имеющими ценности, несътными и вредными для здоровья». См.: Вестник Императорского Русского географического общества... С. 12.
- 15 Инв. ГР-1160. Старое название «За шашками», новое название «За игрой». Название изменено в связи с тем, что изображенная на рисунке игральная доска никак не соответствует шахматной. Вероятнее всего, художник изобразил киргизскую настольную игру тогыз кумалак.
- 16 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 310.
- 17 Там же. С. 330
- 18 Инв. ГР-1439. Старое название «Игры киргизских детей», новое название «Игры башкирских детей». Изменение название основано на соответствии рисунка тексту книги П.И. Небольсина «Рассказы проезжего».
- 19 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 261—263.
- 20 В настоящее время г. Соль-Илецк Оренбургской обл.
- 21 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 198.
- 22 Военная энциклопедия И.Д. Сытина. СПб., 1912—1913.
- 23 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 137.
- 24 Там же. С. 203—212.
- 25 Инв. ГР-1163. Старое название «Башкирия», новое название «Хивинцы». Изменение название основано на соответствии изображения на рисунке тексту книги П.И. Небольсина «Рассказы проезжего».
- 26 Общий очерк жизни-деятельности А.В. Жиркевича. 1924. Рукописная копия, сделанная Т.А. Жиркевич в январе 1974 г. ГАУО. Ф.р-3868. Оп. 1. Д. 2. С. 363, 366.
- 27 Представляет интерес упоминание о том, как в декабре 1900 г. А.В. Жиркевич показывал рисунки Чернышева в музее Виленского военного собрания В.В. Верещагину: «Храня у себя множество писем к нему „Белого генерала“, а также некоторые вещи его, в том числе и складной стул, на котором тот сживал во время боя, Верещагин вызвал во мне тайную надежду — выпросить у него, для виленского музея имени Скобелева, устроенного при военном собрании, хотя бы часть этих священных для русского сердца сувениров. С этой целью повез я Василия Васильевича в музей... Бегло осмотрев музей, Василий Васильевич пришел в восторг от рисунков художника Чернышева, особенно же от карикатуры в крас-

- ках, изображающей башкирских офицеров, восклицая: «Это бесподобно!.. Один восторг!.. Какая прелесть! Тут же упрекнул он меня за то, как можно было пожертвовать подобную вещь музею, а не оставить ее детям» (*Жиркевич А.В.* Василий Васильевич Верещагин: по личным воспоминаниям. Вестник Европы. 1908. Т. 2. Кн. 4.
- 28 *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 316.
- 29 Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: энциклопедия одиннадцати лет, 1847—1858 / авт. и сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.
- 30 Дело об уряднике Чернышеве, командированном в Уральск для снятия производства видов рыбной ловли на р. Урал. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 2218.
- 31 В своем отчете о путешествии в Оренбургский и Астраханский край П.И. Небольсин повествует о том, что после знакомства с Троицком, Златоустом, Уфой и Оренбургом на пути в Астрахань он, «не довольствуясь летнею своею поездкою в Земле Уральского казачьего войска, снова несколько недель провел в Уральске». Несколько страниц отчета посвящены рыбной ловле на Урале, в том числе в декабре во время багряния. См.: Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1852. Кн. 1. С. 4. Кн. 2. С. 88.
- 32 Запись о рождении А.И. Чернышева см.: ГАОО. Ф. 73. Оп. 11. Д. 605.
- 33 См: Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника. URL: <https://baza.vgd.ru/post/1/5985/p18050.htm> (дата обращения 16.09.2022).
- 34 См: Там же. URL: <https://baza.vgd.ru/1/5985/10.htm?o=&> (дата обращения 16.09.2022).
- 35 *Хлызов М.И.* Звериноголовской школе более 200 лет // Курган: история, краеведение, генеалогия. URL: <http://www.kurgangen.ru/History%20of%20Kurga/Zverinogolovsky%20Region/Zverinogolovsk/Shkola%20v%20Zverinke/> (дата обращения 16.09.2022).
- 36 «Алексей Чернышев был сыном швейцара, служившего при Неплюевском военном училище во время директорства Григория Федоровича. Семья у отца была большая, еле-еле существовала на то жалованье, которое получал старик по своей должности, так что, когда на свет Божий появился Алексей, все необходимые расходы по этому случаю были произведены Генсом на свой счет. Супруга Григория Федоровича, Авдотья Матвеевна, была его восприемницей от купели. Затем Алексей поступил в семью директора и воспитывался там наравне с детьми последнего, под руководством гувернера» (*Юдин П.А.* Григорий Федорович Генс, первый директор Оренбургского кадетского корпуса // Русская старина. 1899. № 8. С. 363—373).
- 37 Дело об исключении из батальона военных кантонистов сына унтер-лейхвартера Чернышева Алексея для поступления в Академию художеств. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11651.
- 38 Матвей Филиппович Чернышев с 1840 г. служил топографом, в течение многих лет (по 1857) производил различные работы в Оренбургском крае. В 1853 г. стал прапорщиком в Рязском пехотном полку с прикомандированием к Корпусу топографов. В 1862 г. «за отличие» его произвели в поручики, а два года спустя в штабс-капитаны. Умер, не дожив до сорока лет, в 1866. Сведения взяты из книги Л.Н. Большакова «Быль о Тарасе». Кн. 3: Оренбург (М.: Оренбург, 1993). В свою очередь, автор книги ссылается на поименные приложения к «Историческому очерку деятельности Кор-

- пуса военных топографов» (СПб., 1872. С. 62). Биографические сведения о Матвее Чернышеве есть также на сайте «Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника»: URL: <https://baza.vgd.ru/1/5985/70.htm?o=&> (дата обращения 16.09.2022).
- ³⁹ Подпись четко прочитывается как «М. Чернышев».
- ⁴⁰ *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего... С. 305—308, 342.
- ⁴¹ Л.Н. Большаков пишет о сохранившемся предании, что именно А.И. Чернышев писал портрет Пушкина, когда в 1833 г. поэт приезжал в Оренбург. См.: *Большаков Л.Н.* Быль о Тарасе. Кн. 3: Оренбург. М.: Оренбург, 1993. Глава «В дружеском кругу: рисунок-документ».
- ⁴² Бронислав Залесский — талантливый художник-любитель. Художественным итогом его многолетнего пребывания в Оренбургской ссылке стал изданный в Париже в 1865 г. альбом офортов «Жизнь киргизских степей», ставший своеобразной энциклопедией казахской жизни для европейского читателя. См.: *Чабров Г.Н.* Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVII — первой пол. XIX в.: автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина. 1966. С. 18—19.
- ⁴³ Известно, что с рисунка была сделана копия, находившаяся впоследствии в Кракове у Ю. Корженевского. В 1911 г. выходящий в Кракове журнал «Свят словянски» в апрельском номере опубликовал репродукцию с этой копии к 50-летию со дня смерти Шевченко. См.: *Владич М.* История одного рисунка // *Огонек*. 1954. № 20.
- ⁴⁴ Представляет интерес свидетельство А.И. Макшеева об одной художественной работе, выполненной совместно Шевченко и казаком Чернышевым во время Аральской экспедиции А.И. Бутакова 1848—1849 гг.: «В кибитке жил со мною Т.Г. Шевченко. По утрам он рисовал с меня портрет акварелью, но сходство ему не удалось и потому он его не кончил. Руки и отчасти платье доделал потом казак Чернышев (родной брат известного художника) и в таком виде портрет сохранился у меня». См.: *Макшеев А.И.* Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. С. 46. Интерес представляет также то, что изображенный на рисунке «Т.Г. Шевченко среди ссыльных поляков» рядом с А.И. Чернышевым Томаш Вернер был также участником Аральской экспедиции А.И. Бутакова.
- ⁴⁵ Л.Н. Большаков утверждает, что опубликованное в сборнике «Листи до Шевченка» письмо А. Чернышева к Т. Шевченко от 9 декабря 1847 г. написано Александром (а не Алексеем), и ошибка в сборнике очевидна. См.: *Большаков Л.Н.* Быль о Тарасе. Кн. 3: Оренбург. М.: Оренбург, 1993. Глава «В дружеском кругу: рисунок-документ».

Источники вдохновения Елены Поленовой

Осенью 1882 г. Елена Дмитриевна Поленова переехала из Петербурга в Москву. «Воспитанная на русской истории, она в Москве впервые почувствовала себя на родной ее сердцу почве. Москва и московская обстановка определили окончательно направление ее творчества и вызвали к жизни те самобытно-русские зачатки, которые она таила в себе», — отмечала Н.В. Поленова, жена художника В.Д. Поленова, первый биограф и исследователь творчества художницы¹.

В Москве Е.Д. Поленова познакомилась с Е.Г. Мамонтовой и со многими художниками, собиравшимися в доме ее брата В.Д. Поленова и Абрамцеве. Из всего художественного кружка Елена Дмитриевна по-особенному выделяла В.М. Васнецова: «Кто дал мне положительный толчок к уразумению древнерусской жизни — так это Васнецов», «у Васнецова я не училась в прямом смысле слова, но как-то набиралась около него понимания русского народного духа»².

В 1880-х гг. Елена Дмитриевна начала экспонировать свои пейзажные акварели. О ее работах лестно отзывалась публика и восхищались художники, среди них В.М. Васнецов, И.Е. Репин и «первый и последний» учитель художницы — П.П. Чистяков³. Этюды ее покупали с выставок не только любители, но и известные коллекционеры, что придавало уверенности художнице. «На счет самолюбия, не поверишь, как приятно попасть в Третьяковские коллекции. С этой минуты только поверилось, что я точно художник, — делилась Поленова со своей подругой П.Д. Антиповой⁴.

Осенью 1886 г. среди художников возникает интерес к археологической истории Москвы и создается кружок под руководством Е.Д. Поленовой: «Мы составили программу, разобрали памятники между членами кружка и каждую среду утром идем осматривать какой-нибудь из них. Тот из членов, на долю которого достался

этот памятник, исследует его по книгам и увражам, изучает его и потом объясняет прочей компании. Это очень удалось. Кружок растет, и мы страшно увлекаемся археологией»⁵. В записной книге Поленовой в плане для посещения перечислено 89 храмов, монастырей, музеев, позже она добавила еще 11 достопримечательных мест за городом. «По вечерам Наталья читает что-нибудь археологическое. Василий тоже приходит, приносит картинки, объясняет, чего мы не понимаем», — сообщала Е.Д. Поленова Мамонтовой в одном из писем⁶.

Для изучения памятников «кружковцы» пользовались семейной библиотекой Поленовых. Отец Елены и Василия Поленовых, Дмитрий Васильевич Поленов, был историком, археологом и библиографом. В семейной библиотеке среди книг по истории было несколько важнейших трудов Забелина: «Домашний быт русских царей» (1872), «Домашний быт русских цариц» (1872), «Опыт изучения русских древностей и истории» (Ч. 1, 1872), «Опыт изучения русских древностей и истории» (Ч. 2, 1873), «История русской жизни» (Ч. 1, 2, 1876), «Кунцево и древний Сетунский стан» (1873).

12 ноября 1886 г. члены кружка с «объяснениями» Елены Дмитриевны осматривали храм Рождества Богородицы в Путинках и церковь Николая Чудотворца в Столпах. Историческому описанию этих храмов отводятся первые семь листов в записной тетради Елены Дмитриевны⁷. Для изучения истории церквей Е.Д. Поленова использовала материалы из работ А. Мартынова «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (1846), В. Прохорова «Христианские древности. Исторические и археологические обзоры древних московских церквей» (1866), французского архитектора и историка Э. Виолле-ле-Дюка «Русское искусство». На листы тетради Елена Дмитриевна вклеила семь калек с перерисовкой тушью церквей и их планов из выбранных ею изданий. Осенью 1887 г. храм Рождества в Путинках на Малой Дмитровке Е.Д. Поленова и другие участники кружка посетили вторично. Декоративные шатровые купола этого храма и облетевшие ветви деревьев на фоне серого пасмурного неба Елена Дмитриевна запечатлела на небольшом рисунке (10,7×11,2), находящемся в собрании музея-заповедника В.Д. Поленова (рис. 1).

При подготовке экскурсии в храм Василия Блаженного в апреле 1887 г. Поленову, помимо других источников, заинтересовало издание «Черты самобытности в древнерусском зодчестве» И.Е. Забелина (1900). В отдельную тетрадь (хранится в фонде музея-заповедника В.Д. Поленова. Инв. № ар-429), Поленова сделала выписки с карандашными зарисовками видов устройства кровель (палатка,

Рис. 1. Е.Д. Поленова. Церковь Рождества в Путинках на Малой Дмитровке в Москве. Бумага, акварель

скирд или епанча; шатер; бочка; куб) и типов покрытий кровель деревянных строений (лемех, гонт, чешуя) из этого издания⁸. Среди архитектурных зарисовок Поленовой в отделе графики музея хранятся восемь перерисовок — видов и планов царского дворца в Коломенском — из другого издания Забелина — «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» (рис. 2). Дополнительно Елена Дмитриевна выписала из приложения к книге описания всех перерисованных рисунков с расшифровкой цифровых изображений планов нижнего и верхнего этажей государевых хором.

Интерес к русской старине стал одним из главных в жизни талантливой художницы, которая много времени отводила изучению русской истории, восторженно отзывалась о лекциях профессора В.А. Ключевского: «Очередные занятия продолжаются...

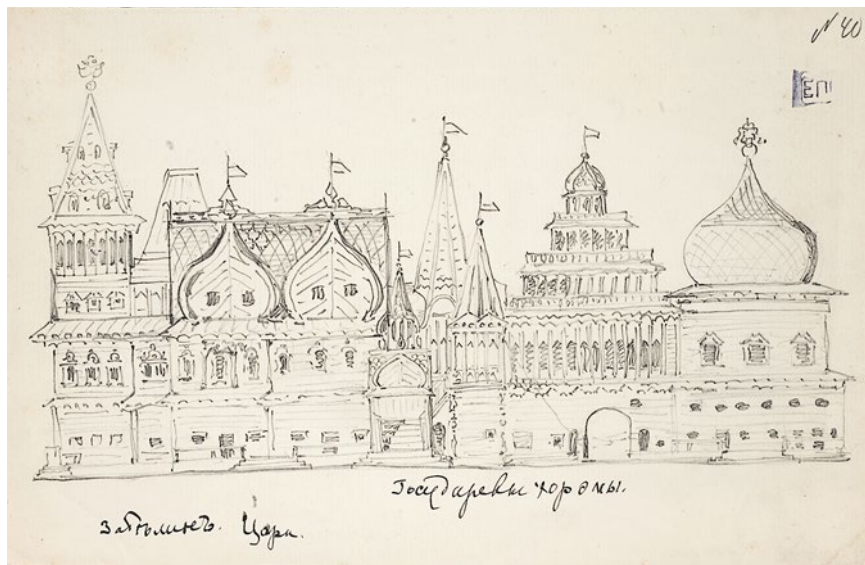

Рис. 2. Е.Д. Поленова. Государевы хоромы. Рисунок выполнен по книге И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.». Бумага, карандаш

Сейчас возвратилась с лекции Ключевского. Какой он талант. Он читает теперь о древнем Новгороде. Так это прямо производит впечатление, будто это путешественник, который очень недавно побывал в XIII, XIV веке, приехал и под свежим впечатлением рассказывает, что там делалось»⁹.

Краткие сведения об истории постройки и росписей Теремного дворца и Грановитой палаты в Московском Кремле в книгу-тетрадь занес Поленов¹⁰. Ту же тетрадь Н.В. Поленова дополнила описаниями церкви Грузинской Божьей Матери по изданию А.А. Мартынова, церкви Гребневской Божьей Матери по трудам Солнцева, сокровищниц Оружейной палаты.

Осенью 1887 г. занятия Археологического общества, прекращенные в летний сезон, продолжились. 3 ноября Елена Поленова писала П.Д. Антиповой: «У нас началась зимняя жизнь со всеми ее принадлежностями, частыми поездками в Абрамцево, куда я еще с большим удовольствием ежу, чем летом. Так удивительно хорошо, разнообразно и красиво зимой в деревне, что я этого прежде и представить себе не могла. На прошлой неделе мы возобновили свои археологические поездки по Москве. Поступили новые члены, и дело идет опять оживленно»¹¹. Неизменным участником занятий стала семнадцатилетняя сестра Н.В. Поленовой —

талантливая художница М.В. Якунчикова. В программе на сезон 1887—1888 гг., составленной Еленой Дмитриевной, три темы были отведены Якунчиковой: «В селе Троицком Голенищеве Троицкая церковь (Воробьевы горы)», «Церковь Владимирской Божьей Матери у Никольских ворот», «Церковь Святого Николая на Песках».

«Очень добросовестные», серьезные сообщения Е.Д. Поленовой и Е.Г. Мамонтовой, подготовленные к показам изучаемых древностей, отмечали многие участники. Несколько тем, намеченных Поленовой для занятий-экскурсий, были взяты Мамонтовой. Среди памятников первыми в записной книжке Е.Г. Мамонтовой описаны Архангельский собор и собор Спаса на Бору в Кремле. В отличие от Поленовой Мамонтова в записях не упоминает используемые источники¹².

Таким образом на археологических экскурсиях кроме перечисленных памятников были осмотрены «Успенский, Благовещенский соборы с их богатыми ризницами, Симонов монастырь с ризницей, Печатный двор, дом Малюты Скуратова, Патриаршая ризница и многие другие здания и музеи»¹³.

Исторический музей в программе кружка был намечен к осмотру Еленой Поленовой одним из первых. Е.Г. Мамонтова так описывает Елене Дмитриевне совместное посещение Исторического музея с Васнецовым и Поленовым: «Сколько там нового, интересного, просто глаза разбежались. По нашей части есть хорошие вещи. Сизов, как всегда, был ужасно любезен... Познакомилась я и с Забелиным, но пока его сочинения мне больше нравятся, чем он сам. Показывали нам новые залы, которые еще отделяются, Новгородскую и Владимирскую. Затем ведь я еще в первый раз видела коллекцию Постникова, для меня и в ней нашлось ужасно много интересного. Ну, да, одним словом, мне Исторический музей понравился больше, чем когда-либо»¹⁴.

Увлечение допетровской историей и деревянным зодчеством Москвы нашло свое продолжение в творчестве Е.Д. Поленовой в живописных картинах, а также в создании эскизов для абрамцевской столярной мастерской и оформлении русских народных сказок. О том, какое сильное впечатление произвели архитектура сказочных строений и орнамент в иллюстрациях к сказкам Поленовой на Стасова узнаем из их переписки. «Вы обратили внимание на архитектуру. Мне тоже думается, что эта самая удачная их сторона. Я люблю и очень интересуюсь особенностями народной деревянной постройки», — отвечала Поленова Стасову¹⁵.

Елена Дмитриевна часто бывала в Абрамцеве. Вместе с Е.Г. Мамонтовой они создали там музей народного творчества с пред-

Рис. 3. Е.Д. Поленова. У окна. Эскиз к сказке «Белая утка». Бумага, акварель, тушь

метаами быта, собирая «резные деревянные вещи» и «разные вышивки» по глухим деревням и монастырям. В археологических экспедициях Е.Д. Поленова делала множество быстрых зарисовок — «зачертков» и фотографий заинтересовавших ее деталей архитектуры, крестьянской мебели и утвари.

Неисчерпаемый источник для творчества художница находила в народном искусстве: «Наши дела мастерской (в Абрамцево) идут успешно — особенно успешно собирание материалов. Русское народное творчество это, оказывается, совсем нетронутая сторона и, кажется, нет русской деревни, из которой нельзя было бы вывезти чего-нибудь интересного», — делилась она с П.Д. Антиповой¹⁶.

Увлеченно занимаясь проектированием мебели и предметов быта по народным мотивам для абрамцевской мастерской (более ста проектов выполнено за девять лет), Елена Дмитриевна подпитывала вдохновение чтением: «С Дрюшей (Андреем, талантливым сыном С.И. и Е.Г. Мамонтовых) сочиняем новые типы, читаем Забелина, живем ничего себе — симпатично»¹⁷. «Ее любимое чтение были народные сказки, былины, легенды... Работая она всегда умела создать мирок полной поэзии», — отмечала Е.Г. Мамонтова¹⁸.

Свои накопленные знания и множество набросков художница использовала в создании сказочных избышек, теремов и монастырей при оформлении сказок. В конце 1880-х — начале 1890-х

Рис. 4. Е.Д. Поленова. Посад волнушек. Иллюстрация к сказке «Война грибов». Бумага, акварель, графитный карандаш

она создала два цикла иллюстраций, объединивших более двадцати фольклорных произведений. Первой среди них была «Белая уточка» (1886). Так, на одной из иллюстраций к «Белой уточке» Поленова изобразила деревянные постройки княжеского двора с его высокими и изящными кровлями и навесами, с резьбой и разноцветной росписью (рис. 3).

С детства Е.Д. Поленова знала и любила сказку «Война грибов». Создавая иллюстрации к сказке, художница «постаралась перенестись в то далекое время, когда, слушая этот рассказ, представляла в лесу миниатюрные поселки, монастыри и города, построенные в грибном масштабе, в котором живут эти удивительные существа, так как в детском разумении гриб — это существо совсем живое и очень привлекательное»¹⁹ (рис. 4).

Интересны мотивы древнерусской архитектуры в изображении царского двора в сказке «Сивка-Бурка», или «Иванушка-дурачок» (рис. 5).

Осенью 1894 г. Елена Дмитриевна, увлеченная новым интересным делом, приняла активное участие в устройстве Народно-исторических выставок при вновь созданном Московском Товариществе художников (МТХ). Художники объединения «решили одновременно разрабатывать на этих выставках библейскую и русскую истории. Для первой пробы взяли начало той и другой, составили список сюжетов так, чтобы выходил последовательный рассказ в картинах» с наиболее значимыми событиями из русской истории²⁰. Темы распределялись между участниками с указанием источников для изучения материала. Обществом предполагалось устроить передвижную выставку по городам и селам России.

Стасов в статье «Е.Д. Поленова» опубликовал программу и состав участников неосуществившегося проекта²¹. Большой интерес для Е.Д. Поленовой и членов объединения представляли древнерусские костюмы и предметы быта из коллекции Исторического музея, они детально их изучали под руководством ученого секретаря В.И. Сизова. Кроме того, художница по рекомендации В.В. Стасова осмотрела домашний музей Н.Л. Шабельской. Поленова рекомендовала молодым художникам, недостаточно хорошо знающим историю для изучения выбранных ими тем, сочинения И.Е. Забелина и другие источники. «Спасибо Вам за указанные книги Забелина — большое. Я достал уже его и читал, как образно написано-то! С удовольствием займусь эскизом», — писал художнице С.А. Виноградов из Харькова»²².

Эскиз к одной из картин для народной выставки разрабатывался, как сама Поленова определяла, в «не реальном, а фантастически-

Рис. 5. Е.Д. Поленова. Богатырский скак. Иллюстрация к сказке «Сивка-Бурка». Бумага, акварель

мистическом характере»²³. Она так описала Н.В. Поленовой воодушевившую ее тему: «Я взяла видение одного из воинов Алекс. Невского, которому накануне Невской победы над шведами было явление Бориса и Глеба на лодке. Будто они плыли по Неве на утреннем рассвете. Оба князя были в светлых ризах, как их обыкновенно изображают на иконах. Гребцы были скрыты как бы мглой. И сказал Борис Глебу: „Брат Глеб, вели грести, поможем нашему сроднику кн. Александру Ярославичу!“ Ужасно много поэзии и образности в этом простом, несложном рассказе»²⁴.

Е.Д. Поленова написала для предполагаемых выставок три картины: «Масленица у берендеев», «Видение Бориса и Глеба воинам Александра Невского» и «Убиение князя Бориса».

В заметке Н.В. Некрасова о VI выставке МТХ (1899), проходившей в Историческом музее, упоминается об открытии специального народно-исторического отдела, где среди полотен на исторические и библейские темы художников экспонировались и картины Поленовой «Масленица» и «Убиение князя Бориса». Выставка была «украшена» «прекрасной деревянной мебелью в древнерусском стиле» из абрамцевской столярной мастерской²⁵.

Лучшие произведения Елены Дмитриевны были представлены на мемориальной выставке в Москве и Петербурге в 1902 г. Ее творчество оставило заметный след в истории русского искусства: «...сделанное ею так оригинально, так могуче, так своеобразно и ново, что, наверное, никогда не погибнет»²⁶.

¹ Поленова Н.В. Елена Дмитриевна Поленова. 1850—1898. М., 1902. С. 19—20.

² Е.Д. Поленова — В.В. Стасову. Май 1894, 12 ноября 1894 // *Сахарова Е.В. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников*. М., 1964. С. 502, 515. (Далее — *Сахарова Е.В. Хроника*).

³ Там же. С. 515.

⁴ Е.Д. Поленова — П.Д. Антиповой. 21 января 1885 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 349.

⁵ Е.Д. Поленова — П.Д. Антиповой. 15 ноября 1886 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 375.

⁶ Е.Д. Поленова — Е.Г. Мамонтовой 14 ноября 1886 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 376.

⁷ Поленова Е.Д. Описание церквей // Фонды музея-заповедника В.Д. Поленова. МД. Ед. хр. 435.

⁸ Поленова Е.Д. Тетрадь с выписками из «Черт самобытности в древнерусском зодчестве» И. Забелина // Фонды музея-заповедника В.Д. Поленова. МД. № 429.

⁹ Е.Д. Поленова — П.Д. Антиповой // ОР ГТГ. Фонд 54. Оп. 1. Д. 6861. Л. 42.

- ¹⁰ В.Д. Поленов, Н.В. Поленова. Описание архитектурных московских церквей, Теремного дворца, Грановитой палаты // Фонды музея-заповедника В.Д. Поленова. МД. № 362.
- ¹¹ Е.Д. Поленова — П.Д. Антиповой. 3 ноября 1887 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 390.
- ¹² Мамонтова Е.Г. Описание памятников древнерусской архитектуры Москвы и ее окрестностей // Фонды музея-заповедника В.Д. Поленова. МД. № 916.
- ¹³ *Поленова Н.В.* Елена Дмитриевна Поленова. С. 37.
- ¹⁴ Е.Г. Мамонтова — Е.Д. Поленовой. 9 августа 1889 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 434.
- ¹⁵ *Стасов В.В.* Елена Дмитриевна Поленова // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 13. (Далее — Искусство и художественная промышленность). С. 36.
- ¹⁶ Е.Д. Поленова — П.Д. Антиповой. 9 августа 1885 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 360.
- ¹⁷ Е.Д. Поленова — Н.В. Поленовой. Июнь 1888. ОР. ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7185.
- ¹⁸ *Стасов В.В.* Елена Дмитриевна Поленова // Искусство и художественная промышленность. С. 21.
- ¹⁹ Е.Д. Поленова — В.В. Стасову. 2 апреля 1894 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 498.
- ²⁰ Е.Д. Поленова — В.В. Стасову. 8 ноября 1894 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 510.
- ²¹ *Стасов В.В.* Елена Дмитриевна Поленова // Искусство и художественная промышленность. С. 42—43.
- ²² С.А. Виноградов — Е.Д. Поленовой. 2 февраля 1895 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 521.
- ²³ Е.Д. Поленова — Н.В. Поленовой. 4/16 января 1895 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 519.
- ²⁴ Е.Д. Поленова — Н.В. Поленовой. 4/16 января 1895 // *Сахарова Е.В. Хроника*. С. 519.
- ²⁵ *Некрасов Н.В.* Московские художественные новости // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 7. С. 617—618.
- ²⁶ *Стасов В.В.* Елена Дмитриевна Поленова // Искусство и художественная промышленность. С. 49.

Часть четвертая

Декоративно-прикладное искусство

О.В. Молчанова

Иконографические особенности
воспроизведения графических
и живописных образцов
в памятниках прикладного искусства XVI в.:
живописная лиможская эмаль

Живописная эмаль (*émaux peints*) — одна из самых технологически сложных разновидностей художественной эмали, в свою очередь являющейся едва ли не самым сложным видом декоративно-прикладного искусства, соединяющего художественное стеклоделие и художественную обработку металла. И независимо от того, какой именно металл служит основой, традиционно художественная эмаль относится к разновидности ювелирного искусства. Лучше всего эмалирование «принимают» золото и красная медь. В русском переводе эта техника наиболее адекватно может быть названа расписанной или живописной эмалью, что полностью соответствует особенностям технологии: эмаль — это сплав стекла и металла, в данном случае цветное стекло слоями наносится на металл, расписывая его, создавая живописное изображение¹.

Лиможская живописная эмаль — удивительное художественное явление, соединившее в себе высочайшую технологическую базу и изысканную иконографию, опирающуюся на достижения современной живописи и гравюры.

Ее принято разделять на две школы: Старую (с середины XV в. до примерно 1530 г.) и Новую (примерно с 1530 г. до 1708 г.). Школы различаются рядом признаков, как стилистического, так и технологического характера. После 1532 г., благодаря покровительству сначала Франциска I, а потом и Генриха II, лиможская эмаль вышла за пределы цехового ремесла, став общепризнанной разновидностью творчества художественного. Эти перемены связывают с деятельностью знаменитого эмалиера Леонара Лимозена (1505—1575), принявшего придворное звание «художник и камердинер короля» (*Peintre et valet de chambre du roi*). Но эта трансформация не случилась одномоментно, ей предшествовало более полувека развития оригинальной технологии, организации про-

изводства и выстраивания иконографического репертуара лиможских эмалей².

Особенно редки и хороши эмали Старой школы — они наиболее полихромны, изобилуют декоративными деталями в отделке, очень нарядны. По стилю они в значительной степени относятся еще к готическому искусству, хотя и несут явные элементы Ренессанса. Помимо отдельных пластин с композициями на религиозную тему, обычно иллюстрирующих текст Нового Завета, мастера Старой школы создавали из них и целые композиции. Особенно популярны были триптихи-складни, своего рода мобильные алтари. Такая продукция выполнялась как по конкретному заказу, так и ограниченным тиражом для определенного круга потребителей: состоятельных благочестивых частных лиц, монастырей и церквей (обыкновенно в качестве ктиторского вклада). Тиражированию подвергались, естественно, наиболее популярные формы и сюжеты. Чаще всего они воспроизводили удачный вариант авторской работы лучших мастеров. Это могли быть авторская реплика, созданное с участием мастера воспроизведение из его мастерской (мастер при этом ограничивался написанием личного) и копия, изготовленная кем-то, с этой мастерской некогда связанным и усвоившим основные приемы и формы работы. Возможно, были и опыты прямого плагиата. Это обыкновение унаследовали также мастерские Новой школы. В их ассортименте появились более сложные формы и разнообразные сюжеты, но остались и пластины с религиозными сюжетами. Они, как и прежде, иногда образовывали полиптихи, но уже многочастные, набираемые на одной плоскости, из пластин одного размера и объединенные общей тематикой. Эмали Новой школы не столь красочны как их предшественники, при их создании значительное внимание уделялось другим живописным приемам, иногда даже переходящим на уровень пластики, но наибольшее сближение они демонстрируют с искусством графики. Линейный рисунок тиражных лиможских композиций XVI в. отличался свободой и силой, хотя редко бывал оригинальным.

В самом начале XVIII в. производство прекратилось, секреты утратились. Но вскоре энтузиастами стали предприниматься отдельные попытки возобновить эту традиционную технику, главным образом, чтобы реставрировать старинные чтимые образцы или же восстановить утраченные; потребность в такой работе актуализировалась после антиклирических действий в годы Великой Французской революции 1789—1799 гг. А с 1840-х гг., на волне повсеместного увлечения историческими стилями, техника

этаих *reints* стала довольно успешно воспроизводиться не только в Лиможе, но и в других европейских художественных центрах. Эпигоны стремились, главным образом, достигнуть внешнего сходства, прибегая для этого совсем к иным техническим приемам и используя современные материалы³. В XIX в. к иконографическому наследию ренессансных эмалей обращались и эмальеры. Среди них были и талантливые художники с прекрасной профессиональной подготовкой, но их произведения обычно не отличаются былой живостью линий и свободой приемов колористического решения, при всей ограниченности палитры ренессансных эмалей.

Уникальное художественное явление — лиможская живописная эмаль — издавна стала привлекательным объектом коллекционирования, а со второй половины XIX в. и предметом серьезных исследований. По условному делению, предложенному заявившим о себе в публикации как о помощнике хранителя (*conservateur-adjoint*) музея Лувра, Ж.-Ж. Марке де Вассело, ориентировавшегося, главным образом, на наиболее характерные образцы этого эталонного собрания, определились 6 «мастерских» Старой школы⁴. На эту работу в большинстве случаев опирается атрибуция памятников ренессансной лиможской эмали и в современной музейной практике⁵.

В собрании Исторического музея хранится небольшая (около двух десятков памятников) коллекция живописной лиможской эмали. В 1993 г. был опубликован ее обзор, внимание в котором было уделено главным образом типологии памятников и их систематизации⁶. Но эта коллекция представляет несомненный интерес и своим иконографическим репертуаром.

Эмалевые воспроизведения графических и иных образцов в истории искусства принято считать не копиями, а самостоятельными произведениями. Некоторые памятники из коллекции ГИМ особенно интересны в этом отношении, поскольку предлагают разные подходы к использованию различных иконографических образцов лиможскими эмальерами XVI в.

Самый впечатляющий памятник из собрания Исторического музея — триптих «Явление Христа Марии Магдалине» (ГИМ 73503 ЭМ 1331 ГК 24906941). Три пластины заключены в складные деревянные рамы, что не удивительно, походные алтари были популярной продукцией лиможских эмальеров в конце XV — середине XVI в., да и евангельские сюжеты в то время представляли собой основную тематику их творчества. Технологические приемы, использованные при создании эмалей той поры обнаруживаются

Рис. 1. Складень трехстворчатый — триптих «Явление Христа Марии Магдалине» («Не трожь меня!»). Франция, Лимож. Начало XVI в. По Ж.-Ж. Марке де Вассело: мастерская Нордона Пенико. 1470-е — 1562 гг. Медь, живописная эмаль, дерево, железо; резьба, слесарная работа

и в этом памятнике из коллекции ГИМ: пластины красной меди покрыты прозрачной и глухой эмалью восемью визуальными определяемыми цветами (личное создано приемом наложения и снятия былых и красных тонов); основной фон — черный; контрэмаль полупрозрачная черная, хрупкая; в оформлении средней пластины включены «кабошоны» с подложками (почти правильными квадратами) из тонкой фольги, по фону нанесена золотая штриховка, периметр подчеркнут золотым контуром (рис. 1).

Сюжет этого триптиха — один из самых ранних в христианском искусстве. Он создан на основе слов Евангелия от Иоанна, описывающих драматический момент явления Христа Марии Магдалине, пришедшей с женами-мироносицами омыть Его тело, но не нашедшей Его. Однако Спаситель явился ей тут в образе садовника, но Мария не узнала Его. Когда же узнавание произошло, Мария в радости протянула к Спасителю руки, но Он ей сказал: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). В латинской традиции сюжет принято называть по первым словам этой части священного писания: «*Noli me tangere*» («Не прикасайся ко Мне!») или «Не трожь Меня!»). Этот сюжет имеет глубокое и сложное теологическое и мистическое значение.

Триптих образован центральной квадратной пластиной с фигурами Спасителя и Марии Маргариты и двумя вертикально ориентированными пластинами прямоугольными, по размеру примерно в половину центральной, на которых изображены две предстоящих святых жены.

Фигура Христа представлена так, как было принято в композициях «Воскресения» и «Вознесения» у множества художников конца второй половины XV — третьей четверти XVI в., от Ганса Мемлинга (1480) до Лукаса Кранаха Младшего (ок. 1575), включая Рафаэля (1501—1502) и Перуджини (после 1500). Она полуобнажена, закутана в пышный алый плащ и увенчана нимбом в форме круга, изображенного в проекции. Христос опирается на длинное древко креста, обвитого пеленой-стягом.

А вот фигура коленопреклоненной, с протянутыми к Спасителю руками Марии Магдалины представлена в довольно редком образе — знатной дамы, одетой по бургундской моде XV в. В ту эпоху художники нередко изображали святых персонажей в модных и пышных современных одеждах. Костюм по средневековой традиции обозначал их статус. Очевидно, что для этого женского образа лиможским художникам потребовался детально проработанный образец, и они почерпнули его на картине Якоба Корнелиса ван Оостзанена «Христос-Садовник» (1507), или же на графической ее копии. При этом нарядные одежды Магдалины в этой конкретной композиции обретают и новые смысловые значения, актуальные для эпохи Возрождения.

Эмальеры сумели усилить драматизм ситуации, намеренно подчеркнув антагонизм двух центральных фигур, участвующих в драматической сцене, и придать глубокое значение деталям. Не-

разрешимое напряжение подчеркнуто и позами главных фигур, и их одеянием, и целым комплексом деталей композиции.

Меж протянутых рук Марии помещено зеленеющее деревце в прямоугольном сосуде (для чего потребовалось даже нарушить перспективу композиционного построения). Эта, на первый взгляд, флористическая пейзажная деталь является традиционной символической группой, обозначающей мистическую купель, победу жизни над смертью и Воскресение Христа, присутствующая в устоявшейся иконографии «Явления...», но не встречаемая другими художниками в композицию своих картин столь нарочито. Еще один обычный элемент в иллюстрации сюжета — ограда сада (в русском варианте «Явление...» иногда имеет пояснение — «в вертограде»). Но на эмалевой пластине она заметно отличается от большинства подобных изображений. И это вовсе не привычная для глаза именно лиможского автора деталь ландшафта. Более всего плетеная ограда напоминает элемент ирригационного сооружения. Именно такую трактовку дают исследователи схожему с воспроизведенной на эмали части дамбы в композиции Андреа Монтеньи «Поклонение пастухов» (после 1450 г. Музей Метрополитен, Нью-Йорк)⁷. Образ дамбы в контексте сюжета «Явления...» несомненно усиливает тему ограничения, неодолимой до поры преграды... Так и пустые и, одновременно, наполненные символом обещанного Воскресения, руки Марии Магдалины указывают на тот же сложный программный тезис.

Фигуры святых жен на пластинках боковых створ триптиха симметрично фланкируют центральную композицию, так было принято размещать изображения ктиторов (по сторонам от их голов оставлены свободные резервы для имен или вкладных надписей). Хотя они и в монашеских одеждах, но прихотливые драпировки платьев и мантий указывают на богатство ткани и сложность кроя. Помещены фигуры в пышных интерьерах с арочными проемами и узорными каменными полами. Обе жены изображены в рост и увенчаны полукруглыми нимбами, одна из них держит в руках сосуд, другая — губку.

Губка и сосуд с благовониями — это канонические атрибуты женоносиц. Подобный же сосуд стоит у колен Марии Магдалины. Оба сосуда имеют весьма характерную форму, отличную от традиционных небольших коробочек, воспроизводимых в большинстве таких композиций. Очень похожий сосуд можно видеть рядом с фигурой св. Елигиуса Злотника (Питер Христус. 1449 г. Музей Метрополитен. Нью-Йорк), помещенный на полке среди драгоценностей в мастерской ювелира. Здесь сосуд изображен до-

вольно точно — это так называемая аптекарская банка, вошедшая в обиход в качестве редкостной и дорогой посуды как раз ко времени написания картины. Даже металлическая крышка с характерным ложчатым орнаментом и на лиможской эмали, и на полке среди драгоценностей на картине Питера Христуса весьма схожи. Сосуд той же формы изображен и на другой картине с изображением того же святого Никлаусом Мануэлем (Дойч) (1515 г. Художественный музей Берна), где оба святых покровителя изображены в привычной для современников обстановке за своими художественными занятиями. Думается, что и ювелиры Лиможа были непосредственно знакомы с подобными предметами и не нуждались в графических или живописных образцах для их воспроизведений. Но возможно и непосредственное влияние изображения святого Елигиуса на лиможскую композицию. Он почитался покровителем ювелиров и чеканщиков (а до 1541 г. лиможские эмальеры входили именно в этот цех), да и по апокрифическим сведениям родом был из-под Лиможа. При этом прославился святой как просветитель Фландрии (потому, вероятно, его образ заинтересовал Питера Христуса, ведущего художника раннего фламандского Возрождения).

Триптих из собрания ГИМ отличается одним уникальным признаком: в правом нижнем углу центральной пластины золотой штриховкой нанесены две литеры «АО», воспроизведенные в угловатой графике, так что «О» выглядит как вытянутый вертикально прямоугольник (что может допускать и другую расшифровку второй литеры — как «Д», например). Поскольку именно в этом месте нередко автор художественного произведения помещал автограф, иногда в форме монограммы, можно было бы и эти две буквы трактовать подобным образом, но никаких предложений сделать не удастся. Вероятнее другое прочтение этих литер, исполненных золотом и помещенных под фигурой Спасителя, как греческих «альфы» и «омеги» (первой и последней букв алфавита). Таким приемом именован Бог в Книге Откровения Иоанна Богослова: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. Первый и Последний» (Откр. 22:13).

Известны по крайней мере еще два триптиха лиможской эмали, воспроизводящих ту же композицию. Один из них хранится в Национальном музее Барджелло (Флоренция), другой в московском частном собрании⁸, и по условному делению, предложенному Ж.-Ж. Марке де Вассело, оба должны быть отнесены к продукции Нордона (Леонардо) Пенико (1470-х — 1562 гг.). Это же касается, вероятно, и складня из коллекции ГИМ.

Композиция эмалевого триптиха «Явление Христа Марии Магдалине» («Не трожь Меня!») — сложная многоуровневая иконографическая компиляция, автор которой творчески соединил элементы, почерпнутые из разных источников. Часть из них, возможно, восходит к его личным художественным впечатлениям от непосредственного знакомства с творчеством современников и недавних предшественников, другая же, несомненно, стала известна ему в гравированном тиражированном воспроизведении.

Одним из самых популярных художником в первой половине XVI в. стал Альбрехт Дюрер (1471—1528), гравюры которого не только бесконечно тиражировались, но и вдохновляли современников (да и позднейших последователей) на прямые заимствования, а также стимулировали их собственное творчество. Композиция лиможского триптиха, кажется, избежала этого влияния напрямую — большинство ее иконографических источников относятся к более ранним образцам. Но обнаруживается любопытная связь: среди несохранившихся работ Дюрера были и витражи для монастыря св. Елигиуса, так что опосредовано, через общеевропейские культурные контакты и благодаря сложившейся общей художественной среде, композиция «Явление Христа Марии Магдалине» оказалась не чужда влиянию гениального нюрнбержца. Два других памятника лиможской эмали из собрания ГИМ уже непосредственно обязаны своим появлением его творчеству.

Один из них — пластина «Благовещение» (ГИМ 53031 ЭМ 2580 ГК 24906959) — определенно восходит к одноименной гравюре Дюрера, который почти одновременно в 1511 г. представил два варианта этого сюжета: на листе 7 в серии «Жизнь Марии» и на листе 3 в серии «Малые Страсти». Второй вариант явил композицию более простую, повествовательную: «Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк. 1:28). Святая Дева коленапреклонена перед книгой, руки ее сложены молитвенно, голова вполоборота к Вестнику, а над ее головой парит Св. Дух в образе голубя, на которого изливаются лучи от фигуры Саваофа в небесах. Архангел Гавриил полупреклонил колени перед Девой и подчеркивает несомую им благовест указующим и, одновременно, благословляющим жестом правой руки. Перед Девой Марией помещен вазон с готовой расцвести лилией, а за спиной — кровать с балдахином, в верхней части которого Альбрехт Дюрер поместил свою монограмму (рис. 2).

Очевидно, что именно эта гравюра послужила иконографическим образцом для эмали. Так же очевидны и некоторые измене-

Рис. 2. Пластина «Благовещение». Франция, Лимож. XVI в. По Ж.-Ж. Марке де Вассело: мастерские Нордона I Пенико или Жана I Пенико. 1519—1540-е гг. По гравюре А. Дюрера («Малые Страсти». Л. 3). Медь, живописная эмаль

ния, внесенные в Лиможе. На пластине отсутствуют изображение голубя и традиционного символа Богоматери — цветка лилии; конечно, нет и знаменитой монограммы «АД». Точный и уверенный рисунок эмалиера уступает, однако, виртуозной гравюре великого мастера. Есть и досадная оплошность: эмалиеру оказался непо-

нятым жест левой руки Архангела, придерживающего полог; его рука тут сложена в кулак, оказавшийся в геометрическом центре композиции, что не может не вызывать недоумения.

По уже упомянутому условному делению произведений Старой школы, данная пластина может быть отнесена к произведениям мастерских Нордона I Пенико или Жана I Пенико, созданному в 1519—1540-е гг.

Еще одна пластина из коллекции Исторического музея (ГИМ 71395 ЭМ 61 ГК 24908570) посвящена теме страданий Спасителя — одной из самых волнующих в мировом искусстве. Страдания Христа или, традиционно, страсти, включают последовательные события пятницы. Последний день Его земной жизни был наполнен событиями знаковыми, которые принято разделять на несколько сюжетов. Каждый из них нашел отражение в искусстве и получил устойчивые композиционные решения, соответствующие описаниям евангелистов (рис. 3).

Поздним утром, в стенах Иерусалима, во дворце: «Надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27:28—29). Увидев Христа в пурпурной мантии и венце, Пилат произносит: «Се человек». Затем евангелисты описывают путь Христа на Голгофу, за пределы города. Там «воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нём жребий, чей будет» (Ин. 19:23—24). Описанное событие происходило уже поздно вечером и далеко от дворца.

На пластине из собрания ГИМ представлена редкая композиция, объединившая разные драматические моменты этого дня. В центре помещена фигура Спасителя, сидящего в багрянице и терновом венце, босым, со сложенными крест-накрест на коленях руками. Архитектурные элементы обрамляют сцену, а позади Спасителя образуют крестообразную композицию. По бокам сидящей фигуры два коленапреклоненных персонажа энергично обращаются к Христу, один из них явно нападает на Него, а другой указывает на Него пальцами. Выше этих фигур две другие, похоже, спорят, агрессивно размахивая руками и следя глазами за высоко подброшенной монетой. Разные эпизоды Страстной пятницы в предложенной трактовке, объединившись, являют разные моменты поругания (осмеяния) Христа и отрицания его божественной сущности, дополненное корыстностью простецов,

Рис. 3. Пластина «Осмеяние Христа и венчание терновым венцом» (икона «Страсти Христовы»). Франция, Лимож. XVI в. По Ж.-Ж. Марке де Вассело: мастерские Нордона I Пенико или Жана I Пенико. 1519—1540-е гг. Медь, живописная эмаль, дерево; резьба

не способных воспринять величие Спасителя, но заинтересованных скудным земным богатством — Его одеждой.

Страстному пути Спасителя посвящены несколько циклов гравюр и отдельные картины, созданные Альбрехтом Дюрером. Каждый из вариантов посвящен автором лишь одному моменту, как это в целом принято и в западной, и в восточной традиции христианского искусства. Прямых композиционных аналогов эмалевой пластины из коллекции ГИМ среди них обнаружить не удалось. Однако нельзя не заметить несколько близких черт между их отдельными иконографическими элементами. Во-первых, фигура самого сидящего Спасителя, хотя воспроизведенная в другом ракурсе, походит на ту, что Дюрер поместил в сцене «Коронования терновым венцом» (1512). Подобным образом трактована и фигура, помещенная им в композиции «Несении креста», как в варианте цикла (1498—1499) Большие страсти (лист 6), так и в более поздних вариантах. В некоторых композициях гравюр и картин Дюрера на тему страстей можно увидеть и сходство в характерных позах (реже — в портретном сходстве и костюмах) фигур стражников. Сохранен эмальером и общий ритм сцен Поругания и Бичевания, созданный Дюрером.

И хотя композиция лиможской эмали не стала буквальным воплощением ни одной из этих работ, однако они не остались непричастными к ее созданию. Можно отметить связи опосредованные. Одним из современников Дюрера, его преданным последователем, даже именуемым земляками тем же именем, был Джироламо ди Романо (Риманино) (1484 — ок. 1560). Первой крупной работой итальянца стали четыре сцены с изображением Страстей Христовых в кафедральном соборе Кремоны (1517—1519). К той же теме он вернулся позже — при написании фрески (1533—1534) в церкви Санта Мария дела Нева в Пизонье (Бергамо). В обоих случаях кремонца вдохновлялся гравюрами своего кумира, даже использовал отдельные элементы композиции. На эмалях же эти детали обнаруживаются уже с учетом итальянской версии. Так, фигура Спасителя эмали позой, одеянием (включая колорит) и общим настроением схожа с фигурой на ранней фреске Риманино, но изображена как бы зеркально. Живописец изменил ракурс почти профильной в оригинале фигуры, эмальер продолжил тенденцию — в итоге композиция приняла фронтальную ориентировку.

В отличие от «Благовещения» эта пластина, как и «Явление Христа Марии Магдалине» содержит внутренний диссонанс, проявленный не только в нарочитом искажении последовательности

событий и совмещения разных мест действия, но и очевидным противопоставлением фигуры поруганного смиренного Христа экспрессивным движениям второстепенных фигур. Хаос линий тел этих фигур на эмалевой пластине, как и ее архитектурный фон, неожиданно обретают монументальное спокойствие уравновешенного равноконечного креста.

Такая композиция была бы уместна в первой половине XVII в., когда классические требования единства времени, места и действия допускали определенную условность в их обозначении⁹. Известные евангельские сюжеты редко претерпевали трансформации издавна сложившихся канонов. При создании композиции этой пластины эмальер, похоже, уже ориентировался на новые художественные влияния классицизма, но иконографические образцы черпал в произведениях ренессансных.

Пластина «Страстей» из собрания ГИМ по уже упомянутой традиции может быть отнесена к произведениям тех же мастеров, что и «Благовещение», но создана в последний период их существования.

«Страсти» обладают скромным деревянным обрамлением и, вероятно, эта эмаль бытовала какое-то время как отдельная картина с религиозным сюжетом. Но следует обратить внимание, что обе пластины имеют стилистическое сходство и равный формат. И они близки к пластинам, образующим наборные полиптихи из отдельных «картинок», в большинстве своем посвященным той же теме «Страстей». Их принято называть алтарями. Один из них, состоящий из 12 пластин, хранится в коллекции Музея прикладного искусства во Франкфурте-на-Майне¹⁰. Известны эмалевые многочастные алтари и более крупные. Некоторые из них обладают оригинальным обрамлением: таков алтарь из 24 пластин в роскошной ренессансной золоченой раме¹¹. И если обычно в таких полиптихах композиция «Благовещения» в целом соответствует той пластине, что хранится в ГИМ, то аналога «Страстям» обнаружить не удалось (ближайший — пластина в полиптихе из музея прикладного искусства во Франкфурте-на-Майне, датированная первой третью XVI в.¹²; похожи лики Спасителя, Его поза и голова стражника справа). Этот сюжет представлен обычно в более канонических отдельных вариантах «Коронования», «Бичевания» и «Поругания», напрямую восходящих к известным дюреровским гравюрам.

Вероятно, обе пластины из коллекции ГИМ первоначально предназначались для подобного алтаря-полиптиха (не обязательно одного и того же). Популярность подобного формата также

восходит к наследию Дюрера, который был одним из создателей грандиозного памятника, составленного из 194 блоков, образованных гравированными пластинами с отдельным сюжетом на каждой — знаменитой «Арки Максимилиана» (1514). Это произведение сконцентрировало в себе ранние тенденции и вызвало к жизни множество подражаний, хотя и не столь грандиозных. Эмалевые наборные «алтари» — из их числа.

Три произведения лиможских эмальеров, ныне хранящиеся в Историческом музее, иконография которых восходит к традиционным евангельским сюжетам, представляют собой компилятивные композиции различных авторов — как современников, так и недавних предшественников. Отбор элементов этих компиляций производился эмальерами с пониманием символики выбранных традиционных сюжетов и задуманной оригинальной трактовки. Каждая из этих трех пластин знаменует важные периоды истории лиможских эмалей: первая относится к более раннему периоду и несет в себе влияние предшествующего стиля, дополненного заимствованиями из опыта североευропейских мастеров, адаптированных к местным реалиям; вторая наименее удалена от иконографического образца, почерпнутого в творчестве ведущего автора интенсивно тиражированных художественных произведений; третья же относится к позднему периоду разработки традиционных сюжетов, соединяя комбинаторно элементы популярных устойчивых композиций в формате, который соответствовал запросам наступающего нового времени.

Иконография лиможской эмали демонстрирует принадлежность к образцам актуального искусства, оперативно включавшегося в современный художественный процесс той эпохи. Подход мастеров этого центра к освоению и трансформации художественных достижений соединял следование традиционной трактовке идеологических программ предшественников с новаторскими модификациями, превносимыми ведущими художниками эпохи. Вариации в эмалевую композицию вносились и местными мастерами, и привлеченными художниками. Некоторые сюжеты воспроизводились лишь единожды, другие же оставались в ассортименте продукции мастерских надолго, что еще более множило вариативность воспроизведения иконографических образцов. Эмали из собрания ГИМ обозначают интересную линию в составлении оригинальной иконографической библиотеки в арсенале лиможских мастеров.

- ¹ В русском языке существует некоторая невнятность терминологии этой области искусства, поскольку французское «reints» (расписанные, раскрашенные) иногда переводят как «расписные». Но расписная эмаль — художественная техника, при которой по обожженной эмали (как по грунту) наносится изображение (роспись) легкоплавкими эмалями как красками. Манера росписи может быть и откровенно графической, и близкой к живописи (портретная миниатюра в пуансонной технике) — но технически такая эмаль остается расписной. Скол расписной эмали представляет собой кусок монолитного и монокромного стекла (обычно белого) с незначительными вкраплениями по поверхности остатков более легкоплавких цветных эмалей. А émaux reints — термин, возникший задолго до появления вышеописанных техник и закрепленный за лиможскими ренессансными эмалями — подразумевает художественную технику, при которой эмаль используется как живописный материал, как краски: слои цветной эмали наносятся один на другой, каждый раз подвергаясь обжигу. Скол живописной эмали имеет сложную стратиграфию, образованную неоднократно нанесенными слоями разной толщины; в качестве грунта для прозрачных эмалей используется при этом эмаль глухая. Также живописная эмаль иногда называют «художественной», что предполагает странное узурпирование ею единственной качества, присущего всем эмальерным техникам как разновидностям художественной обработки металла и стекла.
- ² Основная литература на русском языке, содержащая исторический очерк и базовые сведения по технологии производства: *Кубе А.Н.* Лиможские эмали. Л., 1927; *Кубе А.Н.* Французские расписные эмали XV—XVI вв. Л.; М., 1937; *Доброклонская О.Д.* Лиможские расписные эмали XV и XVI вв: Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1969; западноевропейское декоративное искусство IX—XVI вв. из собрания Лувра и Кюни: Каталог. М., 1981; Лиможские эмали из собрания муниципального музея епископства в Лиможе. Огневое искусство XX века. Каталог выставки 2003—2004 гг. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2003; *Panne T.B., Булкина Л.С.* Лиможские расписные эмали в собрании Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж. 2005.
- ³ *Григоревич Д.В.* Художественные образы в приложении к промышленности на Всемирной Парижской выставке 1867 года. ПСС. СПб., 1896. Т. II. С. 352—359; *Нотен В.* Возрождение эмальерного искусства в XIX в. // Лиможские эмали из собрания муниципального музея епископства в Лиможе. Огневое искусство XX века. Каталог выставки 2003—2004 гг. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2003. С. 14—15.
- ⁴ *Marquet de Vasselot J.J.* Les émaux limousins de la fin du XV s. Et de la première partie du XVI s. Etude sur Nardon Penicaud et ses contemporains, Paris, 1921.
- ⁵ *Baratte S.* Les émaux peints de Limoges: Musée du Louvre — Département des Objets d'art. Catalogue. Paris, Réunion des musées nationaux, 2000.
- ⁶ *Молчанова О.В.* Живописная эмаль из Франции. // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения 1993. М., 1995. С. 389—399.
- ⁷ «Поклонение пастухов», вероятно, было написано по заказу маркграфа Феррары Борсо д'Эсте. Искусствовед Кит Кристиансен счи-

тает, что на Борсо в качестве заказчика указывает изображенная на картине изгородь с висящим на ней кабачком, напоминающая плетеную дамбу: маркграф активно осушал болота, окружавшие Феррару, и такие дамбы были одной из его эмблем (например, такую же дамбу мы видим в Библии, созданной специально для Борсо)». См.: https://arzamas.academy/mag/673-mantegna?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2F (обращение 30.10.2020).

- ⁸ Автору довелось в 2018 г. делать экспертное заключение на этот памятник.
- ⁹ Сформулировано в 1657 г. аббатом д^н Обиньяком (Франсуа Эдленом, литератором и теоретиком).
- ¹⁰ Полиптих из 12 пластин по гравюрам А. Дюрера «Малые Страсти». Пластина «Бичевание» (первое во втором ряду сверху) имеет очевидные различия с пластиной из ГИМ: Inv. № WMH 2 // Museum für Kunsthandwerk Frankfurt am Main. Aus den Sammlungen // Auswahlkatalog. 1987. № 1. S. 28–29.
- ¹¹ Муниципальный музей Епископства в Лиможе, музей эмали. Inv.: 81.376. (публикация: Email Limousin. Limoges, 1996. P. 68).
- ¹² Inv. № WMH 2 // Museum für Kunsthandwerk Frankfurt am Main. Aus den Sammlungen // Auswahlkatalog. 1987. № 1. S. 28–29.

О.Е. Кузьменко

Ковер
«Отступление Наполеона из Москвы»
фабрики мебельных материй
братьев Балакиных в Москве
из собрания Исторического музея

Целью данного исследования является введение в научный оборот ковра, хранящегося в отделе тканей и костюма ГИМ, изучение истории фабрики мебельных материй братьев Балакиных, а также изыскание сведений, не вошедших в музейное описание ковра.

В инвентарной книге дано следующее описание изделия: «Ковер в технике аппликация, сюжетный „Отступление Наполеона из Москвы“. Выполнен по эскизу художника В. Поздеева к Юбилею Отечественной войны 1812 года на фабрике мебельных материй братьев Балакиных в Москве. Сшит из разных кусочков декоративной дерюжки, соединенных швом сутаж. Россия 1912 г.». Его размер 337,0×238,0 см.

23 сентября 1883 г. в канцелярию Московского генерал-губернатора поступило прошение от крестьянина с. Черкизово Ростокинской вол. Московской губ. Григория Варнавина Балакина, живущего в Москве, Пятницкой части 2-го участка, в доме № 45 Горяевой, о желании открыть ткацкую фабрику модных материй¹. 8 декабря 1883 г. московскому обер-полицейстеру из Управления московского генерал-губернатора было отправлено письмо о разрешении крестьянину Григорию Балакину открыть по месту проживания ткацкую фабрику и прошение выдать Балакину надлежащее свидетельство. В свидетельстве сказано, что на фабрике находятся 60 машин Жаккарда и 6 мотальных, рабочих требуется до 70 человек, в том числе 12 подростков².

Фабрика размещалась в трехэтажном каменном здании. На первом этаже находились спальни на 15 человек, рисовальня, столовая, мотальная, контора, кухня и квартира. На втором и третьем этажах — ткацкие мастерские. Машины приводились в движение руками³.

За десять лет работы фабрика добилась значительных успехов. На Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго (1893) предприя-

тие Григория Балакина получило бронзовую медаль и почетный диплом за шерстяные материи. В отчете генерального комиссара русского отдела чикагской выставки отмечено: «Большое впечатление производили и привлекали многочисленную публику изделия наших известных образцовых фирм: Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, Шуйской мануфактуры, Ярцевской мануфактуры Хлудова, Коншина, Саввы, Викулы и Давида Морозовых, А. Барановых, Столякова, Павлова, Гейнцеля, Нарвской суконной мануфактуры, Балакина (мебельные материи) и других»⁴.

Фабрика Григория Балакина на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде (1896) за изделия шелковые и полуселковые с примесью металлической нити получила серебряную медаль⁵.

В 1897 г. московским губернаторством было одобрено новое ходатайство купца Григория Балакина о разрешении работать в увеличенном размере ручной ткацкой фабрике в доме Лыжина, 2-го участка Пятницкой части. В двух каменных трехэтажных корпусах размещались фабричное производство и спальни рабочих, в двух деревянных одноэтажных зданиях — кухни рабочих и приемный покой. Имелись 100 ручных ткацких станков, 5 сновален, 1 крутильная машина, 1 ручная мотальная машина. На фабрике планировалось разместить до 170 человек рабочих⁶.

На Всемирной выставке в Париже (1900) фабрика получила бронзовую медаль за ковры, ковровые и другие мебельные ткани⁷. После 1900 г. встречается несколько вариантов названия производства: братья Балакины, Москва (в «Иллюстрированном вестнике культуры за 1900—1901 гг.»), Балакин Григорий Варнавович, кр.[естьянин] торг.[ующий] под фирмой «Бр. Балакины» (в справочных книгах о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства с 1910 по 1916 гг.), «Фабриканты материй для мебели Бр. Балакины» (в каталоге выпускаемых товаров). Документы, подтверждающие точное название, пока найти не удалось.

Фабрика работала так стабильно и успешно, что в 1895 г. открыла розничный магазин в Москве на Ильинке, а в 1899 г. — в Петербурге на Екатерининском канале. В рекламном буклете-каталоге выпускаемых товаров отмечалось: «Благодаря долголетнему опыту и постоянным сношениям с центрами западной промышленности, Берлином, Парижем, Веною и Лондоном, мы оборудовали нашу фабрику всеми новейшими средствами в техническом и художественном отношениях, а нашим фабричным магазинам составили такой колоссальный и разнообразный выбор товара

во всех сортах и на всевозможные цены, что вполне можем удовлетворить самому изысканному вкусу и в то же время представить интересный выбор на недорогую цену для скромной обстановки»⁸. Каталог представлял широкий ассортимент товаров: материи для мебели, портьеры, тюль, шторы, бахрома, галун для портьер, ковры, скатерти, гобелены. Предлагаемые ткани носили названия: «в стиле Ренессанса», «в стиле Людовика XVI», «в стиле ампир»; чрезвычайно распространен был орнамент в стиле модерн.

С 1884 по 1898 г. Григорий Варнавович Балакин получал купеческое свидетельство купца второй гильдии⁹. После изменения в системе налогообложения и введения государственного промыслового налога в 1898 г., гильдейское свидетельство получали в добровольном порядке, уплатив особый сбор, но никаких коммерческих прав звание купца первой и второй гильдии не давало. С 1899 по 1916 г. Григорий Варнавович Балакин не получал гильдейское свидетельство, а имел промысловое свидетельство на торговлю и промышленные предприятия¹⁰.

В отчетах, составленных для начисления промыслового налога в 1905—1908 гг., можно проследить количество выпускаемой продукции, оборот и чистую прибыль магазинов в Москве и Санкт-Петербурге. Так, в 1905/1906 г. фабрика выпустила 2099 кусков (195 396 аршин), в 1906/1907 г. — 1658 кусков (172 030 аршин), в 1907/1908 г. — 2611 кусков (232 769 аршин). Выручка магазинов за 1905/1906 г. составила 266 675 руб. 89 коп., чистая прибыль за год — 27 836 руб. Выручка магазинов за 1906/1907 г. составила 325 409 руб. 49 коп., чистая прибыль — 33 001 руб. 15 коп. Выручка магазинов за 1907/1908 г. составила 275 259 руб. 93 коп., чистая прибыль — 30 752 руб. 95 коп.¹¹ Показатели указывают на стабильную и эффективную деятельность мануфактурного производства.

В архиве хранятся расчетные книги служащих фабрики Г.В. Балакина с 1904 по 1917 г. Из них можно узнать фамилии управляющего фабрикой, рисовальщиков, ткацких мастеров и других служащих. Управляющим фабрикой числился Илья Фролович Фролов (1904—1912), рисовальным мастером — Михаил Михайлович Иванов (1904—1912). Рисовальщиками на фабрике работали: Степан Михайлов Голубев (1904—1909), Сергей Акимов Воробьев (1904—1906), Петр Донатов Лихачев (1904—1912), Михаил Дмитриев Шишкин (1904—1909) и др.¹² В расчетных книгах с 1914 г. отсутствуют наименования должностей. На первой странице числится Василий Федотович Конюшков, возможно, занимавший должность управляющего фабрикой после И.Ф. Фролова. В октябре 1916 г. всем служащим и рабочим выдали пособие «в виду дороговизны».

Ковер «Отступление Наполеона из Москвы». Фабрика мебельных материй братьев Балакиных, Москва. 1912 г. Инв. № Г-986 ГИМ 68257/24180

После 1917 г. «Фабрика мебельных материй бр. Балакиных» была национализирована и переименована в «Декоративткань». С 1923 по 1930 г. входила в трест объединенных рукавно-ременных ткацких фабрик «Техноткань»¹³.

История создания ковра и то, как он очутился в Историческом музее прослеживается достаточно четко. В 1907 г. был учрежден Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года. Его заседания проходили в Кремле, в Потешном дворце. В России и за границей Комитет собирал вещи и документы, связанные с военными действиями и героями Отечественной войны 1812 года. В сентябре 1912 г. в залах Исторического музея была открыта выставка материалов, собранных Особым комитетом. В одном из залов были показаны экспонаты, созданные различными российскими предприятиями к юбилею.

За год до открытия выставки Комитет разослал в периодические издания просьбу: «Комитет обращается ко всем издателям и лицам, что-либо предпринимаящим, с покорнейшей просьбой о присылке в Музей 1812 года (Москва, Кремль, Потешный Дворец) в двух экземплярах каждого рода произведения, посвященного столетнему юбилею Отечественной войны и походов 1813—15 гг.»¹⁴. На эту просьбу откликнулись многие предприятия, в том числе фабрика материй для мебели бр. Балакиных. В отделе пись-

менных источников ГИМ хранится документ — Фактура № 1839 от 23.08.1912 г. от Григория Балакина, адресованная Юбилейному отделу Исторической выставки в память Отечественной войны 1812 года. В фактуре значится: «При сем препровождается Вам на выставку одна картина-гобелен исполненная на нашей фабрике, каковая может оставаться в распоряжении выставки до 1-го января 1913 года»¹⁵. Хотя в каталоге выставки в музее уже написано, что ковер «передан в дар».

В журнале «Всемирная иллюстрация» № 33 от 19.08.1912 г. был напечатан эскиз картины-гобелена «Отступление Наполеона I из Москвы в 1812 году» с комментарием: «Картина эта, выработанная фабрикою материй для мебели бр. Балакиных, в Москве, в память Отечественной войны, представляет из себя очень интересный уникум. Сделана она из разноцветных кусочков декоративной дерюжки, наложенных один на другой и соединенных швом „сутаж“. Отойдя на некоторое расстояние от картины, вы не можете ее признать иначе, как написанную „темперой“: до того сильна иллюзия красок и гармония тонов, а глубина бархатистости их поразительна. Картина предназначена для какого-то музея, а пока выставлена в магазине, на Ильинке для обозрения посетителями этого грандиознейшего магазина»¹⁶. В правом углу эскиза поставлена подпись художника: В. Позднеев 1912 г.

Похожий текст приводится в каталоге выставки 1812 года в разделе «Юбилейный зал» под № 126: «Картина, выработанная из разноцветных кусочков декоративной дерюжки, наложенных один на другой и соединенных швом сутаж. На картине изображено отступление французской армии по оригинальному рисунку В. Позднеева (1867—1912). Исполнена картина на фабрике мебельных материй Бр. Балакиных в Москве. Дар музею фабрикантов.»¹⁷. Таким образом и стало известно, что ковер «Отступление Наполеона из Москвы» был назван производителем «картина-гобелен» и передан на выставку Григорием Балакиным на временное хранение. Перед тем, как ковер попал в музей, выставлялся в магазине «фабрикантов материй для мебели Бр. Балакиных» в Москве на Ильинке, затем подарен музею 1812 года.

Удалось выяснить, что автор эскиза художник Владимир Иванович Позднеев (1867—1912) учился в Императорской Академии художеств, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Был участником передвижных выставок.

На рисунке по заснеженной дороге, среди деревьев непрерывной лентой тянется отступающие французские войска. На переднем плане занесенное снегом брошенное оружие. В центре ком-

позиции всадник, впереди едет карета. Карета обрезана краем картины. На горизонте видна горящая Москва.

Мастер, выполнивший картину-гобелен в технике аппликации, очень точно воспроизвел эскиз картины. Детали вырезаны из цветной репсовой хлопчатобумажной ткани и нашиты на льняную основу. Контуры фигур и складки выделены швом с суажем при котором тонкая нить обвивает толстую каркасную нить, от чего шов получается выпуклым. Для передачи эффекта мерцания снега и света от пламени пожара добавлены детали из атласной ткани. Лица изображенных, птицы, кора деревьев вышиты тамбурным швом. Сабли, детали головных уборов, полосы на верстовом столбе заполнены швом с суажем, что дает дополнительный декоративный эффект. Все швы выполнены на швейной машине. Нам известен только черно-белый эскиз картины, поэтому неизвестно, насколько точно передана цветовая гамма.

В результате проведенного исследования была изучена история фабрики мебельных материй братьев Балакиных, но выявить имя брата Григория Балакина пока не удалось. Найдены эскиз, по которому выполнен ковер, а также документы и печатные издания, по которым удалось проследить поступление ковра в музей.

¹ ГБУ г. Москвы ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 26. Д. 2025. Л. 3.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Отчет генерального комиссара русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго 1893 г. СПб., 1895. С. 39.

⁵ Иллюстрированный вестник культуры за 1898 г. Правительственные награды, присужденные экспонентам Всероссийской Выставки 1896 г. С. 26.

⁶ ГБУ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 131. Д. 202. Л. 1—3.

⁷ Иллюстрированный вестник культуры за 1900—1901 гг. Награды, присужденные экспонентам России на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. С. 25.

⁸ Рекламный буклет. Фабриканты материй для мебели Бр. Балакины 1900 (?).

⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1884 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М., 1884. С. 74; Справочная книга... 1885... М., 1885. С. 74; Справочная книга... 1886... М., 1886. С. 75; Справочная книга... 1887... М., 1887. С. 75; Справочная книга... 1888... М., 1888. С. 77; Справочная книга... 1889. М., 1889. С. 79; Справочная книга... 1890. М., 1890. С. 73; Справочная книга... 1891... М., 1891. С. 73; Справочная книга... 1892... М., 1892. С. 70; Справочная книга... 1893... М., 1893. С. 69; Справочная книга... 1894... М., 1894. С. 70; Справочная книга... 1895... М., 1895. С. 69; Справочная книга... 1896... М., 1896. С. 70; Справочная книга... 1897... М., 1897. С. 70; Справочная книга... 1898... М., 1898. С. 72.

¹⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1899 год купеческие и промышленные свидетельства в Москве. М., 1899. С. 163; Справочная книга... 1900...

М., 1900. С. 162; Справочная книга... 1901... М., 1901. С. 165; Справочная книга... 1902... М., 1902. С. 159; Справочная книга... 1903... М., 1903. С. 157; Справочная книга... 1904... М., 1904. С. 162; Справочная книга... 1905... М., 1905. С. 146; Справочная книга... 1906... М., 1906. С. 142; Справочная книга... 1907... М., 1907. С. 133; Справочная книга... 1908... М., 1908. С. 117; Справочная книга... 1909... М., 1909. С. 132; Справочная книга... 1910... М., 1910. С. 119; Справочная книга... 1911... М., 1911. С. 120; Справочная книга... 1912... М., 1912. С. 1254; Справочная книга... 1913... М., 1913. С. 125; Справочная книга... 1914... М., 1914. С. 121; Справочная книга... 1915... М., 1915. С. 123; Справочная книга... 1916... М., 1916. С. 114.

¹¹ ГБУ г. Москвы ЦГА г. Москвы. Ф. 1086. Оп. 1. Д. 236.

¹² Там же. Д. 19, 23, 51, 98, 199, 105.

¹³ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1923 год (с приложением плана г. Москвы). С. 318; Вся Москва... 1925... С. 788; Вся Москва... 1926... С. 742; Вся Москва... 1927... С. 636; Вся Москва... 1928... С. 512; Вся Москва... 1930. С. 531.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 50. Л. 59—60.

¹⁵ Там же. Д. 154. Л. 83

¹⁶ Всемирная иллюстрация. 1912. № 33. С. 5.

¹⁷ Выставка 1812 года. Иллюстрированное издание / под ред. Божовского; Высочайше утвержденный Особый комитет по постройке в Москве музея 1812. М., 1913. С. 536.

М.В. Плотникова

Произведения А.Я. Чушкина на юбилейной выставке к 100-летию Отечественной войны 1812 года в Историческом музее

Произведения народного искусства прошлого нередко лишены точной документации об авторстве и времени создания. Сопоставление резной деревянной пластики из коллекции Русского музея с экспонатами и их инвентарными записями в других музейных собраниях позволяет уточнить атрибуцию памятников не только из фондов ГРМ, но, как в данном случае, установить автора композиций из собрания ГИМ — Андрея Яковлевича Чушкина (1882—1933).

13 декабря 1908 г. в газете «Голос Москвы» (№ 289. С. 5) были опубликованы две заметки. Под заголовком «Художественные игрушки» сообщалось, что «с будущего года к участию в работах по руководству кустарями — игрушечниками привлекается известный художник Бертрам. В своем имении г. Бертрам уже имеет небольшую учебную мастерскую, вырабатывающую художественные игрушки этнографического характера». Имя искусствоведа, коллекционера Николая Дмитриевича Бартрама (1873—1931) в заметке искажено и вряд ли было до того известно редакции. В связи с темой юбилейной конференции следует упомянуть, что И.Е. Забелин давно был знаком с его отцом —

Рис. 1. Андрей Яковлевич Чушкин. Кадр из фильма «Приключение Болвашки» (режиссер Юрий Желябужский). Киностудия «Межрабпом-Русь» (1927)

Дмитрием Эрнестовичем Бартрамом, принимавшем участие в работах по строительству Исторического музея в архитектурной группе В.В. Шервуда. Труды И.Е. Забелина и личное знакомство с ним оказали большое влияние на интерес Николая Дмитриевича Бартрама к народным изделиям из дерева².

В той же газетной колонке «Голоса Москвы» читателей информировали о ходе подготовки юбилейной выставки к 100-летию Отечественной войны 1812 года³. Особый комитет по организации Музея 1812 года, образованный в январе 1908 г., регулярно сообщал в прессе о сборе исторических вещей знаменательной эпохи и денежных пожертвований, публиковал сводки состояния дел, дискуссии о месте сооружения музея и о его проектах, отчеты заседаний, имена дарителей⁴. К началу 1909 г. было собрано уже более тысячи экспонатов, при этом вещи в адрес Комитета продолжали поступать. Было решено открыть в здании Императорского Российского исторического музея предварительную выставку, посвященную Отечественной войне 1812 года, в целях привлечения общественного внимания к основному юбилейному проекту.

Промежуточная выставка пожертвованных произведений и документов Отечественной войны 1812 года, показанная в Историческом музее в феврале — апреле 1909 г., совпала с началом официальной работы Н.Д. Бартрама в должности заведующего художественной частью Кустарного музея Московского губернского земства. Новый куратор традиционных промыслов стремился привлечь народных умельцев к участию в крупных всероссийских выставках, созданию значительных экспонатов на основе подобранных им исторических репродукций. Предстоящая выставка к 100 летию Отечественной войны 1812 года, наряду с планировавшейся также очень заранее Всероссийской кустарной выставкой 1913 г., приуроченной к 300-летию дома Романовых, явно заинтересовала Н.Д. Бартрама, прежде всего, возможностью участия резчиков по дереву работами на историческую тему. Николай Дмитриевич лично подготовил эскиз шкатулки «Наполеон на коне»⁵. Это остроумная реплика на парадные портреты французских художников Жака Луи Давида (1748—1825) и Шарля Верне (известный как Карл; 1758—1836).

Проблема была в том, смогут ли кустари, специализировавшиеся, как правило, на производстве одного определенного мотива, взяться за эту работу. Особые надежды Н.Д. Бартрама были связаны с мастерами деревни Богородское (именно так правильно) Александровского уезда Владимирской губернии (с 1922 г. — Московская губерния). Богородские резчики традиционно сотру-

начали с мастерскими Сергиева Посада и Московским Кустарным музеем, они обладали собственными навыками деревянной пластики. Свою неуверенность, примут ли мастера предлагаемые сюжеты, Н.Д. Бартрам описал в статье журнала «Аполлон»⁶. Обстоятельства его встречи с богородскими кустарями в земских мастерских Сергиева Посада и показа привезенных из Москвы иллюстраций дополняются воспоминаниями А.Я. Чушкина⁷. Резчик назвал время показа — февраль 1909 г., то есть вскоре после вступления Н.Д. Бартрама в должность куратора кустарных промыслов.

Именно потомственный богородский мастер Андрей Яковлевич Чушкин, самый молодой и энергичный среди кустарей, владевший навыками традиционной резьбы, был готов творчески воплощать замыслы Н.Д. Бартрама. «Отец мой делал всегда однообразную игрушку: тройку и пару коней, запряженную в карету, а также и я больше ничего не научился, кроме этой игрушки <...> Такая однообразная работа игрушек меня не удовлетворяла», — записал А.Я. Чушкин в своей автобиографии. Он отметил, что с возможностью творить разные небывалые вещи началась для него «самая удовлетворительная работа»⁸. Андрей Яковлевич и создал основной цикл композиций на тему Отечественной войны 1812 года.

В многостраничном иллюстрированном издании, посвященном Выставке 1812 года в Историческом музее под редакцией В.К. Божовского (С. 530. № 37) приведены названия шестнадцати игрушек (две из них — куклы на руку)⁹. В Юбилейном зале, замыкавшем экспозицию, экспонировались дары Кустарного музея Московского губернского земства — 14 деревянных резных работ «кустарей района Троице-Сергиева Посада». Их имена не названы, в то время обычно представлялись лишь фирмы-экспоненты. В списке № 37 упоминается только имя куратора промысла Н.Д. Бартрама.

События Первой мировой войны и революции 1917—1923 гг. помешали тогда созданию нового Музея 1812 года, а его собрание поступило в национализированный Исторический музей. Экспонаты списка № 37, хранящиеся ныне в фондах ГИМ, числятся безымянными, но авторство А.Я. Чушкина подтверждается данными других музеев, имеющих его работы на тему Отечественной войны 1812 года. Об этом свидетельствует и «Список образцов игрушек, сделанных А.Я. Чушкиным в 1909—1931 гг., составленный 27 октября 1932 года»¹⁰.

Под № 5 этого списка Чушкин упоминает скульптуру «Встреча с войны ополченца 1812 года». Данный сюжет обозначен в каталоге В.К. Божовского в списке № 37 «Г» как «Возвращение с войны. Встреча воина с семьей» (ныне — ГИМ Д-III-3777). Это очень

Рис. 2. А.Я. Чушкин. Встреча с войны ополченца 1812 года. Владимирская губ., д. Богородское. Около 1911 г. Дерево; резьба. ГРМ. Инв. № Д-241

свободная интерпретация мотива популярной среди современников картины И.В. Лучанинова «Возвращение ратника в свое семейство» (1815). Надо отметить, что резчик творчески претворил живописный образец сообразно выразительным возможностям деревянной резьбы. Трехфигурная композиция лаконична, мастерство резьбы сочетается с реалистической наблюдательностью. Трехфигурная композиция лаконична, мастерство резьбы в сочетании с реалистической наблюдательностью выражает главное — порыв женщины, бросившейся навстречу вернувшемуся мужу, радость ребенка.

Данная скульптурная группа имела хороший сбыт. Произведение А.Я. Чушкина выставлялось и на Владимирской губернской кустарно-промышленной выставке 1912 г. уже с номером артикула изделия под заказ¹¹, и многократно повторялось мастером до 1925 г.¹² Тема была актуальной и в XX в. «Встреча ополченца» имеется во многих музеях, в том числе две композиции в собрании Русского музея¹³. При этом поступление из коллекции фольклористики Натальи Павловны Колпаковой оставалось безымянным и в документах ГРМ. Датировка произведения «началом XX в.» тоже требует уточнения: не ранее 1909 г. и не позднее 1925 г., в том

Рис. 3. А.Я. Чушкин. Крестьянин защищает Кремль от гвардейцев Наполеона. 1911 г. Владимирская губ., д. Богородское. Дерево; резьба. ГИМ Д-III-3774

числе в альбоме «Богородская игрушка и скульптура XIX—XX веков» М.В. Плотниковой¹⁴. В автобиографической записи Чушкина ощущается гордость за эту удачную работу и подчеркивается единоличное ее выполнение в течение многих лет.

Деревянные игрушки в собрании ГИМ, названия которых совпадают со списком № 37 юбилейного каталога, датированы 1911 г., и это наиболее вероятная обоснованная датировка для всех работ А.Я. Чушкина, выполненных к юбилейной Выставке 1812 года.

При сравнении списка работ 1932 г. А.Я. Чушкина и списка № 37 можно отметить еще девять совпадений. В собрании ГИМ и других музеях имеются произведения (в скобках даны их инвентарные номера):

А. Бюст Наполеона (ГИМ Д-III-4619).

Б. Могила Наполеона (ГИМ Д-III-4620).

В. «Русский народ охраняет Кремль от Наполеона» (ГИМ-ДIII-3774). Варианты названия в музейных собраниях: «Крестьянин защищает Кремль от гвардейцев Наполеона» (ГИМ Д-III-3774); «Защита Кремля». 1912 г. Музей игрушки. Инв. № 23163¹⁵). Сюжет соответствует списку Чушкина: № 8 «Встреча французов под Москвой».

Д. «Наполеон смотрит на Кремль с Воробьёвых гор» (Вариант названия: «Наполеон на Поклонной горе». 1912 г. Музей игрушки. Сергиев Посад. Инв. № 28173¹⁶).

Рис. 4. А.Я. Чушкин. Крестьянин выметает метлой французов из Кремля. 1911 г. Владимирская губ., д. Богородское. Дерево; резьба. ГИМ Д-III-3772

Ж. Композицию «Крестьянин выметает метлой французов из Кремля» (ГИМ Д-III-3772) можно сравнить с № 6 из списка Чушкина: «Типы партизанов 1812 г. Фигурки человеческие».

И. «Русский мужик Вавила Мороз гонит французов в виде зайцев» (ГИМ Д-III-3773). Авторский вариант А.Я. Чушкина в Музее игрушки: «Вавила, прогоняющий французов». 1912 г. (Инв. № 28193¹⁷); что соответствует списку Чушкина: № 9 «Мороз Вавило гонит французов из Москвы».

К. Французские гренадеры. В списке А.Я. Чушкина 1932 г. упоминания о них отсутствуют, но в собрании Исторического музея (ГИМ Д-III-4621—4622) фигуры солдат на отдельных подставках являются частью скульптурной группы, почетным караулом в композиции «Могила Наполеона», что оправдано сюжетом.

Л. Фигура Наполеона (ГИМ Д-III-3778). В списке А.Я. Чушкина № 12 (Вариант названия: «Наполеон». ВМДПНИ. Инв. № МХП 9517¹⁸). Прообразом фигуры явно послужила вторая скульптура, венчавшая Вандомскую колонну, работы Шарля Сёрра, прозванная «Маленький капрал», многократно повторенная в статуэтках XIX в. Оригинал установлен на фасаде Дома инвалидов в Париже в 1863 г. Модель экспонировалась в зале, посвященном императору Наполеону I, на Выставке 1812 года в Историческом музее в Москве.

В собрании ГИМ имеется композиция под названием «Памятник Кутузову на Бородинском поле», на которой помещен почетный караул в виде солдата и крестьянина-ополченца у обелиска с двуглавым орлом (ГИМ Д-III-3776). В каталоге Божовского

(№ 37 З) такая композиция называется просто «Бородинский памятник», и это более точное название, так как А.Я. Чушкин воспроизвел один из памятников ополчению. А памятник М.И. Кутузову имеет другое навершие.

Некоторые хранящиеся в ГИМ резные произведения, экспонировавшиеся на Выставке 1812 года из упомянутых в списке № 37, не перечислены в списке А.Я. Чушкина. И, судя по форме и раскраске, они ближе по характеру сергиевopосадской работе, которую Н.Д. Бартрам, как куратор игрушечных промыслов Московского губернского земства, должен был обязательно представить. Это подвижная плоская игрушка «Битва Наполеона с казаком» (№ 37 П; ГИМ Д-III-3770), а также шкатулка по эскизу Н.Д. Бартрама «Наполеон на коне». (№ 7 О; ГИМ Д-III-3767). Вариант этой шкатулки представлен и в Русском музее.

В собрании ГИМ не встречается резная фигура Александра I на коне богородской работы (№ 37 Е), но имеется деревянная скульптура «Всадник в генеральской форме» (ГИМ Д-III-3779). В довоенном издании книги Н.Н. Соболева «Русская народная резьба по дереву» (1934) подобная композиция указана, как работа А.Я. Чушкина «Генерал 1812 года», собрание Кустарного музея (ныне — ВМДИ)¹⁹. Резное изваяние воспроизводит конный парадный портрет, известный по живописным произведениям и лубкам XIX в. Кустарный музей Московского земства мог приобрести этот образец для своего собрания. Свидетельство современника, директора Кустарного музея Н.Н. Соболева об авторстве А.Я. Чушкина является бесспорным. Не исключено, что отсутствие в перечне работ А.Я. Чушкина 1932 г. сюжетов с участием царя и царского генерала вызвано осторожностью мастера в обстановке массовых репрессий начала 1930-х гг. по обвинениям в монархических симпатиях.

Безупречная репутация А.Я. Чушкина, избравшегося односельчанами за честность и церковным старостой, и председателем колхоза, и председателем ревизионной комиссии промысла, не оставляет сомнений в точности сообщенных им незадолго до кончины сведений как о себе, так и о других резчиках. Народных мастеров обычно поощряли на кустарных выставках. Убедительным свидетельством, что основной цикл резных композиций в дереве на Выставке в память столетия Отечественной войны 1812 года создан А.Я. Чушкиным, является присуждение ему, единственному из богородских резчиков, бронзовой медали на Владимирской ленте именно в Историческом музее на юбилейной выставке²⁰. Военным историкам, членам Особого коми-

тета было известно имя георгиевского кавалера Отечественной войны Ивана Яковлевича Чушкина (1765—1832). Возглавив тысячный партизанский отряд, он сражался с французами у р. Вохны в окрестностях Богородска. Возможно, привлекая к созданию цикла произведений на тему Отечественной войны 1812 года однофамильца героя, Н.Д. Бартрам рассчитывал усилить впечатление от работ резчика ассоциацией с известным именем.

Для осуществления идей Н.Д. Бартрама требовался мастер, владевший навыками традиционной резьбы, обладавший творческой фантазией, пространственным видением плоского листа, готовый к созданию новых в пластике, небывалых на промысле композиций. Таким мастером был А.Я. Чушкин. Его произведения, посвященные Отечественной войне 1812 года, основаны на переосмыслении исторических источников. Это сатирические листы, например, «Крестьянин, выгоняющий французов» — перефразировка известной карикатуры «Русский мужик Вавила Мороз на заячьей охоте». В отличие от статичных фигурных групп, присущих богородской резьбе, композиция А.Я. Чушкина передает стремительное движение крестьянина, с метлой и вилами преследующего врагов, уподобленных зайцам. Аллегория русского Мороза, Джека Фроста в английских сатирических вариантах сюжета бегства Наполеона, заменена здесь народным типажом ополченца, освобождающего Отечество. Очень изобретательно решена его фигура, только одной опорной ногой укрепленная на подставке. При этом пластика скульптуры основана на возможностях материала. В этой лучшей композиции цикла остро и точно вырезаны в дереве детали мужицкого инвентаря, ритмически подчеркивающие натиск.

Тот же карикатурный прием уничтожения неприятеля использован А.Я. Чушкиным в композициях «Русский народ охраняет Кремль от Наполеона» и «Крестьянин выметает метлой французов из Кремля», отображающих начало и конец пребывания завоевателей в Москве: большой народ в образе крестьянина противостоит маленьким фигуркам врагов, сметаемых с родной земли.

В связи с рассматриваемой темой можно атрибутировать и известную, но до сих пор безымянную фотографию с изображением богородских резчиков за работой, нередко публикуемую в популярных статьях о промыслах начала XX в. Хотя композиция фотографии постановочная и составлена из нескольких этапов работы, иллюстрирующих ее процесс, все элементы обстановки — подлинны. На первом плане видны готовые резные вещи: игрушки и скульптурные группы. Среди них различаются произведения А.Я. Чушкина: «Встреча с войны», грузная конная фигура Напо-

Рис. 5. А.Я. Чушкин. Крестьянин, выгоняющий французов. Владимирская губ., д. Богородское. 1911 г. Дерево; резьба. ГИМ Д-III3773

леона и скульптурная группа «Выход царицы» (на лавке справа), по гравюре из альбома А. Мейерберга, публиковавшей И.Е. Забелиным²¹. Композиция процессии готовилась к юбилейной Всероссийской кустарной выставке 1913 г. к 300-летию Дома Романовых и, видимо, там и тогда была приобретена в коллекцию Боткина — Нотгафт (ныне — собрание ГРМ)²². На фотографии лицо резчика справа отретушировано по контуру после съемочной магниевой вспышки с некоторым огрублением индивидуальных черт. Но характерный острый взгляд, основные пропорции частей лица, — все это позволяет определить персонаж мастера-игрушечника как портрет 29-летнего А.Я. Чушкина с женой, семилетним сыном, одной из дочерей и братом(?) в просторной мастерской собственного дома с большим занавешенным для съемки окном²³.

Значение этого дома для Чушкина отражено в его автобиографии. Когда семья отца стала жить отдельно от деда, отцовский «6-ти аршинный домик в два окошка» был предметом насмешек односельчан. «Правда, эти слова для меня были большой неприятностью, но между тем они меня подталкивали к большим усилиям, как бы выбиться из такого положения. А поэтому всякая нужда какого бы то ни было человека для меня становится как бы собственной нуждой»²⁵. В 1900 г. большой дом был построен, в на-

Рис. 6. Богородские резчики за работой. Семья А.Я. Чушкина. Фотография. Около 1911 г.

чале 1901 г. 18-летний Чушкин женился. Популярная фотография богородских резчиков сделана в период подготовки к юбилейным выставкам, скорее всего в 1911 г., она отражает достаток и личные достижения мастера.

В фотоархиве собрания Кунсткамеры имеется снимок фотографа Акима Поликарповича Курочкина (МАЭ. Инв. № 2106—5) с изображением того же резчика и его работ, где помимо «Выхода царицы» и «Наполеона на коне» заметна и композиция «Крестьянин выгоняющий французов». Несомненно, что оба снимка сделаны одновременно, в том же помещении и одним фотографом. А.П. Курочкин был сослан в Якутск за политическую деятельность в 1906—1909 гг. Время окончания якутской ссылки указано в статье Инны Федоровой «Таинственный Аким Курочкин»²⁶, что, в свою очередь, позволяет уточнить датировку фотографии в собрании МАЭ: не ранее 1909 г.

Выставка в память Отечественной войны 1812 года, видимо, была первым крупным всероссийским показом его произведений. Уже через несколько лет он именуется в прессе как известный мастер промысла. Сопоставленные документы позволяют установить авторство А.Я. Чушкина в создании резных деревянных изделий в собрании ГИМ, экспонировавшихся на юбилейной выставке, приуроченной к столетию Отечественной войны 1812 года. Сти-

листический и сравнительный анализы этих произведений не противоречат документальным доказательствам. Для творчества этого мастера характерны приземистые небольшие (не более 15–20 см) фигуры, в которых читается геометрия зарубок, отсутствие орнаментальных порезок и особое, «плотницкое» уважение к материалу — дереву.

Андрей Яковлевич Чушкин был одним из организаторов первой артели богородских мастеров и участником многочисленных отечественных и зарубежных выставок. Став ближайшим сподвижником Н.Д. Бартрама, он участвовал в создании экспозиции Музея игрушки²⁷. Труд Чушкина-резчика был показан в фильмах «Приключение Болвашки» режиссера Юрия Желябужского (1927) и «Игрушки» режиссера Александры Хохловой (1931; утрачен), снятых на киностудии «Межрабпом-Русь». Произведения А.Я. Чушкина хранятся и экспонируются во всех крупных музеях России, где есть коллекции народного искусства. Авторство создателя серии игрушек «1812 год», принятых в дар более ста лет назад и хранящихся в собрании Исторического музея, достойно быть отраженным в музейной документации²⁸.

- ¹ См.: <https://www.kinopoisk.ru/film/818526/> (дата обращения 29.01.2021).
- ² «У Забелина он понял и полюбил труд и искусство, вложенные в народные деревянные изделия, понял их мудрую простоту, декоративность в решении форм и традиционность выполнения», — вспоминала дочь Н.Д. Бартрама. См.: *Изергина А.Н.* О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме // Н.Д. Бартрам: Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М.: Советский художник, 1979. Цит. по: *Дайн Г.Л.* Пишу об игрушке: статьи, очерки, воспоминания, 1967–2013. Сергиев Посад, Московская обл.; Хотьково, 2013. С. 56. (Серия: Игрушка в культуре России; кн. 5. Коллекция книг Галины Дайн).
- ³ 1812 // *Голос Москвы*. 1908. № 289 от 13 декабря. С. 5.
- ⁴ Регулярные публикации в газете «Голос Москвы»: 6.02.1908; 21.03.1908; 13.09.1908; 26.11.1908; 30.01.1909; 20.02.1909; 21.02.1909; 30.10.1909.
- ⁵ См.: *Выставка 1812 года / Ил. изд. под ред. В. Божовского; Выс. утв. Особый ком. по постройке в Москве Музея 1812 г. М., 1913. С. 530. № 37 «О».*
- ⁶ *Бартрам Н.Д.* О возможности возрождения в игрушке народного творчества // *Аполлон*. 1912. № 2. С. 61.
- ⁷ Автобиография А.Я. Чушкина. 27 октября 1932 г. Научный архив Художественно-педагогического музея игрушки имени Н.Д. Бартрама. РАО. Оп. 1. Д. 11. Л. 19–22. Цит. по: *Пенушкина Н.В.* В людях история наша (к столетнему юбилею Богородского училища). М., 2012. С. 7.
- ⁸ Там же. С. 6.
- ⁹ *Выставка 1812 года / Ил. изд. под ред. В. Божовского... С. 530. № 37.*
- ¹⁰ *Греков А.У.* Богородская мелкая пластика (истоки и развитие традиции). Дисс. на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1994. Рукопись. РГБ. Приложения: Архивные документы. Приложение № 7. С. 263.

- 11 Каталог Кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Владимире при Губернской управе с 15-го ноября по 6-е декабря 1912 года. Владимир на Клязьме: Типо-лит. Губ. зем. управы, 1912. Раздел резные игрушки. С. 29: «№ 59, Встреча с войны. 1 шт. 1 руб. 15 коп. Ассорт. № 1194. От Чушкина».
- 12 *Пенушкина Н.В.* В людях история наша... С. 7.
- 13 ГРМ. Инв. № Д-2341. Поступление в 1939 г. из Загорского музея игрушки; ГРМ. Инв. № Д-3395. Поступление из коллекции Н.П. Колпаковой.
- 14 Корректурa датировки: около 1911 г. См.: *Плотникова М.В.* Богородская игрушка и скульптура XIX—XX веков: [Текст]: [альбом] / Русский музей; [текст: М.В. Плотникова]. Санкт-Петербург: Palace Editions-Grafcart, 2008. С. 21. Ил. 11. (Серия: Русский музей представляет: альманах. Вып. 197).
- 15 Выставка богородского искусства резьбы по дереву: игрушка, скульптура: каталог / [сост.: А.В. Бабаева и др.; вступ. ст. Л.К. Розовой; ред. В.М. Василенко]; Гл. упр. бытового обслуживания населения при Совете министров РСФСР, Науч.-исслед. ин-т художественной промышленности, Музей народного искусства. М.: Советский художник, 1965. С. 48.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву / Н.Н. Соболев; суп.-обл. и переплет: Б.В. Шварц. М.; Л.: Academia, 1934 (Москва: 16 тип. треста «Полиграфкнига»). Гл. X. Ил. 323.
- 20 *Греков А.У.* Богородская мелкая пластика... Приложения: Архивные документы. Библиографический словарь богородских мастеров. С. 216.
- 21 *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Типография Грачева и Комп., 1869.
- 22 Подробнее о скульптурной группе «Выход царицы» в собрании ГРМ см.: *Плотникова М.В.* Из истории создания и собирания русской игрушки (конец XIX—XX век) // Народное искусство. Материалы и исследования. СПб.: Palace Editions, 2019. Вып. 5. С. 129, 131.
- 23 Родословная Чушкиных. См.: *Греков А.У.* Богородская мелкая пластика... Приложения: Архивные документы. С. 164.
- 24 См.: <https://arsrus.ru/azbuka/bogorodskaya-rezba/> (дата обращения 30.01.2021).
- 25 *Пенушкина Н.В.* В людях история наша... С. 5.
- 26 *Федорова И.* Таинственный Аким Курочкин: [о политическом ссыльном фотографе Акиме Поликарповиче Курочкине] // Якутск вечерний. 2012. 20 апреля. С. 62.
- 27 Художественно-педагогический музей игрушки имени Н.Д. Бартрама Сергиево-Посадского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Высшая школа народных искусств (академия)».
- 28 Автор выражает признательность за любезное содействие в подготовке материала статьи к публикации старшего научного сотрудника отдела дерева и мебели ГИМ, хранителя фонда Людмилу Алексеевну Шуляк.

Часть пятая

Музейное дело

Н.Н. Малышева, Т.Г. Сарачева

«Дорогие памятники древнего Русского строительного искусства»

В архиве Покровского собора хранится обращение Императорского Российского исторического музея в Комитет по реставрации Покровского собора, датированное 15 октября 1897 г.¹ (рис. 1, 2). Оно было подписано товарищем председателя музея, тайным советником Иваном Забелиным, а за ученого секретаря — Алексеем Орешниковым². В обращении изложена просьба передавать в хранилище Исторического музея полученные «при реставрации различных частей» Покровского собора и оставшиеся «без всякого употребления обломки древних украшений здания», «где они займут подобающее место как дорогие памятники древнего Русского строительного искусства»: поливные кирпичи, черепицу, железные гвозди разных видов, железные прорезные и гладкие фигурные листы и тому подобные предметы.

Участие И.Е. Забелина в работе реставрационных комиссий выдающихся памятников архитектуры способствовало формированию его особого отношения к таким, казалось бы, обыденным и, на первый взгляд, не особо ценным изымаемым реставраторами предметам, как к важным историческим источникам. Будучи членом Московского археологического общества (МАО), И.Е. Забелин принимал активное участие в обсуждении вопросов, касающихся ремонта и реставрации Покровского собора³. Известно, что он присутствовал на осмотрах собора 17 февраля 1877 г. и в 1885 г. С 1882 по 1896 г. И.Е. Забелин являлся членом Комиссий по реставрации Владимирского Успенского собора, а также Кремлевских Успенского и Благовещенского соборов, поновление которых было приурочено к коронациям императоров Александра III, а затем — Николая II⁴.

Обращение в Комитет по реставрации Покровского собора свидетельствует о том, что уже в начальный период создания Исторического музея были заложены прочные основы формирования

фондов национального хранилища древностей, где наряду с уникальными реликвиями, большими коллекциями находилось место артефактам, отражающим, в частности, строительную историю России. По словам И.Е. Забелина, «Исторический музей не есть Музей редкостей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т. е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок минувшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта... Наш Исторический музей собирает всякое старье, потому что его задача — представить историю русского бытия и русской жизни в вещественных памятниках, которые должны систематически обозначить ход русского развития с древнейших времен. Здесь каждое лыко идет в строку...»⁵.

И.Е. Забелина справедливо причисляют к кругу историков, которые первыми в своих трудах использовали различные типы источников, в том числе источники так называемого массового характера⁶. Стоит отметить, что он был не просто историком, но и археологом; ему был присущ профессиональный археологический подход к изучению и собиранию исторических памятников.

Именно с приходом ученого в музей стали интенсивно пополняться разнообразные коллекции и наметился порядок поступления различных предметов, который сохранялся на протяжении долгого времени⁷. Учитывая, что в конце XIX в. музей не располагал финансовыми средствами и достаточным штатом для надлежащего пополнения фондов («...нам приходится жить пока подаяниями», — отмечал В.И. Сизов⁸), а главными источниками поступлений были дары и случайные покупки, становится понятным стремление И.Е. Забелина получить предметы, появившиеся в процессе реставрации Покровского собора. Выявленный в архиве храма документ позволяет расширить список научных обществ и комиссий, архивов, музеев, к которым обращался И.Е. Забелин в поиске новых источников пополнения коллекций музея⁹.

Внимательное отношение И.Е. Забелина к архитектурным деталям Покровского собора было продиктовано проявившимся еще в молодости глубоким интересом к русской архитектуре. В 1896 г. он отмечал: «Само собой разумеется, что от Оружейной палаты до других хранилищ, до соборов, церквей и монастырей было уже недалеко. И вот, таким образом, вскоре начались наши постоянные походы по соборам, церквам и монастырям...»¹⁰. Бесспорно, в круг научных интересов маститого ученого попал Покровский собор, который, по его мнению, являлся исконно русским по происхождению, представлял собою «московское старинное и притом народное диво», «эталон оригинального русского стиля»¹¹.

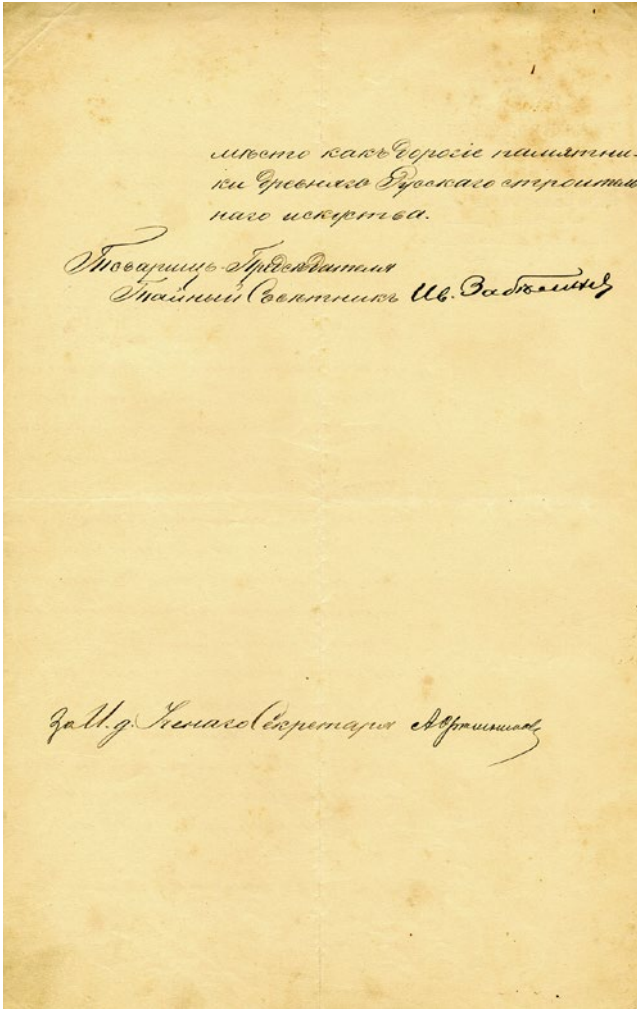

Рис. 2. Обращение из Императорского Российского исторического музея в Комитет по реставрации Покровского собора. 15 октября 1897 г. Оборот. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

и Василия Блаженного собора». Она работала до марта 1912 г.; ее деятельность была самой продолжительной за весь дореволюционный период. О Комиссии упоминают многие исследователи, однако причины и обстоятельства ее создания подробно не освещались¹³.

Между тем, этот вопрос заслуживает особого внимания. Начиная с 1870-х годов, ремонты в Покровском соборе, как правило,

рассматривали специально создаваемые Комиссии с приглашением представителей различных научных обществ, прежде всего, МАО. Тем не менее на протяжении двух десятилетий деятельность Комиссий в Покровском соборе не была постоянной. Они создавались для решения определенных конкретных проблем, собирались эпизодически и действовали непродолжительное время. Так, например, в 1877 г. причт собора наметил ремонт здания с восстановлением отдельных его частей в первоначальном виде путем удаления позднейших пристроек. Для рассмотрения этого вопроса была создана Комиссия, в которую вошли представители московских обществ: Археологического, Архитектурного и Древнерусского искусства¹⁴. В 1884 г. была создана еще одна Комиссия по освидетельствованию ветхостей собора¹⁵.

Что же послужило причиной создания Комиссии по реставрации собора в 1897 г.? Как отмечали в то время архитекторы, «...давно уже Собор Василия Блаженного пришел в столь ветхое состояние, что стал внушать опасения в смысле прочности»¹⁶. С 1889 г. причт храма бил тревогу, уведомляя о необходимости немедленно приступить к ремонту той или иной части здания. В ответ на это последовал ряд запросов и обращений, связанных с ремонтом храма, из разных мест в научные общества, в городские, государственные и духовные учреждения. Так как Покровский собор не был городским приходским храмом, МАО сочло своим нравственным долгом обратиться к императору Александру III с просьбой удостоить вниманием печальное положение знаменитого памятника русского искусства. Общество сообщило министру Двора, что Покровский собор, единственный по своей древности и архитектуре, может быть восстановлен только на средства государства¹⁷.

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев обратился в 1892 г. в Московскую городскую думу, но та не согласилась финансировать предстоящий ремонт, а лишь содействовать после того, как будет понятно, какое ведомство возьмет на себя эти расходы. Тогда же член МАО академик А.М. Павлинов (1852—1897) был официально командирован Обществом «на ремонт собора Василия Блаженного»¹⁸. Он составил чертежи, планы и разрезы храма, а также смету на капитальный ремонт собора на сумму 156501 руб. 36 коп. Из нее на неотложные и необходимые в первую очередь работы требовалось 71515 руб. 09 коп.¹⁹

Ни той, ни другой суммы ни от одного учреждения не последовало, и памятник, как и прежде, ремонтировали на соборные средства. До 1897 г. было израсходовано около 45000 руб.²⁰ При таком положении дел ни о каком капитальном ремонте не могло быть и речи.

Стоит отметить деятельное участие МАО, под надзором которого в то время осуществляли ремонтные работы в соборе. Неоднократно на заседаниях Комиссии Общества по сохранению древних памятников обсуждали вопросы, связанные с этими работами. Из самых значительных следует указать ремонт в интерьере нижней церкви Василия Блаженного, устройство на первом ярусе собора водяного отопления, перекладку сводов ризницы, открытие нескольких древних проходов, ремонт железных покрытий глав церковей Входа Господня в Иерусалим и Николы Великорецкого, покрытие черепицей шатров над крыльцами, окрашивание некоторых участков фасада водяными красками.

Активизация работ в 1890-е годы, планируемый капитальный ремонт храма, осознание того, что ремонты, проводившиеся без надзора специалистов, под присмотром старост собора, оказались неприемлемыми и ушли в прошлое, стали основными причинами создания специальной Комиссии — органа, который всецело контролировал подобную деятельность в Покровском соборе.

В архиве собора сохранились документы, проливающие свет на начальный этап создания «Комиссии для заведывания делом исправления и украшения Московского Покровского и Василия Блаженного собора». Основанием для ее учреждения явился документ-автограф настоятеля храма протоиерея Константина Ивановича Богоявленского²¹ (1891—1913), озаглавленный как «Предначертаание правил, руководствующих при исправлении повреждений и украшении Покровского и Василия Блаженного собора»²² (рис. 3, 4). Документ написан на двух страницах, дата на нем отсутствует, однако упоминание его в указе Московской духовной консистории от 13 января 1897 г. позволяет предположить, что он был подготовлен в 1896 г.

«Правила» состоят из семи пунктов. В самом начале говорится, что «для заведывания делом исправления и украшения собора учреждается комиссия». В ее состав включаются настоятель, члены причта собора и посторонние священники, представитель МАО и архитектор. Два последних члена могут быть одним лицом. В своей деятельности Комиссия должна руководствоваться планом и сметой, которые были на рассмотрении Святейшего Синода и направлены в Покровский собор при указе Московской духовной Консистории 29 марта 1894 г.

Основные положения «Правил» касаются финансовой стороны реставрации. Поступающие в собор суммы помещались «для хранения и приращения» в сберегательную кассу. Оттуда выдавались средства на реставрацию по требованию Комиссии.

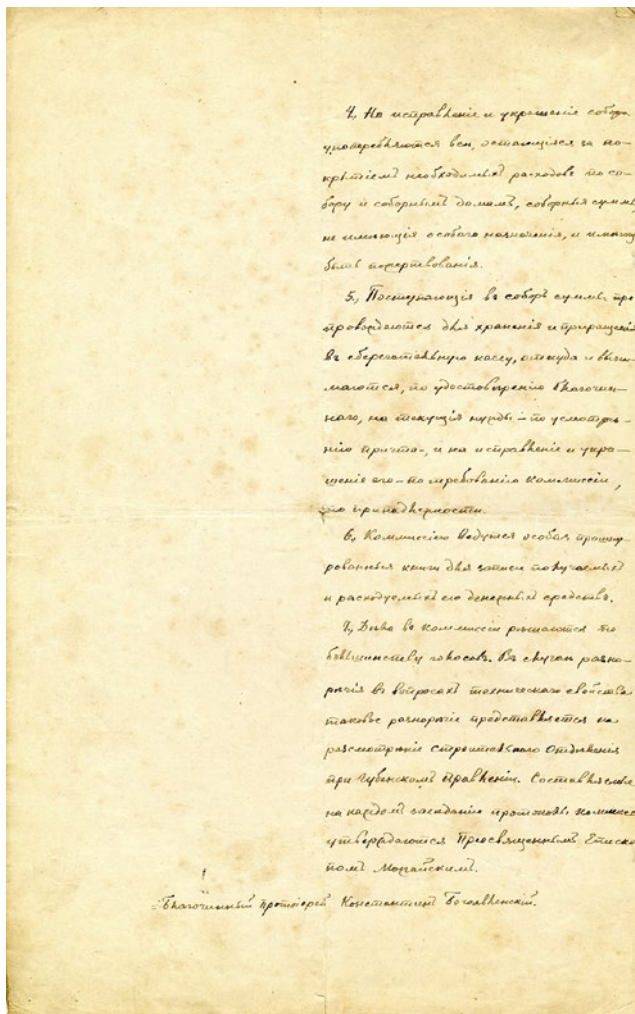

Рис. 3. К.И. Богоявленский. «Предначертаение правил, руководствующих при исправлении повреждений и украшении Покровского и Василия Блаженного собора». 1896 г. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

Все доходы и расходы должны были вноситься в особые прошнурованные книги. На исправление и украшение храма должны были употребляться все суммы, которые оставались после необходимых расходов, шедших на содержание собора и принадлежащих ему домов. С учетом имеющихся в распоряжении собора средств, Комиссия должна была в первую очередь обращать внимание на «не-

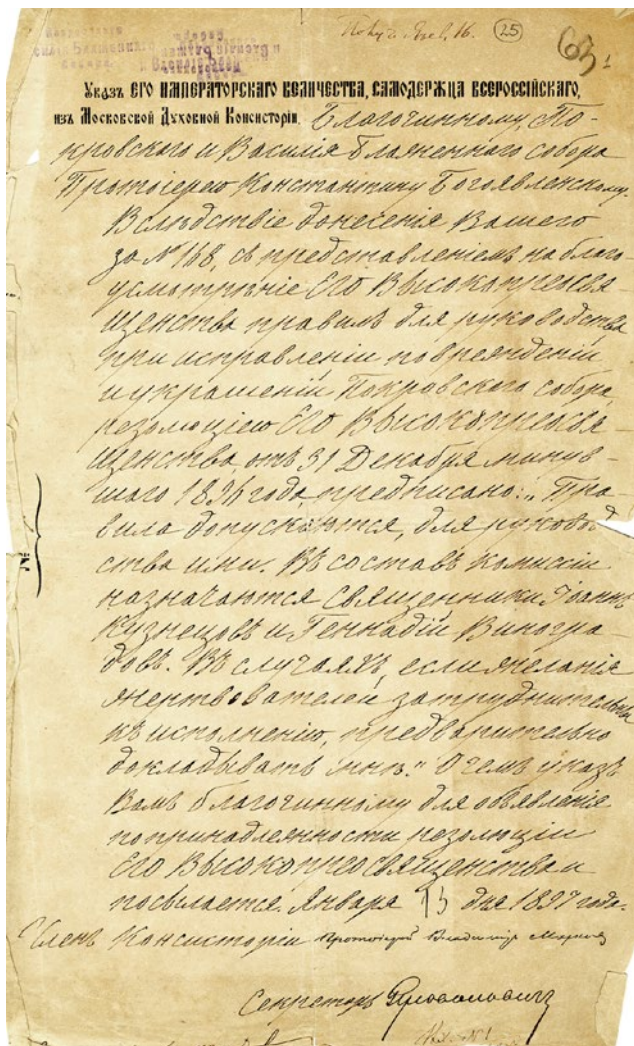

Рис. 5. Указ Московской духовной консистории в Покровский собор.
13 января 1897 г. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

чае возникновения разногласий технического характера вопрос представлялся на рассмотрение Строительного Отделения при Губернском Правлении.

Примечательно, что этот документ составлен настоятелем Покровского собора. Это свидетельствует о том, что в учреждении Комиссии был заинтересован, прежде всего, причт храма, и воз-

главлял ее не архитектор или иной представитель научного сообщества, а настоятель храма. Первая постоянная Комиссия по реставрации Покровского собора была создана решением духовного ведомства, вот почему иногда ее именовали Епархиальной Комиссией. О ее создании сообщал указ Московской духовной консистории от 13 января 1897 г. (рис. 5).

В указе говорилось, что Его Высокопреосвященство²³ рассмотрел донесение К.И. Богоявленского и «Правила» и 31 декабря 1896 г. оставил следующую резолюцию: «Правила допускаются для руководства ими. В состав Комиссии назначаются священники Иоанн Кузнецов²⁴ и Геннадий Виноградов. В случаях, если желания жертвователей затруднительны к исполнению, предварительно докладывать мне»²⁵.

Несмотря на то, что указ был послан в январе 1897 г., первое заседание Комиссии состоялось только 5 марта под председательством К.И. Богоявленского (рис. 6). В качестве членов Комиссии в заседании приняли участие священники И.И. Кузнецов и Г.Ф. Виноградов, протоиерей церкви Николая Чудотворца Красный звон, представитель МАО — архитектор А.М. Павлинов и староста собора Афанасий Александрович Мошкин (1837—1900). Помимо указа, на заседании также были заслушаны «Правила», после чего было принято решение: «Ведение делопроизводства в Комиссии поручить члену Комиссии священнику Покровского собора Иоанну Кузнецову, а для ведения письмоводства назначить псаломщика того же собора Петра Добросердова».

Сохранившиеся 42 протокола заседаний Комиссии позволяют охарактеризовать ее деятельность. 1897—1901 гг. являются периодом активных ремонтных работ в соборе и, следовательно, частых заседаний Комиссии, от четырех до семи раз в год. В последующие три года состоялось лишь пять заседаний; в 1905—1907 гг. не было ни одного заседания, а в 1908—1910 гг. — семь заседаний. Последний сохранившийся протокол датируется 28 мая 1910 г. Неизвестно, собиралась ли Комиссия впоследствии, ее работа завершилась в 1912 г. Протоколы заседаний написаны несколькими лицами: П.В. Добросердовым, И.И. Кузнецовым и, вероятно, П.А. Белоусовым — диаконом собора. Согласно «Правилам», все протоколы утверждались представителем духовного ведомства²⁶.

Состав Комиссии отличался стабильностью, а ее председатель оставался бессменным. В заседаниях, которые проходили по мере необходимости с разной периодичностью и в разные дни, принимали участие все пять членов Комиссии, кроме двух заседаний, связанных с внезапной смертью А.М. Павлинова 13 ноября 1897 г.

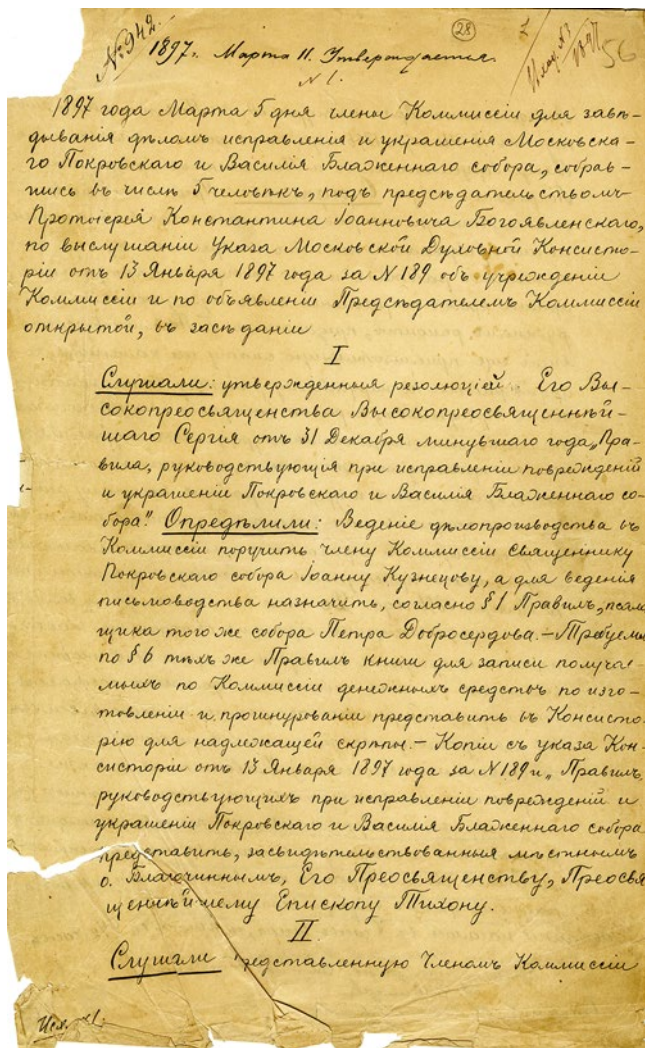

Рис. 6. Протокол первого заседания Комиссии. 5 марта 1897 г. Л. 1.
ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

9 января 1898 г. МАО направило в Комиссию уведомление о том, что «...производителем работ по реставрации Покровского собора... оно избрало Действительного Члена Общества Академика Архитектуры Сергея Устиновича Соловьева»²⁷ (рис. 7). Комиссия просила Соловьева «...по примеру его предшественника Павлинова принять на себя, кроме наблюдения за производством работ

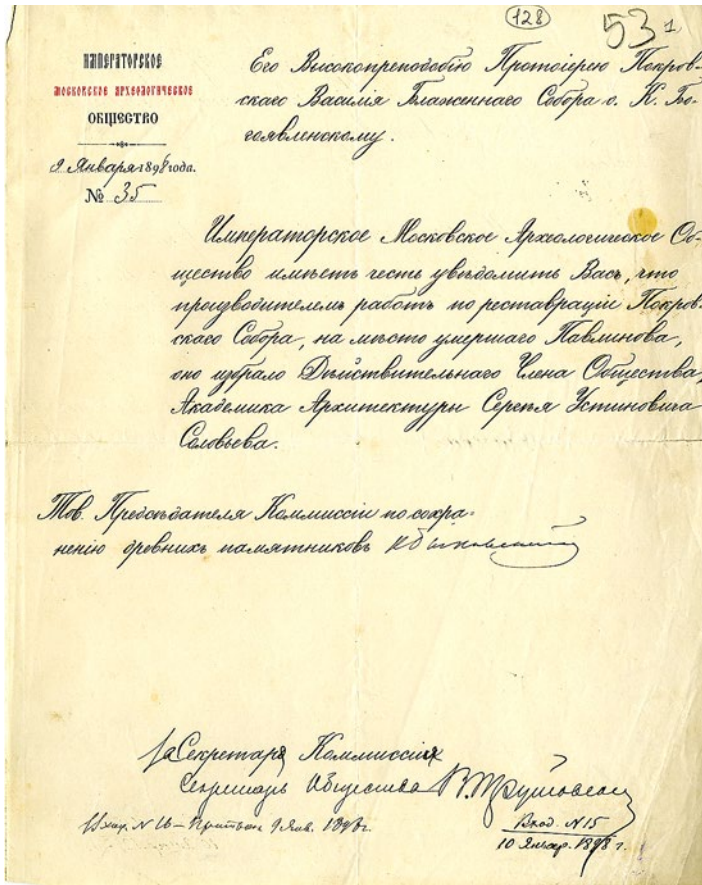

Рис. 7. Уведомление МАО о назначении С.У. Соловьева архитектором по реставрации Покровского собора. 9 января 1898 г. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

по реставрации собора, и обязанности архитектора по отношению к тем работам, на что он изъявил полное согласие»²⁸. Он исполнял эти обязанности до завершения деятельности Комиссии.

Заседание 18 мая 1900 г. прошло без участия старосты собора А.А. Мошкина, точная дата смерти которого не установлена; известно лишь, что он умер в 1900 г. На заседании 9 июля 1900 г. и на последующих присутствовал новый староста собора Василий Тихонович Тихонов (1843 — после 1913).

На время отпуска С.У. Соловьева его заменяли члены МАО Д.П. Сухов и И.П. Машков. В трех заседаниях не принимал уча-

стие И.И. Кузнецов (1899, 1900, 1909); с 1902 г. письмоводителем Комиссии вместо П.В. Добросердова стал Петр Белоусов²⁹.

В начале каждого года Комиссия обсуждала планы по ремонту на текущий год. Другие вопросы касались преимущественно выбора подрядчиков работ и порядка выплат им сумм за произведенный ремонт. Создание Комиссии не повлияло на изменение существующего порядка финансирования ремонтных работ; они по-прежнему осуществлялись на соборные средства. Это были деньги, остающиеся после трат на эксплуатацию соборного здания и принадлежащих причту домов, пожертвования и средства, поступавшие с 1901 г. по подписным листам. Как указывает И.И. Кузнецов, всего за время существования Комиссии «...израсходовано было ею на ремонт собора 98765 руб. 19 коп.³⁰, из коих 9519 руб. 19 коп. пожертвований на этот предмет от разных лиц, остальные 89246 руб. — из средств собора... никакой субсидии — правительственной или общественной — собор на свою реставрацию не получил³¹». Действительно, в Книге расхода Покровского собора уже в апреле 1897 г. появляется новая запись: «Выдано в Комиссию по ремонту собора...». Встречаются подобные записи в Книгах расхода и в последующие годы³².

Принимая во внимание такое положение, становится понятным, почему Комиссия вынуждена была уделять столько внимания вопросам взаимоотношений с подрядчиками и рачительному ведению ремонтных работ. Для определения подрядчика архитектор запрашивал у нескольких, как правило, проверенных, «наиболее сведущих» лиц сметы. После этого Комиссия рассматривала предложения и выбирала самое выгодное по цене и условиям исполнения. Архитектору поручалось заключать с подрядчиками от «лица Комиссии» так называемое условие, согласно представленному и одобренному Комиссией проекту. Оплату производили только после того, как архитектор удостоверял членов Комиссии, что работы выполнены надлежащим образом, по условию, правильно и добросовестно, доброкачественными материалами. Работы проводили согласно требованиям Строительного Устава³³ и указаниям архитектора. Для решения спорных вопросов приглашали экспертов. Так было, например, при устройстве отопления на первом ярусе собора.

Комиссия старалась экономить отпущенные на ремонт средства. Так, в апреле 1897 г. К.И. Богоявленский поднял вопрос о сооружении строительных лесов вокруг церкви преподобного Варлаама Хутынского (к тому моменту уже были поставлены леса вокруг двух соседних церквей — Николы Великорецкого и Входа

Господня в Иерусалим): «Хотя ныне нужда в ремонте онаго придела еще не так сильно ощущается, но все же в более или менее ближайшем будущем ремонт сей неизбежен и тогда потребуются снова исключительно для одного вышесказанного придела возводить наружные леса, что значительно увеличит стоимость ремонта. Между тем, если бы приступить к обнесению сего придела лесами теперь одновременно с Входом Иерусалимским и Никольским приделами, то расход после потребовался бы весьма незначительный»³⁴.

В марте 1898 г. Комиссия на заседании рассматривала прошение «десятника каменных работ Акима Мишакова» о награждении его за труды в Покровском соборе, так как он понес убытки по содержанию рабочих. Комиссия приняла решение отказать — он «...за свои труды уже получил вполне достаточное вознаграждение»³⁵.

«Комиссия для заведывания делом исправления и украшения Московского Покровского и Василия Блаженного собора» просуществовала до марта 1912 г.³⁶ На смену ей пришла Высочайше учрежденная особая Комиссия по реставрации храма Св. Василия Блаженного под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича³⁷. Оценивая деятельность этих двух Комиссий, И.И. Кузнецов отмечал: «Впрочем, эта Комиссия [1912 г.], невзирая на частую смену ее председателей, никакой реставрации, даже никаких ремонтных работ по собору, не произвела. И если с 1897 года до текущего времени было что сделано для поддержания собора, то только епархиальной Комиссией 1897 года»³⁸. Создание действующей на протяжении 15 лет Комиссии, контролировавшей все ремонтные и реставрационные работы, которые проводились в храме, было важнейшим шагом в деле сохранения выдающегося памятника архитектуры.

Отношение Императорского Российского исторического музея от 15 октября 1897 г. заслушали на заседании Комиссии 7 декабря того же года (рис. 8). Было принято решение «уведомить Управление Музея о полной готовности Комиссии удовлетворить вышеозначенную просьбу и просить Управление прислать уполномоченное лицо, которое бы из получившихся при работах и остающихся без употребления обломков древних украшений собора выбрало потребное для Музея количество и взяло для доставления по принадлежности; весь же остальной материал... продать по вольной цене и вырученные от продажи деньги занести на приход»³⁹.

Остается неизвестным, было ли избрано «уполномоченное лицо» и отбирались ли какие-либо предметы для Исторического музея. Зато анализ записей в книгах прихода показал, что

копированного в декабре 1897 г. решения Комиссии по этому вопросу. Об этом свидетельствуют записи в книгах прихода, например, за декабрь 1895 г., март и август 1896 г., июнь и август 1897 г.⁴¹

В учетной документации ГИМ и иных документальных материалах не удалось обнаружить данные о фактической передаче каких-либо предметов из Покровского собора в Исторический музей в конце XIX — начале XX в. Только в Учетной книге 04 (39784—47289) Инвентаря коллекциям Императорского Российского исторического музея под № 44945 в 1908 г. сделана запись о передаче в дар из МАО трех изразцов керамической летописи: «Три кафля из храма св. Василия Блаженного, выс. 7¹/₈ в., с остатками рельефных надписей, сделанных желтою краскою по синему полю»⁴².

Выполненная на изразцах надпись была помещена на фасаде Покровского собора в 1683 г. Просуществовала она чуть более столетия и была снята по причине ветхости во время ремонта храма в 1780-е годы. Часть изразцов и их фрагментов завалилась под кровлю, и впоследствии их неоднократно находили в процессе ремонтно-реставрационных работ в конце XIX — XX столетии. Вероятно, так же были обнаружены и эти три изразца. О передаче до 1894 г. из собора в МАО изразцов с надписью упоминает А.М. Павлинов⁴³. Возможно, именно они поступили в Исторический музей, а впоследствии были переданы в Коломенское и в настоящее время хранятся в МГОМЗ⁴⁴.

Можно предположить, что обращение И.Е. Забелина и А.В. Орешникова повлияло на решение передать в Исторический музей фигурные изразцы, изъятые во время ремонта шатра центральной церкви в 1898 г. Но подтверждение осуществившейся передачи не обнаружено.

Реставрация шатра центральной церкви — одна из значимых работ, предпринятых Комиссией 1897 г. С 1817 г. шатер был закрыт металлическими листами во избежание протечек. Для того, чтобы листы плотно прилегали к граням шатра, пришлось сбить выступающие элементы керамического декора. Комиссия приняла решение снять обшивку шатра и восстановить изразцы. По итогам «осмотра работ по реставрации главного шатра Собора» в июле 1898 г. МАО направило в Комиссию обращение, в котором говорилось, что «...древние изразцы, украшавшие шатер, значительно обветшали, многие из них от времени утратились, так что местами только рюмки указывают на их первоначальное расположение», поэтому более целесообразно было «...заменить их новыми, исполненными по древним образцам» (рис. 9, 10). Особо отмечалось, что «...в этом случае древние изразцы возможно будет сохранить

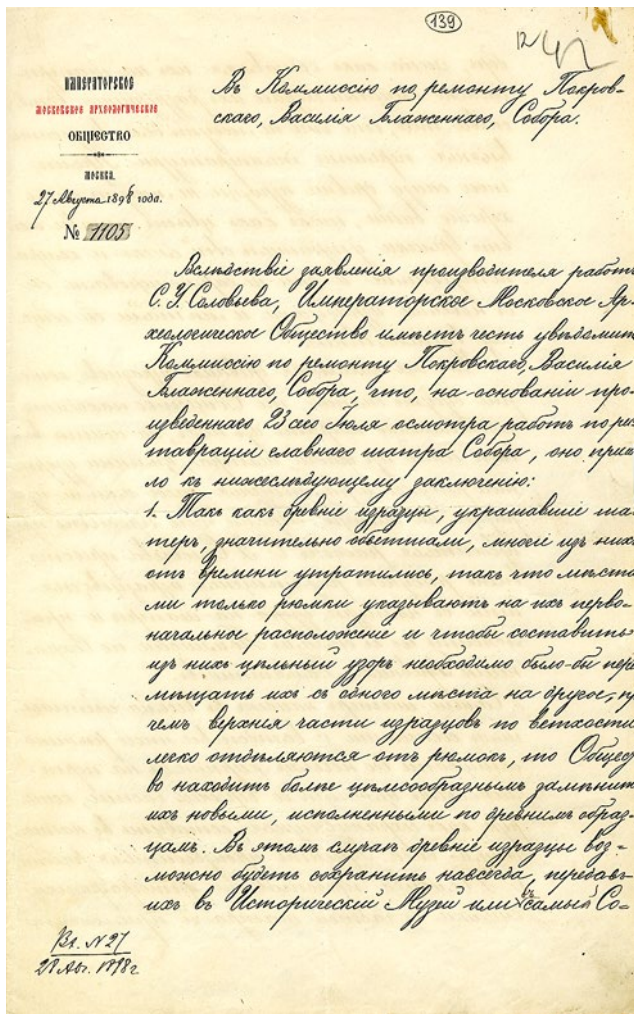

Рис. 9. Обращение МАО в Комиссию по ремонту Покровского собора по итогам «осмотра работ по реставрации главного шатра Собора». Август 1898 г. Л. 1. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

навсегда, передав их в Исторический музей или в самый Собор, тогда как оставляя их на шатре можно ожидать скорого их разрушения...»⁴⁵. Далее Общество «находит необходимым» на деревянном щите в виде одной из граней шатра набрать из древних изразцов «...цельный узор того рисунка и размещения, какое имели изразцы на шатре».

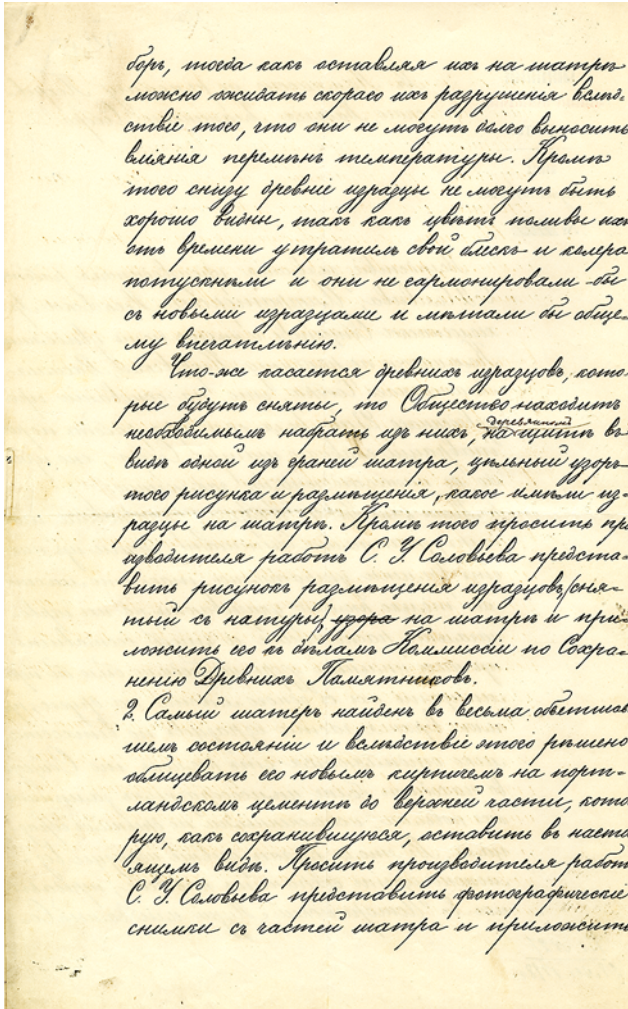

Рис. 10. Обращение МАО в Комиссию по ремонту Покровского собора по итогам «осмотра работ по реставрации главного шатра Собора». Август 1898 г. Оборот. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

Фигурные изразцы с шатра центральной церкви хранятся в настоящее время в Историческом музее и представлены в экспозиции Покровского собора, а также в МГОМЗ. Однако документация не позволяет определить, когда именно они были сняты с шатра, керамическое убранство которого реставрировали неоднократно в XIX—XX вв.

Рис. 11. Архитектурная выставка в Покровском соборе. 1930-е гг.
Фотопластинка. ИЗО ГИМ

Несмотря на отсутствие в Историческом музее материальных свидетельств переданных из Покровского собора архитектурных деталей в конце XIX в., обращение, подписанное И.Е. Забелиным и А.В. Орешниковым, — одно из ярких проявлений бережного отношения к подобным артефактам. Зримым доказательством этого стала экспозиция историко-архитектурного музея, открытого в Покровском соборе в 1923 г.

Ценность архитектурных деталей и их фрагментов, которые снимались и изымались в процессе реставрации собора, была осознана с самого начала музейной деятельности. Уже в 1923 г. в нем планировали создание архитектурной экспозиции. На протяже-

нии нескольких лет шел поиск ее названия, концепции и места расположения. Так, в документах 1923 г. упоминается намерение создать на втором этаже колокольни Музей архитектуры как составную часть «Музея-собора Покровского и Василия Блаженного, что на Рву» или «...отделение музея, выясняющее исключительнейшую архитектуру храма и историю Красной площади» на первом и втором ярусах колокольни⁴⁶. В отчете музея 1924 г. указано, что «...в помещении под колокольней во втором этаже, где проектируется отдел архитектуры и рисунков по собору Василия Блаженного, происходила работа по собиранию материалов иконографического характера в виде рисунков, чертежей и гравюр, иллюстрирующих Собор Василия Блаженного в различные эпохи его существования»⁴⁷.

Если вначале речь шла лишь о документальных и графических материалах, которые должны были аккумулироваться в этом отделе, то с 1926 г. планировали существенное расширение источниковедческой базы: «Здесь же собираются и все вещественные памятники архитектуры Василия Блаженного: древние кирпичи, обломы, надпись, украшавшая собор вокруг центральной башни до 1780 годов, главки, прорезные украшения, ценинные кирпичи, слюда и др.»⁴⁸.

На начальном этапе существования музея в Покровском соборе ситуация менялась быстро и кардинально. К 1930-м годам прекратились богослужения, и все здание храма теперь принадлежало музею, который стал филиалом ГИМ; были отреставрированы некоторые помещения первого яруса. Все это стало причиной концептуального изменения в построении постоянной экспозиции. От создания отдельного Музея или отдела архитектуры в колокольне отказались. Взамен этого было решено устроить архитектурную выставку, которая располагалась в начале посетительского маршрута (рис. 11). Эта локация оказалась настолько удачной, что несмотря на последующие реэкспозиции, на устройство здесь же антирелигиозных выставок на рубеже 1920—1930-х годов, архитектурная выставка до сегодняшнего дня остается на своем месте (рис. 12). Подобное экспозиционное постоянство, насчитывающее 90 лет, — явление нечастое в музейной практике.

Выставка «Покровский собор как памятник архитектурных форм и строительной техники XVI в.» была открыта в 1932 г. к 15-й годовщине Октября⁴⁹. Накануне, в сентябре — октябре 1931 г., сотрудники музея провели опрос посетителей, чтобы выяснить, какие темы их больше всего интересовали. Треть вопросов респонденты задавали «...по линии архитектуры: каков строи-

Рис. 12. Архитектурная экспозиция в Покровском соборе. 2020 г.
Фотограф Г.Г. Сапожников

тельный материал здания, кладка сводов, шатра, состав кирпича. Какова конструкция здания, почему маленькие помещения, узкие галереи, много ниш. Имеются ли чертежи, планы здания и кто строители (пресловутая легенда об ослепленном итальянце до сих пор не дает покоя многим экскурсантам). Как практически разрешены проблемы звука и света»⁵⁰.

Состав экспонатов архитектурной выставки показывает, что музейные сотрудники старались учесть результаты опроса. Не обошлось и без политической окраски, характерной для музейного дела того времени. В документах упоминается, что организация выставки — это отклик на «...постановления ЦК ВКП(б) о технической пропаганде». Она должна была демонстрировать «...достижения современной советской строительной техники и целей (так! — *Авт.*) ее использования»⁵¹.

На выставке были представлены основные строительные материалы: кирпичи, белокаменная главка, изразцы, черепица, железные подзоры и фигурные детали покрытия глав, голосник; изображения собора XVIII—XIX вв., планы и чертежи здания, выполненные Ф. Рихтером в 1858 г., а также образцы разновременных росписей фасада. Завершали выставку сравнительные материалы

Рис. 13. Раздел архитектурной выставки в Покровском соборе, демонстрирующий достижения современной строительной техники. 1930-е гг. Фотопластинка. ИЗО ГИМ

о строительстве XVI в. (Покровский собор) и XX в. (Днепрогэс), контрастно показывающие достижения современной строительной техники⁵² (рис. 13).

Традиция бережного отношения к архитектурным деталям сохранялась в Покровском соборе впоследствии. Состав экспонатов постоянно расширялся за счет материалов, полученных при реставрации памятника. Необходимо отметить, что при создании действующей ныне экспозиции в Покровском соборе в 2011 г. оставшаяся на своем месте архитектурная выставка была существенно расширена за счет показа истории строительства и реставрации

Рис. 14. Раздел архитектурной экспозиции в подклете Покровского собора. 2020 г.
Фотограф Г.Г. Сапожников

Покровского собора в других помещениях подклета. Хранившиеся в соборе все это время изразцы, изготовленные для реставрации шатра центральной церкви в 1898 г., в 1950-х и в 1970-х годах, позволили по-новому представить всю красоту полихромного декора храма (рис. 14).

После осуществленного недавно исследования голосников Покровского собора можно утверждать с большой долей вероятности, что голосник, включенный в экспозицию музея еще в 1930-е годы, на самом деле происходит из другого храма. В 2017 г. при натурном исследовании храмовой церкви Трех Патриархов Константинопольских удалось извлечь фрагменты разбитого керамического сосуда, отреставрировать его и получить полную форму⁵³, что позволило представить в экспозиции музея голосник из Покровского собора.

В 2019—2020 гг. при проведении реставрации черепичного покрытия шатров южного крыльца собора и примыкающих к ним участков кровли удалось собрать разновременные фрагменты черепицы и кованые гвозди (рис. 15). Также сохранены экземпляры гуртовой черепицы, изготовленной во время предыдущей

Рис. 15. Городчатая черепица, обнаруженная в ходе реставрационных работ 2019—2020 гг.

Рис. 16. Гуртовая черепица, снятая в 2020 г. с шатра южного крыльца Покровского собора. 1979 г.

реставрации 1979 г. (рис. 16). В фондах музея подобная черепица отсутствовала. Каждая новая реставрация Покровского собора позволяет пополнить фонды Исторического музея «дорогими памятниками древнего Русского строительного искусства», о которых писал И.Е. Забелин.

- ¹ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- ² Согласно заключению старшего научного сотрудника ОПИ ГИМ И.В. Ключкиной, обращение написано помощником А.В. Орешникова Лидией Ивановной Бирюковой (1863—1920). Искренне благодарим Ирину Владимировну за предоставленные сведения.
- ³ *Соловьев С.У.* О реставрации Покровского Василия Блаженного собора // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 18. М., 1901. С. 190; Историческая справка. Гл. 2: История строительства, перестроек и реставрации Покровского собора на Рву в XVI—XX вв. Текст. М., 2002. Л. 111 // Архив Центральных научно-производственных реставрационных мастерских. Шифр 36. Инв. № 812; *Анучин Д.Н.* Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского Археологического Общества с 30 апреля 1885 г. по 14 марта 1886 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XII. М., 1888. С. 16—17.
- ⁴ *Голубева М.В.* Мемориальные иконы И.Е. Забелина // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 года. Ч. 1. Труды ГИМ. Вып. 81. М., 1992. С. 80, 83; *Качалова И.Я.* Реставрация Благовещенского собора 1882—1896 годов (По архивным материалам) // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник Московский Кремль». Вып. XIX. М., 2008. С. 446; *Рогозина М.Г.* Ремонтно-реставрационные работы 1905 года в Архангельском соборе в фотографиях К. Фишера (из коллекции Государственного научно-исследовательского музея им. А.В. Щусева) // Тезисы докладов юбилейной научной конференции «К 500-летию Архангельского собора и колокольни Ивана Великого Московского Кремля» 28—30 октября 2008 г. М., 2008.
- ⁵ Цит. по: *Белозерова И.В.* Переписка И.Е. Забелина — источник по истории музейного дела в России в последней трети XIX — начале XX в. (по материалам отдела письменных источников ГИМ) // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 года. Ч. 1. Труды ГИМ. Вып. 81. М., 1992. С. 42.
- ⁶ *Шмидт С.О.* И.Е. Забелин и русская культура // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 года. Ч. 1. Труды ГИМ. Вып. 81. М., 1992. С. 24; *Прохоров М.Ф.* Записные книги как источник по социально-экономической истории Москвы середины XVIII в. // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 года. Ч. 2. Труды ГИМ. Вып. 81. М., 1992. С. 57.
- ⁷ *Белозерова И.В.* Переписка И.Е. Забелина... С. 42.
- ⁸ Там же.

- ⁹ Там же. С. 43.
- ¹⁰ *Забелин И.Е.* О Д.А. Ровинском. СПб., 1896. С. 3.
- ¹¹ *Быстрова Н.Б., Катагощина М.В.* «Старинное московское и притом народное диво»: Покровский собор в творческом наследии И.Е. Забелина // Труды ГИМ. Вып. 213. М., 2019. С. 5, 10.
- ¹² *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 108.
- ¹³ *Кузнецов И.И.* Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора // Труды ГИМ. Вып. 218. М., 2022. С. 231; *Баталов А.А., Успенская Л.С.* Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). М., 2010. С. 56; Историческая справка... Л. 125.
- ¹⁴ *Соболев Н.Н., Яковлев И.В.* Из истории исследований и реставраций Покровского собора (храм Василия Блаженного) // Ежегодник ГИМ-1960. М., 1962. С. 144.
- ¹⁵ Историческая справка... Л. 112.
- ¹⁶ *Соловьев С.У.* О реставрации... С. 188.
- ¹⁷ Протокол обыкновенного заседания Императорского Московского Археологического Общества 11 мая 1890 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XV. Вып. 2. М., 1894. С. 68.
- ¹⁸ Историческая справка... Л. 117.
- ¹⁹ Протокол... 11 мая 1890 г. ... С. 68; Протокол экстренного заседания Императорского Московского Археологического Общества 28 мая 1890 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XV. Вып. 2. М., 1894. С. 68, 89; *Соловьев С.У.* О реставрации... С. 190.
- ²⁰ *Соловьев С.У.* О реставрации... С. 190.
- ²¹ О К.И. Богоявленском см.: *Берхина Т.Г.* Настоятели собора Покрова на Рву второй половины XIX в. // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12–13 ноября 2019 г. С. 103–106. URL: <https://shm.ru/books/elektronnye-izdaniya/> (дата обращения 26.04.2021 г.).
- ²² ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- ²³ В то время Московскую епархию возглавлял митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский).
- ²⁴ Об И.И. Кузнецове см.: *Малышева Н.Н., Сарачева Т.Г.* Последний автограф. Страницы биографии протоиерея Покровского собора Иоанна Иоанновича Кузнецова // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12–13 ноября 2019 г. С. 7–25. URL: <https://shm.ru/books/elektronnye-izdaniya/> (дата обращения 26.04.2021 г.); *Белозерова И.В.* Собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву в первые годы советской власти (по материалам ОПИ ГИМ) // Труды ГИМ. Вып. 213. М., 2019. С. 102–111; *Берхина Т.Г.* Хранители царского обета. М., 2017. С. 73–76.
- ²⁵ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- ²⁶ До июня 1899 г. протоколы Комиссии утверждал епископ Можайский, викарий Московской епархии Тихон (Никаноров) (2.02.1892–20.08.1899); затем до 1904 г. — епископ Можайский, викарий Московской епархии Парфений (Левицкий) (10.10.1899–1.12.1904). На более поздних протоколах имени утверждавших отсутствуют. Известно, что в 1905–1908 гг. Можайское викариатство возглавлял епископ Серафим (Голубятни-

- ков), а в 1908—1914 гг. — епископ Василий (Преображенский) // Интернет-портал «Открытая православная энциклопедия “Древо”». URL: <https://drevo-info.ru/articles/10966.html> (дата обращения: 22.09.2020 г.).
- 27 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 59. Л. 54.
- 31 *Кузнецов И.И.* Покровский (Василия Блаженного) собор... С. 231.
- 32 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/26. Л. 136об., 140об., 145об., 151об., 157об., 162об., 168об., 172об., 177об.; Д. 28. Л. 4об., 53об., 67об, 143об., 148об., 160об., 169об., 171об., 173об., 175.
- 33 Строительный устав Российской Империи входил в состав свода законов Российской Империи. Всего за время действия Устава выходило 4 редакции (1832, 1842, 1857, 1900 гг.) Переизданный в 1857 г. Строительный Устав был включен в Свод законов Российской Империи 1881 г. Он состоял из 7 разделов, 18 глав, 242 статей и приложений. Раздел третий именовался «О зданиях церковных и иных молитвенных» // Блог консультанта по пожарной безопасности[сайт]. URL: <http://fire-consult.ru/catalog/20/20—5/stroitelnyj-ustav-rossijskoj-imperii.html> (дата обращения 25.09.20).
- 34 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- 35 Там же.
- 36 По другим данным — до апреля 1912 г.
- 37 *Кузнецов И.И.* Покровский (Василия Блаженного) собор... С. 231.
- 38 Там же.
- 39 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- 40 Июль 1898 г. «Продано старого кровельного железа с кровли Собора 452 п по 50 коп. за пуд, на 226 руб. и 30 п брускового железа, по 20 коп. за пуд на 24 руб. 40 коп., итого — на 250 рублей 40 копеек».
- Август 1899 г. «Продано старых медных золоченых листов, снятых с средней главы Покровского собора, крупных — 23 п. 17 ф., по 50 руб. за пуд, 1171 руб. 25 коп. и 33 ф. мелких обломков, по 42 руб. за пуд — на 40 руб. 95 коп, итого: на тысячу двести двенадцать рублей двадцать копеек».
- Декабрь 1899 г. «Продано старого кровельного железа, снятого с крыши собора, 218 п. 20 ф, из коих 50 пуд продано по 40 коп за пуд, а 168 п 20 ф — по 48 коп. за пуд, итого продано на сумму: сто рублей 88 копеек».
- Май 1900 г. «Получено за проданные обрезки железа при ремонте крыши во владении Пятницкого дома три рубля».
- Сентябрь 1900 г. «Выручено от продажи поломанных золоченых рам от икон, назначенных к уничтожению и замененных новыми по рисункам члена Археологического общества академика архитектуры Павлинова, двести пятьдесят рублей, и от старого листового железа, собранного при ремонте крыши собора и соборных домов и обрезков нового железа сто тридцать руб. 53 коп., а всего выручено триста восемьдесят руб. 53 коп.» // ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/27. Л. 14 об., 40 об., 49 об., 59 об., 66об.
- 41 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/25. Л. 24 об., 31 об., 40об., 61об., 65об.
- 42 Благодарим старшего научного сотрудника отдела керамики и стекла ГИМ И.И. Сергеевко за консультацию и за предоставленную возможность ознакомиться с выписками из ГИК Исторического музея.

- ⁴³ Павлинов А.М. История русской архитектуры. М., 1894. С. 146.
- ⁴⁴ Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 198, 202.
- ⁴⁵ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/42.
- ⁴⁶ Там же. П-2/1.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. П-2/4.
- ⁴⁹ Там же. П-2/2.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Сарачева Т.Г. Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 79—80.
- ⁵³ Малышева Н.Н., Полюлях А.А., Сарачева Т.Г. Результаты натурного исследования сосудов-голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 443.

М.А. Важкая

Наследие Михаила Ивановича Чуванова (1890—1988)

Фундаментом для изучения и концептуализации знаний являются первоисточники — первые, основные источники знаний об изучаемом явлении. В настоящее время поиск первоисточников облегчается доступностью библиотек, наличием электронных хранилищ данных, каталогов и поисковых систем. В прошлые века, в отсутствие современных технических средств, когда исследования требовали большой затраты труда, важнейшую роль играла личность исследователя: это были люди, осознававшие свое призвание, имевшие таланты и силу воли на воплощение задуманного. Нам известно немало ученых, умевших не только сохранять, но и читать первоисточники, среди них: выдающийся ученый М.В. Ломоносов, археолог и историк И.Е. Забелин, а также коллекционер литературных памятников и икон М.И. Чуванов.

Михаил Иванович Чуванов родился в старообрядческой семье старопоморского согласия 1 октября 1890 г. Помимо получения начального образования в сельской школе и прохождения курса по изучению истории и культуры старообрядцев в Московской старообрядческой народной академии, на протяжении всей своей жизни М.И. Чуванов занимался самообразованием. Твердость характера, крепость духа и тяга к знаниям помогли ему стать выдающимся «библиофилом, библиографом, палеографом, знатком древнерусской живописи и крюкового письма, крупнейшим коллекционером»¹.

Участие в Первой мировой войне, несколько арестов в 1930-е годы, ссылка, утрата двух библиотек — все это лишь подстегнуло его к более активному собиранию и изучению рукописей, книг и икон. В его коллекции находились славяно-русские рукописи XV — начала XX в., старопечатные книги XVI—XVII вв., полное собрание сочинений о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова, книги о Москве, книги с автографами, иконы XV—XX вв.

М.И. Чуванов, как и И.Е. Забелин, собирал и изучал книги по истории Москвы, уделяя особое внимание истории старообрядческой Преображенской общины. Огромный вклад, позволяющий нынешним исследователям обращаться к уже утраченным сведениям, Чуванов внес, собирая историю Преображенского кладбища, восстанавливая перечень могил по спискам насельников, наставников и иноков богадельного дома, ведя поиск описаний старых могил и надгробий².

Незадолго до своей смерти Михаил Иванович решил передать свое собрание икон XV — начала XX в. в Отдел личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина для сохранения целостности иконописного собрания. В 1989 г. была оформлена передача 75 икон в Отдел личных коллекций, поступившая от коллекционера в начале 1988 г.

Самой большой иконой в собрании М.И. Чуванова является «Спас в силах»³ (конец XV — начало XVI в.) традиционной иконографии. Икона подвергалась домوزهиной реставрации, вследствие чего получила надставки по левому и правому краям, убранные в процессе реставрации Т.А. Миловой в 1991 г. Икона на трех липовых досках, укреплена двумя врезными сквозными шпонками, имеет мелкие тонировки выкрошек, небольшие утраты в местах соединения досок, верхние и нижние поля почти в три раза шире боковых, кракелюры. Традиционная иконография «Спас в силах», основанная на текстах Иоанна Богослова (Откр., гл. 1–22), представляет Христа на престоле на фоне красного ромба, вписанного в сине-зеленую мандорлу, за ними — красный квадрат. Христос изображен в оранжевом хитоне и темно-желтом гиматии подобно изображениям на иконах Андрея Рублева и Дионисия из собрания Государственной Третьяковской галереи (инв. № 22961, инв. № 22124)⁴.

Икона «Спас в силах», соединяющая образ невидимого мира, небесных сил и земного мира, является в иконостасе центральной. Выполнена мастерами московской иконописной школы с их отличительными чертами: тонкое письмо, гармоничность пропорций. Иконография «Спас в силах» была популярна у московских иконописцев, тогда как похожая — «Спас на престоле» — часто встречалась у новгородских. На коленях Христос держит раскрытое Евангелие с текстом: «Не судите, да не судимы будете...» (Матф., гл. 7, 1–2). Двуперстный благословляющий жест правой рукой, символические изображения четырех евангелистов по углам красного квадрата, надпись «ІС ХС» соответствуют «истинному» письму, ценимому старообрядцами.

Икона всегда находилась в постоянной экспозиции Отдела личных коллекций, покидая ее лишь на время выставок.

В собрании М.И. Чуванова имеются также иконы XIX — начала XX в. Например, икона «Благовещение у кладезя»⁵. Считается выполненной старообрядческими иконописцами в XIX или начале XX в. «под старину», по образцам потемневших икон строгановского письма. Икона из одной доски, укреплена двумя врезными шпонками, имеет тонировки на полях, кракелюры, ожог от свечи в центре нижнего поля.

Богородица изображена возле колодца, опускающей в него левой рукой узорчатое ведро, полуобернувшись к спускающемуся с небес ангелу. Тонкое личное письмо, тщательная проработка деталей. Темный позем украшен яркими цветами и травами. На заднем плане изображены архитектурные сооружения с куполами и гора с лещадками.

Иконография «Благовещение у кладезя», основанная на апокрифическом произведении «Протоевангелие Иакова» (гл. 11), менее распространена, чем изображение с веретеном. Тем не менее, подобное изображение можно встретить на иконах и фресках. Например, на фреске собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, созданной Дионисием в 1502 г. или на иконе «Рождество Богоматери с клеймами жития Иоакима, Анны и Богоматери» середины 1640-х гг. из Кирилло-Белозерского монастыря (инв. № ДЖ-849)⁶.

Икона «Явление Богоматери преподобному Сергию Радонежскому» (рис. 1. 30,5×25,3. Дерево, темпера) небольшого размера, врезок,⁷ выполнена в XIX в. Икона на одной доске, имеет врезную шпонку по центру, надставки по краям, торцевые гвозди; оборот покрыт коричневой краской; с ковчегом.

Традиционное изображение события из жития преподобного Сергия Радонежского — явление Богоматери с апостолами Петром и Иоанном Богословом молящемуся преподобному. Богородица изображена с поднятыми руками (Богородица Оранта), позади нее стоят два апостола, беседующие друг с другом: Иоанн (в зеленом гиматии и красном хитоне) и Петр (в розовом гиматии и синем хитоне).

Согласно житию, рядом с преподобным находился келейник Михей. Но часто на иконе изображают другого ученика прп. Сергия — Никона, как на иконе из коллекции М.И. Чуванова (выглядывает из дверного проема). На одном из самых ранних изображений данного события, клейме житийной иконы «преподобный Сергий Радонежский» (конец XV в.) из Троицкого собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (Сергиев Посад), преподобный Сергий Радонежский изображен один, павшим ниц перед Богоматерью и апостолами⁸.

Рис. 1. Икона «Явление Богоматери преподобному Сергию Радонежскому». XIX в. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Из коллекции М.И. Чуванова

В центре верхнего поля — изображение Ветхозаветной Троицы в полукружии, особо почитаемой преподобным Сергием Радонежским.

В коллекции Михаила Ивановича есть иконы строгановских мастеров. Например, икона «История Тихвинской иконы Богоматери в 28 клеймах» (рис. 2. 46,0×38,5. Дерево, левкас, темпера) написана строгановскими мастерами в конце XVI—XVII в. Одна сосновая доска, укрепленная двумя врезными шпонками, с тонкими надставками по краям, тонировки утрат на полях и вокруг ниши средника. На обороте процарапано: МЧУВАНОВ.

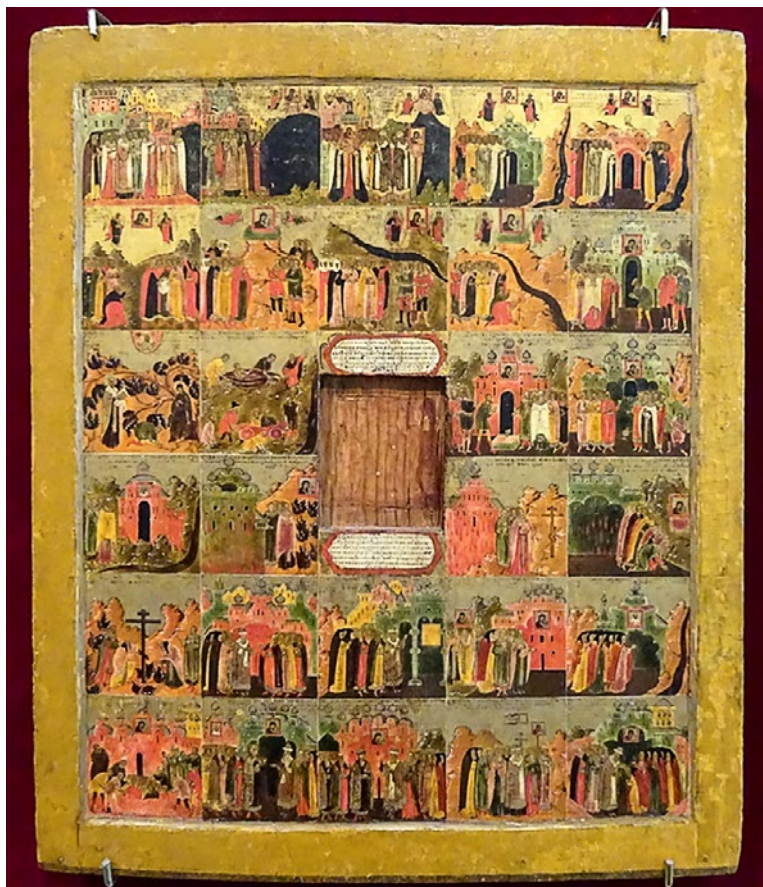

Рис. 2. Икона «История Тихвинской иконы Богоматери в 28 клеймах». Строгановская школа. Конец XVI—XVII в. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Из коллекции М.И. Чуванова

Средник иконы с изображением «Тихвинской иконы Богоматери» утрачен. Вокруг средника помещены 28 клейм, иллюстрирующих «Сказание о явлении чудотворной Тихвинской иконы Пресвятой Божьей Матери». В некоторых клеймах сохранились надписи. Начинается повествование с предыстории явления иконы, заканчивается — устройением Тихвинского Успенского мужского монастыря (1560). Над и под средником надписи в рамках с картушами: «Днесь благовѣ...нїи людіе свѣ(т)ло ликовствуемѣ ѿсѣнїями бгома...» и «Твоею Б(л)агодатію ико...воему взирающе пречи(с)то(му) образѹ...». Надписи в среднике читаемые, с небольшими утратами.

Рис. 3. Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни». Строгановская школа. XVII в. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Из коллекции М.И. Чуванова

Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» (рис. 3. 24,5×21,5. Дерево, темпера) выполнена в XVII в.⁹ Икона с двойным ковчегом, на одной доске, с одной врезной шпонкой.

Иоанн Предтеча, облаченный в шкуру и зеленый гиматий, изображен в рост фронтально с развернутыми за спиной красно-золотыми крыльями. Правая рука поднята к груди в благословляющем жесте, в левой руке — чаша с отрубленной головой. На темном поземье, возле левой ноги пророка изображено дерево с секирой. Подобная иконография впервые появилась в конце XIII в., на Руси известна с XIV в., но наибольшее распространение получила в XVI—XVII вв. Основой послужили слова пророка Ма-

лахии, также упоминаемые евангелистами: «вот Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною» (Мф. 11:10; Мк. 1:2; Лк. 7:27). Встречаются изображения со свитком¹⁰, или посохом в левой руке. Иногда, с конца XVI в., в левой руке вместо головы пророка в чаше изображали Младенца¹¹.

Аналогичная иконе из собрания М.И. Чуванова иконография встречается на иконе «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» из дома-музея П.Д. Корина (филиал ГТГ) — фронтальное изображение в рост, голова на блюде в левой руке, секира на дереве с пышной кроной¹².

Другими произведениям строгановской школы, наиболее близкими рассматриваемой иконе, являются «Царь Царем» Назария Истомина из собрания ГТГ¹³, ранее бывшая в собрании Ерофея Афанасьева, потом Чирикова, и «Не рыдай Мене, Мати» Стефана Арефьева из Благовещенского собора Сольвычегодска в собрании ГРМ¹⁴.

Икона «Святой Феодор Стратилат и Анна Пророчица» (рис. 4. 35,5×29,9. Дерево, темпера) выполнена на одной доске, укрепленной двумя встречными врезными дубовыми шпонками. Святые стоят в молитвенном обращении к образу Богоматери «Знамение» в полукруге вверху.

Светлое изысканное цветовое решение сочетает несколько оттенков розового: ярко-розовый плащ-гиматий и бледно-розовые штаны святого Феодора, персиковый гиматий Анны Пророчицы и розовое полукружие вокруг Богоматери с Младенцем. Фон светло-охристого цвета, поля — оливкового. На одежде присутствуют остатки светлого ассиста.

Оттеняет «розовую» композицию темно-зеленый цвет одежды Анны Пророчицы и позема с изящным светлым узором, на котором стоят святые.

Икона относится к работам строгановской школы начала XVII в. В подтверждение данной атрибуции говорит наличие между шпонками едва читаемой монограммы Никиты Григорьевича Строганова (1560—1616). Святые соименны родителям жены Никиты Григорьевича, Евпраксии Федоровны Кобелевой (1564/1565—1608), в иночестве Евфимии¹⁵, — Федору Кобелеву (ум. 1586) и Анне NN (ум. 1605).

Можно предположить, для заказа иконы было два важных повода, позволяющие сузить рамки создания иконы. Первый: Никита Григорьевич заказал ее перед женитьбой, в качестве подарка для невесты, тогда время создания иконы — 1580-е гг.; второй: заказ был сделан после смерти родителей Евпраксии Федоровны, не ра-

Рис. 4. Икона «Святой Феодор Стратилат и Анна Пророчица». Строгановская школа. Начало XVII в. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Из коллекции М.И. Чуванова

нее 1605 г. Однако это лишь предположения. Ведь иконы могли просто заказать в качестве подарка на любой праздник.

Также необходимо сказать, что под верхней шпонкой есть следы надписи, утраченной, возможно, в процессе первоначальной чистки, до поступления в музей. Сопоставление иконы «Святой Феодор Стратилат и Анна Пророчица» с иконами Никифора Савина позволяет предположить, что автором данной иконы является именно Савин. Так, фигура с особенным изгибом правой руки, крупными бедрами и тонкими ногами встречается на иконе «Ангел хранит спящего человека» (из собрания ГРМ) — фигура

Федора Стратилата и фигура Архангела в доспехах; похожее композиционное решение с иконой «Богоматерь Печерская с предстоящими Никитой-воином и вмч. Анастасией» (из собрания ГТГ, дом Корина) — с той лишь разницей, что Богоматерь на иконе со святыми Федором и Анной изображена в полукруге наверху, а в иконе со святыми Никитой и Анастасией — сидящей на престоле, между святыми. Об изменении композиции на последней иконе в процессе создания говорит взгляд Никиты-воина, направленный не на Богоматерь, а наверх, на место, где обычно изображалось полукружие.

Догадку о том, что икона «Святой Феодор Стратилат и Анна Пророчица» принадлежит «письму Никифорова», впервые высказал Е.В. Логвинов, отметив упоминание Д.А. Ровинским в рассказе о строгановских иконописцах¹⁶. Действительно, Ровинский пишет, что известна его работа «Федор Стратилат и Анна пророчица, у Ерофея Афанасьева»¹⁷, фигурировавшего в деле Папулина по сбыту строгановских икон¹⁸. К М.И. Чуванову икона «Св. Феодор и Анна Пророчица» могла попасть через староверов, получивших ее у старообрядца-федосеевца Н.А. Папулина (1779—1848), «спасавшего» иконы в 1820—1840-е гг. из Благовещенского собора Сольвычегодска¹⁹.

Спасание икон в XX в. принимает другие обороты: спасти от уничтожения приходится не только «старое» письмо, а все иконы, являвшиеся «предметами религиозной пропаганды». В 1918—1930-е годы известные частные коллекции национализировали, большая их часть поступила в музеи или Государственный музейный фонд, таким образом, удалось избежать их уничтожения. Сделать это было непросто, учитывая, что объем новых поступлений превышал возможности запасников, не всегда позволяя хранителям организовать достойные условия хранения²⁰. Музейные сотрудники вели борьбу за сохранение предметов древнерусской иконописи не только с сотрудниками «Антиквариата» или Главлита, но и с температурой и влажностью в хранении. Наряду с музейными сотрудниками поиском и спасением произведений древнерусской иконописи занимались знатоки и ценители.

М.И. Чуванов свои коллекции книг, рукописей и икон сохранил для потомков почти в полном составе. Еще при жизни коллекционера его собрание книг и рукописей было открыто для знатоков и исследователей. Благодаря прижизненной передаче своих коллекций рукописей и книг в Российскую государственную библиотеку и библиотеку Российской академии наук, собрания икон

в отдел личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина, его труд хранителя не пропал даром.

Напоследок хотелось бы привести слова Е.М. Юхименко об М.И. Чуванове и И.Н. Заволоко, выдающихся деятелях старообрядчества: «Два великих человека XX века... которые через все жизненные испытания, давление обстоятельств и людскую молву смогли пронести через многие десятилетия верность своим убеждениям, сохранить традиционный образ жизни и мышления»²¹.

- ¹ *Сморгунова Е.М.* Москва москвичей. М., 2006. С. 279.
- ² *Чуванов М.И.* Преображенскому кладбищу в Москве 200 лет // Старообрядческий церковный календарь 1971 г. Рига, 1970. С. 73–74.
- ³ Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина [альбом] / науч. ред. В.Н. Тяжелов. М., 2013. Ил. 542.; сайт ГМИИ им. А.С. Пушкина, Отдел личных коллекций http://www.artprivatecollections.ru/data/canvas/jr_376_spas_v_silax.php.
- ⁴ Иконопись из собрания Третьяковской галереи. М., 2008. С. 104–105.
- ⁵ Музей личных коллекций. Путеводитель по залам музея / сост. Н.Б. Автономова. М., 2004. С. 45; сайт ГМИИ им. А.С. Пушкина, Отдел личных коллекций http://www.artprivatecollections.ru/data/canvas/jr_410_blagoveshenie_u_kladezya.php.
- ⁶ Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2008. Кат. 80.13. С. 272.
- ⁷ Рентгенографическое исследование 1991 г. выявило наличие двух отдельных кусков паволоки на среднике и на полях.
- ⁸ *Балдин В.И., Манушина Т.Н.* Троице-Сергиева лавра. Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII веков. М., 1996. Ил. 65. https://www.icon-art.info/masterpiece.php?lng=ru&mst_id=1325.
- ⁹ Датировку подтверждает реставратор Н.В. Дунаева, работавшая с иконой в 1991 г.
- ¹⁰ Икона «Иоанн Предтеча — ангел пустыни, с житием» (XIV–XVIII; инв. № 19749). ГТГ: каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV в. / под общ. ред. Я.В. Брука, Л.И. Иовлевой. М., 1995. Кат. 64.
- ¹¹ Иконы Русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. В 2-х т. М., 2007. Т. 2. Кат. 127.
- ¹² *Автономова В.И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. Кат. 79. Ил. 94.
- ¹³ Икона «Царь Царем» (1616, Строгановская школа, Назарий Истомин; инв. № 152). *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984. Ил. 5.
- ¹⁴ Икона «Не рыдай Мене, Мати» (конец XVI — начало XVII в.; ГРМ, инв. № ДРЖ-1016). https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/ikonopis/spas_nerukotvorniy_ne_riday_mene_mati_konec_xvi_nachalo_xvii_veka_drzh-1016/index.php.
- ¹⁵ «Записная книга» Сольвычегодского Борисоглебского монастыря. Екатеринбург, 2009. С. 21.
- ¹⁶ *Логвинов Е.В.* Иконы «строения именитых людей» Строгановых // Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков. М., 2003. С. 280.

- ¹⁷ *Ровинский Д.А.* Обозрение иконописания в России до конца XVII в. СПб., 1903. С. 33.
- ¹⁸ *Пивоварова Н.В.* «Дневные дозорные записи о московских раскольниках» как источник по истории икон Благовещенского собора Сольвычегодска: факты и вымысел // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: к 9-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 103.
- ¹⁹ Там же. С. 102.
- ²⁰ *Осокина Е.А.* Небесная голубизна ангельских одежд: судьба произведений древнерусской живописи, 1920—1930-е годы. М., 2018. С. 396.
- ²¹ *Юхименко Е.М.* Доклад «Переписка И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова» на Всемирном старообрядческом форуме 1 октября 2018 г. https://ruvera.ru/articles/uhimenko_forum.

Н.И. Демирова

Деятельность П.К. Симони в Историческом музее: малоизвестная страница истории музея и его собрания

С момента организации РИМ и на протяжении 150 лет своего существования музей взаимодействовал и привлекал к своей работе многих специалистов (историков, археологов, нумизматов, палеографов, библиографов и др.). Формы сотрудничества были также разнообразны: участие в формировании коллекций, в работе различных комиссий при музее (нумизматической, диалектологической), чтение лекций, обмен литературой, научные консультации и многое другое. Некоторые из привлеченных специалистов впоследствии, по мере расширения штата музея, становились сотрудниками его отделов, другие избирались членами-сотрудниками и действительными членами РИМ. Личные архивы и коллекции многих из них впоследствии пополнили собрание музея. Все это было важнейшим направлением развития Исторического музея и во многом определило его современный облик.

Одним из таких специалистов, внесших значительный вклад в становление и работу РИМ, был Павел Константинович Симони (1859—1939 гг.), историк книжного дела, палеограф, библиограф и коллекционер. Долгие годы (1892—1926 гг.) основным местом его службы было Отделение русского языка и словесности Академии наук, одновременно он являлся членом-сотрудником Исторического музея, а с июня 1918 г. — его действительным членом. На протяжении многих лет П.К. Симони состоял в переписке с сотрудниками Исторического музея, нередко давал консультации как библиограф и специалист по средневековой палеографии. Также он неоднократно информировал музей о возможностях приобрести архивы, библиотеки и отдельные документы.

Руководство РИМ высоко ценило эту связь, что подтверждает просьба князя Н.С. Щербатова в декабре 1913 г. к П.К. Симони войти в делегацию Исторического музея и взять на себя труд зачитать юбилейный адрес для публичной библиотеки в Санкт-

Петербурге. Ответной телеграммой Павел Константинович уведомил, что сочтет за честь выполнить эту просьбу¹.

Павел Константинович Симони традиционно воспринимается в нашей историографии как историк книжного дела, библиограф, палеограф, собиратель и издатель русского фольклора². Отдельное внимание уделяется изучению его обширной научной библиотеки, которая в 1917 г. была приобретена у владельца и стала основой для организации кабинета русского языка и литературы в организовывавшемся тогда в Самаре Педагогическом институте³. В то же время фигура П.К. Симони остается совершенно не изученной в контексте истории развития инфраструктуры гуманитарных наук в первой четверти XX в. Симони был деятельным участником происходивших перемен, в том числе и в РИМ, с которым поддерживал устойчивые научные связи.

В свете этого была закономерна передача личного архива ученого в Исторический музей. Но документы попали к нам не полностью, оставшиеся хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 461); отделах рукописей Российской государственной (Ф. 362) и Российской национальной (Ф. 696) библиотек. Доставшаяся Историческому музею часть личного архива отличается от остальных: личные документы П.К. Симони составляют в ней сравнительно небольшую часть, основной массив документов — это обширная коллекция вырезок из различных печатных изданий, почтовые карточки, литографии, гравюры, программы, приглашения на различные мемориальные мероприятия и др.

Это собрание содержит информацию о значимых социально-политических событиях, развитии науки и техники, изобразительном искусстве, народной культуре, о сотнях более и менее выдающихся представителях перечисленных сфер. Среди тысяч вырезок можно найти различные географические объекты; историко-культурные типы; иллюстрации, представляющие различные социальные явления. Самые ранние документы этой коллекции относятся к 1850-м гг., последние пополнения — к 1916 г.

В РГАЛИ сохранились воспоминания, написанные П.К. Симони в 1920-х гг. В них содержатся ценные сведения об истории складывания этой коллекции и биографии самого ее составителя. Отец его, Константин Хрисанфович Симони, сенатский служащий, вскоре после рождения сына перешел на службу в правление Санкт-Петербургского университета. Семья переехала на казенную университетскую квартиру, попала в новый круг общения. Соседями семейства Симони оказались преподаватели и служа-

щие Санкт-Петербургского университета. В воспоминаниях названы имена Д.И. Менделеева, библиотекаря М.Е. Пахта (составителя первого систематического каталога университетского книжного собрания), казначея Н.П. Агафонова и др.

Для многих из них отец П.К. Симони переписывал рабочие бумаги, конспекты лекций, научные тексты. Нередко он выступал хранителем личных библиотек преподавателей университета, направленных в заграничные командировки. Именно с этих книг, оставленных на сохранение его отцу, и началось знакомство мальчика с миром науки. Он так вспоминает об этом в своих мемуарах: «Как ни запрещалось нам дотрагиваться до этих книг, но тем не менее я и сам удучал минуту и разбирался в этих книгах и гл[авным] обр[азом] обращал внимание на илл[юстрации] и рис[унки]. Тут были атласы — растений в красках с цветами и плодами. Помню, это была ботаника Шаховского, отца моего учителя истории в гимназии. Затем у отца вообще оставались экземпляры иных диссертаций, которые защищались в университете. Рассматрив[ание] всех этих книг доставляло много приятных минут и как-то влекло в какую-то [тайную] даль, чтобы представить себе, где произрастали такие невиданные доселе деревья и плоды»⁴.

Соседи нередко отдавали детям, Павлу Симони и его сестре, прочтенные газеты и журналы. Любимой детской забавой было вырезать из них картинки. Особенно щедр в этом отношении был уже упомянутый Н.П. Агафонов, он приносил в подарок детям иллюстрированные брошюры, особенно часто во время болезни их матушки оспой. Многие из иллюстраций были приобретены еще маленьким Павлом у букинистов: «Я помню зимой ходил с нею (няней. — Н.Д.) в Андреевский рынок, где она покупала мед, рыбу, а на копеек 5 покупались отдельные листы картинок в маленькой лавочке у букиниста по 5-й линии, не доходя рынка. Продавала там старые книги какая-то пожилая, очень тучная женщина, которая почти не интересовалась торговлей, а дело надо было иметь с приказчиком, с которым надо было торговаться»⁵. Таким образом, в середине 60-х гг. XIX в. начала формироваться интересующая нас коллекция. Хотя речь пока не шла о научно обоснованном коллекционировании, основными двигателями этого процесса выступали детский интерес и любовь к красивым иллюстрациям.

Первые зерна упали на благодатную почву. Дальнейшая судьба П.К. Симони сложилась таким образом, что детский интерес постепенно перерос в профессиональную деятельность. Мальчик был отдан в гимназию при Историко-филологическом институте, считавшуюся одной из лучших классических гимназий Пе-

тербурга. Павел Симони попал в круг молодых людей со схожими интересами: «среди моих товарищей оказалось несколько человек, очень интересовавшихся стариной и искусством, с которыми я охотно сблизился. Это были Рольф Штейн, известный впоследствии иллюстратор русских писателей: Гоголя, Пушкина и др.; особенно же я сблизился с Платоном Милюковым: этот товарищ был очень близок к известному основателю христианского музея Прохорову и часто дарил мне отдельные рисунки и тетради древностей, а затем и литые образки. Прохоров, имея поручение от Академии Художеств, постоянно разъезжал и свозил массу предметов, среди которых отбирал и лишние, кот[орые] мог отдать»⁶.

Симони в своих воспоминаниях признавал, что именно период обучения в 3—4 классах гимназии (середина 1870-х гг.) стал временем начала осознанного коллекционирования: «я и сам обратился к коллекционированию, хотя никаких материальных данных для этого я не имел. Но голь на выдумки хитра. На те пяточки, которые я дома получал на завтраки, за редкими исключениями, все попадали для другого назначения и таким образом составлялся запасной капитал, который шел на приобретение „предметов древности“»⁷. Та же датировка была повторена и в одном из писем к кн. Н.С. Щербатову, сопровождавших передачу коллекции Историческому музею. В соответствии с этим письмом основные материалы коллекции были собраны после 1874 г. и по момент продажи материалов музею (1918—1919 гг.), причем после 1915 г. началось наиболее активное пополнение собрания⁸.

Еще в 1979 г. издатель неопубликованного научного наследия П.К. Симони высказал мысль о том, что передача этой части собрания в Исторический музей не была случайна⁹. Однако дальнейшего продолжения в литературе это предположение не получило. Обратившись к материалам части личного архива П.К. Симони, отложившейся в ОПИ ГИМ, мы сумели найти подтверждения этой точки зрения. В ОПИ ГИМ сохранился проект Русского Историко-культурного справочного института авторства П.К. Симони, представленный в мае 1918 г. на рассмотрение ученой коллегии РИМ. На разработку данного проекта ушло почти 6 лет. В предисловии к документу автор указал, что впервые задумался о создании Института во время участия в Съезде музейных деятелей (судя по всему имеется в виду Предварительный съезд музейных деятелей, прошедший в РИМ 27—30 декабря 1912 г.)¹⁰. Машинописный текст проекта содержит рукописные правки П.К. Симони, страницы подшиты в папку с надписью на обложке «Исторический музей. Симони Павел Константинович. Дело № 725».

Основной целью работы нового института была заявлена помощь исследователям в поиске всего ранее сделанного по их темам и выявлении мест хранения необходимых публикаций и исторических памятников. Функционировать он должен был в структуре Исторического музея. Сам П.К. Симони характеризовал его как «иконографический музей и один общий архив литературы каждого вопроса — хранилище — подвижную энциклопедию всех данных по народной (расовой и племенной), духовной, психической, бытовой, государственной, общественной, политической, промышленной и т.д. прошлой и настоящей жизни Русской Нации»¹¹. Программа минимум предусматривала сбор сведений в виде библиографических ссылок, при наличии возможностей — в виде копий, а в идеальном случае могло бы сложиться генеральное собрание всех подлинников в одном хранилище. Была подробно проработана структура института, заявлены возможные источники пополнения его собраний.

В институте предполагалось создать 7 отделов:

1. *Справочный отдел* должен был вести каталог справочных пособий, книг, каталогов, указателей, энциклопедий, а также хранить сами эти издания.

2. *Регистрационный отдел* отвечал за составление и хранение реестров всех источников по русской истории (рукописных и печатных). Информацию предполагалось организовать в виде карточного каталога с кратким библиографическим и более расширенным описаниями. Отдельное внимание должно было уделяться определению подлинности произведений, планировалось вести список известных подделок. Везде должно быть указано место хранения, название хранящего учреждения, его адрес, шифр или номер. Предполагалось сохранять сведения и об утраченных памятниках. Деление материалов по разделам должно было осуществляться по типологическому принципу: книги гражданской печати; газеты и журналы; летучие листы; географические карты. Также могло присутствовать и тематическое деление: «русский пантеон» — материалы, связанные с выдающимися историческими деятелями; «литературные типы в произведениях русских писателей с указанием, кто из современников писателя послужил оригиналом, действующие лица», сведения о различных учреждениях и обществах и т.д. Всего предлагалось создать около 30 отдельных картотек.

3. *Отдел словарных материалов по русскому языку* предназначался для фиксации сведений о русском языке, его разветвлениях и праязыках, а также его искусственных вариациях. Сотрудни-

ками института должны были составляться словари имен, названий, кличек. П.К. Симони предлагал определенную методику работы: закупить по два экземпляра наиболее ценных в научном значении и по точности изданий, сделать вырезки и наклеить их на карточки, а после проверки с оригиналом сделать сводку каждой группы словарного материала и все пополнять и исправлять потом по разным новым изданиям. При обосновании необходимости этого раздела подчеркивались связь языка с народной психологией и важность лингвистических изысканий для понимания последней.

4. *Архивный отдел* должен был осуществлять компоновку сведений о литературе и источниках по различным предметам, то есть представлять своего рода предметный каталог.

5. *Лабораторный отдел (Музеологии и Реставрации, Монтировки)* рассматривался не только как прикладное подразделение, обеспечивающее сохранность документов самого института, но и как библиотека литературы по способам реставрации, хранения, учета предметов.

6. *Отдел иконографии* — сюда предполагалось выделить изображения, снимки, рисунки, негативы, слепки. Также к этому отряду предполагалось отнести фономатериалы: «фонограммы, валики, американские трубки (Эдиссона)».

7. *Энциклопедический отдел* должен был стать основным связующим звеном, своеобразным сердцем института. Именно он и обозначался в проекте как подвижная энциклопедия. Здесь должны были вестись тематические и предметные картотеки сведений и документов, хранящихся в разных отделах института. П.К. Симони так описывал его картотеки: «на карточках 1/16 листа писчей бумаги — заключает в себе возможно полную по данный день литературу предмета, карточки с регистрацией всего, что заключается в предыдущих отделах института... на листках форматом в 1/8-ую долю печатного листа наклеены вырезки из газет, журналов, книг, выписки на пишущей машине наклеены вырезки из газет, журналов, книг, выписки на пишущей машине, от руки и т[ому] под[обные] копии со статей, брошюр, рисунки, портреты, снимки, чертежи, карты и т.д... Материалы для каждого отдельного слова помещаются в одном прочном (на коленкоре) конверте и имеется на одном из краев ярлык с надписью данного заглавия (слова)»¹².

Интересен тот факт, что документы из личной коллекции П.К. Симони организованы по схожему принципу. Вырезки из газет наклеивались на плотные листы сине-серой бумаги. Помещались ли они в конверты с ярлыками — неизвестно, на данный

момент в архивном фонде их нет. Группировка по темам переключается с тематическим списком, предложенным в проекте института. Кроме того имеются материалы, еще не прошедшие такую обработку владельцем — неразрезанные газеты, дублеты отдельных вырезок (временами со смещением, видимо, для наклейки на лист другой стороной и представления, таким образом, другого вопроса).

В одном из писем, сопровождавших передачу собрания в РИМ, П.К. Симони писал заведующему отделом архива, И.М. Тарабрину: «едва ли представится возможность все собрание мне подобрать так [как] было желательно и мне самому: книги и вырезки в последние годы брошюровать, подклеивать и переплетать не было [...] никакой возможности, и потому многие листы с изображениями и у меня остаются не наклеенными и не монтированы, а иногда даже и не собраны в прочные обложки и папочные корки; да[же] начатые исполнением в последнее время инвентарь и каталог — еще лишь в начале самой работы»¹³.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о том, что коллекция, выросшая из детского увлечения, постепенно стала восприниматься ее составителем как исследовательский инструмент. П.К. Симони оценивал свое собрание как одну из возможных основ крупного справочно-библиографического центра России. На позднем этапе формирования он пополнял ее именно исходя из предполагаемой им методики работы будущего научно-справочного центра.

Это предположение подтверждается тем же проектом института. В разделе, посвященном организации работы нового учреждения, П.К. Симони предлагал создать коллектив из одного заведующего и нескольких его помощниц или переписчиц «более или менее любознательных и аккуратных». Затем постепенно расширять штатное расписание. На первое время предлагалось закупить по 2 экземпляра справочных и библиографических изданий, указателей к журналам, описаний рукописей, польских и чешских энциклопедий. Кроме того автор выражал надежду на получение пожертвований от лиц, уже имеющих необходимые материалы. Видимо, подразумевая и собственную коллекцию¹⁴.

Ответ на проект П.К. Симони со стороны музея последовал в письме от 18 июня 1918 г., его черновик подшит к проекту Института: «Ученая коллегия Исторического музея горячо приветствует Вашу мысль о создании „Русского Историко-Культурного Справочного института“ как учреждения, необходимость которого давно уже сознавалась всеми исследователями России и ее жите-

лей и которое является как нельзя более своевременным теперь, при переживаемом возрождении национального самосознания»¹⁵. Одновременно сообщалось об избрании П.К. Симони действительным членом Исторического музея. Положительное решение о приобретении коллекции П.К. Симони было принято в марте 1919 г.

Между музеем и владельцем коллекции была достигнута договоренность о стоимости коллекции, но начавшаяся Гражданская война сделала невозможным перевозку обширного архива из Петрограда в Москву. Пришлось прибегнуть к помощи Академии наук, от которой было получено письменное согласие временно хранить собрание П.К. Симони и признание полных прав на него за Историческим музеем¹⁶.

После 1918 г. в Историческом музее, как и в других научных и культурных центрах страны, происходили серьезные структурные изменения. Коллекция личных архивов исследователей гуманитарного профиля, сложившаяся в Историческом музее позволяет осветить многие вехи истории ГИМ в то непростое и противоречивое время. Переписка между И.М. Тарабриным и П.К. Симони, активно шедшая в революционные годы, свидетельствует о том, что в ученый совет музея не только на словах одобрил инициативу П.К. Симони. Предпринимались и конкретные попытки проведения в жизнь его идей. Мы можем предполагать, что возникновение некоторых отделов музея в конце 1910-х гг. было результатом именно этого предложения. В ноябре 1918 г. И.М. Тарабрин писал к П.К. Симони: «Ваша мысль о создании при Музее Справочного института все более и более приводится в осуществление. Как Вам известно, уже создан отдел музееведения и регистрации исторических памятников, теперь является возможность идти и далее — открыть в моем отделе подотдел Русской идеографии и русской терминологии и, в первую голову, будут собираться материалы для Вашего «Русского пантеона» и для археологического словаря, а там, м.б., удастся открыть и особый отдел Картографии и русской исторической географии»¹⁷.

Несмотря на все усилия И.М. Тарабрина и сторонников его взглядов на будущее музея, полностью реализовать проект П.К. Симони и оформить его в особое учреждение так и не удалось. Тем не менее, некоторые из направлений работы, которые должно было курировать новое учреждение, реализовывались в повседневной работе сотрудников отдела архива Исторического музея в 1920-е гг. Таким образом, научные связи ученого с Историческим музеем носили характер гораздо более близкий и глубокий, нежели мы полагали ранее.

Возникает еще один вопрос, почему П.К. Симони, родившийся и выросший в Санкт-Петербурге, работавший в Академии наук, с раннего детства связанный с миром Санкт-Петербургского университета и горячо любивший свою *alma mater*, предлагал создать такой важный, узловой научный центр в Москве на базе Исторического музея? Мы полагаем, что крепкие научные и даже дружеские связи с коллективом музея хоть и сыграли здесь свою роль, но не могли быть первопричиной. Скорее всего, дело в том, что именно Исторический музей в Москве являлся единственным музеем национальной истории России, а идея национальности была основополагающей и в проекте П.К. Симони. Кроме того, на выбор организационной базы мог оказать влияние и тот факт, что в годы революции многие дворянские семьи отдавали свои архивы на хранение именно сюда. Поначалу это хранение предполагалось владельцами временным, но жизнь показала, что музей стал постоянным пристанищем для этих документов. Эта обеспеченность материалами, необходимыми для полноценной работы предполагаемого института, была крайне важна. Наконец, и, возможно, даже в первую очередь, выбор был обусловлен самим отношением представителей интеллигенции к Историческому музею, характерному для начала XX в. Он однозначно воспринимался как важнейший научный центр, объединявший вокруг себя всех исследователей, отдававших свои силы изучению истории Российского государства, вне зависимости от их научной школы или места проживания. Это центральное положение музея в научной системе того времени естественным образом могло сделать новый институт отправной точкой для каждого нового исследования по российской истории.

Пример личного архива П.К. Симони в ОПИ ГИМ убедительно показывает нам, что даже хорошо известные исследователям архивные фонды таят в себе еще много скрытой информации, позволяющей осветить неизвестные страницы биографий их бывших владельцев. Необходимо их дальнейшее изучение, что позволит расширить наши представления об истории ключевых научных и культурных центров нашей страны, истории российской науки и культуры.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 37. Ед. хр. 9. Л. 6–7.

² См. напр.: *Дорошевич А.В.* П.К. Симони как историк книжной торговли // *Книжная торговля. Опыт, проблемы, исследования.* Вып. 13. М., 1984. С. 212–230; *Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И.* Библиофилы-библиографы конца XIX — начала XX века. М., 2019.

- ³ Машенцева Л.П. Историко-культурный феномен книжных собраний П.К. Симони // Гротовские чтения. Материалы IV МНПК. Самара, 2016. С. 235–240.
- ⁴ РГАЛИ. Ф. 461. Ед. хр. 8. Л. 2.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Ед. хр. 7. Л. 10.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 37. Ед. хр. 9. Л. 81.
- ⁹ Симони П.К. Как сложился тип русского книжника в старое время (публ., вступ. ст. и примеч. Г. Довгалло) // Альманах библиофила. М., 1979. Вып. 7. С. 209.
- ¹⁰ Подробнее о Предварительном съезде музейных деятелей см.: Разгон А.М. Предварительный музейный съезд — итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. М., 1991. Ч. II. Из жизни музеев. С. 5–26.
- ¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 37. Ед. хр. 9. Л. 34.
- ¹² Там же. Л. 65–66.
- ¹³ Там же. Л. 81об.
- ¹⁴ Там же. Л. 69, 71.
- ¹⁵ Там же. Л. 74.
- ¹⁶ Там же. Л. 86.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 2. Ед. хр. 223. Л. 10.

И.Б. Полуэктов, С.Н. Юсупова

Сохранение исторической памяти о воинских частях Русской императорской армии в региональных музейных коллекциях (на примере музея 5-го гусарского Александрийского полка, г. Самара)

В последнее время все более актуальной становится деятельность по патриотическому воспитанию и формированию интереса у подрастающего поколения к военной истории Отечества, разработке и внедрению эффективных форм и методов работы по развитию гражданского и национального самосознания подрастающего поколения, сохранению исторической памяти.

Как отметил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на встрече с общественностью Крыма и Севастополя 18 марта 2019 г.: «Это очень важная тема. Это касается школьников, молодых людей, подростков. Это не значит, что нужно навязывать одну идеологию, но воспитывать молодых людей, граждан страны молодых на основах патриотизма, любви к Отечеству, на основе знания собственной истории, на основе различных идей по планам развития страны — чрезвычайно важная вещь»¹.

Создание музеев, посвященных сохранению памяти о знаменитых и заслуженных воинских частях отечественных вооруженных сил, в том числе Русской императорской армии, является важнейшим звеном в процессе приобретения исторических знаний и повышении интереса молодежи к героическим «делам давно минувших дней».

Следует отметить, что деятельность по организации полковых музеев в Российской империи приобрела особую актуальность в самом начале XX в., когда, после неудачной войны с Японией 1904—1905 гг., на фоне роста революционного движения в 1905—1907 гг., со всей остротой стал вопрос о необходимости усиления обороноспособности страны, принятии мер по укреплению авторитета вооруженных сил и повышению престижа военной службы.

Данные обстоятельства способствовали тому, что во многих воинских частях стали уделять пристальное внимание работе по «...ревностному собиранию и хранению как вещественных

(предметных), так письменных и литературных памятников былой боевой славы... Тщательно отыскивается материал — наглядный и правдивый памятник седого, славного прошлого полка, учреждаются то здесь, то там при полках музеи...»².

Деятельность по созданию полковых музеев в Русской императорской армии нашла отражение как в специализированных военных изданиях той эпохи³, так и в современных исследованиях⁴, в том числе и авторов данной работы⁵.

Например, в 1911 г. в военно-литературном журнале «Разведчик» было опубликовано обращение «К устройству полкового музея»⁶, в котором секретарь музея 83-го пехотного Самурского полка штабс-капитан Ф.А. Лебедев⁷ просил «...всех когда-либо служивших в полку или имевших хотя бы временно какую-либо связь с полком не отказать помочь в собрании драгоценных для каждого Самурца памятников о прошлой жизни полка»⁸.

Одновременно с этим Московский отдел Императорского русского военно-исторического общества принял решение «приступить к составлению обозрения предметов военной старины, хранящихся в русских провинциальных музеях, в частных собраниях лиц и при частях войск»⁹. Целью данной работы являлось получение обобщенной информации об «уцелевших материальных памятниках военного прошлого... сгруппированных в музеях при частях войск или сохраняющихся в городских и других музеях и известных частям войск частных собраниях и пунктах расположения части»¹⁰. Как считал руководитель этого проекта генерал-майор Никандр Александрович Маркс¹¹, реализация намеченных планов позволила бы исследователям военного прошлого не только легко ориентироваться при «проверке и обследовании» имеющихся исторических материалов, но и сформировала бы предпосылки для дальнейшей планомерной научно-исследовательской деятельности, в ходе которой можно прийти «к новому освещению того или иного вопроса», а также помочь воинским частям получить информацию «о забытой или заброшенной в чужой угол той или другой войсковой реликвии»¹².

На этом фоне в декабре 1912 г. и в январе 1913 г. в Москве проводятся сборы хранителей музейных образований, созданных при различных войсковых частях и учреждениях военного ведомства, с целью разработки и обсуждения общей программы по организации и дальнейшему развитию войсковых музеев¹³. При этом высказывались предложения о необходимости создания подобных музеев при каждом кавалерийском и пехотном полку с выделением в законодательном порядке «сумм специального отпуска» на реа-

лизацию данных мероприятий, что позволило бы войсковым частям «получать необходимые средства на создание достойного хранилища для различного рода „памятей“ своего исторического существования»¹⁴. Также ставился вопрос и о необходимости придания полковым музеям обучающих и воспитательных функций, чтобы они стали не только «местом упокоения „дорогого прошлого“, а местом живого общения с ним для его изучения и совершенствования в деяниях „настоящего“ и „будущего“»¹⁵.

В этой связи ставилась задача определенной систематизации полковых коллекций, приведения их к некоему единому стандарту. Так, упомянутым выше штабс-капитаном Лебедевым предлагалась следующая примерная структура полкового музея: «1) обмундирование, вооружение, снаряжение полка, со дня формирования; 2) обмундирование, снаряжение и вооружение неприятеля, с которым приходилось вести войны; 3) личные знаки отличия, грамоты, жетоны, полученные когда-либо служащими в полку; 4) меню, программы, приглашения, письма, дневники, записки, телеграммы и т.п.; 5) всевозможные сочинения о службе и жизни полка; 6) разные рассказы, описания, биографии, дневники, записки и другие литературные труды, независимо от темы, но принадлежащие перу кому-либо из бывших членов полка; 7) портреты, группы и всевозможные фотографии и рисунки, относящиеся к жизни полка и к тем местам, где когда-либо полк или часть его находились хотя бы и временно»¹⁶.

В то же время никто не оспаривал мнения редакции журнала «Вестник русской конницы» о том, что «рациональное оборудование и устройство каждого из полковых музеев в значительной степени будет зависеть от чисто индивидуальных условий и обстоятельств, характеризующих полковую жизнь в ее прошлом и настоящем»¹⁷.

В частях русской кавалерии определенным образцом для данной работы стал Учебно-исторический музей Офицерской кавалерийской школы, открытый в Санкт-Петербурге 20 мая 1913 г.¹⁸. Вместе с тем, данное музейное образование имело определенные особенности, связанные с тем, что в нем экспонировались не только исторические предметы, но современные (на тот исторический период) учебные образцы кавалерийского вооружения и снаряжения российской и иностранных армий¹⁹. Музей состоял из четырех отделов: «заповедного», оружейно-кузнечного, седельного и архива-библиотеки, представляя собой как хранилище «заповедного имущества школы», так и место «для занятий гг. офицеров переменного состава по наглядному ознакомлению

с различными образцами оружия, седел и кузнечного имущества, принятых в нашей и иностранных армиях»²⁰.

Поэтому в ряде кавалерийских полков Русской императорской армии, в том числе в 5-м гусарском Александрийском Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку (имел старшинство с 1776 г., сформирован в 1783 г., дислоцировался в г. Самаре в 1910–1914 гг.; неофициальное название — «Бессмертные гусары»), функции полковых музеев выполняли помещения офицерских собраний, где размещались памятные предметы, так или иначе связанные с историей и боевым путем части²¹.

К сожалению, до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., несмотря на славные свершения и героические подвиги александрийских гусар, не было издано ни официальной истории полка, ни создано полкового музея. Великая война, стремительные события Октябрьской революции 1917 г. и кровавый вихрь Гражданской войны также не способствовали этому.

Уходя в 1914 г. на войну, александрийцы оставили в Самаре свою парадную форму, «большое количество портретов, рисунков с изображениями военных форм полка в разные царствования, фотографии, старинное оружие, а также документы по истории полка»²². В 1918 г. «многие солдаты-гусары разъехались по домам, добрались и до Самары, и на станциях железных дорог можно было встретить Александрийцев в черных доломанах (двух солдат-армян я встретил в Баладдарах под Баку)»²³.

Попытка возрождения коллекции предметов, связанных с историей полка, была предпринята в эмиграции полковником С.А. Топорковым, который посвятил этой подвижнической работе 40 лет своей жизни. Музей размещался в квартире полковника в Ментоне, затем — в Париже.

Вот как пишет о нем профессор Владимир Васильевич Бодиско, кадет, известный эмигрантский публицист: «Так создалось объединение Александрийцев, возглавляемое старшим — полковником, в которое постепенно вливались и остальные Черные гусары. После многих перипетий полковник осел в Париже и даже выписал из России сестру. Постепенно их маленькая квартира превратилась в полковой музей, где помимо фотографий, указов и послужных списков оказались и чакчиры, сапожки с розетками, черный доломан и фуражка с алым околышем. Были собрания, полковые встречи на праздники, молебны, панихиды. Но время шло, и ряды все больше редели. Почувствовав, что и ему близок переход в иной мир, обратился полковник во французский военный музей с предложением передать ему собрание Александрийских реликвий»²⁴.

Другой известный деятель эмиграции рассказывал о собрании Топоркова следующее: «Когда я явился к нему, я увидел, что его комната представляла собой музей, посвященный его родному полку Александрийских Гусар.

Оказалось, что С.А. Топорков всю свою жизнь в эмиграции (а она продолжалась около 40 лет) посвятил собиранию всего того, что могло бы послужить для подробной истории его родного полка. И богатый музей в его комнате был одним только из результатов этой изумительной работы»²⁵.

До недавнего времени напоминанием о пребывании «Черных гусар» в Самаре служили разрозненные остатки полковой библиотеки, находящиеся в фондах Самарской областной универсальной научной библиотеки²⁶, а также четыре портрета из офицерского собрания полка, хранящиеся в Самарском областном художественном музее²⁷.

Очередной этап в изучении истории 5-го гусарского Александрийского полка, сохранении памяти о пребывании «Бессмертных гусар» в Самаре наступил в августе 2015 г., когда был организован Союз «Военно-исторический клуб «Бессмертные гусары».

Союзом проведена значительная практическая работа по реализации проектов возрождения и сохранения славных традиций Русской армии: в частности, располагая сведениями о коллекции исторических предметов, хранившихся в помещении полкового офицерского собрания, представителями военно-исторического клуба «Бессмертные гусары» в 2016 г. на базе научно-экспозиционного отделения Дома офицеров Самарского гарнизона им. К.Е. Ворошилова был создан музей Александрийского полка, посвященный памяти воинов-гусар.

За короткий срок осуществлен сбор исторического материала, записаны интервью с проживающими в разных странах потомками «бессмертных гусар». Расположенная в двух залах экспозиция музея представляет почти полуторавековую историю полка александрийских гусар. Здесь представлены подлинные фотографии, документы, обмундирование, оружие, портреты выдающихся лиц российской истории, в разное время служивших в полку или имевших к нему какое-либо отношение²⁸.

Первый зал посвящен периоду от создания полка в 1783 г. до 6 декабря 1907 г., когда армейским драгунским полкам были возвращены их исторические названия, и 15-й драгунский полк вновь стал 5-м гусарским Александрийским²⁹ (рис. 1).

Большой интерес вызывают подлинные предметы обмундирования гусарских полков XIX в., представленные в зале, в том числе

Рис. 1. Александрийский гусар в исторической форме времен Отечественной войны 1812 года и заграничных походов Русской армии 1813—1814 гг. Манекен (Здесь и далее, если не указано иное, фотографии экспонатов и интерьера Музея 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, г. Самара.)

кивера александрийцев времени царствования Николая I, а также форменное кепи, принадлежавшее бывшему шефу полка Великому князю Николаю Николаевичу Старшему (рис. 2—4).

В витринах находятся предметы вооружения русских кавалеристов XIX в., в частности, русская сабля легкой кавалерии образца 1827 г. (рис. 5), кремневые и капсюльные пистолеты, 4,2-линейный револьвер системы Смита-Вессона (рис. 6, 7), введенный в русской армии в 1871 г. для вооружения офицеров пехотных частей и во-

Рис. 2. Кивер обер-офицера
Александрийского гусарского полка.
1828—1833 гг.

Рис. 3. Кивер обер-офицера
Александрийского гусарского Его
Императорского Высочества Великого
Князя Николая Николаевича Старшего
полка. 1857—1862 гг.

Рис. 4. Кепи генерала 5-го гусарского Александрийского Его Императорского
Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего полка. 1864—1882 гг.

Рис. 5. Сабля легкой кавалерии образца 1827 г.

Рис. 6, 7. 4,2-линейный револьвер системы Смита-Вессона образца 1871 г.

еннослужащих уланских и гусарских полков, а также драгунская 4,2-линейная винтовка Бердана № 2 образца 1870 г.

Из личных предметов в первом зале представлены такие интересные образцы, как блюдо из сервиза графа И.Ф. Паскевича-Эриванского, генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Варшавского, который был шефом полка в 1845—1856 гг., а также перстень, принадлежавший командиру 2-й бригады 5-й кавалерийской дивизии в 1882—1891 гг. генерал-майору маркизу Л.А. де Траверсе (рис. 8, 9).

Во втором зале выставлены экспонаты, иллюстрирующие историю полка с момента возвращения ему гусарского названия, его боевой путь в годы Первой мировой войны, а также рассказывающие о судьбах «бессмертных гусар» во время Гражданской войны в России и в эмиграции. Центральное место занимает конно-пешая группа военных в форменной одежде 5-го гусарского Александрийского полка различного образца (рис. 10).

Рис. 8. Блюдо из сервиза, принадлежавшего генерал-фельдмаршалу графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому

Рис. 9. Перстень, принадлежавший генерал-майору маркизу Л.А. де Траверсе

Рис. 10. Конно-пешая группа гусар в форменной одежде 5-го гусарского Александрийского полка: парадной форме мирного времени образца 1908—1913 гг. и походной форме военного времени образца 1910—1914 гг. Манекены

Значительную часть экспозиции представляют документы, составленные александрийцами, либо посвященные отдельным эпизодам истории и боевого пути «бессмертных гусар»: изданные в эмиграции работы офицеров полка историко-исследовательского и мемуарного характера, книги из полковой библиотеки, оригинальные фотографии военнослужащих-александрийцев периода 1910—1920 гг. Неизменный интерес посетителей всегда вызывают подлинные полковые знаки (офицерский и нижних чинов) с изображением адамовой головы; жетон, посвященный 100-летию юбилею полка, и оригинальные знаки на головные уборы в виде мертвой головы — символа полка.

Коллекция холодного оружия в военном музее — особая и значимая часть экспозиции. В собрании музея 5-го гусарского Александрийского полка представлены различные образцы, состоявшие на вооружении российской кавалерии в разное время.

Одним из основных видов такого оружия, кроме пики, на рубеже XIX—XX вв. являлась шашка. Шашка в регулярной и иррегулярной кавалерии стала ярким и узнаваемым символом русской конницы. Появление в русской армии шашек связано с продолжительным периодом Кавказских войн конца XVIII — второй половины XIX в., когда наши войска впервые столкнулись с этим оружием, разящим быстро и смертоносно. Слово «шашка» происходит от кабардино-черкесского «саш хо» (буквально — «длинный нож»). Легкие, почти прямые в деревянных ножнах, обтянутых кожей, шашки идеально подошли для тактических действий кавалерии рубежа XIX—XX вв. Хотя при испытании их в действующих частях русской кавалерии отзывы были не самые положительные, впоследствии шашки не только прижились, но стали неотъемлемым атрибутом кавалерии.

Введение шашек связано с реформами в армии 1880-х гг. До принятия на вооружение шашки образца 1881 г. холодное или, как тогда говорилось, «белое» оружие было достаточно разнообразным. Генерал А.П. Горлов³⁰ разработал и предложил шашку единого типа для регулярной казачьей конницы и конной артиллерии. Первоначально все образцы имели защитные дужки, впоследствии для казачьих войск были разработаны образцы без дужек.

Кавказские казаки, Кубанское и Терское войска использовали традиционное холодное оружие и форму одежды кавказского типа. В остальной регулярной армии — кавалерии, конной артиллерии, пехоте, корпусе военных инженеров и сопутствующих служб, а также ветеринарами и военными чиновниками — стала использоваться шашка.

Кроме образцов, изготовленных на казенной Златоустовской оружейной фабрике, офицеры использовали при служебной и парадной форме большое количество шашек с произвольными клинками, изготовленными иностранными производителями, как правило, немецкими. Клинки хорошего качества, имеющие украшения, выполненные методом травления, поступали в Российскую империю и продавались в магазинах офицерских вещей. Это были не только шашечные клинки, но и клинки сабель, шпаг, палашей и кортиков, широко бытовавших в офицерской среде. В собрании музея представлены данные образцы с художественно выполненными украшениями, в которых использованы изображения русских витязей, воинской арматуры, лошадей и подков.

Во время военных реформ 1905—1912 гг. в русскую армейскую кавалерию были возвращены наименования гусарских и уланских полков, ранее преобразованных в драгунские³¹. С возвращением названия вернулась и очень красивая парадная форма, требовавшая яркого узнаваемого оружия, чему не вполне соответствовала шашка со всей ее строгой лаконичностью, даже несмотря на то, что в 1909 г. шашки офицеров получили новые эфесы, украшенные растительным орнаментом и вензелем императора. Данным оружием стала сабля легкой кавалерии образца 1827 г., получившая название «образец 1827—1909 года», на эфесе которой, как и на шашке, было изображение вензеля императора. Сабля носилась вне строя при парадной форме, позвякивая о стремяна или по мостовым столиц и провинциальных городов. Она дополняла лихой, щегольской вид кавалериста — гусара или улана, визуальнo возвращая облик к конникам прошлых лет. В собрании музея представлена такая сабля со следами бытования — потертостью эфеса, значительно стертым под углом башмаком ножен (см. рис. 5). Сабля была обнаружена недалеко от казарм 5-го гусарского Александрийского полка и, скорее всего, принадлежала одному из офицеров. Принятие на вооружение сабли «образца 1827—1909 года», улучшенные и украшенные эфесы шашек образца 1909 г. стали последними реформами холодного оружия русской кавалерии и навсегда остались артефактами тех прошлых героических эпох, когда, как было прописано в уставе, следовало «довести атаку до удара холодным оружием».

Одним из самых ранних русских образцов собрания является сабля нижних чинов легкой кавалерии образца 1827 г. Мощный, тяжелый образец с сильно изогнутым клинком, был разработан, по легенде, самим Николая Буте — одним из главных производителей холодного оружия Франции, и использовался французской кавалерией в течение всего периода наполеоновских войн. Впо-

Рис. 11. Полковой Георгиевский штандарт. Копия

следствии был принят на вооружении русской армии под названием «Сабля легкой кавалерии образца 1827 года».

Драгунские шашки образца 1881 г. представлены следующими экземплярами: шашка нижних чинов драгунская образца 1881 г., со штыком, штатный образец вооружения нижних чинов русской армейской кавалерии; шашка офицерская драгунская образца 1881 г., клинок произвольного типа, украшенный, изготовлен в Германии (3 шт.); шашка офицерская драгунская образца 1881 г., клинок произвольного типа, имеет украшение, выполненное на высоком художественном уровне, изготовлен в Германии; шашка офицерская драгунская образца 1881 г., облегченная, с жаргонным

названием «крысоколка», клинок произвольного типа, украшенный, изготовлен в Германии.

Также в экспозиции находятся две офицерских шашки образца 1909 г.: шашка офицерская драгунская образца 1909 г., наградное оружие «За храбрость» со знаком ордена Святой Анны 4-й степени, клинок произвольного образца, изготовлен в Германии; шашка офицерская драгунская образца 1909 г., клинок произвольного образца, изготовлен в Германии.

На площадке указанного музейного образования активистами военно-исторического клуба «Бессмертные гусары» на регулярной основе проводятся экскурсионные, лекционные и мемориальные мероприятия, направленные на сохранение исторической памяти и военно-патриотическое воспитание молодежи на примерах самоотверженности, мужества и храбрости наших соотечественников и земляков.

24 октября 2018 г. по инициативе Союза «ВИК «Бессмертные гусары» Указом Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина 15-й отдельной мотострелковой бригаде миротворческих сил было присвоено почетное наименование «Александрийская» в память о подвигах воинов 5-го гусарского Александрийского полка.

До недавнего времени центральное место в экспозиции занимала копия исторического полкового Георгиевского штандарта с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1828 года», пожалованного александрийцам 6 апреля 1830 г.³² (рис. 11).

4 ноября 2019 г. копия полкового штандарта торжественно передана представителями ВИК «Бессмертные гусары» воинам-миротворцам и размещена в созданной при бригаде музейной экспозиция, посвященной истории александрийских гусар.

Создатели музея истории 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка в своей деятельности стремятся следовать напутствию предшественников: «Да послужит вновь открытый... музей... не только достойным хранилищем... славного прошлого, но и местом для наглядного изучения этого прошлого в целях постоянного совершенствования в настоящем и будущем»³³.

¹ «Путин высказался за патриотическое воспитание молодежи без идеологизации такой работы» // Сайт «ТАСС» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/6230692> (дата обращения: 10.05.2021).

² С.К.К. Наши архивы // Разведчик. 1911. № 1087. С. 547.

- 3 См. «Разведчик. Журнал Военный и литературный» за 1911 г., «Вестник русской конницы. Иллюстрированный двухнедельный журнал, издаваемый, с разрешения Генерал-Инспектора Кавалерии, при офицерской Кавалерийской школе» за 1907, 1913 гг.
- 4 Котков В.М. Полковые музеи и музеи военно-учебных заведений русской армии в XIX — начале XX вв.: Монография. — СПб., 2018.
- 5 Полуэктов И.Б., Юсупова С.Н. Музейные коллекции как место сохранения исторической памяти о подвигах и воинских традициях русской Императорской армии (на примере музея 5-го гусарского Александрийского ЕЯ Величества государыни императрицы Александры Феодоровны полка, г. Самара) / И.Б. Полуэктов, С.Н. Юсупова // История и историческая память. 2020. № 21. С. 47—62.
- 6 Разведчик. 1911. № 1094. С. 654.
- 7 Лебедев Федор Александрович. Из мещан Терской области. На 01.01.1909 — штабс-капитан 83-го пехотного Самурского полка (входил в состав 21-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса). На 24.09.1915 — подполковник того же полка. Полковник (19.04.1917; со старшинством с 19.07.1915; на основании приказа по Военному ведомству от 1915 г. № 563. Ст. 1). Участник Первой мировой войны. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. с мечами (Высочайший приказ (ВП от 19.02.1915, «за отличия в делах против неприятеля»), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (ВП от 26.02.1915, «за отличия в делах против неприятеля»), Св. Георгия 4-й ст (ПВ III армии Западного фронта от 24 сентября 1915 г. № 517; награждение утверждено ВП от 26.08.1916; «108. 83 пех. Самурского полка подполковник Федор Лебедев. В бою 28 сентября 1914 г., занимая с ротой ответственную позицию на участке дамбы против д. Вулька-Тыржинска, прикрывавшую как наши батареи, так и переправы на р. Висле, в тот момент, когда массы пехоты повели наступление на позиции его роты с явной целью прорвать защищаемый им перед фронтом дивизии участок, подпустил наступающие массы на расстояние прицельного огня и открыл огонь пачками. Не выдержавший спокойного и уверенного отпора противник, неся потери, повернул и скрылся в деревне, а цепи его вернулись в свои окопы. Своими умелыми распоряжениями, под губительным огнем артиллерии и пулеметов противника, подполковник Лебедев защитил батареи от захвата и предупредил возможность прорыва к переправам на Висле») // Сайт «Офицеры РИА» [Электронный ресурс]. URL: Лебедев_Федор_Александрович (дата обращения: 10.05.2021).
- 8 Разведчик. 1911. № 1094. С. 654.
- 9 Разведчик. 1911. № 1085. С. 510.
- 10 Там же.
- 11 Маркс Никандр Александрович (1861—1921) Из дворян Минской губ. Общее образование получил в Михайловско-Воронежской военной гимназии. На службу поступил 09.08.1878. Окончил 3-е военное Александровское училище (1880). Выпущен подпоручиком (со старшинством с 08.08.1880). Переведен в л.-гв. Волынский полк чином прапорщика гвардии (со старшинством с 28.08.1881). Подпоручик гвардии (со старшинством с 30.08.1884). Поручик гвардии (со старшинством с 01.01.1885). Старший адъютант штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии (с 28.01.1885). Переименован в штабс-капитаны (со старшинством с 01.09.1887). Исполняющий должность помощника старшего адъютанта

- штаба Кавказского военного округа (ВО) (с 30.01.1888). Старший помощник старшего адъютанта того же штаба (с 08.05.1889). Капитан (со старшинством с 30.08.1889; за отличие). Подполковник (со старшинством с 26.02.1896; за отличие). Полковник (со старшинством с 27.03.1900; за отличие). Исполняющий должность правителя канцелярии военно-окружного совета Кавказского ВО (с 27.03.1900). Член от Военного министерства в военно-окружном совете Сибирского ВО (с 10.02.1902). Член от Военного министерства военно-окружного совета Московского ВО (с 23.04.1904). Генерал-майор (со старшинством с 31.05.1906; за отличие). Окончил Московский археологический институт (1910), профессор кафедры палеографии там же, читал курс по древнерусскому праву, собрал и издал «Легенды Крыма» (вып. 1—3). Генерал-лейтенант (со старшинством с 31.05.1913; за отличие). В отставке по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией (с 21.07.1914). 13.01.1916 вернулся на службу в чине генерал-лейтенанта (со старшинством с 14.04.1914). Исполняющий должность начальника штаба Одесского ВО (13.01.1916—04.09.1917). 04.09.1917 назначен в резерв чинов при штабе Одесского ВО. С 10.09.1917 — вновь исполняющий должность начальника штаба Одесского ВО. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. 28.04.1919—07.05.1919 — комиссар народного просвещения Феодосии, затем член коллегии Отдела народного просвещения, заведующий школьной и хозяйственной секциями. 22.06.1919 арестован белыми в Феодосии, доставлен в Екатеринодар; подвергся угрозам самосуда со стороны офицеров. 15.07.1919 признан военным судом виновным «в работе с большевиками, без нанесения вреда и ущерба Добровольческой армии» и приговорен «по лишении всех прав состояния, к каторжным работам сроком 4 года»; по конфирмации приговора А.И. Деникиным освобожден ввиду возраста от фактического отбытия наказания. Большую роль в защите Маркса от самосуда и смягчении приговора сыграл М.А. Волошин, оставивший воспоминания «Дело Н.А. Маркса». 14.09.1919 выслан распоряжением генерал-лейтенанта Н.Н. Шиллинга из Таврической губ. на Тамань. Осенью 1919 г. отклонил предложение возглавить части Красной Армии на Кубани. 19.12.1920 избран первым ректором Кубанского университета. Умер от воспаления легких. Похоронен в Екатеринодаре. Награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст. (1903), Св. Анны 2-й ст. (1905), Св. Владимира 3-й ст. (1909), Св. Станислава 1-й ст. (1912), Св. Анны 1-й ст (01.03.1916), Св. Владимира 2-й ст. (10.04.1916), Белого Ора (14.03.1917) // Сайт «Офицеры РИА» [Электронный ресурс]. — URL: Маркс_Никандр_Александрович (дата обращения: 22.11.2020).
- 12 Разведчик. 1911. № 1085. С. 510.
- 13 Учебно-исторический музей Офицерской кавалерийской школы. Несколько слов о значении и устройстве хранилищ полковой старины и об Учебно-историческом музее Офицерской кавалерийской школы // Вестник русской конницы. 1913. № 21—22. С. 825.
- 14 Вестник русской конницы. 1913. № 21—22. С. 825.
- 15 Там же.
- 16 Разведчик. 1911. № 1094. С. 655.
- 17 Вестник русской конницы. 1913. № 21—22. С. 825.
- 18 Там же. С. 828.
- 19 Там же. С. 826.

- ²⁰ Там же. С. 828.
- ²¹ См. *Полужтов И.Б., Юсупова С.Н.* Указ. соч.
- ²² *Петровский А.А.* Александрийский 5-й Гусарский Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. Краткая история. Рукопись. С. 61, 64 // Коллекция документов Музея 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка (г. Самара).
- ²³ Там же. С. 77.
- ²⁴ *Бодиско В.В.* Знамя лейб-гренадер // Кадетская переключка. 1981. № 29. С. 52—53.
- ²⁵ *Вельмин А.* Памяти С.А. Топоркова // Русская мысль. 1961. № 1638.
- ²⁶ Выявлено 6 ед. хр.: инв. № 13116, 13188, 28795, 28796, 71835, 284776.
- ²⁷ В том числе изображение князя Валериана Мадатова, а также исполненный масляной краской портрет бывшего первого командира полка Александра Петровича Тормасова (впоследствии главнокомандующего 3-й Резервной Армией в войне 1812 года). А.П. Тормасов изображен поколенно в форме Александрийского легкоконного полка.
- ²⁸ Переданы в Военно-исторический экспозиционный отдел Дома офицеров Самарского гарнизона на ответственное хранение.
- ²⁹ Высочайший приказ по военному ведомству от 6 декабря 1907 года // Вестник русской конницы. 1907. № 23. С. 1041.
- ³⁰ Горлов Александр Павлович (1830—1905). Генерал-лейтенант, инспектор местных arsenалов и совещательный член артиллерийского комитета. Образование получил в Михайловском артиллерийском училище и в его офицерских классах, откуда в 1848 г. выпущен в гвардейскую конную артиллерию подпоручиком. С 1851 г. занимал должность ученого секретаря в бывшем военно-ученом комитете, а затем в выделенном из него техническом комитете главного артиллерийского управления, 1867 г. назначен членом этого комитета. С 1868 г. состоял военным агентом сначала в США, где за отличие был произведен в генерал-майоры, а затем с 1873 г. в Лондоне, до своего назначения в 1882 г. инспектором местных arsenалов. В 1880 г. произведен в генерал-лейтенанты. Принимал самое деятельное участие в усовершенствовании вооружения русской армии, как артиллерийского, так и ручного, и занимался научной разработкой некоторых отделов теории артиллерии. В 1864 г. получил Михайловскую премию за сочинение «О законах движения артиллерийских снарядов в канале нарезного оружия»; содействовал введению в русской армии нарезных стальных орудий, заряжаемых с казны. Горлов получил предписание изыскать подходящий образец малокалиберной винтовки, результатом чего и было принятие в 1867 г. для вооружения наших стрелковых частей 4,2-линейной винтовки Бердана № 1, переработанной Горловым совместно с изобретателем и с делопроизводителем артиллерийского комитета капитаном Гунниусом. По инициативе Горлова приняты на вооружение револьверы Смита и Вессона. В 1874 г. ему было поручено разработать вопрос об улучшении образцов холодного оружия, и результатом его работы стало принятие выработанной Горловым шашки образца 1881 г., которая состояла на вооружении нижних чинов кавалерии и артиллерии, а также офицеров всей армии. В 1882 г. на Пермском и Златоустовском заводах Горлов организовал производство шашечных клинков. В 1886 г. Горлов по расстроенному здоровью вышел в отставку // Сайт «Междуна-

- родная военно-историческая ассоциация» [Электронный ресурс]. URL: Горлов, Александр Павлович, генерал-лейтенант Международная военно-историческая ассоциация (imha.ru) (дата обращения: 11.05.2021).
- ³¹ Высочайший приказ по военному ведомству от 6 декабря 1907 года // Вестник русской конницы. 1907. № 23. С. 1041.
- ³² 11 августа 1875 г. взамен штандарта, пожалованного 6 апреля 1830 г., вручен полковой Георгиевский штандарт с надписями: «1775—1875», «За отличие в Турецкую войну 1828 года», с Александровской юбилейной лентой, на которой в три ряда нанесены надписи: «1775 г. — ДРАГУНСКИЙ ПОЛК СИБИРСКАГО КОРПУСА», «1776 г. — МАКЕДОНСКИЙ И ДОЛМАЦКИЙ», «МОСКОВСКИЙ ГРАФА САЛТЫКОВА ГУСАРСКИЙ».
- ³³ Вестник русской конницы. 1913. № 21—22. С. 828.

М.А. Виноградов

Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения И.Е. Забелина. Образовательная программа к выставке

Весной 2020 г. музей школы № 1797 «Богородская» представил первый выставочный проект, посвященный истории исторической науки. Начало этому направлению в экспозиционной деятельности, позволившему расширить образовательный потенциал школьного музея, было связано с выставкой, отражающей жизненный путь и научную значимость трудов знаменитого отечественного историка Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879)¹.

В сентябре 2020 г. был реализован следующий выставочный проект, посвященный памяти выдающегося историка и музейного деятеля Ивана Егоровича Забелина (1820—1908), имя которого не известно ученикам средней школы. На выставке к 200-летию со дня рождения И.Е. Забелина демонстрировались экспонаты, отражающие жизнь, научную и музейную деятельность корифея отечественной исторической науки, ставшего одним из основателей Исторического музея в Москве. Среди них прижизненные издания трудов Забелина. В книге «Древности. Труды Московского археологического общества», изданной в 1873 г., были опубликованы материалы для археологического словаря, подготовленные группой авторитетных специалистов, в состав которой входили И.Е. Забелин и А.С. Уваров². В «Археологических известиях и заметках, издаваемых Императорским Московским Археологическим обществом» (1895, № 2—3), также показанных на выставке, содержалась статья И.Е. Забелина «Следы литературного труда Андрея Боголюбского»³.

В газете «Русские ведомости» за 1 января 1909 г., включенной в экспозиционное пространство, находились некролог и мемориальная статья Д.Н. Анучина, обозначившего основные вехи жизненного пути и обобщившего заслуги «старейшего из русских историков»⁴.

Одним из центральных экспонатов выставки стал портрет выдающегося ученого (фототипия «Шерер, Набгольци К^о» и фак-

симиле с его автографом) из «Отчета императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за XXVлет (1883—1908)»⁵. Само издание также было представлено на выставке. Оно содержит ряд материалов, посвященных «отцу-основателю» Исторического музея на Красной площади: его завещание 1905 г. с комментарием дочери М.И. Забелиной, список печатных трудов ученого за 1842—1908 гг., текст речи В.Н. Щепкина «Забелин как историк русского искусства». Образовательная программа к выставке, посвященной памяти И.Е. Забелина, крупнейшего специалиста в области истории быта наших предков, включала несколько мероприятий. В день рождения выдающегося историка, 29 сентября, ученики 10 класса приняли участие в конференции, к открытию которой была издана программа с изображением иконы «Василий Блаженный и благоверный царевич Дмитрий Угличский и Московский» (дизайн разработан в ГИМ).

Старшеклассники в рамках конференции акцентировали внимание аудитории на крупнейших фактах биографии выдающегося историка и его научных открытиях, а также детально рассмотрели экспонаты выставки, состоявшейся в школьном музее. В своем выступлении А. Соколова проанализировала некролог, опубликованный Д.Н. Анучиным в «Русских ведомостях» за 1 января 1909 г.⁶ Выдающийся исследователь Дмитрий Анучин, характеризуя многогранную жизнь и деятельность И.Е. Забелина, допустил ошибку. Описывая работу Ивана Егоровича в только что основанном музее на Красной площади, Д.Н. Анучин отмечал, что «он стал главным сотрудником покойного графа А.С. Уварова, по смерти которого в 1883 г. занял пост товарища председателя Императорского русского Исторического музея». Следует отметить, что выдающийся археолог и первый директор Исторического музея скончался в конце 1884 г., а И.Е. Забелин сменил его на этом посту только в апреле 1885 г.⁷ Год, на который ссылается Д.Н. Анучин, является датой открытия музея для посетителей, первым из которых стал император Александр III.

И. Боровков проанализировал в своем докладе завещание И.Е. Забелина, опубликованное в отчете Императорского Российского исторического музея в 1916 г.⁸ Еще в 1870-е гг., оставляя своей семье библиотеку и денежные сбережения, Иван Егорович просил выделить сумму «на устройство постоянных переводов на русский язык классических книг». В конце 1880-х гг., перенеся тяжелую болезнь, директор музея повторил свою просьбу финансирования переводов греческих и латинских писателей, а также средневековых географов. Как известно, Забелин не владел древ-

ними языками, но указанную работу считал для себя «самым приятным памятником», выделив на нее в 1907 г. 30 000 руб. 26 марта 1905 г. Иван Егорович составил подробное завещание, в котором предусмотрел целый ряд мемориальных мероприятий: передачу личной библиотеки в распоряжение Исторического музея, издание каталога своих научных трудов и собранной им коллекции рукописей, сборника статей и публикацию писем. Своими наследниками престарелый историк объявил Исторический музей и дочь Марию Ивановну, которая по устному распоряжению отца должна была передать музею и все накопленные им денежные средства. Жизнь Забелина не может не восхищать потомков. Родившись в семье бедного чиновника в Твери и испытав голодное детство, он совершил на научном поприще головокружительную карьеру, дослужившись до чина действительного тайного советника, пожалованного ему незадолго до смерти императором Николаем II. Особого внимания заслуживает и семья Ивана Егоровича: жена Мария Петровна (1821—1882), а также дочери Анастасия (1849—1896) и Мария (1851—1920) помогали великому историку в его ученых трудах и обеспечивали благоприятный климат в доме. Вплоть до кончины в 1920 г. Марии Ивановны, младшей дочери историка, семья Забелиных полностью отдавала себя служению Историческому музею. Все, что было у нее, досталось музею на Красной площади.

Портретную галерею Забелина представила в своем сообщении А. Бирюкова. Живописные портреты работы В.О. Шервуда (1871), И.Е. Репина (1877) и В.А. Серова (1892) были рассмотрены в хронологической последовательности. Если творчество двух последних живописцев хорошо известно ученикам старшей школы, то деятельность Владимира Осиповича Шервуда, автора наиболее раннего портрета, нуждалась в отдельном комментарии. Именно Шервуд, талант которого проявился в живописи, скульптуре и архитектуре, был автором проекта здания Исторического музея. И.Е. Забелин, став свидетелем строительства музейного здания на Красной площади, был против проекта Шервуда, но не смог помешать его реализации⁹. Портретная галерея Забелина не ограничивается живописными работами, исследованию подлежат и фотографии знаменитого историка, в том числе копия фототипии с автографом ученого, о которой говорилось выше.

Доклад С. Ясюнас «Печатные труды Забелина: этапы научного творчества и тематика исследований» был основан на библиографическом списке 1916 г., для составления которого использовался ряд источников: записи покойного историка, сведения М.И. Забелиной, указатель Д.Д. Языкова, оглавления журналов и каталоги

библиотек¹⁰. Этот список открывается первой научной работой Ивана Забелина «Несколько слов о богомольных царских походах» (1842) и заканчивается последней — «Трон, или Царское место Грозного в Московском Успенском соборе» (1908) Печатные работы И.Е. Забелина, создаваемые на протяжении почти семидесяти лет, охватывают необычайно широкий круг тем и эпох. Особое место в научном наследии Забелина занимают монографии: «Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России» (1853), «О металлическом производстве в России до конца XVII века» (1853), «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях (1862)», «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях (1869)», «Кунцево и древний Сетунский стан» (1873), «Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время» (1883), «Русское искусство: Черты самобытности в древнерусском зодчестве» (1900), «История города Москвы» (1902).

А. Вареник в своем выступлении рассмотрела статью И.Е. Забелина «Следы литературного труда Андрея Боголюбского», опубликованную в «Археологических известиях и заметках» в 1895 г. В этом исследовании, анализирующем «драгоценный литературный памятник XII века», Иван Егорович предполагал, что князь Андрей мог участвовать в создании «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божией Матери». Пять из десяти представленных в нем чудес совершились по молитве князя и в его присутствии. Историк обращает особое внимание на титул царя, присвоенный князю в первых строках. По мнению Забелина, это обстоятельство можно объяснить влиянием политических событий XVI в., отразившихся на интерпретации реалий XII столетия.

Речь В.Н. Щепкина «Забелин как историк русского искусства» привлекла внимание Н. Филимоновой. По мнению современника и собеседника, «Забелин никогда не теряет из виду главные создающие силы русского искусства — преданность религиозной идее, удивительную ремесленную талантливость и орнаментальную эмоциональность русского человека»¹¹. Иван Егорович полагал, «что постоянные церковные запреты не дали русской архитектурной фантазии ни в дереве, ни в камне исчерпать всего богатства возможных комбинаций архитектурного узорочья»¹².

Истории Москвы, как одной из важнейших тем научного наследия Забелина, был посвящен семинар в профильной группе 10 класса. Для обсуждения была выбрана статья «Москва» из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (автор исторического очерка — И.Е. Забелин, географического — А.Ф. Селиванов)¹³. Старшеклассники обсудили вопросы, затронутые в конце

XIX в. специалистами: время превращения Москвы в город, тяжба Москвы и Твери в XIV в., начало каменного жилого строительства в Москве и причины его непопулярности, преобразования Петра Великого и облик первопрестольной, температурные рекорды, а также время появления водопровода и электричества в городе.

Для пятиклассников в рамках предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» состоялось учебное занятие, посвященное памяти замечательного историка и патриота России. Просмотр и обсуждение передачи о жизни и деятельности И.Е. Забелина из цикла «Отцы-основатели ГИМ», созданного сотрудниками Исторического музея, сделали программу мероприятий более интересной.

Во время подведения итогов мемориальных мероприятий ученики 5 и 10 классов поблагодарили организаторов за уникальную возможность работать в школьном музее с подлинными изданиями рубежа XIX—XX вв., освещающими различные аспекты жизни и творческого пути И.Е. Забелина.

Выставка в школьном музее, посвященная 200-летию со дня рождения И.Е. Забелина, а также образовательная программа к ней, позволили открыть для школьников имя выдающегося ученого, без которого невозможно представить себе эпоху расцвета исторического знания и музейного дела в Российской империи.

- ¹ *Виноградов М.А.* Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения С.М. Соловьева // С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка. М., 2020. С. 281—286.
- ² *Материалы для археологического словаря // Древности. Труды Московского археологического общества.* М., 1873. Т. III. С. 1—50.
- ³ *Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского // *Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским археологическим обществом.* 1895. № 2—3. С. 37—49.
- ⁴ *Русские ведомости.* 1 января 1909 г. № 1. С. 1, 2.
- ⁵ *Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет (1883—1908).* М., 1916.
- ⁶ *Анучин Д. И.Е. Забелин (1820—1908) // Русские ведомости.* 1 января 1909 г. № 1. С. 2.
- ⁷ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 177.
- ⁸ *Отчет Императорского Российского исторического музея...* С. 19—22.
- ⁹ *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 173—175.
- ¹⁰ *Отчет императорского Российского исторического музея...* С. 23—34.
- ¹¹ Там же. С. 45.
- ¹² Там же. С. 47.
- ¹³ *Забелин И.Е., Селиванов А.Ф.* Москва // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. XIXа (38). СПб., 1896. С. 927—944.

Список сокращений

- ВВ — Византийский временник
ГАОО — Государственный архив Орловской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ им. А.С. Пушкина — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
МАИ — Московский археологический институт
МАО — Московское автомобильное общество
МАО — Московское археологическое общество
МВД — Министерство внутренних дел
МДС — Московская духовная семинария
МНПК — Межрегиональная научно-практическая конференция
МТХ — Московское товарищество художников
НМИУ — Национальный музей истории Украины (Киев)
ОКФ — отдел книжного фонда (ГИМ)
ОПИ ГИМ — отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РИМ — Российский исторический музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
УОХМ — Ульяновский областной художественный музей
ЦАМ — Церковно-археологический музей Киевской духовной академии
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

Часть первая

Иван Егорович Забелин. Научная и общественная деятельность

- Г.Р. Наумова.* Иван Егорович Забелин — лицо эпохи. 4
- Э.В. Шульгина.* Памятники паломнической литературы в собрании
И.Е. Забелина отдела рукописей ГИМ 9
- Г.К. Шуцкая.* И.Е. Забелин о московских боярских дворах предков Романовых. . . 20
- С.Ю. Шокарев.* Некрополь средневековой Москвы в трудах и «Материалах
для истории, археологии и статистики города Москвы» И.Е. Забелина 30
- П.Б. Ермолов.* Забелины в Царицыне 47

Часть вторая

Источникведение

- К.А. Аверьянов.* Московские «трети» XIV—XVI веков 62
- Е.И. Серебрякова.* О двух лицевых рукописях «Христианской топографии»
Козмы Индикоплова из собрания Е.В. Барсова: к уточнению атрибуций . . . 67
- Е.В. Уханова.* Новые атрибуции лицевого Евангелия начала XVI века
из собрания графа А.С. Уварова 84
- Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева.* «Честь быть россиянином. Неизвестные
автографы 1770-х–1810-х годов из собрания Исторического музея»:
к истории издания 97
- Г.Н. Ульянова.* Охотный ряд в Москве: товары, цены, состав торговцев.
Первая половина XIX века. 117
- И.В. Белозерова, М.В. Фалалеева.* Щербатовы — последние владельцы
усадьбы Братцево, и их гости (по материалам из собрания ГИМ). 140
- С.А. Матвеев.* Лев Михайлович Сухотин как археограф. 160
- Н.В. Горбушина.* Во главе отдела. Материалы к биографии Елены
Ивановны Самгиной-Голубцовой 169
- О.В. Доронина.* Всенародный колхозный университет: материалы
Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939—1941 годов
в собрании Исторического музея. 190
- Д.Я. Кондратенко.* Письма на фронт в годы Великой Отечественной
войны из фонда отдела письменных источников Исторического музея.
По материалам Авиации дальнего действия 210
- Н.Н. Чевтайкина.* Семейные архивы — важнейший источник по истории XX века.
Архив семьи Аметистовых — Зименковых в собрании ГИМ. 232

<i>Л.В. Инджия.</i> Запуск первого искусственного спутника Земли и создание станций визуально-оптических наблюдений за спутниками в 1957—1967 гг. в СССР: по материалам из собрания ГИМ	256
---	-----

Часть третья

Изобразительное искусство

<i>Л.П. Тарасенко.</i> Таблетка с изображением Тихвинского монастыря из собрания ГИМ	282
Ю.А. Грибов. Нидерландские копии «Малых страстей» Альбрехта Дюрера в оттисках конца XVII — начала XVIII в. из фондов ГИМ	294
<i>З.В. Тетермазова.</i> К вопросу о бытовании портрета Екатерины II на шелке из собрания Государственного исторического музея	310
<i>Е.И. Иткина.</i> Неизвестный комплекс гравюр Х.Г. Гейслера. Драматическая страница сотрудничества художника с академиком П.С. Палласом	321
<i>Е.М. Букреева.</i> Атрибуция живописных портретов из Музея 1812 года в собрании Государственного исторического музея	336
<i>Е.М. Букреева, А.В. Уборский, Э. Умбрашко.</i> Два портрета Федора Васильевича фон Дризена в собрании Государственного исторического музея	350
<i>Е.В. Калашникова.</i> Новая атрибуция рисунков А.Ф. Чернышева из собрания Ульяновского областного художественного музея	361
<i>М.Н. Глашкина.</i> Источники вдохновения Елены Поленовой	376

Часть четвертая

Декоративно-прикладное искусство

<i>О.В. Молчанова.</i> Иконографические особенности воспроизведения графических и живописных образцов в памятниках прикладного искусства XVI в.: живописная лиможская эмаль	388
<i>О.Е. Кузьменко.</i> Ковер «Отступление Наполеона из Москвы» фабрики мебельных материй братьев Балакиных в Москве из собрания Исторического музея	404
<i>М.В. Плотникова.</i> Произведения А.Я. Чушкина на юбилейной выставке к 100-летию Отечественной войны 1812 года в Историческом музее	411

Часть пятая

Музейное дело

<i>Н.Н. Мальшева, Т.Г. Сарачева.</i> «Дорогие памятники древнего Русского строительного искусства»	424
<i>М.А. Важкая.</i> Наследие Михаила Ивановича Чуванова (1890—1988)	452
<i>Н.И. Демирова.</i> Деятельность П.К. Симони в Историческом музее: малоизвестная страница истории музея и его собрания	463
<i>И.Б. Полуэктов, С.Н. Юсупова.</i> Сохранение исторической памяти о воинских частях Русской императорской армии в региональных музейных коллекциях ((на примере музея 5-го гусарского Александрийского полка, г. Самара)	473
<i>М.А. Виноградов.</i> Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения И.Е. Забелина. Образовательная программа к выставке	490
Список сокращений	495

ГИМ 150 ЛЕТ

Научное издание
Труды Государственного исторического музея
Выпуск 219

Забелинские научные чтения — 2020

Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры

Редакционно-издательский отдел ГИМ
Заведующая *Г.В. Лемигова*
Редакторы *О.Б. Афанасьева, С.В. Ахметзянова,*
Е.А. Князева, С.Н. Романова, И.И. Русецкая
Художник *А.Н. Белов*

ISBN 978-5-89076-447-8

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
109012, Москва, Красная площадь, д. 1

Книги и сувениры
Исторического музея
можно приобрести
в интернет-магазине:
shop.shm.ru

